СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ДОННУ

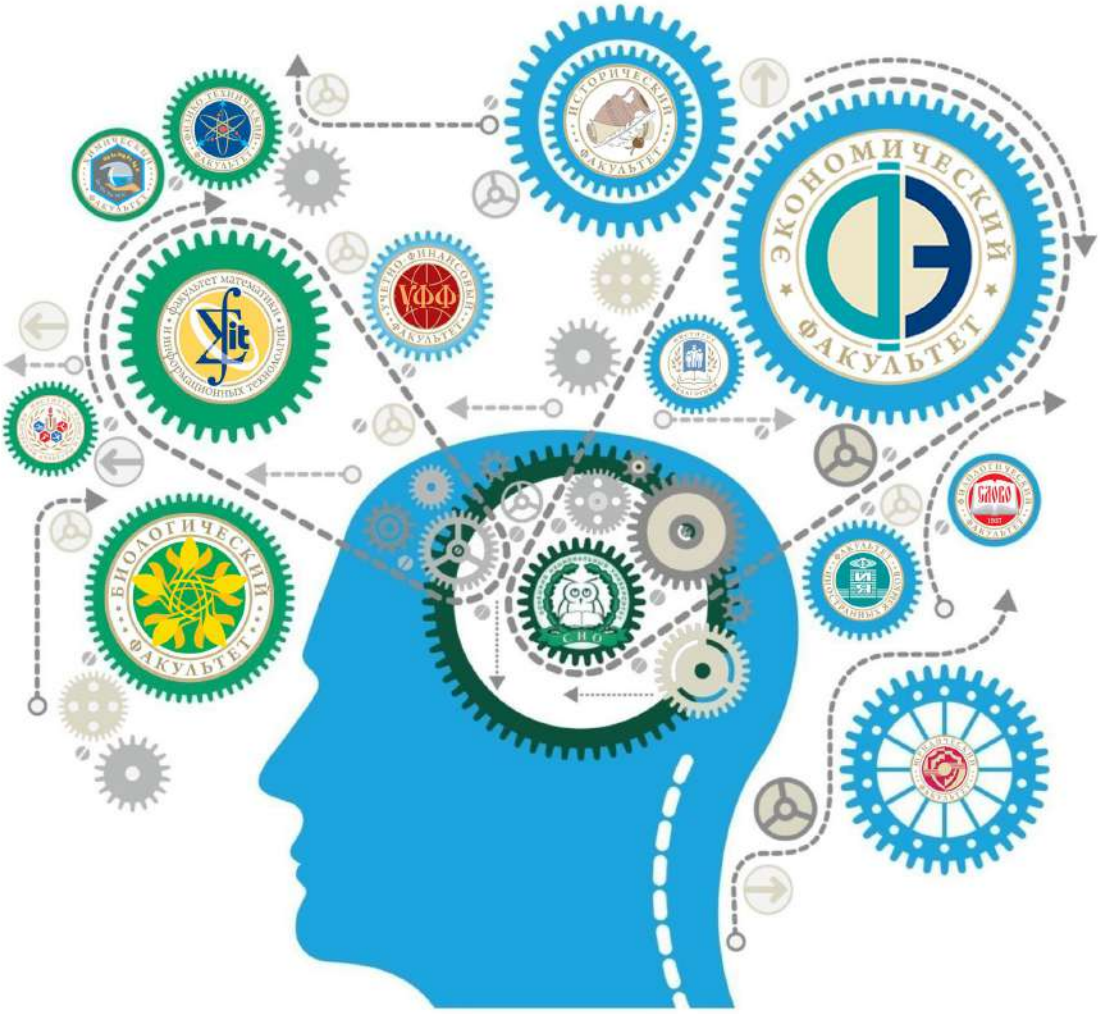
ISSN 2522-4824

ВЕСТНИК СНО

ВЫПУСК 15

ТОМ 4:

Юриспруденция



Донецк 2023

ISSN 2522-4824

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО**

ВЕСТНИК

СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ГОУ ВПО «ДОННУ»

ВЫПУСК 15

ТОМ 4

Юриспруденция

Часть 1

Донецк – 2023

ББК У.я52
УДК 378:33(05)

Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». – Донецк: ДОННУ, 2023. – Вып. 14, том 4: *Юриспруденция, часть 1. – 385 с.*

Редакционная коллегия
Вестника студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Главный редактор – *Сторожев В.И.*, д-р техн. наук, профессор, проректор
Зам. главного редактора – *Дегтярев С.В.,* председатель Совета СНО
Ответственный секретарь – ***Самарёва Т.Н.***
Технический редактор – ***Ярошенко А.К.***

Члены редакционной коллегии:

Третьяков И.А., канд. тех. наук, доцент
Ветрова Е.С., докт. филол. наук, профессор
Бурляй А.С., ассистент
Разумный В.Н., к. ист. наук, доцент
Сафонов А.И., канд. биол. наук, доцент
Олейникова А.В., старший преподаватель
Воробьева Ю.С., старший преподаватель
Химченко А.Н., канд. экон. наук, доцент
Щепин Н.Н., канд. физ.-мат. наук, доцент
Щепина Н.Д., канд. хим. наук, доцент

В пятнадцатом выпуске ежегодного сборника (в 4 томах) опубликованы результаты научных исследований студентов ГОУ ВПО «ДОННУ» в области естественных (том 1), социально-гуманитарных (том 2 в 3-х частях), экономических (том 3) и юридических наук (том 4 в 2-х частях). Работы печатаются в авторской редакции, максимально снижено вмешательство в структуру отобранных материалов. *Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей*. Редакционная коллегия не несет ответственность за достоверность информации, представленной в рукописях, и оставляет за собой право не разделять взгляды некоторых авторов на те, или иные вопросы.

Вестник СНО включен в Аналитическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), номер договара № 452-11/2018.

Адрес редакции:
283001, г. Донецк, пр-т Гурова, 14, гл. корпус ДОННУ, к. 215;
Тел.: +7(856) 302-92-26;
E-mail: sovet_sno@donnu.ru
URL: http://donnu.ru/science/sno

Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «ДОННУ»,
протокол № 3 от 31.03.2023 г.

© ГОУ ВПО «ДОННУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Аврамишина А.В. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ 6
Александрова В.Р. ВОЗМЕЩЕНИЕ РАСХОДОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ 10
Алтухова А.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 13
Аносова Я. Н. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕАЭС: РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 18
Артемова Н.А. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВА НА ЗАНЯТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ 22
Артемова Н.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВИДЕ ОТКАЗА СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ 26
Базака В. В. ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА 31
Безногова Е.М. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 35
Варга С.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ 40
Вербицкая А.Ю. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В НОРМАТИВНУЮ ПРАКТИКУ ПОНЯТИЯ НЕЭТИЧНОЙ РЕКЛАМЫ 46
Верниченко Д.А, ДОГОВОР КРЕДИТОВАНИЯ В РФ И ДНР 50
Галинтовский М.И. ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА РЕАДМИССИИ 54
Гокунь Ю.С. ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ 56
Голубев Д.Е. ПОНЯТИЕ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ НАЕМНИЧЕСТВА 60
Грынь Э.А. АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ФРАНЧАЙЗИНГА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 65
Довжик М.В. НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ЗАВЕЩАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 70
Дюсебаева А. П. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ УСЛУГИ СВЯЗИ 77
Емельянова А.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 82
Журавлёва А.Л. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ 84
Заблоцкая Д.А. МЕДИАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ 88
Квачева К.И. СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ 92
Клевцов В.С. К ВОПРОСУ О ВИДАХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 96
Ковалевич Т.С. ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ СУБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 101
Ковальчук А.О. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 106

Кокойло О.Н. ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ 111
Котикова Д.Б. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ГОРОДАХ 115
Кучерук А.А. ГАРАНТИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ 121
Лепшина Е.А. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ БИОТЕХНОЛОГИЙ 125
Лисицина М.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА 131
Логинова И. А. ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 137
Ломтев Д.А. ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 141
Макарова К. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ 146
Малышко Н.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА И ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 150
Марченко А. А. К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ 156
Меркулова Ю.Д. ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 161
Мехдиева Т.Э. К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ 165
Михеенко С.В. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ 169
Мичурина Д. А. ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 175
Моисеенко С.В. ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 181
Мыцыкова М.А, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ГЕНОЦИДОМ 186
Новикова И.А. ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СВОЙСТВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 192
Новосёлова М. С. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 197
Носенко П.Д. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ 202
Панин А. В. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 206
Пантазий Ю.В. ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ 210
Петривная Я. М. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫМ ДЕЛОМ 213
Петрова Е.В. ПРИНЦИП МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ 218

Пикалова В.В. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗАДАЧАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ГОСУДАРСТВЕ 222
Попова Д. С. ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТ. 124 УК РФ «НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ» 225
Примак А.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ 229
Руденко В.П. АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 233
Савицкая Ю.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ 239
Седунова Д.А. ПРОБЛЕМЫ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ УКАЗАННЫХ В ДОГОВОРЕ 244
Селезнёва В.Р. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БАРТЕРНЫХ СДЕЛОК: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ 249
Селянко Я.Е. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ 252
Семенова Е.В. НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖОГО ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ 257
Скляров В.П. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ 261
Скрыбцова Е. И. ПРИВИЛЕГИИ И ИММУНИТЕТЫ ЧЛЕНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ 264
Солоненко К.М. ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ФАКТОР ДЕМОРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА 269
Солоненко К.М. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФИКСАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 274
Сташко Е.А. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНЫХ ФОРМ БЕЗНАЛИЧНОГО РАСЧЕТА 280
Степура А.В. ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ПОДОЗРЕВАЕМОГО 285
Строкат П.А. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ РИЭЛТОРСКИХ УСЛУГ 290
Титов М.А. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОРПОРАЦИИ 295
Тюрина А.В. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА 299
Тюрина А.В. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 303
Украинский Д.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА ПОРУЧЕНИЯ 307
Уткина Д.С. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ 311
Фарафонова В.Ю. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНОГО ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 317
Филин М.В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОНОРСТВА И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ТКАНЕЙ И ОРГАНОВ ЧЕЛОВЕКА 322
Филиппова А.Е. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 326
Харабет А.В. ПОНЯТИЕ НЕЗАКЛЮЧЕННОСТИ ДОГОВОРА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ 330
Холоша А.Д. ПОНЯТИЕ СКУЛШУТИНГА 334

Хоминец А.Д. МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ 340
Чернов Н.К. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА 346
Чернышов П.С. ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 350
Шейка Я. А. ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 354
Шумайлова Ю.А. О ВОПРОСЕ СНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ С ЖИВОТНЫМИ 358
Щедрин Г.Ю. ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 363
Щербаков Д.Г. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩИХ ДОЛГОВ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ СУПРУГОВ 367
Якубенко О. С. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ В. С. СОЛОВЬЕВА НА КОНЦЕПЦИЮ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ 371
Ян Е.В. ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА 375

УДК 343.36

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ

Аврамишина А.В.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов уголовно-правовой характеристики побега (ст. 313 УК РФ) и уклонения от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ). Проанализированы признаки объективной стороны указанных уголовно-правовых деяний, их отличия. Проведен анализ признаков длящихся преступлений, определен момент окончания преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ и ст. 314 УК РФ, сделаны выводы относительно разграничения рассматриваемых составов.
Ключевые слова: побег из места лишения свободы, побег из-под ареста или из-под стражи, уклонение от отбывания ограничения свободы или лишения свободы, уклонение от применения принудительных мер медицинского характера, длящиеся преступления.

Общественная опасность преступлений в виде побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи и в виде уклонения от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера заключается в том, что эти преступления совершаются лицами, которые уже совершили преступление ранее. На практике при квалификации вышеуказанных деяний возникают трудности из-за совпадения некоторых признаков, а, следовательно, для правильности квалификации необходимо четкое разграничение составов преступлений, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Рассматриваемые противоправные деяния (побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера) предусмотрены в Главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления против правосудия». Совершение побега или уклонения от отбывания наказания сопряжено с определенными негативными последствиями, например, аккумулирование материальных ресурсов, направленных на осуществление действий по розыску и задержанию лица, в том числе с привлечение сил личного состава правоохранительных органов, что, конечно, создает трудности для нормального функционирования таких органов. В том числе лица, уклоняющиеся от отбывания наказания или совершившие побег, способны совершать новые преступления, чем создают угрозу и дестабилизируют общественную безопасность [1, с. 26].

В целях разграничения смежных составов, предусмотренных в ст. 313 и ст. 314 УК РФ, следует провести анализ их уголовно-правовых признаков. Так, непосредственным объектом побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, по мнению Друзина А.И., являются общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающие исполнение приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы либо ареста; или обеспечивающие исполнение определения суда о замене обязательных работ или исправительных работ лишением свободы; а также обеспечивающие исполнение определения суда об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. В то время как непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ (невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы) выступают общественные отношения по исполнению обвинительного приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы [2, с. 221].

Следует обратить внимание и на признаки объективной стороны анализируемых противоправных деяний, так, побег характеризуется самовольным и незаконным оставлением места содержания, в свою очередь, уклонение связано с невозвращением в места отбывания наказания, при том, что на законных основаниях их покидал.

В рассматриваемых уголовно-правовых составах немаловажное значение имеет место совершения преступления. Так, побег осуществляется из исправительной колонии, тюрьмы, следственного изолятора и т.д., а уклонение от отбывания наказания совершается в любом месте. Перечень мест лишения свободы приведен в нормах Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В свою очередь, места содержания под стражей приведены в Федеральном законе Российской Федерации от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3, с. 28].

Отличия имеются и во времени совершения анализируемых преступных деяний, побег может иметь место во время содержания под стражей в местах предварительного заключения, или в период отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях. В свою очередь, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы возможно осуществить только во время отбывания непосредственно этого наказания в местах лишения свободы.

Различия по способу совершения также имеются, так, побег может быть совершен только активными действиями, а уклонение – как путем действия, так и путем бездействия в виде противоправного уклонения осужденного лица от исполнения обязанности, возложенной на него законом.

В данных преступлениях субъект является специальным. При совершении побега лицо может быть либо осужденным, либо подозреваемым. В свою очередь, при уклонении от отбывания наказания субъектом может быть только осужденный к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания [2, с. 222].

Рассматривая субъективную сторону деяний, предусмотренных ст. 313 и ст. 314 УК РФ, отметим, что деяния могут быть совершены только с прямым умыслом. Мотивы могут быть самыми различными и не влияют на квалификацию: например, от желания отдохнуть до желания помочь родным. В отношении цели следует сказать, что конкретной цели при осуществлении побега в контексте может не быть, а при уклонении целью выступает непосредственное уклонение от отбывания наказания [2, с. 221].

В юридической науке внимание привлечено к моменту окончания преступлений, предусмотренных ст. 313 и ст. 314 УК РФ. Следует обратить внимание, что, по мнению С.Н. Помниной, побег считается оконченным с момента преодоления лицом «границ» мест лишения свободы и «выхода» из-под контроля представителей правоохранительных органов, то последующие действия осужденного будут квалифицированы как уклонение от отбывания наказания. [4, с. 18]. Данная точная зрения является спорной, поскольку побег не «перерастает» в уклонение от отбывания наказания, так как при уклонении у лица были законные основания покинуть место содержания, однако оно туда не вернулось, при побеге таких оснований у лица нет и оно самовольно покидает место его содержания.

Побег относится к числу длящихся преступлений, момент юридического окончания которого не совпадает с моментом его фактического завершения. Моментом юридического начала преступления и фактического окончания рассматривается момент оставления соответствующего места или выхода из-под контроля соответствующих уполномоченных лиц. Моментом юридического окончания деяния является явка с повинной либо задержание виновного [4, с. 19].

Существует и противоположная позиция, в соответствии с которой побег из мест лишения свободы и из-под ареста длящимся преступлением не является, а заканчивается сразу после оставления мест лишения свободы и ареста.

Так, Н.Г. Иванов иронически указывает, что в случае признания длящимся преступлением побег «надо интерпретировать как некий забег, который может закончиться или тогда, когда бегущего покинут силы, или тогда, когда арбитр выловит его с беговой дорожки» [5, с. 42]. В свою очередь, Н.Ю. Кузнецова и М.И. Бажанов также не считали побег длящимся преступлением, «поскольку его нельзя отождествлять с самим уклонением от отбывания наказания, которое само по себе не наказуемо», а заканчивается сразу после оставление мест лишения свободы и ареста [6, с. 304].

В целях более детального анализа такого преступления, как побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, рассмотрим признаки длящихся преступлений. Такое преступление начинается с какого-либо преступного деяния и совершается в течение продолжительного промежутка времени. Выражается в непрерывном осуществлении оконченного состава определённого преступного деяния. Противоправное деяние сопряжено с невыполнением лицом, возложенных на него обязанностей. Заканчивается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления (например, явка с повинной), или наступления событий, препятствующих дальнейшему осуществлению преступления (например, задержание органами власти). Особенность длящихся преступлений заключается в том, что общественная опасность лица, их совершающего, сохраняется в течение длительного промежутка времени [7, с. 91].

В соответствии с вышерассмотренными признаками можно сказать, что побег из места лишения свободы соответствует всем перечисленным характеристикам. Побег имеет тесную связь с неисполнением приговора суда об отбывании наказания в виде лишения свободы, что по своей сути нарушает правосудие с момента окончания побега и последующего нахождения вне места лишения свободы, в том числе происходит и уклонение от отбывания наказания. Следовательно, побег относится к категории длящихся преступлений, а последующие действия лица связываются с этим же общественно опасным деянием, а не с уклонением от отбывания наказания, предусмотренного ст. 314 УК РФ.

В качестве примера судебной практики проанализируем приговор № 1-206/2017 Ленинский районный суд города Санкт-Петербург. Согласно материалам приговора подсудимый совершил побег из-под стражи при следующих обстоятельствах. 09.02.2017 года по приговору районного суда Санкт-Петербурга осужден к 5 годам лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима и заключенным под стражу в зале суда с содержанием до вступления приговора в законную силу в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Однако вновь совершил умышленное преступление в этот же день. Так, с 15 часов 15 минут до 15 часов 30 минут, имея умысел на совершение побега из-под стражи, воспользовался отсутствием внимания со стороны судебных приставов по ОУПДС Управления ФССП России по Санкт-Петербургу, самовольно освободился от наручников, спустился на первый этаж здания суда, прошел через турникет поста охраны и беспрепятственно покинул здание районного суда. Соответственно, умышленно совершил побег из-под стражи и находился на свободе в неустановленном дознанием месте вплоть до 20 часов 00 минут следующего дня. Таким образом, можно установить, что побег из-под стражи имел место с 15 часов 15 минут 09.02.2017 года и длился до 20 часов 00 минут 20.02.2017 года, то есть до момента добровольной его явки с повинной в УМВД России. Подсудимый вину в совершении преступления признал полностью, раскаялся в содеянном, в материалы дела представлен протокол его явки с

повинной, что является смягчающими наказание обстоятельствами. Суд признал виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ, и назначил ему наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы [8].

Таким образом, вопросы отграничения смежных составов имеют значимую роль на практике при квалификации противоправных деяний. От квалификации общественно опасного деяния прямо зависит вид и размер наказания, которое будет применяться к лицу, совершившему преступление, а также характер соответствующих правовых последствий. Преступления, предусмотренные статьями 313 и 314 УК РФ, разграничиваются по непосредственному объекту, признакам объективной стороны и субъекту преступления. В соответствии с рассмотренными признаками длящихся преступлений установлено, что побег относится к категории длящихся преступлений и не «перерастает» в уклонение от отбывания наказания, так как при побеге у лица нет законных оснований для покидания места содержания и данное лицо покидает его самовольно, в то время как при уклонении законные основания были, однако лицо не вернулось в место содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милехин В.А., Трунцевский Ю.В. О совершенствовании уголовной ответственности за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стажи // Российский следователь. 2015. С. 25-28.
2. Никишова П.М. Разграничение побега (ст. 313 УК РФ) и уклонения от отбывания лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ) // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». 2019. С. 220-222.
3. Антонов Т.Г. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 313 и ст. 314 УК РФ // Вестник Кузбасского института. 2011. С. 28-29.
4. Помнина С.Н. Квалификация побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) // Актуальные вопросы права, экономики и управления: проблемы и пути решения. 2016. С. 16-25.
5. Иванов Н.Г. Давность привлечения к уголовной ответственности за «длящиеся преступления» и время совершения преступления // Уголовное право. 2019. № 1. С. 38-44.
6. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – М.: «Городец», 2007. 336 с.
7. Лагерева Н.А. К вопросу об особенностях конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ // Электронный научный журнал. 2016. С. 88-92.
8. Приговор суда по ч. 1 ст. 313 УК РФ № 1-206/2017: побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи [Электронный ресурс]. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-313-uk-rf-pobeg-iz-mesta-lishenija-svobody-iz-pod-aresta-ili-iz-pod-strazhi/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-313-uk-rf--1-2062017--pobeg-iz-mesta-lishenija-svobody-iz-pod-aresta-ili-iz-pod-strazhi.html (дата обращения: 12.02.2023).

ON THE ISSUE OF THE DIFFERENTIATION OF SOME RELATED CRIMES RELATED TO THE EXECUTION OF THE PRESCRIBED PUNISHMENT

Annotation. The article is devoted to the study of the issues of the criminal law characterization of the escape (Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation) and evasion from serving imprisonment (Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation). The signs of the objective side of these criminal acts, their differences are analyzed. The analysis of the signs of continuing crimes was carried out, the moment of the end of the crimes provided for in Art. 313 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 314 of the Criminal Code of the Russian Federation, conclusions are drawn regarding the distinction between the compositions under consideration.
Keywords: escape from a place of deprivation of liberty, escape from arrest or custody, evasion from serving a restriction of liberty or imprisonment, evasion from the use of coercive medical measures, ongoing crimes.

Avramishina A.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: avramishinaa@mail.ru

УДК 347.918

ВОЗМЕЩЕНИЕ РАСХОДОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Александрова В.Р.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В современных сложных социально-экономических условиях процедура признания банкротства зачастую является единственными выходом, как для юридических, так и для физических лиц. Однако, для реализации данной процедуры необходимо понести определенные расходы, ложащиеся согласно нормам законодательства, на самого должника. Поэтому лишь рассмотрение проблем практики реализации процедуры банкротства может помочь сделать данное мероприятие наиболее эффективным для всех сторон процесса.
*Ключевые слова: б*анкротство, юридические лица, физические лица, возмещение расходов, должник.

Сложная экономическая ситуация, в последние годы закрепившаяся в России, негативно воздействует на положение различных организаций и не способствует их плодотворному развитию. Снижающийся инвестиционный потенциал страны, санкционная политика ряда западных государств, развитые неформальные отношения и коррупция в самой стране усложняют положение. Как следствие, многие из компаний испытывают финансовые трудности, попадают в категорию должников, а значит, нуждаются в разработке плана финансового оздоровления.

Для предприятия, в котором наблюдаются признаки наступления финансового кризиса, которое является должником либо в котором реализуется процедура банкротства, существует ряд процедур, которые могут помочь предприятию преодолеть данные явления. Концепция финансового оздоровления содержит перечень неотложных мер, дающих возможность эффективно диагностировать области «кризисного поля» и избежать формирования и усиления кризисной ситуации. В ходе финансового оздоровления компании главную роль получает выявление и применение внутренних запасов.

Система защитных экономических механизмов при опасности банкротства зависит от масштабов кризисных условий. При простом экономическом кризисе достаточно восстановить текущую экономическую работу, уравновесить и синхронизировать поступление и отток денежных средств. Полный экономический кризис требует абсолютного использования всех внутренних механизмов экономической стабилизации. Само понятие банкротства или несостоятельности регулируется Гражданским кодексом, в соответствии с которым юридическое лицо может быть признано банкротом. Подобное может быть реализовано в том случае, если юридическое лицо не может удовлетворить свои долговые обязательства, возникшие в рамках его деятельности (заработные платы сотрудников, расходы другого рода). Вопросы расходов на проведение процедур банкротства рассматриваются в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

Речь о расходах на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, описывает ст. 20.7 Федерального закона № 127. Расходы на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, осуществляются за счет средств должника, если иное не предусмотрено законодательством. Серди расходов, которые могут быть понесены должником, могут быть:

1) расходы на осуществление почтовых рассылок в рамках мероприятий, необходимых для признания лица банкротом;

2) расходы, связанные с регистрацией прав должника, необходимых для проведений операций по признанию его должником;

3) расходы, связанные с привлечением специалистов, так или иначе задействованных в регистрации прав, документации и иных мер, если это является обязательным в соответствии с законодательством;

4) расходы на судебную деятельность, которая реализуется в рамках процедуры банкротства лица;

5) расходы на опубликование всех необходимых сведений на таких порталах, как Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и др.

В целом, статистика признания юридических лиц банкротами в современной России выглядит следующим образом: 2015 год – 13044 случаев; 2016 год – 12549 случаев; 2017 год – 13541 случаев; 2018 год – 13117 случаев; 2019 год – 12401 случаев [2]. То есть в целом, можно сделать вывод о том, что количество процедур банкротства остаются стабильными, фактически без изменений, несмотря на проводимую государством политики поддержки предпринимательства в стране.

На сегодняшний день нет возможности получить объективную статистику заявлений об отказе в проведении банкротства в связи с отсутствием денежных средств на проведение процедуры. Однако можно выделить основные причины, по которым может последовать отказ в проведении банкротства: отсутствие выплаты вознаграждения финансовому управляющему; неподтверждение должником готовности оплатить судебные расходы; отсутствие документов, подтверждающих финансовую состоятельность для оплаты судебных расходов (для физического лица – личные документы физлица, документы по имеющимся у него долговым обязательствам, документы о финансовом состоянии должника, документы об имеющемся у него в собственности имуществе); отсутствие документов, подтверждающих внесение денег на судебный депозит для выплаты вознаграждения управляющему (физическому лицу необходимо внести 25 тысяч рублей на депозит, в случае невозможности внесения этих средств он должен подать ходатайство в суд).

При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, в отношении отдельных категорий должников регулирующим органом могут быть установлены иные размер и (или) порядок оплаты расходов на проведение указанных процедур. В случае введения в соответствии с нормами законодательства внешнего управления, оплата лиц, привлеченных в качестве управляющего, зависит от размеров активов должника: например, при активах меньше двухсот пятидесяти тысяч оплата будет составлять не более десяти процентов балансовой стоимости активов должника; в свою очередь, при активах больше одного миллиарда рублей оплата услуг лица, осуществляющего внешнее управление, будет составлять не более двух миллионов девятисот девяноста пяти тысяч рублей и одной сотой процента размера суммы превышения балансовой стоимости активов должника над одним миллиардом рублей. Отметим, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ производство по делу прекращается, если имеется вступивший в законную силу, принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт арбитражного суда, суда общей юрисдикции или компетентного суда иностранного государства, за исключением случаев, если арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда. В целом все расходы арбитражного управляющего относятся на имущество должника, при этом некоторые из них возмещаются вне очереди. Это, в частности, все судебные расходы (в том числе госпошлина), расходы на публикацию сведений (например, о введении процедуры наблюдения или прекращения дела о банкротстве), расходы на оплату вознаграждения арбитражного управляющего, а также услуги привлекаемых лиц, если иное не установлено Законом или соглашением с кредиторами. На это указано в п. 1 ст. 59 Закона № 127-ФЗ.

Следует отметить, что в соответствии с современным законодательством, банкротом может быть признано не только юридическое лицо, но и физическое лицо. Основания для признания банкротом и у юридических, и у физических лиц схожи – невозможность выплатить все долговые обязательства перед кредиторами. Расходы, которые несет физическое лицо в рамках признания его банкротом, так же схожи. Гражданин вправе дать согласие на привлечение лиц, обеспечивающих исполнение возложенных на финансового управляющего обязанностей. В этом случае в заявлении о признании гражданина банкротом должен быть указан максимальный размер осуществляемых за счет гражданина расходов финансового управляющего на оплату услуг привлекаемых лиц. Сумма указанных расходов вносится гражданином в депозит арбитражного суда. По ходатайству гражданина арбитражный суд вправе предоставить гражданину отсрочку внесения этой суммы [3].

Среди ключевых проблем практики проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, можно отметить именно факт необходимости возложения расходов по данным процедурам на самого должника. И если в том случае, когда речь идет о банкротстве физических лиц, еще можно говорить о сообразности такого подхода, то в признании банкротом физического лица это зачастую становится проблемой. Гражданин, не способный выполнить свои кредитные обязательства в силу тех или иных причин, вероятнее всего не сможет понести все издержки без серьезного ущерба для своего бюджета. Таким образом, мы получаем замкнутый круг: гражданин не может выплатить долги кредиторам, но в то же время не может инициировать процедура признания его банкротом в силу отсутствия денежных средств, тем самым еще больше усугубляя ситуацию с кредиторами [4].

Подводя итоги, можно отметить, что в целом процедура признания физического или юридического лица банкротом на сегодняшний день достаточно проработана, подкреплена нормативно-правовыми актами разного уровня и в общем реализуется успешно. Однако, как и в других областях социально-экономической жизни, здесь присутствуют определенные проблемы. В частности, представляется спорным обязательство должника нести все экономические издержки самостоятельно, особенно, если речь идет о физическом лице, и без того потерявшим свою платежеспособность. На сегодняшний день, однако, пока не представляется возможным переложить данные обязательства на других субъектов, а значит, данная проблема еще некоторое время будет актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинковский М.А. Банкротство физического лица: первые шаги и трудности // Банковское право. – 2017. – № 2. – С. 34 – 39.
2. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (Банкротстве)» / Под редакцией В. Ф. Попондопуло. – М.: КноРус, 2016. – 203 с.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Портал правовой информации Консультант Плюс
4. Федорова, Г.В. Учет и анализ банкротств: учебное пособие / Г.В. Федорова. – 2-е изд. стер. – М.: Омега – Л, 2008. – 248с.
5. Чиркова, М.Б. Учет и анализ банкротств: учебное пособие / М.Б. Чиркова, В.Б. Малицкая, Е. М. Коновалова – М.: Эксмо, 2008. – 240с.

PROBLEMS OF COST RECOVERY IN THE BANKRUPTCY CASE

Annotation. In today's difficult socio-economic conditions, the bankruptcy recognition procedure is often the only way out, both for legal entities and individuals. However, in order to implement this procedure, it is necessary to incur certain expenses, which, according to the norms of legislation, are borne by the debtor himself. Therefore, only consideration of the problems of the practice of implementing the bankruptcy procedure can help make this event the most effective for all parties to the process.
Keywords: Bankruptcy, legal entities, individuals, reimbursement of expenses, debtor.

Aleksandrova V.
Scientific adviser: Efremova A.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: vlada.vlada.shura.2020@mail.ru

УДК 343.4

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Алтухова А.А.
Научный руководитель: Карпенко Л.К., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается такой состав преступления, как нарушение неприкосновенности частной жизни, предусмотренный статьей 137 УК РФ, а также вопросы уголовной ответственности за данный вид преступного деяния. Особое внимание уделено рассмотрению нарушений неприкосновенности частной жизни в информационном пространстве.
Ключевые слова: частная жизнь, уголовная ответственность, неприкосновенность частной жизни, сеть Интернет, конфиденциальность.

Современная информатизация всех сфер общества делает все более доступными сведения о каждом человеке, поэтому совершенствование правовой регламентации и защиты частной жизни человека, именно, в информационном пространстве приобретает важнейшее значение среди правовых дискуссий. В уголовном праве установлена ответственность за нарушение права на неприкосновенность частной жизни. При этом отдельного внимания заслуживает вопрос охраны частной жизни в информационном пространстве.

В настоящей работе рассматривается право на неприкосновенность человека в Интернете в уголовно-правовом аспекте.

Актуальность исследования заключается в необходимости законодательного регулирования случаев неправомерного пользования информацией о частной жизни человека, хранящейся на интернет-ресурсах и установления уголовной ответственности за такие действия. Целью настоящей статьи является проведение комплексного правового анализа права на неприкосновенность частной жизни и ответственность за ее нарушение, указанное в статье 137 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Методологическую основу составляют общенаучные методы анализа и обобщения нормативно-правовых и эмпирических материалов, с помощью которых рассматривается в уголовном законодательстве РФ современное состояние права на неприкосновенность частной жизни. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе понятия и содержания права на неприкосновенность частной жизни в уголовном законодательстве РФ, а также в выявлении недостаточной защищенности неприкосновенности частной жизни в сети Интернет.

Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны права на неприкосновенность частной жизни граждан подробно рассматривались в научных работах Р. Б. Головкина, В. П. Жеребкина, Б. Н. Кадникова, Е. Е. Калашниковой, В. Ю. Малаховой, Л. Г. Мачковского и других. Однако исследований в области охраны личной жизни в информационном пространстве представляется недостаточным по причине относительно недавнего тотального распространения информационных технологий.

Непрерывное появление новых компьютерных программ и социальных сетей, видов связи и сообщений не всегда положительно сказывается на возможности лица

охранять свои конфиденциальные данные, поскольку появляются новые возможности вторжения в частную жизнь человека [1].

Следует отметить, что на сегодняшний день конфиденциальная информация человека в реальной жизни и в виртуальном пространстве обладает одинаковым правовым статусом. Однако при рассмотрении вопроса о неприкосновенность частной жизни человека появляются некоторые проблемы, так как на законодательном уровне не установлено, что именно следует относить к информации о частной жизни лица.

УК РФ лишь в статье 137 устанавливает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации [2].

Содержание объекта данного преступления состоит из нескольких элементов: фактические отношения человека в сфере его частной жизни и общественные отношения, защищающие личную жизнь от постороннего незаконного вмешательства.

В исследуемой норме указано, что распространение таких сведений может быть произведено в публичном выступлении, в публичной демонстрации произведения, в средствах массовой информации. Эти действия составляют объективную сторону данного преступления. На наш взгляд, здесь следовало бы предусмотреть еще один квалифицирующий признак – распространение сведений в сети Интернет, так как сегодня интернет-площадки занимают лидирующее место среди источников распространения информации.

Состав преступления – формальный. Следовательно, преступление признается оконченным с момента совершения указанных в диспозиции действий, независимо от того, получило ли лицо требуемую информацию и была ли информация распространена.

Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что нарушает неприкосновенность частной жизни, гарантируемой Конституцией, предвидит возможность или неизбежность причинения вреда правам и законным интересам граждан и желает причинить этот вред. Обязательными признаками субъективной стороны также являются корыстная или иная личная заинтересованность.

Существуют различные мнения о том, что относится к частной жизни. Например, правовед И. Р. Диваева считает, что сведения о частной жизни лица, составляют его личную и семейную тайну. К личной тайне она относит информацию о состоянии здоровья, любовные связи, склонности, привычки, физические недостатки, наличие судимостей, увлечения, образ мыслей, деловые и дружеские связи. К семейной тайне, по ее мнению, можно отнести все, что связано с брачными отношениями, воспитанием детей, заботой о ближних, ведением семейного бюджета, семейным укладом [3, с. 86].

Содержанием конфиденциальных сведений, как считает К. В. Майшева, являются данные об определенном человеке, дающие возможность третьим лицам создать знания о личностных качествах, внешности, состоянии здоровья, доходов, семейном положении, образе жизни, или единичном факте из биографии и т. д., которые не затрагивают публичные и трудовые сферы деятельности. К данным, размещенным в Интернете, также актуальна такая точка зрения, однако она дополняется правом лица самостоятельно определять, когда, как и в каком объеме информация о нем может передаваться третьим лицам [4, с. 30].

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая

относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [5]. Несмотря на это многие суды испытывают трудности в правоприменительной практике при рассмотрении дел о неприкосновенности частной жизни.

Считаем, для единообразного применения статьи 137 УК РФ целесообразно Пленуму Верховного Суда РФ дать разъяснения, что такое частная жизнь. На законодательном уровне разработать определение понятия «частная жизнь», а также перечень аспектов жизнедеятельности человека, которые будут составлять его частную жизнь.

На наш взгляд перечень сведений, относящихся к частной жизни:

1) факты биографии лица;

2) информация о состоянии здоровья лица;

3) имущественное положение;

4) род занятий и совершенные действия;

5) взгляды, убеждения, отношение к религии и политике;

6) информация об отношениях в семье или об отношениях человека с другими людьми.

Предлагается статью 137 УК РФ дополнить примечанием с определением понятия «частная жизнь» и перечнем сведений, относящихся к ней.

Следует упомянуть случаи, когда действия, указанные в статье 137 УК, не влекут уголовной ответственности. Это может иметь место, если лицо раннее обнародовало информацию о своей частной жизни. Пользователи Интернета часто сами публикуют данные о своей жизни, предоставляя к ним доступ многим лицам, например, указав сведения в социальных сетях или в своем блоге [6, с. 539]. Сведения теряют значение тайны, когда человек, которого они касаются, не желает скрывать их от посторонних. К этому также относятся ситуации, когда информация была распространена с согласия ее правообладателя. Согласие лица – это положительный ответ на просьбу ознакомиться со сведениями, которые могут содержать информацию о его личной жизни.

Сбор сведений о частной жизни лица без его согласия допускается лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом. Эти исключения носят чрезвычайный характер и необходимы для обеспечения интересов безопасности государства, населения, пресечения преступлений. Поэтому не может повлечь уголовную ответственность собирание или распространение сведений о частной жизни человека в государственных, общественных или иных публичных интересах. Такие интересы представляют собой потребности общества в обнаружении и раскрытии угрозы государству и обществу, общественной безопасности, окружающей среде и т.п.

Кроме того, не могут составлять тайну частной жизни лица сведения о его противоправном поведении, поскольку такое поведение причиняет (может причинить) вред или иным образом затрагивает права и интересы других лиц, общества, государства.

Собирание сведений о частной жизни лица в Интернете подразумевает умышленные действия, направленные на получение конфиденциальных данных о конкретном человеке любым способом (например, путем скачивания или копирования информации, входа на личные аккаунты, получения сведений от третьих лиц). Иногда использование изображения гражданина в Интернете без его согласия сопровождается распространением о нем недостоверной информации. Такая информация в дальнейшем может преобразовываться и причинять вред лицу, о котором была распространена информация.

Ключевым моментом, при квалификации рассматриваемого преступления, выступает тот факт, что указанные выше сведения собираются лицом незаконно, без

согласия потерпевшего. Под распространением сведений о частной жизни гражданина понимается сообщение (разглашение) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (например, посредством передачи материалов или размещения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»).

В данном контексте следует обратить внимание на современную тенденцию преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, которая заключается в обработки фотографии человека. Например, при незаконном размещении изображения гражданина в том или ином материале его выдают за лицо, которым он не является, либо публикуют порочащие его сведения. Чаще всего такие фотографии создают с помощью фотошопа. За распространение ложных сведений и тем самым нарушения права на неприкосновенность частной жизни предусмотрена уголовная ответственность. Однако осуществление защиты от распространения такой информации проблемно. В первую очередь, в большинстве случаев в качестве исходной для создания фейка используются публичные фотографии, размещенные по воле изображённого на них лица – например, выложенные в социальной сети или опубликованные в СМИ. В этом случае трудно отследить, каким способом фотография или другая информация оказалась у правонарушителя, а также сложно выявить личность правонарушителя в сети Интернет.

Также при создании информации, нарушающей право на неприкосновенность частной жизни гражданина, могли быть использованы чужие персональные данные, такие как имя, дата рождения, место жительства, место получения образования и любая другая личная информация, которая прямо или косвенно относится к определенному лицу. Такие сведения охраняются законом «О персональных данных». Их распространение без разрешения собственника запрещено [7]. При нарушении указанной нормы вид и форма ответственности будут зависеть от целей, для которых использовались чужие сведения, и злостности допущенного нарушения. Уголовная ответственность наступает, если такие сведения созданы для того, чтобы распространить ложные сведения, порочащие честь и достоинство гражданина и будут квалифицироваться по статье 128.1 УК РФ «Клевета». Если же целью таких деяний является, например, создание страницы-клона, с которой происходит в дальнейшем рассылка сообщений с просьбой срочно одолжить определенную сумму денег, то такое деяние подлежит квалификации по статье 159 УК РФ «Мошенничество».

Совершение рассматриваемого преступления может нанести существенный ущерб правам и законным интересам потерпевшего. Причем такого рода ущерб может быть как моральным, так и имущественным и может выражаться, в первую очередь, в недоверии со стороны других лиц, отказе в приеме на работу или увольнении с нее, в срыве выгодной сделки, в разладах в семье и так далее. Поэтому в уголовном деле предусмотрена возможность подачи гражданского иска о возмещении морального вреда, который может заключаться в нравственных переживаниях в связи с нарушением личной тайны.

Рассмотрение преступления, предусмотренного статьей 137 УК РФ, имеет особенность, которая заключается в том, что вред причиняется различным отношениям, с одной стороны – это отношения, обеспечивающие конституционное право на неприкосновенность частной жизни лица, а с другой – это отношения, обеспечивающие защиту компьютерной информации. В основной массе уголовных дел в случаях, если собирание сведений осуществлялось путем, например, взлома аккаунтов, подбора логинов и паролей, то в приговорах указывалось на совокупность преступлений.

При решении вопроса о наличии в действиях лица состава преступления (нарушение неприкосновенности частной жизни) суду необходимо устанавливать, охватывалось ли его умыслом, что сведения о частной жизни гражданина хранятся им в тайне [8].

Таким образом, в сегодняший момент право на неприкосновенность частной жизни, особенно в сети Интернет, оказалось очень уязвимым и трудно охраняемым. Проблема защиты этого права приобретает особую важность в современном обществе, носящем информационный характер и содержащем угрозы незаконного вмешательства в различные сферы жизни людей, связанные с размещением информации в сети Интернет. Поэтому необходимо сохранить баланс между своевременным внедрением современных технологий обработки данных, интересов общества, государства и защитой прав граждан, включая право на неприкосновенность частной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшенин, А. А. Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет / А. А. Горшенин, И. В. Дубенский. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 19 (205). – С. 279-282. – URL: https://moluch.ru/archive/205/50176/ (дата обращения: 05.02.2022).
2. Уголовный Кодекс РФ [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.02.2023)
3. Диваева, И.Р. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни/И. Р. Диваева//Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 36 (174). – С. 86-90.
4. Майшева, К.В. Содержание права на неприкосновенность частной жизни в сети "интернет"/К.В.Майшева//Плехановский барометр. 2017. №3. – С.73-78.
5. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О // СПС «Гарант».
6. Стяжкина, С.А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица/С.А. Стяжкина// Вестник удмуртского университета. – 2019. – № 29 (4). – С.538-544.
7. Закон Донецкой Народной Республики «О персональных данных» [Электронный ресурс]: https://mininfodnr.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-personalnyh-dannyh/
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 "О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)" [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 06.02.2022).

CRIMINAL LEGAL ASPECT OF THE RIGHT TO PRIVACY ON THE INTERNET

Annotation. The article considers such a crime as a violation of privacy, provided for in article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as issues of criminal liability for this type of criminal act. Particular attention is paid to the consideration of violations of privacy in the information space.
Keywords: privacy, criminal liability, privacy, Internet, confidentiality.

Altukhova A.
Scientific adviser: Karpenko L.K., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: annaaltuhova20@gmail.com

УДК 347.4

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕАЭС: РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аносова Я. Н.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Бесплодие является одной из острых проблемы сферы здравоохранения. Методы его лечения существуют давно, но с каждым днем медицина совершенствует свои технологии, однако право не успевает адаптироваться под изменения и текущее законодательство содержит много пробелов, из-за чего нередко между сторонами возникают споры. В данной статье анализируется законодательство в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, а также делается акцент на существующие проблемы и недоработки. В работе также рассматриваются широко распространённые юридические и морально-этические проблемы данного института. В заключительной части работы автор предлагает внести некоторые изменения и дополнения в законодательство.
Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, правовое регулирование ВРТ, суррогатное материнство, недоработки законодательства

Выбранная тема, затрагивающая вопросы вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) и их правового регулирования, безусловно, является актуальной. Все больше пар во всем мире, в том числе и в странах СНГ, сталкиваются с проблемой бесплодия и его лечения. Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) подтверждает, что более 93 миллионов семейных пар, обращаются в медицинские учреждения для лечения бесплодия. Эти данные подтверждают исследования ученых Калифорнийского Университета. В связи с этим, крупные организации, как государственные, так и частные ежедневно разрабатывают новые методы, стратегии и программы для лечения данного заболевания. однако, правовое поле не успевает охватывать все эти нюансы.

Использование данных методов легально разрешается на территории стран ЕАЭС. Так, в Российской Федерации, в части 3 статьи 55 ФЗ №323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья в РФ» сказано, что «Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство». В этой же статье, в части 1 дано четкое определение, что является вспомогательными репродуктивными технологиями: «Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство».

В Беларуси долгое время в законодательстве вообще отсутствовало правовое регулирование данной сферы правоотношений. Только 7 января 2012 года был принят Закон Республики Беларусь (далее – РБ) «О вспомогательных репродуктивных технологиях», где были закреплены основополагающие правовые и организационные положения, права и обязанности пациентов, гарантии защиты их прав. Согласно статье

1 Настоящего Закона: «ВРТ – это метод оказания медицинской помощи, при котором отдельные или все этапы зачатия и (или) раннего развития эмбриона (эмбрионов) до переноса его (их) в матку осуществляются в лабораторных условиях». Как видим, определения в законодательствах РФ и РБ схожи, однако в РФ дефиниция сформулировано более четко, полно и детально.

Если обратиться к правовым актам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), то можно прочесть, что ВРТ – это все методы лечения или процедуры, которые включают в себя манипуляции in vitro с человеческими ооцитами, спермой и эмбрионами с целью добиться наступления беременности. В определениях ВОЗ и в определении, закрепленном в Законе РФ, четко прописаны цели и способы применения ВРТ. В связи с этим является целесообразным и обоснованным статью 1 Закона о ВРТ РБ усовершенствовать и дополнить.

Так, опираясь на мнения ученых-репродуктологов, можно обобщить, что к методам ВРТ, используемых для лечения мужского и женского бесплодия, относят: искусственную инсеминацию женщины, ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), суррогатное материнство. При этом современная медицина активно использует и более новые методы – рассечение оболочки эмбриона, ИКСИ, ИМСИ, преимплантационная диагностика, о которых нет даже упоминаний в законе. Рекомендуется сделать чёткие указания в законе на те методы, которые разрешаются для применения на территории страны и при необходимости включить в перечень новые методы, а также дать легальное пояснение данным медицинским терминам и указать их либо в этом, либо в отдельном специальном НПА.

Еще одна не менее важная и острая проблема на сегодняшний день, которую часто затрагивают в своих работах цивилисты – это проблема определения правового положения сторон, и, в частности – эмбриона [1, с. 122]. В статье 2 ФЗ №54-ФЗ от 20.05.2002 «О временном запрете на клонирование человека» указано, что «эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель». При все при этом, в законе говорится только о сроке, с которого зародыш считается эмбрионом. Законодатели РФ и РБ не дают четких формулировок о том, является ли эмбрион субъектом правоотношений или объектом, кто имеет права на эмбрион при применении ВРТ и так далее. Особую сложность этот вопрос представляет при применении такой услуги, как суррогатное материнство.

Так, по общему правилу, при рождении ребенка естественным путем родители получают свой правовой статус по факту самого появления ребенка на свет, а когда используются методы ВРТ, где появляется еще третье лицо, в частности – суррогатная мать, этот вопрос усложняется [2, с. 124]. В ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ст. 55 («Применение вспомогательных репродуктивных технологий») закреплены основные положения, что «суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям». Несмотря на то, что услуга суррогатного материнства оказывается строго по гражданско-правовому договору, благодаря которому в свободной форме можно прописать любые права и обязанности сторон в рамках закона, полных гарантий защиты прав сторон договора и строгое выполнение ими своих обязанностей законом не предусмотрено.

Российский законодатель исходит из того, что при использовании услуги суррогатного материнства, суррогатная мать имеет права на ребенка, несмотря на то, что генетический материал предоставляют чужие люди, чьи половые клетки

использовались для оплодотворения [3, с. 60]. Это положение о том, что суррогатная мать может оставить ребенка себе, содержится в Семейном кодексе РФ (п. 4 ст. 51): «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». И здесь уже без должной правовой защиты остаются генетические родители, ведь суррогатная мать может не отдавать ребенка не только в связи с возникшими материнскими чувствами, но и по причине корысти и дополнительной выгоды, требуя большего вознаграждения. Здесь в договоре стороны должны четко предусмотреть согласие суррогатной матери на то, что ребенка запишут на биологических родителей, пока законодатель не изменит норму закона. Хотя даже при таком согласии требование закона стоит выше, и суррогатная мать все равно сможет обратиться в суд и в итоге оставить ребенка себе. Стоит согласиться с мнением Набиуллиной В.Р, что сейчас российский законодатель стоит, грубо говоря, на стороне суррогатной матери [4, с. 77].

Подход белорусского законодателя в этом плане существенно отличается. В отношениях в сфере суррогатного материнства вынашивает и рожает ребенка суррогатная мать, однако юридических прав на него она не имеет. Белорусский законодатель в отношениях в сфере суррогатного материнства исходит из того, что матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, сразу признается женщина, заключившая с последней договор суррогатного материнства; в свою очередь, отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства (ч. 5 ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З). Такой подход мы считаем более правильным, ведь суррогатная мать знает, на что она соглашается. Она оказывает услугу по вынашиванию ребенка и получает за это финансовое вознаграждение, в результате чего не может претендовать на этого ребенка, как своего, ведь она также и не является его биологической матерью.

17 декабря 2021 года в нижнюю палату парламента РФ депутатами Госдумы был внесен документ, предполагающих внесение поправок в СК РФ и Закон РФ «Об актах гражданского состояния». Данный документ предусматривал, что необходимо внести законодательные поправки о том, что родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, могут быть записаны только люди, состоящие в браке между собой, один из которых или оба являются гражданами России, или одинокая женщина, также имеющая гражданство России. Это положение можно трактовать как запрет на пользование услугами суррогатного материнства в России иностранцами, однако действующая норма закона все еще имеет прежнюю редакцию. Это связно с тем, что Правительство поддержало такую законодательную инициативу депутатов, но нашло несколько не состыковок с текущим законодательством. Одна из них – особенно острая – это предусмотрение возможности использования института суррогатного материнства иностранцами, состоящими в браке с россиянином, со сроком совместного проживания в браке и проживания в России.

На наш взгляд, путь запретов – не всегда верный. И, как правило, многие субъекты гражданского права ищут пути, как обойти такие запреты. Это не устранит проблем и создаст еще больше правовых споров и коллизий. Тем более, что остается еще множество неурегулированных вопросов. Как минимум, это то, что по стандартной форме такого договора – суррогатная мать обязана передать ребенка его генетическим родителям. Но здесь возникает правовая коллизия в том, что рожденный ребенок уже является субъектом права, он априори не может выступать предметом гражданско-правовых соглашений. Также нерешенным остается вопрос, будет ли являться основанием для расторжения договора рождение ребенка с патологиями либо мертвым.

Можно ли признавать такие обстоятельства фактом ненадлежащего исполнения суррогатной матерью своих обязательств по договору?

В результате таких не до конца урегулированных законодательных положений без должного уровня юридической защиты остаются и суррогатные матери, и генетические родители, и дети, зачатые с помощью методов ВРТ.

Исходя из всего вышеуказанного, можно сделать вывод, что данная сфера правоотношений урегулирована законами РФ и РБ очень слабо. Несмотря на то, что в России и Беларуси легально разрешено применение методов ВРТ, присутствуют такие проблемы, как недостаточное государственное финансирование программ, низкая информативность населения, слабая законодательная база, малое количество отечественных аналогов зарубежных препаратов для таких услуг, что делает методы ВРТ очень дорогостоящими и недоступными для абсолютно всех граждан этих стран. Для разрешения описанных в данной статье проблем, рекомендуется разработка комплексных и хорошо продуманным программ государственной политики, включающих в себя и дополнение и корректировку текущей законодательной базы по данному вопросу.

К примеру, принятие нового закона в РФ и РБ, который мог бы носить название «О вспомогательных репродуктивных технологиях», будет абсолютной новеллой в законодательстве. Благодаря ему станет возможным модернизировать и улучшить правовую систему, улучшить развитие медицины в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, избавить текущие законы от имеющихся правовых пробелов и противоречий. Именно в таком законе будут отражаться гарантии защиты прав лиц, обратившихся к вспомогательным репродуктивным технологиям, детей, суррогатных матерей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Д. А. Правовая природа эмбриона in vitro / Д.А. Белова // Lex Russica. – 2019. – №6 (151). – С.122-130.
2. Айвар Л. К. Правовое регулирование сурогатного материнства как метод повышения рождаемости // Политика и общество. – 2006. – № 2. – С. 118-126.
3. Корбут Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. – № 1 (1). – С. 59-63.
4. Набиуллина В.Р. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства / В. Р. Набиуллина // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №7. – С.76-79.

LEGISLATION ON ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES ON THE EXAMPLE OF THE EAEU COUNTRIES: THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. Infertility is one of the most acute health problems. Methods for its treatment have existed for a long time, but every day medicine improves its technologies, but the law does not have time to adapt to changes and the current legislation contains many gaps, which often causes disputes between the parties. This article analyzes the legislation in the field of assisted reproductive technologies, and also focuses on existing problems and shortcomings. The paper also discusses the widespread legal and moral and ethical problems of this institution. In the final part of the work, the author proposes to make some changes and additions to the legislation.
Keywords: assisted reproductive technologies, legal regulation of surrogate motherhood, surrogate motherhood, shortcomings in legislation

Anosova Y.
Scientific adviser: Efremova A.V. PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: anosova.work@gmail.com

УДК 346.2

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВА НА ЗАНЯТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Артемова Н.А.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос относительно осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними гражданами на территории Российской Федерации. В ходе изучения темы были использованы такие методы как: анализ литературы; диалектический метод; формально-юридический метод. В результате работы были выявлены некоторые проблемные вопросы по теме исследования и предложены пути их решения.
Ключевые слова: несовершеннолетний, предпринимательство, деятельность, дееспособность, правоотношения.

В последнее время ученый Российской Федерации всё больше и больше стали акцентировать свое внимание на развитии общественных отношений связанных с появлением новых субъектов и видов предпринимательской деятельности. Развитие государства в этой сфере прежде всего требует расширения предпринимательской правосубъектности отдельных субъектов права. К таким субъектам можно отнести несовершеннолетних предпринимателей.

Согласно абз. 3 ч. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке[1].

То есть, можем отметить, что предпринимательство является как правовой возможностью граждан, так и активной, целенаправленной деятельностью.

Часть 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет право каждого гражданина на свободное использование своих способностей и имущества для занятия предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Однако, законодательство Российской Федерации (далее – РФ) не устанавливает минимальный возраст для занятия предпринимательской деятельности [2].

Так, согласно ст. 21 ГК РФ полная дееспособность наступает по достижению лицом 18 лет, но не стоит забывать и о таком исключении, как вступление в брак. В п. 2 ст. 21 указано, что в случае вступления в брак до достижения 18 лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме.

Гришаева М.С. в своей статье «Отдельные проблемы дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет» указывает, что приобретенная дееспособность будет сохранена в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения 18 лет. Но суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности, в случае если брак будет признан недействительным [3, с. 164].

Стоит обратить внимание и на то, что не достижение восемнадцатилетнего возраста или отсутствие эмансипации, не лишает несовершеннолетних граждан права на занятие предпринимательской деятельностью. Обосновать это можно тем, что до достижения возраста полной дееспособности, несовершеннолетнее лицо всегда представляют родители (лицо их заменяющие). Кроме того, ст. 26 и 28 ГК РФ дает

возможность несовершеннолетним в возрасте от 6 до 18 лет участвовать в гражданском обороте. Такое участие прослеживается как в осуществлении мелких бытовых сделок, так и в самостоятельном распоряжении своим имуществом и денежными средствами.

В соответствии со ст.37 Конституции РФ осуществление предпринимательства является также результатом реализации более общего права граждан на труд, то есть права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Согласно ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации разрешено заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, но законом не установлен минимально допустимый возраст для этого [4]. Однако, в таком случае необходимо согласие одного из родителей (лица, их заменяющих) для участия несовершеннолетнего в трудовой деятельности без ущерба здоровью и нравственному развитию.

Трудовая дееспособность, как и правоспособность формируется по-разному, это относится и к несовершеннолетним работникам. В связи с тем, что законодатель разрешает заключать трудовой договор с детьми, не достигшими четырнадцати лет, можно сделать вывод, что этим государство дает право детям обладать трудовыми правами и обязанностями.

Также, кроме этого, дети, не достигшие 14 лет, обладают правом заключения трудового договора самостоятельно, хотя и необходимо согласие родителей или органов опеки. Такие правоотношения для несовершеннолетних работников являются ограниченной трудовой дееспособностью. Когда ребенок достигает четырнадцати лет, трудовая правоспособность несовершеннолетнего лица становится более расширенной, но тем не менее несовершеннолетний все еще не может без участия опеки или родителей заключить трудовой договор.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что закрепленная ГК РФ возможность несовершеннолетних в возрасте с 14 до 18 лет распоряжаться своими доходами пересекается со ст. 34 Конституции РФ, что дает им право на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя, но как уже было сказано выше, дополнительным требованием, в данном случае, выступает необходимость предоставления при государственной регистрации нотариально удостоверенного согласия родителей (лиц их заменяющих) на осуществление предпринимательской деятельности.

С пятнадцати лет дееспособность несовершеннолетнего увеличивается. Однако, без ограничений всё равно не обходится, в связи с тем, что согласно трудовому законодательству РФ трудовая дееспособность становится полной только в шестнадцать лет.

Прежде всего такой способ регулирования подростковой трудовой деятельности связан с тем, что государство хочет оградить подростка от излишней эксплуатации, а также сделать акцент на их образовании и нравственном развитии.

Исходя из этого, напрашивается вывод о том, что малолетние при осуществлении предпринимательской деятельности выступают лицами, которые всего лишь реализуют свой творческий потенциал и идеи, в то время как все остальные действия, связанные с этой деятельностью, осуществляют их законные представители.

На сегодняшний день нет официальных сведений о зарегистрированных несовершеннолетних индивидуальных предпринимателях, но согласно статистике, озвученной в рамках одной из сессий ПМЭФ-2021 руководителем ФНС России Д. Егоровым, «в качестве самозанятых уже зарегистрировано более 30 000 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет включительно» [5].

Кроме того, «Ведомости» приводят статистику о том, что на январь 2019 г. «в России зарегистрировано 387 несовершеннолетних индивидуальных предпринимателей, 145 из них – моложе 17 лет» [6].

На самом же деле несовершеннолетних предпринимателей намного больше. Связано это с тем, что в большинстве случаев они осуществляют предпринимательскую деятельность без официальной регистрации и в том числе без уплаты налогов.

Таким образом, в современном мире цифровых технологий возможности ведения предпринимательской деятельности расширяются вместе и с увеличением возможных субъектов указанной деятельности. Всё чаще несовершеннолетние выражают своё желание стать субъектами правоотношений в сфере предпринимательской деятельности, в связи с чем появляются и новые сферы деятельности, приносящие доход.

Ещё одним проблемным вопросом в сфере регулирования предпринимательской деятельности несовершеннолетних является выбор сферы деятельности. Так, например, они не имеют права на занятие продажей алкогольной или табачной продукцией, так как её продажа, прежде всего, подразумевает под собой владение ею, то есть быть собственником. Закупка такой продукции возможна лишь законными представителями несовершеннолетнего, но это не решает вопроса с владением, так как приобретается она для несовершеннолетнего.

Кроме того, остается открытым вопрос о влиянии на его нравственное, физическое воспитание участие в алкогольном или табачном бизнесе. Наиболее целесообразным решением указанной проблемы будет законодательное закрепление исчерпывающего перечня видов деятельности, которые не может осуществлять несовершеннолетний предприниматель.

По-нашему мнению, законодательное закрепление допустимых видов деятельности будет не целесообразным в силу постоянного экономического развития и технологического прогресса, в связи с которыми допустимый перечень деятельности будет расширяться, что приведет к постоянным поправкам в законодательстве.

Во время своих исследований Юлубаев А.Р. приводил примеры таких несовершеннолетних лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью как, Даниила В. и Юрия К. из Подольска, которые начали зарабатывать в 13 лет, они создали канал на YouTube, где осуществляли обзоры товаров из Китая; Максима В. с 15 лет осуществляющего торговлю товарами при помощи Интернет сервиса Rocketstore.me; Тимура К. из Санкт-Петербурга, который создал проект Vortex Sport для проведение спортивных состязаний по различным спортивным дисциплинам; Савву О. из Сан-Франциско, который в 10 лет спроектировал прототип новой игровой консоли; Дмитрия В. из Иркутска, создавшего Интернет сервис для поиска экскурсоводов; Ирека М. из Альметьевска, реализующего поделки школьников через социальные сети и собственный сайт [7, с. 777].

Нами было приведена незначительная часть примеров осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними, которые ведут ее как самостоятельно без активного участия их родителей, так и включенных в предпринимательскую деятельность родителей или их законных представителей.

В предпринимательской деятельности несовершеннолетних, как и в любой другой, есть положительные и отрицательные стороны. К положительным моментам, прежде всего, стоит относить: свободный график работы, возможность работать в команде в качестве руководителя, реализовывать свой интеллектуальный потенциал, приобретать навыки зарабатывать и разумно обращаться со своими доходами, обладать неограниченными возможностями для творчества. Все названные критерии могут оказать положительное влияние на личностный рост и на нравственное развитие подростка.

Отрицательная сторона включает в себя: отсутствие четкой законодательной определенности регулирования вопросов осуществления деятельности

несовершеннолетними, невозможность привлечения несовершеннолетнего к различным видам ответственности в силу их возраста.

Ещё одним, достаточно значимым, проблемным вопросом реализации права несовершеннолетних на предпринимательскую деятельность является привлечение их к ответственности в качестве субъектов предпринимательства.

Так, ч.3 ст. 26 ГК РФ закрепляет факт того, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным сделкам. Указанная норма выступает значительным аргументом того, что несовершеннолетнее лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность в возрасте до 16 лет, может быть привлечено к ответственности за совершение правонарушений в этой сфере [8, с. 21].

Однако, в тоже время, можем увидеть некую коллизию между нормами Налогового и Гражданского законодательства РФ. Данное противоречие прослеживается в части установления возраста ответственности за совершение правонарушений.

Так, согласно ч. 2 ст. 107 НК РФ физическое лицо является субъектом ответственности за совершение налоговых правонарушений с 16 лет. В тоже время, ГК РФ при разрешении заниматься предпринимательской деятельностью с согласия родителей, усыновителей и других законных представителей с 14 лет, устанавливает, соответственно, возраст имущественной ответственности с 14 лет [9].

Для решения указанной проблемы, прежде всего стоит пересмотреть нормы законодательства РФ и сложившуюся в государстве ситуацию относительно изучаемого вопроса и уже после этого унифицировать нормы с расхождением.

Исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод о том, что законодательство Российской Федерации нуждается в более полном урегулирования вопроса о правовом статусе несовершеннолетнего предпринимателя. Кроме того, необходимо внести изменения относительно их возраста, прав и обязанностей, а также мер ответственности.

Также, для минимизирования нарушений в сфере выбора деятельности несовершеннолетним, необходимо законодательно закрепить перечень видов деятельности не допустимых для несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата обращения 15.02.2023

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст)

3. Гришаева М.С., Наруцкая Н.В. Отдельные проблемы дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет —г. Москва// Молодой ученый. 2017. № 17 (151). С. 163-165.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/ – Дата обращения 15.02.2023

5. Ключевская, Н. Молодежное предпринимательство: проблемы и решения / Н. Ключевская. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https:// www.garant.ru/news/1468805 – Режим доступа: 15.02.2023

6. Гранкова, В. Как подростки добиваются успеха в бизнесе / В. Гранкова // Ведомости. – 2019. – 31 января. [Электронный ресурс] – URL: https://www.vedomosti.ru/management/ – Дата обращения: 15.02.2023

7. Юлубаева А.Р., Борисова О.В.Проблемы осуществления несовершеннолетним права на предпринимательскую деятельность / А.Р. Юлубаева, О.В. Борисова // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 4 (67). – С. 774-780.

8. Шиловская А.Л. Оптимизация системы санкций в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления /А.Л. Шиловская // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2011. – № 3. – С. 20-22.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс] –Режим доступа http://www.consultant.ru/ – Дата обращения: 15.02.2023

TO THE DEFINITION OF PROBLEMATIC ISSUES OF THE EXERCISE BY MINORS OF THE RIGHT TO ENGAGE IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. In this paper, the question of the implementation of entrepreneurial activity by minors in the territory of the Russian Federation is considered. During the study of the topic, such methods as: literature analysis; dialectical method; formal legal method were used. As a result of the work, some problematic issues on the research topic were identified and ways to solve them were proposed.
Keywords: minor, entrepreneurship, activity, legal capacity, legal relations.

Artemova N.
Scientific supervisor: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: natalya03.01@mail.ru

УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВИДЕ ОТКАЗА СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

Артемова Н.А.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос относительно объективной стороны преступления в виде отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний. В ходе изучения темы были использованы такие методы как: анализ литературы; диалектический метод; формально-юридический метод. В результате работы были выявлены некоторые проблемные вопросы по теме исследования и предложены пути их решения.
Ключевые слова: преступление, отказ, свидетель, потерпевший, бездействие.

Всё чаще стали встречаться случаи, когда свидетели или потерпевшие уклонятся от дачи показаний, необходимых для установления истины по делу. Связано это с тем, что лица, содействующие правоохранительным органам, опасаются, что на них будет оказываться противоправное воздействие со стороны обвиняемых, их близких или защитника. Не смотря на принимаемые государством меры по защите потерпевших и свидетелей, нет гарантий, что это воздействие будет предотвращено или пресечено в полном объеме [1, с. 49].

В связи с этим, в настоящее время сложилась достаточно противоречивая ситуация относительно изучаемого вопроса. Так, с одной стороны, у участников уголовного судопроизводства, которые добросовестно выполняют свои процессуальные обязанности, есть реальные основания опасаться как за собственную безопасность, так и за безопасность своих близких и родственников и ставить под сомнения способности государства в полном объеме защитить их интересы. С другой стороны, государство не предоставляет очевидцам (а в большинстве случаев и потерпевшим) право выбора – участвовать или не участвовать в судопроизводстве, в связи с чем в уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ).

Несмотря на указанные обстоятельства, если свидетелю или потерпевшему (которые не являются родственниками обвиняемого, подозреваемого) известны необходимые обстоятельства по делу – дача показаний является их обязанностью.

Стоит сказать о том, что в ст. 308 УК РФ речь идет именно о поведении субъекта, то есть об отказе. Это свидетельствует о том, что изучаемая уголовно-правовая норма не содержит указания на какие-либо последствия, а значит состав преступления является формальным. Это говорит о том, что, для наступления уголовной ответственности по изучаемой статье достаточно установить сам факт поведения субъекта, заключающееся в отказе от дачи показаний, без учета наступивших общественно-опасных последствий.

Некоторые авторы утверждают, что объективная сторона изучаемого состава преступления может выражаться как в действии (в виде прямого отказа), так и в бездействии (в виде молчания). Так, Ю. А. Цветков указывает на то, что неисполнение свидетелем обязанности давать достоверные показания об известных ему обстоятельствах по делу говорит о том, что преступления совершается путём бездействия. Однако, в тоже время автор противоречит сам себе, акцентируя внимание на том, что отказ должен быть выражен устно, письменно или в виде молчания, а также носить явный, прямой и открытый характер [2, с. 55].

Однако, у А.С. Горелика другая позиция относительно этого вопроса. Так, он считает, что отказ от дачи показаний может быть выражен также и в завуалированной форме, когда свидетель ссылается на то, что он «не видел», «не слышал», «не помнит» и т.д. тем самым уклоняясь от дачи показаний [3, с. 305].

Мы считаем, что позиция А. С. Горелика немного ошибочна, так как с процессуальной стороны такие показания должны быть расценены как ложные, а, следовательно, указанные действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 307 УК РФ как лжесвидетельство в виде манипулирования количеством информации.

Для того, чтобы определить к какой же форме деяния мы можем отнести изучаемый нами состав, стоит обратится к лингвистическому пониманию термина «отказ». Так, некоторые авторы считают, что под «отказом» следует понимать отвержение просьбы, несогласие, нежелание или невозможность исполнить чье-либо поручение. Другая же часть ученых считает, что под «отказом» понимается отрицательный ответ на просьбу, приказ, требование и т.д. Таким образом, на протяжении многих лет в русском языке сохраняется устойчивое понимание того, что «отказ» в чем-либо – это неисполнение какого-либо требования третьего лица [4].

Рассматривая «отказ» как обязательный элемент состава преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ. Мы можем говорить о том, что:

– если субъект заявляет, что не будет давать показания или же молчит в ответ на заданные вопросы – это говорит о его бездействии [5, с. 219].

– устное или письменное заявление об отсутствии желания давать показания – также свидетельствует о бездействии [6, с. 34].

Во всех указанных случаях речь идет о бездействии, то есть лицо не выполняет обязанность, возложенную на него процессуальным законодательством. Поэтому, в данном случае, мы склоняемся к тому, что преступление, предусмотренное ст. 308 УК РФ, может совершаться только в форме бездействия.

Считается, что при квалификации преступления по ст. 308 УК РФ, не мало важным является определение обстановки, время и места совершения преступления. Время должно определятся в соответствии с процессуальным периодом расследования уголовного дела, по которому лицо является свидетелем. Место (обстановка) совершения преступления определяется в зависимости от места производства следственного действия, то есть места составления протокола допроса свидетеля. Стоит обратить внимание не то, что при определении обстановки совершения преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ также важную роль играет тот факт наличия или отсутствия у субъекта уважительной причины отказа от дачи показаний.

Рассматривая преступление сфере отказа от дачи показаний свидетеля или потерпевшего, стоит также обратится к Федеральному закону от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [7], который дополняет ст. 308 УК РФ фразой, которая предусматривает уголовную ответственность потерпевшего в случае его уклонения от прохождения освидетельствования, либо производства судебной экспертизы относительно его.

Среди учёных-юристов бытует неоднозначная позиция относительно такого нововведения. Считается, что для разрешение этой проблемы необходимо отдать приоритет прав и интересов личности по отношению к интересам правосудия [8, с. 62].

По нашему мнению, указанное решение такой проблемы является целесообразным, так как государство не вправе привлекать кого-то к уголовной ответственности в силу того, что у него отсутствуют реальные возможности со своей стороны предоставить гарантию защиты законопослушных участников процесса при их содействии расследованию. Таким образом, в данном случае участникам процесса должно быть предоставлено право выбора давать показания или отказаться от их дачи.

Кроме того, в качестве дополнительных аргументов для исключения уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, можно обратится к мнению Л. В. Лобановой, которая указывает на то, что нормы, предусмотренные ст. 308 УК РФ применяются достаточно редко. Также автор ссылается на отсутствие существенного вреда для интересов правосудия и зарубежный опыт, а именно то, что данная норма не предусмотрена в законодательстве многих государств [9, с. 169].

Изучая ст. 308 УК РФ, мы не можем обойти стороной и некоторые нормы уголовно-процессуального законодательства. Так, анализируя ст. 42 УПК РФ, можно говорить о том, что отказ свидетеля или потерпевшего от выполнения определённых обязанностей, предусмотренных нормами процессуального законодательства, будет препятствовать производству предварительного расследования, осуществлению правосудия, а также и установлению истины по уголовному делу. В последствии это может привести к нарушению такого принципа уголовного права как неотвратимость ответственности, осуждению невиновных и может вызвать ряд других негативных последствий. Таким образом, напрашивается вывод о том, что целью такого нововведения было обеспечение охраны интересов правосудия.

В тоже время дополнения ст. 42 УПК РФ фразой о том, что потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства судебной экспертизы (если согласие потерпевшего не требуется), от предоставления образцов почерка и иных образцов для комплексного анализа, и внесения таких же изменений в ст. 308 УК РФ, является достаточно противоречивым, так как для ст. 179 УПК РФ не было предусмотрено каких-либо дополнений.

То есть, обращая внимание на ч. 2 ст. 197 УК РФ можно отметить, что уголовно-процессуальное законодательство также содержит в себе и положение об обязательном проведении принудительного освидетельствования подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, однако, это возможно только при наличии постановления следователя о производстве указанного следственного действия.

Исходя из вышеназванного можно предположить, что реализация указанных норм будет проходить следующим образом: следователь вынесет постановление о производстве освидетельствования потерпевшего, а также предупредит его об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 308 УК РФ в случае, если он откажется от дачи показаний. Однако, несмотря на предупреждение следователя, потерпевший категорически против прохождения освидетельствования. В связи с этим это процессуальное действие будет проводится в принудительном порядке. Но

несмотря на это потерпевший всё равно будет привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ.

То есть, в данном случае можно отметить расхождение норм уголовного законодательства в связи с чем, на практике могут возникнуть некоторые проблемы при разрешении возникшего спора.

Для решения указанной проблемы предлагаем дополнить ст. 179 УПК РФ указанием на возможность использования правомерного физического воздействия во время производства принудительного освидетельствования. Считаем, что к допустимым методами воздействия на можно будет отнести:

– убеждение, заключающееся в разъяснении подозреваемого (обвиняемого) о необходимости проведения процедуры освидетельствования, её значимости для проведения расследования и принятие судом объективного и справедливого решения;

– принуждение, заключающееся в предупреждении подозреваемого (обвиняемого) об уголовной ответственности за уклонение от дачи показаний.

В силу указанных выше обстоятельств, считаем целесообразным согласится с мнением П. С. Метельского, согласно которому уклонение свидетеля от явки к следователю не может быть расценено как одна из форм проявление отказа от дачи показаний [10, с. 62], так как, на современном этапе развития законодательства, уклонение от явки к следователю или в суд было признано деянием, не имеющим признаков преступления, что исключает уголовную ответственность по ст. 308 УК РФ.

Однако, не стоит исключать и тот факт, что не явка свидетеля может стать основанием для применения мер принуждения в виде обязательства о явке, привода или же денежного взыскания.

Согласно, примечанию к ст. 308 УК РФ лицо не подлежит ответственности за отказ от дачи показаний против самого себя, своего супруга или своих близких родственников. То есть, во время отказа от дачи показаний, указанные лица могу сослаться на ст. 51 Конституции РФ. Однако, опытные адвокаты утверждают, что указанную норму стоит использовать очень аккуратно и только в особых случаях, в связи с тем, что её применение может свидетельствовать о косвенном признании вины, а допрашиваемое лицо, в свою очередь, просто не хочет озвучивать и признавать вину родственника [11].

Среди учёных-юристов происходит достаточно интересная дискуссия относительно того, можно ли отнести сожителя (наложницу) к лицам, которые могут воспользоваться ст. 51 Конституции при квалификации преступления по ст. 308 УК РФ. Так, многие авторы утверждают, что супругами следует также признать и лиц, проживающих в браке, который, не был зарегистрированном в соответствующем органе записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Указанное мнение не является общепризнанным, в связи с чем указанная позиция остается лишь теорией. На сегодняшний день принято считать, что, несмотря на социальную значимость фактических брачных отношений, примечание к ст. 308 УК РФ применимо лишь по отношению к лицам, брак которых регулируется гражданским законодательством, то есть официально оформлен [12, с. 97], так как согласно законодательству, брак становится юридически значимым только после его официальной регистрации.

Однако, судебная практика двояко относится к такому пробелу законодательства. Так, в качестве примера можно привести приговор Кропоткинского городского суда Краснодарского края. Речь идет о гражданке В., которая была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ. Суд установил следующее: По уголовному делу, возбужденному в отношении Е. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, гражданка В. проходила в качестве потерпевшей, так как Е. высказал в её адрес угрозу убийством и она, в свою очередь, имела реальные основания опасаться этой угрозы.

На момент допроса В. наладила отношения с Е., после чего они продолжили вести совместную жизнь. В связи с этим гражданка В. передумала привлекать его к уголовной ответственности.

Так, гражданка В. будучи поставлена в известность об уголовной ответственности за отказ потерпевшего от дачи показаний и обладая информацией, необходимой для доказывания вины Е. и справедливого разрешения уголовного дела, отказалась от дачи показаний против него, так как у неё возник умысел на ограждение виновного от уголовной ответственности и желая продолжать личные отношения со своим бывшим сожителем.

Несмотря на то, что гражданин Е. не являлся супругом или иным близким родственником гражданки В., суд не усмотрел оснований для применения положений примечания к ст. 308 УК РФ по отношению к лицу, состоящему в незарегистрированном браке [13].

Таким образом, мы можем отметить, что даже в такой ситуации суд может пойти навстречу и допустить отказ от дачи показаний без привлечения к уголовной ответственности лицам, которые находятся в официально зарегистрированном браке.

Так, подводя итоги, данного анализа, можно говорить, о том, что объективная сторона выражается в виде отказа. Во время исследования нами было определено, то «отказ» является обязательный элементом состава преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ, который, по-нашему мнению, выражается в форме бездействия, то есть не выполнение лицом обязанности, возложенной на лицо процессуальным законодательством.

В исследовании были определены некоторые проблемные вопросы относительно квалификации преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ и предложены пути их решения.

Так, мы говорили о том, что нововведение в виде дополнения ч. 1 ст. 308 УК РФ фразой, которая указывает на наличие уголовной ответственности за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования вызывает массовые споры среди ученых. Решение этой проблемы заключается в позиции приоритета прав и интересов личности в уголовном процессе по отношению к интересам правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Намнясева В.В. Проблемные вопросы уголовной ответственности за отказ от дачи показаний / В. В. Намнясева // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 49 – 59

2. Цветков Ю.А. Уголовно-правовые последствия отказа от дачи показаний и невыполнения иных процессуальных обязанностей // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. N 1. С. 54-56.

3. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.

4. Кузнецов В.М. Объективная сторона отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (статья). Информационные материалы для студентов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=676 Дата обращения: 13.01.2023

5. Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: Изд-во «Проспект», 2008. – 560 с.

6. Кожевников К., Кулешов Ю. Ответственность за уклонение или отказ от дачи показаний // Законность. –2006. – № 3. – С. 32-35.

7. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон № 432-ФЗ: [принят Государственной думой 20 декабря 2013 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2013 года] // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70552618/ – Дата обращения 03.01.2023

8. Метельский П.С. Уголовно-правовая характеристика отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (статья 308 УК РФ) / П.С. Метельский // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2013. – №1. – С. 61-65.

9. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 268 с.

10. Метельский П.С. Уголовно-правовая характеристика отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (статья 308 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. Вып. 1. С. 61-65.
11. Антонов и партнёры. Адвокатское бюро. Отказ от дачи показаний: к каким последствиям он приведет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo163.ru/otkaz-ot-dachi-pokazanij-k-kakim-posledstviyam-on-privedet/ – Дата обращения: 25.01.2023
12. Кулишова И.А. Проблемы фальсификации доказательств в гражданском и арбитражном процессе / И.А. Кулишова // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – №37-3. – С. 42.
13. Приговор Кропоткинского городского суда Краснодарского края по делу N 1-122/2011 г. от 23 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Краснодарского краевого суда. [Электронный ресурс]: http://kraevoi.krd.sudrf.ru/ – Дата обращения: 16.012023 г.

SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE REFUSAL OF A WITNESS OR VICTIM TO TESTIFY

Annotation. In this paper, the question of criminal liability for the refusal of a witness or victim to testify is considered. During the study of the topic, such methods as: literature analysis; dialectical method; formal legal method were used. As a result of the work, some problematic issues on the research topic were identified and ways to solve them were proposed.
Keywords: crime, refusal, witness, victim, inaction.

Artemova N.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: natalya03.01@mail.ru

УДК 349.6

ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Базака В. В.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается сущность принципов экологического права. Исследованы принципы экологического права на федеральном и регионалом уровнях законодательства. В ходе анализа были выявлены коллизии норм в федеральных и региональных нормативно-правовых актах и предложены пути их решения.
Ключевые слова: экологическое право, экологическое законодательство, принципы экологического права, субъекты Российской Федерации, законодательство Российской Федерации.

Принципы права – основополагающие начала, идеи, определяющие содержание и направления правового регулирования в целом и каждой из его отраслей в частности. Однако в условиях трансформации современных реалий, отношений, институтов, сознания людей принципы права не составляют исключения, они также подвержены изменениям [4, с. 120].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения роли принципов права в современном обществе и эколого-правовом законодательстве. Данное исследование имеет как теоретическую, так и практическую пользу для дальнейшего изучения принципов права на общественные отношения в сфере использования и охраны окружающей среды.

Ролью принципов экологического права в современном мире интересовались такие ученые, как Бринчук М. М., Суетнов Е.П., Макарова Т. И., Барбашова Н.В., Волков Г.А., Гиззатуллин Р.Х., Мусина З.Р..

Целью работы является – изучение современных принципов экологического права, определение их ценности и места в обществе, изучение роли принципов экологического права для дальнейшего развития правовой системы Российской Федерации.

Принципы права кратко отражают суть действующего законодательства, служат основой для определения правового статуса субъектов права, являются фундаментом, на котором базируется реализация норм права, политической и экономической ситуацией в обществе, показывают взаимосвязь отношений, регулируемых законодательством, с иными общественными отношениями.

В теории права ученые классифицируют принципы права на общеправовые принципы права, отраслевые принципы права и межотраслевые принципы права. В данной работе вторами рассматриваются отраслевые принципы экологического права, т.к. данные принципы наиболее всестороннее характеризуют сущность и смысл отрасли права, также мы не ставили целью рассмотреть все принципы экологического права, а рассмотрели лишь самые важные, на наш взгляд, из них.

Отраслевые принципы экологического права призваны обеспечивать отражение общеправовых принципов через предмет и метода регулирования. Содержание данных принципов несет в себе отражение основополагающих теоретико-правовых идей в форме принципов развития экологического права, а также основных организационно-регламентирующих принципов механизма правового регулирования.

Учёные отмечают, что принципы экологического права отражают исходные начала отрасли права и их необходимо выделять и изучать в виду того, что законодательные акты экологической отрасли права должны издаваться исходя из принципов права и не противоречить им. Это означает, что законодательство и изданные в соответствии с ним нормативные правовые акты, которые регулируют общественные отношения в сфере экологии основываются на принципах экологического права.

Данное положение закреплено в нормативно-правовых актах, например, в ст.1 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2022) закреплено, что лесное законодательство и иные регулирующие лесные отношения нормативные правовые акты основываются на принципах перечисленных в упомянутой нами статье. Схожая правовая норма имеется и в «Водном кодексе Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 01.05.2022).

Однако, как отмечает в своей работе Макарова Т.И., при анализе регионального законодательства в сфере экологического права, можно заметить, «отсутствие интереса к вопросу о том, на каких концептуальных началах базируется законодательство, устанавливающее нормы об охране окружающей среды в регионах России». Например, в ряде законодательных актов, упоминание о принципах экологического права нет: закон об охране окружающей среды на территории Кировской (Закон Кировской области от 29 ноября 2006 г. № 55-ЗО), Саратовской (Закон Саратовской области от 28 июля 2006 г. № 82-ЗСО), Томской (Закон Томской области от 10 июля 2007 г. № 134-ОЗ) областях. Отметим, что отсутствует упоминание о принципах права в экологических кодексах Республики Башкортостан (Закон Республики Башкортостан от 28 октября 1992 г. № ВС-13/28) и г. Санкт-Петербурга (Закон Санкт-Петербурга от 18 июля 2016 года № 455-88) [7, с. 83].

На наш взгляд, установление принципов экологического законодательства как на федеральном уровне законодательстве, так и в актах регионального уровня необходимо. Данное обстоятельство будет способствовать формированию бездефектного правового регулирования общественных отношений.

Считаем важным отметить тот факт, что отраслевые принципы экологического права предусмотрены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от

10.01.2002 № 7-ФЗ. В данном нормативно-правовом акте принципы охраны окружающей среды идентичны отраслевым принципам экологического права.

К примеру, в статье 3 упомянутого закона закреплены такие принципы, как:

– соблюдения прав человека на благоприятную окружающую среду;

– принцип обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека;

– принцип обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности;

– принцип ответственности государственного аппарата за обеспечение благоприятной окружающей среды и охраны экологической безопасности;

– принцип презумпции экологической опасности хозяйственной деятельности и другие [2, с. 6].

Анализ ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» показывает, что нормативно не закреплён запрет на дополнение содержащегося в ней перечня принципов экологического права субъектами России. Данное обстоятельство представляется важным, поскольку дает возможность субъектам дополнять в региональных законах систему принципов, которая будет более адекватно отражать экологическую ситуацию в регионе.

В данном контексте можно утверждать, что дублированием Экологическим кодексом Республики Татарстан содержания ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» существенно сужается сфера правового регулирования экологических отношений на региональном уровне, поскольку не учитывается специфика региона.

Макарова Т.И. в своей работе отмечает, что аналогичная ситуация наблюдается в Красноярском крае, где Закон Красноярского края от 20 сентября 2013 г. № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» в ст. 4 устанавливает принципы деятельности органов государственной власти края в области охраны окружающей среды, сужает тем самым в сравнении с федеральным законодательством применение основных начал до «деятельности органов государственной власти края в области охраны окружающей среды» [7, с. 85].

В свою очередь, Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 05.12.2022) в ч. 2 ст. 1 установил запрет на закрепление дополнительных принципов земельного права в региональных законах субъектов России. Отметим, что данную норму раскритиковали в юридической среде [3, с. 4].

В своих научных трудах, Г.А. Волков отмечает, что принципы земельного права как элемент основных начал правового регулирования земельных отношений могут формироваться из смысла и содержания правовых норм, политических норм, на основании судебных решений, а также как достижения науки, выраженные в правовой доктрине. Однако принципы земельного права, закрепленные непосредственно в правовых нормах закона, становятся нормами-принципами [6, с. 26].

Автор, рассматривая соотношение понятий «основные начала правового регулирования земельных отношений» и «принципы земельного права», правомерно обращает внимание на то, что оно раскрывается также через такие категории, как «цели» и «задачи» земельного права. По его мнению, цели и задачи земельного права как элементы основных начал правового регулирования земельных отношений обеспечивают формирование принципов земельного права. В свою очередь, нормы-принципы земельного права как специализированные правовые нормы выступают носителями целей и задач земельного права, необходимыми правовыми средствами их достижения и решения.

В контексте проводимого исследования представляется важным также обратить внимание на тот факт, что согласно ст.72 Конституции Российской Федерации закреплено, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов находится:

– осуществления мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий (пп. «з» п. 1);

– защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (пп. «м» п. 1);

– защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон (пп. «б» п. 1);

– охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, особо охраняемых природных территорий (пп. «д» п. 1);

– вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (пп. «в» п.1) [1, с. 67].

Таким образом, по своей сути прописанный в Земельном кодексе РФ запрет на установление дополнительных принципов в региональных правовых актах противоречит положениям ст. 72 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что с принципами, закрепленными в Земельном кодексе Российской Федерации, взаимосвязаны и важные задачи государственной политики по управлению земельными ресурсами. Например, задача сохранения статуса особо охраняемых природных территорий как особо охраняемых земель в составе земельного фонда соответствует принципу приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий.

В свою очередь, Барбашова Н.В. в своих работах отмечает, что согласно ст. 76 Конституции России по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов России. Наличие предметов совместного ведения требует более высокого уровня организации федеративных связей. Речь идет об особой системе власти, основанной на сотрудничестве, координации деятельности и солидарной ответственности, получившей название «кооперативный федерализм».

Для кооперативного федерализма характерен механизм выработки согласованной позиции центра и субъектов при решении вопросов разделения государственной власти по вертикали и при осуществлении ими своих полномочий, что приводит к развитию сотрудничества в различных сферах деятельности, в том числе в сфере экологических правоотношений [5, с.79].

Исходя из этого, учитывая вышеизложенные факты, можно прийти к выводу, что решение эколого-правовых задач является прямой обязанностью субъектов Российской Федерации. В данном контексте представляется обоснованным предложение о необходимости повысить возможности в регионах на законодательном уровне, в частности, разрешить регионам закреплять дополнительные принципы права, которые будут отражать экологическую ситуацию в регионе.

Изучив научные материалы, мы также не поддерживаем ч.2 ст.1 Земельного кодекса Российской Федерации по своей сути противоречащую ст. 72 Конституции РФ, и считаем обоснованным предложение об отмене запрета на возможность установления дополнительных принципов экологического права в региональном законодательстве, исходя из ситуации в регионе.

Таким образом, кратко рассмотренные нами некоторые аспекты принципов экологического права говорят о том, что существующая в настоящий момент система принципов экологического права требует ряда изменений и дополнений. В неё следует включить принципы, которые обусловлены современной экологической ситуацией в стране и в мире. На наш взгляд, существует необходимость расширения перечня принципов, формируемых на уровне отдельных институтов экологического права, а также проведение работы по формированию дополнительного перечня принципов экологического права на уровне субъектов Федерации, которые буду соответствовать экологической ситуации в регионе.

Изучение в дальнейшем принципов экологического права необходимо продолжить, т.к. благодаря принципам права обеспечивается единство правотворчества и правоприменения, интерпретация правовых норм и их реализация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.01.2023).
2. Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с посл. изм. и доп. от 27 декабря 2018 № 538-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. U RL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 03.01.2023).
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44. – ст. 4147.
4. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. – С. 119-129.
5. Барбашова Н. В. Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 76-84.
6. Волков Г.А. Принципы земельного права России. М.: ОАО "Издательский дом «Городец», 2005. С. 7-31.
7. Макарова Т. И. Принципы экологического права: отражение в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации / Т. И. Макарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 81–86.

PRINCIPLES OF ENVIRONMENTAL LAW

Annotation. The article deals with the essence of the principles of environmental law. The principles of environmental law at the federal and regional levels of legislation have been studied. In the course of the analysis, conflicts of norms in federal and regional legal acts were identified and ways to solve them were proposed.
Keywords: environmental law, environmental legislation, principles of environmental law, constituent entities of the Russian Federation, legislation of the Russian Federation.

Bazaka V.
Scientific adviser: Barbashova N.V., Ph.D., Professor
Donetsk National University
E-mail: bazaka225@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Безногова Е.М
Научный руководитель: Бондарь А.В, ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные проблемы в сфере защиты прав потребителей. Затронута тема злоупотребления правом, как со стороны потребителя, так и со стороны продавца, либо лица, оказывающего услуги, поставщика. Анализируются проблемы с которыми потенциально могут столкнуться покупатели.
Ключевые слова: потребитель, убытки, товар, нарушение прав, ущерб.

Актуальность темы обуславливается тем, что необходимость совершенствования законодательства в целях улучшения работы механизма защиты прав потребителя, а

также правового регулирования данной правовой категории переполнены избыточной абстрактностью для реализации основного назначения права – упорядочения общественных отношений.

Развитие экономической модели, закрепление многообразия форм собственности на законодательном уровне, присвоение предпринимательской деятельности законного статуса и определение ее организационно-правовых форм послужило причиной появления потребительского рынка. Эти изменения привели к расширению производственного ассортимента и увеличению спектра выполняемых работ и оказываемых услуг. Возникла необходимость в государственном управлении рыночной экономикой, что означало вмешательство государства в экономические процессы.

Нуралиев С. У. считает, что выделение особенностей является важной составляющей научных исследований в сфере защиты прав потребителей в договоре розничной купли-продажи. Торговые предприятия, являясь посредниками между производителем и потребителем, не могут повлиять на первоначальное качество товара, основой деятельности предприятий розничной торговли является товар [1, с 87].

Характерными особенностями защиты прав потребителей является приоритет в предоставлении информации сторонам, установление правил и мер ответственности за их нарушение, необходимых для обеспечения функционирования розничной купли-продажи.

Эффективная деятельность торговой организации в области качества продукции способна оказывать большое влияние на:

– уровень доверия потребителей к реализуемой продукции;

– количество рекламы, за счёт обеспечения стабильного качества продукции;

– формирование репутации предприятия, как продавца качественного и безопасного продукта;

– количество штрафных санкций со стороны государственных контролирующих органов, за счет исключения жалоб покупателей на недоброкачественный товар.

Богатырев А.В. в своей исследовательской работе определяет, что поставщик и (или) производитель являются ответственными за первоначальное качество товара, поэтому закупочная деятельность, связанная с поиском и выбором поставщика, имеет весомое значение в формировании качества реализуемой продукции, но зачастую важность этого процесса оценивается в недостаточной мере [2, с. 95]. Подтверждают актуальность данной проблемы наличие требований к управлению взаимоотношениями с поставщиками.

Следует отметить, что важное значение имеет принятие закона в Российской Федерации «О стандартизации в РФ», которым установлена норма, касающаяся требований к содержанию договоров поставки товаров для государственных нужд: в договоре поставки товаров для государственных нужд должна даваться ссылка на соответствующий национальный стандарт, и только если это по каким-либо причинам невозможно, ссылка дается на иное подтверждение качества товара (например, технические условия) [3].

Тщательный выбор поставщика для торговых предприятий является одним из факторов в обеспечения ассортимента надлежащего качества.

Большое количество компаний-производителей и розничных торговых сетей стараются предоставить максимум сведений о продукции потребителям. Например, «Осторожно, горячо» на стаканчике с горячим кофе, «внутрь не употреблять» на канистре с машинным маслом. Несмотря на это, данная, очевидная для всех информация является незаметной и очень действенной в борьбе с необоснованными претензиями потребителей.

Этикетка и упаковка для потребителя является единственным источником информации и оценки правильности своего выбора. Оптимальным решением этой

проблемы явилось принятие безотлагательных мер по закреплению на законодательном уровне норм, которые ликвидировали бы данный недостаток закона.

В теории гражданского процесса у потребителя достаточно объёмные правовые средства при приобретении ими для личных нужд товаров, получении результатов работ или услуг надлежащего качества. Например, если продавец не желает выполнять свои обязательства, потребителю может потребоваться судебная защита. Таким образом, потребитель, посредством подачи искового заявления может защитить свои права.

На основании ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей», гражданин может подать исковое заявление о защите прав потребителей лично через канцелярию суда. Если у покупателя нет возможности посетить судебную инстанцию лично, документы можно направить по почте заказным почтовым отправлением с уведомлением. Это позволит получить информацию о поступлении письма в канцелярию: после его получения отправителю возвращается извещение с отметкой адресата [4].

При этом потребитель считается наиболее слабой стороной в сложившихся правоотношениях.

Гражданское законодательство (ст.10 ГК РФ) исходит из принципа добросовестности участников правоотношений и разумности их действий, не допуская осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав – злоупотребление правом [5].

Для того чтобы предотвратить развитие данной категории потребителей, следует законодательно закрепить в указанную норму, а также в законе «О защите прав потребителей» о запрете злоупотреблением правом для покупателей, результативным было бы также введение мер административной ответственности для потребителей, злоупотребляющих своими правами.

Например, ответственность продавца (изготовителя, исполнителя) в виде штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя направлена, прежде всего, на стимулирование добровольного исполнения указанными лицами требований потребителя. Но добровольное исполнение требований потребителя невозможно при явном нежелании этого самим потребителем, который при обращении в суд может получить дополнительный доход в виде взысканной в его пользу с продавца суммы штрафа. Поэтому, если потребитель стремится восстановить свои нарушенные права и компенсировать реально понесённые убытки, то это и есть защита прав потребителя. Если же он желает обогатиться, то в этом случае налицо злоупотребление правом.

Таким образом, в случае отказа потребителя предоставить продавцу товар для проверки его качества либо для проведения экспертизы продавец лишён возможности. Также при покупке товаров через Интернет нередки случаи возврата некачественного товара, но его осуществление часто бывает невозможным. Правила возврата определены законом и включают в себя несколько обязательных требований:

– товар может быть возвращен в случае, если он сохраняет свой товарный вид и потребительские свойства.

– требование о наличии документов, которые подтверждают покупку.

Особенностью здесь является то, что даже при отсутствии у покупателя чека или других подобных документов, он может ссылаться на иные доказательства покупки.

Дудченко А. В. утверждает, что товары, обладающие индивидуально-определенными свойствами, по общему правилу, не подлежат возврату или отказу. В том случае, если заказанный покупателем товар является индивидуальным, он не вправе от него отказаться, ведь данный товар может быть применен по назначению только им [6, с. 64].

Пимаева О. А. выделяет характерную особенность защиты средств потребителя, а именно возврат суммы приобретения согласно договору, без учета трат на доставку заказа [7, с. 234]. На это действие продавцу отводится не более 10 дней, со дня предъявления ему требования, что обеспечивает интересы обеих сторон, поскольку, с одной стороны, покупатель получает потраченные по договору средства, а с другой, закон ограничивает его от злоупотребления беспорядочно и неограниченно заказывать товары с дальнейшим возвратом, что гарантирует продавцу защиту.

Касаемо нарушений прав потребителей следует отметить продажу товаров и оказание услуг через Интернет, это объясняется недоработкой законодательства в данной сфере, недостаточным владением потребителями ПК и более широкой возможностью продавца обмануть, ввести в заблуждение покупателя.

Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 года № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» предусматривает, что при продаже товаров и услуг через Интернет информацию, которая должна быть предоставлена потребителю в соответствии с законодательством, следует размещать таким образом, чтобы потребитель имел к ней непосредственный доступ и был ознакомлен с ней до оформления заказа [8].

По мнению Беловой Л.В, поддержание производителями высоких стандартов качества и безопасности отечественной пищевой продукции, а также контроль импортной продукции является актуальной проблемой и неотъемлемой составляющей в действиях за удовлетворение интересов потребителей. Жалобы на качество пищевой продукции отрабатываются специалистам по надзору за питанием населения, в большинстве случаев применяются меры административного воздействия в виде штрафных санкций за нарушение санитарного законодательства, а также статей закона «О защите прав потребителей» [9, с. 42].

Согласно ГОСТ 31985-2013 «Услуги общественного питания», под общественным питанием понимается самостоятельная отрасль экономики, состоящая из предприятий различных форм собственности и организационно-управленческой структуры, организующая питание населения, а также производство и реализацию готовой продукции и полуфабрикатов, как на предприятии общественного питания, так и вне его, с возможностью оказания широкого перечня услуг по организации досуга и других дополнительных услуг [10].

Основываясь на данном определении, выделим следующие функции организаций общественного питания:

– производственная функция. Является основной, в процессе её выполнения создается продукт, определяется его потребительская стоимость;

– торговая функция. Осуществляет взаимосвязь между покупателем и организацией, обмен товара на деньги. Левкутная Т. В. в своей научной работе говорит, что учет затрат является одним из самых сложных и в то же время интересных разделов бухгалтерского учета, потому что на предприятиях различных видов деятельности он имеет свои характерные черты [11, с. 22].

Учет затрат объединяет специфику учета как производственных, так и торговых предприятий. Такая специфика связана с созданием комфортных условий для приема пищи посетителями.

Организация общепита обязана довести до сведения потребителей фирменное наименование (наименование) своей организации, место ее нахождения (адрес), тип, класс и режим работы, размещая указанную информацию на вывеске, а индивидуальный предприниматель, осуществляющий свою деятельность в сфере общественного питания, должен предоставить потребителям информацию о государственной регистрации и наименовании зарегистрировавшего его органа. Если в предприятие осуществляется продажа алкогольной продукции, то в доступном для

ознакомления месте должна быть информация о номере, сроке действия лицензии и органе, выдавшем её. Исполнитель обязан в наглядной и доступной форме довести до сведения потребителей необходимую и достоверную информацию об оказываемых услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Право потребителя на отказ от заказанной им услуги закреплено в ст. 32 Закона РФ «О Защите прав потребителей». При отказе от заказанной услуги потребитель обязан оплатить тому же ресторану фактически понесенные расходы, связанные с исполнением обязательств по договору.

Таким образом, при заключении договора об оказании услуг по организации и проведению банкетов, предприятия общественного питания не вправе включать в его текст условие о том, что при отказе потребителя от данных услуг, внесенная сумма предоплаты возврату не подлежит. Исполнитель имеет право претендовать ровно на ту сумму, которая покрывает его фактические расходы в связи с исполнением данного договора, причем все расходы должны быть подтверждены документально.

Антонович Е.К в своей научной работе говорит, что во всех организациях общественного питания есть возможность осуществить предварительный заказ стола – Правила оказания услуг общественного питания позволяют это сделать. Он может быть оформлен письменно, либо посредством телефонной, электронной или иной связи. Если за «бронирование» взимают деньги – это не противоречит законодательству, но впоследствии эта сумма должна быть зачтена в счет заказа [12, с. 8].

Момент и способ оплаты услуг (предварительная, после отбора блюд, после приема пищи, с авансом или без него, наличный или безналичный расчет) определяется соглашением сторон. Безуглая Н.С., в соответствии с законодательством РФ утверждает, что потребитель вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуги и потребовать полного возмещения убытков, если в установленный указанным договором срок недостатки оказанной услуги не устранены исполнителем. Потребитель также вправе отказаться от исполнения договора об оказании услуги, если им обнаружены существенные недостатки оказанной услуги или иные существенные отступления от условий договора [13, с. 63].

Необходимо отметить, что исполнитель обязан иметь книгу отзывов и предложений, которая предоставляется потребителю по его требованию, а потребителю следует получить у исполнителя документ, подтверждающий оплату оказанных услуг (кассовый чек и т.д.). Претензии к исполнителю услуг лучше всего оформлять письменно, в двух экземплярах, вручая один из них исполнителю под роспись (либо направляя по почте заказным письмом с уведомлением и описью вложения).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовое регулирование защиты прав потребителя в сфере общественного питания динамично, поскольку данная сфера востребована среди современного общества, что обосновывает развитие законодательства о защите прав потребителей.

Для того, чтобы правовое регулирование в сфере защиты прав потребителей существенно улучшилось, целесообразно представить следующие способы решения указанных проблем:

– внести изменения и дополнения в действующее законодательство;

– делегирование полномочий в сфере защиты прав потребителей органам местного самоуправления;

– стимулировать контроль со стороны общественных организаций;

– постепенное сокращение товаров с вредными примесями;

– усилить надзор за требованиями к качеству пищевых продуктов, и т.п.

Поэтапная реализация данных предложений будет способствовать к развитию правового регулирования защиты прав потребителей, а также снижению социальной напряженности в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нуралиев С. У. «О роли оптовой торговли в обеспечении продовольственной безопасности и качества пищевых продуктов» // Пищевая промышленность. 2017. №2. – С.87-90
2. Богатырев А.В., Шишов И.П., Дерюшева Т.В. Исследование влияния упаковки на сохранность продукции в процессе товародвижения // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2016. № 1 (29). С. 94-97.
3. Федеральный закон "О стандартизации в Российской Федерации" от 29.06.2015 N 162-ФЗ (последняя редакция) 29 июня 2015 года N 162-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/
4. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-I. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
6. Дудченко А. В., Павловская В. Ю. Защита прав потребителей при реализации товара в сети Интернет // Закон и право. 2019. № 11. С. 64-68.
7. Пимаева О. А. Защита прав потребителей в сфере дистанционной торговли по гражданскому законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 41(175). С. 232-237.
8. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. От 04.10.2012) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4894.
9. Белова Л.В. и др. Порча пищевых продуктов. Правовая и административная ответственность / Л. В. Белова, В.В. Карцев, Т.Ю. Пилькова, И.М. Федотова, И.Г. Элиович, С.Ю. Разуваева: Учебное пособие. СПб.: Изд-во ООО «Каро», 2013. – 432 с.
10. ГОСТ Р 51074-2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования: Постановление Госстандарта России от 29.12.2003 № 401-ст.
11. Левкутная Т. В. Особенности бухгалтерского учета на предприятиях общественного питания // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. №2 – С.20-25.
12. Антонович Е.К., Антонович А.Б. Права и свободы человека и гражданина в современном мире //. М., 2009. № 10. – С. 7-12.
13. Безуглая Н.С. Экономическая безопасность предприятия. Сущность экономической безопасности предприятия / Н.С. Безуглая // Российское предпринимательство. – 2010. – № 4-1. – С. 63-67.

PROBLEMS OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN CERTAIN SPHERES OF PUBLIC RELATIONS

Annotation. This paper discusses current problems in the field of consumer protection. The topic of abuse of the right is touched upon, both on the part of the consumer and on the part of the seller, or the person providing services, the supplier. The problems that buyers may potentially face are analyzed.
Keywords: consumer, losses, goods, violation of rights, damage.

Beznogova K.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: beznogova_e_2003@mail.ru

УДК 343.3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

Варга С.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье анализируются актуальне проблемы объективной стороны государственной измены, а также рассматриваются основополагающие аспекты государственной измены и объективной

стороны состава вцелом. Анализируются различных мнения ученых относительно вопроса трёх форм осуществление объективной стороны государственной измены. В статье раскрывается понятие государственной тайны, шпионажа и иных видов помощи иностранных государствам . Определяется значимость исследовательских результатов, проводимых ранее. Высказываются различных авторские позиции относительно тех или иных вопрсов.
Ключевые слова: государственная измена, объективная сторона, формы осуществления, суверенитет, уголовное право.

Говоря об актуальных проблемах объективной стороны, первоначально нужно остановиться на том, что именно понимается под данным составом, и в какой статье Уголовного Кодекса Российской Федерации он регламентирован.

Итак, государственная измена, как один из самых сложных и важных составов, подразумевает под собой следующее: деяние, сознательно направленное против суверенитета своей страны её гражданином. Важно отметить, что гарантированные в ст. 29 Конституции России свобода мысли и слова, право каждого свободно искать, получать, передавать производить и распространять информацию могут осуществляться любым законным способом [1, с. 66]. Эти права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо, в частности, в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. Указанные положения определяют конституционно-правовые основания главы 29 УК РФ. Отсюда следует, что государственная измена находит своё отражение в главе 29 УК РФ, а именно в статье 275.

Отметим, согласно ч.1 ст. 275 УК РФ: «государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [2, с. 427].

Далее, очерчивая конкретные границы научного исследования, стоит сказать о том, что подразумевается под объективной стороной государственной измены: объективная сторона государственной измены состоит в активных, враждебных, совместных с иностранным государством, иностранной организацией или их представителями действиях гражданина РФ, направленных в ущерб суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации. Также, представляется необходимым отметить, что объективная сторона государственной измены выражается в трёх формах: 1) шпионаж; 2) выдача государственной тайны; 3) оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности РФ. С объективной стороны состав государственной измены сконструирован как формальный, что не предполагает наступление каких-либо общественно опасных последствий.

Целью данной научной работы является подробное изучение объективной стороны государственной измены и аспективное освещение самых проблемных, по мнению ученных в области уголовного права, вопросов, а также теоретическая и практическая оценка нормы ст. 275 УК РФ, как преступления против внешней безопасности государства с точки зрения законодательно-технического совершенства и особенностей дифференциации уголовной ответственности за данное деяние

Актуальность тематики научного исследования обоснована следующим: Государственная измена как уголовное преступление отличается от других видов

преступлений своей особой специфичностью и целым рядом других особенностей, которые в своей сущности могут нести судьбоносное значение как для сохранения суверенитета, территориальной неприкосновенности, а также и для обороноспособности России, как суверенного государства. Все три вышеперечисленные компонента национальной безопасности Российской Федерации обозначены в настоящем Уголовном кодексе РФ общим понятием – внешняя безопасность. Принятие Конституции РФ способствовало тому, что преступления против государственной власти в Уголовном кодексе РФ уступили свое место преступлениям против личности, при этом значимость уголовно-правовой борьбы с данной группы преступлений не снизилась, а наоборот требует постоянного совершенствования мер такого противодействия. Также актуальность темы исследования подкрепляется тем, что статистические данные за последние года весь выросли. Так, например, в 2021 году в России за государственную измену и шпионаж были осуждены 17 человек, всем осужденным было назначено наказание в виде реального лишения свободы, следует из статистики Судебного департамента при Верховном суде России [3, с. 98]. Безусловным фактом является то, что объективная сторона государственной измены играет одну из ключевых ролей в обозначенной актуальности, так как совершение преступление, по большей части, зависит именно от объективной стороны. Отсюда, вытекает и ряд актуальных проблем, связанных с объективной стороной государственной измены.

Исследованием обозначенного состава в разное время занимались такие ученые-юристы, как Г.З. Анашкин, Б.А. Викторов, В.А. Владимиров, А.А. Герцензон, А. С. Горелик, С.В. Дьяков, Л.Д. Ермакова, А.А. Игнатьев, В.С. Клягин, А.П. Кузнецов, Б.А. Куринов, В.И. Курляндский, В.А. Мазуров, В.Д. Меньшагин, С.М. Паршин, А. А. Пионтковский, Ю.Е. Пудовочкин, В.Н. Рябчук, А.С. Самойлов, Д.В. Царев, Ю. А. Шумилов, М.И. Якубович и др. Труды данных ученых посвящены анализу состава государственной измены, проблемам квалификации, изучению вопросов, связанных с объективными и субъективными признаками, исследованы вопросы законодательной техники при конструировании соответствующей нормы и др [4, с. 121].

Далее, необходимо остановиться на конкретных проблемах, связанных с объективной стороной государственной измены. Первой из них, которая исследовалась на разных этапах инкриминирования статьи за государственную измену, является следующая: УК РФ не обеспечивает в достаточной мере защиту государственной тайны, поскольку её выдача, например, иностранцу, выступающему как частное лицо, не образует состава государственной измены. Выдачу образуют любые действия, в результате которых сведения, составляющие государственную тайну, становятся достоянием иностранного государства, иностранной организации или их представителей: устные или письменные сообщения, передача через технические каналы связи, передача чертежей, схем, диаграмм, карт, планов, действующих моделей, приборов или образцов. Выдача государственной тайны образует оконченный состав государственный измены с момента фактической передачи представителям иностранного государства или иностранной организации сведений, составляющих государственную тайну [5, с.83].

На фоне изложенного, касательно выдачи государственной тайны, как одного из вариантов осуществления объективной стороны государственной измены, разгорается множество научных споров. В основном, это связано с тем, что преимущественное количество ученных, например, таких как А.С. Горелик и А.А. Игнатьев, считают, что выдача имеет материальный состав, то есть выдача считается совершенной непосредственно после того, как секретные данные, составляющие государственную тайну, оказались в поле действия «иностранного элемента». Однако, существует также мнение о том, что выдача также должна подпадать под формальный состав, то есть,

одного намерения выдать государственную тайну должно хватить для возникновения уголовной ответственности [6, с. 107].

Хоть на сегодняшний день и не выработано единого мнения относительно изложенного, мы считаем, что целесообразнее придерживаться позиции, которая высказана упомянутыми авторами – учеными. То есть, на наш взгляд, найти решение этой проблемы весьма просто – принять позицию большинства, так как, если выдача не состоялась, существует такое определение как «покушение на преступление». Следовательно, если говорить о том, что выдача также имеет формальный состав последнее определение просто дискредитируется.

Обозначим вторую проблему объективной стороны государственной измены, она звучит следующим образом. Если рассматривать уголовно-правовые составы преступлений, которые предусмотрены ст. 275 УК РФ (государственная измена) и 276 (шпионаж) УК РФ с точки зрения объективной стороны, то не сложно прийти к обоснованному выводу о том, что объективная сторона анализируемых составов деяний, равно как и объект данных составов, едина как для государственной измены, так и для шпионажа. Отсюда возникает вопрос, вызвавший множество разногласий и дискуссий, в плане оправданности наличия статьи, которая характеризует шпионаж как отдельный состав преступления. Среди ученых бытует мнение, что ст. 276 УК РФ можно признать неуместной, например, Т.В. Илларионов пишет: «Шпионаж как форма государственной измены представляет собой совершенные гражданином РФ альтернативные действия в виде сбора, похищения или хранения для передачи или передача иностранному государству, иностранной организации или их представителям различных сведений (в том числе составляющих государственную тайну), создающие угрозу причинения ущерба внешней безопасности РФ» [7, с. 97]. А также, его поддерживает А.Н. Смирнова, которая пишет: «шпионаж в качестве формы совершения преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ с точки зрения объективной составляющей, полностью совпадает с содержанием шпионажа, выступающего в качестве самостоятельного преступного деяния, которое предусмотрено ст. 276 УК РФ» [8, с. 112].

Однако, мы возражаем этому мнению, так как общие объективные признаки еще не гарантируют полного сходства составов преступления. Наше мнение аргументируется следующим образом: субъектами шпионажа как самостоятельного преступления могут быть только иностранные граждане и лица без гражданства, соответственно, граждане РФ за шпионские действия несут ответственность по ст. 275 УК РФ «Государственная измена». То есть, мы заостряем внимание на том, что идентичность объективной стороны говорит лишь о родстве двух составов, а также на том, что смысл наличия двух статей как раз-таки и заключается в том, что шпионаж, совершаемый гражданином РФ, является одной из форм объективной стороны государственной измены.

А также, важно отметить, что непосредственное использование термина «шпионаж» в статье 275 УК РФ можно считать неким «законодательным дефектом». Употребление в ст. 275 УК РФ термина «шпионаж» как формы государственной измены представляет собой логическое несоответствие, так как шпионаж по его общепринятому определению не может быть совершен гражданином России.

Рябчук В.Н. пишет, что категория «шпионаж», в контексте ст. 275 УК РФ (государственная измена) должна пониматься следующим образом: «Данная категория должна пониматься как передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности России» [9, с. 80].

Таким образом, мы можем резюмировать, что проблема состоит НЕ в том, что статья 276 УК РФ, посвященная шпионажу, лишняя, а в том, что в ст. 275 УК РФ, как одна из форм осуществления объективной стороны, должна быть указана иная форма. Отсюда следует, что решение данной проблемы возможно лишь законотворческим способом, то есть практическим, но никак не теоретическим.

Третья проблема, соответственно, связана с третьей формой осуществления объективной стороны государственной измены, то есть с оказанием помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности РФ. Она звучит следующим образом: непонятна причина перечисления в статье видов помощи (финансовая, материально-техническая, консультационная или иная), которую виновный может оказать иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности РФ. Перечисление могло бы быть оправданно, если бы законодатель сделал этот перечень закрытым, то есть ограничился на перечислении конкретных видов помощи. Беря во внимание насущный нормативный подход законодателя, для установления обозначенной формы государственной измены нет необходимости убеждаться, была ли это помощь со стороны виновного в реализации именно «враждебной деятельности». Критерий, определяющий наказуемость в соответствии с действующим законодательством – направленность деятельности против безопасности государства.

Однако, в ст. 275 УК РФ имеет место словосочетание «или иной помощи», что непроизвольно делает любое перечисление излишним. Следовательно, на наш взгляд, мы можем резюмировать, что решение данной проблемы возможно посредством ограничения видов, предоставляемой иностранным лицам или государствам помощи. Это значительно могло бы облегчить правоприменительную практику относительно этой формы реализации объективной стороны государственной измены, так как суду не нужно было бы рассматривать каждый отдельный случай и выявлять, может ли считать тот или иной акт, актом оказания помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации.

Также, проблемой, несколько относящейся и к объективной стороне государственной измены можно отнести и тот факт, что с 2012 года в действующем уголовном законе ст. 275 не претерпела никаких значительных изменений. Можно отметить, что это свидетельствует о недостаточном внимании со стороны законодателя к теоретическим и практическим проблемам, связанным с государственной изменой, а равно с её объективной стороной. Также проблемность видится в отсутствии руководящего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против внешней безопасности государства». Все приведенное подтверждает необходимость внесения значительных корректировок в действующую норму УК РФ, что еще раз подтверждает актуальность научного исследования [10, с. 99].

Мы считаем важным отметить в данной научном работе, относительно указанной тематики, что в ходе исследовательской деятельности, проводимой иными авторами, например, такими как Л.Д. Гаухман и С.В. Максимовой были отмечены следующие результаты: «обозначенные в УК РФ и перечисленные выше формы осуществления объективной стороны государственной измены не вступают в противоречие с Конституцией РФ, что подтверждено в одном из решений Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. №17-П: «Гарантируя права и свободы человека и гражданина и обеспечивая их защиту, государство одновременно вправе устанавливать в федеральном законе ограничения прав и свобод в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55 Конституции

Российской Федерации), в том числе предусматривать уголовную ответственность за деяния, умышленно совершенные в ущерб основным ценностям конституционного строя» [11, с. 132].

Таким образом, на основании всех материалов, изложенных в тексте статьи, мы можем сделать вывод, что ряд актуальных проблем объективной стороны государственной измены на сегодняшний день является более существенным. Проблемы, приведенные нами для исследования, являются наиболее острыми и неоднозначными, хоть и кажется, что пути решения некоторых из них весьма примитивны. Стоит упомянуть тот факт, как результат проведенного исследования, что не все проблемы могут быть решены на теоретическом уровне, некоторые требуют основательного вмешательства законодательных инициатив. Также, резюмируя изложенное, стоит высказаться о том, что данная тема всегда была одной из самых обсуждаемых и дискуссионных на разных этапах существования статьи за такое преступление, как государственная измена. Научная ценность и обоснованность берет своё начало в работах авторов разных поколений, которые несмотря на разность мнений все, как один, отмечают, что объективная сторона государственной измены является ключевым элементом данного состава, и одним из самых сложных, по отношению к другим, так как выражается в трёх формах реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветров Н.И. «Уголовное право. Особенная часть»: учебник / под ред. Н.И. Ветрова. М., 2000. – 600 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления: современный аспект // журнал: «право и управление». Право. – 2022. – № 9. – С. 140-143.
4. Костырев В.И. «Уголовное право: Общая и особенная части. Курс лекций»: учебник / под ред. В. И. Костырева Уфа., 2000. – 530 с.
5. Михлин А. С. «Уголовное право»: учебник / под ред. А.С. Михлина. М., 2004. – 720 с.
6. Уголовное право: Учеб. для вузов / С.В. Дьяков, А.А. Игнатьев, В.В. Лунеев, С.И. Никулин. – Москва: Изд. группа "Норма – Инфра-М", 1999. – 405 с.
7. Илларионов, Т. В. Уголовная ответственность за государственную измену // журнал: «Молодой ученый». Право. – 2020. – № 22 (312). – С. 257-259.
8. Смирнова А.Н. «Государственная измена как уголовно наказуемое деяние»: учебник – М.: Смарт, 2012. – 256 с.
9. Рябчук В.Н. Государственная измена и шпионаж. – СПб.: Юридический Центр «Пресс», 2007. С. 195
10. Наумов А.В. Практика применения Уголовного Кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и докрин. толкование. М.: Волтерс Клувер, 2016. – с. 800
11. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана и проф. С. В. Максимова. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 704 с.

ACTUAL PROBLEMS OF THE OBJECTIVE SIDE OF HIGH TREASON

Annotation. This paper analyzes the actual problems of the objective side of high treason, and also examines the fundamental aspects of high treason and the objective side of the composition as a whole. Various opinions of scientists on the issue of three forms of implementation of the objective side of high treason are analyzed. The article reveals the concept of state secrets, espionage and other types of assistance to foreign states. The significance of the research results carried out earlier is determined. Various author's opinions are expressed regarding certain issues.
Keywords: high treason, objective side, forms of implementation, sovereignty, criminal law.

Varga S.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: vargasofia47@gmail.com

УДК 34.037

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В НОРМАТИВНУЮ ПРАКТИКУ ПОНЯТИЯ НЕЭТИЧНОЙ РЕКЛАМЫ

Вербицкая А.Ю.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается возможность возвращения в нормативную практику понятия неэтичной рекламы, исследованы причины исключения из законодательства статьи «неэтичная реклама», рассмотрены примеры неэтичной рекламы, разработано предложение по совершенствованию Федерального Закона «О рекламе».
Ключевые слова: реклама, неэтичная реклама.

На сегодняшний день реклама является неотъемлемой частью жизни. Она фигурирует не только на телевидении, но и в интернете, размещается на транспортах, местах продаж и т.д. Важно, чтобы она соответствовала как законодательным нормам, так нормам этики и морали. Однако, на данном этапе, всё чаще встречается такое явление как неэтичная реклама.

Следует заметить, что в Федеральном Законе «О рекламе» отсутствует понятие неэтичной рекламы, хотя в редакции 1995 года, действующей до 1 июля 2006 года, существовала целая статья, посвящённая ей [1].

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью нормативного регулирования рекламы с этической точки зрения в связи с массовостью данного явления, а также с учётом того, что она – образец поведения для некоторых категорий лиц.

Над проблемой этической культуры в рекламе работали Акопьянц А.С., Родионова Н.В. и Карелина Т.А.. Проблему необходимости правового регулирования этики в рекламе рассматривала Атькова К.С..

Целью исследования является изучение необходимости возвращения в нормативную практику понятия «неэтичная реклама».

Итак, согласно вышеупомянутому Федеральному Закону «О рекламе», реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке[2].

Полезное предназначение рекламы заключается в оказании помощи при выборе необходимых товаров и услуг. Однако, предприниматели также используют рекламу и для привлечения внимания к объекту, а после для удержания конкурентных преимуществ. Зачастую способы их удержания являются неэтичными, что приводит к тому, что искажаются моральные ценности подрастающего поколения, а также впечатлительные и внушаемые люди могут брать показанное за образец поведения.

Однако, как отмечает Атькова К.С.: «Моральная ответственность рекламодателя – это сугубо субъективный вопрос, в то время как реклама, в которой отсутствует моральная ценность, не всегда является неправомерной, нарушающей закон или чьи-либо чувства»[3].

В статье 5 «Общие требования к рекламе» в отдельные категории выделены только два вида рекламы – недобросовестная и недостоверная[4].

Однако в ранней редакции федерального закона РФ «О рекламе», как уже отмечалось выше, была закреплена статья, посвящённая неэтичной рекламе, где таковой являлась:

1) реклама, которая содержала текстовую, зрительную, звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы гуманности и морали путем употребления оскорбительных слов, сравнений, образов в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, религиозных, философских, политических и иных убеждений физических лиц;

2) порочащая объекты искусства, составляющие национальное или мировое культурное достояние;

3) порочащая государственные символы (флаги, гербы, гимны), национальную валюту Российской Федерации или иного государства, религиозные символы;

4) порочащая какое-либо физическое или юридическое лицо, какую-либо деятельность, профессию или товар.

На основании данной статьи была возможность привлечь к ответственности, нарушившего норму [1].

Важно отметить, что статья утратила силу в связи со сложностью правоприменения. Она заключалась в первом абзаце 1 части, который сформулирован следующим образом: «Неэтичной является реклама, которая содержит текстовую, зрительную, звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы гуманности и морали путем употребления оскорбительных слов, сравнений, образов в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, религиозных, философских, политических и иных убеждений физических лиц»[1]. В данном абзаце затруднения вызывало словосочетание «общепринятые нормы гуманности и морали», так как исходя из задач правоприменения термин «общепринятые нормы» не несет никакой правовой нагрузки. Это происходит, по причине того, что право оперирует категориями, формулами, получившими закрепление соответствующими законодательными и нормативными актами, а также судебными решениями. Также сложны для понимания в сочетании «общепринятые нормы» и гуманность с моралью, поскольку не совсем ясно, на что следует опираться при решении споров на основе данной нормы. Гуманность и мораль, в целом, – это философские понятия, которые не могут и не имеют однозначной трактовки.

Тем не менее, необходимость сохранения морали и гуманности в современной рекламе очевидна, поскольку она влияет на привычки людей, их вкусы и предпочтения. Это свидетельствует о необходимости внимания со стороны законодателя.

Примером неэтичной рекламы может являться следующее:

1) Компания Calvin Klein вдохновились картиной «Тайная вечеря» и изобразила моделей в джинсах Calvin Klein, сидящих в тех же позах за столом, что и ученики с Иисусом на оригинальной картине (рис. 1). Иск против компании подала католическая церковь Франции и выиграла дело. Calvin Klein заплатила штраф $1 000 000[5];

Рисунок 1 – Тайная вечеря от Calvin Klein и оригинал картины

2) В Архангельске компания-застройщик заполонила город билбордами с полуобнаженной женщиной и надписью: «Квартира с отделкой всего за 9900 рублей в месяц. Дешевле, чем снять!» (рис. 2).

Рисунок 2 – Реклама квартиры в Архангельске

Экспертный совет решил, что реклама неэтична. Но штраф компании не выписали – срок давности привлечения к ответственности истёк, да и компания оперативно сняла баннеры [5].

3) «АЛЛО!» такси Донецк 666 (рис. 3). Реклама является неэтичной, поскольку само число «666» с религиозной точки зрения является числом зверя и скрывает имя чудовища, упоминаемое в Книге Откровения. С другой стороны, касательно данного автотранспортного предприятия проводилось совместное заседание Комитета Народного Совета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений и Комитета Народного Совета по внешней политике, международным связям, информационной политике и информационным технологиям, с участием представителей Министерства информации и Министерства культуры. На заседании рассматривалась реклама предприятия с точки зрения оскорбления чувств верующих. Итогом заседания было рассматривать цифровую конструкцию «666» как обычный набор повторяющихся цифр. Вопрос о неэтичности рекламы не поднимался в связи с отсутствием таковой статьи в Законе ДНР «О рекламе», который, как было отмечено на самом заседании: «…с учётом избранного курса на гармонизацию отечественного законодательства с законодательством Российской Федерации следует отметить, что эти правоотношения в сфере рекламы урегулированы аналогичным образом» [6].

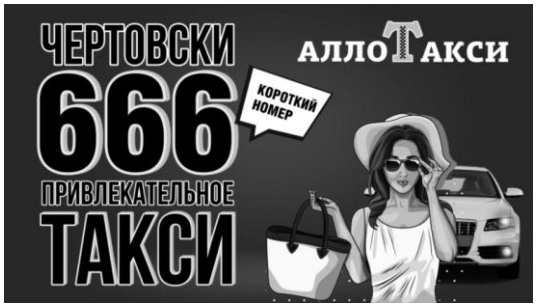


Рисунок 3 – Реклама «АЛЛО!» такси Донецк 666

Итак, следует говорить о том, что отмеченные нормы и положения дают самое общее представление о неэтичной рекламе. Как отмечает Акопьянц А.С.: «Действие закона не охватывает рекламу эротического характера, рекламу, дискриминирующую граждан по уровню их материального достатка, рекламу магов и экстрасенсов, рекламу, не соблюдающую бережное отношение к русскому языку. Таким образом, статус неэтичной рекламы в законодательстве РФ отсутствует, границы этичной/неэтичной рекламы обозначены в общем виде. Участникам рекламного рынка это дает возможность трактовать понятие неэтичной рекламы по-своему, что может приводить к

конфликтной ситуации между рекламистами и органами контроля. Рекламистам зачастую приходится исходить из собственных соображений, опыта, интуиции» [4].

Резюмируя вышесказанное, следует вернуться к Федеральному Закону «О рекламе», в котором можно заметить, что в действующей редакции отсутствует понятие «неэтичная реклама». Однако, с учётом вышеизложенных фактов и сложности введения в закон полноценной статьи о неэтичной рекламе, полагаем, целесообразно предложить ввести в статью 3 Федерального закона «О рекламе» понятие «неэтичная реклама». В следующей редакции изложить его таким образом, с учётом всех особенностей данного явления: «Неэтичная реклама – это реклама, которая содержит текстовую, зрительную, звуковую информацию, нарушающую общепринятую гуманность и мораль, путем употребления оскорбительных слов, сравнений, образов в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, религиозных, философских, политических и иных убеждений физических лиц; порочит объекты искусства, составляющие национальное или мировое культурное достояние; порочит государственные символы (флаги, гербы, гимны), национальную валюту Российской Федерации или иного государства, религиозные символы; порочит какое-либо физическое или юридическое лицо, какую-либо деятельность, профессию, товар».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «О рекламе» от 18.07.1995 N 108-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7234/ (дата обращения: 17.02.2023).
2. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О рекламе». – [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 19.02.2023).
3. Атькова, К. С. Необходимость правового регулирования этики в рекламе / К. С. Атькова// Молодой ученый. – 2020. – № 6 (296). – С. 308-309. – URL: https://moluch.ru/archive/296/67145/ (дата обращения: 19.02.2023).
4. Акопьянц А.С. Этическая культура рекламы/ А.С. Акопьянц// Идеи и идеалы. – 2012 г. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskaya-kultura-reklamy (дата обращения:19.02.2023).
5. Неэтичная реклама: что это, примеры, 7 признаков. – [Электронный ресурс] – URL: https://lpgenerator.ru/blog/chto-takoe-neehtichnaya-reklama/ (дата обращения: 19.02.2023).
6. Парламентарии обсудили вопросы размещения рекламы. – [Электронный ресурс] – URL: https://dnrsovet.su/parlamentarii-obsudili-voprosy-razmeshheniya-reklamy/ (дата обращения: 19.02.2023).

ON THE QUESTION OF THE NEED TO RETURN THE CONCEPT OF UNETHICAL ADVERTISING TO REGULATORY PRACTICE

Annotation. In this paper, the possibility of returning the concept of unethical advertising to regulatory practice is considered, the reasons for excluding the article «unethical advertising» from the legislation are investigated, examples of unethical advertising are considered, a proposal for improving the Federal Law «On Advertising» is developed.
Keywords: advertising, unethical advertising, Federal Law «On Advertising».

Verbitskaya A.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: alina_verbitskaya_702@mail.ru

УДК 347.4

ДОГОВОР КРЕДИТОВАНИЯ В РФ И ДНР

Верниченко Д.А.,
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе раскрывается сущность кредитного договора, а также выделяются его ключевые особенности в разрезе законодательства Российской Федерации, а также процесса интеграции Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации.
Ключевые слова: кредитование, договор, банк, потребительский кредит, условия.

Кредитование – важнейшая экономическая составляющая, которая играет одну из ключевых ролей не только в финансовой системе государства, но и в собственных сбережениях многих граждан. Данный институт представляет собой заём денежных средств, совершаемый для конкретной цели. Субъектом получения кредита могут быть не только физические, но и юридические лица. Процессуальная форма выдачи ассигнований по кредиту называется кредитным договором (или договором займа), теоретическое и правовое регулирование которого будет подробно рассмотрено в настоящей работе.

В своём классическом виде история договора займа берёт своё начало ещё со времён римского права, но на сегодняшний день кредитование можно выделить в отдельный гражданско-правовой институт. Ключевой особенностью договора кредитования является то, что в качестве его предмета могут выступать только денежные средства. В зависимости от субъектов, договор делится на виды, каждый из которых регулируется разными нормативно-правовыми актами и содержит индивидуальные признаки и особенности.

На сегодняшний день в России существует развитая банковская система, которая, в основном, представлена частными банками и осуществляет выдачу кредитов. Однако даже у такого слаженного механизма возникают проблемы, обусловленные веяниями времени. Так, свои коррективы вносит введение кредитных льгот для участников СВО и их семей, взаимодействие должников и коллекторских агентств, вопросы разработки новых кредитных программ и многое другое. Изучение договора кредитования необходимо для полноценного правового регулирования займа денежных средств и устранения пробелов, которые как для одной, так и для другой стороны могут стать способом неосновательного обогащения.

Целью работы является разработка практических рекомендаций по усовершенствованию законодательства в сфере кредитных правоотношений на основании исследования исторического развития, содержания договора кредитования в Российской Федерации и его особенностей в зависимости от каждого из его видов.

В части 1 статьи 819 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплена общая формула кредитного договора: «По кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита» [1].

Юридическая характеристика кредитного договора следующая: он является возмездным, консенсуальным, двусторонне-обязывающим.

Консенсуальность – это признак, отличающий кредитный договор от договора займа, ведь момент заключения последнего соответствует моменту передачи его предмета.

К основным условиям кредитного договора можно отнести условия, которые определяют предмет договора, то есть сумма выданного кредита, время и порядок его выдачи клиенту, срок и порядок возврата данного кредита, а также размер процентов и порядок их уплаты кредитору за пользование предоставленным кредитом [2, с.79]. При этом существенным условием договора будет являться непосредственно его предмет и срок. Исходя из этого выделяются такие признаки договора, как его срочность, платность и возвратность.

Как правило, в качестве одной из основных проблем кредитного договора выделяется возврат денежных средств в случае смерти должника – несмотря на то, что это обязательство не прекращается со смертью физического лица и вместе с имуществом переходит к его наследникам, на практике взыскание кредитных обязательств с наследников довольно затруднительно. Рассмотрим эту проблему более подробно.

В части 1 ст атьи 518 ГК РФ закреплено: «Обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника».

Обязательство, возникающее из кредитного договора, не носит творческого характера, поскольку обязанность платить деньги не связана с личностью должника, то есть может быть исполнено без его непосредственного участия. Важным обстоятельством для кредитора является платёжеспособность должника, но не его личность. Поэтому обязательства должника, вытекающие из кредитного договора не являются неразрывно связанными с личностью должника и могут быть исполнены вместо последнего другими лицами [3, с. 3]. Таким образом, мы приходим к выводу, что кредитное обязательство не прекращается смертью должника.

Однако ст. 518 ГК РФ в качестве одного из оснований прекращения обязательства закрепляет невозможность исполнения: «Обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает».

Абсолютная невозможность исполнения обязательства означает невозможность выполнения договора в силу непредвиденных обстоятельств политического, социально-экономического характера или вследствие стихийного бедствия. Относительная невозможность исполнения – это такая невозможность, которая зависит непосредственно от воли и сознания субъектов договорных отношений, то есть сами субъекты договорных обязательств оказывают прямое или непосредственное влияние на исполнение обязательств (например, нарушение сроков исполнения договорных обязательств).

Из всего вышесказанного возникает вопрос, должен ли поручитель, который отвечает за должника, отвечать также за его наследников по кредитному договору. Согласно ч. 1 ст. 1175 ГК РФ: «Наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно. Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества».

Это говорит о том, что наследник должника при условии принятия им наследства становится должником перед кредитором в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Значит, если в договоре поручительства содержится условие о согласии поручителя отвечать за любого нового должника, поручитель становится ответственным за исполнение наследником обязательства. Однако проблема заключается в том, что в ГК РФ отсутствует механизм взыскания кредитной задолженности в случае смерти должника, вследствие чего при применении судебной практики этот вопрос остаётся не решённым.

Как следствие, решением данной проблемы будет разработка способа взыскания кредитной задолженности в случае смерти должника, который гарантирует возврат кредита кредитору.

Кроме того, Марченко А.А. выделяет также проблему слабого положения заёмщика в договоре кредитования [4, с. 791]. Как было сказано в работе ранее, банк обычно предоставляет готовый макет кредитного договора, а заёмщику остаётся лишь согласиться с предложенными условиями. Было бы целесообразным позволить заёмщику вместе с банком участвовать в разработке кредитного договора, установлении процентной ставки и иных существенных условий договора.

Ещё одной проблемой, которую хотелось бы затронуть в данной работе, является создание более точной классификации существенных условий договора. Как обязательные, так и дополнительные условия кредитного договора были представлены в предыдущих разделах курсовой работы. Однако приведённую классификацию нельзя назвать универсальной, поскольку каждый договор может содержать свои собственные индивидуальные условия, которые будут существенными [5, с. 13] В связи с этим представляется необходимым закрепить в ГК РФ единый перечень существенных условий с целью упрощения составления кредитного договора.

Что касается проблем законодательства РФ по данному вопросу в настоящий момент, то, отличительными его особенностями являются те, которые были введены в контексте проходящей СВО, а именно: возможность кредитных каникул для военнослужащих, списание кредитов для их семей. На наш взгляд, данный закон, подписанный Президентом РФ, несомненно, несёт очень большую социальную пользу, однако, вызовет и некоторые трудности. Наибольшие трудности возникнут у банков, специализирующихся на выдаче кредитов физическим лицам. По данным на начало года, таких кредитов больше всего выдали «Сбер», ВТБ, Газпромбанк, Альфа-банк и Россельхозбанк [6].

Кроме того, что касается ипотечных кредитов, то в 2022 году, по оценке Frank RG, объем выданных ипотечных кредитов составил 1,3 млн кредитов на 4,9 трлн рублей, что на 16% меньше, чем в 2021 году. В количественном выражении объем выданных кредитов снизился на 31% к прошлому году. Причинами снижения объема выданных кредитов по ипотеке стали высокий уровень процентных ставок по рыночным программам и снижение потребительской уверенности.

Также в декабре 2022 года был зафиксирован очередной рекорд по выданным ипотечным кредитам. По оценке Frank RG, банки выдали 177 тыс. кредитов на 703 млрд рублей, что на 48% больше, чем в ноябре 2022 года и на 8% больше аналогичного периода прошлого года. Доля программ с государственной поддержкой составила 55% от общего объема выданных ипотечных кредитов [7].

Статистику по количеству кредитов, выданных участникам СВО и тем, кто может быть мобилизован, кредитные организации раньше не вели. Поэтому оценить последствия принятия законопроекта для отрасли сейчас невозможно.

Одной из важнейших проблем в сфере кредитования в РФ были столкновения должников с коллекторами, а также коллекторы могли оказывать давление и на семью должника. Однако принятый в 2021 году законопроект решил эту проблему, ограничив общение коллекторов с семьёй должника с целью защиты граждан. На наш взгляд, следовало бы вовсе запретить коллекторские агентства для безопасности заёмщиков.

Важно отметить и то, что в последнее время популярность кредита на территории ДНР резко упала. Связано это с тем, что банк ЦРБ предлагает линии кредитования с достаточно ограниченными условиями, к тому же, действуют они совсем недавно. Решению этой проблемы способствует заведение на нашу территорию новых банковских учреждений. Сейчас к таким относится только Промсвязьбанк (ПСБ), но в будущем планируется и появление новых российских банков в ДНР и реорганизация банковской системы ДНР в составе РФ.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что нами были выделены следующие проблемы в процессе действия кредитного договора:

- несоответствие судебной практики о взыскании кредита с наследников заёмщика, а также ответственность поручителя за взыскание кредита с таких лиц. Отсутствие механизма взыскания задолженности с наследников умершего заёмщика;
- наличие коллекторских организаций, которые нарушают права человека;
- сложность внедрения в реальность кредитных каникул для военнослужащих, а также возможности не выплачивать кредит семьям погибших военнослужащих, участвовавших в СВО;
- слабое положение заёмщика в кредитном договоре. Отсутствие у него возможности самостоятельно участвовать в разработке наиболее важных положений кредитного договора;
- отсутствие единой классификации существенных условий кредитного договора, которую было бы целесообразно закрепить в ГК РФ и иных нормативных правовых актах банковских учреждений.

Решение всех вышеперечисленных проблем позволит устранить некоторые проблемы в правовом регулировании кредитного договора и сделать его положения более открытыми и понятными для сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 г. №14-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276
2. Макаров И.А. Сравнительно-правовой анализ кредитного договора и договора займа / И.А.Макаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №5-4 (44). – С.78-82.
3. Евдокимова М.В., Бутов А.Н. Проблемы взыскания задолженности по кредитным договорам в случае смерти должника / М.В. Евдокимова, А.Н.Бутов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – №1. – С.1-7.
4. Марченко А.А. Проблемы реализации прав заёмщика в кредитных договорах / А.А.Марченко // Аллея науки. – 2018. – №4(20). – С. 791-794.
5. Земляков Ю.Д., Кулакова Ю.В., Лобковская О.З. Кредитный договор: проблема определения существенных условий / Ю.Д.Земляков, Ю.В.Кулакова, О.З.Лобковская // Вестник Международной Академии Системных Исследований. Информатика, экология, экономика. – 2018. – №2. – С. 10-15.
6. Госдума приняла законопроект о кредитных каникулах для военнослужащих – участников СВО [Электронный ресурс] / Bfm.ru. – Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/509754
7. Обзор рынка ипотеки в 2022 году по версии Frank RG [Электронный ресурс] / Frankrg.com. – Режим доступа: https://frankrg.com/110643

MAIN PROBLEMS OF THE LOAN AGREEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE DPR

Annotation. The paper reveals the essence of the loan agreement, as well as highlights its key problems and features in the context of the legislation of the Russian Federation, as well as the process of integration of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation.
Keywords: lending, agreement, bank, consumer credit, conditions.

Vernichenko D.
Scientific adviser: Efremova A.V., Candidate of law, Associate professor
Donetsk National University
E-mail: d_vernichenko@mail.ru

УДК 341.9

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА РЕАДМИССИИ

Галинтовский М.И.
Научный руководитель: Полякова Н.Г., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается генезис международно-правовой регламентации института реадмиссии. Рассматривается складывающаяся ситуация в геополитике демонстрирует мировой общественности о тесной взаимосвязи государств между собой. В условиях участившихся случаев нелегальной миграции вопрос обеспечения национальной безопасности стран приобретает особую актуальность.
Ключевые слова: Реадмиссия, международная организация по миграции, институт реадмиссии, международная миграция.

Актуальность темы исследования обусловлена складывающейся ситуацией в геополитике демонстрирует мировой общественности о тесной взаимосвязи государств между собой. В условиях участившихся случаев нелегальной миграции вопрос обеспечения национальной безопасности стран приобретает особую актуальность.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу становления и развития института реадмиссии, сперва следует дать определение понятию термина «реадмиссия».

Реадмиссия в переводе с английского языка «to readmit» – принимать назад. Так, реадмиссия представляет собой взаимное соглашение между заинтересованными государствами, содержание которого заключается в обязательстве передачи запрашивающим государством и приема запрашиваемым государством лиц (граждан запрашиваемого государства, граждан третьих государств или лиц без гражданства), въехавших или находящихся на территории запрашивающего государства в нарушение действующего на его территории законодательства по вопросам въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. Отличительной чертой реадмиссии являет то, что лицо депортируется в государство, с территории которого оно въехало, даже если оно не является государством его гражданства или постоянного местожительства [1, с. 36]. Отсюда следует, что миграция лица может иметь «многоступенчатую нелегальность», в случае если оно неоднократно меняет страну пребывания. Необходимо дополнить, что при наличии соответствующих соглашений о реадмиссии такие лица могут быть депортированы также «многоступенчато», то есть по обратному порядку посещения стран к первоначальной стране пребывания.

На законодательном уровне термин «реадмиссия» закреплен в Руководстве по реадмиссии для экспертов и специалистов-практиков, разработанном Международной организацией по миграции (МОМ) в 2009 г., – «действие государства, разрешающего повторный въезд лица (собственных граждан, иностранных граждан или лиц без гражданства), о котором стало известно, что оно (данное лицо) незаконно въехало, пребывает или проживает на территории другого государства» [2, с. 13]. Исходя из содержания определения, можно сделать вывод, что правовая регламентация выходит за рамки одного государства, так как само непосредственное существование процесса реадмиссии существует благодаря взаимным соглашениям между государствами.

Далее рассмотрим две точки зрения ученных о начале возникновения института реадмиссии.

Калеман Н. считает, что данный институт возник еще в начале XIX в. Автор ссылается на соглашения, которые касались высылки незаконных иммигрантов путем

установления обязательств и процедур в отношении реадмиссии между договаривающимися сторонами [3, с. 1]. Так речь идет о соглашениях 1818 и 1819 гг., заключенных между Пруссией и другими германскими государствами [3, с. 12]. В качестве следующего примера можно привести соглашение, заключенное между Нидерландами и Германией 7 ноября 1906 г. Данное соглашение устанавливало, что договаривающиеся государства обязывались «открыть свои территории» для иностранцев. Цель – «ограничение полномочий по высылке голландских граждан из Германии и наоборот» [3, с. 13]. В целом данная точка зрения заслуживает внимания, указанные соглашения содержат в себе некоторые положения схожие с институтом реадмиссии. Следовательно, данные договоры можно считать предпосылками в становлении соглашений о реадмиссии, которые известны современному международному праву.

Иная точка зрения заключается в том, что институт реадмиссии начал свое развитие после окончания Второй мировой войны. Здесь будет идти речь об активном заключении соглашений о контроле за границами и обращении с незаконно прибывшими иммигрантами на территории Европейского Союза (далее – ЕС) и стран Союза независимых государств (далее – СНГ). Следует отметить, что можно выделить два этапа: до и после создания ЕС и СНГ, то есть послевоенный период и период начала активизации развития института реадмиссии после 90-х годов XX века. Данную точку зрения поддерживают А. Х. Абашидзе и Е. В. Киселевой в своем труде «Реадмиссия в отношениях России и ЕС: перспективы заключения соглашения» [4], а также А. Сутормина [5].

Таким образом, в результате изучения рассматриваемой темы был получен материал, анализ генезиса которого позволил сделать вывод, что институт реадмиссии известен на протяжении долгого времени и является методом сохранения безопасности в государстве посредством выявление незаконных иммигрантов и депортацией их в предыдущую страну пребывания.

Наряду с этим необходимо отметить, что не все страны поддерживают институт реадмиссии. Так, Китай, проводящий политику расширения своей диаспоры, отказывается принимать назад своих граждан против их воли. Подобная политика входит в диссонанс с обычным международным правом, в вопросе отношения государства к своим гражданам, поскольку государства обязаны принимать обратно своих граждан. Впрочем, в силу различных обстоятельств, запрашивающие и запрашиваемые государства, заинтересованы в осуществлении реадмиссии в совершенно различной степени. Основополагающей целью международно-правовых договоров о реадмиссии является упорядочивание процессов межгосударственной миграции, а также закрепление отдельных процедур возврата лиц в первоначальное государство – место жительство или транзита. В содержании данных договоров должны также учитываться интересы иностранцев, связанные с их безопасностью (например, случаи опасности преследования). В связи с этим, для обеспечения защиты отдельных категорий граждан (беженцы и лица, ищущие убежище) необходимо применять действующие международно-правовые механизмы, а в содержании договоров о реадмиссии конкретизировать условия возвращения граждан в государства их гражданства и гарантии надлежащего обращения с ними.

Таким образом, можно говорить о том, что запрашиваемые государства обычно рассматривают заключение соглашений о реадмиссии как возможность для продвижения своих интересов в других областях политики.

Теоретический анализ показывает, что проблема становления института реадмиссии рассматривалась научными деятелями неоднозначно. Существует большое количество нюансов при рассмотрении возникновения и развития данного института, в силу различного отношения государств к проблеме нелегальной миграции, а также

борьбы с преступностью и правонарушениями в отношении иностранцев и лиц без гражданства в целом. Тем не менее, в настоящее время происходит активное развитие в рамках европейского законодательства как одного из способов международного сотрудничества и противодействия подобных инцидентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сборник научных трудов. Выпуск 7. – Минск, 2015. – С. – 35-49.
2. Руководство по реадмиссии : для экспертов и специалистов-практиков : [в 2 т.] / [С. Актопрак и др.] ; Федеральная миграционная служба. – Москва : Международная орг. по миграции, 2009. – 151 с.
3. Coleman N. European readmission policy. Third country interests and refugee rights. – Leiden: Koninklijke Brill NV, 2009.
4. Абашидзе А., Киселева Е. Реадмиссия в отношениях России и ЕС // Обозреватель. –2004. – № 2. – С. 48–54.
5. Сутормина Л. Диалог России с Европейским Союзом об отмене виз // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 114–120.

GENESIS OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE READMISSION INSTITUTION

Annotation. This paper examines the genesis of international legal regulation of the institution of readmission. Consideration of the developing situation in geopolitics demonstrates to the world community the close interrelation of states between each other. In the conditions of more frequent cases of illegal migration the question of ensuring the national security of countries acquires particular relevance.
Keywords: readmission, international organization on migration, readmission institute, international migration.

Galintovsky M.
Scientific adviser: Polyakova N.G., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: maxtwainax@gmail.com

УДК 347.6

ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ

Гокунь Ю.С.
Научный руководитель: Асеева Н.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Научная статья посвящена изучению правовых и этических проблем применения экстракорпорального оплодотворения Определено, что ЭКО осуществляется на основании гражданско-правового договора, в качестве сторон которого выступает предоставляющая услуги репродуктивная клиника и женщина-пациент, т.е. получатель услуг. В процессе написания научной статьи автор приходит к выводу о том, что несмотря на существующие этико-правовые проблемы в сфере осуществления экстракорпорального оплодотворения, из всего спектра вспомогательных репродуктивных технологий зачастую обращение происходит именно к нему.
Ключевые слова: экстракорпоральное оплодотворение, проблемы применения, право, этика.

Вспомогательные репродуктивные технологии являются важнейшим достижением медицины и позволяют ежегодно тысячам детей по всему миру появляться на свет, предоставляя их родителям шанс иметь полноценную семью. Кроме того, вспомогательные репродуктивные технологии благоприятно влияют на демографическую ситуацию в Российской Федерации, т.к. способствуют росту населения.

Одной из наиболее часто применяемых вспомогательных репродуктивных технологий следует признать экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО). Так, доля женщин, вставших на учет по беременности после ЭКО, в целом по Российской Федерации составила 31,92 % [1]. За 9 месяцев 2022 года было проведено 62,5 тыс. процедур ЭКО, а на 2023 год запланировано свыше 89,5 тыс., что превышает на 18 % показатели 2022 года [2]. Необходимо отметить, что с правовой и этической точек зрения существованию ЭКО сопутствует ряд проблем, требующих скорейшего разрешения. Исследованию этих проблем и посвящена данная статья.

Экстракорпоральное оплодотворение представляет собой процесс оплодотворения, при котором яйцеклетка соединяется с семенем in vitro («в стекле»). Показаниями для проведения программы ЭКО и переноса криоконсервированных эмбрионов являются:

1) неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше;

2) состояния, при которых эффективность лечения бесплодия при применении программы ЭКО выше, чем при применении других методов;

3) наследственные заболевания, для предупреждения которых необходимо преимплантационное генетическое тестирование, независимо от статуса фертильности;

4) сексуальная дисфункция, препятствующая выполнению полового акта (при неэффективности искусственной инсеминации);

5) ВИЧ-инфекция у дискордантных партнеров, независимо от статуса фертильности [3].

Процесс проведения данного метода вспомогательных репродуктивных технологий включает в себя мониторинг и стимуляцию овуляторного процесса женщины, удаление яйцеклетки из ее яичников и оплодотворение их сперматозоидами в специальной среде в лаборатории. После того, как оплодотворенная яйцеклетка подвергается культивированию эмбриона в течение 2–6 дней, ее переносят с помощью катетера в матку с целью установления успешной беременности.

ЭКО осуществляется на основании гражданско-правового договора, в качестве сторон которого выступает предоставляющая услуги репродуктивная клиника и женщина-пациент, т.е. получатель услуг. В качестве существенных условий рассматриваемого контракта необходимо обозначить предмет договора, цену предоставляемых услуг и условия о судьбе криоконсервированных эмбрионов. Дискуссионным признается вопрос о предмете договора ЭКО. Обратим внимание на то, что предмет договора составляет совокупность медицинских и немедицинских услуг по лечению бесплодия. Предметом договора не может являться эмбрион и сам ребенок, родившийся в случае благополучного проведения процедуры, протекания беременности родов. Наличие материального результата противоречит самой сущности ЭКО как услуги, т.к. любая услуга – это деятельность по своей сути, результаты которой не могут иметь материального выражения, поскольку они реализуются и потребляются при осуществлении этой деятельности.

Вторым существенным условием договора является его цена. Цена договора представляет собой стоимостное выражение представляемого комплекса медицинских и немедицинских услуг.

Этические проблемы осуществления ЭКО связаны с:

1) состоянием здоровья детей, рожденных по этим методикам;

2) состоянием здоровья женщин, обратившихся к применению ВРТ;

3) определением судьбы замороженных человеческих эмбрионов, оставшихся после проведения ЭКО;

4) отбором эмбрионов, который проводится с помощью преимплантационной генетической диагностики (далее – ПГД) для переноса только самых здоровых эмбрионов.

Дети, рожденные с помощью ЭКО, имеют более высокий процент неблагоприятных медицинских последствий, чем дети, зачатые естественным путем [4, с. 1225-1232]. Эти дети имеют более высокие показатели недоношенности и низкой массы тела при рождении, а также повышенный риск врожденных дефектов, особенно пороков развития сердца и хромосомных аномалий. В дополнение к упомянутым выше нарушениям у детей, рожденных с помощью ЭКО, также может наблюдаться наличие заболеваний, таких как: нарушение психомоторного развития, детский церебральный паралич, аутизм и астма.

Большинство неблагоприятных медицинских последствий, возникающих у женщин, обратившихся к ЭКО, связаны с большим числом многоплодных беременностей, которые у них происходят, поскольку акушерские проблемы, как известно, чаще встречаются при многоплодной, чем при одноплодной беременности. Тем не менее, одноплодная беременность, зачатая с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, ЭКО, также представляет более высокий риск возникновения у матерей неблагоприятных последствий, таких как дородовое кровотечение, артериальная гипертензия во время беременности, преждевременное излитие плодных оболочек либо гестационный диабет, чем одноплодная беременность, зачатая естественным путем [5, с.187-194].

В целях улучшения эффективности ЭКО обычно создают большое количество эмбрионов, от 10 до 12, из которых 1 либо 2 переносятся. Оставшиеся эмбрионы замораживаются. Эта практика означает, что количество замороженных (криоконсервированных) человеческих эмбрионов постепенно увеличивается. В связи с этим возникает вопрос о судьбе криоконсервированных эмбрионов, что влечет за собой возникновение биоэтических проблем. Полагаем, есть четыре решения для этих эмбрионов:

1) оставить их замороженными на неопределенный срок;

2) использовать их для биомедицинских экспериментов;

3) разрешить использовать их в репродуктивных программах лиц, не являющихся их генетическими родителями, так называемая донация эмбрионов;

4) утилизовать.

Оставление эмбрионов замороженными на неопределенный срок предполагает их возможное дальнейшее использование генетической матерью и пересадку в ее организм либо в организм суррогатной матери в целях наступления беременности, вынашивания и рождения ребенка.

Эмбрионы представляют невероятно большой интерес для учёных, т.к. на ранних этапах развития зародыша клетки его тела ещё недифференцированы. Следовательно, они могут превратиться в клетки любой ткани организма. Данные клетки называют стволовыми, и, хотя они встречаются даже во взрослом организме, эмбриональные стволовые клетки представляют наибольшую научную ценность. Использование эмбрионов для биомедицинских экспериментов является одним из наиболее дискуссионных вопросов отечественной биоэтики и права и нуждается в самостоятельном исследовании и отдельной работе.

Человеческая жизнь есть абсолютная ценность, неизмеримая и как таковая несопоставимая ни с какой другой. На наш взгляд, разрешить использовать эмбрионы в репродуктивных программах лиц, не являющихся их генетическими родителями, правильно, поскольку это может помочь другим людям, страдающим генетическими заболеваниями и нежелающим по этой причине создавать эмбрионов из своих половых клеток, реализовать право на семью и дать им возможность завести ребенка. Кроме того, донированные эмбрионы могут быть использованы и в программе суррогатного материнства. Для донации эмбрионов обязательно нужно письменное разрешение женщины, проходившей программу ЭКО.

Донация представляется гуманной по отношению как к самим эмбрионам, как к человеческим зародышам, так и к описанным лицам с генетическими заболеваниями. Донация эмбрионов считается положительным решением для них, поскольку, если эмбрионы не используются родителями в репродуктивных целях, их донация этически более оправдана, чем любая другая судьба, которая может быть им уготована. Проведение медицинских процедур, направленных наступление беременности и рождение ребенка, является, лучшим решением, т.к. их цель состоит в том, чтобы помочь построить семьи, т.е. помочь бесплодным парам завести ребенка, а также защитить основное благо эмбриона, его жизнь. Следовательно, многие исследователи и медицинские учреждения видят в донации замороженных эмбрионов альтернативу их судьбе, которая с этической точки зрения лучше, чем их использование для биомедицинских экспериментов либо утилизация.

Утилизацию эмбрионов осуществляет клиника, в которой проводилось ЭКО. Утилизация эмбрионов означает их разморозку с последующей гибелью и уничтожением как медицинских отходов. Это неправильно с точки зрения морали, однако позволительно с позиции действующего законодательства. Для проведения утилизации эмбрионов врачам необходимо получить письменное разрешение от женщины-пациентки. До его этого эмбрионы будут храниться при очень низких температурах. Если в течение нескольких месяцев пациентка не выходит на связь, репродуктивная клиника связывается с ней либо хотя бы предпринимает попытки, направленные на это. По истечении прописанного в договоре срока медицинские работники получают право на использование криоконсервированных эмбрионов по своему усмотрению, т.е. на утилизацию, использование в качестве донорских, передать для проведения медицинских исследований.

Отметим, что условие о судьбе криоконсервированных эмбрионов возможно рассматривать в качестве существенного условия, т.к. оно прописывается в подавляющем большинстве договоров ЭКО. Данное условие обговаривается пациенткой и репродуктивной клиникой предварительно и при изменении решения пациентки может быть изменено и изложено в дополнительном соглашении.

Преимплантационная генетическая диагностика (далее – ПГД) – это лабораторный метод, предназначенный для генетического исследования эмбрионов перед их переносом и, следовательно, перед имплантацией в матку. Целью этой процедуры является определение того, имеют ли эмбрионы генетическую или хромосомную аномалию либо являются ли они носителями генетического фактора риска заболевания, особенно в тех парах, в которых хотя бы один из партнеров представляет высокий риск развития генетическое состояние, которое они могли бы передать своему потомству. С этической точки зрения такую диагностику возможно рассматривать как принятие медицинскими работниками решения о том, какие эмбрионы могут и достойны жить, а какие нет. С медицинской точки зрения проведение ПГД вполне обоснованно признается правильным, т.к. от этого зависит состояние здоровья будущего поколения. ПГД в настоящее время все чаще используется для предотвращения заболеваний, которые могут появиться во взрослом возрасте. В целом можно сказать, что ПГД используется при ЭКО для повышения его эффективности.

Таким образом, несмотря на существующие этико-правовые проблемы в сфере осуществления экстракорпорального оплодотворения, из всего спектра вспомогательных репродуктивных технологий зачастую обращение происходит именно к нему. Это указывает на минимальный страх либо отсутствие такового перед проведением данной сложной с медицинской точки зрения процедуры, а также на готовность женщин принимать участие в её программах, что, несомненно, оценивается положительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчет о результатах экспертноаналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения» URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06ddedb49a807822ad7cd21621.pdf (дата обращения: 18.12.2022).
2. ЭКО (Экстракорпоральное оплодотворение). URL: https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%%D0%B5)#.2A_.D0.9C.D0.B8.D0.BD.D0.B7.D0.B4.D1.80.D0.B0.D0.B2_.D1.81.D0.BE.D0.BE.D0.B1.D1.89.D0.B8.D0.BB_.D0..9A.D0.9E (дата обращения: 18.12.2022).
3. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/ (дата обращения: 18.12.2022).
4. Goisis A., Remes H., Martikainene P., Klemetti R., Myrskylä M. Medically assisted reproduction and birth outcomes: A within-family analysis using Finnish population registers / A. Goisis, H. Remes, P. Martikainene, R. Klemetti, M. Myrskylä // Lancet. – 2019. – № 393. – Pp.1225-1232.
5. Aznar J., Martínez M., Navarro P. Valoración de la adopción de embriones humanos congelados desde el punto de vista de la filosofía moral, la ética laica y dos religiones monoteístas / J. Aznar, M.

LEGAL AND ETHICAL PROBLEMS OF IN VITRO FERTILIZATION

Annotation. The scientific article is devoted to the study of the legal and ethical problems of the use of in vitro fertilization, it is determined that IVF is carried out on the basis of a civil contract, the parties of which are the reproductive clinic providing services and the female patient, i.e. the recipient of services. In the process of writing a scientific article, the author comes to the conclusion that despite the existing ethical and legal problems in the field of in vitro fertilization, it is often addressed to him from the entire spectrum of assisted reproductive technologies.
Keywords: in vitro fertilization, problems of application, law, ethics.

Gokun J.
Scientific adviser: Aseeva N.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 343.33+341.4

ПОНЯТИЕ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ НАЕМНИЧЕСТВА

Голубев Д.Е.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье раскрывается сущность такого противоправного явления как наемничество. Участие наемников в вооруженных конфликтах, их применение в целях вмешательства во внутренние дела, угрозы территориальной целостности и независимости суверенных государств вызывают негативное отношение к такому противоправному явлению как наемничество со стороны современного мирового общества. Основная проблематика наемничества состоит в том, что наемниками наиболее часто совершаются акты терроризма, убийства, применяются пытки, диверсии и др. На основании рассмотренных международно-правовых документов по борьбе с наемничеством, научных трудов, а также их общего анализа формулируется вывод о некоторых сложностях процесса выработки единой позиции мирового сообщества в отношении данного деяния, согласовании общего определения и закрепления соответствующих норм.
Ключевые слова: наемник, наемничество, противоправность, преступление, вооруженные конфликты.

Борьба с преступностью является важной составляющей деятельности государства, цель которого стоит в защите прав и свобод своих граждан от преступных посягательств. Огромный фактор влияния и значения в регулярных распространениях и

поддержаниях военных конфликтов имеют наемники, борьба с которыми исчисляется многовековым опытом, как на полях сражений, так и в рамках правового поля.

Со времён средневековья смысл термина «наёмник» практически не подвергся изменениям. По мнению В. И. Даля, «нанимать» – означает «брать из платы во временное услужение, в работу». Наёмником признаётся человек «нанявшийся, пошедший в наймы, в работу или на службу, в солдаты»[1, с. 798].

В сознании общества и человечества в целом наемничество всегда рассматривалось как глубоко аморальное явление. Применение наемников для достижения определенных политических задач, исполнение политики, выгодной определенной реакционной группе лиц, со стороны современного международного права представляется противоправным и уголовно наказуемым деянием.

Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. запрещает вербовку и использование наемников. Наемником стоит называть лицо, которое намеренно завербовывается с целью участия в вооруженном конфликте. Набор людей ради собственной выгоды также является запретным. Кроме этого, Конвенция указывает, что использование наемников обязано рассматриваться как преступление для всех государств [2, с.428].

Угроза наемничества в качестве первостепенной цели определяет противодействие данному противоправному явлению, в том числе в форме привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, выступающая закономерной реакцией государства на совершение преступления и результатами уголовного преследования, основную базу которого составляет квалификация уголовно-противоправного деяния.

Учитывая требования и условия международного права уголовным законодательством Российской Федерации установлена уголовная ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Важность и значимость борьбы с наемничеством, а также защита прав и свобод граждан от посягательства на них наемников, закреплена в Конституции и в Уголовном кодексе Российской Федерации. Статьей 359 УК РФ за наемничество предусмотрена уголовная ответственность. В ст. 359 прим. 1 говорится, что наемником признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей [3].

Основная проблематика такого противоправного явления как наемничество состоит в том, что наемниками наиболее часто совершаются акты терроризма, убийства, применяются пытки, диверсии и т.д. Наемничеству вдобавок сопутствуют такого рода преступления международного характера как незаконный оборот оружия и наркотиков, похищение людей и т.п.

Участие наемников в вооруженных конфликтах, их применение в целях вмешательства во внутренние дела, угрозы территориальной целостности и независимости суверенных государств, воспрепятствования процессу самоопределения народов, подрыва международного мира и безопасности вызвали негативное отношение к такому противоправному явлению как наемничество со стороны современного мирового общества, поскольку общий характер противоправности наемничества дестабилизирует мировой порядок и разрывает многолетний опыт сотрудничества государств в различных сферах взаимоотношений.

Фактами исторического характера засвидетельствовано то, что в различные исторические периоды в армиях многих стран и предводителей несли службу иностранцы. Прежде стоит выделить, что, во-первых, наемничество в те времена не являлось противоправным деянием, а во-вторых, иностранцы, проходившие службу в

армиях иных суверенных государств, стоит расценивать как военнослужащих-контрактников, то есть лиц, проходящих военную службу на основании заключенного ранее соглашения, закрепляющего права и обязанности сторон. Право прохождения военной службы в армии иностранного государства должна быть закреплена национальным законодательством (указом, манифестом и т.д.). Примером является изданный Петром I в 1702 г. Манифест о вызове иностранцев на службу в Россию, обещавший им хорошие условия, охрану прав и свободу совести.

Проведенный в Луанде судебный процесс над группой наемников был воспринят как акция справедливости. В июне 1976 года в Луанде был начат судебный процесс в отношении британских и американских наемников. Данным процессом был дан не только важный материал для становления правовой нормы об уголовной ответственности наемников, но также в должной мере была освещена проблема противоправной деятельности государств, способствовавших и поощрявших наемничество [4, с. 37].

Применение наемников в условиях законного порядка, установленного Уставом ООН, в вооруженных конфликтах стоит расценивать как иностранную интервенцию, хотя третье государство напрямую и не вовлечено в конфликт и не одобряло использование собственных граждан в роли наемников.

Международно-правовыми документами, воспрещающими наёмничество, являются акты, принятые Организацией африканского единства (ОАЕ).

К ним относятся:

– резолюция о наёмниках, утвержденная Ассамблеей ОАЕ 14 сентября 1968 г. в г. Киншасе;

– резолюция VII Чрезвычайной сессии Совета министров ОАЕ, состоявшаяся в 1970 г. в Лагосе;

– декларация о деятельности наемников в Африке, принятая в июне 1971 г. в Аддис-Абебе и другие документы.

В этих документах наёмничество характеризуется как орудие преступления политики колониалистского характера. Указывается, что наемники представляют глобальную угрозу миру и безопасности, территориальной целостности государств [5].

Организацией Объединенных Наций также были рассмотрены и многократно обсуждены вопросы, касающиеся противоправности наёмничества.

Егимов Н.К. указывает, что в сравнительно-правовом анализе содержания актов ООН существуют три основных требования к государствам – членам ООН [6, с. 97]. Данными требованиями выступают:

1. Утверждение законов, объявляющих противозаконными действиями набор, финансирование, а также обучение наемников на территории стран-участников.

2. Объявление запрета на службу в роли наемников собственным гражданам.

3. Воздерживание от организации, подстрекательства, пособничества и участия в действиях, связанных с наёмничеством.

Закрепленные в источниках права вооруженных столкновений свод правил о том, что применение наемников – это преступление, знаменуют собой то, что осуждаются не только действия наемников, но также действия государств, которые отправляют наёмников в чужую страну или снисходительно относятся к вербовке и деятельности наёмников из числа собственных граждан. Действия такого рода должны рассматриваться как противоправные.

Границы, отличающие частные военные компании от наемников крайне размыты и неоднозначны. Мировым сообществом часто подвергается сомнению наличие различий между ЧВК и наемничеством, уравнивая данные понятия. Стоит упомянуть, что ЧВК является законной организацией, привязанная к конкретной стране, имеющая регистрацию в органах государственной власти определенного

государства, где основана их деятельность. Однако, не всегда предоставляющая точных и прозрачных отчетностей о проводимых действиях. Представитель частной военной компании, как правило, является гражданином государства, в котором он осуществляет свою деятельность на основе контракта, по юридической природе представляющего собой гражданско-правовой договор, за вознаграждение, но при этом он может выполнять охранные функции и заниматься специализированной подготовкой нанятого контингента. Наемники же, в свою очередь, представляют собой неконтролируемых, отдельных солдат, не имеющим закрепления и привязки к конкретной компании или же государству, скрывающих свое существование [7, с. 156].

Статус подобных структур не получил закрепления в действующем российском законодательстве, однако, ст. 208 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за организацию незаконных вооруженных формирований [3]. Ряд имеющихся факторов образует определенные мнения и некоторые разногласия между мировым сообществом. Однако, наиболее верным представляется подразумевать частные военные компании как правомерные и действующие в рамках правовых полей с соблюдением принципов и оснований, действующих мировых нормативных актов.

В противоположность наемникам деятельность добровольцев в военных конфликтах на стороне одной из воюющих стран правомерно. Важно отметить, что доброволец официально включается в личный состав вооруженных сил конкретного государства и этот факт делает его законным комбатантом. Воюющая сторона ответственна за все действия, совершенные лицами из состава ее вооруженных сил. Исходя из этого, воюющая сторона принимает на себя всю полноту ответственности за действия, совершенные добровольцем.

Аверин К.З. справедливо отмечает, что иностранец, который поступает в состав вооруженных сил одной из сторон в развивающемся вооруженном конфликте, не совершает преступления против другой стороны, которая не имеет права наказывать его за данный поступок в случае пленения [8, с. 56]. Наемник же не входит в личный состав вооруженных сил и ни одно государство не готово признать его действия в качестве санкционированных правительством этого государства

Лищев П.П. указывает, что наемники закрепили за собой характеристику, главным образом, в следующих признаках [9, с. 122]:

– руководствуются желанием получить личную выгоду;

– не являются ни гражданами стороны, находящейся в конфликте, ни лицами, постоянно проживающими на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

– не входят в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

– не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооруженных сил;

– специально завербованы на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на: свержение правительства или подрыв конституционного порядка государства иным образом; или подрыв территориальной целостности государства.

Сведения прошедших десятилетий указывают на рост численности наемников по всему миру, а также на противоправный характер их деятельности на территории различных континентов мира, в частности, в Центральной Америке, африканских государствах, бывшей Югославии, Северном Кавказе, государствах Ближнего Востока, Ираке, Афганистане и других странах. Группа правоведов, рассматривая наемничество как форму преступной деятельности иностранных граждан, обращают внимание на его влияние в политической, экономической, социальной и национально-этнической сферах [10, с. 86].

Таким образом, наемничество, как противоправное явление, оказывает огромное негативное международно-правовое влияние, поскольку: во-первых, действия наемников способствуют развитию военных конфликтов по всему миру, подрыву государственного строя и переворотам; во-вторых, разногласие позиций по определению статусов и ответственности наемников приводит к возникновению новых очагов конфликтов в рамках международных отношений, тем самым разрывая многолетний опыт сотрудничества и взаимопомощи; в-третьих, игнорирование и одобрение наемничества европейскими странами порождает развитие и прогрессирование данного вида преступления.

Вооруженные конфликты, происходящие на территории различных государств, подтверждают, что действия наемников наносят серьезный ущерб суверенитету, стабильности и безопасности государств. Немаловажным является факт законодательного закрепления в национальном праве большинством государств признания противоправности наемничества. В соответствии с нормами международного права наемники рассматриваются как уголовные преступники. Поэтому государства, на территории которых наемники совершили противоправные деяния, обязаны преследовать и судить их.

Рассмотренные международно-правовые документы по борьбе с наемничеством, научные труды, а также их общий анализ позволяют сформулировать вывод о некоторых сложностях процесса выработки целой позиции мирового сообщества в отношении данного деяния, согласования общего определения и закрепления соответствующих норм. В рамках рассмотренной проблематики предлагается пересмотреть международно-правовые акты, внести правки в отдельные положения, касающиеся статуса наемников и более детальной характеристики такого противоправного явления как наемничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. 1. – М., 2002. – С.1022
2. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. (Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года) // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение № 49 (A/44/49). – 450 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 26.01.2023)
4. Дорованов К.В. Наёмничество как международное преступление. М.: Наука, 2012. С.149
5. ОАЕ. Сборник документов 1970–1977 гг. М.: Международные отношения, 2009. С.93
6. Егимов Н. К. Вооруженные конфликты современности: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения. 2013. С.137
7. Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. М: Мысль, 2013. 217 с.
8. Аверин К.З. Наемничество по международному и национальному уголовному праву: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С.123
9. Лищев П.П. Наёмничество – международное преступление // Сборник международного права. М.: Проспект, 2016. С.139
10. Ибрагимов З.А. Наемничество: аспекты уголовно-правового и криминологического характера: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С.157

THE CONCEPT AND ILLEGALITY OF MERCENARY ACTIVITY

Annotation. The article reveals the essence of such an illegal phenomenon as mercenary activity. The participation of mercenaries in armed conflicts, their use in order to interfere in internal affairs, threats to the territorial integrity and independence of sovereign States have caused a negative attitude to such an illegal phenomenon as mercenary activity on the part of modern world society. The main problem of mercenary activity is that mercenaries most often commit acts of terrorism, murder, torture, sabotage, etc. On the basis of the considered international legal documents on combating mercenary activities, scientific works, as well as their general analysis, a conclusion is formulated about some difficulties in the process of developing a unified

position of the world community in relation to this act, agreeing on a common definition and consolidation of relevant norms.
Keywords: mercenary, mercenary activity, illegality, crime, armed conflicts.

Golubev D.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: danilgolubev2017@yandex.ru

УДК 347.45/.47

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ФРАНЧАЙЗИНГА В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Грынь Э.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе проводится анализ зарубежного опыта франчайзинговых отношений, в частности начала зарождения и развития, а также выявление особенностей франчайзинга отдельных стран. На основе анализа выявлены основные проблемы, пути их решения, а также перспективы развития института франчайзинга в современном гражданском праве на территории нашего государства, которые направлены на совершенствование законодательной базы и эффективной предпринимательской деятельности.
Ключевые слова: франчайзинг, франчайзинговые правоотношения, предпринимательская деятельность, коммерческая концессия, зарубежный опыт.

В современных условиях франчайзинг представляет собой, прежде всего, современную форму сотрудничества малого и крупного бизнеса, основанную на договоре, в рамках которого одно лицо (франчайзер), имеющее успешную модель ведения предпринимательской деятельности, обладающее исключительными правами, на возмездной основе предоставляет другому лицу право использовать в своей предпринимательской деятельности комплекс этих прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товаров, обеспечивает обучение, поддержку и контроль по всем аспектам бизнес-модели, при этом франчайзи становится собственником своего бизнеса.

Франчайзинг вошел в мировую практику достаточно быстро и успешно, поскольку такой способ позволяет осуществлять совместную предпринимательскую деятельность, с учетом высокого уровня прозрачности таких правоотношений, взаимовыгодных системных связей, что, в свою очередь, позволяет создать и широкую систему сбыта товаров и услуг, а также усилить конкурентные преимущества в системе торговых отношений. По мнению А.А. Устюжанина, одна из причин успеха франчайзинга заключается в особом эффекте сотрудничества между франчайзи и франчайзером, объединенных под одним торговым знаком [1, с. 3]. Совместно, они могут осуществлять деятельность, которая непосильна индивидуальным предпринимателям.

Ввиду того, что франчайзинг является относительно новым механизмом реализации предпринимательской деятельности на отечественной арене, а также в связи с возрастающим интересом к франчайзингу со стороны субъектов рынка, растет потребность в подробном исследовании зарубежного опыта использования данного механизма для стабилизации ведения российского предпринимательства.

Если рассматривать данную модель предпринимательской деятельности с точки зрения правового закрепления в международном поле, то следует, в первую очередь

обратиться к определениям данным международными объединениями в данной области. Так, например, Международная ассоциация франчайзинга определяет франчайзинг (franchise operation) как контрактные взаимоотношения между франчайзером и предприятием-оператором, в рамках которых франчайзер предлагает или обязуется поддерживать такие области функционирования предприятия, как ноу–хау и обучение; при этом оператор ведет дело, используя общую торговую марку и технологию, владельцем которых является франчайзер, он же и контролирует их, и при этом оператор инвестирует существенную долю предприятия за счет собственных средств [2, с. 319].

В законодательстве европейских государствах редко встречаются нормативные правовые акты, регулирующие отношения по договору франчайзинга. К странам, в законодательстве которых можно найти положения о франчайзинге относится Великобритания. Так, на законодательном уровне термин «франчайзинг» закреплен в Законе «О финансовых услугах» 1986 г. В соответсвии с данным актом, франчайзинг представляет собой соглашение сторон, при котором пользователь получает право на ведение бизнеса, от которого он получает доход, пользуясь предоставленными правами на интеллектуальную собственность (дизайн, торговая марка). Также определение франчайзинга можно найти в Европейском Кодексе Этики Франчайзинга, в котором говорится, что франчайзинг – это система продажи товаров, услуг или технологий, которая основана на продолжительном сотрудничестве между юридически и финансово независимыми сторонами – франчайзером и франчайзи [3].

Также существует иная определенная нормативная база, например, в Австралии существует Кодекс ведения франчайзинга, в Китае – ФЗ «Меры по управлению коммерческой франшизой» от 2005 г., в Испании франчайзинг регулируется ФЗ «О розничной торговле» и т.д., ведь централизованное открытие франчайзинговых компаний создает дополнительные рабочие места, увеличивает собираемость налогов, повышает эффективность малого предпринимательства, а также способствует росту экономики государства в целом.

Исходя из анализа понятия «франчайзинга» и его правового регулирования за рубежом, можно выделить основные документы, которые на данный момент осуществляют международное регулирование франчайзинговых отношений: Руководство ВОИС по франчайзингу (The WIPO Guideon Franchising, 1994); Европейский Кодекс Этики Европейской Федерации Франчайзинга; Руководство к договорам международного мастер-франчайзинга (Guideto International MasterFranchise Arrangements, 1998) и Модельный законом о раскрытии информации по договору франчайзинга (TheModel Franchise Disclosure Law, 2002.); Типовой контракт международного франчайзинга (The ICC Model International Franchising Contract, 2000, публикация МТП № 557).

Долгое время лидерами по числу франчайзеров являлись США и Североамериканский регион, поскольку именно в этих регионах положили свое начало франчайзинговые правоотношения. Так, родоначальником современного франчайзинга стал основатель всемирно известной компании «Singer Sewing machine company» Исаак Зингер. Его фирма, начиная с 1851 года, заключала с дистрибьюторами товара письменный договор, согласно которому передавалось право на продажу и ремонт швейных машинок на определённой территории США [4, с. 49].

К 20-м годам XX века уже развивался стандартный товарный франчайзинг. По принципам заложенными компанией Зингера и «General Motors», стали строить свои деловые отношения оптовые поставщики и владельцы розничных магазинов. Оптовик давал небольшим магазинам торгующих в розницу небольшую скидку на свои товары, возможность использовать марку торговой фирмы, те при этом сохраняли независимость компании и его свободу, от крупных компаний.

Договор франчайзинга такой, какой мы его знаем, начал свое полное становление и видоизменение только к началу в середине двадцатого века. Большой вклад для развития данного вида договора внес предприниматель Рэй Крок – основатель сети быстрого питания McDonald’s.

В США большинство франчайзинговых компаний строятся по модели франчайзинга бизнес формата (business format franchises). Он помимо использования продукции франчайзера и торговой марки, предполагает также управление деятельностью по методу, установленному франчайзером, который включает в себя маркетинговые планы, обучение, рекламу, и оперативную сервисную поддержку.

Менее популярен в США дистрибьюторский франчайзинг (product distribution franchises), при котором взаимодействие франчайзера и франчайзи строится по поводу реализации продукции, и по большей части представляет собой отношения поставщика-дилера [5, с. 55]. В этом случае франчайзер передает право использования своей торговой марки франчайзи, но не обеспечивает его системой управления предпринимательской деятельностью.

К списку наиболее крупных и востребованных американских франчайзеров, работающих в сфере услуг и общественного питания можно назвать «America Center» (услуги), «Athlete's Pooc» (спортивное оборудование), «Baskin Robbins» (мороженое), «Burger King» (быстрое питание) «Century» (недвижимость), «McDonald's» (быстрое питание) и др.

Таким образом, проведя анализ развития франчайзинга в США можно сделать вывод о том, что исторически франчайзинг здесь является одним из самых развитых и успешных форм организации и развития предпринимательской деятельности. Он позволяет минимизировать риски в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Многолетний опыт применения систем франчайзинга в США доказал его устойчивость и обеспечил популярность.

Тем не менее, начиная с 2002 года наблюдается устойчивый активный рост отношений по франчайзингу практически на всей территории Европы. Несмотря на то, что первые франчайзинговые компании появились в Европе еще в XIX веке, свое широкое развитие франчайзинг приобрел только после того, как он стал успешным механизмом в США. Однако, европейский франчайзинг нельзя назвать однородным. В первую очередь, это было обусловлено спецификой отдельных экономических систем государства, различиями уровня развития, социально-культурными особенностями и т.д. Таким образом, франчайзи некоторых стран предпочли франчайзинг в сфере обслуживания (Великобритания, Германия), другие – в сфере распределения (особенно Франция). Значительно разнится и пропорция использования франчайзинговой системы в секторе розничной торговли и услуг между европейскими странами. Например, в Великобритании, где рынок и общественность знакомы с франчайзингом, приблизительно одна треть компаний розничной торговли и услуг работают, как франчайзи. В Бельгии, где все ещё сильны традиции создания семейных фирм, франчайзинговые компании не превышают 10% от всех предприятий сферы обслуживания и розничной торговли.

Активный рост развития франчайзинговых отношений в определенной степени достигнут благодаря деятельности Международной Ассоциации Франчайзинга, которая на профессиональном уровне помогает франчайзерам выйти на новые международные рынки и помочь покупателям международных франшиз приобрести лучшие из франчайзинговых брендов, существующие на рынке [6, с. 89].

Как итог можно подчеркнуть, что, будучи одним из ключевых инструментов глобализации и видов международных отношений, международный франчайзинг слабо подвержен унификации. В каждой стране есть свое представление о рассмотрении правовых аспектов и вопросов франшиз, хотя, с одной стороны, относительно новый

вид правоотношений легче унифицировать для удобного применения по всему миру. Тем не менее, практика показывает обратное, несомненно основные и ключевые моменты применения договора франчайзинга у всех относительно схоже, однако именно детали являются проблемным аспектом для практиков данных правоотношений.

Так, мировой опыт применения франчайзинга насчитывает более 100 лет. Массовое появление франчайзинговых предприятий в Российской Федерации стало возможным только в 90-е годы прошлого века в связи с переходом страны к рыночной экономике. Наряду с крупными иностранными франчайзерами (McDonald's, Coca-Cola, Baskin Robbins, PizzaHut, Reebok, ComputerLand) в нашей стране стали появляться собственные бренды. В начале 90-х годов Владимир Довгань создал компанию «Дока», изготавливавшую оборудование для производства пищевых продуктов, на котором по франшизе выпускалась продукция под брендами «Дока-хлеб» и «Дока-пицца», следом стали появляться и другие компании.

В 1997 году была образована Российская ассоциация франчайзинга. Важным направлением деятельности ее деятельности, как и Международной Ассоциации Франчайзинга, можно назвать помощь и поддержку развития института франчайзинга в нашей стране.

Однако следует отметить, что достоверных статистических данных о точном количестве существующих в России франшизных систем получить нельзя. По мнению А.С. Александровой, это связано с тем, что, развивая собственные франчайзинговые сети, многие компании никак не заявляют о себе, отказываясь оформлять отношения с франчайзи с помощью единого договора франчайзинга и заменяя его рядом других договоров [7, с. 14]. Это является немаловажным отличием российского франчайзинга от общепринятой мировой практики. Так, по одним подсчетам число франчайзинговых компаний составляет порядка тысячи, по другим – 300-600. По оценкам Торгово-промышленной палаты России, количество реально действующих франшиз не превышает 150, из них успешны не более сорока. Возникает вопрос, почему в России отношения по договору франчайзинга не так успешны как в зарубежных странах?

Во-первых следует отметить, что в Российской Федерации договор франчайзинга отождествляется с договором коммерческой концессии, которыq закреплен в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Договор коммерческой концессии, закрепленный в гл. 54 ГК РФ не находит своего применения в соглашениях, в которых правообладатель по какой-то причине предоставляет пользователю лицензию на иное средство индивидуализации, а не на товарный знак.

Также существуют отличия в предмете договора, который состоит из обязательных и факультативных элементов. Так, в связи с введением в действие ч. 4 ГК РФ, в ч. 2 ст. 1474 ГК РФ было внесено новое положение, в соответствии с которым распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования) не допускается. Это изменение затронуло главу 54 ГК РФ: в договоре коммерческой концессии из комплекса исключительных прав был изъят элемент, который раньше являлся обязательным для этого договора и был средством индивидуализации правообладателя – фирменное наименование. Раньше без этого элемента заключение договора было бы невозможным – в противном случае договор считался недействительным. Для договора же франчайзинга, существующего в иностранных государствах, в частности в США, Канаде и странах Европейского союза, этот элемент комплекса исключительных прав является обязательным, что соответствует современным стандартам развития данного договора.

Исходя из этих признаков, можно сделать вывод, что договор франчайзинга является по содержанию, в частности предмета договора, шире договора коммерческой

концессии. До внесения изменений в Гражданский кодекс РФ договор коммерческой концессии можно было признать синонимом договора франчайзинга, так как тогда в комплекс исключительных прав входило бы право на фирменное наименование.

В отличие от зарубежных стран, франчайзинговые отношения в России сопряжены с рядом специфических особенностей. Так, Ж.А. Анарбаев определяет, что вопросы обязательного раскрытия информации о франшизе на преддоговорном этапе ещё не нашли своего нормативного закрепления, однако, как указывается в научных публикациях, в национальное законодательство целесообразно внести изменения, которые бы позволили хотя бы очертить список сведений, подлежащих обязательному раскрытию перед заключением договора франчайзинга (коммерческой концессии), что позволит сократить количество лжепредложений на рынке и будет способствовать росту доверия к франчайзинговой технологии [8, с. 64].

Таким образом, адекватное и своевременное раскрытие информации должно положительно сказаться на правильном трактовании отдельных аспектов договора франчайзинга, с учетом того, что в Российской Федерации договор франчайзинга отождествляется с договором коммерческой концессии.

За рубежом договор франчайзинга заключается на сравнительно длительный срок, достигающий нескольких десятков лет. В связи с трудностями в осуществлении долгосрочного прогнозирования в условиях российской действительности, отечественные предприниматели не могут позволить себе заключать договор на 15-20 лет и срок действия договора обычно сокращается до 3 лет. Это объясняется также тем, что франчайзинг в России используется большинством франчайзеров с тем, чтобы занять как можно большую долю рынка, а сами же франчайзи воспринимают его как возможность легкого старта и способ получить первоначальный капитал, чтобы в перспективе заняться своей, независимой предпринимательской деятельностью. Ситуация, сложившаяся на российском рынке на сегодняшний день, позволяет с уверенностью говорить о том, что в данный период наблюдается ускоренный рост использования бизнес-технологий франчайзинга на отечественном рынке товаров и услуг.

Исходя из сравнительного анализа зарубежного и отечественного опыта, можно прийти к выводу, что основной проблемой использования франчайзинга как на территории Российской Федерации, так и на территории ряда зарубежных стран, вследствие которой возникает ряд других взаимосвязанных проблем – это проблема несовершенства, а в некоторых случаях и отсутствия вовсе, законодательной базы и государственной поддержки в сфере зарождения и развития франчайзинговых правоотношений.

Так, совершенствование законодательной базы по регулированию франчайзинговой деятельности, а именно решения конкретных проблем, состоит, прежде всего, в том, чтобы закрепить понятие «франчайзинг» на законодательном уровне, так как на сегодняшний день подобный процесс регулируется ГК РФ и представляет собой договор коммерческой концессии, что порядком отличается от того, что реализуется в мировой практике.

Безусловно, стоит отметить немаловажный шаг в целях развития франчайзинговых отношений, который может выражаться в государственной поддержке путем предоставления финансовых возможностей предпринимателям. Как показывает мировая практика, такая поддержка может выражаться в реализации государственных программ, льготном кредитовании, предоставлении субсидии и иной финансовой поддержке предпринимательской деятельности со стороны государства.

Таким образом, проведя всесторонний анализ зарубежного опыта, можно прийти к выводу, что франчайзинговые отношения на территории Российской Федерации недостаточно развиты, по сравнению с рядом зарубежных стран. Тем не менее, мы

определили ряд проблем и перспектив развития данных правоотношений в нашей стране, главная из которых состоит в законодательном закреплении и унификации договора франчайзинга. Вследствие этого, тема применения франчайзинга в Российской Федерации остается актуальной для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устюжанин, Александр Алексеевич. Зарубежный опыт и российская практика развития франчайзинга: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Устюжанин Александр Алексеевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак.]. – Москва, 2010. – 25 с.
2. Позднякова Е.Ю. Сравнительно-правовой анализ договора коммерческой концессии в российском праве и договора франчайзинга в международном праве // Форум молодых ученых. – 2020. – №11. – С. 317-322.
3. Европейский Кодекс Этики Франчайзинга // URL: http://franchisinginfo.ru/franchayzing/8/evropeyskiy–kodeks–etiki–franchayzinga/
4. Николенко А.С., Бурчакова М.А. Анализ состояния и эволюции франчайзинга в РФ и зарубежных странах // Проблемы науки. – 2017. – №2 (15). – С. 48-51.
5. Михина М.Н. Мировой опыт и российская практика применения франчайзинга // Цифровая наука. – 2020. – №5 (5). – С. 53-58.
6. Крайнова Е.Р., Петрова Д.Е., Изохов Е.Е. Франчайзинг в гражданском праве: современные проблемы и зарубежный опыт // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2019. – С. 88-90.
7. Александрова А.С. Анализ развития франчайзинга в России и за рубежом // Повышение управленческого, экономического, социального и инновационно-технического потенциала предприятий, отраслей и народнохозяйственных комплексов. – 2019. – С. 11-16.
8. Анарбаев Ж.А. Институт франшизы в гражданском праве: современные проблемы и зарубежный опыт // Наука через призму времени. – 2017. – №4 (4). – С.63-65.

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF FRANCHISING IN MODERN CIVIL LAW

Annotation. The analysis of foreign experience of franchising relations, in particular, the beginning of origin and development, as well as revealing of peculiarities of franchising in certain countries is carried out in this work. On the basis of the analysis main problems, ways of their solution and prospects of development of franchising institute in the modern civil law on the territory of our state, which are directed at the improvement of legal framework and effective entrepreneurial activities.
Keywords: franchising, franchise legal relations, entrepreneurial activity, commercial concession, foreign experience.

Gryn E.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: egryn@inbox.ru

УДК 347.672.22

НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ЗАВЕЩАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Довжик М.В.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проведено сравнительно-правовое исследование нетипичных форм завещания. Установлено, что в действующем законодательстве указано, что существует большое количество форм, в рамках которых у наследодателя существует право на то, чтобы определить судьбу собственного имущества

после наступления его смерти. Автором сделан вывод, что простое письменное завещание представляет собой сложное правовое явление с точки зрения наследственного права, оно выступает как сложное правовое явление. Нетипичные формы завещания следует рассматривать как способ обеспечения последней воли наследодателя и несовместимые с нотариальным удостоверением или равноценными способами подтверждения. Предпосылками правового регулирования нетипичных форм завещания являются следующие: социальные, экономические, психологические факторы. Обоснована необходимость совершенствования российского законодательства о наследовании в целях соблюдения конституционных прав граждан, путем дополнения законодательства правовыми нормами, устанавливающими возможность использования современных технологий и электронных технических средств при составлении завещания.
Ключевые слова: завещание, основание, способ, наследник.

В настоящее время гражданское законодательство подразумевает конкретную форму, по которой и составляется завещание. Кроме того, процесс составления завещания на основании конкретной нормативной формы – это основание для того, чтобы считать данное завещание действительным. К данной форме, с периода римского права был предъявлен целый перечень требований [5].

Данный аспект говорит о том, что желание, которое изъявляется завещателем, обязано являться неоспоримым и понятным для всех субъектов даже после того, как наступила смерть завещателя.

В первую очередь прежде чем заявлять касательно о малохарактерной форме завещания, следует изучить и проанализировать, а также установить представление о форме завещания. Большая часть правоведов имеют схожесть в суждении касательно того, что форма, которая существует у различных сделок, является методом, который даёт возможность зафиксировать существующие условия данной сделки, которые были признаны со стороны субъектов в виде метода выражения обязанностей и прав данных субъектов [1, с. 279].

Если рассматривать со стороны частного права, то сделки, которые подлежат заключению со стороны субъектов, обладают достаточно сложной структурой. Данная сделка в обязательном порядке должна содержать в себе разнообразные внешние признаки, к которым относятся: субъективные права, а также форма, предмет, обязательства. Помимо всех описанных выше признаков, сделка должна обладать различными внутренними регуляторами, которые формируются в рамках воли волеизъявителя.

Итак, можно говорить о том, что по отношению к завещанию под формой сделки следует понимать один из способов, позволяющих зафиксировать волеизъявления со стороны завещателя.

Базируясь на данном определении, можно выявить, что подразумевается под нетипичной формой завещания. Итак, здесь понимается метод, благодаря которому происходит фиксация воляизъявления завещателя, который выражает внутреннюю волю данного субъекта, но при этом данная воля не удостоверяется со стороны управомоченного субъекта.

Базируясь на текущем законодательстве, можно говорить о том, что форма завещания не может иметь следующие признаки: оно не может быть составлено в устном виде; не может быть составлено в простой письменной форме и являться закрытым; не может обладать простой письменной формой, которая была составлена, находясь под воздействием различных чрезвычайных обстоятельств; простая письменная форма не может быть составлена при свидетелях; завещание не может иметь ологрaфическую форму.

В действующем законодательстве указано, что существует большое количество форм, в рамках которых у наследодателя существует право на то, чтобы определить судьбу собственного имущества после наступления его смерти.

Все вышеперечисленные факторы говорят о том, что текущее гражданское законодательство находится на этапе развития. Это способствует тому, что существует

свободное волеизъявление человека(наследодателя), которое подлежит юридическому закреплению, а также транслирования этой воли наследникам.

На основании текущего законодательства, можно говорить о том, что основное условие, которое касается различных форм завещания сводится к тому, чтобы у завещания в обязательном порядке была письменная форма, которая является освидетельствованной.

На территории нашего государства, к нетипичным формам завещания относятся закрытые завещания, которые были составлены в простом письменном виде, а также простую письменную форму завещания, формирование которого произошло в рамках чрезвычайных обстоятельств [3, с. 548].

Полагается, что в нашей стране, а также на территории ДНР простые письменные завещания не пользуются особенной популярностью в связи с тем, что не имеется возможности для их правовой регламентации. На основании норм гражданского права, простая письменная форма может быть использована исключительно в том случае, если наступили чрезвычайные обстоятельства. Применение этой формы завещания будет оправданным в том случае, если имеет место быть угроза жизни для самого завещателя, либо в той ситуации, если в письменной форме завещание составить нельзя. Помимо всего прочего, факт его совершения необходимо доказать в судебном органе [5].

Из истории можно отметить тот факт, что вплоть до возникновения обычный письменной формы завещания, на Руси длительный период существовала устная форма завещания. Она являлась не надежной, ее содержание можно было изменить или забыть вовсе. Позже, с развитием законодательной базы, чаще начали использовать письменную форму для завещаний. Такая форма завещания носила наименование «душевной грамоты» (позднее « духовной грамоты»). «Всяк служащий византийскому императору, умрёт, то его имущество должно быть передано наследнику, означенному в «духовной грамоте».

Устное и письменное завещание были равнозначны по юридической силе, но приоритет отдавался больше простой форме завещания.

Простое письменное завещание представляет собой сложное правовое явление с точки зрения наследственного права, оно выступает как сложное правовое явление.

Потому что помимо обязательных требований в некоторых случаях при составлении завещания требуется присутствие свидетелей.

Закрытое завещание также можно отнести к простому письменному завещанию. Это связано с тем, что такие завещания составляются от руки в соответствии с требованиями, предъявляемыми к простым письменным сделкам. Из сказанного можно сделать вывод, что в рамках текущего законодательства имеются два различных типов завещания. К ним относятся завещания в простой письменной форме: закрытое завещание, которое было составлено в письменном виде; просто письменное завещание, составление которого произошло в рамках чрезвычайных обстоятельств.

В статье 159 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что в устном виде может совершаться сделка, для которой в рамках текущего законодательства либо соглашения письменная форма не является обязательной. Под устной сделкой подразумевается сделка, в рамках которой субъекты данной сделки выражают собственную волю по отношению друг к другу словами, которые были произнесены вслух и являются понятными для контрагентов [4, с. 80]. Кроме того, устный формат сделки относится к наиболее простейшему методу для волеизъявления.

Итак, можно говорить о том, что нетипичная форма завещания – это некоторый метод, который способствует тому, что будет зафиксировано волеизъявление со стороны наследодателя, который выражает собственную внутреннюю волю, но при этом данное завещание не было удостоверено со стороны нотариуса.

Ниже проанализируем различные предпосылки для осуществления правовой регламентации данных нестандартных форм завещания.

Рассматривая различные виды сделки, мы подразумеваем то, что здесь существуют два основных компонента – волеизъявление и воля. В виде метода для волеизъявления завещателя, она отражается также в форме завещания.

Составляя завещание, завещатель пытается удовлетворить свои внутренние потребности. Поэтому, учитывая, что воля, выраженная в завещании, выступает как волевой акт, в нем есть и определенная психологическая составляющая, заключающаяся в стремлении произвести определенные правовые последствия.

Описанные выше аспекты формируется на основании внутренней воли самого завещателя, на которую воздействуют различные психические особенности самой личности, а также факторы социально-экономического характера. Итак, различные типы нетипичной формы завещания имеют собственные характерные черты, которые базируются на разнообразных мотивах, а также факторах.

Различные периоды истории, в которых происходил процесс развития общества, имеют связь с теми или иными событиями, ЧП, которые формировали угрозу для жизни простого населения. Войны в период древних времен, эпидемии в Средние века, катастрофы техногенного характера, а также наводнения, пандемии и военные конфликты в наше время. В 1970-е года ученые-правоведы придерживались точки зрения, согласно которой, в рамках законодательства РФ должен был появиться термин «завещание в чрезвычайных обстоятельствах». Например, Рубанов А.А. говорил о том, что если у человека существуют основания для того, что он боится за собственную жизнь из-за различных причин, и у него отсутствует возможность для того, чтобы завещание было составлено в нужной форме и было удостоверено по закону, то он должен обладать возможностью для того, чтобы составить завещание, удостоверенное теми или иными свидетелями [7, с. 52].

Рассматривая предпосылки, которые существовали для того, чтобы в 3 ч. ГК РФ были введены положения о составлении завещания в случае наступления чрезвычайных обстоятельств, то необходимо заметить обстановку криминального, политического и экономического характера, которая повлияла на то, что законодатель дал возможность для того, чтобы завещание было составлено в простом письменном виде, при котором должны присутствовать два свидетеля. Поэтому можно говорить о том, что всё большая часть преступных деяний в настоящее время формируют угрозу для жизни каждого человека и влияют на то, что каждый из нас начинает думать о судьбе близких ему людей. Наиболее запоминающимися преступлениями и происшествиями в текущем тысячелетии являются следующие: террористический акт на Дубровке «Норд-Ост» в Москве в 2002 г.; захват боевиками школы № 1 в Беслане 1 сентября 2004 г.; авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г.; пожар в клубе «Хромая лошадь» в городе Перми в 2009 г.; наводнение в Краснодарском крае в 2012 г.; пожар в торговом центре «Зимняя вишня» в г. Кемерово 2018 г. и многие другие. Конечно, при возникновении подобного рода ситуаций, человек, будучи существом биосоциальным, для начала будет думать о собственном спасении (сработает инстинкт самосохранения) и только потом задумается о реализации своей воли. Таким образом, составление завещания в простой письменной форме в чрезвычайных обстоятельствах актуально и по сей день.

К сожалению, и в настоящее время в мире регулярно происходят стихийные бедствия природного и техногенного характера, например землетрясение в Турции и ближайших к ней районов в феврале 2023 года (число погибших составило свыше 17 тыс. человек), террористические акты, военные действия.

В связи с этим законодательство формирует требования, согласно которым необходимо на постоянной основе вносить в него изменения. При внесении изменений

в форму завещания нужно принимать во внимание существующую судебную практику, а также правовые последствия для других государств.

Поэтому предполагается, что главная причина, по которой выбирается простая письменная форма закрытого завещания, в первую очередь, заключается в том, что существует возможность реализации принципа, связанного с тайном завещания, в связи с тем, что ни сам нотариус, который принимает конверт с данным завещание, ни свидетели, которые присутствуют в период передачи завещания, не могут ознакомиться с текстом завещания. Из-за характера закрытого завещания никто не может быть обязан хранить содержание завещания в полной конфиденциальности.

Принимая во внимание психологические предпосылки данной формы завещания, среди прочего стоит упомянуть о возможности концентрации внимания на составлении текста завещания. Необходимо несколько раз в спокойной обстановке изучить содержание текста завещания (провести некий анализ), после чего необходимо лично изложить на бумаге окончательный вариант завещания, который определит дальнейшую судьба наследственного имущества. Вместе с тем важную роль в выборе формы завещательного акта играют психологические мотивы наследодателя. В других странах голографическая форма завещания считается самой популярной благодаря своей простоте, практичности и экономичности. С точки зрения многих зарубежных исследователей, такая ситуация в основном объясняется простотой голографической формы: завещание составляется в кратчайшие сроки; соблюдение обязательной информации не требуется; комиссия не взимается; присутствие других людей не требуется.

Олографическое завещание – идеальное завещание для тех, кто испытывает трудности с написанием завещания через нотариуса или не может обратиться к нотариусу из-за болезни. Однако олографическое завещание имеет характер личной формы завещания и может быть составлено в случае: если завещатель спешит и не может составить завещание в иной форме, либо находится в безвыходном положении на момент написания (составления) завещания и у него не представляется иной возможности оформить его в какой-либо другой форме.

Помимо содержания олографического завещания, необходимо сделать акцент на том, что к процессу его составления существуют три обязательных требования. В обязательном порядке документ необходимо составить от руки, содержать в себе дату завещания и подпись со стороны завещателя. Все страницы данного документа в обязательном порядке необходимо составлять от руки завещателя, исключая помощи третьих субъектов либо различных механических средств. Авторство – это гарантия того, что будет свободно выражена воля, которая имеется у завещателя. Завещание возможно написать на абсолютно любом листе бумаги, вне зависимости от её цвета, качества и размера. Если одного листа будет мало, то можно добавить дополнительные страны, пронумервав их все. В данном случае на первой стране внизу нужно указать общее число страниц, из которых и состоит данный документ. Исследуемый тип завещания возможно составляться в формате стандартного письма, а после запечатать в почтовый конверт и отправить на собственный адрес в почтовом отделении. Основное требование здесь заключается в том, чтобы дата составления завещания и его отправления являлись идентичными. В определенных источниках прописаны примеры олографического типа завещания перед тем, как человек совершает попытку самоубийства [8, с. 58].

Помимо всего прочего, данная форма завещания может быть использована со стороны людей, у которых существуют ограниченные возможности здоровья, но которые могут изложить собственные мысли на листе бумаги. Также стоит заметить, что наиболее ярко принцип тайны завещания можно наблюдать непосредственно в данном типе завещания.

Простое завещание, в котором не участвуют свидетели и нотариусы является особенно популярным среди граждан, так как завещательная масса остаётся в тайне. Кроме того, простое письменное завещание можно с легкостью отменить, и чтобы это сделать, нужно просто его ликвидировать. Однако, многочисленные авторы говорят о том, что выбор данной формы завещания будет оправданным и более рациональным исключительно в той ситуации, если завещание не относится к сложным, а наследственная масса не включает в себя имущество, которое нуждается в управлении [9, с. 25].

Не менее популярно простое письменное завещание при свидетелях. Это также связано с возможностью сохранения конфиденциальности содержания завещания, поскольку затраты на составление завещания сведены к минимуму и нет обязанности знакомить свидетелей с текстом такого завещания.

Необходимо особенно заметить, что факт присутствия свидетелей в процессе составления завещания, которые могут подтвердить факт того, что завещание было написано непосредственно наследодателем и подтвердить его личность, является фактором, который в будущем может оказать непосредственное воздействие на действительность этого завещания [10, с. 472].

К основным предпосылкам данного типа завещания стоит отнести факторы социально-экономического и психологического характера.

В процессе исследования устной формы завещания, необходимо заметить, что факт выбора этой формы может иметь связь с тем, что отсутствует возможность для составления письменного завещания в связи с тем, что имеют место быть особенные обстоятельства, которые оказывают непосредственное влияние на наследодателя в период, когда данное завещание составляется.

Наш мир не стоит на месте, активно развиваются информационные технологии, которые уже смогли упростить нашу жизнь, одной ногой мы уже стоим на пороге введения видео-завещаний которые в дальнейшем позволят свое законодательное закрепление. Выбор этой формы завещания во многом определяется личными мотивами и психологическими особенностями каждого человека (наследодателя). К таковым относятся: возможность последней беседы с близкими людьми, доступность, экономичность, современный способ фиксации последней воли и др.

При этом следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации действует Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 30 марта 2015 года N 67-ФЗ (в редакции от 29 июня 2015 года № 209-ФЗ), который допускает нотариусом фиксацию совершения нотариальных действий на видео и последующее хранение записей, что также определяется положениями Порядка использования нотариусами средств видео фиксации и хранения материалов видео фиксации, утверждённый в новой редакции решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 23 марта 2020 года протокол №04/20. Однако на данный момент такая видеозапись является лишь приложением к документу, составленному на бумаге, и может лишь снизить возможность оспаривания завещания в суде.

Таким образом, проведенный правовой анализ нетипичных форм завещания позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, нетипичные формы завещания следует рассматривать как способ обеспечения последней воли наследодателя и несовместимы с нотариальным удостоверением или равноценными способами подтверждения.

Во-вторых, предпосылками правового регулирования нетипичных форм завещания являются следующие: социальные, экономические, психологические факторы.

В-третьих, обоснована необходимость совершенствования российского законодательства о наследовании в целях соблюдения конституционных прав граждан, путем дополнения законодательства правовыми нормами, устанавливающими возможность использования современных технологий и электронных технических средств при составлении завещания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Усманова Д. Ш. Некоторые вопросы формы сделок в гражданском праве / Д. Ш. Усманова // Вестник Международного Университета Кыргызстана. – 2018. – № 2 (35). – С. 279–281.
2. Татаркина К. П. Форма сделок в гражданском праве России / К. П. Татаркина. – Томск : ТУСУРа, 2012. – 263 с.
3. Елькина О. О. К вопросу о нетипичных формах составления завещания / О. О. Елькина // Аллея науки. – 2020. – № 1 (40). – С. 547–550.
4. Перштина Е. А. Некоторые проблемы заключения сделок в устной форме / Е. А. Перштина // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сб. науч. тр. – Самара : Самарский государственный экономический университет, 2020 (№ 1). – С. 79–82.
5. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2021. Т. 9, № 1 (33) http://esj.pnzgu.ru ISSN 2307-9525 (Online) 129 Portnova E. V., Pchelyakova Yu. Yu. Electronic scientific journal «Science. Society. State» 2021, vol. 9, no. 1, http://esj.pnzgu.ru
6. Ралько В. В. Порядок оформления завещаний: проблемы теории и практики / В. В. Ралько, В. В. Виноградова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 1 (40). – С. 35–40.
7. Рубанов А. А. Право наследования / под общ. ред. М. М. Славина. – Москва : Московский рабочий, 1978. – 93 с.
8. Андропова Т. В. Олографическая форма завещания в зарубежных странах / Т. В. Андропова // Нотариальный вестникъ. – 2019. – № 2. – С. 57–63.
9. Андропова Т.В. Простая письменная форма завещания при свидетелях в зарубежных странах: сравнительно–правовой анализ / Т.В. Андропова // Наследственное право. – 2019. – № 1. – С. 24–27.
10. Богун И. А. Законодательное регулирование требований, предъявляемых к свидетелям, присутствующим при принятии нотариусом закрытого завещания / И. А. Богун // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 470–473.

ALTERNATIVE WILL FORMS: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Annotation. The article provides a comparative legal study of typical forms of wills. It has been established that the current legislation states that there are a large number of forms within which the testator has the right to determine the fate of his own property after his death. The author concluded that a simple written will is a complex legal phenomenon from the point of view of inheritance law, it acts as a complex legal phenomenon. Atypical forms of will should be considered as a way to ensure the last will of the testator and are incompatible with notarization or equivalent methods of confirmation. The prerequisites for the legal regulation of atypical forms of will are the following: social, economic, psychological factors. The necessity of improving the Russian legislation on inheritance in order to comply with the constitutional rights of citizens is substantiated by supplementing the legislation with legal norms establishing the possibility of using modern technologies and electronic technical means when drawing up a will.
Keywords: atypical forms of a will, oral form of a will, holographic form of a will, simple written form of a will, prerequisites.

Dovzhik M.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: ms.dovzhik@gmail.com

УДК 347.83

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ УСЛУГИ СВЯЗИ

Дюсебаева А. П.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе конкретизируется понятие и сущность услуг связи, а также выявление и предложение решения существующих проблем в данной области Авторами предлагается определение рассматриваемого понятия и договора об оказании услуг связи, раскрываются особенности услуг связи, делается вывод о необходимости достижения особого состояние баланса интересов оператора связи и потребителя (гражданина), а также предлагаются другие изменения в законодательство.
Ключевые слова: услуга связи, договор об оказании услуг связи, оператор связи.

Необходимым элементом жизни общества является обмен информацией, а развитие научно-технического прогресса, увеличение объемов, скорости передачи и получения данных способствуют интенсивному развитию отраслей телекоммуникации и связи. Современное общество невозможно представить без средств связи, позволяющих быстро обмениваться информацией с постоянным увеличением скорости передачи данных. На всем протяжении своего развития деятельность в области радиотелефонной, почтовой и иной связи с точки зрения технического регулирования была достаточно регламентирована, чего нельзя сказать с позиции правового регулирования.

Так на современном этапе, по нашему мнению, недостаточно урегулированными остаются договорные отношения по оказанию услуг связи. Эффективным средством охраны прав потребителей договор может выступать только тогда, когда все содержащиеся в нем нормы детально проработаны с точки зрения действующего законодательства о защите прав потребителей, а такое в свою очередь возможно при усилении контроля за соблюдением формы и содержания договоров, используемых операторами связи. В связи с чем актуальным является рассмотрение общего понятия и сущности услуг связи, а также правовой природы договора оказания услуг связи и его места в системе гражданско-правовых договоров.

Целью работы является конкретизация понятия и сущности услуг связи, а также выявление и предложение решения существующих проблем в данной области. Авторами предлагается определение рассматриваемого понятия и договора об оказании услуг связи, раскрываются особенности услуг связи, делается вывод о необходимости достижения особого состояние баланса интересов оператора связи и потребителя (гражданина), а также предлагаются другие изменения в законодательство.

Прежде чем анализировать понятие и сущность услуги связи, необходимо конкретизировать понятие и сущность услуги как таковой. Цивилист Баринов Н.А. в свое монографии «Услуга в гражданском праве Российской Федерации» дал следующее понятие услуги: «...услуга – это экономическое отношение, возникающее из результатов труда, создающее потребительские ценности, проявляющееся в форме полезности товара (вещи) или сама деятельность для удовлетворения конкретных, разумных потребностей человека» [1, с. 13]. Вместе с тем, Грушевая Е.П., дав глубокое объяснение этих обязательств по предоставлению услуг субъектам предпринимательской деятельности, я пришел к выводу, что «...услуга – это экономические отношения не о результатах труда, а о труде как деятельности». Таким образом, прослеживается неоднородность научных взглядов по рассматриваемой проблеме [2, с. 31].

Напрашивается вывод, что услуга может быть объектом как трудового, так и гражданского правоотношения: гражданского – услуга как продукт труда; трудового – услуга как процесс обслуживания.

В то же время Н.А. Баринов в вышеуказанной работе определял услугу как «деятельность гражданина или организации, потребляемую в процессе ее осуществления, продукт которой не имеет существенного выражения». По этой причине соотношение работ и услуг, а, следовательно, соотношение договора и договора на оказание услуг, может учитываться независимо в определении услуги. В гражданской литературе было высказано противоположное мнение о работе как о типе услуги. Баринов Н.А. в понятии услуг связал как выполнение работ, так и предоставление услуг, указав, что «некоторые услуги воплощены в потребительной стоимости вещей». Другие услуги (потребительские ценности) в результате деятельности поставщика услуг не отражаются в товарах, а выражаются в форме деятельности поставщика услуг».

По словам Малеиной М.Н., определение термина «услуги», данное в НК РФ, может быть использовано при применении гражданского права, поскольку отсутствует определение услуги как объекта гражданского права [3, с. 55]. Отсюда следует, что понятие «услуга» в российском законодательстве имеет довольно размытые границы, что порождает много неясностей и почти по-разному интерпретируется учеными. Шаблова Е.Г., давая оценку правовой природе услуг, дает следующее научное определение: «Услуга – это способ удовлетворения индивидуальной потребности человека, который не связан с созданием (улучшением) вещи или интеллектуальной собственности и достигается в результате деятельности, разрешенной действующим правопорядком на платной основе» [4, с. 97] .

В истории права понятие «услуга» было частью древнеримского частного права как его неотъемлемой части и использовалось в качестве трудового договора. Это был особый тип контракта, который включает три типа контрактов, в которых основным критерием было наличие или отсутствие материализованного результата (opus). Подобное понимание службы перешло от римского права к современной юридической мысли и законотворчеству. Следует отметить, что в ГК РФ на сегодняшний день отсутствует определение понятия «услуга», а в принятых законодательных актах и локальных нормативных документах пояснения понятия «услуга» отличаются друг от друга.

Юридическое определение услуги дано в ст. 38 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), где под услугой для целей налогообложения признается «деятельность, результаты которой не имеют существенного выражения, реализуются и потребляются в процессе проведения этой деятельности» [5, с. 76].

Следует вывод, что услуги, с одной стороны, являются предметом подрядных обязательств, а с другой стороны, являются предметами договоров, порождающих обязательства по оказанию услуг – имеют право на существование. Первое определение можно применить к главе 39 ГК РФ, где вводится признак возмездности оказания услуг, например, договор доверительного управления имуществом, поручения. Второе определение квалифицирует услугу в неограниченном контексте слова по отношению ко всем контрактам на услуги, предоставляемые как на возмездной, так и на бесплатной основе. Таким образом, мнения в определении сущности услуг достаточно широки и разнообразны. Разница в формулировках отражает многолетнюю полемику среди ученых в четких критериях определения услуг. Различие между понятием труда и понятием, раскрытым римскими юристами, сегодня актуально и важно. Наряду с этим наиболее важным способом определения специфики услуги как объекта гражданских прав из предложенных определений авторов является установление ее связи с работой, выполняемой по договору. Дифференциация понятий работ и услуг путем указания предоставления предметного результата деятельности является основополагающим критерием двух типов объектов гражданских прав в юридической науке, что отражается и в ГК РФ.

Теперь же, после конкретизации понятия «услуга» в общеправовом смысле, перейдем к понятию «услуга связи». В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О связи» от 07.07.2003 № 126–ФЗ (далее Закона о связи), услуга связи – это деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений [6]. Там же дается понятие оператора связи: это юридическое лицо или индивидуального предпринимателя, оказывающего услуги связи на основании соответствующей лицензии, абонента как пользователя услугами связи, с которым заключен договор об оказании таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации и др.

Исходя из содержания определения услуги связи, следует, что Законом о связи регулируются услуги почтовой связи и услуги электросвязи. Следует отметить, что оказание услуг почтовой связи регламентируется, в первую очередь, ФЗ «О почтовой связи», в то время как услуги электросвязи регламентируются преимущественного Правилами оказания услуг соответствующего вида, утвержденными постановлениями правительства РФ. Отличие услуг почтовой связи и услуг электросвязи заключается в следующем: при оказании услуг почтовой связи осуществляется прием, обработка, перевозка, доставка (вручение) почтового отправления (письма, бандероли, посылки и т.п.), а при оказании услуг электросвязи обеспечивается прием, обработка и передача телекоммуникационных сигналов по электромагнитным системам, в которые преобразуются с помощью специального оборудования любые сообщения (данные), и принять которые можно только с помощью специального абонентского оборудования.

Исходя из этого, можно предположить не просто разделить услуги электросвязи и услуги почтовой связи, но и исключить услуги почтовой связи из положений Закона о связи полностью. Однако подобное предложение представляется достаточно обоснованным: различные правила оказания услуг электросвязи содержат специфику каждой разновидности услуг электросвязи, а также права и обязанности операторов связи, заключающих договоры об оказании услуг электросвязи. Помимо приема и доставки сообщений электросвязи, операторы связи наделены достаточно широким кругом обязанностей по отношению к абонентам, в том числе и ведение лицевых счетов абонентов, предназначенных для осуществления расчетных операций за оказываемые услуги связи. Кроме того, в рамках оказания услуг электросвязи операторы связи обязаны создавать системы бесплатного информационно-справочного обслуживания (ст. 46 Закона о связи), а также осуществляют операции по увеличения остатка электронных денежных средств абонента-гражданина и (или) пользователя услугами связи – физического лица в соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе». В этой связи, представляется логичным исключить из Федерального закона «О связи» нормы, регулирующие отношения по оказанию услуг почтовой связи, и переименовать указанный нормативный акт в Федеральный закон «Об электросвязи».

Услуги связи имеют свою особенность – это комплексность и многосторонность охватываемых ими отношений, которые выходят сравнительно часто за классические рамки гражданско-правового регулирования, а именно:

– услуги связи оказываются любым заинтересованным лицам, в том числе одним оператором связи другому оператору связи;

– услуги связи подлежат лицензированию;

– обязательства по оказанию услуг связи отражаются в договоре об оказании услуг связи;

– услуги связи не могут отождествляться с транспортно-экспедиционными услугами, т. к. услуги связи – это коммуникационные услуги гражданам.

В законодательстве в области связи проявляется общедоступный характер деятельности операторов связи и организаций почтовой связи, в том числе учитываются:

– стратегическая важность оказываемых услуг (также учитываются универсальные услуги связи);

– тайна связи в ее конституционном значении;

– государственная безопасность экономики страны, а также обеспечения ее нормального функционирования;

– государственная безопасность жизнедеятельности граждан.

Соответственно, в Законе о связи предусмотрены особые виды связи, сложная процедура получения лицензии на осуществление деятельности по предоставлению услуг связи, выделение радиочастот, а также специальные сроки исковой давности, порядок рассмотрения жалоб на рассмотрение жалоб. и требования пользователей услуг связи, а ответственность операторов связи ограничена.

В контексте особых видов связи, а также в целом оказания услуг связи, важно место занимает договор оказания услуг связи. Самым распространенным из них является договор оказания услуг подвижной радиотелефонной связи. Л.Б. Ситдикова приводит определение В.В. Суденко, который договор оказания услуг радиотелефонной сотовой связи определяет как соглашение физического или юридического лица (абонента) с оператором радиотелефонной сотовой связи, по которому оператор обязуется предоставлять абоненту доступ к сотовым сетям радиотелефонной связи и оказывать прочие заказанные абонентом в соответствии с выбранным тарифным планом услуги, связанные с использованием сети и радиотелефонного оборудования, а абонент обязуется оплачивать по цене, установленной договором [7, с. 39]. Анализ приведенного определения позволяет сделать вывод, что ключевым в понимании правовой природы договора оказания услуг подвижной радиотелефонной связи является содержание данного вида услуг как таковых.

Исполнителем услуги подвижной радиотелефонной связи выступает – оператор подвижной связи – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии. Оператору для того чтобы начать осуществлять деятельность в области оказания услуг подвижной радиотелефонной необходимо получить радиочастотный спектр, построить собственные сети и получить допуск к их последующей эксплуатации, разработать условия обслуживания, предоставления технической поддержки и т.п. Возможно предположить, что именно необходимость получения указанных разрешительных документов, а соответственно и значительных финансовых вливаний для установки и поддержания оборудования обуславливает тот факт, что в России операторами связи выступают юридические лица, а не индивидуальные предприниматели [8, с. 60].

Таким образом, анализ субъектного состава договора показывает, что договор оказания услуг подвижной радиотелефонной связи (при условии, что в качестве абонента выступает гражданин) относится к группе гражданско-правовых договоров, участники которых экономически не равны. А.Л. Маковский видит в основе такого неравенства тот факт, что индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, в отличие от потребителя (гражданина), – профессионал. Он, действуя в обороте, знает и может больше, с него, соответственно, и спрос должен быть больший [9, с. 84].

Следовательно, потребитель нуждается в повышенной охране своих прав и законных интересов. В связи с чем особую значимость приобретает обеспечение баланса интересов сторон в договорных отношениях по оказанию услуг связи. В науке гражданского права под балансом интересов понимается такое состояние гражданского правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов

Таким образом, легальным определением понятия услуги связи следует считать следующее: услуга связи – это деятельность по приему, обработке, хранению, передаче,

доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений. Исходя из содержания определения услуги связи, следует, что Законом о связи регулируются услуги почтовой связи и услуги электросвязи.

Услуги связи имеют свою особенность – это комплексность и многосторонность охватываемых ими отношений, которые выходят сравнительно часто за классические рамки гражданско-правового регулирования, а именно: услуги связи оказываются любым заинтересованным лицам, в том числе одним оператором связи другому оператору связи; услуги связи подлежат лицензированию; обязательства по оказанию услуг связи отражаются в договоре об оказании услуг связи; услуги связи не могут отождествляться с транспортно-экспедиционными услугами, т. к. услуги связи – это коммуникационные услуги гражданам.

При формировании условий договора оказания услуг связи, должно быть достигнуто особое состояния баланса интересов оператора связи и потребителя. Особое состояние баланса интересов оператора связи и потребителя (как в ходе законотворчества, так и на стадии правореализации) достигается посредством отступления от «соразмерности» как основополагающего свойства баланса интересов сторон. Реализация прав и обязанностей абонента (слабой стороны) должна быть обеспечена большим количеством гражданско-правовых средств, чем реализация прав и обязанностей оператора связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринов, Н.А. Услуга в гражданском праве Российской Федерации / Н.А. Баринов // Сборник научных трудов. – М., – 2015. – 344 с.
2. Грушевая, Е.П. Актуальные проблемы гражданского права / Е.П. Грушевая – М.: Статут, 2005. – 67 с.
3. Малеина, М.Н. Гражданское право: учебник / М.Н. Малеина. – М.: Юридическая литература, 2015. – Т. 2. – 122 с.
4. Шаблова, Е.Г. Гражданское право: учебное пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк; под ред. Е. Г. Шабловой. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, – 2015. – 136 с.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая // Налоги и финансовое право. – 2022. – № 1. – С. 60-157.
6. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 342-ФЗ) // СПС «Консультант». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224// (дата обращения: 08.02.2023).
7. Ситдикова, Л.Б. Правовая природа услуг связи и их место в договоре на возмездное оказание информационных услуг / Л.Б. Ситдикова // Юридический мир. Общероссийский научнопрактический правовой журнал. – М.: Юрист, 2007. – № 10 (130). – С. 38-44.
8. Имамов, А. А. Понятие и правовая характеристика договора оказания услуг подвижной радиотелефонной (сотовой) связи / А. А. Имамов, К. В. Костина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 2, – № 4(97). – С. 58-65.
9. Маковский, А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 4. – С. 82-87.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE COMMUNICATION SERVICE

Annotation. The paper concretizes the concept and essence of communication services, as well as identifying and proposing solutions to existing problems in this area, the authors propose a definition of the concept in question and a contract for the provision of communication services, reveals the features of communication services, concludes that it is necessary to achieve a special state of balance between the interests of the telecom operator and the consumer (citizen), and also suggests other changes in legislation.
Keywords: communication service, contract for the provision of communication services, communication operator.

Dyusebaeva A.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
Email:alessandra228@mail.ru

УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Емельянова А.А.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы, возникающие при определении объективной стороны такого преступления как, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления. Рассмотрено толкование слова «вовлечение», а также необходимость законодательного закрепления понятия «вовлечение».
Ключевые слова: объективная сторона, вовлечение, склонение, умышленность.

Объективная сторона преступления часто указывается в его диспозиции в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее- УК РФ). Если обратиться к ч.1 ст.150 УК РФ, диспозиция данной статьи, устанавливает следующее: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Однако стоит учитывать, что законодатель не дает какой-либо конкретики, по поводу того, что представляет собой вовлечение.

Таким образом, к способам вовлечения относится обещаний, обмана, угроз или иным способом.

Обращаясь к Толковому словарю русского языка Ушакова Д.Н. обещание трактуется как данное кому-либо добровольное обязательство выполнить что-либо [1, с. 361]. Также в Толковом словаре Д.Н. Ушакова обман трактуется как сознательное введение в заблуждение [1, с. 374]. Угроза, согласно этому же источнику, определяется как обещание причинить кому-нибудь либо чему-нибудь неприятность [1, с. 701]. Заключительным способом, указанным в ч. 1 ст. 150 УК РФ, является «иной способ».

Согласно разъяснению прокурора, к иному способу вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть отнесены, например, предложение совершить преступление, разжигание у несовершеннолетнего чувства зависти, мести и других низменных побуждений, дачу совета о мести и способах совершения или сокрытия следов преступления, обещание оказать содействие в реализации похищенного, уговоры, лесть, подкуп, уверение в безнаказанности. Кроме того, способом вовлечения может являться формирование у несовершеннолетнего чувства собственного превосходства над окружающими, либо напротив – подчеркивание его умственной или физической неполноценности по отношению к лицу, в отношение которого планируется совершение преступного посягательства [2], при этом результаты толкования используемых в иных статьях закона терминов «вербовка», «склонение» и др. позволяют значительно расширить этот перечень.

Однако относительно интерпретации «иных способов» в правоприменительной практике ведется дискуссия.

Так Е.Д. Опанасенко и В.П. Алехин считают, то что под данным значением необходимо подразумевать: зависть, месть, корысть, низменные побуждения, в каковых акцентируется внимание в процессе диалога совершеннолетний, общаясь с подростком [3, с. 395].

В свою очередь, с точки зрения Н.К. Семерневой, это уговоры, подкуп и т.п., немаловажно при доказывании данного способа определить, что именно он был

основополагающим при вовлечении несовершеннолетнего в совершение определенного преступления [4, с. 196].

Если обратиться к работам Е.А. Набатова и Е.И. Пырьева, они относят к данному способу разжигание у ребенка неизменных побуждений, например, корысти, зависти и т.п. [5, с. 101].

Если обратиться к толкованию слова «вовлечение», в русском языке, согласно словарю, его значение будет в следующем: склонение к чему-л., привлечение к участию в чем-л. [6]. В словаре В. Даля слово «вовлекать» имеет значение втягивать, втаскивать, вводить силою, принуждать ко входу, заманивать, запутывать, заставить принять участие [7. с.199]. «Склонять» – убедить, уговорить, согласить [8. с. 217].

Этот способ свидетельствует об открытости, а также неопределенности законодателя – которыми еще способами преступник способен вовлекать несовершеннолетнего в совершение уголовно-наказуемых деяний. При этом в целом возможно отметить, то что список способов вовлечения несовершеннолетнего в осуществление преступления не является исчерпывающим.

Таким образом, склонение является одной из форм вовлечения и представляет только психологическое воздействие. Также из законодательного анализа УК РФ, исходит что вовлечение и склонение представляют собой специальный вид подстрекательства, непосредственно закрепленный в ст. 33 УК РФ: подстрекательство осуществляется путем уговора, подкупа, угрозы или др.

В п.42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [9], указывается, что под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий. Данная информация содержится и в разъяснениях прокурора [2], однако из этого исходит, что данный состав преступления, характеризуется яркими активными действиями вовлекающего лица.

Данный факт также вызывает дискуссии, это связано с трудностями разграничения действий вовлекающего лица. Так Цедрик Е.С. в научной работе, разобрал подробно данную проблему [10, с. 145], и выделил необходимость закрепления в законодательстве того, что действия, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего на совершение преступления, должны быть умышленными. С нашей точки зрения, это значительное решение сложившейся проблемы, таким образом данное предложение весьма целесообразно.

Таким образом, видна необходимость законодательного закрепления понятия вовлечения, что значительно решит проблему квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Таким образом, подводя итоги, можно выделить следующее:

1. Считается целесообразным закрепить понятие «вовлечение» в уголовном законодательстве.

2. Необходимо закрепить в уголовном законодательстве умышленность действий вовлекающего лица, направленное на возбуждение желания у несовершеннолетнего на совершение преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. / Д. Н. Ушаков // – Москва: Аделант, – 2014. – 800 с

2. Прокуратура Санкт-Петербурга. Прокурор разъясняет. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/explain?item=25191174 – Дата обращения: 21.01.2023
3. Опанасенко Е.Д., Алехин В.П. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений /Е.Д. Опанасенко, В.П. Алехин // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 5. – С. 390–397.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. – Москва: Норма. – 2008. – 1008 с.
5. Набатова Е.А., Пырьева Е.И. Способы совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления/ Е.А. Набатова, Е.И. Пырьева // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2018. – № 1(5). – С. 99–105.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma119110.htm?cmd=0&istext=1 – Дата обращения: 21.01.2023
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль // – Москва, – 1978. – Т. 1. – 699 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль // – Москва, – 1978. – Т. 4. – 683 с.
9. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. – 2011. – № 29.
10. Цедрик, Е. С. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: особенности объективной стороны / Е. С. Цедрик. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 145-147.

SOME PROBLEM QUESTIONS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE INVOLVEMENT OF MINORS IN COMMITTING CRIMES

Annotation. The article deals with some problematic issues that arise when determining the objective side of such a crime as involving minors in the commission of a crime. The interpretation of the word «involvement», as well as the need for legislative consolidation of the concept of «involvement» are considered.
Keywords: objective side, involvement, inclination, intentionality.

Emelyanova A.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: emelyanova26.09.@mail.ru

УДК 347.21

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Журавлёва А.Л.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, возникающие в Российской Федерации в условиях санкций, которые могут быть решены с помощью применения технологии блокчейн. Также рассмотрены основные аспекты применения и правового регулирования использования технологии блокчейн. Указывается, какие факторы необходимо учитывать при разработке правового регулирования рассматриваемой технологии.
Ключевые слова: блокчейн, правовое регулирование, криптовалюта, перспективы развития, технологии.

Технология блокчейн, несмотря на то, что была создана более десяти лет назад, стремительно входит в повседневную жизнь большого количества людей только сейчас.

На данный процесс положительно влияет массовая цифровизация всех сфер жизни общества. Распределённый реестр является ключевой технологией цифровой экономики.

Вопросы правового регулирования блокчейна относятся к нетехническим проблемам популяризации рассматриваемой технологии.

Блокчейн в общем виде представляет собой выстроенную по определенным правилам непрерывную, последовательную цепочку блоков, которые неразрывно связаны между собой. Более научно его можно рассматривать как децентрализованную базу данных, которая предназначена для хранения последовательных блоков с набором характеристик [1, с. 428].

Санкции, введенные против РФ в 2022 году, существенно повлияли на многие отрасли, в том числе финансовую, в которой применение блокчейна является наиболее распространённым. Весомое количество централизованных бирж и сервисов поддержали введенные санкции, однако объем введенных ограничений варьируется от полного запрета доступа для пользователей из Российской Федерации до запрета использования карт санкционных банков.

Блокчейн является инструментом, благодаря которому возможно восстановить пораженную ужесточением санкций систему международных расчетов через банковскую систему. Технология блокчейн может заменить отключенные для РФ платежные системы.

Несмотря на обсуждение и принятие законопроектов, более подробно регулирующих использование блокчейна и криптовалют, ситуация с правовым регулированием данных ресурсов остается весьма сложной. Такая ситуация возникает из-за того, что в связи с имплементацией блокчейн-решений возникает потребность не только в принятии отдельных НПА, но и в реформировании гражданского, налогового, законодательства о ценных бумагах, о валютном регулировании, о персональных данных, о банках и банковской деятельности и некоторых смежных отраслей права. Стоит отметить, что кроме правового регулирования технологии блокчейн, возникает потребность в регулировании отношений, в которых она применяется [2, с. 33].

Нельзя игнорировать, что несмотря на отсутствие полного и всеобъемлющего регулирования блокчейна, юриспруденция уже не первый год активно развивается в данном направлении. Среди основных проблем правового регулирования технологии распределенного реестра, наиболее весомым является вопрос о том, что механизм контроля за функционированием блокчейн технологии явно противоречит ее основной идее – обеспечить обществу полную децентрализацию, избавить от государственного регулирования извне, позволить людям самостоятельно выстраивать товарно-денежные отношения на той валюте и в тех условиях, которые они сами себе выбирают, при этом, без необходимости оплаты части прибыли государству. То есть разработанные на уровне государств способы регулирования блокчейна противоречат ее идее и концепции.

Основой правового регулирования технологии блокчейн является уровень либерализма в государстве. Граждане и государство не всегда и не во всех странах доверяют друг другу одинаково и взаимно. Вот почему правовое регулирование блокчейна является необходимостью в современном мире [3, с. 153].

Трудности заключаются в отсутствии понимания, какая система регулирования будет эффективной и действенной.

Информационные технологии и цифровая экономика активно развиваются в современном мире, поэтому в юридической практике и во всей правовой сфере отношения, возникающие по вопросу использования блокчейна, являются невероятно актуальными.

Цифровая отрасль отношений в России получает ежедневно все большее развитие. Общество нуждается в технологии блокчейн и заинтересовано в ее использовании. Правовое регулирование технологии блокчейн нуждается в доработке.

Возвращаясь к теме развития правового регулирования блокчейна в условиях санкций, нельзя игнорировать тот факт, что несмотря на длительное негативное отношение законодателя к данной технологии, а также её наиболее распространенному применению – криптовалюте, именно в условиях санкционных ограничений стали меняться взгляды на блокчейн и его использование.

Как и в любой отрасли, при внедрении блокчейна существуют определенные риски, которыми можно оправдать столь длительный процесс обхода легализации данной технологии. Однако просматривается тенденция понимания того факта, что полезность блокчейна нивелирует риски, возникающие в процессе его использования, а при должном уровне разработанности правового регулирования риски сокращаются до минимума.

Вступление в правовые отношения, касающиеся технологии блокчейн должно регламентироваться юридически для того, чтобы стороны понимали, какие результаты принесут данные отношения. В таком случае, эффективность применения такой технологии возросла бы во много раз. Вместе с тем блокчейн технологии способны дать невиданный ранее импульс в развитии общества и государства. В целях понимания вектора развития в правовом регулировании технологий блокчейн, необходимо рассмотрение блокчейн технологий в гражданско-правовом аспекте, возможностей их применения в существующих реалиях.

Рассматривая блокчейн как самостоятельный объект регулирования, стоит отметить, что существует несколько его видов и при законодательном регулировании стоит учитывать их отличительные признаки. Данный вопрос помогает решить стандартизация.

При разработке правового регулирования блокчейна возможно также использовать опыт зарубежных стран. Среди самых прогрессивных можно выделить Республику Эль-Сальвадор. Данная страна первая полностью легализовала криптовалюту, сделав биткоин государственной валютой. Правительством была создана национальная крипто-сеть под названием «Chivo». Согласно закону, курс биткоина к доллару свободно устанавливается рынком, обмен не облагается налогом на прирост капитала, а расходы на комиссию при конвертации правительство берет на себя. Такой шаг местное правительство объясняет тем, что экономика Сальвадора полностью зависит от доллара США, а переход на блокчейн технологии, в том числе использование блокчейна, позволит снизить риски, которые берет на себя экономика государства, и обрести относительную экономическую независимость [4, с. 59].

В целом, Сальвадор делает большую ставку на технологию блокчейн, а не только на биткоин. Экономика Сальвадора в значительной степени зависит от денежных переводов или денег, отправляемых из-за границы, но они зависят от затрат и времени ожидания. Биткойн сделает прорыв в этом отношении. Однако технология, лежащая в основе Биткойн, также будет использоваться для других финансовых целей.

Возвращаясь к применению блокчейна в условиях санкций, стоит отметить, что его применение возможно не только в финансовой сфере, а также для увеличения эффективности сохранения данных и защиты их от мошеннических действий, в сфере авиаперевозок, культурной сфере и т.д. В настоящее время во многих государствах, в том числе в России, государственное регулирование применения блокчейн-технологий находится на начальном этапе развития, принятые нормативные акты в большинстве случаев касаются обращения криптовалют и проведения ICO.

Анализ зарубежного опыта показывает, что бесспорным лидером в развитии и использовании блокчейн-технологий на современном этапе является Китай. В начале февраля 2023 года стало известно о том, что в Пекине заработал крупномасштабный блокчейн-кластер, способный ежесекундно обрабатывать 240 млн операций по смарт-контрактам. 20 сентября 2022 года председатель правительства КНР заявил, что Китай

имеет наибольшее количество патентов на блокчейн среди всех стран мира – 84% от общего числа, что свидетельствует о сохраняющейся приверженности Пекина этой технологии, несмотря на продолжающиеся многолетние жесткие ограничения и запрет на криптовалюты.

Власти Китая 1 февраля 2022 года объявили о запуске программы по интеграции блокчейна в национальную экономику и частный сектор. Правительство собирается создать 15 пилотных зон, в рамках которых новые технологии будут спроектированы, протестированы и внедрены в повседневную жизнь. Инициатива охватит 15 государственных ведомств и более 164 частных организаций – от банков и ИТ-компаний до ведущих автопроизводителей [5, с. 91].

В роли авторов проекта выступили эксперты из Управления по вопросам киберпространства Китая (CAC). Согласно заявлению ведомства, пилотные зоны будут созданы на базе наиболее продвинутых районов страны и в промышленных регионах – в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Чэнду, а также в южных провинциях Гуандун и Сычуань. В перечень вошли: производство, энергетика, государственные и налоговые услуги, юриспруденция, образование, здравоохранение, торговля и финансы, а также трансграничные финансы.

Учитывая положительные отношения между Российской Федерацией и Китаем, возможно следование рассматриваемому опыту и применения технологии блокчейн не только для уменьшения негативных последствий санкций, а для выхода экономики государства на новый уровень.

Принимая во внимание опасения о возможном использовании блокчейна в противоправных целях, стоит отметить, данную проблему может решить только разностороннее, полное регулирование, учитывающие все аспекты технологии блокчейн. Банк России в докладе «Развитие технологии распределенных реестров» отметил, что, несмотря на большой потенциал технологии, в настоящий момент она находится на ранней стадии развития, отсутствуют устоявшиеся стандарты и типовые решения, а большинство проектов пребывает в статусе пилотных [6, с. 137].

Степень государственного регулирования блокчейн-технологий в России на современном этапе нельзя назвать полноценной. Тем не менее, несмотря на недостаточное государственное регулирование, в различных сферах экономики все шире применяются блокчейн-технологии. На данный момент, большинство компаний используют блокчейн для внутренних процессов, так как использование криптовалют, как главной реализации рассматриваемой технологии, в качестве платежного средства в РФ запрещено [7, с. 80].

Российская Федерация обладает потенциалом, при котором блокчейн позволит выйти на совершенно иной, независимый от санкций, уровень и именно правовые ограничения тормозят развитие использования технологии блокчейн на государственном уровне. В начале 2023-го законодательство в сфере цифровых технологий ограничено несколькими актами. Они не регламентируют все виды деятельности, не дают ответов на вопросы, которые возникают в обществе. Законодательство не вносит правовой ясности в разные понятия и определения. Участники криптосферы сами идут навстречу правительству. Они объединяются с регуляторами для дальнейшего взаимодействия.

При должном качестве правового регулирования, которое будет учитывать особенности блокчейна, существует возможность выгодного и законного противостояния санкциям, наращивание экономической мощи государства, а также привлечения в данный сектор вложений, которые будут способствовать восстановлению благоприятной экономической обстановки.

Таким образом, исходя из изложенных выше фактов, можно сделать вывод о том, что на данный момент перспективы правового регулирования, благодаря

либерализации отношений к криптовалюте как к главной реализации рассматриваемой технологии, являются наиболее позитивными за последние несколько лет, и активная позиция в законотворческой среде позволит расширить использование блокчейна и реализовать его потенциал на благо экономики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева, А. Л. Проблемы правового регулирования применения технологии блокчейн // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы XXI Международной конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 15–16 апреля 2022 года. Том 2. – М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 428-430.
2. Конева, Н.С., Вязовцева В.Е., Миронов А.А. Правовые аспекты внедрения и использования технологии блокчейн в государственном управлении в России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2021. – №2. – С. 28-33.
3. Исмоилов, И.А. Правовые аспекты применения блокчейн-технологии / И.А. Исмоилов // Вестник науки. – 2022. – №1 (46). – С.148-154.
4. Годин, В. В., Терехова А. Е. Блокчейн: философия, технология, приложения и риски / В.В. Годин, А.Е. Терехова // Вестник ГУУ. – 2022. – №9. – С. 54-61.
5. Ковалева, Н.А. Практика государственного регулирования применения блокчейн-технологий и ее совершенствование на основе зарубежного опыта // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – №4. – С.87-93.
6. Егорова, М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. – 2019. – №7 (152). – С. 136-143.
7. Никифорова, Д.Ф. Криптовалютное регулирование в России: генезис и историческое содержание // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – №5 (94). – С. 76-81.

PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY UNDER SANCTIONS

Annotation. The article discusses the main problems arising in the Russian Federation under the conditions of sanctions that can be solved using blockchain technology. The main aspects of the application and legal regulation of the use of blockchain technology are also considered. It is indicated what factors should be taken into account when developing the legal regulation of the technology under consideration.
Keywords: blockchain, legal regulation, cryptocurrency, development prospects, technologies.

Zhuravleva A.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: annetzhurava@gmail.com

УДК 347.9

МЕДИАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Заблоцкая Д.А.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассмотрен вопрос медиации как разновидности примирительной процедуры, изучены ее особенности, проведен анализ всех возможных сфер применения данной процедуры, а также автором выявлены основные проблемы урегулирования конфликта с помощью медиации.
Ключевые слова: медиация, досудебный порядок, спор, конфликт, процедура.

Медиация – это процесс, при котором стороны встречаются с взаимно выбранным беспристрастным и нейтральным лицом, которое помогает им в урегулировании их разногласий. Актуальность данной темы обусловлена тем, что она

способна контролировать спор, привести участников конфликта к компромиссу без судебного разбирательства.

В своей работе О. Пряхина и Ю. Мустакимова отмечают, что медиаторы обладают переговорными навыками и техниками, снижающими эмоциональную напряженность участников, восстанавливающими восприятие информации в реальном аспекте. Они являются нейтральными посредниками, которые привлекаются сторонами для содействия в выработке решений спора [1, с. 73].

В данной профессии инструментом и объектом работы является мышление. В ходе своей деятельности, медиатор имеет дело как собственным мышление, так и с мышлением участников процесса. Для начала он начинает работу с мышлением доверителя, а далее уже добавляется мышление самого медиатора и двух его клиентов.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что основной задачей специалиста данной сферы является преобразование конфликта в сотрудничество, а также преподнесения положительных моментов партнерских отношений, если это, к примеру, компания.

Успех медиации кроется в извлечении реальных интересов лиц из формальных правовых позиций, а также в предупреждении действий, которые могли бы ухудшить положение существующего конфликта. Обращаясь к п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», мы выяснили, что процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора, который основан на добровольном согласии сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Следует отметить, что в большинстве мнение исследователей сходится с мнением законодателя, касаемо данного определения [2].

История медиации гласит нам о том, что как самостоятельная процедура она начала получать свое развитие лишь с середины 1970-гг. Роджер Фишер и Уильям Ури, профессора Гарвардской школы права, опубликовали результаты своих исследований под заголовком «Getting to Yes» Суть Гарвардской концепции, часто определяемой как «совместные действия», основана на разграничении позиции и интересов. Другими словами, в ходе переговоров стороны обозначают свои юридические позиции, которые привели их к компромиссу. Большой шаг к прогрессу будет сделан только в случае, если медиатору удастся выявить максимально точные интересы сторон.

Так, медиатор строит свою работу таким образом, чтобы интересы сторон находились в главной роли при данной встрече. То есть достигнутое в процессе медиации решение будет являться взаимовыгодным, нет победителей и проигравших (комбинация «win-win»).

З.А. Папулова считает, что развитие медиации даст возможность снизить нагрузку на судей, что обозначает и снижение расходов государства на содержание судебной системы, которая в условиях активного применения медиации постепенно прекратит экстенсивно расширяться [3, с. 62].

Вследствие этого деньги, которые поступают на финансирование судей и их аппаратов, можно использовать при введении в состав сотрудников суда должностей медиаторов.

Мы бы хотели акцентировать внимание на том, как в сегодняшних реалиях все сложнее становится ситуация с ведением переговоров и разрешением споров без участия суда, из-за чего возникает так называемый «проводник через бурю», владеющий искусством перевода негативных формулировок, а также возможностью разделять информацию на факты, эмоции и интерпретации. Другими словами, если обращать внимание на причины данного поведения людей, то можно сказать, что ключевыми из них являются эмоции, взаимонепонимание интересов друг друга, утрата контроля и дефицит рационализма.

По данному вопросу, считаем целесообразным обратиться к судебной практике, возьмем в пример Решение Череповецкого районного суда Вологодской области, дело № 2-445/2017. Гражданка Чижова Н.Н. обратилась с иском к Ковылиной Е.В. о взыскании неосновательного обогащения, на том основании, что мать бывшего супруга предложила построить на ее участке дом за счет средств истца и ее супруга, в дальнейшем по договору дарения дом будет принадлежать последним в равных долях. По итогу постройки свои обещания ответчик не выполнила, истец считает, что ей принадлежит половина дома, просила взыскать рыночную стоимость половины дома, равной 1978000 рублей. В процессе судебного заседания истец Чижова Н. Н. и ответчик Ковылина Е. В. заявили ходатайство об утверждении медиативного соглашения от 30 марта 2017 года, заключенного между сторонами в ходе процедуры медиации в отношении спора о взыскании неосновательного обогащения с привлечением в качестве медиатора «О», и прекращении производства по делу. Просили суд утвердить соглашение. Процедура медиации проводилась после передачи спора на рассмотрение в Череповецкий районный суд Вологодской области. Сроки проведения процедуры медиации: с 30 марта 2017 года по 30 марта 2017 года. Суд, изучив медиативное соглашение, установил, что соглашение не противоречит нормам законодательства и вынес определение об утверждении в качестве мирового соглашения медиативное соглашение [4].

Резюмируя произведенный нами анализ судебной практики, можно сделать вывод, что под спецификой процедуры медиации понимается:

– во-первых, процедура медиации протекает на добровольных началах, то есть не существует такой категории дел, когда данная процедура проходила бы в обязательном порядке;

– во-вторых, стороны должны исключительно по своему волеизъявлению предложить друг другу либо же согласиться с предложением судьи;

– в-третьих, данная процедура должна проводиться исключительно в письменной форме;

– в-четвертых, процедура проводится медиатором, профессиональным, либо не профессиональным усмотрение сторон.

По нашему мнению, медиация является одним из наиболее удобных и эффективных способов разрешения споров, но, при этом, данная примирительная процедура подходит далеко не для всех споров. На данном этапе медиация только входит в свой пик популярности, и то, что это происходит не так быстро, как могло бы быть объясняется самыми разнообразными проблемами. Из них в качестве примера мы можем определить недоверие к негосударственным организациям разрешающие конфликты, недостаточная информированность о примирительных процедурах, также не закреплена в законодательстве ответственность медиатора за разглашение полученной информации, так как она может быть конфиденциальной, исполнение медиативного соглашения зависит от добросовестности сторон, что исключает его принудительно и ответственность за несоблюдение условий соглашения и. т. п.

Здесь следует отметить, что решение проблем, связанных с процедурой медиации, даст нам возможность повышения ее эффективности. Мы считаем, что основным из моментов является информированность населения, а значит, реализовать это можно путем рекламы, образования специальных органов, разрешающие споры посредством медиации, опубликование практики применения примирительной процедуры в сети «интернет», установить в законодательстве ответственность медиаторов за разглашение полученной информации в ходе процедуры медиации, придать соглашению силу итогового акта, который подлежит обязательному исполнению, сделать это возможно закрепив в кодексах отдельное производство, о признании и приведении в исполнение медиативного соглашения.

Также обратим внимание на способы стимулирования частников к применению медиации при разрешении споров, которые по своей сути являются экономическими и могут подразделяться на меры прямого стимулирования и меры косвенного стимулирования.

С.К. Загайнова относит к мерам прямого экономического стимулирования медиации для субъектов правовых споров полное освобождение от оплаты расходов на медиацию, частичное освобождение от оплаты расходов на медиацию, компенсацию судебных расходов и расходов в исполнительном производстве [5, с. 25].

Также сложность вызывает тот факт, что реализация полного или частичного освобождения сторон конфликта от оплаты услуг медиатора находится в зависимости от позиции государства, которое имеет возможность полноценно или же частично оплатить предоставленные услуги за счёт государственного бюджета или внести в состав государственной пошлины, или же предоставить каждой из сторон налоговый вычет. Несмотря на то, что существует явная экономическая перспектива, обусловленная тем, что гораздо выгоднее оплатить услуги медиатора, нежели работу судьи, данный способ, к сожалению, не получил широкой огласки.

К мерам косвенного экономического стимулирования, как правило, относят участников правового конфликта, полную или частичную оплату услуг медиатора в рамках оказания бесплатной юридической помощи, а также страхование в случае возникновения правового спора. Стоит отметить, что существенную роль в достижении успеха в развитии медиации именно как способа разрешения правовых конфликтов, сыграло, преимущественно, включение медиации в состав юридической помощи, а не формирование профессии медиатора в целом, что можно отследить на примере ряда европейских стран (Германии, Франции, Австрии). Медиация, как один из видов бесплатной юридической помощи под финансированием государства, позволяет решить вышеизложенную проблему, благодаря чему социально-незащищенным слоям населения гарантировано будет предоставлена оплата расходов услуг медиатора.

К тому же, немало важно отметить, что введение досудебной медиации в обязательном порядке не является универсальной мерой для ее распространения. Такой вид медиации возможен только для определенных категорий дел, и действительно будет иметь большой успех лишь в случае ее финансировании государством, что позволит обеспечить бесплатные услуги медиатора сторонам правового конфликта.

Подводя итог, отметим, что для введения досудебной медиации в обязательном порядке по ряду определенных дел необходимо и действительно важно обеспечить ее бесплатность для сторон конфликта. Для этого имеется возможность в перспективе внести изменения в статью 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о предоставлении права суду в процессе подготовки дела к судебному разбирательству направлять стороны конфликта на обязательную встречу с медиатором. Также в часть 1 статьи 169 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации необходимо внести положение о приостановлении производства по делу при обращении сторон к медиатору и заключении медиативного соглашения [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пряхина О., Мустакимова Ю. Процедура медиации. Как решить конфликт с работником без инспектора ГИТ и суда // Трудовые споры. – 2022. – № 11. – 70-73.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (Дата обращения: 17.02.2023).
3. Папулова З.А. К 10-летию принятия Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 11. – С. 58-63.

4. Решение Череповецкого районного суда Вологодской области от 31 марта 2017 г. по делу № 2-445/2017 – [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/CaDdwuW65kbu/ (дата обращения 17.02.2023).
5. Загайнова С.К. Совершенствование института примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 7. – С. 24-28.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 17.02.2023).

MEDIATION AS A TYPE OF MEDIATION IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. In this work the essence of mediation as a variant of mediation procedures is considered, its nature and procedure are studied, an analysis of possible fields of application is carried out and the basic problems of settlement of conflicts with its help are revealed.
Keywords: mediation, pre-trial procedure, dispute, conflict, procedure.

Zablotskaya D.
Scientific adviser: Bondar A.V., Aassistant
Donetsk National University
E-mail: diana.zab@mail.ru

УДК 331.5-053.6

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

Квачева К.И.
Научный руководитель: Харжевская Т.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе раскрываются актуальные проблемы суррогатного материнства, а также способы их решения. Выявлены положительные и отрицательные стороны суррогатного материнства. Проводится анализ действующего законодательства, затрагивающего вопросы о суррогатном материнстве.
Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивное здоровье, экстракорпоральное оплодотворение.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации «в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...», а также «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1]. Аналогичный принцип закреплён и в ст. 1 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2].

Состояние репродуктивного здоровья населения (сексуального и репродуктивного здоровья) имеет первостепенное значение. Репродуктивное здоровье населения является важнейшим фактором социального и демографического развития страны. Репродуктивное здоровье населения является ключевым элементом социального и демографического развития страны.

Вспомогательная репродуктивная технология, или ВРТ, представляет собой техническое применение медицинских знаний и технологий для оказания помощи пациентам с бесплодием в достижении их репродуктивных целей.

Репродукция человека с хирургической помощью – одна из самых захватывающих технологий 21 века. Однако, несмотря на значительный прогресс в последние годы, эта практика еще не стала реальностью для всех пар. Те, кто не может зачать ребенка обычными способами, могут обратиться за суррогатным материнством, но требования к кандидатам варьируются от страны к стране.

Суррогатное материнство – вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [3].

Суррогатное материнство – это практика создания ребенка для другой пары путем переноса генетического материала одного или обоих небиологических родителей донору яйцеклетки или спермы и имплантации его в матку суррогатной матери. Потребность в суррогатном материнстве в последние годы возрастает в связи с технологическими достижениями в области репродукции человека.

В результате страны начали принимать законы о суррогатном материнстве, чтобы обеспечить безопасную и этичную практику. Закон о суррогатном материнстве признает эмоциональные и физические потребности всех, кто участвует в процессах суррогатного материнства. Чтобы иметь ребенка, женщина должна сначала родить ребенка или детей. Суррогатное материнство дает паре, которая не может иметь ребенка самостоятельно, возможность стать родителями.

Кроме того, родители-одиночки также могут рассмотреть возможность суррогатного материнства для своей семьи. Хотя это захватывающая область, существует много сложных этических вопросов, связанных с суррогатным материнством, которые необходимо решить.

Суррогатное материнство чаще всего используется, когда женщина не может сама вынашивать ребенка, но все же может внести свой вклад в генетический состав своего ребенка. Основная цель суррогатного материнства – помочь бесплодным парам иметь биологически родственных детей.

Главным вопросом в данной теме является вопрос том, что должна ли суррогатная мать знать, что генетический материал, который она несет, не является ее собственным. Некоторые говорят, что суррогатная мать не должна знать об этом, чтобы не чувствовать, что она крадет беременность у другой женщины. Другие этические проблемы включают в себя вопрос о том, следует ли суррогатной матери платить за создание ребенка для другой пары и должен ли суррогатный отец иметь какие-либо знания или участие в создании своего ребенка.

Итак, для начала необходимо выделить положительные стороны суррогатного материнства. К таковым можно отнести следующее:

1. Возможность бесплодной пары стать родителями.

До участия в программе предпринимаются неоднократные попытки зачать и родить ребенка самостоятельно. Только убедившись в безуспешности этих попыток, родители доверяют своего долгожданного ребенка посторонней женщине.

2. Возможность получить здорового ребенка.

У суррогатных пар нет возможности зачать и родить здорового ребенка. Обычно один из пары имеет тяжелое генетическое заболевание, которое передается ребенку. Как вариант, у женщины, мечтающей о ребенке, есть медицинское состояние, препятствующее зачатию или нормальному развитию плода.

3. Улучшение материального положения суррогатной мамы.

85% суррогатных матерей – одинокие или разведенные женщины с маленькими детьми. Они полагаются только на себя и рассчитывают на высокую оплату за помощь бесплодным парам в рождении детей. Как показывает практика, то суррогатное материнство высоко оплачивается.

4. Естественное оплодотворение яйцеклетки.

Механизм, с помощью которого сперматозоид вторгается в яйцеклетку, такой же, как и в женском организме, но происходит в лаборатории. В природе две

слившиеся клетки делятся в течение определенного периода времени без вмешательства материнских факторов. То же самое происходит и в пробирке.

5. Не нужно дорогостоящее лечение.

Предварительное лечение бесплодия всегда очень дорогостоящее и требует больших физических и умственных усилий. В результате оно не всегда оказываются успешными. Как указывалось ранее, суррогатное материнство высоко оплачивается, однако оно может быть в разы дешевле, чем лечение, при помощи которого женщина сможет сама выносить и родить ребенка.

6. Возможность сохранить собственное здоровье.

Женщины с серьезными проблемами со здоровьем не могут самостоятельно выносить и родить ребенка. Ей противопоказаны дополнительные нагрузки на организм, в том числе беременность. Программа суррогатного материнства позволяет ей добиваться своих важных целей, не подвергая риску свое здоровье, а иногда и жизнь.

Как видно, суррогатное материнство имеет свои плюсы. Если у семейной пары есть какие-либо проблемы и причины, по которым они не могут зачать, выносить и родить ребёнка, то суррогатное материнство является одним из выходов в данной ситуации.

Какие же минусы могут быть в суррогатном материнстве? Анализируя все ситуации, можно прийти к следующему:

1. Торговля детьми.

Встречаются случаи, когда рождение детей связано с их последующей торговлей. Это может быть продажа на органы, либо же в дальнейшее рабство, а также продажа ребенка семье, которая не может иметь детей (независимо от того кто является биологическими родителями).

2. Пагубное воздействие на здоровье.

Согласно исследованиям, проведенным в разных странах, искусственное оплодотворение не влияет на последующие беременности, которые протекают точно так же, как и естественная беременность. Однако после родов могут начаться какие-либо осложнения, которые способствуют нарушению здоровья.

3. Психологическая травма для суррогатной матери.

Поскольку выбор женщины информирован, взвешен и подкреплен ее экономическими интересами, тяжесть психотравмирующего элемента – разлуки с детьми – значительно снижается. На протяжении всех девяти месяцев можно получить помощь психолога или психотерапевта.

4. Налог для суррогатной матери.

После получения оплаты за оказанные услуги жительницы Российской Федерации платят 13% от своего дохода. Стоимость материалов передается биологическим родителям по договоренности, чтобы не обременять их налогами.

Наглядно видно, что положительных качеств намного больше, чем отрицательных. Суррогатная мать заключает договор с родителями ещё не родившегося ребёнка, в котором указываются финансовые и моральные обязательства по отношению друг к другу.

Необходимо также отметить, что в России наиболее спорный аспект гестационного суррогатного материнства. Спорным он является потому что, он доступен только гетеросексуальным супружеским парам. Для легального доступа к гестационному суррогатному материнству в России пара должна подать заявление в Министерству здравоохранения и социального развития. Затем они должны будут пройти медицинский осмотр и проверку сексуального здоровья, прежде чем они смогут начать беременность. После успешного выполнения этих требований пара должна юридически согласовать свой предполагаемый родительский статус для будущего

ребенка. После того как все эти предварительные условия выполнены, пара может законно начать свое гестационное суррогатное материнство.

Особенность отношений суррогатной матери заключается в том, что их основной целью является реализация прав жены и мужа на материнство и отцовство, предусмотренных СК РФ, когда жена по физиологическим причинам не может самостоятельно выносить ребенка. Договор суррогатного материнства также должен касаться прав и интересов ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства. Контракт между парой и суррогатной матерью направлен на установление семейных отношений между парой и будущим ребенком.

Также важно отметить, что остается неурегулированным вопрос касаемо того, что супруги могут отказаться забрать ребенка, что делать в случае гибели ребенка до рождения или рождения больного ребенка, ответственность суррогатной матери за ненадлежащее выполнение условий договора. Для этого необходимо на законодательном уровне закрепить данные вопросы, что облегчит их решение.

Однако некоторые авторы выделяют основные пункты, которые должен содержать договор. Так, к ним можно отнести: 1) компенсация расходов на медицинское обслуживание; 2) компенсация потерь в заработке; 3) место проживания суррогатной матери в период беременности; 4) медицинское учреждение, где будет происходить искусственное оплодотворение; 5) последствия рождения неполноценного ребенка; 6) обязанность суррогатной матери соблюдать все предписания врача; 7) обязанность суррогатной матери передать ребенка после рождения генетическим родителям; 8) обязанность генетических родителей принять ребенка; 9) существенные штрафные санкции за невыполнение условий договора, компенсация морального вреда, которые должны дисциплинировать стороны договора суррогатного материнства [4].

Что касаемо судебной практики, то Решением от 29 августа 2019 г. Верховного Суда РФ [5], было установлено, что отпуск на период беременности и родов предоставляется только суррогатной матери. У генетической матери отсутствует страховой случай, а значит, ей не будут назначены пособия по беременности и родам. В свою очередь суррогатное материнство принято считать законченным с момента рождения ребёнка и регистрацией его генетических родителей в органах записи актов гражданского состояния.

Таким образом, суррогатное материнство позволяет двум людям, которые биологически не могут создать своих собственных детей, иметь ребенка. Суррогатное материнство имеет много преимуществ, одним из которых является то, что супруги имеют возможность родить здорового ребенка.

Многие пары, которые не могут успешно зачать ребенка, используют суррогатное материнство в качестве альтернативы ЭКО. Это лечение включает удаление яйцеклеток женщины и их оплодотворение в лабораторных условиях. Этот процесс может занять много времени и денег, поэтому некоторые пары вместо этого предпочитают использовать суррогатное материнство.

Суррогатное материнство дает беременным женщинам биологически жизнеспособных детей без необходимости производить яйцеклетки или эмбрионы. Кроме того, это снимает часть эмоционального стресса, связанного с попыткой зачать ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.

2. Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995г.: по состоянию на 19 декабря 2022г.]
3. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 03.08.2018 № 319-ФЗ) // Российская газета. 1997. 20 ноября.
4. Айвар Л.К. Правовая защита суррогатного материнства / Л.К. Айвар // Адвокат. – 2006. – № 3. – С. 13-19.
5. Решение от 29 августа 2019 г. Верховный Суд РФ по делу № АКПИ 19-513 / СудАкт [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/7vCAsakwEIHm/?vsrf-txt=суррогатное+материнство&vsrf-case_doc=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1674118209908&snippet_pos=3864#snippet (дата обращения: 17.01.2023).

SURROGACY: POSITIVE AND NEGATIVE SIDES

Annotation. This paper reveals the current problems of surrogacy, as well as ways to solve them. The positive and negative sides of surrogacy are revealed. The analysis of the current legislation affecting the issues of surrogacy is carried out.
Keywords: surrogacy, reproductive health, in vitro fertilization

Kvacheva K.
Scientific adviser: Kharzevskaya T.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: kvachyova.carinka@yandex.ru

УДК 351.74

К ВОПРОСУ О ВИДАХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Клевцов В.С.
Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию видов коррупционных проявлений в системе ОВД. В результате проведенного исследования, анализа позиций ученых по данному вопросу представилось возможным определить основные виды коррупционных проявлений в деятельности ОВД.
Ключевые слова: коррупция, орган внутренних дел, коррупционные проявления, уголовная ответственность.

В настоящее время вопросы противодействия коррупции в системе органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) имеют актуальное значение. Состояние многих отраслей деятельности государства во многом зависит от эффективности существующих механизмов противодействия коррупции и коррупционным проявлениям. Коррупция способствует росту актов терроризма, распространению наркотиков, легализацию доходов, полученных преступным путем, уклонению от уплаты налогов, а также иных преступлений. Коррупция создает угрозы обществу в целом, поскольку негативным образом отражается на состоянии экономической, социальной и правовой действительности. В системе ОВД коррупция делает невозможным поддержание законности и правопорядка, обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц. Не смотря на значимость и актуальность данного вопроса в правовой действительности Российской Федерации (далее по тексту – РФ), в настоящее время в доктрине существует ряд дискуссий, которые не позволяют полноценно развивать направления научной мысли о противодействии коррупции. В частности, актуальным и дискуссионным остается вопрос о видах коррупционных проявлений в деятельности ОВД. Систематизация видов

коррупционных проявлений имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическое значение определяется возможностью структурирования исследований, посвященных борьбе отдельным видам коррупционных проявлений, а также позволяет установить систему возможных коррупционных проявлений. Практическое значение определяется возможностью установления направлений противодействия коррупции, формированию антикоррупционных стандартов поведения сотрудников ОВД, исходя из установленных видов коррупционных проявлений.

При этом, мировая практика знает множество примеров эффективной борьбы с коррупцией. Например, среди стран постсоветского пространства, одним из наиболее выдающихся успехов борьбы с коррупцией достигла Грузия. Так, до Революции Роз в 2003 году, Грузия представляла собой одну из наиболее коррумпированных стран, однако после проведения Правительством Грузии ряда реформ в сфере правоохранительной деятельности, образования, таможенного дела, медицины, налогообложения, ситуация стала достаточно быстро меняться. По состоянию на 2021 год, Грузия занимает 45-е место в индексе восприятия коррупции, в котором государства с наименьшим рейтингом считаются наименее подверженными коррупции. К примеру, РФ по состоянию на 2021 год, в данном рейтинге занимает 136 место из 180 государств.

Изложенное свидетельствует об актуальности выбора темы научной статьи, определяемой значимостью исследуемой сферы правоотношений, а также существованием дискуссий в доктрине административного права.

Исследованием вопроса о видах коррупционных проявлений в системе ОВД занимались многие представители доктрины, однако в рамках данной научной статьи следует выделить таких ученых, как Гуровая М. П., Красовского А. В., Строчилова Н. В. и др.

Целью настоящего исследования следует считать определение видов коррупционных проявлений в деятельности ОВД.

Перед исследованием коррупционных проявлений в деятельности ОВД, считаем целесообразным рассмотреть вопрос о понятии «коррупции», для чего следует обратиться к позициям представителей правовой доктрины, рассмотреть позицию законодателя по данному вопросу. Так, в. п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» дано определение коррупции. Анализ данного определения позволяет утверждать, что исходя из позиции законодателя по данному вопросу, коррупционными проявлениями является дача и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки интересам общества и государства в целях получения денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц или незаконное предоставление такой выгоды другим физическим лицам, либо совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [1]. Таким образом, законодателем определены основные виды коррупционных проявлений, однако в рамках настоящего исследования целесообразно определить особенности коррупционных проявлений в системе ОВД. Целесообразно также обратиться к нормам международного права, где данному вопросу также уделено достаточно много внимания. Так, определение «коррупции» было сформулировано на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979, где было предложено понимать под коррупцией выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностной инструкции, так и без их нарушения [2]. Имеет существенное теоретическое значение позиции ученых, предметом которых было исследование коррупции как социального явления.

Коррупция представляет собой не только социальное отрицательное явление, но и форму организованной преступности. Лица подверженные коррупционному поведению при осуществлении профессиональной деятельности достаточно часто становятся организаторами преступных групп. Должностным лицам, совершающим коррупционные преступления в большинстве случаев не присущи моральные устои, нравственные начала, которые необходимы для осуществления профессиональной деятельности должностного лица органа государственной власти. При этом, коррупция длительное время является целью внимания законодателя, контролирующих органов, представителей доктрины, тем не менее, до настоящего времени, данный фактор действительности оказывает существенное негативное влияние на эффективность деятельности государства в лице органов власти, а также престиж государственной службы в целом среди населения. Общество начинает недоверчиво относится к деятельности органов власти, тем самым устанавливаются субъективные и сознательные преграды для реализации субъективных прав. Иными словами, лицо не будет реализовывать собственное право в сфере предпринимательства, социального обеспечения, государственных услуг, предварительно имея представление о необходимости удовлетворения корыстного интереса должностного лица.

Предметом исследования Н.В. Строчилова стали факторы, обуславливающие коррупцию в деятельности ОВД. В своем исследовании автор рассмотрел множество определений понятию «коррупция», осуществил анализ положений нормативных правовых актов зарубежных стран после чего был сделан вывод, что коррупция в ОВД представляет собой негативное социально явление, которое проявляется путем использования сотрудником ОВД своего служебного положения, авторитета и статуса службы, вопреки интересам общества и государства, с целью получения личных материальных или нематериальных выгод для себя или третьих лиц, либо в корпоративных интересах [3, с. 87]. Определение автора считаем объективно отражает сущность коррупции в системе ОВД, указывает на особенности и сущностные характеристики основных коррупционных проявлений.

Правовой основой противодействия коррупции, помимо вышеуказанного ФЗ, следует считать Концепцию обеспечения собственной безопасности в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 02.01.2013 № 1 [4]. Особенностью данной концепции следует считать возложение персональной ответственности за состояние собственной безопасности подчиненного подразделения на руководителей данных органов. Однако, до настоящего времени, руководители подразделений ОВД уделяют недостаточно внимания работе с личным составом относительно формирования антикоррупционного стандарта поведения. В свою очередь, отсутствие сформированного стандарта антикоррупционного поведения ведет к низкой эффективности деятельности ОВД. Помимо этого, латентность коррупционных преступлений, осложняют процесс предупреждения и расследования преступлений коррупционной направленности. Имеющийся опыт и специальные знания у сотрудников ОВД позволяет существенно осложнить процессы предупреждения и борьбы с преступностью в данной отрасли. Далее следует осуществить анализ позиций ученых по вопросу видов коррупционных проявлений в деятельности ОВД.

Так, А.В. Красовский при исследовании видов коррупционных проявлений в ОВД и их детерминантов отмечал, что в настоящее время коррупционные преступления подразделяются на следующие виды:

– дача и получение взятки;

– служебный подлог;

– превышение должностных полномочий [5, с. 248].

Считаем позицию автора обоснованной в силу соответствия определению понятию «коррупция», которое дано в ФЗ «О противодействии коррупции», а также

соответствия положениям действующего уголовного законодательства. Тем не менее, отдельные коррупционные проявления были оставлены автором без внимания. В качестве примера можем назвать назначение на должность «своих людей». Данное явление в правовой науке получило название «непотизм». Опасность данного явления в деятельности ОВД заключается в том, что кандидаты на должность, не обладают необходимыми навыками, знаниями, собственной позицией по вопросам профессиональной деятельности. Также следует отметить зависимость такого сотрудника от руководителя подразделения ОВД. Функция такого должностного лица заключается в безвольном выполнении приказов и распоряжений, поступающих от руководителя ОВД. Вполне очевидно, что сотрудник ОВД должен независимо и профессионально выполнять должностные обязанности, не быть подверженным отрицательному и корыстному влиянию третьих лиц.

Исследованием аналогичного вопроса также занималась И.С. Соколова, которая выделила следующие виды коррупционных проявлений в деятельности ОВД:

– получение незаконного вознаграждение руководителем подразделения ОВД от своих подчиненных;

– получение незаконного вознаграждения руководителем подразделения ОВД, сотрудниками ОВД от лиц, в отношении которых ведется предварительное следствие;

– покровительство со стороны сотрудников ОВД над лицами, занимающихся организованной преступностью [6, с. 109].

Более широкую систему коррупционных преступлений выделял А.Д. Сафронов. Так, автор выделял следующие действий коррупционного характера, осуществляемые в рамках деятельности ОВД:

– использование сотрудником ОВД собственной должности и полномочий, для вмешательства в деятельность органов государственной власти;

– вынесение необоснованного решения, связанного с полномочиями сотрудника ОВД за незаконное вознаграждение;

– игнорирование интересов третьих лиц в органе, где сотрудник ОВД проходит службу;

– нарушение порядка рассмотрения жалоб, заявлений и иных обращений;

– необоснованный отказ в предоставлении информации или предоставление неполной информации без удовлетворения незаконной материальной или нематериальной заинтересованности;

– незаконное требование о предоставлении информации;

– создание препятствий лицам в реализации их прав и законных интересов с требованием об удовлетворении материальной или нематериальной заинтересованности сотрудника ОВД [7, с. 15].

Данный перечень О.В. Овчинникова дополняет получением незаконного вознаграждения за содействие в получении контракта по государственным закупкам МВД. Отдельно автор рассматривает коррупционные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 5.45 КоАП РФ [8, с. 159]. Такие деяния не содержат признаков коррупционного преступления, однако имеют под собой признаки коррупционной выгоды. Указанная норма предусматривает ответственность за использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума. Следует также выделить ст. 15.14 КоАП РФ, в которой предусмотрена ответственность за нецелевое использование бюджетных средств [9].

Считаем обоснованным привести в пример Постановление Забайкальского краевого суда от 19.06.2017 по делу № 4А-228/2017. В рамках данного дела, суд привлек к административной ответственности начальника межмуниципального отдела МВД РФ «Приагутинский» подполковника полиции по ст. 15.14 КоАП РФ [10].

Перед поступлением на службу, каждый сотрудник ОВД дает присягу, в которой содержится клятва служить народу и бороться с преступностью, защищать права и свободы человека и гражданина. Множество «соблазнов», которые встречаются при осуществлении правоохранительной деятельности, могут стать преградой для сотрудника ОВД, в котором отсутствует стандарт антикоррупционного поведения, для надлежащего исполнения должностных обязанностей и исполнения данной присяги.

Исследование видов коррупционных проявлений в деятельности сотрудника ОВД позволяет определить систему таких проявлений, систематизировать её, с целью совершенствования методик внедрения антикоррупционного стандарта поведения в поведение сотрудника ОВД.

Подведя итог исследованию видов коррупционных проявлений в деятельности ОВД, считаем целесообразным отметить, что видовое многообразие коррупционных проявлений определяется множественными «соблазнами», которые возникают в деятельности сотрудника ОВД. Полномочия, предоставленные государством должностному лицу, имеют властно-правовой характер, который может быть противоправно использован преступными слоями общества для получения противоправных выгод. Коррупционные проявления в деятельности ОВД являются следствием низкого стандарта антикоррупционного поведения сотрудников ОВД, отсутствием надлежащей работы руководителей подразделений ОВД со своими подчиненными. Вследствие этого, формируется «коррупционный климат» в деятельности ОВД. Исследование видов коррупционных проявлений обеспечивает понимание направления, вектора борьбы с данным социальным явлением. Таким образом, с учетом вышеуказанных позиций представителей доктрины, считаем, что система коррупционных проявлений в деятельности ОВД представлена в следующем виде:

– получение незаконного вознаграждения от лиц, находящихся под предварительным следствием или совершивших административное правонарушение;

– получение незаконного вознаграждения руководителем подразделения ОВД, сотрудниками ОВД от лиц, в отношении которых ведется предварительное следствие;

– покровительство со стороны сотрудников ОВД над лицами, занимающихся организованной преступностью;

– использование сотрудником ОВД собственной должности и полномочий, для вмешательства в деятельность органов государственной власти;

– вынесение необоснованного решения, связанного с полномочиями сотрудника ОВД за незаконное вознаграждение;

– игнорирование интересов третьих лиц в органе, где сотрудник ОВД проходит службу;

– нарушение порядка рассмотрения жалоб, заявлений и иных обращений;

– необоснованный отказ в предоставлении информации или предоставление неполной информации без удовлетворения незаконной материальной или нематериальной заинтересованности;

– получение незаконного вознаграждения за содействие в получении контракта по государственным закупкам МВД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ/ СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ – Дата обращения: 04.02.2023. – Загл. с экрана.

2. Резолюция 34-й сессии от 17.12.1979/ ОС ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/34/docs/34res.shtml – Дата обращения: 04.02.2023. – Загл. с экрана.

3. Сторчилова, Н.В. Факторы, обусловливающие распространение коррупции в органах внутренних дел// Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 85-90

4. Концепция обеспечения собственной безопасности в Министерстве внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1/ СПС "Гарант" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/72246274/ – Дата обращения: 04.02.2023. – Загл. с экрана.
5. Красовский, А.В. Виды коррупционных проявлений в органах внутренних дел и их детерминанты// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 246-250
6. Соколов, И.С. Коррупция в органах внутренних дел: понятие, виды, средства и меры противодействия/ И.С. Соколов, О.А. Короткова// Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 109-114
7. Сафронов, А.Д. Организационно-правовые аспекты предупреждения коррупции среди сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие/ А.Д. Сафронов. – М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1993. – 47 с.
8. Овчинников, А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски// Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 158-170
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в ред. Федеральных законов 19.12.2022 N 534-ФЗ)/ СПС "КонсультанПлюс" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ – Дата обращения: 14.12.2022. – Загл. с экрана.
10. Постановление Забайкальского краевого суда от 19 июня 2017 г. по делу № 4А-228/2017/ СПС «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/WLH4rzH42YWP/ – Дата обращения: 04.02.2023. – Загл. с экрана.

ON THE QUESTION OF THE TYPES OF CORRUPTION MANIFESTATIONS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the types of corruption manifestations in the ATS system. As a result of the conducted research, analysis of the positions of scientists on this issue, it was possible to determine the main types of corruption manifestations in the activities of the Department of Internal Affairs.
Keywords: corruption, internal affairs body, corruption manifestations, criminal liability.

Klevtsov V.
Scientific adviser: Chiba E.V., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: mr.klevtsov2000@mail.ru

УДК 347.78

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ СУБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ковалевич Т.С.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Право интеллектуальной собственности – это подотрасль гражданского права. Предмет регулирования этой отрасли – отношения по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности. Полномочия субъектов интеллектуальной собственности называются интеллектуальными правами. К ним относится исключительное право на объект правовой охраны и неимущественное право. Кроме того, существуют особенности регламентации интеллектуальных прав, и их видов. Все эти вопросы отражены в данной статье.
Ключевые слова: интеллектуальная собственность, субъекты интеллектуальной собственности, объекты интеллектуальной собственности, права субъектов интеллектуальной собственности.

Актуальность исследования состоит в том, что государство на данный момент уделяет много внимания вопросам интеллектуального труда, а неразрывно с этим – вопросам интеллектуальной собственности. Исходя из этого, достаточно серьёзной является проблема высокого уровня незаконного использования охраняемых законом результатов интеллектуального труда (интеллектуальной собственности). Этот факт

свидетельствует о правовом нигилизме, о необходимости практической и научной проработки особенностей регламентации прав субъектов интеллектуальной собственности.

Исходя из вышесказанного, целью данного исследования является разработка целостного и, как можно, наиболее полного представления о видах, сущности и особенностях интеллектуальных прав субъектов права интеллектуальной собственности, выработанного на основе систематизации анализа имеющихся научных исследованиях в исследуемой области.

Характеризуя особенности прав субъектов интеллектуальной собственности, для начала необходимо обратить внимание на определение термина «интеллектуальная собственность».

Данный термин широко распространился в научном и правовом обороте Российской Федерации в начале 1990-х годов. Термин содержится в тексте Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), в соответствии с которой гарантируется свобода всех форм и видов литературного, художественного, технического, научного и иного творчества [1, ст. 44].

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), даёт определение термину «интеллектуальная собственность» – это результат интеллектуального труда и приравненные к нему средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, предприятий и информационных систем.

Некоторые авторы, такие как Молчанов. А.А. и Новосёлова Л.А., отмечают, что в определении термина «интеллектуальная собственность» существуют субъективная и объективная составляющие.

В субъективном смысле данное понятие в настоящее время понимается как исключительное субъективное право определенного субъекта в отношении результатов интеллектуальной деятельности и сравнительных средств индивидуализации юридического лица, продукции, выполняемых работ. или предоставляемых услуг.

Характеризуя интеллектуальную собственность как объективную категорию, можно сказать, что это совокупность правовых норм, регулирующих. основания возникновения, изменения или прекращения, а также последовательность осуществления и защиты субъективных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Прежде чем рассматривать виды интеллектуальных прав, следует проанализировать определение понятия субъектов права интеллектуальной. собственности. Субъектами права интеллектуальной собственности (с учетом неимущественного и имущественного характера прав) являются:

1. авторы (соавторы);

2. собственники;

3. приобретатели-лица, становящиеся обладателями имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности вследствие приобретения этих прав на основании договора и (или) лицензии;

4. наследники – те, кто в соответствии с законодательством может наследовать права авторов (частично) или собственников.

Автор – это гражданин, благодаря чьему творческому труду создается результат интеллектуального труда, интеллектуальной деятельности, согласно ГК РФ [2, ст. 1228].

При создании результата интеллектуальной деятельности в процессе коллективного созидательного труда двух или более граждан, то этот процесс называется соавторством. Также, введено ограничение на признание автором результата интеллектуальной деятельности. Такими не признаются граждане, которые не внесли творческого вклада при создании результата, а также граждане, которые

оказали автору лишь содействие или поддержку технически, консультациями, организационно или материально, либо лишь способствовали оформлению прав на подобный результат, и граждане, контролировавшие выполнение определенных работ.

В качестве собственников могут выступать различные субъекты гражданского права. Стоит отметить, что приобретателями права интеллектуальной собственности могут выступать работодатели и инвесторы – лица, которые заняты коммерческой эксплуатацией исключительных прав. В основном это различные виды предпринимателей либо некоммерческие юридические. лица, такие как опытно-конструкторские и технологические организации, имеющие статус государственных учреждений.

Вышеуказанные лица обычно являются работодателями авторов.

Законодатели по-разному рассматривают определение круга потенциальных обладателей исключительных прав различного рода (авторских прав и прав на товарные знаки, патентных прав и права на указание происхождения) и вводят .между ними существенные различия, прежде всего, в объеме и условиях полномочий, как между автором и его наследниками, между автором-работником и правообладателем - работодателем.

Переходя к детальному рассмотрению полномочий субъектов интеллектуальной собственности, отметим их разделение на имущественные и неимущественные права.

Существует классификация разделения указанных прав. Основным отличием имущественных прав от неимущественных является то, что их можно использовать в сделках и договорах, продавать и передавать.

Неимущественные же права относятся лично к правообладателю, они не могут участвовать в сделках и передаваться третьим лицам.

Рассматривая имущественные и неимущественные интеллектуальные права, важно подробно раскрыть их сущность:

1) Исключительное право. Исключительные права, которые являются имущественными – это права на результат интеллектуальной деятельности, который создан творческим трудом; изначально принадлежат автору такого результата. Как было указано выше, данное право автор может передать другому лицу по договору, или оно может перейти к иным лицам по другим основаниям, которые устанавливает закон [2, п. 3 ст. 1228]. Особой чертой, свойственной лишь исключительным правам, выступает система ограничений этих прав, сосредоточенных на том, чтобы уравновесить интересы авторов, других правообладателей, некоторых пользователей исключительных прав и всего общества целиком.

2) Личное неимущественное право. Личные неимущественные права – это те виды интеллектуальных полномочий, которые относятся напрямую к автору какого-либо произведения. С точки зрения закона нельзя осуществить сделку, в рамках которой автор передаёт право называться автором произведения другому лицу. Подробнее об этом гласит ГК РФ [2, п. 2 ст. 1228]. Ещё подробнее эту тему освящает 70 глава ГК РФ, поскольку она целиком посвящена авторскому праву.

3) Существует ещё одна категория интеллектуальных прав, отличная от приведённых на рисунке – иные права. Молчанов А.А. отмечает, что выделение категории «иные интеллектуальные права» в российском гражданском законодательстве связано со стремлением законодателя к систематизации положений ГК РФ об интеллектуальных правах на охраняемые объекты. Иные интеллектуальные права различают по субъектному составу. Их обладателем может быть сам автор, а в определенных случаях – иные правообладатели (в частности, наследники автора или лицо, к которому перешло соответствующее право по договору) [4].

Иные интеллектуальные права могут возникать в связи с различными типами охраняемых объектов. Например, право доступа, право наблюдения возникают в связи

с произведением и относятся к авторскому праву. Право на получение патента предполагает возможность получения патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец или успех в селекции, поэтому они соответственно именуются патентными правами.

Таким образом, иные интеллектуальные права разнородны. Особенности их правового режима объединяют интеллектуальные права в отдельную категорию, предусмотренные ГК РФ, которые отличают их от исключительного права и личных неимущественных прав. .

Проведя подробное изучение интеллектуальных прав субъектов интеллектуальной собственности, следует разделить их на три категории, классифицируя по характерным чертам (табл.1).

Таблица 1

Характерные черты интеллектуальных прав

Исключительные имущественные права	Личные неимущественные права	Иные права
Характерная черта: система ограничений этих прав сосредоточена на том, чтобы уравновесить интересы авторов, других правообладателей, некоторых пользователей исключительных прав и всего общества целиком.	Характерная черта: нематериальный характер, то есть отсутствие экономического содержания и, как следствие, невозможность их точной оценки.	Характерная черта: под иными интеллектуальными правами можно понимать различные субъективные права, возникающие в случаях, предусмотренных ГК РФ, на охраняемые объекты, которые в силу особенностей установленного для них правового режима не могут войти в состав исключительного права и в то же время не могут быть отнесены к личным неимущественных правам, принимая во внимание совокупность классических свойств личных неимущественных прав (отсутствие имущественного содержания, неотчуждаемость, неразрывная связь с личностью автора).

На основании проведенного исследования можно сделать следующий вывод: право интеллектуальной собственности является важной отраслью гражданского права. Интеллектуальная собственность является результатом мыслительной и творческой деятельности и равноценным средством индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, предприятий и информационных систем, которым предоставлена правовая охрана, т.е. субъекты гражданских прав.

Субъектами права интеллектуальной собственности (с учетом неимущественного и имущественного характера прав) являются авторы (соавторы), собственники-обладатели имущественных прав, приобретатели-лица, ставшие обладателями имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, такой

как результате приобретения этих прав на основании договора и (или) лицензии наследниками. Права субъектов интеллектуальной собственности называются интеллектуальными правами. К ним, прежде всего, относятся исключительные права, к которым относятся имущественные права, личные неимущественные права и иные права. Кроме того, существует ряд особенностей регулирования прав интеллектуальной собственности, а также их видов. В ГК РФ отсутствует четкое определение прав интеллектуальной собственности, что создает благодатную почву для научных дискуссий. Достигнута цель работы, а именно разработано целостное и наиболее полное представление о сущности, видах и свойствах объектов интеллектуальной собственности, составленное на основе обобщения, анализа и систематизации имеющихся научных исследований в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Справочная правовая система «Консультант плюс».
3. Гаврилов Э.П. Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар. – М.: Юрид.лит., 1998. С.8.
4. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 130-131.
5. Молчанов А.А. Гражданское право (особенная часть). Институт экономики и права Ивана Кушнира, 2010-2023 // Исключительное право – 2019 г. Раздел III, Глава 18, § 2, 4 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://be5.biz/pravo/g033/18.html#2 (дата обращения: 06.02.2023)
6. Новоселова Л.А. Институт экономики и права Ивана Кушнира, 2010-2023 // Понятие и общая характеристика иных интеллектуальных прав – 2017 г. Глава 6, § 1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://be5.biz/pravo/i030/6.html (дата обращения: 06.02.2023)

LEGAL DESCRIPTION OF THE RIGHTS OF SUBJECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY

Annotation. Intellectual property law is a sub-branch of civil law.
The subject of regulation of intellectual property rights are relations on the creation and use of the results of intellectual activity. The rights of subjects of intellectual property are called intellectual rights. These primarily include the exclusive right to the object of legal protection and non-property rights. In addition, there are a number of features of the regulation of intellectual property rights, as well as their types. All these questions are reflected in this article.
Keywords: intellectual property, subjects of intellectual property, objects of intellectual property, rights of subjects of intellectual property.

Kovalevich T.
Scientific adviser: Efremova A.V., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: taison.koval@mail.ru

УДК 34.096

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ковальчук А.О.
Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена исследованиям теоретических проблем юридической ответственности. При изучении данного вопроса рассматриваются различные подходы современных ученых-правоведов к определению юридической ответственности: государственное принуждение, правовое отношение охранительного типа, применение санкций правовых норм. Также, в данной работе детально обозреваются основные характерные черты данного понятия. Исследованы отдельные принципы юридической ответственности, их взаимосвязь друг с другом.
Ключевые слова: юридическая ответственность, государственное принуждение, идивидуализация, принцип законности.

Изучение теории юридической ответственности на протяжении долгого времени не теряет своей актуальности, что порождает интерес ученых, непосредственно занимающихся ее исследованием. Несмотря на то, что на современном этапе проработки данного аспекта права остались нерешенные вопросы, его разработанность находится на высшем уровне.

Стоит обратить внимание на то, что на сегодняшний день не существует единого, законодательно установленного и общепризнанного определения юридической ответственности, дискуссии о котором ведутся долгое время. В теории права сформулировано несколько вариантов определения.

По мнению С. С. Алексеева, ответственность – государственное принуждение, выраженное в праве, выступает как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли [1].

Как полагают другие авторы, юридическая ответственность – это прежде всего, государственное принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяний правонарушителя государством и обществом.

И.А. Кузьмин высказывает мнение, согласно которому юридическая ответственность – это исполнение обязанности посредством государственного принуждения, например уплата суммы долга заемщиком на основе решения суда [2].

Мы считаем, что необходимо дать следующее определение понятию юридической ответственности: государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом. В этом определении фактически объединены две концепции понимания юридической ответственности как принуждения и как правоотношения.

Вариантом понимания юридической ответственности через правоотношения является точка зрения Б. Т. Базылева о том, что юридическая ответственность – это правовое отношение охранительного типа, возникшее на основании правонарушения». Специфика правоотношения ответственности состоит в том, что «в рамках данного правоотношения осуществляется наказание [3]. Данное предложение уже получило критическое осмысление в юридической литературе. Так, некоторые ученые отмечали, что в рамках охранительных правоотношений осуществляется не только наказание (меры ответственности), но и специфические меры защиты, т.е. охранительные

правоотношения – категория более емкая и широкая, чем категория юридической ответственности.

В юридической литературе высказаны точки зрения о том, что юридическая ответственность означает применение санкций правовых норм, указанных мер ответственности, что юридическую ответственность следует понимать прежде всего как санкцию за правонарушение, как последствие, предусмотренное нормой права на случай ее несоблюдения. Определение юридической ответственности через санкции имеет свой недостаток, поскольку понятие «санкция» само по себе не является четко определенным в правовой науке. Как следствие, определение юридической ответственности через санкцию придает ей абстрактные очертания. Например, одобрение чего-то, т.е. дача санкции, не всегда соотносится с юридической ответственностью. Кроме того, понятие «санкция» как атрибут правовой нормы не совпадает с понятием «санкция» как объем неблагоприятных последствий.

Приведенный обзор различных определений юридической ответственности свидетельствует о сохранении в теории права неопределенности понимания сущности юридической ответственности. Причина имеющихся различий в определении юридической ответственности заключается в том, что каждое из них подчеркивает какие-то частности, представляет отдельные ракурсы данного правового явления, но не охватывает его целиком. Такое положение дел не является ни идеальным, ни конструктивным. Речь идет не об упрощении или усложнении ситуации. По нашему мнению, определение юридической ответственности должно отражать все концептуальные характеристики и критерии, позволяющие создать универсальный «образ» юридической ответственности. Такое определение не будет искажать общее видение проблемы, а наоборот, способно скорректировать перспективы развития юридической ответственности, установить его приоритеты. Дело в том, что такое определение должно служить фундаментом единого подхода в реализации государственного понимания проблемы юридической ответственности.

Как и любой другой механизм правовой системы, юридическая ответственность обладает характерными особенностями, отличающими ее от других видов социального принуждения:

1) Юридическая ответственность тесно связана с государственным принуждением. Механизм государственного принуждения представляет собой ключевой элемент правовой системы государства, на основе которой происходит привлечения лиц к ответственности за содеянное и применение в отношении них санкционных мер.

Ключевой освоенностью данной характеристики является то, что государственные органы во время привлечения лица к наказанию не могут выходить за рамки законодательства. Закон для гражданина выступает в роли гаранта справедливого и независимого наказания.

2) Основанием для юридической ответственности всегда служит правонарушение. При совершении противоправного деяния недостаточно установить ключевые элементы состава преступления, а именно объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

Правоохранительным органам необходимо установить значимое основание привлечения к правовой ответственности – вину. В свою очередь вина может выражаться в форме прямого косвенного умысла, что важно для квалификации того или иного противоправного деяния.

3) Юридическая ответственность применяется соответствующими правоохранительными органами. Исходя из действующего законодательства, заниматься правоохранительной деятельностью имеют право должностные лица,

имеющие соответствующее юридическое образование и состоящие на государственной службе.

Никакое иное государственное образование не имеет право осуществлять правоохранительную деятельность, а именно применять в отношении правонарушителей меры государственного принуждения. В случае нарушения указанных требований, данные органы с соответствующими должностными лицами будут наказаны в соответствии с законом.

4) Сущность юридической ответственности заключается в применении мер государственного принуждения, содержащие негативные последствия для правонарушителя. Каждый человек независимо от социальной принадлежности, национальности, статуса обязан нести определенные последствия за совершенные им противоправные деяния. Ведь данные проступки могли причинить личный и имущественный вред конкретным гражданам и государству в целом.

Меры наказания определяются строго в соответствии с действующими законодательными актами. Касаемо преступлений, уголовное законодательство в зависимости от тяжести совершенного лицом правонарушения содержит следующие виды наказания: штраф, лишение свободы, заключение под стражу, обязательные или исправительные работы и другие виды наказаний.

5) Юридическая ответственность осуществляется в строго процессуальной форме. Главным надзорным органом государства является прокуратура, но и другие государственные структуры уполномочены рассматривать те или иные дела, в частности специальные подразделения следственного комитета и Министерства внутренних дел. К тому же несоблюдение процессуального порядка влечет применение специальных мер наказания.

6) Юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности. Так как правовая ответственность входит в общую систему социальной ответственности, то она имеет схожие четы с гражданской, моральной, политической ответственностью.

Но все же главными принципиальными задачами данного вида ответственности являются: предотвращение и предупреждение преступлений, а также перевоспитание граждан, совершивших противоправные деяния.

Несмотря на исторические преобразования в стране, базовые и фундаментальные вещи юриспруденции, заложенные еще в ранние времена, остаются неизменными.

Таким образом, мы считаем, что юридическая ответственность выражается в применении определенных мер наказания к лицам, совершившим конкретные противоправные деяния, негативно отразившиеся на других лицах, обществе и государстве.

Современные правоведы, изучая понятие юридической ответственности, достаточно широко исследуют ее принципы в качестве неотъемлемой составляющей.

В юридической литературе встречаются различные определения принципов юридической ответственности: основополагающие идеи, которых следует придерживаться при возложении юридической ответственности, а также правовые начала юридической ответственности, требования, смысл и назначение.

Мы считаем, что изучение юридической литературы, посвященной вопросам юридической ответственности, позволяет определить принципы юридической ответственности как объективные, устойчивые основополагающие ориентиры, присущие всем видам юридической ответственности, которые необходимо принимать к руководству при привлечении правонарушителей к ответственности. Именно руководство этими общеобязательными требованиями и обеспечивает высокую эффективность в области осуществления мер юридической ответственности.

Одним из наиболее важных принципов юридической ответственности является принцип законности, который определяет юридическую ответственность и иные правовые последствия только в соответствии с действующим законодательством, предусматривающим конкретные меры ответственности (юридическая обоснованность), привлекать к которым могут только уполномоченные на это органы, исходя из наличия факта правонарушения (фактическая обоснованность). Принцип законности также предусматривает строгое соблюдение процессуальной формы при привлечении к юридической ответственности и обязательное соблюдение прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности, что должно исключать принятие ошибочных решений и не допустить злоупотребление уполномоченных лиц и органов своими полномочиями.

Принцип законности является своего рода гарантией от неправомерного привлечения лица к юридической ответственности. В числе основных принципов также выделяют принцип равенства перед законом и судом, который предопределяет равенство всех граждан перед законом, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединением, а также других обстоятельств. При применении принципа равенства перед законом и судом, необходимо учитывать исключения, которые касаются лиц, обладающих иммунитетом неприкосновенности. Неприкосновенность не освобождает этих лиц от ответственности, но в отношении них установлена особая процедура привлечения к ответственности.

Основанное на требованиях принципа законности привлечение виновного лица к ответственности должно основываться и на принципе справедливости, в соответствии с которым меры правового характера соизмеряются с характером совершенного правонарушения. Справедливость должна находить свое выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в правду людских потребностей и возможностей, и в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека. В то же время при реализации данного принципа могут возникнуть проблемы правонарушения в связи с тем, что понятие справедливости может изменяться с течением времени.

С принципом справедливости тесно связан принцип гуманизма. Законодательное закрепление имеет норма, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, так как все правовые меры, применяемые к правонарушителю, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, а имеют одну важнейшую цель – нормализацию взаимоотношений, нарушенных в результате правонарушения. Одним из проявлений принципа гуманизма является презумпция невиновности. Также гуманность проявляется в том, что общество не отказывается от преступника, а принимает меры по его декриминализации.

Данный принцип предполагает проявление уважения в первую очередь к личности человека, независимо от его правового и социального положения. Таким образом, принцип гуманизма служит одним из необходимых условий уважения прав и свобод человека и гражданина в рамках функционирования системы юридической ответственности.

Принцип индивидуализации и целесообразности ответственности неразрывно связан с принципами законности, справедливости и гуманизма и направлен, прежде всего, на избежание чрезмерного применения санкций в отношении лиц, не представляющих общественной опасности, в сторону выбора наказания, способствующего исправлению лица и компенсации причиненного ущерба. Так же

данный принцип предусматривает несение ответственности непосредственно самим виновным. Сущность его заключается в необходимости строгого учета всех обстоятельств правонарушения и личности правонарушителя с целью достижения наиболее оптимального эффекта воздействия юридической ответственности. Данный принцип подразумевает не только гуманизацию наказания, но и применение более жестких мер, если это будет необходимо для предупреждения совершения повторных правонарушений и более глубокого воздействия на правосознание правонарушителя.

Для индивидуализации и определения целесообразности привлечения к ответственности в первую очередь учитывается степень и характер общественной опасности совершенного правонарушения.

Неотделим от принципа вины и принцип невиновности. Данный принцип определяет невиновность лица, пока обратное не будет доказано в судебном порядке и установлено вступившим в законную силу решением суда, при этом все неустранимые сомнения в виновности лица будут толковаться в его пользу. Отступление от этого принципа будет приводить к неблагоприятным последствиям, поскольку в этом случае исчезнут гарантии прав гражданина, на основании лишь имеющихся подозрений в совершении им правонарушения.

Одним из наиболее важных принципов является неотвратимости наступления наказания, предполагающий обязательность наступления наказания за совершенное правонарушение и освобождающий от юридической ответственности только по основаниям, предусмотренных законом. Неотвратимость состоит в том, что все соответствующие правоохранительные органы имеют своей целью раскрытие каждого правонарушения и обязательное привлечение лица, его совершившее, к ответственности. Практическая значимость данного принципа заключается в предупреждении освобождения от ответственности виновных лиц, исходя из их высокого должностного либо имущественного положения.

Исходя из содержания данного принципа, можно сказать, что его роль заключается в придании юридической ответственности профилактической функции, создающей в теории ситуацию, когда каждое правонарушение будет предусматривать юридическую ответственность и реальное наказание. Подводя итог по общей характеристике принципов юридической ответственности, следует сделать вывод, что знание принципов юридической ответственности необходимо как гражданам – для защиты своих законных прав и интересов, так и уполномоченным органам и должностным лицам – для повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Подводя итог, необходимо сделать вывод о том, что проблема разработанности понятия юридической ответственности является актуальной и на сегодняшний день, так как в современной литературе не существует четкого, единого определения данного вида ответственности. На современном этапе становления российского правового государства сущностное понимание юридической ответственности особенно важно для проведения политической, экономической и правовой реформ. Оно оправдает общественные ожидания, если будет отвечать общепризнанным принципам законности, справедливости и неотвратимости. Разработка принципов юридической ответственности имеет как теоретический, так и практический интерес, как для граждан, так и для правоприменителей. Принципы юридической ответственности отражают глубокое содержание, сущность, функции, формы реализации они определяют поведение граждан, должностных лиц при квалификации правонарушений. Другими словами можно сказать, что принципы юридической ответственности – это так называемый фундамент, на который базируется юридическая ответственность. Нарушения принципов юридической ответственности допускаются на всех стадиях ее реализации, поэтому важное значение приобретает разработка их содержания в теории права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права : учеб. пособие / С. С. Алексеев Свердловск. 2018. – 108 с.
2. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 219 с.
3. Базылев, Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности / Б. Т. Базылев // Правоведение. – 2017. – № 4. – С. 40 – 46.

LEGAL RESPONSIBILITY: CONCEPT, PRINCIPLES, CHARACTERISTIC FEATURES

Annotation. This article is devoted to the research of theoretical problems of legal responsibility. When studying this issue, various approaches of modern legal scholars to the definition of legal responsibility are considered: state coercion, the legal attitude of the protective type, the application of sanctions of legal norms. Also, in this paper, the main characteristic features of this concept are reviewed in detail. Separate principles of legal responsibility and their interrelation with each other are investigated.
Keywords: legal responsibility, state coercion, individualization, the principle of legality.

Kovalchuk A.
Scientific adviser: Matvienko E.A., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: asya.kovalchuk2001@yandex.ru

УДК 347.963

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Кокойло О.Н.
Научный руководитель: Журба А.И., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается деятельность органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции. Основные методы осуществления надзора и наказание, применяемое к нарушителям, а так же проблемы при осуществлении надзора в данной области.
Ключевые слова: надзор, противодействие коррупции, органы прокуратуры.

На данный момент вопрос борьбы с коррупции актуален для каждого государства. Это обусловлено тем, что коррупция является опасным социальным явлением и предоставляет угрозу общественной жизни, институтам государства и социальным сферам. Коррупция оказывает негативное влияние на морально-нравственные качества граждан; способна разрушить структуру всех ветвей власти; снизить эффективность деятельности правоохранительных органов и спецслужб. Наиболее подверженными коррупционным явлениям являются органы исполнительной власти, поскольку именно в них сконцентрировано оперативное управление финансовыми, информационными, материально-техническими, экономическими, кадровыми и иными ресурсами. Так, доля материального ущерба от коррупционных преступлений из года в год составляет примерно 10 % от суммы ущерба, причиняемого всеми видами преступлений в Российской Федерации, на текущий момент размер причиненного преступлениями коррупционной направленности материального ущерба превышает 130 млрд. рублей [1, с. 5].

В 2021 г. выявлено около 200 тыс. коррупционных нарушений. Из них свыше 60 тыс. – в федеральных органах исполнительной власти и почти полторы тысячи – в

организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами. Две трети из этих нарушений связаны с неисполнением государственными служащими антикоррупционного законодательства [2, с. 11].

Вследствие вышеперечисленных проблем – борьба с коррупцией является приоритетной задачей государственной политики России. Данное явление является предметом внимания непосредственно в средствах массовой информации, на официальных сайтах исполнительной власти можно найти брошюры, просвещающие граждан об опасности коррупционных явлений. Помимо этого, государством созданы специальные органы для борьбы с данным явлением. Так, органы прокуратуры наделены широкими антикоррупционными полномочиями и приоритетной задачей их деятельности является борьба с ней.

При условии стремительного совершенствовании законодательства о противодействии коррупции, включая в себя часть ее предупреждения, и активного формирования практики правоприменения за прошедшее время стоящие перед органами прокуратуры задачи находились в постоянном совершенствовании, а полномочия и функции прокуроров в данной сфере постоянно расширялись.

В настоящее время прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением закона [3]. Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции является одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры. Оно напрямую связано с упрочнением законности в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также коммерческих структур.

Работа прокуратуры в данной сфере организуется как путем осуществления мероприятий, направленных на обнаружение и устранение правонарушений, так и путем разработки профилактических мер. Антикоррупционный надзор должен проводиться по всем направлениям: в сфере соблюдения законодательства о государственной и муниципальной службе, в бюджетной сфере, в сфере защиты прав предпринимателей – поскольку антикоррупционный надзор прокуратуры имеет своей целью не только защиту интересов государства и общества, но и защиту коммерческих структур, страдающих от злоупотреблений власти [4, с. 2].

Проведем анализ надзора за соблюдением законодательства в сфере противодействия коррупции органами прокуратуры и проблемы, возникающие при его осуществлении.

Сегодня органами прокуратуры осуществляется надзор за исполнением антикоррупционного законодательства и на основании анализа правоприменительной практики выдвигают современные варианты по его усовершенствованию; определяют факты коррупции в работе государственных органов и принимают меры реагирования по ним. Обнаружение нарушений антикоррупционного законодательства осуществляется в первую очередь при реализации надзорных полномочий, предусмотренных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и заключающихся в принятии таких мер, как: проведение проверок, оценка и реализация результатов в виде утверждения мер реагирования. Помимо вышеуказанного закона прокуратура в своей надзорной деятельности руководствуется положениями норм международного права, федеральным законодательством, регулирующим соответствующую сферу реализации права, а также актами местного уровня. Помимо этого, к инструментам противодействия коррупции следует отнести НПА федеральных органов исполнительной власти, а также те нормы, которые касаются проблем противодействия коррупции, и установлены органами власти субъектов Российской Федерации [5, с. 191].

Регулярно проводятся проверки исполнения законодательства о противодействии коррупции. Их можно разделить на: текущую (осуществляется

согласно ежегодно установленного плана); проверки на основании поступившей в прокуратуру жалобы или заявления; и проверки, проводимые по требованию вышестоящего прокурора. Но несмотря на то, что ежемесячно прокурорами осуществляется надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства, количество нарушений в данной сфере продолжает расти. Малоэффективность проведения данных проверок связано с тем, что внеплановая проверка исполнения законов о противодействии коррупции проводится только в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона. Для результативности органам прокуратуры следует наладить и поддерживать деловое содействие со средствами массовой информации, индивидуальными предпринимателями и общественными организациями.

Помимо проверок, одним из методов осуществления надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции органами прокуратуры является антикоррупционная экспертиза, которая в настоящее время успешно реализуется. Она, среди форм профилактики и предупреждения коррупции, занимает особое место, поскольку оказывает значительное воздействие на основу коррупционных проявлений. Проверка НПА и их проектов остается одной из ключевых сфер антикоррупционной деятельности. В первую очередь эта работа ориентирована на исключение коррупциогенных факторов из нормативных документов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих общественные отношения в наиболее значимых сферах – распределения и расходования бюджетных средств, защиты социальных прав граждан, использования природных и земельных ресурсов, поддержки предпринимательства, обеспечения промышленной безопасности и другое. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, регламентируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 г. №400. Порядок проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права, утвержден приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.04.2014 г. №175. Помимо этого, на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации указано, что для обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы проекты нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, затрагивающие права, свободы, обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер подлежат размещению на сайте regulation.gov.ru [6].

В случае выявлении нарушения соблюдения законодательства в сфере противодействия коррупции в п. 4.2 приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 указано, что при выборе форм реагирования на обнаруженные незаконные правовые акты прокурорам надлежит руководствоваться тем, что прокурор обязан безотлагательно принести протест на незаконный правовой акт, а в случае его отклонения – в установленном порядке обратиться с заявлением в суд. Протест приносится на не соответствующий закону или противоречащий ему нормативно-правовой акт, который может быть издан органом государственной власти или управления, общественной организацией или объединением, органами государственного или хозяйственного управлениями, другими субъектами, поднадзорными прокурору, а также должностными лицами. Представление прокурора об устранении нарушений вносится должностному лицу или органу, полномочному устранить выявленные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. О результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме. Представление является наиболее распространенным актом прокурорского

реагирования на выявленные нарушения антикоррупционного законодательства. Ежегодно количество представлений о необходимости устранения нарушений законов в данной сфере увеличивается [7, с. 225].

Следует добавить, что при принятии прокурором мер реагирования, ежегодно возрастает сумма административных штрафов за несоблюдением антикоррупционного законодательства. В тоже время данная мера пресечения является малоэффективной, это связано с неплатежеспособностью правонарушителя к моменту исполнения решения суда. Кроме того, зачастую судебные решения не исполняются по причине волокиты со стороны судебных приставов, такой как: длительное непринятие к производству исполнительных документов; неполное, несвоевременное осуществление исполнительных действий; неприменение мер принудительного характера; непривлечение виновных в совершении коррупционных правонарушений юридических лиц к административной ответственности за неуплату административного штрафа.

Таким образом проявляется следующая проблема: с одной стороны, к правонарушителю применилась мера пресечения как метод профилактики несоблюдения коррупционного законодательства в будущем, а с другой стороны, фактическое осуществление административного штрафа не произошло.

Помимо административных штрафов прокурором может инициироваться такой вид наказания как увольнение. Увольнение госслужащих за нарушение антикоррупционного закона достаточно эффективная профилактическая мера. За период январь-декабрь 2022 год прокуроры инициировали увольнение в связи с утратой доверия по подозрению в коррупции в три раза чаще, чем в предыдущем периоде [8]. Относительно роли органов прокуратуры по привлечению лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности следует заметить, что, хотя прокуратурой в настоящее время не осуществляется возбуждение уголовных дел и не проводится следственные действия, тем не менее, от уровня квалификации прокурора в рассматриваемой сфере зависит качество правовой оценки процессуальных действий, проведенных в сфере противодействия коррупции поднадзорными следственными органами. В этом и заключается следующая проблема. Одним из аспектов улучшения эффективности надзора за соблюдением законодательства в сфере противодействия коррупции является улучшение эффективности подбора кадровых сотрудников, обладающих достаточным уровнем правовых знаний и способных надлежащим образом заниматься осуществлением и применением антикоррупционного законодательства.

Таким образом при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействии коррупции усматриваются отдельные проблемы, которые негативно влияют на результативность надзора в данной области. Для улучшения эффективности надзорной деятельности за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции предлагаем следующее:

1. Создать специализированную прокуратуру в сфере противодействия коррупции. Таким образом появится возможность существенно повысить эффективность надзора в соответствующей сфере;

2. Органам прокуратуры необходимо наладить и поддерживать деловые взаимоотношения с общественными организациями, средствами массовой информации, индивидуальными предпринимателями;

3. При подборе претендентов на должности прокурорских работников следует учитывать знания в сфере противодействия коррупции;

4. Разрешить вопрос о применении такого вида наказания как штраф в отношении неплатежеспособного правонарушителя;

5. Регулярно проводить обновление организационно-методического обеспечения органов прокуратуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русецкий А. Е. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции. М., 2017. 237 с.
2. Балдин В. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти. – 2021. – С. 11-14
3. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" N 2202-1 от 17.01.1992 – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/a6c3ad00600cbe743876ba8543ab2210922445ce/
4. Газзалов В. В. Общая характеристика прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Башкирский государственный университет. Право. – 2018. – №1. – С. 1-4.
5. Петухов Н. А., Рябцева Е. В. Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации. Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. 220 с.
6. Антикоррупционная экспертиза: Генеральная прокуратура Российской Федерации – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/combating-corruption/expertise
7. Норец А. М. К вопросу о мерах прокурорского реагирования на нарушения законодательства о противодействии коррупции // Общество и право: судебная и прокурорская деятельность. – 2015. – №2. – С. 223-227
8. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=71671102

ON PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Annotation. This paper examines the activities of the prosecutor's office in the supervision of the implementation of legislation in the field of anti-corruption. The main methods of supervision and punishment applied to violators, as well as problems in the implementation of supervision in this area.
Keywords: supervision, anti-corruption, prosecutor's offices.

Kokoylo O.
Scientific adviser: Zhurba A. I., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: oksana.kokoylo@mail.ru

УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ГОРОДАХ

Котикова Д.Б.
Научный руководитель: Барбашова Н.В., д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы обеспечения экологической безопасности городских населенных пунктов. Показано, что решение экологических проблем городов невозможно без целенаправленной политики государства, предусматривающей широкое вовлечение гражданского общества, бизнеса, экспертного сообщества, природоохранных организаций. Сложная система обеспечения и поддержания экологической безопасности в большом городе включает значительное число объектов и факторов различного происхождения, взаимодействующих и взаимообуславливающих друг друга. Обоснована модель создания городских агломераций как наиболее перспективного направления создания благоприятной окружающей среды в городских населенных пунктах.
Ключевые слова: экологическая безопасность, охрана окружающей среды, городские населенные пункты, городские агломерации, экосистема.

Экологическая функция современного государства как одно из наиболее значимых направлений его деятельности заключается в обеспечении экологической безопасности граждан этого государства, охраны окружающей среды и рационального

использования природных ресурсов. Реализация экологической функции государства (экологической политики) в стратегической плоскости представляет собой совокупность целей и принципов в отношении экологических показателей его деятельности, которые создают основу для разработки конкретных мер по осуществлению поставленных целей и задач [1, с. 158]. Глобальные экологические проблемы, связанные с изменением климата, потерей биологического разнообразия, опустыниванием и другими негативными для окружающей среды процессами, возрастанием экологического ущерба от стихийных бедствий и техногенных катастроф, загрязнением атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, а также морской среды, затрагивают интересы Российской Федерации и ее граждан [2, с. 167].

Наиболее остро экологические проблемы имеют место в городах Российской Федерации, где проживает более 110 млн. человек, что составляет большую часть населения России. Экологические проблемы российских городов достаточно разнообразны. Самая значимая проблема, по крайней мере, в восприятии населения, это загрязнение атмосферного воздуха. Атмосферные загрязнения легче всего поддаются анализу и достаточно легко можно отслеживать динамику этих показателей. Следовательно, можно достаточно точно определить те факторы, которые оказывают влияние на загрязнение атмосферы в городах [3, с. 22].

На протяжении многих десятилетий государство стремится улучшить качество окружающей среды, а также сократить количество городов, которые имеют неблагоприятную окружающую среду. В качестве примера внимания государства к проблеме обеспечения экологической безопасности городского населения укажем Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и распоряжение Правительства РФ от 07.07.2022 № 1852-р по которым в рамках федеральной программы «Чистый воздух» с 2023 г. введено квотирование выбросов в 29 городах России. При этом установлен целевой показатель – снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, в атмосферный воздух к 2030 г. в 2 раза относительно фактического значения выбросов 2020 г. Такое целевое снижение выбросов в 29 городах учтено при формировании прогнозного значения показателя в 2030 г.

Тем не менее, несмотря на выполнение большинства поставленных задач в данной сфере, желаемый результат не наступает, поскольку совершаются попытки решения экологических проблем в городах в отрыве от мер, направленных на улучшение жизни человека в них, а так же наоборот, решение задач, которые ориентированы на те человеческие удобства, имеющиеся при проживании в городах, отделено от решения проблем состояния окружающей среды в них, что, естественно, является неприемлемым.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. При этом Конституция устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими [4]. Однако мониторинг состояния окружающей среды в городах показывает, что в настоящее время большинство показателей, характеризующих состояние окружающей среды в городах, свидетельствует о значительном превышении предельных показателей загрязненности в большинстве городов [5, с. 679].

Типичными проблемами окружающей среды являются следующие:

– неблагоприятные состояния атмосферного воздуха, водных объектов, в том числе обусловленными состоянием сточных вод, зеленых насаждений и сохранения ландшафтов в городах;

– проблемы загрязнения земель и почв, в том числе отходами производства и потребления, а также твердыми коммунальными отходами и проблемы обращения с ними.

Цель исследования заключается в выявлениипроблем правового регулирования охраны окружающей среды в городах.

Исследователи выделяют следующий спектр проблем, связанных с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности в городских населенных пунктах [6]:

1) отсутствие достаточного законодательного обеспечения устойчивого социально-экономического развития городов;

2) нормативно-правовые акты (далее – НПА) разных уровней акцентированы в основном на решении локальных проблем охраны отдельных природных объектов без учета городской специфики;

3) отсутствие эффективных правовых механизмов возмещения нанесенного экологического вреда.

Безусловно, требования в области охраны окружающей среды содержаться в правовых нормах, которые регулируют общественные отношения, связанные с экологией, или правовые связи по цепи «природа–человек–город».

Город – это место сосредоточения многообразных объектов разной степени опасности, которое несет в себе угрозу для природной среды и здоровья человека. Специфика негативного воздействия и вреда заключается прежде всего в их совокупности. При принятии решений о развитии территорий городов, их застройке должны учитываться как природные аспекты, так и социальные, оцениваться экологическое состояние объектов окружающей среды в городе, потенциал единой природно-социальной системы, антропогенная нагрузка на нее. Необходимо вести поиск компромиссных решений, направленных на реализацию проекта при проведении мероприятий по улучшению состояния природы и повышению уровня жизни человека [7, с. 11].

Принятый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [8] заложил правовые основы формирования современного законодательства об охране окружающей среды. В преамбуле упомянутого закона отмечено, что приоритетным назначением является обеспечение экологически сбалансированных решений социально–экономических задач в интересах нынешнего и будущего поколения.

Итак, комплексной отраслью в системе российского права является право окружающей среды, включающее в себя ряд самостоятельных отраслей права, признанных в таком качестве, – земельное, водное, горное, лесное.

Считаем, решение экологических проблем охраны окружающей среды в городе должно рассматриваться как необходимое условие социально-экономического развития, реализации потенциала и улучшения качества жизни человека в городе. В основе решения проблем правовой охраны окружающей среды в городе, совершенствования правовых мер должно лежать понимание об окружающей среде в городе как единой природно-социальной системе, в которой ее природная и социально-антропогенная среды взаимосвязаны, состояние каждой составляющей этих сред определяет состояние окружающей среды в целом, а также жизнь и здоровье человека [9, с. 207].

Такой подход детерминирует наличие специальных принципов правовой охраны окружающей среды в городах. К ним можно отнести, например:

–решение вопросов охраны окружающей среды в городах через определение их приоритетных экологических проблем;

–сохранение, поддержание и восстановление благоприятной окружающей среды в городе как элемента качества жизни человека в нем;

–сочетание экологических, экономических и социальных аспектов развития города («принцип баланса возможностей и потребностей»);

–экологически обоснованное планирование развития и застройки территорий городов;

–устойчивая интеграция неприродной (социально-антропогенной) среды в природную и наоборот («возвращение» природы в город) (средообразующий принцип);

–учет взаимосвязи и взаимозависимости компонентов природной среды между собой и с окружающей средой в целом при осуществлении мероприятий по охране окружающей среды в городе;

–участие населения в решении вопросов устойчивого развития городов;

–децентрализация и укрепление позиций органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды в городах [10].

Итак, сегодня относительно на небольшой территории действует большое число НПА федерального, регионального и местного уровня, например, Земельный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ, Водный кодексы РФ, Гражданский кодекс РФ и др.

Городские хозяйствующие субъекты производят большое количество сбросов отходов и выбросов в объекты окружающей среды.Выделяется также нарушение установленных норм и правил безопасности, смешение сбросов отходов и выбросов, захоронение отходов и т.п., вытекающие в негативный результат не только для объектов окружающей среды, но и для населения города. Обычно большинство свалок с твердыми отходами расположены рядом с городами, что указывает на несоблюдение норм градостроительного, земельного, водного кодексов и других НПА. Для решения экологических проблем в городах следует комплексно использовать НПА в сфере охраны окружающей среды в городских населенных пунктах, а так же вести учет совокупного антропогенного воздействия на городские экосистемы.

Кроме того, за последние годы в общем массиве нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны окружающей среды в городах, следует заметить увеличение числа подзаконных актов (постановлений и распоряжений Правительства РФ, указов Президента РФ). По ряду ключевых вопросов реализации национальных проектов вообще отсутствует юридически значимая форма их выражения (плановые цели, задачи, мероприятия и показатели оформляются протоколами заседаний совещательных органов). Множественность стратегических и программных документов Российской Федерации в сфере социально-экономического развития, пространственного развития, экологии (экологической безопасности), комфортной городской среды не согласуются между собой ни формально-юридически, ни практически, что порождает путаницу в понятийном аппарате, целях и задачах, а также правовых мерах достижения показателей в области охраны окружающей среды в городах [9, с. 208].

Так, многообразие нормативно–правовых источников, существующие коллизии в законодательстве и т.п. препятствуют более четкому их пониманию и, соответственно, исполнению. В связи с этим затруднительно сформировать высокий уровень эколого–правовой культуры у населения, что усложняет эффективное решение проблем экологического характера.

Реализация концепции «умного города», в рамках которой применяются «умные» технологии для контроля и охраны окружающей среды в границах города. Современный этап технологического развития общества позволяет применять новые технологии для слежения, например, за уровнем выбросов хозяйствующего субъекта, занимающегося производством, а развитие городской инфраструктуры облегчает возможность внедрения таких технологий. На современном этапе развития российского права в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» реализуется проект «Умный город». Одним из компонентов названного проекта является сфера «комфортная и безопасная среда», основывающаяся, в первую очередь, на комплексной работе по созданию экологичного городского пространства. Развитие концепции «умного города» подразумевает в том числе и экологичное использование ресурсов, расположенных в городских границах.

Отдельные примеры реализации использования «умных» технологий с целью защиты окружающей среды на территории городов уже существуют. К ним можно отнести: появление в г. Челябинске онлайн-системы мониторинга качества воздуха, которая включает в себя как стационарные, так и передвижные лаборатории забора и оценки воздуха, «умные» фонари в Садке, экономящие электроэнергию и т.д.[11]. К сожалению, «умные технологии» вводятся в нашу действительность довольно трудно, так же имеется недостаточно разработанная нормативно-правовая база.

О.И. Ляховенко и Д.И. Чулкова полагают, что основная проблема российских городов заключается в том, что они не могут решить свои проблемы сами. Как правило, у них дефицитный бюджет, а большая часть расходов – социальная. В такой ситуации на экологические расходы не хватает финансов [3, с. 26].

В данном контексте видятся обоснованными рекомендации по улучшению экономической ситуации в городах с учетом экологических факторов, повышению экологической культуры горожан и активизации деятельности общественных объединений в сфере экологии.

Исходя из вышеуказанного материала, согласимся с мнением Д.А. Крохиной «анализ проблем правового регулирования охраны окружающей среды в городах позволяет говорить как о существовании давних проблем – трудности в структурировании всего комплекса существующих федеральных, региональных и местных правовых норм, дисбаланс между выдачей разрешений на строительство и соблюдением экологических норм в рамках городских территорий, низкий уровень эффективности правовых механизмов возмещения нанесенного экологического вреда городскими хозяйствующим субъектам, так и о появлении новых вызовов – повышенный интерес со стороны городской общественности к изменениям, затрагивающим экологические вопросы, хаотичное внедрение «умных зеленых технологий», требующих систематизации и правового обеспечения. Только комплексное решение существующих правовых проблем позволит повысить результативность государственной экологической политики» [12, с. 31].

По мнению Н.В. Барбашовой перспективным направлением решения экологических проблем городов является формирование городских агломераций. Агломерация (городская) определяется как форма расселения, территориальное объединение городских населенных пунктов в сложную многокомпонентную систему с интенсивными экономическими, культурно-бытовыми, рекреационными, экологическими и другими связями. В результате взаимодействия соседних муниципальных образований создается единое социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей системой социального, транспортного и инженерного обслуживания, природно-экологическим каркасом [13].

Положительными моментами создания агломераций городов, в которых превалируют экологически опасные производства, являются возможность согласованных действий муниципальных и региональных органов в экологической сфере, а также активизация инновационной деятельности в агломерации. Формирование экосистемы должно строиться на принципах синергетического градостроительства, сутью которого является взаимопроникновение города и природных ландшафтов, предполагающее «пронизывание» городской ткани естественными экосистемами и создание транспортных коридоров, которые прокладываются с максимальной заботой о природе. Как свидетельствует мировой опыт, создание агломераций в большинстве случаев приводит к повышению конкурентоспособности региона. С учетом положительного эффекта от создания агломераций как в экономической, так и в экологической сферах, представляется обоснованной разработка специального нормативного акта «О городских агломерациях». В этом документе должны быть установлены правовые основы

деятельности агломераций, зафиксирован самоорганизованный характер таких объединений, предполагающий безусловный запрет на вмешательство центральных органов власти в деятельность агломераций, предоставлено право местным органам власти на финансирование деятельности мероприятий, которые осуществляют агломерации и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова, Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета.–Москва: ИНФРА-М, 2022.- 538 с.
2. Грачкова, Ю.Л. Экологическая безопасность и роль права в решении экологических проблем в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина.–2022. –№ 5. – С. 166-178.
3. Ляховенко, О.И., Чулкова, Д.И. Основные экологические проблемы российских городов и стратегия их разрешения // Русская политология.–2017.– № 3.– С. 21-26.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31. – Ст. 4398.
5. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году.Государственный доклад. – М.: Минприроды России; МГУ имени М.В.Ломоносова,2022. – 684 с.
6. Чолтян, Л. Н. Правовое обеспечение охраны окружающей среды в городских населенных пунктах: автореф.дис ... канд. юр. наук: 12.00.06 / Чолтян Людмила Николаевна. – Москва, 2007. – 27 с.
7. Environmental Impact Assessment for Developing Countries / ed. by A.K. Biswas, S.B.C. Agarwal. Oxford, 2013.– 260 p.
8. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.12.2022).
9. Лисина, Н.Л. К вопросу о состоянии и тенденциях развития правовой охраны окружающей среды в городах // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11 (179). – С. 206–208.
10. Лисина, Н.Л. Принципы правовой охраны окружающей среды в городах // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 123 – 135.
11. Умное освещение появилось в городах и поселках Саткинского и Ашинского районов [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Правительства Челябинской области». URL: https://pravmin74. ru/ novosti/umnoe-osveshchenie-poyavilos-v-gorodah-i-poselkah-satkinskogo-i-ashinskogo-rayonov-58271 (дата обращения: 23.12.2022).
12. Крохина, Д.А.Современные особенности и проблемы правового регулирования охраны окружающей среды в городах / Д.А. Крохина // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум. Материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Челябинск. – 2021. – С. 29-31.
13. Барбашова, Н.В. Особенности правового регулирования пространственного развития индустриального региона // Экономика и право. – 2014. – № 1(38). – С. 49–52.

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT IN CITIES

Annotation. The article discusses the main problems of ensuring the environmental safety of urban settlements. It is shown that the solution to the environmental problems of cities is impossible without a purposeful policy of the state, which provides for the broad involvement of civil society, business, the expert community, and environmental organizations. The complex system of ensuring and maintaining environmental safety in a large city includes a significant number of objects and factors of various origins that interact and mutually determine each other. The model of creating urban agglomerations as the most promising direction for creating a favorable environment in urban settlements is substantiated.
Keywords: environmental safety, environmental protection, urban settlements, urban agglomerations, ecosystem.

Kotikova D.
Scientific adviser: Barbashova N.V., Doctor of Law, Professor
Donetsk National University
E–mail: kotikovadi@yandex.ru

УДК 343.1

ГАРАНТИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Кучерук А.А.
Научный руководитель: Попов Б.И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы связанные с гарантиями осуществления прав участников проверки сообщений о преступлении. Поднимается проблема соблюдения прав и интересов участников проверки сообщения о преступлении. Анализируя уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, обращается внимание на то, что не в полной мере раскрывает все права и обязанности лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.
Ключевые слова: сообщения о преступлениях, гарантии, средства проверки, процессуальные действия, участники проверки.

Защита прав и свобод человека осуществляется с помощью конституционных мер, являющихся нормами прямого действия. Уголовный процесс предусматривает механизм реализации этих прав и свобод граждан на стадии подачи заявления и уведомления об уголовных правонарушениях.

Чтобы уточнить наличие или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела необходимо провести обязательную проверку сообщения о преступлении. Проверка сообщения о преступлении – это деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, или руководителя следственного органа, осуществляемая предусмотренными в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации способами и направленная на удостоверение в установленный срок наличия, либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно-наказуемого деяния.

Проверка осуществляется посредством лишь тех способов, которые предусмотрены уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

К их числу относятся:

– получение объяснений и образцов для сравнительного исследования;

– получение, истребование, изъятие, исследование предметов и документов;

– исследование трупов;

– производство документальных проверок и ревизий;

– производство осмотра, освидетельствования и судебной экспертизы;

– производство оперативно-розыскных мероприятий.

Осуществление такой проверки, несомненно, должно способствовать объективности процессуальной деятельности с одной стороны, а с другой – является действенным инструментом обеспечения защиты интересов личности от необоснованного правоограничения.

Проверка сообщения о преступлении проводится только специально уполномоченными субъектами, перечисленными в ч. 1 ст. 144 уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, к числу которых относятся: дознаватель, орган дознания, следователь, а также руководитель следственного органа [1].

Отметим, что на стадии проверки сообщения о преступлении допускается больше всего нарушений законности, необоснованного уголовного преследования или немотивированного вынесение заключений по материалам проверки заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях или уголовных проступках. При этом действии работников подразделений полиции, уполномоченных лиц должны отвечать нормам действующего законодательства.

Статья 46 Конституция Российской Федерации указывает на то, что каждый человек имеет право на судебную защиту его прав и свобод. Решения и действия (бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц могут быть обжалованы в суде [2]. Также, данное обоснование предусматривается ч.1 ст.19 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В случае исчерпания всех средств внутригосударственной правовой защиты, то каждый в соответствии с международными договорами Российской Федерации вправе обратиться по вопросам защиты прав, свобод и интересов в соответствующие межгосударственные органы, на основании ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

По нашему мнению, процессуальные гарантии выступают в качестве уголовно-процессуальных средств, которые дают возможность участникам уголовного процесса выполнять обязанности и использовать предоставленные права.

Однако, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не в полной мере раскрывает все права и обязанности лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

На сегодняшний день процесс проверки сообщения о преступлении регулируется приказами и положениями Министерства внутренних дел Российской Федерации. Специально уполномоченные субъекты, перечисленные выше, осуществляют свою деятельность в соответствии с Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – Инструкция), утвержденной Приказом МВД России от 29 августа 2014 г. №736. В отношении способов проверки сообщения о преступлении сделана отсылка к отраслевому процессуальному законодательству [3].

Одновременно к началу уголовного производства осуществляется ряд организационно-тактических, оперативно-розыскных мероприятий реагирования на заявления и сообщения об уголовных правонарушениях для выяснения всех обстоятельств правонарушения. Кроме того, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано на срочный характер такой проверки (по общему правилу проверка должна проводиться в течение 3 суток, при наличии необходимости, этот срок может продлеваться до 10 дней, или максимум до 30 суток).

После принятия сообщения о совершенном преступлении сотрудники правоохранительных органов не могут осуществить их тщательную и всестороннюю проверку, поскольку до начала досудебного расследования они ограничены средствами уголовной процессуальной деятельности.

В настоящее время в Инструкции не указаны средства проверки. Такая неясность порождает коллизию в законодательстве при установлении различных мер, с помощью которых следует проверять заявления и сообщения о уголовных правонарушениях для правоохранительных органов. Правоприменительная практика демонстрирует, что для этой цели применяются средства, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Такое решение следует признать ошибочным. Во-первых, выполнение действий по проверке требует соответствующей основы. Основанием может быть только информация о совершении преступления. Во-вторых, использование «посторонних» инструментов проверки создает необходимость принятия решений, предусмотренных соответствующим законом. Итак, если экспертиза проводится с использованием уголовно-процессуальных средств, то

должностное лицо по результатам его проведения должно принять решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии со статьей 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В-третьих, проведение проверки в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации ставит ее участников в положение потенциальной возможности применения к ним мер принуждения и ответственности, предусмотренных данным законодательным актом. Устранение этих недостатков должно происходить через ликвидацию процедуры проверки заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях до начала досудебного расследования.

На стадии возбуждения уголовного дела можно выделить лишь участников, роль которых определена законом: должностное лицо (следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа); лица, выполняющие вспомогательную функцию по отношению к уголовному процессу как иные лица (специалист, эксперт). Кроме того, уголовно-процессуальный кодекс закрепил процессуальный статус заявителя, определив его обязанность и ответственность, однако участником уголовного судопроизводства он не является. Участие в уголовно-процессуальной деятельности такое лицо не принимает, а является лишь информационным источником повода к возбуждению уголовного дела. В отдельную категорию выделен адвокат – лицо, выполняющее квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим доверителям в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию, согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Он не является ни участником уголовного судопроизводства, ни лицом, обладающим процессуальным статусом, так как его статус закреплён только в вышеуказанном законе [4].

Остальные участники уголовно-процессуальных отношений имеют статус участника проверки сообщения о преступлении в соответствии ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, и различаются с учётом их функциональной роли проверочного мероприятия. Так, например, очевидцем называют потенциального свидетеля; заявитель, лицо, сообщившее о преступлении; потерпевший лицо фактически претерпевший вред от преступления, но не признан потерпевшим де-юре; проверяемое лицо является заподозренным в совершении преступления, то есть в отношении которого осуществляются следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Указанных лиц можно условно разделить на две группы: первая группа – лица, которые сообщили о преступлении (заявитель) или предполагаемый потерпевший при выявлении преступления правоохранительными органами. Вторая группа – лица, которые могут быть заподозрены в совершении противоправного деяния [5, с. 1479].

Однако при проверке сообщения о преступлении нередко заявитель или предполагаемый потерпевший подвергаются проверке на причастность к преступлению. Кроме того, как было уже отмечено, уголовно-процессуальный статус проверяемых лиц определяется как у лиц, участвовавших в процессуальной деятельности по проверке сообщений о преступлении. Ими могут стать любые лица, чьи права и интересы будут затронуты. И здесь, прежде всего, необходимо определить, что является затягиванием прав и интересов лиц, участвующих в проверки сообщения о преступлении.

Законодатель в ст. 144 УПК РФ сформулировал гарантии о предоставлении таким лицам адвоката. Между тем, на практике сложилась двусмысленность понимания, что означает затронуть права и интересы и, вместе с тем, какие права и интересы входят в данное понимание. Права и интересы по своей природе всеобъемлющие, их можно разделить на отдельные категории. В уголовном судопроизводстве принято отличать конституционные права от иных гражданских прав, которыми обладает гражданин или человек, проживающий на территории России.

При этом необходимо выделить субъективное право, то есть возможность конкретного лица по своему выбору совершать определённые действия либо воздерживаться от их совершения.

В вышеуказанной норме упоминается о правах, которые могут быть затронуты должностными лицами в связи с проверкой информации о преступлении. Однако конкретизация прав отсутствует, именно поэтому на практике возникает спорный вопрос относительно того, на какие права, стоит обращать внимание при затрагивании которых требуется привлечения адвоката. Если в отношении лица проводится судебная экспертиза либо привлекается специалист для исследования документов, принадлежащих конкретному лицу, то следует предположить, что к затронутым правам относятся право на свободу передвижения, право собственности, личная, семейная или коммерческая тайны и т.д. Между тем, затронутое право следует понимать не как его ограничения в законодательном смысле, а как кратковременное вторжение в личное пространство конкретного лица.

Степень затронутых прав может оценить само лицо, подвергнутое проверочным действиям, но такая обязанность должна быть возложена на должностное лицо. Следует принимать во внимание объем, временной период проведения проверочных действий, вид принятого процессуального итогового решения.

Уголовно-процессуальные отношения всегда носят проблемный характер. Уголовно-процессуальный закон, указывая на затрагивание прав и интересов участников в проверке сообщения о преступлении, не выделяет виды и особенности прав и интересов. Если государственные меры предприняты в связи с поводом возбуждения уголовного дела, то интересы участников на данной стадии, будут затронуты независимо от принятого процессуального решения.

Для решения указанных проблем, связанных с правами и интересами участников в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, необходимо определить права и обязанности в той части, в которой они необходимы для проверочных действий и данный вопрос необходимо отобразить в уголовно-процессуальном законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921. – Текст: непосредственный.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020. − № 31. − ст. 4398. – Текст: непосредственный.
3. Приказ МВД России от 29.08.2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. – 14.11.2014. – № 260. – Текст: непосредственный.
4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ// СЗ РФ. – 10.06.2002. – № 23. – ст. 2102. – Текст: непосредственный.
5. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 1474–1481.

GUARANTEES OF THE EXERCISE OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT

Annotation. This article deals with issues related to guarantees for the exercise of the rights of participants in the verification of crime reports. The problem of observance of the rights and interests of participants in the verification of a crime report is raised. Analyzing the criminal procedural legislation of the Russian Federation, attention is drawn to the fact that it does not fully disclose all the rights and obligations of persons involved in the production of procedural actions when checking a crime report.
Keywords: reports of crimes, guarantees, means of verification, procedural actions, verification participants.

Kucheruk A.
Scientific adviser: Popov B.I., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: kucheruk.nastya15@mail.ru

УДК 340.7

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Лепшина Е.А.
Научный руководитель: Петраченко Е.И., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы реализации и защиты прав человека в эпоху возникновения и стремительного распространения нано-, инфо- и биотехнологий. Дана оценка современной ситуации в стране и мире, рассмотрены вопросы правового регулирования сфере продовольственной безопасности и сельского хозяйства, необходимости предотвращения распространения биотерроризма, сохранения геном человека и его биологического сознания.
Ключевые слова: права человека, биотехнологии, геном, клеточная линия, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, биотерроризм, биологическое сознание.

Возникновение и распространение новых технологий неизбежно ставит перед обществом вопрос о соблюдении и защите прав человека. На первый взгляд может показаться, что в сфере нано-, инфо- и биотехнологий этот вопрос стоит не особенно остро, так как существуют вооруженные конфликты, экологическая катастрофа, голод, дефицит питьевой воды. Может также показаться, что большинство новых технологий лишь помогают успешно решать существующие в мире серьезные проблемы, например, в медицине или сельском хозяйстве, не нарушая при этом права человека [1; 2].

Тема соблюдения прав человека в эпоху распространения биотехнологий является сложной, многогранной, содержащей целый ряд неоднозначных вопросов.

Существует мнение ряда специалистов, которые полагают, что внедрение современных технологий неизбежно меняет общественные отношения и представления о правах человека. Стремительное распространение биотехнологий, таких как редактирование генома человека, клонирование, чипирование, киборгизация, использование генно-модифицированных продуктов, репродуктивные технологии, генетическое тестирование и многих других скрывает серьезные и не всегда осознаваемые человеком угрозы, которые способны изменить как его самого, так и общество в целом [3; 4; 6].

В современном мире уже существует понятие «биомедикализация» общества. Халлам Стивенс писал: «Открытие С. Коэна и Г. Бойера легло в основу того, что стало биотехнологической индустрией. Совокупный доход этой отрасли во всем мире в 2013 г. превысил 250 млрд долларов. Но отрасль продолжает быстро расти: она включает в себя не только продажу лекарств и терапевтических средств, но и генетические тесты, персонализированную медицину, продажу таких технологий, как ДНК-чипы и машины для секвенирования, торговлю патентами, проведение лобальных клинических испытаний и использование биотехнологий в сельском хозяйстве» [8].

Согласно основным как международным, так и региональным документам права человека являются неотъемлемыми правами каждого независимо от гражданства, пола, этнической принадлежности, религии, языка или других признаков. Права человека связаны между собой и применимы к каждому человеку.

На сегодняшний день главным инструментом защиты прав человека остается Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ), которая была разработана Комиссией ООН по правам человека и принята на заседании Генеральной ассамблеи 10 декабря 1948 года [9]. Декларация не является юридически обязательной, однако является основой, на которой международным сообществом был разработан и принят целый ряд основополагающих документов, призванных гарантировать соблюдение и защиту прав человека. Существуют также региональные учреждения защиты прав человека, которые разрабатывают свои системы защиты прав человека.

В Российской Федерации права человека закреплены конституционно. Конституция РФ устанавливает, что права человека являются в России высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита определяют содержание обязанностей государства [10].

Непосредственно в сфере биотехнологий Российской Федерацией ратифицирован Картахенский протокол по биобезопасности 2000 г. к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. [11].

Конституции ряда зарубежных государств уже содержат положения, касающиеся использования биотехнологий (генной инженерии, репродуктивной и трансплантационной медицины). Защита прав и свобод человека осуществляются в том числе посредством деятельности конституционных судов (Федеральный конституционный суд Германии распространил защиту прав человека на эмбрионы, существующие менее 14 дней).

Документы, заключенные под эгидой международных организаций – это Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Международная конвенция по охране новых сортов растений 1991 г., Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 г., Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г.

При этом по мнению ряда специалистов лучшие зарубежные практики правового регулирования биотехнологий можно рассмотреть на примере Индии и Аргентины. В странах Юго-Восточной Азии законодательство в области генной инженерии постоянно упрощается, а в некоторых штатах США на законодательном уровне запрещены исследования в области стволовых клеток.

В сфере защиты прав человека работает большое количество специалистов, которые постоянно создают новые правовые механизмы (информационно-технологические, биотехнологические права и т.д). Однако следует признать, что появление технологий происходит с высокой скоростью и не всегда удается подготовить качественную правовую платформу для их эффективной работы с учетом обеспечения прав и свобод человека.

Сфера биотехнологий является наиболее уязвимой в вопросах правового регулирования, так как содержит множество явных и скрытых угроз принципу равенства граждан и риски нарушения прав человека. При этом скрытые, неосознаваемые человеком угрозы его безопасности и соблюдению прав следует выделить отдельно, так как становится очевидным, что человек не может встать на защиту своих законных прав, если даже не подозревает об их нарушении или не в состоянии прогнозировать возможные последствия.

Так, например, остается нерешенным вопрос обеспечения безопасности данных, полученных в результате биотехнологических исследований. Однако возможные последствия часто не оговариваются, например при проведении клинических испытаний медикаментозных препаратов, компании в большинстве случаев лишь предлагают подписать информированное добровольное согласие на использование данных при проведении исследований. В то же время базы, содержащие личные данные неоднократно,

становясь мишенью киберпреступников, оказывались в широком доступе, что является примером нарушения как биологических, так и информационных прав человека, последствия, о которых человек, соглашаясь на участие в испытании, не осведомлен.

Не решены вопросы по обеспечению безопасности правового сопровождения проведения геномных исследований. Некоторые сторонники нано- и биотехнологий в области медицины предлагают «улучшить» генетический код человека, что якобы позволит позитивно влиять на здоровье и продолжительность жизни человека. При этом они не упоминают, что генетически-модифицированные и созданные в биотехнологических лабораториях организмы (вирусы, бактерии и т.д.) как правило имеют патент на изобретение и являются собственностью патентообладателя. Таким образом необдуманные манипуляции с редактированием генома в будущем могут сделать и человека собственностью патентообладателя [5].

В стадии рассмотрения находятся вопросы законодательного регулирования клонирования (его запрещения или разрешения). Процесс преодоления правовых, этических, религиозных и социальных противоречий в вопросах клонирования невозможно назвать простым и однозначным. Эти противоречия вообще не стоит преодолевать, так как положительные последствия данного биотехнологического процесса сомнительны, а отрицательные вполне очевидны.

На сегодняшний день не регламентирован правовой статус эмбриона в процессе криоконсервации. Не в полной мере урегулировано законодательство в области права на аборты. Сильный общественной резонанс в некоторых странах убедительно демонстрирует актуальность этого вопроса. Горячие протесты в Польше в октябре 2021 против постановления Конституционного суда, запрещающего аборты в стране являются хорошей иллюстрацией непонимания частью общества, что последствия активной борьбы за соблюдение прав приводят к еще большему их нарушению. Следует более широко информировать общественность о существовании и использовании так называемы клеточных линий (клеток абортированных плодов). Только согласно официальным данным в мире существует несколько клеточных или эмбриональных линий, полученных в результате абортов. Хорошо известными являются HEK-293, полученная из почек эмбриона, абортированного в 1972 году, PER.C6, полученная в 1985 году из клеток сетчатки глаза 18-недельного эмбриона, WI-38, полученная в 1964 году из диплоидных клеток легочной соединительной ткани абортированной девочки, которой было около 12 недель, MRC-5, полученная в 1966 году из легочных клеток 14-недельного мальчика, RA27/3, получена в США в 1964 году от плода, инфицированного краснухой и ряд других. Указанные клеточные линии применяются при производстве вакцин, тестировании и создании пищевых добавок. Например, эмбриональная линия PER.C6 принадлежит широко известной компании Johnson & Johnson. В очередной раз мы можем наблюдать ситуацию, когда нарушение прав человека происходит скрыто, без его сознанного участия. Ведь далеко не все производители медицинских, косметических и пищевых продуктов сообщают своим потребителям, что при производстве и тестировании их продукции используются эмбрионы, полученные в результате абортов.

Применение стволовых клеток в косметологии также вызывает ряд вопросов и опасений. Известно немало случаев, когда после проведения косметологических процедур с применением стволовых клеток, в том числе эмбриональных, у человека развивалось тяжелое онкологическое заболевание с неблагоприятным исходом.

Также большое количество сложностей имеет правовое регулирование в сфере трансплантации человеческих органов и суррогатного материнства, на фоне реальной угрозы совершения тяжких преступлений в этой области (например дело в ЕСПЧ «Парадизо и Кампанелли против Италии») [16]. Опять же сторонники трансплантации органов человека говорят лишь о позитивном влиянии этого биотехнологического

процесса, избегая тем связанных с так называемой «черной трансплантологией», в основе которой тяжкие преступления, связанные с похищением людей, торговлей людьми и их органами. Также следует больше внимания уделять профилактике заболеваний и их осложнений, чтобы вопросы замены органов человека на чужие или искусственные были неактуальны в будущем.

Специалисты в области права также постоянно указывают на проблемы правового регулирования эвтаназии и отсутствии системной международной практики по этому вопросу (дела в ЕСПЧ «Претти против Соединенного Королевства», «Ламбер против Франции», «Гард и другие против Великобритании») [18]. На мой взгляд вопросы эвтаназии или права выбора способа ухода из жизни также относится к числу тех, где риски возможных последствий заметно преобладают над приобретением выгодны для человека и общества. Позволив широко применять эвтаназию, мы уже не сможем защитить право на жизнь слабых и уязвимых категорий людей, которые станут потенциальным жертвами преступников, в том числе и в сфере «черной трансплантологии».

Трудности у законодателей закономерно возникают в области ряда специфических прав, таких как право на доступ к информации о биологическом происхождении, право на искусственное оплодотворение, право на аборт, право на трансплантацию органов и тканей, право на изменение пола, право на выбор способа ухода из жизни. Не существует на сегодняшний день и четких правовых позиций и определений в сфере киборгизации. Законодателям не следует торопиться учитывать лишь положительные результаты применения биотехнологий, следует тщательно изучать каждый вопрос в как по отдельности, так и взаимосвязи друг с другом, оценивать возможные риски, проводить работу по информированию населения о перспективах нарушения прав человека в случае применения различных биотехнологий.

Особенно сложными являются процессы правового регулирования в вопросах создания и использования биотехнологического оружия, так как они находятся одновременно в плоскости права международной безопасности, международного гуманитарного права, прав человека и международного уголовного права. При этом сегодня все чаще звучат обвинения в адрес разных стран, которые мировая общественность подозревает в работе на их территории подпольных биологических лабораторий и проведении исследований по созданию биологического и химического оружия. На сегодняшний день мы можем предположить, что подлобные лаборатории существуют на территории многих стран мира, что безусловно нарушает права человека и ставит под угрозу существование человечества в будущем.

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно поднимал вопросы биологической безопасности и незаконного сбора биологического материала граждан.

На сегодняшний день также существуют серьезные проблемы в области продовольственной безопасности и правового регулирования использования биотехнологий в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, связанные с использованием генетически модифицированного семенного фонда, генетически модифицированных сельскохозяйственных животных, удобрений, пестицидов, гербицидов и т.д.

Сторонники биотехнологического прогресса утверждают, что биотехнологии позволяют решить огромное количество проблем при минимальных рисках нарушения прав человека. Они предлагают наряду с использованием генетически модифицированных семян также выращивать искусственное мясо и отказаться от скотоводства. В некоторых странах в настоящее время происходит популяризация использования в пищу насекомых. В США в 2022 году появился стартап BiteLabs, создатели которого предлагают употреблять в пищу «колбасу», созданную при помощи

современных биотехнологий путем скрещивания ДНК стволовых клеток известных людей с мясом животных. CDC (Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов уже одобрили выращенную искусственно говядину и генно-модифицированный крупный рогатый скот, постоянно ослабляя правила в отношении ГМО-продуктов.

Противники широкого применения генно-модифицированных организмов утверждают, что главной целью биотехнологических компаний является создание монокультуры, устранение биоразнообразия и формирование атмосферы зависимости фермерства от промышленных семян. Они утверждают, что для решения проблемы голода следует инвестировать не в биотехнологии, а в поддержку мелкого и среднего фермерства, которые производят 80% продовольствия.

Следует принимать во внимание, что мировая фармацевтическая промышленность оценивается в 650 млрд долларов США в год, коммерческая семеноводческая промышленность оценивается в 21 млрд долларов в год, индустрия вертикального земледелия в закрытых помещениях в 2020 году оценивалась в 5,5 млрд долларов в год, ожидается, что к 2026 году она будет достигать 20 млрд долларов в год. Bayer и BASF – крупнейшие в мире поставщики генно-модифицированных семян, также активно участвуют в индустрии вертикальных ферм.

При этом обещания крупных корпораций и их сторонников победить голод во всех регионах мира не ими выполняются. Напротив, известны негативные последствия широкого внедрения генно-модифицированных семян в сельском хозяйстве. Например, в ЮАР, где с 1988 года активно используют генно-модифицированные семена. Тот факт, что страна занимает девятое место среди крупнейших производителей ГМО в мире не помог решить проблему продовольственной безопасности в этой стране. Напротив, она наряду с другими южноафриканскими странами не избежала продовольственного кризиса, так как неоднократно генно-модифицированные сорта вообще не давали урожая [7].

Также примером несовершенства законодательства в области биологического права может служить ситуация с корпорацией John Deere, которая является крупным производителем сельскохозяйственного оборудования. Производитель техники при ее продаже требует от покупателя использования семян исключительно известной американской компании Monsanto (дочерней компании Bayer) – крупнейшей в мире биотехнологической семеноводческой компании, которая доминирует на рынке генетически модифицированных семян и гербицидов. В противном случае корпорация может заблокировать доступ к программному обеспечению своей техники. При этом известно, что генно-модифицированные семена этой компании часто не дают потомства и их необходимо приобретать у компании ежегодно. В США Monsanto уже сегодня контролирует 80% рынка генно-модифицированной кукурузы и более 90% рынка трансгенной сои.

Биотехнологические (фармацевтические, агрохимические, исследовательские) компании с помощью патентов монополизируют сельское хозяйство и стремятся к контролю будущего мирового продовольствия. Такие компании как Corteva и Bayer/Monsanto уже сегодня контролируют около 40% мирового рынка семян и продолжают продвигаться в процессе патентования и приобретения прав интеллектуальной собственности на генетический растительный материал. В августе 2022 года издание The Guardian опубликовало статью под названием: «Disturbing: weedkiller ingredient tied to cancer found in 80% of urine samples», в которой говорится, что в результате недавних исследований в 80% образцов мочи американцев был обнаружен глифосфат, гербицид, вызывающий онкологические заболевания [20].

При этом можно сделать неверные выводы о том, Россию и страны СНГ эта ситуация касается в меньшей степени, однако в статье «Three Large American Multinationals

Bought 17 Million Hectares of Ukrainian Agricultural Land» австралийского издания Australian National Review от 27 мая 2022 года сообщается, что тремя крупными известными транснациональными корпорациями Cargill, Dupont и Monsanto было приобретено 17 млн га сельскохозяйственных земель на территории Украины, это более 60% всех сельскохозяйственных земель этой страны [21]. Указанные корпорации активно распространяют свое влияние и на территории России, и в случае утраты контроля над коллекцией Вавилова Россия может оказаться зависимости от семенной монополии США.

Широкое и неоправданное использование биологических технологий является ярким примером нарушения базовых прав человека и предоставляет широкие возможности для биотерроризма, биопиратства и других манипуляций.

Таким образом, биотехнологии предоставляют широкие возможности и могут служить во благо человека, при этом очень важными критериями остаются безопасность человека и соблюдение его прав. Стремительное развитие биотехнологий в современном мире заставляет задуматься о необходимости неукоснительного соблюдения прав человека, сохранении его биологического сознания и возможности реализации его свободной воли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демина А. В., Нуррединова А. Н. Современные биотехнологии в медицине. / Науч.рук. Жирнова Е.А.; Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т2. С.235-237;
2. Светлов С.В. Антиглобализм и биотехнология [Электронный ресурс]. URL: http://www.antiglobalizm.org/antiglobalism/sv.htm (дата обращения: 28.01.2023);
3. Леон Р. Касс Нестареющие тела, счастливые души: Биотехнологии в погоне за совершенством // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004. С.282-308.
4. Суровцева Е. Ю. Биотехнологии в сельском хозяйстве: проблемы и риски. С. 301-303;
5. Коданева С.И. Генетически модифицированные организмы как объект интеллектуальной собственности. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 42–58. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.04
6. Арзамазцев М. В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 19–42.
7. Редникова Т.В. – Генетические ресурсы растений в сельском хозяйстве: проблемы правового регулирования. // Сельское хозяйство. – 2019. – № 3. – С. 7 – 14. DOI: 10.7256/2453-8809.2019.3.32534
8. Patents on Life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property / ed. by T.C. Berg, R. Cholij, S. Ravenscroft. – Cambridge, 2020. – P. 13.
9. Всеобщая декларация прав человека 1948 года (полный текст) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version-/ (дата обращения: 12.02.2023)
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399-/ (дата обращения: 10.02.2023).
11. Картахенский протокол по биобезопасности 2000 г. к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., текст и приложения, Монреаль, 2000 // ICAO, Canada March 2008.
12. Конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года (пересмотрена в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменена 2 октября 1979 г.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (дата обращения: 15.02.2023).
13. Международная конвенция по охране новых сортов растений, окончательная редакция, Женева 1 мая 1997 года // Международный союз по охране новых сортов растений, Женева. – 1997.
14. Конвенция о биологическом разнообразии // официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml/ (дата обращения: 15.02.2023).
15. Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства // официальный сайт Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fao.org/plant-treaty/ru/ (дата обращения: 12.11.2022).

16. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2017 года дело «Парадизо и Кампанелли против Италии» (Paradiso and Campanelli v. Italy) (жалоба N 25358/12) // Большая Палата Европейского Суда (извлечение) [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/71734326/#friends/ (дата обращения: 02.11.2022).
17. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2017 года дело «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. The United Kingdom) **(**жалоба № 5129/03**)** // Европейский Суд по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Pretty_v_the_United_Kingdom_29_04_2002.pdf (дата обращения: 02.12.2022).
18. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2017 года дело «Ламбер против Франции» (жалоба N 46043/14) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=420600#a2QN4PTW05AdcMWg/ (дата обращения: 01.12.2022).
19. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2017 года дело «Гард и другие против Великобритании» (Gard and Others v. The United Kingdom) (жалоба N 39793/17) // Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-reshenii-espch-ot-27062017-po-delu-gard-i-drugie-gard-and-others-protiv-soedinennogo-korolevstva-zhaloba/ (дата обращения: 02.12.2022).
20. The Guardian // Disturbing: weedkiller ingredient tied to cancer found in 80% of urine samples. – 2022
21. Australian National Review // Three Large American Multinationals Bought 17 Million Hectares of Ukrainian Agricultural Land. – 2022

HUMAN RIGHTS IN THE AGE OF BIOTECHNOLOGY

Annotation. The paper considers the issues of implementation and protection of human rights in the epoch of emergence and rapid spread of nano-, info- and biotechnologies. The author assesses the current situation in the country and the world, considers the issues of legal regulation in the sphere of food security and agriculture, the need to prevent the spread of bioterrorism, the preservation of human genome and biological consciousness.
Keywords: human rights, biotechnology, genome, cell line, food security, agriculture, bioterrorism, biological consciousness.

Lepshina E.
Scientific adviser: Petrachenko E.I., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: kucheruk.nastya15@mail.ru

УДК 343.43

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА

Лисицина М.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В научной статье произведен сравнительный анализ таких составов преступления, как похищение человека и захват заложника, а также элементы и особенности с целью их разграничения. Выявлены основные проблемы их соотношения и пути решения. Для достижения поставленной цели в работе были использованы общенаучные теоретические методы исследования: анализ, абстрагирование, дедукция; эмпирический метод в виде сравнения, а также специальный-сравнительно-правовой. После изучения указанных составов преступления было получено четкое представление о критериях их разграничения, были выявлены признаки и характеристики их элементов, а также решен вопрос их правильной квалификации.
Ключевые слова: похищение человека, захват заложника, свобода человека, незаконный, квалификация преступлений.

Вопрос отграничения похищения человека от захвата заложника является проблемным уже длительное время. И хоть большое количество юристов-правоведов

неоднократно занимались его решением, этот вопрос все же актуален и по сей день. Указанная нерешенная ситуация имеет колоссальное значение, так как из-за некой неграмотности в понимании данных составов преступления, можно допустить ошибки в квалификации преступления, что означает неверное юридическое закрепление соответствия совершенного деяния признакам состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой [1, с. 178].

Отсюда вытекают и другие возможные проблемы: преступное лицо может понести наказание, предусмотренное совершенно за другое преступление. Как известно, цель наказания заключается в воспрепятствовании преступлений и исправлении преступника. В случае неправильной квалификации содеянного, она может быть искажена. Подобные ошибки в глобальном смысле способствуют проблемам в правовой системе государства, а также правосознании граждан и общества в целом. В настоящее время прослеживается такой итог. Р.М. Жиров в своей научной работе подчеркнул современное состояние указанной проблемы, указывая, что не все аспекты рассматриваемой проблемы изучены надлежащим образом и получили достаточный анализ и обоснование [2, с. 127].

Власов Ю.А. уделяет внимание тому, что составы преступлений похищения человека и захвата заложника практически не поддаются точному и четкому отграничению один от другого, что вызвано недостаточно определенными формулировками признаков этих преступлений в диспозициях соответствующих статей [3, с. 118]. На наш взгляд, именно в неточном установлении критериев разграничения и заключается нерешенная часть от общей проблемы. Захват заложника действительно содержит наибольшее количество совпадающих признаков с таким составом, как похищение человека. Следовательно, данная научная работа несет в себе следующую цель: формулировка признаков и критериев указанных преступных деяний и их сравнительный анализ, как путь решения проблемы их отграничения.

Чтобы достичь поставленной цели необходимо использовать общенаучные теоретические методы исследования, а именно анализ, с помощью которого становится возможным детальное рассмотрение элементов каждого из составов преступления, также абстрагирование, заключающееся в поиске и нахождении отдельного свойства предмета, который рассматривается отдельно от других признаков, дедукция, предусматривающая рассмотрение частных факторов. Целесообразно применить эмпирический метод в виде сравнения, ведь именно он поможет установить различные черты, признаки и свойства захвата заложника и похищения человека. Необходимо использовать специальный-сравнительно-правовой метод, потому что он нашел широкое применение в юриспруденции. Он представляет собой сопоставление однопорядковых юридических понятий, явлений, процессов и выяснение между ними сходства и различия.

Положения, относящиеся к похищению человека, содержатся в ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации. Важно указать примечание, ведь лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления [4, с. 119]. Норма, регулирующая захват заложника закреплена в ст.206 и указывает, что захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Также следует указать примечание, которое подчеркивает, что лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Реализовать поставленную цель поможет Комментарий В.М. Лебедева к ст.126 УК РФ. Очевидно, что детальный разбор каждого из составов, поспособствует сравнительному анализу.

Под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте [5, с.209]. Захват заложника предполагает противоправное насильственное ограничение свободы хотя бы одного человека, совершенное открыто или тайно, путем обмана, например, перемещение заложника к месту удержания с помощью обмана, с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья (ст. 116 УК), либо без такового, или с угрозой применения любого насилия, в случае невыполнения предъявленных государству, организации или гражданину требований, как условий освобождения заложника.

Определения четко вырисовывают важное значение свободы человека, так как в двух случаях происходит ее незаконное нарушение. Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [6, с. 5].

Серпик В.Д. в своей работе делает акцент на неотчуждаемости основных прав и свобод и запрете на их незаконное ограничение, ведь это важнейший принцип, в то же время автор указывает, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц, общественные и государственные интересы, которые также защищаются государством [7, с. 31]. Возвращаясь к указанной проблеме, становится понятно, похищение человека несет в себе важный непосредственный объект-свободу конкретного человека (индивида), в то время как захват заложника имеет более широкий объект-это общественная опасность в целом, так как данное преступное деяние сопровождают требования, предъявляемые государству, организации или гражданину при удержании заложника. В данном случае свобода человека выступает дополнительным объектом. Но при этом ни в коем случае не исключается факт того, что оба преступления нарушают свободу личности. Следует также упомянуть, что в двух рассматриваемых случаях, жизнь и здоровье человека также могут быть дополнительным объектом.

Сравнивая эти преступления, нельзя обойти стороной их объективную сторону. Похищения человека выражается в действиях, направленных на незаконный захват (изъятие) и перемещение потерпевшего из его постоянного или временного места обитания (работы, учебы, жительства, отдыха и т.д.) в другое, (подвал, квартира, дом, гараж) с последующим удержанием, против или помимо его воли или воле его законных представителей. Во втором же случае центральное место занимает именно сам захват и удержание заложника с целью предъявления определенных требований. По нашему мнению, захват заложника является более опасным преступлением для общества, ведь оно содержит открытый насильственный характер. Как известно, захват заложника предполагает противоправное насильственное ограничение свободы. Более того, как указывалось выше, это деяние неразрывно связано с определенными требованиями к государству, физическим или юридическим лицам. Заложники являются лишь условием их выполнения. Нельзя не сказать, что само удержание заложника означает насильственное воспрепятствование его передвижению, возвращению свободы, доступ к захваченному представителей власти, содержание его в помещении, которое заложник не может покинуть самостоятельно.

Также обратим внимание, что похищение человека будет являться оконченным лишь с момента захвата человека и начала его перемещения. Отсюда вытекает удержание похищенного, которое не требует дополнительной квалификации. Обратная же ситуация с захватом заложника: данное преступление считается оконченным с

момента самого захвата, при этом заложник в реальной действительности лишается свободы. Акцентируем внимание на том, что если захват человека не представился возможным или данное преступное деяние в целом не получилось реализовать, то необходима квалификация как покушение на данное преступление.

Следующее различие кроется в цели совершения данных незаконных деяний. Итак, если преступные действия лица направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на совершение в отношении его других незаконных действий, квалификация по ст. 126 УК исключается, то есть в данном случае речь не идет о похищении человека. Это преступление направлено именно на само лишение свободы и удержание лица в другом месте, чего нельзя сказать о захвате заложника, ведь удержание других людей является просто способом достижения других целей-совершение представителями государства, организациями либо гражданами определенных действий или, напротив, отказ от совершения какого-либо действия. Чаще всего преступник желает получить какую-то выгоду, например, предоставление чего-либо (материальные ценности, оружие, какой-либо вид транспортного средства и т.д.) Различным же может быть мотив: политического, националистического, религиозного, криминального и иного характера. Становится совершенно ясно, при данном преступлении личность самого заложника неинтересна преступнику, она необходима ему временно, то есть до момента выполнения его требований.

Интересным выступает то, что сам факт похищения человека может быть произведен тайно и являться скрытым от других лиц. Это происходит не во всех случаях, завладение свободой другого человек бывает и открытым. Но тайность также присуща этому противоправному деянию. По-другому себя проявляет захват заложника: в данном случае совершенным незаконным действиям просто необходима огласка и известность, приводящая к указанию требований, которые и являются его целью.

Многие юристы-правоведы останавливают свое внимание на длительности совершения данных преступлений, речь идет о неких сроках. То есть, похищение конкретного человека может длиться до тех пор, пока, например, данное преступление не будет остановлено правоохранительными органами или похититель не изменит ход этих незаконных действий и т.д. В случае же захвата заложника, сроки зависят от скорости выполнения поставленных преступником требований.

Сравнительно-правовой метод исследования и Международное уголовное право открывает нам еще одно различие. Захват заложника является преступлением международного характера. Важным шагом в борьбе с захватом заложников стало подписание в 1977 г. в г. Страсбурге Конвенции о борьбе с терроризмом, в которой похищение людей, взятие заложников или незаконное лишение свободы были названы наряду с другими актами международного терроризма. Установление ответственности за захват заложников предусматривается также иными международно-правовыми актами о борьбе с международным терроризмом, а также Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколах к ней 1977 г.

На данный момент важнейшим документом, квалифицирующим захват заложников как преступление международного характера, является Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г. СССР присоединился к ней в 1987 г.

Не оставим без внимания и субъективную сторону каждого из составов преступления. Очевидно, что оба варианта несут в себе вину в форме прямого умысла. Однако, похищение человека предусматривает, что лицо осознает, что похищает определенного человека против его воли, предполагает наличие общественно-опасных последствий в виде нарушения права на свободу передвижения, и желает их

наступления, что подтверждается перемещением и удержанием человека в другом месте.

При захвате заложника виновный осознает, что захватывает или удерживает человека в качестве заложника с целью выполнения государством, организацией или гражданином каких-либо действий или отказа от их совершения как условие освобождения заложника, что также приводит к нарушению права человека на свободу передвижения, при этом преступное лицо желает этого.

Оба случая предусматривают субъект преступления, как физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет.

Главным научным результатом после проведенного исследования выступают полученные критерии и признаки разграничения данных составов преступления, которые устраняют проблемные вопросы квалификации. Сравнительный анализ сделал возможным сформулировать основные различия похищения человека и захвата заложника:

1. Похищение человека несет в себе важный непосредственный объект-свободу конкретного человека (индивида). Захват заложника имеет более широкий объект-это общественная опасность в целом, так как данное преступное деяние сопровождают требования, предъявляемые государству, организации или гражданину при удержании заложника. В данном случае свобода человека выступает дополнительным объектом. В двух рассматриваемых случаях, жизнь и здоровье человека также могут быть дополнительным объектом;

2. Большую опасность для общества представляет захват заложника, которая связана с открытым насильственным характером;

3. Момент, с которого преступления будут считаться оконченными. При похищении человека с момента захвата, и оно является оконченным с момента начала перемещения. Захват заложника будет оконченным после захвата и удержание лица в реальной действительности;

4.Различия в цели преступления. Похищение человека направлено именно на само лишение свободы и удержание лица в другом месте, иным образом складывается цель при захвате заложника, ведь удержание других людей является просто способом достижения других целей-совершение представителями государства, организациями либо гражданами определенных действий или, напротив, отказ от совершения какого-либо действия;

5. Специальная открытость и огласка совершения захвата заложника необходима для предъявления преступным лицом его требований, которые и являются его целью, в то время как похищение человека может быть совершено тайно;

6. Особенностью захвата заложника являются сроки удержания лица. Они зависят от скорости выполнения поставленных преступником требований. Похищение конкретного человека может длиться до тех пор, пока, например, данное преступление не будет остановлено правоохранительными органами или похититель не изменит ход этих незаконных действий и т.д.;

7.Захват заложника является преступлением международного характера. Важнейшим документом, квалифицирующим захват заложников как преступление международного характера, является Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г. СССР присоединился к ней в 1987 г.;

Отсюда можно сделать вывод, что цель работы в виде формулировки признаков и критериев указанных преступных деяний и их сравнительный анализ, как путь решения проблемы их отграничения, достигнута. Иными словами, проведенное сравнение вносит ясность отличий этих двух составов. Результаты научной статьи имеют теоретическое применение, ведь любой прочитавший может извлечь основные

признаки и ключевые моменты каждого из рассматриваемых преступлений. Велико и практическое применение. На наш взгляд, оно вытекает из теоретического. Иными словами, получив четкое представление об отграничении похищения человека от захвата заложника, можно избежать ошибок квалификации, что также рассмотрено в статье. Это поспособствует невозможности искажения цели наказания за определенное деяние. Также нельзя не указать, что данная тема перспективна для дальнейших исследований. Как указывалось, выше, данная проблема актуальна и в текущей современности. Можно продолжить исследования данного вопроса под некими разными углами. Различные видения данной ситуации и иные точки зрения смогут не только дополнить перечень критериев и признаков отграничения, но закрепить основные из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный толковый словарь Квалификация Преступления – Современный толковый словарь – ок. 160000 словарных статей Словари и Энциклопедии.-С.178 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Frudictionary.com%2Fmodern%2FKvalifikacija-prestuplenija-32710.html&cc_key= (дата обращения: 31.01.2023)
2. Руслан Михайлович Жиров Похищение человека и захват заложника: проблемы разграничения // Закон и право. 2022. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pohischenie-cheloveka-i-zahvat-zalozhnika-problemy-razgranicheniya (дата обращения: 31.01.2023).
3. Власов Ю.А., Михалъ О.А. Некоторые аспекты объективного состава похищения человека // Совр. право. 2013. № 4. С. 118-124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Некоторые-аспекты-объективного-состава-похищения-человека (дата обращения: 31.01.2023).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / К63 отв. ред. В. М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – М. : Из- дательство Юрайт, 2012 – 1359 с. – Серия : Профессиональные комментарии.-С.209—[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/55070976/ (дата обращения: 31.01.2023).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
7. Серпик В.Д. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА // Образование и право. 2022. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina (дата обращения: 31.01.2023).

PROBLEMATIC ISSUES AND SOLUTIONS FOR SEPARATING KIDNAPPING FROM HOSTAGE-TAKING

Annotation. In this scientific article, a comparative analysis of such elements of crime as kidnapping and hostage-taking, as well as elements and features in order to distinguish them, is carried out. The main problems of their correlation and solutions are identified. To achieve this goal, general scientific theoretical research methods were used in the work: analysis, abstraction, deduction; an empirical method in the form of comparison, as well as a special comparative legal method. After studying these elements of the crime, a clear understanding of the criteria for their differentiation was obtained, the signs and characteristics of their elements were identified, and the issue of their correct qualification was resolved.
Keywords: kidnapping, hostage-taking, human freedom, illegal, qualification of crimes.

Lisitsina M.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: lisicina.mariya@mail.ru

УДК 342.92

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Логинова И. А.
Научный руководитель: Корешникова Н. Р., к.ю.н., доцент
УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева

Аннотация. В статье рассматривается процесс влияния цифровизации на изменение правоохранительной функции органов прокуратуры. Предметом являются проблемы и пути решения, возникающих при цифровой трансформации прокуратуры. Решение поставленных задач осуществлялось на основе применения общенаучных методов. К результатам исследования можно отнести анализ трудностей при внедрении новых информационных технологий в деятельность прокуратуры, как со стороны граждан, так и со стороны работников прокуратуры, а также поиск и предложение решений с целью снижения социальных рисков и укрепления доверия граждан к органам прокуратуры.
Ключевые слова: органы прокуратуры, цифровая трансформация, правоохранительная деятельность, электронный документооборот, цифровизация.

Правоохранительная деятельность, осуществляемая органами прокуратуры, играет первостепенную роль в области защиты прав и свобод человека и гражданина. На сегодняшний день степень защищенности прав и свобод человека, наличие гарантий их реализации могут рассматриваться как один из важнейших признаков демократического государства [1]. На деятельность органов прокуратуры, в том числе осуществление правоохранительной функции, влияет активное развитие и внедрение техники и технологий во все сферы жизни. Катализатором для перехода к электронным технологиям стала сложная эпидемиологическая ситуация в стране (Covid – 19), повысилась востребованность в проведении совещаний и семинаров в режиме видеоконференцсвязи, что положительно сказалось на оперативности принятия управленческих решений. Поэтому цифровизация данных органов – это шаг, который приведет к правовой модернизации, как государства, так и общества. Однако возникают значительные проблемы в процессе цифровой трансформации органов прокуратуры, которые не дают достичь высокого уровня качества осуществления охраны и защиты прав граждан. Целью исследования является выявление таких проблем и нахождение различных вариантов решения, а также выделение преимуществ и недостатков цифровой трансформации правоохранительной деятельности органов прокуратуры.

Поводом для цифровой трансформации органов прокуратуры послужили следующие нормативно-правовые акты:

– «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2]. Данный нормативный документ закрепляет необходимость проявления активности по использованию новых информационных технологий в жизнедеятельности обычных граждан, а также при исполнении полномочий должностными лицами. В рассматриваемом акте появились термины, такие как, информационное пространство, общество знаний, облачные вычисления, информационное общество и другие. Указанные понятия прочно вошли в нашу жизнь, а цифровизация отдельных процессов существенно облегчила многие процессы, в том числе в правоохранительной деятельности прокуратур.

– «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» № 642 [3]. В указанной Стратегии обозначены основные направления, стратегические ориентиры и приоритеты научного и технологического развития России на ближайшие 10–15 лет. Вместе с тем, нормативно-правовой акт закрепляет положение о том, что

новые технологии являются одним из решений на «большие вызовы», которые подвергают риску общество, но, с другой стороны, представляют собой возможность для его развития.

Перечисленные нормативные документы стали толчком для становления «цифрового государства» в России, поэтому глобальные изменения в данном направлении произошли не только в бизнесе, но и в деятельности органов государственной власти, начали предприниматься попытки к цифровой трансформации.

Главным нормативно-правовым актом, регулирующим внедрение цифровых технологий в деятельности органов прокуратуры РФ, является, ведомственный акт, Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» [4]. В Концепции указываются следующие задачи цифровизации органов прокуратуры: внедрение высокотехнологичного надзора, создание прозрачной среды взаимодействия органов прокуратуры и граждан, повышение оперативности и эффективности прокурорского реагирования на нарушения закона, а также взаимодействие органов, выполняющих правоохранительные функции, между собой с использованием цифровых технологий в целях координации их деятельности [5].

Несмотря на то, что данный ведомственный акт является основополагающим, определяющим направления дальнейшего развития, он имеет недостатки. Среди всех можно выделить узкий характер действия. Концепция охватывает лишь часть деятельности, например, электронный документооборот, однако не затрагивает вопрос, связанных с оптимизацией обработки больших массивов данных с помощью искусственного интеллекта. Вместе с тем, во исполнение Концепции нет никаких стандартов, инструкций, раскрывающих положений данного акта, что приводит к необходимости проведения мероприятий для обучения прокурорских работников, которые требуют материального обеспечения, сил и времени.

Однако, И. С. Завьялова выделила одним из достоинств изменения органов прокуратуры под влиянием цифровых технологий такое, как укрепление и развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества, физическими и юридическими лицами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Как уже ранее было отмечено, переход на «цифру» благотворно влияет на осуществление правоохранительной деятельности, способствует ускорению принятия компетентных решений, так как облегчается взаимодействие межведомственных организаций. Всё это способствует более оперативному осуществлению защиты прав и свобод человека, а также повышению эффективности работы не только органов прокуратуры, но и иных контрольных органов. Это может найти подтверждение, в таких показателях как, увеличение количества обращений, которые рассматриваются без продления срока их рассмотрения, доступность информационных систем для обычных граждан и другие [6].

Ещё одним существенным преимуществом цифровизации является масштабный переход на электронный документооборот. Это гарантирует доступность защиты прав для граждан, так как у них появляется возможность восстановить нарушенное право из любого места, имея при себе гаджет, не существует привязанности к какому-либо правозащитному органу и обязанности непосредственного присутствия заявителя. К тому же, вероятность утраты электронных документов ниже, по сравнению с бумажными носителями.

Изменения произошли и в сфере взаимодействия органов прокуратуры с бизнесом, посредством создания отдельного канала связи с предпринимателями. Данное нововведение положительно влияет на эффективность и скорость реагирования

на нарушения за счет существенного сокращения сроков рассмотрения обращений по сравнению с рассмотрением их обращений в обычном порядке.

Однако существуют и недостатки рассматриваемой цифровой трансформации.

Со стороны обычных граждан можно выделить некоторые затруднения, которые влияют на поддержание взаимосвязи между органами прокуратуры и физическими и юридическими лицами.

Во-первых, можно выделить, недоверие к техническим новшествам некоторых граждан, которые не владеют навыками, связанными с применением информационных технологий.

Во-вторых, сложность и недоработанность информационных систем и программного обеспечения, которые используются в прокурорской деятельности. Поскольку разработкой необходимого информационного обеспечения занимаются программисты, которые не имеют юридических знаний, то зачастую расположение различных категорий на сайтах совершенно нелогичное, что усложняет получение доступной информации как для граждан, так и для самих работников прокуратуры. Вместе с тем, о недоработанности, в том числе и официальных сайтов прокуратур, свидетельствуют активно вносящиеся изменения, что говорит о неудобстве их использования. Поэтому решение видится в информировании программистов, создателей сайта о том, как же поместить информацию, так, чтобы было удобно и для юристов, и для граждан. Необходимо, что бы, в том числе и прокуроры, принимали в этом активное участие и сообщали наиболее рациональные варианты расположения информации.

В-третьих, граждане плохо ориентируются на сайтах. Одними из решений этой проблемы является размещение какой-либо инструкции по расположению той или иной информации, создание удобного интерфейса, а также активно применяющихся чат – боты, которые будут хорошими помощниками в поиске.

Сложности по осуществлению цифровой трансформации со стороны органов прокуратуры заключаются в переобучении сотрудников прокуратуры в сжатые сроки. Быстрый темп и масштабность цифровизации значительно влияют на качество защиты прав граждан. Из-за такой стремительности работники органов прокуратуры находятся в состоянии неопределенности и ожидании новых изменений. Многие не справляются с физической и психической нагрузкой, работа с информационными системами требует достаточного уровня квалификации, которым не обладает каждый прокурорский работник, что приводит к частой сменяемости кадров в органах прокуратуры.

Остро стоит проблема технического и материального обеспечения, то есть соответствующего оснащения рабочих мест необходимым оборудованием.

Более того, еще одной из проблем, с которой столкнулись в процессе цифровизации стала необходимость обеспечения высокой степени защищенности всей информации от компьютерных атак, поскольку научный и технический прогресс, неизбежно приводит к усложнению форм противоправной деятельности, а также к появлению новых форм такой деятельности с более сложной подготовкой.

На данном этапе ведется активная борьба с недопущением такого рода нарушений, атак, «утечки данных». Так, например, были сделаны шаги для нормативного урегулирования проблемы принятием Приказа Генеральной прокуратуры РФ № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» [7], основной задачей которого является обеспечение комплекса мер, направленных на осуществление в органах прокуратуры надлежащей охраны объектов информационной безопасности. Одним из таких мероприятий стала организация единой сети, обладающей определенным уровнем защиты с помощью различных средств, например, таких как криптографических средств шифрования информации.

В заключение всего вышесказанного, хочется отметить, что трансформация правоохранительной деятельности органов прокуратуры под влиянием цифровизации идёт по пути улучшения условий и повышения уровня защиты прав и свобод граждан. Несмотря на выделенные недостатки, преимуществ гораздо больше. Процесс цифровой трансформации органов прокуратуры развивается на постоянной основе, на данном этапе можно говорить о том, что применение достижений цифровизации общества, то есть использование в правоохранительной деятельности различных информационных систем, сетей, значительно облегчает и ускоряет процесс обеспечении режима законности. Также цифровая трансформация правоохранительной деятельности прокуратуры представляет собой важный фактор формирования устойчивого гражданского общества и правового государства в современной России.

Таким образом, цифровизация – это сложный и многоэтапный процесс, однако, то к каким результатам он приведет, какие последствия последуют, как для сотрудников, так и для граждан, будет существенным достижением в работе органов прокуратуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курцер К. М. Особенности реализации правоохранительной функции прокуратуры на современном этапе / К. М. Курцер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 111-116.
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N 20 ст. 2901
3. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 49 ст. 6887
4. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 N 627 (ред. от 25.11.2022) "Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года"
5. Бессчасный С. А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации // Цифровизация деятельности органов прокуратуры: сб. материалов семинара (круглого стола) (Москва, 30 сентября 2020 г.); под общ. ред. И.В. Горошко; сост. А.Л. Коренюк; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. – М., 2021. – 212 с.
6. Завьялова И. С. Цифровая трансформация органов и организаций Прокуратуры российской федерации / И. С. Завьялова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – № 4. – С. 44 – 52.
7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2019 г. № 830 “Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации”

PROBLEMS TRANSFORMATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Annotation. The article examines the process of digitalization influence on the change of the law enforcement function of the prosecutor's office. The subject is the problems and solutions that arise during the digital transformation of the prosecutor's office. The solution of the tasks was carried out based on the application of general scientific methods. The results of the study include the analysis of difficulties in introducing new information technologies into the activities of the prosecutor's office, both on the part of citizens and on the part of prosecutors, as well as the search and proposal of solutions to reduce social risks and strengthen citizens' confidence in the prosecutor's office.
Keywords: prosecutor's offices, digital transformation, law enforcement, electronic document management, digitalization.

Loginova I.
Scientific adviser: Koreshnikova N. R., PhD in Law, Associate Professor
Ural State University named after V. F. Yakovlev
E-mail: loginovainna100@gmail.com

УДК 343.122

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ломтев Д.А.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная работа посвящена исследованию законодательного регулирования такого немало важного института в уголовном праве и процессе, как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Внимательно рассматриваются особенности применения на практике данной процедуры, что позволяет выявить ряд определенных проблем, связанных с её реализацией. Сравнивая положения статей УК РФ и УПК РФ, регламентирующих рассматриваемый правовой институт, автор пытается выявить ряд проблем, возникающих на практике, и предлагает способы их решения. Изучение современной практики и научной литературы позволило сделать выводы о наличии проблем в правоприменительной практике, возможное решение которых предложено в настоящей статье.
Ключевые слова: преступление, институт освобождения от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба.

По общему правилу, основанием для привлечения лица к уголовной ответственности и назначению ему соответствующего наказания способствует совершение данным лицом той илиной категории преступления. Однако, судебная практика применения норм уголовного законодательства показывает, что привлечение лица к уголовной ответственности не во всех случаях является целесообразным.

Учитывая, что уголовное законодательство руководствуется принципами справедливости и гуманизма, считаем, что именно это и способствовало в большей степени созданию такого важного института, как освобождение от уголовной ответственности. Исходя из положений правовой нормы, регламентирующей возможность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, следует отметить, что основной смысл рассматриваемого правового института заключается в принятии судом решения о фактическом неприменении к лицу, совершившему преступление, мер уголовного–правового характера. Данное решение принимается судом на основании анализа личных качеств виновного лица, а также с учетом его дальнейшего поведения после совершения преступных действий.

Следует отметить, что освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при наличии определенных оснований, четко установленных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако основной предпосылкой реализации практически любого вида освобождения от уголовной ответственности выступает сам факт совершенного лицом преступного деяния. Именно карательная сущность и их юридическая природа объединяет все виды освобождения от уголовной ответственности[1, с. 59].

В зависимости от наступающих процессуальных последствий, в доктрине уголовного процесса возникли различные подходы к оцениванию оснований прекращения уголовного дела, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Так, видный советский профессор С. А. Шейфер указывал, что прекращение уголовного дела выполняет так называемую двойную задачу: недопустимость привлечения к уголовной ответственности невиновных и освобождение от уголовной ответственности иных лиц, а Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин отмечали, что решение о прекращении уголовного дела принимается в том случае, когда отсутствуют процессуальные предпосылок для дальнейшего продолжения производства по делу.

Обращаясь к мнению современных ученых, занимающихся исследованием проблем уголовного процесса, следует отметить, что среди них сложилось обоснованное мнение о том, что нормы института прекращения уголовного дела позволяют решать не только уголовно-процессуальные, но и уголовно-правовые задачи борьбы с преступностью.

Отмечается, что, хотя освобождение от уголовной ответственности посредством прекращения уголовного дела является отступление от принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление, но вместе с тем, таким образом, реализовываются идеи справедливости и целесообразности осуществления процессуальной деятельности.

С учетом множества причин для прекращения уголовных дел, следует отметить, что одной из наиболее важных и частых причин является освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Как полноценно сформировавшийся правовой институт, примирение сторон известно российскому уголовному процессу уже с 19 века. За долго время существования и развития данного правового института сформировались принципиальные отличия примирения по уголовным делам публичного, частно-публичного и частного обвинения. Данные отличия впоследствии были закреплены на законодательном уровне и смогли получить свое отражение в уголовно-процессуальном законе.

Рассматривая содержание процедуры освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, следует отметить, что она подразумевает наличие двух участников, таких как виновное лицо и потерпевший. Кроме того, третьим участником данной процедуры следует выделить также государство, которое принимает участие в примирении сторон посредством участия в данной процедуре уполномоченных государственных органов. При этом следует акцентировать внимание на том, что уполномоченный правоприменительный орган лишь вправе освободить от уголовной ответственности виновное лицо на основании статьи 76 УК РФ, однако это не говорит о его обязанности, что и вызывает в правоприменительной практике обоснованную критику. По мнению ученых, занимающихся изучением данного правового института, в современной судебной практике часто создается возможность такой ситуации, в соответствии скоторой суд по своему усмотрению, учитывая смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного и другие обстоятельства, имеющие значение для дела, приходит к заключению о невозможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Как отмечает в своей работе Батчаева А. А., говоря о применении рассматриваемого института по уголовным делам, ученые отмечают его компромиссный характер, основанный на принципе диспозитивности, возможности достижения посредством примирения сторон целей наказания, восстановление социальной справедливости, необходимость расширения перечня составов преступлений, покоторым возможно примирение сторон, возможность искупления вины черезпозитивное посткриминальное поведение, ускорение самой процедуры судопроизводства, превентивную составляющую и другие позитивные черты данного института.

Однако, при наличии достаточно большого количества материалов изучения рассматриваемого правового института, нельзя не отметить, что не все авторы едины в положительной оценке данного основания для прекращения уголовных дел. Среди ученых, занимающихся изучением и разработкой данной темы, также присутствуют мнения, отрицательно относящиеся к содержанию данного института.

Так, Г.С. Досаева опираясь на результаты проведенного ею анкетирования, пишет о том, что освобождение от уголовной ответственности в связи спримирением

сторон может породить у виновного чувство безнаказанности, возможность избежать уголовной ответственности. Криминологический рецидив лиц, в отношении которых уголовное дело было прекращено в связи с примирением с потерпевшим, составляет 25 %.

Такие автора, как Кузбагарова Е. В. и Комбарова Е. Л., акцентируют внимание на отсутствие четкой законодательно закрепленной процедуры примирения сторон, что представляется автору также не менее важным вопросом для правильной реализации рассматриваемого института на практике. Определение и закрепление на законодательном уровне четкой процедуры освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим позволит избежать совершения ошибок в правоприменительной практике, а также предотвратит возникновение возможных злоупотреблений со стороны всех участников данной процедуры.

Следует отметить, что каждое из вышеприведенных суждений заслуживают внимания и оценки со стороны науки и правоприменительной практики. В связи с этим, видится целесообразным рассмотрение института примирения сторон с позиций его соответствия основным началам уголовного судопроизводства и принципам уголовного процесса[2, с.44-46].

Рассматривая основные проблемы института примирения сторон, следует отметить следующие проблемы выделяемые учеными.

Так, одной из выделяемых проблем является отсутствие указанияна право примирения с подозреваемым, обвиняемым в перечне прав потерпевшего, закрепленных в части 2 статьи 42 Уголовно-процессульного кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В нынешней правовой регламентации разъяснить это право должен суд в порядке, предусмотренном статьями 268 и 319 УПК РФ. Однако, примирение сторон возможно и в досудебном производстве по уголовному делу.

Учитывая данный факт, следует согласиться с мнением Батчаевой А. А., что для полноценной реализации принципа охраны прав и свобод человек и гражданина в уголовном судопроизводстве, часть 2 статьи 42 УПК РФ надлежит дополнить пунктом 4.1 следующего содержания «примириться с подозреваемым, обвиняемым в порядке, установленном статьей 25 настоящего кодекса». Кроме того, аналогичное право должно разъясняться и обвиняемому, поскольку он также может выступить инициатором примирения сторон. Как следствие, пункт 15 части 4 статьи 47 УПК РФ также надлежит дополнить формулировкой «примириться с потерпевшим по основаниям, предусмотренным статьей 25 настоящего кодекса» [4]. Считаем возможным, что с учетом своевременного разъяснения потерпевшему его права на примирение, создадутся предпосылки для полноценного использования потерпевшим данного права не только в ходе судебного, но и досудебного производства по уголовному делу.

Кроме того, в правоприменительной практике неоднозначным является и вопрос о том, реализуется ли принцип презумпции невиновности в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Исходя из положений ст. 14 УПК РФ, вина обвиняемого при прекращении производства по уголовному делу не может считаться установленной. При этом, ряд авторов придерживается иного мнения, полагая, что решение о прекращении уголовного дела, в силу прямых требований закона к его содержанию, констатирует установленную вину обвиняемого в инкриминируемом ему деянии. Обращаясь к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – Постановление Пленум Верховного Суда РФ), который в руководящих разъяснениях также указывает на освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, тем самым указывая на факт

доказанности вины лица, в отношении которого принимается решение о прекращении уголовного дела [5].

Такого рода точка зрения об установленности вины лица, освобождаемого от уголовной ответственности, имеет определенные основания, поскольку перед уголовным судопроизводством стоит, прежде всего, задача недопущения привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц и соответственно освободить от уголовной ответственности можно только лицо, чья виновность в совершении преступления установлена. Кроме того, по мнению некоторых авторов, такой факт, как заглаживание подозреваемым, обвиняемым причиненного совершением преступления вреда перед потерпевшим, как одно из обязательных условий процедуры примирения, может в свою очередь косвенно указывать на причастие лица к совершению преступления.

Наконец, статья 76 УК РФ ведет речь о лице, впервые совершившем преступление, и прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 20 и 25 УПК РФ, не допускает право лица на реабилитацию [6].

Вместе с тем следует обратить внимание на следующую точку зрения, которой придерживались виднейшие советские ученые-процессуалисты М. С. Строгович и В. М. Савицкий и которую разделяют многие современные ученые. Так, по их мнению, в случае прекращения уголовного дела недопустимо говорить об установленной виновности обвиняемого. Следует согласиться, что вопрос о виновности лица, которое подлежит освобождению от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, все же остается открытым. Применительно к процедуре прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон вести речь о лице, виновном в совершении преступления, вряд ли допустимо [2, с.47-48].

Следует также обратить внимание на то, что статья 76 УК РФ закрепляет обязанность лица совершившего преступление не только примириться с потерпевшим, но и в обязательном порядке загладить причиненный потерпевшему вред. При этом если рассматривать содержание части 2 статьи 20 УПК РФ, то можно отметить, что основанием прекращения уголовного дела частного обвинения по данной статье также выступает примирение с потерпевшим, однако, понятие и содержание процедуры примирения с потерпевшим в данной статье отсутствует. Учитывая данный факт, это дает возможность понимать под понятием «примирения с потерпевшим» любое примирение потерпевшего и виновного лица, не относящееся к возмещению причиненного материального или морального вреда. Как отмечают авторы, при этом используется системное толкование части 2 статьи 20, статья 25 УПК РФ, а также статья 76 УК РФ.

Как отмечает Матвеева Я. М. в своей работе, изучение материалов судебной практики показывает, что судьями, разрешающими вопрос о применении ч. 2 ст. 20 УПК РФ, чаще всего, не конкретизируется положение о том, в чем выразилось примирение с потерпевшим. Однако, по мнению автора, данный вопрос является немало важным и требует правильного урегулирования со стороны государства.

Таким образом, во избежание совершения ошибок в правоприменительной практике относительно правильности применения при совершении процедуры примирения с потерпевшим статей УК РФ и УПК РФ, учеными предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснениями по данному вопросу. Так, по делам частного обвинения статья 76 УК РФ подлежит применению в тех случаях, когда потерпевший настаивает на возмещении причиненного вреда. В иных случаях, когда потерпевший примирился с обвиняемым, делачастного обвинения подлежат прекращению на основании части 2 статьи 20 УПК РФ. При этом, по данной статье подлежат прекращению уголовные дела частного обвинения даже в том случае, если обвиняемый совершил преступление не впервые. Втаких случаях не допускается

отказ в прекращении уголовного дела всоответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, на том основании, что по требованиюст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, преступление должно быть совершеновпервые [3, с. 92-93].

Еще одним важным вопросом заслуживающим внимание при рассмотрении и изучении данного правового института является проблема возмещения вред причиненного потерпевшему при совершении преступления, так как данное условие наряду с примирением с потерпевшим является одним из обязательных для выполнения виновным лицом. Как определил Верховный Суд Российской Федерациив пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, способы заглаживания вреда и размер возмещения такого вреда определяются исключительно потерпевшим [5].

Как отмечают авторы, исследовавшие судебную практику по данном вопросу, следует считать правильной аргументацию суда о том, что факт примирения потерпевшего с виновным характеризует только их взаимоотношения и не лишает потерпевшего права обратиться в суд с иском о компенсации морального вредав соответствии с пунктом 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Принимая к сведению данное положение в таких случаях не возникает сомнений в законности предъявления и удовлетворения иска о возмещении вреда. Вместе с тем до сих пор остается не ясным вопрос о том, каким образом разрешать спор, когда подобного рода иск предъявляет потерпевший к обвиняемому, который был освобожден от уголовной ответственности на основании статьи 76 УК РФ.

Учитывая вышеизложенное, процедура освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим становится возможной только лишь в том случае, когда лицо, подлежащее уголовной ответственности, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред. Следует также подчеркнуть, что в тот момент, когда потерпевший примиряется с лицом, подлежащим уголовной ответственности и принимает от него возмещение вреда тем способом и в том размере, которые потерпевший установил самостоятельно, он лишается права требовать дополнительного возмещения вреда в гражданском судопроизводстве. Однако данное положение не урегулировано на законодательном уровне, и как указывалось ранее, суды в постановлениях об освобождении от уголовной ответственности, зачастую не конкретизируют, какой именно вред был причинен и возмещен потерпевшему. Следует согласиться с мнением авторов, которые отмечают, что отсутствие такого указания может на практике приводить к таким случаям, когда потерпевший сможет получить денежную компенсацию не только в рамках уголовного процесса, но и в рамках гражданского судопроизводства, и, формально, суд, удовлетворяющий такой иск, будет прав.

Таким образом, с целью предотвращения возможных злоупотреблений со стороны потерпевшего, считается необходимым включить соответствующее разъяснение в Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Следует указать, что в случаях освобождения от уголовной ответственности по основаниям, связанным с возмещением причиненного преступлением вреда, судам в постановлениях об освобождении от уголовной ответственности следует указывать, какой вред был причинен преступлением и какой вред (имущественный и (или) моральный, иной вред) и в каком объеме был возмещен[3, с. 96-98].

Подводя итог можно отметить, что анализ существующего правового регулирования и правоприменительной практики в отношении правового института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим позволяет прийти к выводу о существовании ряда актуальных проблем, которые требуют грамотного разрешения в связи с отсутствием единообразия практики их применения.

Учитывая вышеизложенное, для исключения возможных ошибок в толковании соответствующих законодательных положений и их применении возникает необходимость внесения соответствующих изменений, оговоренных в настоящей

работе в тексты УК РФ и УПК РФ, а также действующее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эсенбулатова Э.Х., Гаджибекова Ф.Б.Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: проблемы теории и законодательства / Э.Х. Эсенбулатова, Ф.Б. Гаджибекова // Проблемы науки. – 2019. – №10. – С. 59-61.
2. Батчаева А.А. Принципиальный подход к процедуре примирения: теория и практика / А.А. Батчаева // Юридические исследования. – 2022. – №12. – С.44-52.
3. Матвеева Я.М. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: по материалам судебной практики / Я.М. Матвеева // Российское правосудие. – 2015. –№1. – С. 92-98.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующегооснования и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013.– № 8.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH RECONCILIATION WITH THE VICTIM: ACTUAL PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. This scientific work is devoted to the study of the legislative regulation of such an important institution in criminal law and process as exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. The features of the practical application of this procedure are carefully considered, which allows us to identify a number of specific problems associated with its implementation. Comparing the provisions of the articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the legal institution in question, the author tries to identify a number of problems that arise in practice and suggests ways to solve them. The study of modern practice and scientific literature allowed us to draw conclusions about the existence of problems in law enforcement practice, the possible solution of which is proposed in this article.
Keywords: crime, institution of exemption from criminal liability, reconciliation with the victim, compensation for damage.

Lomtev D.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: den.lomtev@inbox.ru

УДК 340

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Макарова К.
Научный руководитель: Камарали А.В., к.ф.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются актуальные вопросы соотношения права и справедливости. Выявлены основные проблемы соотношения этих категорий, обозначено место справедливости в праве как морально-нравственной и правовой категории.
Ключевые слова: справедливость, право, принцип справедливости, мораль, законность.

Проблема соотношения права и справедливости существовала всю историю правового регулирования и в настоящий момент приобретает наиболее актуальное значение.

Именно в периоды смены государственного курса, реформирование правового регулирования общественных отношений, перестройки государственного устройства особо остро стоит вопрос соотношения права и справедливости. В разное время этому вопросу уделяли внимание Т.И. Филимонова, Т.Н. Радько и др.

Важное значение в укреплении права играют его принципы, т.е. основные начала и идеи. Абсолютное большинство учёных и российский законодатель предлагают понимать справедливость как один из принципов права.

Справедливость синонимирует со словами должное, беспристрастное. Справедливость права обозначает соответствие между поведением субъекта права и тем, каким образом право воздействует на него. Причем выявить эту справедливость можно лишь в контексте воздействия права на большие группы людей последовательным, единообразным образом.

Справедливость, являясь одной из этических категорий, можно отнести к социальным регуляторам общественных отношений, возникшим ещё до появления права. Понятия морали, нравственности и справедливости издревле выступали неким «стабилизатором» общественных отношений, который балансировал поведение людей в социуме. Признаваясь важным принципом общественного порядка и общественной безопасности принцип справедливости закрепился и в правовой норме, которая призвана обеспечить беспристрастное влияние права на своих субъектов.

Принцип справедливости можно найти и в других правовых нормах, которые хоть и не содержат прямого указания на таковой, но негласно подразумеваются. Например, принципы равенства всех перед законом, единства прав и обязанностей непосредственно являются выражением принципа справедливости, сущность которого также состоит и в том, что все граждане имеют равные правовые возможности.

Являясь общепризнанным принцип справедливости закреплен и неоднократно упоминается в текстах деклараций ООН. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН обязывает государства стремиться к скорейшему и справедливому урегулированию своих международных споров путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору [1].

Категория справедливости обозначается важнейшим принципом на самом высоком уровне правоотношений, преувеличить его значимость невозможно. Все принципы права направлены на справедливое правосудие, что подтверждает его главенствующее значение в праве.

Очень тесно с понятием справедливости граничит понятие истины. В свое время, рассматривая соотношение справедливости и истины, Н.Н. Вопленко подчеркивал, что «истина дает правильность понимания фактов, норм и состояний, в то время как справедливость предлагает меру регулирования и оценки общественных отношений путем ориентирования познавательной и преобразующей человеческой деятельности на идеалы морали и права» [2, с. 112].

В таком контексте правильным будет сказать, что справедливость выступает мерилом истины. Право в любом демократическом правовом государстве является верховным институтом, который обеспечивает и гарантирует защиту всех прав и интересов человека (не зря резюмируется верховенство права), а значит, выступает истиной.

В первом политическом трактате «Слово о законе и благодати» митрополит Иларион представляет проблему соотношения Закона и Истины. Они не противопоставлены друг другу, а взаимодействуют в определенной последовательности. Закон, по Илариону, разобщает народы, возвышая одни и

принижая другие. Истина, напротив, универсальна и тождественна благодати, которая убирает одностороннее восприятие закона [3].

Право и справедливость есть неотъемлемые части построения демократического правового государства. Как мы уже указали, справедливость – один из первостепенных принципов права. Таким образом, право тогда является справедливым, когда оно основано на моральных устоях общества, выполняет свою социальную функцию, обеспечивает защиту и безопасность социальных условий общества. В этом смысле с правом соотносится также и нравственность, и мораль.

В.П. Малахов, исследуя вопрос соотношения права с данными этическими категориями отмечает, что «право и нравственность как формы действительности нельзя разделить. Они не одна другую укрепляют, выражают и не как форма и содержание связаны, а предстают как двуединство задач человеческой жизни в обществе. Они качественно различаются на уровне целей, но не ценностей. Между ними – функциональные различия, а не структурные и не сущностные» [4, с. 348]. Тем не менее, по нашему мнению, данная трактовка права и нравственности не совсем отражают объективную реальность.

Нравственность – это область практических поступков, практического поведения каждого отдельного субъекта, которые совершаются исходя из субъективных качеств человека, которыми он руководствуется в своем выборе. В то же время, право выступает формальным идеалом, общим «субъективным качеством» большой группы людей, которыми они должны руководствоваться для нормальной жизнедеятельности в обществе.

Напротив, право и справедливость как мера регулирования, категории, имеющие общую цель и ценность – объективное регулирование общественных отношений, воздействие на поведение людей.

Безусловно, право само по себе не может быть несправедливым. В случаях, когда норма права перестаёт быть таковой она либо отменяется, либо является недействующей.

Есть необходимость в определении места понятий объективного права и субъективной справедливости. Справедливость нельзя выразить в какой-либо материальной мере, а соответственно мнение о справедливости – субъективно. То, что справедливо для одного, не справедливо для другого. В свою очередь, право действует для больших масс и призвано одинаково равно действовать для всех людей на всей территории государства независимо от субъективного фактора.

Как отмечает Филимонова Т.И. «справедливость как особое качество, присущее праву, может выступать в качестве определенной меры, при которой требование и воздаяние согласуются, соизмеряются, выражая оптимальное сочетание интересов индивидов, коллективов (группы), общества (государства), в целом степень их защищенности в праве» [5]. И с этим нельзя не согласиться. Право справедливо тогда, когда выражает интересы большинства.

Если закон отражает интересы меньшинства, он не может являться правом, так как не отражает интересы всего общества или его большинства. Когда закон направлен на интересы меньшинства, то, таким образом, становится несправедливым, нарушая равенство граждан.

Актуальным остаётся и в наши дни принцип римского права «права одного человека заканчиваются там, где начинаются права других людей». Провозглашая собственные права и интересы и требуя, чтобы на них не покушались, субъект права обязан уважать права и интересы других субъектов, на которые он не должен покушаться.

Следует отметить, что даже справедливая норма может повлечь её несправедливую реализацию. Реализация права осуществляется через следующие формы: соблюдение, исполнение, использование и применение норм права.

Ценность справедливости, а через неё ценность и самого права проявляется в правоприменении. Рассматривая применение юридической ответственности, в которой участвуют различные субъекты права: граждане, организации, государственный органы, следует отметить, что конечная точка зависит от уровня правосознания этих субъектов. Таким образом, недобросовестное применение норм права может повлечь несправедливость в правоотношениях.

Наиболее простым примером применения нормы права, имеющее субъективный характер, выступает деятельность судьи. Несмотря на обязанность судьи быть беспристрастным и объективным, при принятии решения он руководствуется собственными убеждениями и голосом совести.

С точки зрения различных субъектов этих правоотношений результат также может оцениваться по-разному: для одного субъекта оно покажется справедливым, а для другого – напротив. Имеет место оценочный характер справедливости. Однако справедливость юридическая лежит на плечах субъекта, представляющего закон.

Здесь необходимо привести классификацию справедливости профессора Т. Н. Радько. Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью говорить о том, что понятие справедливости нельзя отнести только к нравственной либо только к правовой категории. И в одном, и другом поле оно занимает своё законное место. На этом основании Т.Н. Радько наравне с «социальной справедливостью», «человеческой справедливостью» и другими выделяет так называемую «юридическую справедливость». Это значит, что право не должно допускать произвол, становиться инструментом одного класса или группы людей, должно воздавать должное правонарушителю, не позволять одним наживаться за счет других, допускать незаслуженное обогащение – в этом будет заключаться справедливость права [6, с. 264–265].

Строгое соблюдение принципа справедливости обеспечивает объективный, всесторонний подход к решению вопроса о юридической ответственности. Законность в сфере юрисдикционного процесса, неуклонное проведение в жизнь ее гарантий способствуют тому, чтобы принимаемые судьей решения были законными, обоснованными и справедливыми.

Соблюдение законности и справедливости имеет особое значение в реализации права. Важное значение в укреплении законности играют её принципы, т.е. основные начала и идеи, в том числе и принцип справедливости.

Содержание принципа справедливости в праве выражается через требования:

1. Способность разрешать противоречия между субъектами общественных отношений на основе единства личных и общественных интересов.

2. Адекватность наказания по отношению к совершенному правонарушению.

3. Отсутствие обратной силы закона, устанавливающего или усиливающего ответственность.

4. Одна ответственность соответствует одному правонарушению.

Таким образом, справедливость играет огромную роль в современном праве. Конечной целью права является торжество справедливости. Право всегда стремится к справедливости и представить его без этой категории невозможно. Ещё много лет назад люди ориентировались и жили по общечеловеческим законам, основанным на морали, нравственности, справедливости, понятиях добра и зла.

Право и справедливость есть неотъемлемые части построения демократического правового социального государства. На сегодняшний день принцип справедливости, являясь основой всей правовой системы, гарантирует равные правовые возможности для человека.

Справедливость является как нравственной, так и правовой категорией. Соответственно необходимо разделять понятия «человеческая справедливость» и

«юридическая справедливость»: первое выступает категорией субъективной, а второе – объективной. В первом случае, результат правового регулирования для каждого субъекта может показаться справедливым либо же несправедливым. При «юридической справедливости» право представляет интересы всего общества.

Право справедливо в том лишь случае, когда выражает интересы большинства. Если закон отражает интересы меньшинства, он не может являться правом, так как не отражает интересы всего общества или его большинства, нарушает равенство граждан. Не меньшее значение имеет справедливая реализация права при соблюдении объективности и беспристрастности уполномоченными субъектами. Поэтому право должно отражать интересы общества, а представители на местах обеспечивать его справедливую реализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций : принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 окт. 1970 г.[Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 09.10.2022).
2. Вопленко Н. Н. Истина и справедливость: проблемы взаимосвязи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 102—113.
3. Иларион Киевский «Слово о законе и благодати»[Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868(дата обращения: 09.10.2022).
4. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. М., 2009. 391 с.
5. Филимонова Т.И. Проблемы соотношения права и справедливости применительно к институту административной ответственности // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2012/01/6649 (дата обращения: 09.10.2022).
6. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2010. 752 с.

PROBLEMS OF CORRELATION OF LAW AND JUSTICE

Annotation. This paper discusses topical answer of the relationship between law and justice. The main problems of the correlation of these categories are revealed, the place of justice in law as a moral and legal category is indicated.
Keywords: justice, law, principle of justice, morality, legality.

Makarova K.
Scientific adviser: Kamarali A.V., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail:ms.katerina.makarova@mail.ru

УДК 347.763.3

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА И ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Малышко Н.А.
Научный руководитель: Олейникова А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе проведен сравнительный правовой анализ договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции и выявлены их отличия. Были применены такие методы исследования как логический метод, метод сравнительного правоведения, контент-анализ. Автором был сделан вывод о том, что обязанности экспедитора являются более обширными по сравнению с обязанностями перевозчика, а ответственность экспедитора за нарушение своих обязательств по

договору транспортной экспедиции значительнее, чем ответственность перевозчика по договору перевозки груза.
Ключевые слова: договор перевозки груза, договор транспортной экспедиции, перевозчик, экспедитор.

В современных рыночных условиях грузооборот постоянно растет, что обусловливает актуальность грузовых перевозок. Для перевозки груза из одного пункта в другой грузоотправитель обращается в транспортную организацию для согласования основных условий перевозки (сроков и количества транспортных средств, необходимых для перевозки, а также объемов и характера перевозимых грузов) и заключения договора перевозки груза. Однако достаточно часто договор перевозки груза транспортные организации или грузоотправители путают с договором транспортной экспедиции. Более того, иногда данные договоры даже не отличают друг от друга, хотя они имеют разное содержание, особенно основания и условия ответственности за причиненные убытки. Поэтому целью данной статьи является проведение сравнительного правового анализа договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции и выявление их отличий.

На основании ч.1 ст. 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) договор перевозки груза является соглашением, в силу которого перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (грузополучателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату [1]. Предметом договора перевозки груза выступает транспортная услуга по доставке в пункт назначения вверенный перевозчику груз с последующей их передачей лицу, имеющему право на получение такого груза.

В соответствии с ч.1 ст. 801 ГК РФ по договору транспортной экспедиции экспедитор, который выступает как профессиональный посредник между клиентом и перевозчиком, обязуется за вознаграждение и за счет клиента (грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором услуг, связанных с перевозкой груза. Предметом договора транспортной экспедиции является оказание комплекса транспортно-экспедиционных услуг.

Следует отметить, что в приведенной правовой норме предмет договора транспортной экспедиции четко не определен, он устанавливается посредством перечисления услуг, которые могут исполняться экспедитором. Данные услуги, согласно абз. 2 и 3 ч.1 ст. 801 ГК РФ, делятся на основные и дополнительные, при этом критерий деления экспедиционных услуг законодателем не установлен.

При оказании основных услуг экспедитор исполняет предусмотренные договором обязанности по организации перевозки груза транспортом и по маршруту, избранными экспедитором или клиентом, по заключению от имени клиента или от своего имени договора (договоров) перевозки груза, по обеспечению отправки и получения груза, а также другие обязанности, связанные с перевозкой.

В качестве дополнительных экспедиционных услуг договором могут быть возложены на экспедитора обязанности по получению требующихся для экспорта или импорта документов, выполнению таможенных и иных формальностей, проверке количества и состояния груза, погрузке и выгрузке груза, уплате пошлин, сборов и других расходов, возлагаемых на клиента, хранению груза, получению груза в пункте назначения, выполнению иных операций и услуг, предусмотренных договором. Перечень экспедиционных услуг, приведенный в ст. 801 ГК РФ, является неисчерпывающим. Однако конкретный перечень услуг и операций, который необходимо будет исполнить экспедитору, обязательно должен быть согласован сторонами и прописан в договоре транспортной экспедиции.

С учетом положений ст. 785 и ст. 801 ГК РФ, можно сделать вывод, что основное различие указанных договоров состоит в том, что целью договора перевозки является

регулирование правоотношений именно по транспортировке груза в пункт назначения, обеспечению сохранности груза и выдаче его управомоченному на получение груза лицу, в то время как цель договора транспортной экспедиции заключается в регламентации целого комплекса услуг по организации и обеспечению процесса перевозки груза. Смысл договора транспортной экспедиции заключается в том, чтобы освободить грузоотправителей и грузополучателей от осуществления не свойственных им операций по организации и сопровождению грузоперевозочного процесса, в частности от упаковки, маркировки, погрузки и выгрузки груза и других операций.

В отличие от договора перевозки, экспедитор по договору транспортной экспедиции не принимает на себя обязанность доставить груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу, он обязуется выполнить или организовать выполнение определенных услуг, связанных с перевозкой груза. В случае, если экспедитор принимает на себя ещё и обязательство по доставке груза, то это подразумевает, что стороны заключили смешанный договор, включающий элементы договора перевозки груза и договора транспортной экспедиции.

Подтверждением заключения договора перевозки груза согласно ч. 2 ст. 785 ГК РФ выступает транспортная накладная (коносамент или другой документ на груз, предусмотренный соответствующим транспортным уставом или кодексом), которая составляется грузоотправителем и выдается перевозчику одновременно с передачей ему соответствующего груза. Транспортная накладная содержит все существенные условия договора перевозки груза и, по сути, представляет собой его письменную форму. Транспортная накладная может являться товаросопроводительным документом при перевозках грузов железнодорожным транспортом, при внутренних водных перевозках и воздушных перевозках груза. Коносамент не только подтверждает факт заключения договора морской перевозки груза, но и является товарораспорядительным документом (ценной бумагой).

В соответствии со ст. 802 ГК РФ при заключении договора транспортной экспедиции должна быть соблюдена простая письменная форма. Если для выполнения своих обязанностей экспедитору необходима доверенность (например, для заключения договоров перевозки и совершения иных юридических действий от имени клиента), то клиент обязан ее выдать. При этом доверенность не является письменной формой договора транспортной экспедиции, однако может служить одним из доказательств его заключения. Письменными доказательствами заключения договора транспортной экспедиции выступают прежде всего экспедиторские документы, являющиеся неотъемлемой частью договора транспортной экспедиции, среди которых выделяют:

1) поручение экспедитору, определяющее перечень и условия оказания экспедитором клиенту транспортно-экспедиционных услуг в рамках договора транспортной экспедиции, и которое должно содержать достоверные и полные данные о характере груза, его маркировке, весе, объеме, а также о количестве грузовых мест;

2) экспедиторская расписка, подтверждающая факт получения груза экспедитором от клиента либо от указанного им грузоотправителя, и которая выдается экспедитором клиенту при приеме груза и предоставляет экспедитору право владения грузом до момента передачи груза клиенту либо указанному им грузополучателю после окончания перевозки;

3) складская расписка, подтверждающая факт принятия экспедитором у клиента груза на складское хранение.

Договор перевозки груза по своей юридической природе является реальным, возмездным и двусторонним. Данный договор считается заключенным с момента передачи груза перевозчику грузоотправителем при условии, что перевозчик принял этот груз. Однако если договор перевозки груза заключается в связи с необходимостью осуществления систематических перевозок грузов и носит долгосрочный характер,

договор перевозки будет считаться консенсуальным. Консенсуальным договором является также предусмотренный ст. 787 ГК РФ договор фрахтования (чартер), согласно которому фрахтовщик обязуется предоставить фрахтователю за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.

Провозная плата за перевозку груза согласно положениям статьи 790 ГК РФ устанавливается по соглашению сторон. В случаях, когда груз перевозится транспортом общего пользования, провозная плата определяется на основании тарифов, предусмотренных транспортными уставами и кодексами.

Сторонами договора перевозки груза являются перевозчик и грузоотправитель. В качестве третьего лица в договоре перевозки участвует грузополучатель, который не участвует в заключении договора (за исключением случаев, когда грузоотправителем и грузополучателем выступает одно и то же лицо), но управомочен получать груз. В связи с этим договор перевозки является договором в отношении третьего лица. Требование грузополучателя выдать ему груз возникает из другого договора, по которому он является контрагентом грузоотправителя (к примеру, из договора купли-продажи, лизинга и др.) и предусматривающий переход к грузополучателю права владения или собственности на груз путем его доставки по адресу приобретателя. Исключением является только договор морской перевозки груза, который оформляется коносаментом (ценной бумагой). Требовать выдачи груза вправе только держатель коносамента на предъявителя или лицо, которое указано в коносаменте, а само право требования возникает с момента выдачи этой ценной бумаги. Таким образом, договор морской перевозки груза, оформляемый коносаментом (ценной бумагой), не является договором в пользу третьего лица, поскольку перевозчик несет обязанности не перед отправителем, а непосредственно перед грузополучателем.

Договор транспортной экспедиции является возмездным, двусторонним и консенсуальным. Даже если экспедитор выступает в качестве перевозчика и выполняет экспедиционные услуги с переданным ему грузом, договор транспортной экспедиции не становится реальным, поскольку само получение груза от клиента представляет собой исполнение обязательств из консенсуального договора транспортной экспедиции, а возложение на перевозчика обязанностей по транспортно-экспедиционному обслуживанию также возможно лишь при наличии соглашения между ним и грузоотправителем (грузополучателем) [2, с.745].

Договор транспортной экспедиции сочетает в себе элементы различных договоров (перевозки, поручения, хранения, комиссии и др.), но при этом является отдельным видом гражданско-правовых договоров об оказании услуг, к которому не применяются правила указанных договоров.

В качестве сторон договора транспортной экспедиции выступают экспедитор и клиент. Экспедитором могут быть специализированные коммерческие организации, индивидуальные предприниматели, осуществляющие транспортно-экспедиционное обслуживание, непосредственно сам перевозчик. Отдельные виды деятельности экспедитора, осуществляемые им в рамках договора транспортной экспедиции, могут в соответствии с действующим законодательством подлежать лицензированию. В роли клиента выступает грузоотправитель или грузополучатель, которыми могут являться юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане-потребители, которым выполнение экспедиционных услуг необходимо для удовлетворения личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В силу ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (далее – ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности») на правоотношения по договору транспортной экспедиции распространяется действие Закона РФ «О защите прав

потребителей» в том случае, если экспедитор оказывает услуги гражданам для удовлетворения их личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [3]. В отличие от договора перевозки, договор транспортной экспедиции может заключаться не только с грузоотправителем, но и с грузополучателем.

Следует сказать, что права, обязанности и ответственность перевозчика и экспедитора во многом похожи, однако имеются небольшие отличия.

Из смысла п.21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26) следует, что перевозчик вправе, но не обязан проверять достоверность и полноту документов, предоставляемых грузоотправителем и необходимых для беспрепятственной перевозки груза, в том числе документов, которые предусмотрены санитарными, таможенными, карантинными и другими правилами согласно законодательству Российской Федерации. Все риски, связанные с отсутствием у перевозчика указанных документов, несет грузоотправитель. Также отправитель груза по общему правилу несет обязанность по возмещению убытков, причиненных перевозчику, в частности суммы, выплаченные перевозчиком иным лицам в связи с отсутствием, недостоверностью или неполнотой необходимых для беспрепятственной перевозки груза документов [4].

Согласно ч. 4 ст. 4 ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» экспедитор обязан при приеме груза проверить достоверность представленных клиентом необходимых для транспортировки груза документов, информации о свойствах груза, об условиях его перевозки и иных сведений, необходимых для исполнения экспедитором своих обязанностей, а также соответствие информации, указанной в документах, условиям перевозки. Следовательно, при заключении договора транспортной экспедиции, по которому экспедитор должен осуществлять проверку документов и сведений, необходимых для исполнения им своих обязанностей, ответственность перед отправителем груза за вред, возникший в связи с отсутствием или неполнотой документации, несет именно экспедитор.

Перевозчик в силу ч. 4 ст. 790 ГК РФ вправе удерживать вверенный ему груз до получения причитающихся ему провозной платы, других платежей по перевозке либо до надлежащего исполнения обязательств грузоотправителем или грузополучателем. Однако нормативными правовыми актами или договором перевозки груза может быть предусмотрен запрет на удержание груза перевозчиком.

Экспедитор на основании ч. 3 ст. 3 ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» вправе удерживать груз только в том случае, если это прямо предусмотрено договором транспортной экспедиции. В такой ситуации клиент оплачивает все расходы, связанные с удержанием груза, и несет ответственность за порчу груза, возникшую во время удержания.

Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 перевозчик не отвечает за несохранность груза вследствие его утраты, недостачи или повреждения (порчи), которые произошли вследствие ненадлежащей упаковки груза грузоотправителем, поскольку именно на грузоотправителе лежит обязанность по надлежащей подготовке груза для обеспечения сохранности груза и недопущения повреждения транспортного средства, контейнера. Однако в случаях, если перевозчик обязался самостоятельно упаковать груз либо при приеме груза недостатки упаковки были явными или известными перевозчику из сведений, предоставленных грузоотправителем, но при этом перевозчик не указал об этом в транспортной накладной, перевозчик будет нести ответственность.

Экспедитор в свою очередь обязан проверить, надлежащим ли образом упакован груз, соответствует ли упаковка груза информации о свойствах груза, условиях его перевозки, предоставленной клиентом. Поэтому на экспедиторе лежит риск утраты, недостачи, повреждения (порчи) груза, возникших в результате ненадлежащей упаковки груза, если экспедитор принял груз от клиента и не сделал в транспортном документе никаких пометок о ненадлежащей упаковке груза.

Договор перевозки груза по общему правилу может быть расторгнут по соглашению сторон. Односторонний отказ от исполнения договора допускается в случае существенного нарушения договора перевозки груза другой стороной, в результате чего ей причиняется такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что рассчитывала при заключении договора, а также в случаях, предусмотренных ГК РФ, транспортными уставами и кодексами. К примеру, грузоотправитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору перевозки груза, если перевозчик предоставит непригодные для перевозок соответствующего груза транспортные средства или контейнеры, либо предоставит их в пункт погрузки с опозданием. Перевозчик имеет право отказаться от исполнения договора перевозки в одностороннем порядке в случае, если грузоотправитель не предъявит груз для перевозки.

На основании ст. 806 ГК РФ экспедитор и клиент вправе в любое время отказаться от исполнения своих обязательств по договору транспортной экспедиции в одностороннем порядке, однако необходимо уведомить об этом другую сторону в разумный срок и возместить ей причиненные расторжением договора убытки.

Перевозчик по договору перевозки груза несет ответственность за нарушение срока доставки груза, за неподачу транспортных средств и за несохранность груза вследствие его утраты, недостачи или повреждения (порчи). Необходимо указать, что такая ответственность носит ограниченный характер: перевозчик обязан возместить только реальный ущерб или его часть (упущенную выгоду он не должен возмещать) либо выплатить неустойку.

Экспедитор несет ответственность перед клиентом в полном объеме за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора транспортной экспедиции в случае, если он заключил договор перевозки от своего имени. Если экспедитор докажет, что он нарушил свои обязательства в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств перевозчиком по договору, заключенному с ним экспедитором от своего имени, то экспедитор согласно ч. 2 ст. 803 ГК РФ будет нести ограниченную ответственность перед клиентом (аналогично тому как несет ответственность перевозчик перед клиентом) или даже может быть полностью освобожден от нее. Однако это будет исключением из общего правила. В том случае, когда договор перевозки заключен экспедитором от имени клиента по доверенности, перед клиентом несет ограниченную ответственность перевозчик.

В соответствии с п.25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 экспедитор будет отвечать за несохранность груза вследствие его утраты, недостачи или повреждения (порчи) в случаях, когда он фактически перевозил груз своими личными транспортными средствами или выдал экспедиторскую расписку клиенту, либо другим способом выразил свое намерение гарантировать сохранную доставку груза, в частности принял на себя ручательство за исполнение договора перевозки.

При этом следует иметь ввиду, что на основании ст. 12 ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» в случае возникновения споров клиента с экспедитором перед подачей искового заявления необходимо соблюсти претензионный порядок для их урегулирования, за исключением претензий граждан, которым экспедиционные услуги оказывались для удовлетворения личных, семейных, домашних и других нужд,

не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, поскольку на них распространяется законодательство о защите прав потребителей.

Проанализировав договор перевозки груза и договор транспортной экспедиции, можно сделать вывод, что обязанности экспедитора являются более обширными по сравнению с обязанностями перевозчика, а ответственность экспедитора за нарушение своих обязательств по договору транспортной экспедиции более строже, чем ответственность перевозчика по договору перевозки груза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 08.02.2023). – Загл. с экрана.
2. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.
3. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: https://www.consultant.ru. (дата обращения: 09.02.2023). – Загл. с экрана.
4. О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: https://www.consultant.ru. – Дата обращения: 11.02.2023. – Загл. с экрана.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CARGO TRANSPORTATION CONTRACT AND TRANSPORT EXPEDITION CONTRACT

Annotation. In this work, a comparative legal analysis of the cargo transportation contract and the transport expedition contract was carried out and their differences were revealed. Such research methods as logical method, comparative law method, content analysis were applied. The author concluded that the obligations of the freight forwarder are more extensive than those of the carrier, and the liability of the freight forwarder for violating its obligations under the transport expedition contract is more stringent than that of the carrier under the cargo transportation contract.
Keywords: cargo transportation contract, transport expedition contract, carrier, forwarding agent.

Malyshko N.
Scientific adviser: Oleinikova A.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: natahamal2003@gmail.com

УДК 347.94

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Марченко А. А.
Научный руководитель: Цыба Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию сущности доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях с позиции теории информации. В результате анализа позиций ученых по данному вопросу, автором определено содержание доказательств в производстве по делу об административном правонарушении, установлена сущность теории информации, которая позволяет рассматривать доказательство как систему информации об обстоятельствах совершения административного правонарушения.
Ключевые слова: доказательства, производство по делам об административных правонарушениях, собирание, процессуальное закрепление.

Доказывание позволяет установить вину лица в совершении административного правонарушения. Доказанность факта совершения правонарушения, в свою очередь, является основанием для привлечения к административной ответственности. Таким образом, институт доказывания является одним из центральных во всей отрасли административного права. Доказывание осуществляется посредством сбора доказательства, их проверки и оценки, с целью установления механизма совершения правонарушения, виновного в его совершении и привлечении такого лица к административной ответственности. Стоит отметить, что доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях становилось предметом исследования множества представителей доктрины административного права. Тем не менее, остается недостаточно исследованным, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии, вопрос о сущности доказательств в административном праве. Считаем необходимым отметить, что данный вопрос является центральным в контексте доктринального и теоретического исследования доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Исследование данного вопроса также имеет и практическое значение. Так, установление единства позиций среди ученых по исследуемому вопросу позволит установить единообразную практику правоприменения, понимания сущности доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Таким образом, актуальность выбора темы обусловлена практической и теоретической значимостью вопроса, существованием многообразия позиций, которые обуславливают дискуссионность в вопросе сущности доказательств в производстве по делам об административных правонарушения.

Сущность доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях было предметом исследования множества представителей доктрины административного права, однако в рамках настоящего исследования, представляется справедливым выделить таких ученых как Бахрах Д.Н., Демидова И.Н., Петровых В.Л., Филиппова О.А. и др.

Целью данной научной статьи следует считать изучение сущности доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях с позиции теории информации.

Начиная исследование центрального вопроса данной научной статьи, следует выделить утверждение О.А. Филипповой, которая отмечала, что установление механизма административного правонарушения, невозможно без деятельности уполномоченных органов государственной власти, которые в рамках обязаны собрать, оценить и проверить доказательства [1, с. 181]. Данным утверждением автор отметила познавательный и удостоверительный характер деятельности указанных уполномоченных органов власти. Обоснованным представляет указание автора на то, что действующим законодательством, существующими правовыми механизмами невозможно детально регламентировать, детализировать мыслительный процесс должностного лица в процессе собирания доказательств. Считаем данную позицию обоснованной, поскольку мыслительный процесс невозможно описать правовой нормой, в силу его сложности и многоаспектности, а также недостаточной исследованности. Данный вопрос также был предметом исследования Ф.П. Васильева, который придерживался позиции о том, что доказывание следует рассматривать в контексте изложения общих законов логики, которые находят отражение в рамках мыслительной деятельности, которая осуществляется в рамках психологических индивидуальных закономерностей [2, с. 122]. Таким образом, правовая норма может отражать только наиболее общие закономерности логики, которые функционируют в процессе доказывания. Считаем справедливым согласиться с данной позицией, поскольку правовая норма строится на принципах юридической техники, которая способна регулировать не мыслительную деятельность индивидуума, а ту или иную

сферу общественных отношений. Нормативный правовой акт может лишь установить процессуальные рамки доказывания, определить пределы и границы, сущность доказательств и т.п. При этом, в действующей доктрине административного права существует огромное многообразие позиций, которые определяют невозможность установления единства, необходимого для совершенствования практики правоприменения.

Среди многообразия позиций по вопросу сущности доказательств, следует выделить определение Д.Н. Бахрах, который предлагал понимать под доказательствами в административном праве информацию, фактические данные, на основании которых представляется возможным установить механизм совершения административного правонарушения [3, с. 155]. Из определения автора следует вывод, что в основе определения доказательств лежит такая категория как «любые фактические данные». Содержание данной категории целесообразно исследовать посредством выделения позиций в современной правовой доктрине. Так, отметим утверждение И.Н. Демидова, который придерживался позиции о том, что под «любыми фактическими данными» следует понимать совокупность сведений, которые позволяют сформировать у должностного лица представление о фактических обстоятельствах совершения административного правонарушения [4, с. 147]. Важным критерием фактических данных, указанных в определении Д.Н. Бахрах, также следует считать наличие в них доказательственного значения, что позволяет установить вину лица и обстоятельства совершения правонарушения.

Доказательство по своей сущности является отражением тех или иных обстоятельств совершения правонарушения в материальном мире. Следовательно, доказательство представляет собой индивидуальный след, который должен быть собран, проверен и оценен уполномоченным должностным лицом. В свою очередь, уполномоченное должностное лицо обязано зафиксировать в процессуальной форме указанные фактические сведения, с целью дальнейшего формирования представления о фактических обстоятельствах совершения административного правонарушения.

В процессе собирания, проверки, фиксирования и оценки доказательств существенное влияние оказывает процесс восприятия, которое характеризуется субъективизмом. Процессуальный документ, составленный после сбора доказательств, является субъективным отражением восприятия сущности такого доказательства должностным лицом. Соответственно, протокол, который приобщается к материалам дела, отражает не факт объективной действительности и материального мира, а сведение о восприятии такого доказательства должностным лицом. Собранные доказательства по делу, устанавливают границы и обязанности поведения уполномоченного должностного лица. В обоснование данному выводу, справедливо отметить позицию М.К. Треушникова, который утверждал, что собранные доказательства определяют правила поведения уполномоченного должностного лица в сфере рассмотрения дела об административном правонарушении, поскольку содержание данных доказательств является важной составляющей формирования представления должностного лица об обстоятельствах совершения правонарушения [5, с. 215].

В.Л. Петровых обращает внимание на следующую особенность доказывания. Так, на начальном этапе производства по делу об административном правонарушении, уполномоченное должностное лицо не имеет возможности определить, какие данные являются доказательством. Собирание всех доказательств позволяет сформировать объективное представление об обстоятельствах совершения правонарушения, в то время, как на начальном этапе, объективная познавательная деятельность, направленная на выявление доказательств невозможна [6, с. 15]. Считаем данную позиции недостаточно обоснованной, поскольку введение законодателем понятия

любые фактические данные означает познавательную деятельность, которая обеспечивает возможность собирания доказательств по делу. На начальном этапе производства, должностное лицо не может сделать обоснованный вывод о значении полученных доказательств. Объективность такая проверка и оценка может получить только при совокупной оценке доказательства с иными фактическими данными об обстоятельствах совершения правонарушения. Следовательно, из указанного возможен вывод о том, что использование законодателем слова «любые» определяет обязанность должностного лица собирать все доказательства, которые позволят сформировать представление об обстоятельствах совершения правонарушения. В случае, если законодателем не будет использовано слово «любые» в ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ [7], то в рамках правоприменительной деятельности при доказывании вины лица в совершении правонарушения возможен субъективизм, который может быть обоснован как личной выгодой должностного лица, так и «невнимательностью» при собирании доказательств. В указанном случае, процесс доказывания будет всесторонне ориентирован на опыт, правосознание и профессионализм должностного лица. Собирание доказательств позволяет установить предмет доказывания, определить обстоятельства совершения правонарушения, которые должны быть установлены и конкретизированы. Совокупность полученных в результате рассмотрения дела сведения, в доктрине достаточно часто называют доказательственными фактами.

Наибольшую популярность среди представителей доктрины, предметом исследования которых были доказательства и процесс доказывания, приобрела теория информации. Законодатель также придерживается позиции о наибольшей применимости данной теории в вопросе, что подтверждается ч.ч. 1,2 ст. 26.2 КоАП РФ. Согласно данной теории, доказательства представляют собой информацию в её правовом суждении. В основе данной теории также лежит категория «любые сведения». Исходя из изложенного, представляется возможным сделать вывод, что в основе теории информации, лежит принцип достаточности, который заключается в том, что доказательства должны содержать сведения, достаточные для установления фактических обстоятельства совершения административного правонарушения. Следовательно, чем больше информации было получено из доказательств, которые позволяют сформировать представление об обстоятельствах совершения правонарушения, тем более точно представится возможным их отразить в процессуальном документе. Очевидной представляется взаимосвязь объема и количества информации, которая получается уполномоченным должностным лицом и объективности процессуального закрепления обстоятельств совершения административного правонарушения. В рамках теории информации, отдельными представителями доктрины рассматривается вопрос о соотношении таких характеристик как качество и количество информации. Вполне очевидно, что не во всех случаях возможно говорить о качестве большого количества доказательственной информации. Не всегда представляется возможным сделать вывод об обстоятельствах совершения правонарушения, даже при наличии большого количества информации, выраженной в виде доказательств. Перед должностным лицом стоит задача собирать не все доказательства, а только те, которые могут быть использованы для установления обстоятельства совершения правонарушения, установления виновного лица. Должностное лицо обязано своевременно рассмотреть дело об административном правонарушении, в связи с чем, должно знать, какие доказательства присущи каждой категории правонарушений. Только знания о типичных доказательствах позволят быстро и правильно сформировать модель обстоятельств совершения правонарушения. Теория информации также была предметом исследования Т.В. Казиной, которая пришла к убеждению, что в обязанности должностного лица входит собирание доказательств, по которым представится возможным представить механизм

совершения правонарушения [8, с. 283]. Считаем целесообразным согласиться с позицией автора, поскольку без знаний о доказывании по каждой из категорий дел об административных правонарушениях, процесс разбирательства крайне осложняется. Уполномоченном должностному лица следует исходить из принципа единства информации, использовать при доказывании методы дедукции, индукции, позволяющие формировать общее представление о механизме совершения правонарушения, после чего переходить к частным моментам данного механизма, либо наоборот действовать от частного к общему. Получаемые в процессе производства по делу об административном правонарушении сведений должны составлять единство содержания доказательственной информации.

Резюмируя исследование сущности доказательств, считаем целесообразным отметить, что в основе сущностной характеристики доказательств лежит теория информации. Изложенное в настоящей статье также позволяет сделать вывод о том, что сущность доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях заключается в том, что доказательство имеет:

– собственное содержание, которое представляет собой совокупность информации об обстоятельствах совершения правонарушения;

– доказательство должно также обладать такими свойствами как относимость, допустимость, достоверность. Единство доказательственной информации позволяет сформировать у должностного лица представление о механизме совершения правонарушения;

– доказательство должно быть зафиксировано в процессуальной форме, установленной действующим законодательством. Также при собирании доказательств, уполномоченное должностное лицо обязано соблюдать требование законодательства о процессуальном порядке получения доказательств;

– доказательства должны соответствовать принципу единства, которое заключается в соотношении таких свойств как качество и количество информации. Иными словами, совокупность собранных должностным лицом доказательств по делу должны создавать единство понимания механизма совершения правонарушения. Отсутствие данного единства не позволяет установить механизм совершения правонарушения, а, следовательно, привлечь виновного к ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппова, О.А. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях/ О.А. Филиппова, О.В. Дербина// Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 180-183
2. Васильев, Ф.П. Теория доказательств в административном процессе. Процесс доказывания. Понятие и содержание процесса доказывания// Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 2. – С. 122-134
3. Бахрах, Д.Н. Административное право России: учебник/ Д. Н. Бахрах. 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Эксмо, 2011. – 622 с.
4. Демидова, И.Н. К вопросу о доказательствах в производстве по делам об административных правонарушениях / И. Н. Демидова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 2. – С. 145-147
5. Треушников, М.Н. Судебные доказательства: монография/ М.К. Треушников. – Изд. 3, испр. и доп. – М. : Издат. дом "Городец", 2004. – 268 с.
6. Петровых, В. Л. К вопросу о современных видах доказательств по делам об административных правонарушениях / В. Л. Петровых // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 15-18.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 04.11.2022 N 411-ФЗ)/ СПС "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. – Дата обращения: 02.02.2023. – Загл. с экрана.
8. Казина, Т.В. Классификация доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. –№ 3. – С. 282-284.

ON THE ISSUE OF THE ESSENCE OF EVIDENCE IN THE PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the essence of evidence in proceedings on administrative offenses from the standpoint of information theory. As a result of the analysis of the positions of scientists on this issue, the author determined the content of evidence in the proceedings on an administrative offense, established the essence of information theory, which allows us to consider evidence as a system of information about the circumstances of the commission of an administrative offense.
Keywords: evidence, proceedings in cases of administrative offenses, collection, procedural consolidation.

Marchenko A.
Scientific adviser: Chiba E.V., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: marchenko550@gmail.com

УДК 347.4

ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Меркулова Ю.Д.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе раскрыто значение договора строительного подряда, выделены наиболее актуальные вопросы законодательного регулирования, а также разработаны предложения по усовершенствованию строительно-подрядных отношений.
Ключевые слова: строительный подряд, подрядчик, объект, смета, цена.

Договор строительного подряда – это не только одна из наиболее распространённых разновидностей договора подряда, но и один из самых популярных гражданско-правовых договоров. Данное соглашение закреплено в ст. 740-757 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Он регулирует отношения между подрядчиком и заказчиком по поводу оказания строительных работ на возмездной основе.

Применение данного договора на практике нередко вызывает ряд проблем и неудобств, урегулирование которых позволит избежать спорных ситуаций между сторонами договора. Целесообразные и благоприятные варианты решения проблем договора могут быть воплощены в тенденции его развития. Как уже было сказано ранее, договор строительного подряда является одним из самых популярных в гражданских правоотношениях. В связи с этим, выделение и исправление имеющихся проблем позволит сохранить его популярность и избавиться от пробелов в правовом регулировании, результатом которых может быть потеря ценностей и имущества.

Целью работы является исследование договора строительного подряда, установление ключевых проблем правового регулирования, а также поиск путей их решения, которые можно выделить в качестве отдельных направлений развития данного гражданско-правового соглашения.

В первую очередь, необходимо начать с того, как законодатель закрепил данный договор в ГК РФ, а именно, в ст.740: «По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и оплатить обусловленную цену».

При рассмотрении данного договора определённую важность также имеют его существенные условия. Главным существенным условием договора строительного подряда является его предмет. Помимо предмета договора существенным условием договора строительного подряда являются срок выполнения работ и их цена [2, с. 72]. Именно с цены хотелось бы начать рассмотрение ключевых проблем договора.

ГК РФ указывает, что оплата выполненных подрядчиком работ производится заказчиком в размере, предусмотренном сметой, в сроки и в порядке, которые установлены законом или договором строительного подряда. При отсутствии соответствующих указаний в законе или договоре оплата работ производится в соответствии со статьей 711 ГК РФ. В то же время, будучи существенным условием договора, понятие «цена договора» не закреплено ни в гражданском законодательстве в общем, ни в отношении договора строительного подряда в частности.

При этом одним из ключевых вопросов, связанных с формированием цены, является возможность её изменения. Она закреплена в ч. 2 ст. 424 ГК РФ и звучит следующим образом: «Изменение цены после заключения договора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором, законом либо в установленном законом порядке». При этом, многочисленные доктринальные исследования и отечественная судебная практика убедительно показывают, что изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств является одним из исключений в известном принципе «pacta sunt servanda» [3, с. 211].

Говоря простыми словами, если договор строительного подряда охватывает длительный срок, в течение которого возможны скачки цен на материалы и работы (к примеру, связанные с пандемией либо военными действиями), спорным становится вопрос о возможности применения института существенного изменения обстоятельств в связи с изменением цены, которое нельзя предугадать заранее. В связи с этим, было бы целесообразно во избежание конфликтов закрепить приблизительную цену в договоре, когда он рассчитан на длительный срок. В связи с этим, следовало бы дополнить ГК РФ статьёй следующего содержания: «Установление приблизительной цены работ. При заключении договора сторонами должна быть согласована примерная цена работ и допустимое отклонение от указанной цены. О возможности изменения цены стороны должны предупреждать друг друга в течение срока, оговоренного в договоре. При невыполнении данного требования договор может быть расторгнут в связи с существенным изменением обстоятельств».

В качестве альтернативы такому изменению можно также дополнить ст. 716 ГК РФ необходимостью для подрядчика закрепить предупреждение о возможном повышении цены в качестве одного из перечисленных в статьей обстоятельств.

Кроме того, в рамках рассматриваемой темы интерес вызывает определение «экономия подрядчика». Приблизительное её толкование даёт ст. 710 ГК РФ, в которой закреплено, что в случаях, когда фактические расходы подрядчика оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия повлияла на качество выполненных работ.

При этом, следует согласиться с Аистовым А.Г., который пишет: «Экономия Подрядчика вызывает очень много споров, на основании которых ведется коллизионная практика. Такая практика непосредственно влияет на условия договора строительного подряда и на результат фактически выполненных работ» [4, с. 265]. В связи с этим, во избежание проблем на практике, следовало бы более точно закрепить легальное определение данного понятия.

Следующим направлением, которое рассматривается автором, является защита прав потребителей в договоре строительного подряда. Законом не урегулировано,

может ли заказчик отказаться от подписания акта в случае выявления недостатков в работе.

Ключевым моментом в этой ситуации необходимо считать характер недостатков, т.е. являются ли они явными (очевидными) или скрытыми, а также их существенность. Как видим оба критерия носят оценочный характер. Так, очевидность недостатка в одних случаях будет иметь бесспорный характер, например цвет фасада, количество окон и т. п. В других случаях степень очевидности будет не столь бесспорной и потребует от суда устанавливать юридическую и физическую возможность выявления такого недостатка потребителем при приемке [5, с. 68].

По вопросу нарушения прав потребителей следует привести пример, Так, по делу № 2-168/2020 истец (заказчик) обратился в суд с требованием взыскания с ответчика (подрядчика) расходы по оплате некачественно предоставленной услуги, при том, что ответчик отказался исправлять недочёты. Как следует из материалов дела, была проведена экспертиза, доказавшая, что работы выполнены некачественно. Также установлено, что заказчик уведомлял подрядчика о необходимости исправления недостатков, однако последний эти требования проигнорировал. В связи с этим, заказчик был вынужден обратиться в суд. По итогу разбирательства, суд удовлетворил частично исковые требования. При этом, требование о взыскании неустойки было отклонено.

Рассмотрим ещё один пример по тому же вопросу. По делу № 2-2928/2020 истец обратился в суд с требованием взыскать с ответчика уплаченные по договору денежные средства, неустойку, а также расторгнуть договор, в связи с тем, что работы выполнены некачественно, а до этого подрядчик отказался от расторжения договора. По итогу дела, суд удовлетворил иск, расторгнув договор строительного подряда и взыскав с подрядчика требуемые средства.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что дела о защите прав потребителей по договору строительного подряда встречаются довольно часто и нередко завершаются частичным или полным удовлетворением требований истца. Однако, есть необходимость и дальнейшего совершенствования законодательства в данном направлении.

Данные примеры отображают необходимость закрепления характера недостатков и их влияния на последующую возможность привлечения подрядчика к ответственности. В этом случае, следовало бы закрепить в ГК РФ необходимость указания в договоре вероятных существенных недостатков, которые могут стать причиной последующего привлечения к ответственности или расторжения договора.

Последним вопросом, который хотелось бы затронуть в рамках настоящего исследования, является техническая документация и смета. В ст. 743 ГК РФ отмечено, что наличие такой документации при заключении договора является обязательным. Однако при этом оно не относится к существенным условиям договора. Кроме того, Бросалина А.А. пишет: «Примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что судами признавался факт определения сторонами предмета договора строительного подряда несмотря на то, что технической документации не было, но в самом договоре прописывалась информация о характере выполняемых работ, присутствовали доказательства, подтверждающие процесс ознакомления заказчика с типовым проектом, не возникло разногласий относительно предмета договора и стороны посчитали возможным приступить к его исполнению» [8, с. 145]. Это позволяет выделить проблему, которая складывается на практике, но законодательно данный вопрос уже урегулирован.

В связи с этим, можно дать лишь рекомендацию сторонам при заключении договора об обязательном составлении технической документации и сметы, чтобы избежать возникновения в дальнейшем спорных ситуаций.

В конечном итоге, можно отметить, что договор строительного подряда – это самостоятельный вид договора подряда и занимает высокое экономическое положение в общественных отношениях. Этот договор имеет свои собственные условия и особенности, чем и отличается от других похожих соглашений. Кроме того, строительство – постоянно развивающаяся и актуальная сфера.

Также стоит отметить, что количество заключаемых договоров строительного подряда в будущем будет только расти, поскольку это имеет особую актуальность для восстановления и улучшения территорий, присоединившихся к Российской Федерации. Так, уже началось восстановление города Мариуполь, а также других новых территорий. Появление подобных тенденций даёт толчок к необходимости создания прозрачного правового регулирования договора строительного подряда и дополнения его нормами, которые позволят избежать конфликтных ситуаций при исполнении или приёмке результатов по соглашению. Также мы видим, что договор строительного подряда в своей регламентации сопровождается целым пластом норм, обязательного и необязательного характера, с помощью которых учитываются требования заказчика к тому или иному объекту строительства. При этом в силу технической сложности и широты охватываемым данным договором вопросов, вопросы его исполнения являются применимыми к конкретным ситуациям, что подтверждается многообразием сложившейся судебной практики в этой области [8, с.154].

Таким образом, в ходе работы мы пришли к следующим выводам:

– возможность изменения цены при непредвиденных обстоятельствах может вызвать споры при оплате договора. Предлагается дополнить ГК РФ статьёй следующего содержания: «Установление приблизительной цены работ. При заключении договора сторонами должна быть согласована примерная цена работ и допустимое отклонение от указанной цены. О возможности изменения цены стороны должны предупреждать друг друга в течение срока, оговоренного в договоре. При невыполнении данного требования договор может быть расторгнут в связи с существенным изменением обстоятельств»;

– поскольку экономия подрядчика часто становится камнем преткновения при разрешении споров, следовало бы закрепить данное определение в ГК РФ, устранив проблемы в правопонимании;

– следовало бы закрепить в ГК РФ необходимость указания в договоре вероятных существенных недостатков, которые могут стать причиной последующего привлечения к ответственности или расторжения договора;

– чтобы избежать возникновения спорных ситуаций, хотелось бы дать рекомендацию сторонам договора строительного подряда обязательно составлять техническую документацию и смету при заключении договора;

– в связи с необходимостью восстановления повреждённой инфраструктуры на новых территориях РФ основной тенденцией договора строительного подряда будет рост количества заключаемых соглашений, а как следствие – необходимость более подробного регулирования таких отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 г. №14-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276

2. Гражданское право (особенная часть): договорные и внедоговорные обязательства : учебное пособие / Е. Б. Козлова. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 180 с.

3. Пимченкова А.С. Проблемы изменения цены в договоре строительного подряда / А.С. Пимченкова // Вопросы студенческой науки. – 2022. – №1 (65). – С. 209-213.

4. Аистов А.Г. К вопросу о реализации на практике экономии подрядчика / А.Г. Аистов // Научные междисциплинарные исследования: ст. в сб. конф. – 2021. – С.262-266.

5. Харитонов И.К., Макеева И.С. Формы и способы защиты прав потребителей при исполнении договора строительного подряда / И. К. Харитонов, И.С. Макеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – №4. – С.67-71.
6. Решение № 2-168/2020 2-168/2020~М-132/2020 М-132/2020 от 10 ноября 2020 г. по делу № 2-168/2020.
7. Решение № 2-2928/2020 2-2928/2020~М-1739/2020 М-1739/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 2-2928/2020.
8. Бросалина А.А. Договор строительного подряда: вопросы теории и практики / А.А. Бросалина // Вопросы российской юстиции. – 2021. – С.141-156.

CIVIL-LEGAL AGREEMENTS OF CONSTRUCTION CONTRACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION. CONSIDERATION OF CURRENT PROBLEMS OF THE CONTRACT

Annotation. The paper reveals the significance of a construction contract, highlights the most important problems and gaps in the legislation, and also outlines proposals for correcting existing problems.
Keywords: building contract, contractor, object, estimate, price.

Merkulova Yu.
Scientific adviser: Efremova A.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: ulia.mer27032002@gmail.com

УДК 343.214

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мехдиева Т.Э.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены вопросы точности формулировок оснований и целей причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления, содержащиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Выявлены недостатки регламентации в уголовном законе целей причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также рассмотрены основания и условия причинения вреда в данных обстоятельствах. С позиции характеристики института задержания лица, совершившего преступление, проанализированы конкретные условия и основания правомерного причинения вреда такому лицу. Предложены варианты преодоления выявленных недостатков. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию 38 УК РФ.
Ключевые слова: задержание лица, совершившего преступление; причинение вреда; правомерность; предотвращение возможности совершить преступление.

Актуальность настоящего исследования обуславливается наличием проблем в определении правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, интерес представляют подходы к определению обстоятельств, исключающих уголовную ответственность.

Обратим внимание, что правильное установление наличия либо отсутствия обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, в каждом конкретном случае способствует соблюдению законности и прав личности, необходимости защитить человека от необоснованного привлечения к уголовной ответственности за деяния, сходные с преступлениями, но не являющиеся таковыми. В таком случае научная разработка вопросов, возникающих в связи с применением нормативных положений о конкретных обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, имеет важное значение для определения рамок наказуемости поведения, что также

выступает одной из гарантий прав граждан в сфере уголовной юстиции. Безусловно, совокупность рассматриваемых обстоятельств является обязательным элементом современной отрасли уголовного права.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает несколько обстоятельств, исключающих преступность деяния, среди которых – причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ).

В соответствии с положениями ст. 38 УК РФ правомерность задержания лица и причинения ему в процессе задержания вреда разнообразного характера и степени тяжести находится в зависимости от ряда признаков:

– причинение вреда возможно только лицу, совершившему преступление;

– правомерный характер причинения вреда задерживаемому пребывает в зависимости от итоговой цели его задержания – осуществление привода органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений;

– причинение вреда является вынужденной мерой в тех обстоятельствах, когда другими средствами задержать лицо невозможно;

– вред должен соответствовать степени общественной опасности, совершенного преступления.

Несмотря на регламентацию конкретных и определенных в уголовном законе признаков, в юридической науке ученые-правоведы высказывают множество различных мнений относительно определения содержания этих признаков. Сложность оценки правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в первую очередь, обусловлена не до конца уточненным понятием «правомерность». В целях устранения проблемы восприятия этого термина, следует обратиться к юридическому словарю, в соответствии с которым «правомерность» следует понимать, как свойство любой деятельности, отражающее ее правовую природу. Обратим внимание, что правомерность исключает любые отклонения от правовых норм.

Второй значимой проблемой, возникающей при оценке правомерности по ст. 38 УК РФ является то, что в уголовно-правовой науке отсутствует единая позиция о том, что целесообразно было бы выделять – основание или условия, а равно и то, какой смысл они в себе несут и что означают. Так, одни авторы, давая характеристику института задержания лица, совершившего преступление, выделяют конкретные условия правомерного причинения вреда такому лицу.

Учитывая данное положение, правоведы, являющиеся приверженцами данной позиции, подразделяют условия законности на две группы:

1) первая группа включает условия законного причинения вреда, которые имеют четкое, конкретное отношение к задержанию лица и к совершенному им преступному деянию. Среди них следующие: очевидный характер преступления, своевременность задержания, а также очевидная необходимость задержания;

2) вторая группа регулирует условия законности причинения вреда, выраженные в действиях, предпринятых для задержания лица, совершившего преступление. Например, преследуемая цель, соразмерность причиненного вреда.

Некоторые авторы придерживаются концепции разграничения оснований и условий причинения вреда. Например, Ю.В. Баулин считает, что основания для законного задержания должны соответствовать критерию необходимости и достаточности условий, наличие которых могло бы оправдать и объяснить действия, направленные на лишение свободы личности очевидного преступника в целях его доставления в органы власти. Не без оснований Ю.В. Баулин рассматривает причины, определяющие степень необходимости причинения вреда, которые свидетельствуют о невозможности проведения задержания лица без использования насильственных методов. Под условиями правомерного причинения вреда автор понимает конкретное направление, выраженную цель, соразмерность [1, с. 13].

Мы поддерживаем позицию тех авторов, которые выделяют, прежде всего, основания, а не условия правомерного причинения вреда. По нашему мнению, при разрешении вопроса о правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, прежде всего, следует обратить внимание на преследуемые цели и соразмеренность причиняемого вреда лицом, оказавшим задержание.

Далее остановимся на рассмотрении оснований правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Первым основанием является совершение задерживаемым преступного деяния.

В юридической литературе существуют различные позиции авторов по вопросу о том, всегда ли возможно причинение вреда при задержании лица или только в тех случаях, когда деяние, совершенное задержанным, содержит все признаки преступления. Не менее интересной является позиция, которая в качестве основания для задержания лица называет совершение преступником определенных видов преступлений.

В данной ситуации мы придерживаемся следующего мнения: нецелесообразно ограничивать возможность причинения вреда лицу во время задержания, исходя из наличия всех признаков состава преступления, однако, при этом внешние признаки объективной стороны должны присутствовать все. Можно объяснить высказанную точку зрения следующим образом: в момент осуществления задержания не всегда возможно определить характер действий лица; действует ли задерживаемый умышленно или нет; вменяем ли он во время совершения деяния; достиг ли возраста уголовной ответственности.

Во многих случаях задержание проводит лицо, не обладающее достаточными знаниями в области юриспруденции и уголовного права, в частности, в целях объективной оценки ситуации. Кроме того, необходимо отметить, что некоторая информация необходимая для определения вида преступного деяния, названная выше, может устанавливаться только в ходе проведения расследования. Поэтому мы считаем, что нельзя требовать от задерживающего предварительного выяснения таких обстоятельств.

Что касается ограничения перечня преступлений, за которые лицу может быть причинен вред в целях его задержания и доставления в органы власти, то можно отметить, что в таких условиях не учитывается вариант развития событий, при которых, задерживаемый совершил незначительное преступление, однако оказал такое сопротивление, которое является опасным для жизни лица, совершившего задержание. В таких условиях, задерживаемый вынуждает лицо совершившего задержание причинить вред.

В качестве второго основания следует выделить причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как следствие сопротивления данного лица и его явное нежелание следовать в правоохранительные органы. Такое поведение задерживаемого вынуждает лицо, осуществляющее задержание, причинить ему вред, чтобы доставить нарушителя в органы власти. Однако, необходимо отметить, что в случае, если задерживаемое лицо ведет себя бесконфликтно и не проявляет агрессии, то при таких обстоятельствах наносить вред такому лицу необходимости нет.

Статья 38 УК РФ в качестве цели причинения вреда задерживаемому регламентирует доставление его в органы власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений. Однако среди ученых-правоведов имеет место мнение, что данная формулировка недостаточно точно отражает истинные цели, преследуемые при задержании лица, совершившего преступление.

Так, формулировка «пресечения возможности совершения им новых преступлений» создает противоречие, в котором возникает вопрос о возможности пресечения самой «возможности» совершения новых преступлений.

Не менее спорной является также формулировка «доставление в органы власти», потому что само по себе «доставление» не представляется возможным без перемещения лица в пространстве, в то время как задержание может подразумевать под собой удержание лица в определенном месте.

Следующий вопрос обсуждений возникает, когда есть необходимость понять и определить преследуется одна цель или несколько целей, автономны ли каждая из них или же они находятся в зависимости.

Некоторые считают, что «единственная цель, преследуемая предпринятыми действиями, это – лишить преступника возможности уклониться от уголовной ответственности» [2, с. 125]. Например, В.И. Михайлов, развивая эту идею, отмечает, что «в рамках нормы статьи 38 Уголовного кодекса России причинение вреда возможно только для обеспечения реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности путем привлечения лица, совершившего преступление, к ответственности властей».

Другие авторы говорят об общей цели привлечения преступника к ответственности и предотвращения совершения им новых преступлений. Третьи, в свою очередь, предполагают наличие нескольких целей, которые являются зависимыми. Они различают две цели: доставить лицо в органы государственной власти и тем самым помешать ему совершить новые преступления [3, с. 251].

Отметим, что мы разделяем позицию авторов, справедливо определяющих наличие двух целей, где одна является основной, а вторая факультативной. Если рассматривать иерархию указанных выше целей, то следует говорить о том, что более значимой является цель – пресечение совершения новых преступлений задерживаемым лицом.

В защиту указанного тезиса отметим, что, если говорить об исключительных случаях задержания преступника, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, которое создало угрозу для жизни людей при решении вопроса о конкуренции этих двух целей задержания, вторая – является объективно более важной и значимой. Именно она является целью, которая в полной мере способна обеспечить безопасность охраняемым уголовным законом интересов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что при определении целей причинения вреда при задержании лица следует учитывать следующие обстоятельства:

1) наличие тесной связи между указанными целями с содержанием самого института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление;

2) подчиненность целей решению задач по обеспечению реализации принципов уголовного права.

Важно понимать, что суть задержания заключена в правомерном ограничении свободы лица, совершившего преступление. Отсюда следует, что целями задержания, а не причинения вреда, являются обеспечение привлечения к ответственности лицо, совершившее преступление, и предотвращение возможности совершения им новых преступлений.

Подводя итог вышесказанного, мы считаем, что для исключения возможности двоякого толкования положений статьи 38 УК РФ необходимо внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти *с целью привлечения к ответственности*, а также *предотвращения* возможности совершения им новых преступлений»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

2. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] / Д.А. Дорогин // Юридические науки. – М., 2013. – 27 с.
3. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: монография / Д.А. Дорогин. – М.: Юрлитинформ. – 2013. – 229 с.
4. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление: монография / Л.Н. Смирнова. – СПб: Юрид. центр Пресс. – 2005. – 278 с.

ON THE QUESTION OF THE LEGALITY OF CAUSING HARM DURING THE DETENTION OF A PERSON WHO COMMITTED A CRIME

Annotation. This article examines the issues of the correctness of the formulations of the grounds and purposes of causing harm when detaining a person who has committed crimes contained in the Criminal Code of the Russian Federation. The shortcomings of the regulation in the criminal law of the purposes of causing harm when detaining a person who has committed a crime are revealed, and the grounds and conditions for causing harm in these circumstances are also considered. From the point of view of the characteristics of the institution of detention of a person who has committed a crime, the specific conditions and grounds for lawful harm to such a person are analyzed. The options for overcoming the identified shortcomings are proposed. Conclusions and suggestions for improving the wording of Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation are formulated.
Keywords: detention of a person who has committed a crime; causing harm; legality; public danger.

Mekhdieva T.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: mekhdieva.tamila@gmail.com

УДК 31.5-053.6

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Михеенко С.В.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается понятие некоммерческих организаций и организационно-правовые формы организаций на основе современного законодательства. Некоммерческие организации содействуют развитию культуры, образования, науки, а также стараются найти оптимальный и наиболее быстрый подход к социальным проблемам общества. Выявлены проблемные вопросы, предложено внести изменения в нормативно-правовую базу, которая регулирует деятельность некоммерческих организаций.
Ключевые слова: некоммерческие организации, юридическое лицо, организационно-правовая форма, устав, учредительный договор, государственная регистрация.

Развитие гражданского общества и правового государства в современной Российской Федерации привело к образованию новых организационно-правовых форм юридических лиц. Одним из таких примеров являются некоммерческие организации (далее – НКО). В настоящее время НКО занимают существенное место в экономическом и политическом развитии России, поэтому все актуальнее становится определение правового регулирования их создания и деятельности. Речь идет о совершенствовании законодательства, так как в правоприменительной практике возникают вопросы по поводу правоспособности НКО.

Некоммерческой организацией является организация, которая не имеет извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, а так же не распределяет полученную прибыль между участниками. Отличительной чертой НКО, в

соответствии со статьей 50 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) является их общественный характер: они все объединяют либо физических лиц (граждан), либо юридических лиц (организации), содержатся на общественный счёт и организуются на добровольной основе [1].

Некоммерческая организация обладает специальной правоспособностью, то есть имеет только те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены в ее учредительных документах и соответствуют целям ее деятельности. Поэтому в учредительных документах некоммерческих организаций обязательно должны быть определены предмет (т.е. вид деятельности) и цели деятельности.

В современной науке предпринимательского права такие проблемы, как понятие и признаки НКО, специальная правоспособность некоммерческих организаций, ее содержание, организационно-правовые формы некоммерческих юридических лиц, особенности правового регулирования предпринимательской деятельности, осуществляемой некоммерческими организациями, недействительность сделок некоммерческой организации, совершаемых за пределами ее правоспособности, оказались недостаточно разработаны. Кроме того, среди научного сообщества нет единого мнению по поводу понятия, «некоммерческая организация», что негативно отражается на качестве нормативно-правовых актов, регулирующих различные формы деятельности некоммерческих организаций. Поэтому представленная тема исследования, безусловно, является актуальной.

Стоит определить, что объектом исследования являются общественные отношения, возникающие из деятельности некоммерческих организаций.

Предметом исследования выступают нормы российского законодательства, материалы юридической практики, комментарии, а также учебная и научная литература, посвященные некоммерческим организациям.

Пункт 2 статьи 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет, что НКО могут создаваться для достижения различных целей, а именно социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ [2].

Содержание понятия организационно-правовой формы юридического лица не закреплено на законодательном уровне. Однако оно активно используется законодателем и, видимо, отнесено им к категории общезначимых. В науке предпринимательского права под организационно-правовой формой юридического лица понимается совокупность конкретных признаков, объективно выделяющихся в системе общих признаков юридического лица и существенно отличающих данную группу юридических лиц от всех остальных. Исходя из буквального толкования рассматриваемого понятия, самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица должны выделять особенности его организационной структуры, способы обособления имущества, ответственность, способы выступления в гражданском обороте.

Общие признаки всех форм НКО:

1. Наличие самостоятельного баланса/сметы.
2. Создание без ограничения срока деятельности. Исключение – в учредительных документах прописан срок.
3. Право открывать счета в банках России и за рубежом.
4. Наличие печати с полным названием НКО на русском языке.
5. Право на бланки, штамп со своим наименованием и эмблему.

В. И. Пилипенко предлагает классификацию некоммерческих организаций, которая включает в себя следующие классификационные признаки: организационно-правовая форма, экономический способ объединения учредителей, виды экономической деятельности, цель деятельности, источники финансирования, экономический характер деятельности [3. с. 37].

На мой взгляд, В.И. Пилипенко некорректно формулирует некоторые виды некоммерческих организаций. Я считаю, что некоммерческие организации должны вести предпринимательскую деятельность и получать доход только для достижения уставной цели. В некоммерческих организациях должен присутствовать в большей степени не экономический, а социальный характер деятельности, что в классификации Пилипенко не отражено.

По мнению Е. В. Шаклеиной под организационно-правовой формой некоммерческой организации понимается совокупность следующих объективных критериев, которые существенно отличают конкретную некоммерческую организацию от организаций иных форм, а именно: цель деятельности, условие о распределении прибыли, членский (не членский) характер организации юридического лица, качественная характеристика внутрисубъектного состава, специфический характер гражданско-правовой ответственности [4, с. 61-71].

Список организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц указан в статьях 116-123 Гражданского кодекса. Однако он не является исчерпывающим, поскольку существенно увеличился за счет федеральных законов, отвечающих за деятельность отдельных видов организаций: «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».

Примечательно, что Т. В. Сойфер обосновывала необходимость закрепления в ГК РФ определенного исчерпывающего перечня организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц с сохранением условий для формирования их отдельных видов, установив в ГК РФ две возможные для некоммерческих юридических лиц формы: одну – для имеющих корпоративное устройство, другую – для организаций унитарного типа, с закреплением для каждой из них общих правил, подлежащих конкретизации и развитию на уровне специальных законов применительно к отдельным видам организаций [5, с.11].

Для начала стоит рассмотреть список организационно-правовых форм НКО, которые содержатся в Федеральном законе от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»:

– Общественные организации (объединения) – статья 6 (общественное объединение, имеющее членство и созданное на основе совместной деятельности граждан для защиты общих интересов и достижения целей).

– Религиозные организации – статья 6 (признается добровольное объединение граждан РФ, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками: вероисповедание, совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание своих последователей).

– Общины коренных малочисленных народов Российской Федерации – статья 6.1 (целью создания является защита среды обитания, сохранение и развитие принятых у народа образа жизни и его культурного наследия – п.1 ст.123.16 ГК РФ).

– Казачьи общества – статья 6.2 (создаются для возрождение российского казачества, сохранение традиционного образа жизни и культуры).

– Фонды – статья 7 (организация, учреждённая гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов,

преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели).

– Государственная корпорация – статья 7.1 (не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций). Параллелограмм

– Государственная компания – статья 7.2 (организация, не имеющая членства и созданная Российской Федерацией на основе имущественных взносов для оказания государственных услуг и выполнения иных функций с использованием государственного имущества на основе доверительного управления).

– Некоммерческие партнерства – статья 8 (создаются для содействия членам партнерства в деятельности, которая помогает достигать цели фонда (благотворительные, социальные, культурные и т.д.).

Требуется отметить, что органы Минюста не регистрируют данную форму НКО с 1 сентября 2014 года. Это связано с принятыми поправками в ГК РФ после вступления в силу федерального закона №99 от 5 мая 2014 года. Некоммерческие партнерства признаются разновидностью ассоциации (союза) некоммерческих организаций. Статья 8 «Некоммерческие партнерства» пока не исключена из федерального закона №7-ФЗ.

– Частные учреждения – статья 9 (создаются для реализации функций некоммерческого характера, например, управленческих или социально-культурных).

– Государственные, муниципальные учреждения – статья 9.1 (учреждается органом публичного управления федерального, регионального или местного уровня для решения управленческих, социальных, культурных научных и иных задач некоммерческого характера).

– Бюджетное учреждение – статья 9.2 (создается для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов), органов публичной власти федеральной территории или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах).

– Автономная некоммерческая организация – статья 10 (не имеющая членства некоммерческая организация, созданная в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных сферах).

– Ассоциации (союзы) – статья 11 (добровольные объединения юридических лиц и (или) граждан с сохранением права последних вступать в другие объединения).

Прочие формы НКО, которые предлагает федеральное законодательство:

– потребительские кооперативы;

– товарищества собственников жилья ТСЖ (Глава 13 Жилищного кодекса Российской Федерации) [6];

– территориальное общественное самоуправление (Статья 27 Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») [7];

– благотворительные организации (Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях») [8];

– профсоюзы (Глава 1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности») [9].

Л.Р. Ларина предлагает авторскую классификацию некоммерческих организаций, которая заключается в следующем: некоммерческие организации,

занимающиеся проведением научных исследований, образованием; обеспечением аналитической информацией, консультированием; социальной работой и воспитанием; издательской, рекламной и информационной работой; общественно-политической работой, содействием развитию местного самоуправления; повышением культуры граждан; организацией досуга; правовой и юридической помощью; благотворительной и гуманитарной помощью; работой с молодежью; помощью в лечении и реабилитации больных; содействием развитию предпринимательства; защитой прав граждан; выдачей сертификатов и проведением экспертизы; охраной природы; помощью людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; содействием развитию гражданского общества; кроме того, религиозные объединения и ассоциации [10, с.34].

По моему мнению, данная авторская классификация Л.Р. Лариной позволит подробнее исследовать некоммерческие организации, а так же обозначить социальноориентированные некоммерческие организации, к которым относятся социальные, благотворительные и иные фонды, религиозные организации и социально-ориентированные некоммерческие партнерства.

Хотелось бы еще отметить классификаци. некоммерческих организаций И. Г. Сакович и Г. А. Сакович, которая представлена следующими классификационными признаками [11, с. 59]: цель создания; движение инициативы; принадлежность к государственным органам и органам местного самоуправления; территориальный признак (масштаб деятельности).

Таким образом, на мой взгляд, классификацию некоммерческих организаций, предложенную И.Г. Сакович и Г.А. Сакович, можно считать действительно авторской.

Некоммерческая организация считается созданной как юридическое лицо с момента ее государственной регистрации в установленном законом порядке, имеет в собственности или в оперативном управлении обособленное имущество, отвечает (за исключением случаев, установленных законом) по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Она создается без ограничения срока деятельности, если иное не установлено учредительными документами.

К этапам регистрации и создании НКО можно отнести следующее:

Первый этап: принятие решения о регистрации некоммерческой организации. Учредители принимают решение о регистрации некоммерческой организации и передают необходимые документы в уполномоченный орган до истечения 3-х месячного срока с момента принятия решения о регистрации. В Москве уполномоченным органом является Главное управление Министерства юстиции РФ.

Второй этап: направление в регистрирующий орган документов для внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц.

Третий этап: внесение сведений в Единый государственный реестр юридических лиц. Регистрирующий орган не позднее 5-ти рабочих дней с момента получения документов вносит сведения о государственной регистрации некоммерческой организации в Единый государственный реестр юридических лиц.

Четвертый этап: выдача заявителю свидетельства о государственной регистрации. Уполномоченный орган выдает свидетельство о государственной регистрации в течение 3-х рабочих дней с момента получения информации от регистрирующего органа о внесении записи в Единый государственный реестр юридических лиц.

Учредительными документами некоммерческой организации являются Устав и Учредительный договор:

1. устав, утвержденный учредителями (участниками) (для общественной организации (объединения), фонда, некоммерческого партнерства и автономной некоммерческой организации);

2. учредительное соглашение (договор), заключенное его членами, и утвержденный ими устав (для ассоциации или союза);

Управление некоммерческими организациями осуществляют высший орган (коллегиальный высший орган управления для автономной некоммерческой организации или общее собрание членов для некоммерческого партнерства, ассоциации (союза)) и исполнительный орган (руководитель некоммерческой организации).

Таким образом, проанализировав рассматриваемый вопрос, можно подвести тог, что некоммерческой организацией является юридическое лицо, которое не преследует извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяет полученную прибыль между участниками. Главные особенности некоммерческих организаций по сравнению с коммерческими юридическими лицами состоят в том, что, в отличие от коммерческих организаций некоммерческие организации не являются профессиональными участниками имущественных отношений. Поэтому для некоммерческих юридических лиц законодатель устанавливает специальную (целевую) правоспособность и разрешает использовать имеющееся у них имущество лишь для достижения целей, указанных в их учредительных документах.

Кроме того проанализировав рассматриваемый вопрос, был сформулирован ряд предложений:

1) необходимо уделить особое внимание (как в теории, так и на практике) разработке эффективных критериев разделения деятельности юридических лиц;

2) произвести переработку ныне действующих нормативных правовых актов с целью их дальнейшей корректировки и приведения в соответствие с положениями ст. 50 ГК РФ. Другими словами, «очистить» законодательство от всякого рода исключений, коллизий, которые должны быть приведены в соответствие с классификационными характеристиками юридического лица.

3) формальный критерий не должен использоваться в качестве классификационного признака при отнесении к той или иной разновидности юридических лиц.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что современное законодательство регулирующее образование и деятельность некоммерческих организаций требует своего дальнейшего совершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата обращения 15.02.2023

2. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ – Дата обращения: 15.02.2023

3. Пилипенко, В.И. Какие некоммерческие организации полезны обществу / В.И. Пилипенко // Тезисы выступления на гражданских слушаниях (13–15 дек. 2007 г., С.-Петербург). СПб., 2007. С. 38–54.

4. Шаклеина, Е. В. К вопросу о классификациях некоммерческих организаций / Е.В. Шаклеина // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сб. науч. тр. III Межрегион. науч.-практ. конф., г. Киров, 15 окт. 2004 г. : в 2 ч. Ч. 2. Киров, 2004. С. 61–71.

5. Сойфер Т.В. Концепция НКО в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 11.

6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ – Дата обращения 16.02.2023.

7. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ – Дата обращения 15.02.2023

8. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212- Дата обращения 15.02.2023

9. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ – Дата обращения 15.02.2023
10. Ларина, Л.Р. Источники финансирования некоммерческих организаций и управление ими / Л. Р. Ларина // Некоммерческие организации. Уральск – 2010. – С. 33 -35.
11. Сакович, И.Г. Создание некоммерческой организации (НКО) и ее первые шаги : учеб. пособие / И. Г. Сакович, Г.А. Сакович. Владивосток, – 2002. – с. 347.

LEGAL STATUS OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Annotation. This paper examines the concept of non-profit organizations and organizational and legal forms of organizations based on modern legislation. Non-profit organizations promote the development of culture, education, science, and also try to find the optimal and fastest approach to social problems of society. Problematic issues were identified, it was proposed to amend the regulatory framework that regulates the activities of non-profit organizations.
Keywords: non-profit organizations, legal entity, organizational and legal form, charter, foundation agreement, state registration.

Mikheenko S.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: son.mixeenko@mail.ru

УДК 343.14

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мичурина Д. А.
Научный руководитель: Калмыкова А. А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве с целью разработки механизмов совершенствования, для чего проводится всесторонний анализ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих понятие и юридические свойства доказательств, а также мнения авторов и исследователей в теории уголовного процесса. В статье рассматриваются правила оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, рассмотрены некоторые случаи признания доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве. Предложены пути решения некоторых проблем, связанных с признанием доказательств допустимыми.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательство, допустимость, критерии.

Институт допустимости доказательств занимает особое место в структуре уголовно-процессуального права и теории доказательств. Являясь, по сути, основанием для формы уголовного судопроизводства, «допустимость» заслуженно отождествляется с законностью всей процедуры доказывания. Все доказательства должны пройти стадии преобразования в уголовном процессе: изначально оно существует в том виде, в каком вошло в уголовный процесс, но его еще нельзя назвать полноценным уголовно-процессуальным доказательством. Затем изучается, соответствует ли оно необходимым юридическим свойствам. Собранные доказательства должны быть проверены следователем, прокурором или судом путем сравнения их с другими доказательствами, установления их источника и получения других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемые доказательства. То, что все доказательства должны отвечать трем основным свойствам – относимости, допустимости и достоверности, следует понимать так, что если отсутствует одно из свойств доказательства, то доказательства вообще не существует.

Допустимость доказательств является важнейшим институтом доказательственного права, поскольку потенциальное использование информации в уголовном судопроизводстве и принятие решений в ходе дела напрямую зависит от правовых положений о порядке получения, сбора, фиксации и оформления сведений, которые обладают важностью для уголовного дела.

Актуальность изучения вопросов, возникающих при оценке допустимости доказательств, заключается, прежде всего, в важности этой стадии уголовного процесса – именно от оценки доказательств зависит законность и обоснованность решений, принятых на любом этапе дела. Значительное количество ошибок, допускаемых судами в отношении оценки допустимости доказательств, обуславливает актуальность этой темы.

Значимость оценивания допустимости доказательств определяется ч.2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Согласно данному положению, доказательства, которые были получены незаконным способом, не должны и не могут быть использоваться в судебном разбирательстве. Соглашаясь с авторами, мы отмечаем, что оценка допустимости доказательств имеет первостепенное значение [2, 110-113; 3, 117-121]. В связи с этим, считаем правильным утверждение Л.В. Головко, который отмечает, что такое свойство доказательства как допустимость означает соответствие процедуры его получения требованиям, предъявляемым законом к процессуальной форме получения этих доказательств [4, с. 342]. Мы не можем не согласиться с этим мнением, поскольку процесс сбора доказательств следователем, в процессе которого образуется доказательственная база, должен соответствовать положениям уголовно-процессуального закона и четко отвечать его требованиям.

В настоящее время УПК РФ определяет допустимые доказательства с точки зрения недопустимости и действует на основании того, что доказательства, полученные способом, противоречащим его требованиям, являются недопустимыми доказательствами. В юридической науке, в отличие от законодательства, среди исследователей процессуальных вопросов нет единого взгляда на понятие допустимости доказательств, как и единого понимания их природы. Например, С.А. Шейфер, который рассуждал о понятии допустимости, писал, что «это свойство, означающее, что доказательство получено из надлежащего источника, управомоченным лицом, законным способом и облечено в надлежащую форму» [5, с. 33–35].

М.С. Строгович утверждает, что допустимость доказательств заключается в их способности служить источником информации о факте и средством установления этого факта, если: а) источники отвечают требованиям, установленным законом; б) источники имеют определенную процессуальную форму, установленную законом [6, с. 392–393].

Законодатель не только не приводит прямого определения понятия «допустимых доказательств», но и не называет критериев определения такой допустимости.

Критерии допустимости доказательств представляют собой набор требований, касающихся формы доказательств, способа и источников их получения, а также к субъекту, который осуществляет процесс доказывания. Вопрос о критериях допустимости – дискуссионный в теории уголовного судопроизводства, поэтому следует рассмотреть мнения исследователей и авторов по данной теме.

П. А. Лупинская предложила считать критериями допустимости доказательств следующие: «а) получение сведений из одного из перечисленных в законе источников; б) получение доказательств с соблюдением процессуальных правил; в) правильный выбор надлежащего источника сведений» [7, с.159-160]. Также позже автор дополнила перечень критериев требованием о надлежащим субъекте, который имеет право на проведение процессуального действия [8, с. 230].

А. А. Костаков, в свою очередь, к критериям допустимости относит следующее: «1) законность источника фактических данных; 2) законность способа получения фактических данных; 3) законность закрепления фактических данных» [9, с.8].

А.В. Смирнов, как представляется, выделил наиболее точные и полные критерии допустимости доказательств: надлежащий источник доказательств, надлежащий субъект доказательств, надлежащий вид способа собирания доказательств, законная процессуальная форма собирания доказательств, законный порядок проверки доказательств [10, с. 185–186].

Рассмотрим критерии, предложенные А. В. Смирновым подробнее.

1. Надлежащий источник доказательств. Под надлежащим источником получения информации понимается процессуальная форма, в которой могут быть доказательства по уголовным делам. Так, действующий УПК РФ в качестве доказательств в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ допускает:

1) показания подозреваемого, обвиняемого;

2) показания потерпевшего, свидетеля;

3) заключение и показания эксперта;

3.1.) заключение и показания специалиста;

4) вещественные доказательства;

5) протоколы следственных и судебных действий;

6) иные документы [11].

Следует отметить, что данный перечень является исчерпывающим, а сведения, которые получены из других источников, не являются доказательствами, так как прямо не закреплены законодательно. Надлежащим может быть признан источник в том случае, если доказательства, полученные из него: даны лицом, которое имело соответствующий процессуальный статус, не основаны на догадке, предположении, слухе; предоставлены в надлежащем виде; получены или истребованы в соответствующем порядке; при необходимости содержат выводы и заключения экспертов или специалистов; подтверждены давшими их лицами в суде.

2. Надлежащий субъект доказательств. Законодатель дифференцировал процессуальную компетенцию субъектов, осуществляющих производство следственных действий, в соответствии со стадиями процесса, подследственности дела соответствующему органу или получение поручения в установленном порядке. Лицо, в производстве которого находится уголовное дело, имеет право предпринимать процессуальные действия для получения доказательств, если нет оснований для отвода или самоотвода. При производстве следственных действий другим лицом без поручения уполномоченного лица собранные сведения не будут обладать юридической значимостью для дела.

Следует рассмотреть также то, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 53 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а также придерживаясь принципа состязательности сторон в уголовном процессе, защитник вправе самостоятельно собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии. Однако, хотя законодатель и предоставил это право защитнику, оно может быть реализовано только на досудебной стадии через субъект уголовного процесса, который уполномочен собирать доказательства. Предметы, документы и результаты опроса, предоставленные защитой, не являются доказательствами и могут рассматриваться только как материал, который может стать основанием для ходатайства о проведении соответствующих следственных или судебных действий. Таким образом, рассматривая вопрос о надлежащем субъекте, как критерии допустимости доказательств, отметим, что УПК

РФ наделяет процессуальными полномочиями по сбору доказательств только участников уголовного судопроизводства, которые уполномочены на ведение уголовного дела [11].

3. Надлежащий вид способа собирания доказательств. Надлежащая процедура получения доказательств определяется путем установления соответствия между законом и процедурами сбора и фиксации информации, полученной в процессе. Для преобразования следственных действий из сведений в доказательства они должны быть закреплены надлежащим образом. Результаты должны содержать информацию, имеющую значение для определения обстоятельств, подлежащих установлению, указание на те следственные действия, посредством проведения которых были получены представленные доказательства, и сведения, позволяющие проверить доказательства в уголовном процессе.

В процессуальной литературе предлагается оформлять протокол и выносить постановление при получении доказательств в ходе их представления участниками уголовного процесса. Как отмечал С.А. Шейфер, «форма и содержание протокола представления должна отвечать требованиям, предъявляемым к протоколу следственного действия. В нём обязательно должны содержаться сведения о представителе документа или предмета, индивидуальные признаки представляемого документа или предмета, а также со слов лица, представляющего объект, обстоятельства его обнаружения» [5, с.103-104].

Также перед приобщением фактических данных к материалам дела проводится их предварительное исследование.

4. Законная процессуальная форма собирания доказательств. В целях обеспечения надлежащего закрепления доказательств необходимо собирать их в ходе следовательской деятельности, которая строго регламентирована правовыми нормами, и любое отклонение от процедур и положений по их производству недопустимо. Основными ситуациями, в которых полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми являются, например, отсутствие, либо же неполнота разъяснения прав допрашиваемому, несоблюдение сроков производства следственных действий, отсутствие постановлений на производство отдельных следственных действий, которые должны производиться только при его наличии. Одним из дискуссионных вопросов является вопрос о допустимости таких доказательств, как показания подозреваемого, обвиняемого, которые даны в стадии предварительного расследования в отсутствие защитника, в том числе и тогда, когда эти лица отказались от защитника. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ не могут быть использованы в качестве доказательства показания обвиняемого, либо подозреваемого, которые даны в отсутствии защитника, в том числе при отказе от него, или если показания, данные подозреваемым или обвиняемым в ходе досудебного производства по уголовному делу, не нашли своего подтверждения в суде [11].

Указанное положение закона в равной степени применяются к оправдательным и обвинительным доказательствам. Это правило направлено на ограничение практики допроса подозреваемых или обвиняемых без адвоката и на предотвращение использования незаконных или несанкционированных средств для получения таких доказательств. У. Бернем, во время оценки положения, которое содержится в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, обратил внимания на то, что участие защитника не является быть гарантией от неиспользования незаконных средств для получения признания и показаний от подозреваемого или обвиняемого. Также У. Бернем говорит о том, что спорный вопрос осложняется неопределенностью в уголовно-процессуальном законодательстве относительно того, являются ли доказательства, полученные на основе сведений, которые предоставил сам подозреваемым или обвиняемым во время дачи показаний, допустимыми, если эти показания были получены незаконным путем

[12]. Полагаем, что, если обвиняемый или подозреваемый проинформирован о своем праве не давать показания против самого себя и ему предоставлена реальная возможность воспользоваться услугами защитника, он может выбрать, давать ли ему показания или же не давать, а также давать показания в присутствии адвоката или отказаться от защиты. Учитывая эти обстоятельства, следует сказать, что не существует объективно достаточных причин для того, чтобы приведенные в данном случае доказательства были лишены своей доказательной силы, исключены из процесса доказывания и, следовательно, не подлежали оценке в суде только потому, что подсудимый решил сказать что-то иное. Например, существует опасное предубеждение, что показания, данные в присутствии защитника, обладают большей юридической силой. В связи с этим п. 1 ч. 2 ст.75 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу, в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, кроме случаев, когда отказ от защитника сделан надлежащим образом в присутствии последнего, о чем должна быть, сделана отметка в протоколе следственного действия и наличие ордера юридической консультации в материалах уголовного дела».

5. Законный порядок проверки доказательств. В целях обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства необходимо своевременно проверять допустимость доказательств и исключать доказательства, полученные с нарушением УПК РФ. В соответствии с УПК, доказательство может быть признано недопустимым в случае, если было подано ходатайство подозреваемым, обвиняемым, либо со стороны прокурора, следователя или дознавателя. Доказательство, которое было признано недопустимым, не должно включаться в материалы дела, в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. Если в ходе проверки выяснится, что доказательства были получены с нарушением УПК РФ, в таком случае уполномоченное лицо должно принять меры по устранению нарушения. При необходимости проводятся дополнительные следственные или процессуальные действия, направленные на проверку допустимости доказательств.

Таким образом, рассмотрев понятие допустимости доказательств и критерии, в соответствии с которыми доказательство признается допустимым, можем отметить, что именно институт допустимости в процессуальных правоотношениях обуславливает существование доказательства, наделяет последнее возможностью проецировать те либо иные факты, имеющие значение для установления процессуальной истины по делу. Допустимость – это свойство, характеризующую юридическую значимость доказательства с точки зрения достоверности источников, методов или приемов его получения, то есть его процессуальной формы. Наиболее точными и полными критериями, в соответствии с которыми можно определить, насколько допустимо доказательство, считаем надлежащий источник доказательств, надлежащий субъект доказательств, надлежащий вид способа собирания доказательств, законная процессуальная форма собирания доказательств, законный порядок проверки доказательств.

В ходе исследования была рассмотрена проблема признания допустимости доказательств, которые были даны обвиняемым или подозреваемым в отсутствие защитника, вследствие отказа от него. В связи с этим предложено п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу, в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, кроме случаев, когда отказ от защитника сделан надлежащим образом в присутствии последнего, о чем должна быть, сделана отметка в протоколе следственного действия и наличие ордера юридической консультации в материалах уголовного дела».

Подводя итог вышесказанному, следует заключить, что неукоснительное соблюдение требований процессуального закона при получении, собирании, фиксации доказательств по уголовному делу – есть панацея от нарушений прав и законных интересов субъектов процессуальных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b65ae24cc8141d4720fb749fb0c5583f8395048/ (дата обращения: 22.01.2023 г.)
2. Брянская, Е. В. К вопросу о понятии доказательств и их допустимости при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 3 (74). – С. 110-114.
3. Терехин, В. В. Допустимость уголовно-процессуальных доказательств: сущность, содержание, происхождение // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 117–121.
4. Курс уголовного процесса / [Арутюнян Анна Аветиковна и др.] ; под ред. Л. В. Головко ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. – Москва : Статут, 2016. – 1276 с.
5. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового
6. Регулирования / С. А. Шейфер. – М.: НОРМА, 2009. – 238 с.
7. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. - 703 с.
8. Уголовный процесс : учебник / под ред. П.А. Лупинской и И. В. Тыричева. – Москва: Манускрипт, 1992. – 581 с.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – Москва: Юристъ, 2004. – 815 с.
10. Костаков, А. А. Допустимость и относимость доказательств / А. А. Костаков. – Ленинград: Ин-т усоверш. следств. работников, 1991. – 16 с.
11. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.01.2023).
13. Бернем, У. Стенограмма выступления на конференции «УПК РФ: год правоприменения и преподавания». – Москва, МГЮА, 27 октября 2003 г. – 200 с.

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This article is devoted to the problems of the admissibility of evidence in criminal proceedings in order to develop mechanisms for improvement, for which a comprehensive analysis of criminal procedural norms regulating the concept and legal properties of evidence, as well as the opinions of authors and researchers in the theory of criminal procedure is carried out. The article discusses the rules for assessing the admissibility of evidence in criminal proceedings, considers some cases of recognition of evidence as inadmissible in criminal proceedings. The ways of solving some problems related to the recognition of evidence as admissible are proposed.
Keywords: criminal proceedings, evidence, admissibility, criteria.

Michurina D.
Scientific adviser: Kalmykova A.A., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: michurina.d@mail.ru

УДК 349.6

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Моисеенко С.В.
Научный руководитель: Барбашова Н.В. , д.ю.н., профессор
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности экологических правоотношений, участниками которых выступают юридические лица. В контексте указанной темы проведен анализ экологических прав и обязанностей юридических лиц, формирующих их правовой статус в экологических правоотношениях. Делается вывод об актуальности закрепления основных экологических прав и обязанностей юридических лиц в Законе «Об охране окружающей среды».
Ключевые слова: экологическое право, экологические правоотношения, субъект, юридическое лицо, правоспособность, экологические права и обязанности.

Центральным элементом правового положения субъектов общественных отношений как предмета права выступают их права и обязанности. Такая позиция характерна и для экологических отношений с участием юридических лиц, что отражено в специальном законодательстве. Значение и степень воздействия хозяйственной деятельности такого субъекта, как юридическое лицо, на окружающую среду приобретает все большую актуальность в связи с тем, что деятельность таких субъектов права оказывает существенное воздействие на окружающую среду, которое может иметь как негативный, так и позитивный характер, но зачастую является экологически опасной. Анализ отечественного законодательства, регулирующего отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности, показывает, что оно ориентировано на регулирование экологически значимых аспектов деятельности предприятий. Разработаны соответствующие нормативы предельно допустимых выбросов и сбросов вредных веществ, уровней физического загрязнения окружающей среды, являющегося результатом хозяйственной деятельности предприятий, методики контроля над этой деятельностью, а также санкции за их нарушение [1, с. 360].

По мнению Малиновской А.И. «в системе субъектов в области охраны окружающей среды юридическое лицо является, с одной стороны, основным природопользователем, исходя из масштабов используемых им природных ресурсов, а с другой стороны – постоянным и крупномасштабным источником загрязнения окружающей среды» [2, с. 223].

Исходя из доминирующей роли юридических лиц в антропогенном воздействии на состояние окружающей среды, представляется важным рассмотреть особенности статуса юридических лиц в системе субъектов экологических правоотношений.

Экологическое право регулирует специфические общественные отношения (экологические отношения), связанные с удовлетворением человеком его разнообразных потребностей за счет использования им различных природных ресурсов, а также с защитой и охраной его законных прав и интересов в сфере экологии. Особенностью экологических отношений является наличие природного объекта в качестве неотъемлемой части единой природной среды.

Н.В. Барбашова определяет предмет экологического права как совокупность общественных отношений по рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, охране окружающей природной среды от негативного антропогенного воздействия и обеспечению естественного права человека на безопасную (здоровую) окружающую среду [1, с. 18].

В ст. 2 Закона ДНР «Об охране окружающей среды» [3] выделяются следующие виды экологических правоотношений:

– отношения, возникающие в области охраны окружающей среды как основы жизни и деятельности народа, проживающего на территории Донецкой Народной Республики, в целях обеспечения его конституционных прав на благоприятную окружающую среду;

– отношения, возникающие в сфере охраны и рационального использования природных ресурсов, их сохранения и восстановления;

– отношения, возникающие в сфере охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

С.А. Боголюбов подчеркивает, что участниками правоотношений являются физические, юридические лица и государство. Участники экологических правоотношений выступают в них в качестве носителей экологических прав и обязанностей, субъектов хозяйственной и иной деятельности (в том числе природопользователей, а в предусмотренных законодательством случаях – собственников природных ресурсов), к которым предъявляются природоохранные требования, в качестве лиц, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды и защиты экологических прав. Государство в лице специально уполномоченных органов государственной власти, органов местного самоуправления выступает в экологических правоотношениях в качестве: собственника природных ресурсов, правоприменителя [4, с. 28].

Закон ДНР «Об охране окружающей среды» не содержит в себе четкого перечня субъектов экологических правоотношений, однако, исходя из анализа данного нормативного акта (ст.ст. 3, 8-12 и др.) можно сделать вывод о том, что ими являются государство, органы власти, физические и юридические лица.

Система норм экологического права, регулирующих использование природных объектов и их комплексов, называется правом природопользования. В настоящее время право природопользования принято рассматривать в трех аспектах: как правовой институт, представляющий собой совокупность норм, регулирующих права и обязанности природопользователя и других лиц; как правоотношения; как субъективное право, принадлежащее конкретному природопользователю.

Право природопользования представляет собой общественные отношения, урегулированные комплексом прав и обязанностей субъектов этих отношений по поводу использования конкретных природных объектов: земельного или лесного участка, водного объекта, участка недр, объектов природно-заповедного фонда, охотничьих угодий и т.п.

По мнению Е.В. Крассовской, уровень и степень значимости указанных субъектов в экологических правоотношениях различны. Так, например, физические и юридические лица чаще всего выступают в качестве потребителей естественных ресурсов, а государственные органы в силу компетенции, которая им предоставлена, осуществляют регулирование использования и охраны окружающей среды [5, с. 37].

По сути, в данном случае речь идет об общем и специальном природопользовании.

Так, Л. С. Булгакова, О. А. Гуреева, М. Б. Кабанова, В. В. Лавров, Я. К. Чепенко отмечают, что общее природопользование является общедоступным, оно связано с реализацией естественного права каждого на благоприятную окружающую среду, закрепленного в Конституции. Например, граждане имеют право свободно, без каких-либо разрешений находиться на не закрытых для общего доступа земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и использовать имеющиеся на этих участках природные объекты в пределах, допускаемых законом и

иными правовыми актами, а также собственником соответствующего земельного участка [6, с. 41].

В свою очередь, специальное пользование землей, недрами, водами, лесами, животным миром связано с удовлетворением экономических интересов общества, юридических и физических лиц. Оно сопряжено со значительными воздействиями на природу. В связи с этим специальное природопользование имеет ряд юридически значимых особенностей. Прежде всего, оно осуществляется на основании разрешений (лицензий) и характеризуется тем, что требует выделения определенных частей природных объектов в обособленное пользование юридических и физических лиц [6, с. 42].

Возвращаясь к заявленной тематике работы, стоит понимать, что в экологических правоотношениях юридические лица выступают в качестве: хозяйствующих субъектов, организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды; лиц, имуществу которых в результате нарушения закона об охране окружающей среды причинен вред.

Для того, чтобы юридические лица могли вступать в экологические правоотношения, они должны обладать правоспособностью. Под экологической правоспособностью понимают определенную законом способность лица (как физического, так и юридического) быть носителем экологических прав и обязанностей [7, с. 37]. Экологическая правоспособность юридического лица возникает с момента его государственной регистрации, на основаниях и в порядке, которые предусмотрены законом. В то же время, приобретение юридическим лицом экологической правоспособности после его государственной регистрации не дает ему права осуществлять многие виды хозяйственной деятельности (в том числе связанные с охраной окружающей среды и природопользованием), поскольку они требуют получения специального разрешения (например, лицензии) со стороны уполномоченных на то органов государственной власти.

Содержание экологических правоотношений определяется правами и обязанностями их субъектов. Они являются средством для реализации юридических норм и составляют важнейшее звено механизма регулирования эколого-правовых отношений.

Экологические права и обязанности имеют два измерения: субъективное (в смысле их индивидуальной определенности и принадлежности конкретным субъектам) и объективное (как определенная разновидность, совокупность правовых норм) [8, с. 105].

Исходя из анализа норм Закона ДНР «Об охране окружающей среды» можно сделать вывод о том, что в нем отсутствуют положения, определяющие права и обязанности юридических лиц как субъектов экологических правоотношений. В данном случае мы имеем в виду ведение хозяйственной и иной деятельности, которая является основным и практически единственным правом субъекта хозяйствования, связанным с достаточно жесткими условиями, ограничениями и запретами.

Например, юридические лица могут организовывать и проводить в установленном порядке общественную экологическую экспертизу (п. 9 ч. 1 ст. 12 Закона ДНР «Об охране окружающей среды»). При этом, они обязаны информировать государственные органы и население об аварийных ситуациях, которые нанесли или могут нанести значительный вред окружающей среде и здоровью граждан (ч. 1 ст. 48 Закона ДНР «Об охране окружающей среды») [3].

К запретам можно отнести положения ч. 3 ст. 48 Закона ДНР «Об охране окружающей среды»: «Ввоз в Донецкую Народную Республику радиоактивных отходов из иностранных государств на основании договоров хранения, в том числе в целях захоронения, а также затопление радиоактивных отходов и ядерных материалов

запрещаются, за исключением предусмотренным законом, регулирующим правоотношения в сфере обращении с радиоактивными отходами, случаев ввоза в Донецкую Народную Республику радиоактивных отходов в целях их хранения, переработки или захоронения».

В экологическом законодательстве существуют нормы, которые адресованы одновременно к нескольким субъектам экологических отношений, и возлагающие на них равные обязанности. Например, согласно 21 статье Закона ДНР «Об охране окружающей среды» юридические лица и физические лица-предприниматели, оказавшие негативное воздействие на окружающую среду путем выбросов вредных веществ в атмосферный воздух стационарным источником, сбросом загрязняющих веществ в водные объекты, размещения отходов производства и потребления обязаны платить налог за негативное воздействие на окружающую среду. Также можно выделить нормы, которые адресованы одновременно ко всем субъектам экологических отношений. Например, согласно части 1 статьи 79 Закона ДНР «Об охране окружающей среды» Вред, причиненный здоровью и имуществу физических лиц, имуществу юридических лиц и физических лиц – предпринимателей вследствие нарушения законодательства Донецкой Народной Республики в сфере охраны окружающей среды, подлежит возмещению в полном объеме.

Законодателем отдельно предусмотрен перечень прав и обязанностей общественных организаций и общественных объединений. Так, среди их прав выделяются следующие: право на участие в разработке и реализации республиканских программ в сфере охраны окружающей среды в законном порядке, на защиту прав и законных интересов граждан в сфере охраны окружающей среды, на привлечение граждан к осуществлению деятельности в сфере охраны окружающей среды на добровольной основе; на осуществление и пропагандирование деятельности в сфере охраны окружающей среды, воспроизводства природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности за счет собственных и привлеченных средств; на содействие органам государственной власти ДНР, органам местного самоуправления в решении вопросов охраны окружающей среды; на организацию собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, сборов подписей под петициями и участие в этих мероприятиях в предусмотренном законом порядке, собирание данных путем проведения социальных опросов, голосований, внесение предложения о проведении референдума и иными, не запрещенными законодательством ДНР способами опросов, по вопросам охраны окружающей среды и об обсуждении проектов, касающихся охраны окружающей среды; на обращение в органы государственной власти ДНР, органы местного самоуправления, иные организации и к должностным лицам с запросами о получении своевременной, полной, а также достоверной информации о состоянии окружающей среды, мерах по ее охране, обстоятельствах и фактах хозяйственной и иной деятельности, которые создают угрозу окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан; на участие в принятии хозяйственных и иных решений, реализация которых могла бы оказать негативное влияние на окружающую среду, жизнь, здоровье и имущество граждан; на обращение в органы государственной власти Донецкой Народной Республики, органы местного самоуправления и иные организации с жалобами, заявлениями, исками, а также предложениями по тем вопросам, которые касаются охраны окружающей среды, негативного воздействия на окружающую среду, и на получение своевременных и обоснованных ответов; на организацию и проведение слушания по вопросам проектирования, размещения объектов, хозяйственная и иная деятельность которых могла бы причинить вред окружающей среде, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан; на организацию и проведение в установленном в законодательстве порядке общественной экологической экспертизы, имеют право рекомендовать своих представителей для

участия в проведении указанной экологической экспертизы; на подачу в органы государственной власти ДНР, органы местного самоуправления, суд обращения и иски, касающиеся отмены решений о проектировании, размещении, строительстве, реконструкции и эксплуатации объектов, хозяйственная и иная деятельность которых могла бы негативно повлиять на окружающую среду, а также об ограничении, приостановлении или прекращении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное влияние на окружающую среду; на предъявление в суд исков о возмещении нанесенного вреда окружающей среде и др.

В круг обязанностей общественных организаций и объединений входит соблюдение законодательства ДНР, однако, при этом, обязанности в сфере охраны окружающей среды возложены в значительной степени на субъектов хозяйственной деятельности, функционирующих с точки зрения их гражданско-правового статуса на правах юридического лица либо без таковых.

Обязанности юридических лиц формулируются в законодательстве прямо либо же логически следуют из ограничений и запретов, указанных в нормах, которые устанавливают определенные требования к видам хозяйственной деятельности или ее стадиям.

Природоохранные обязанности юридических лиц также предусмотрены Водным кодексом ДНР, законом ДНР «О животном мире», законом ДНР «Об использовании атомной энергии», законом ДНР «О недрах» и другими источниками экологического права.

При исследовании статуса юридического лица как субъекта эколого-правовых отношений стоит упомянуть о гарантиях его прав. Главой 5 закона ДНР «Об охране окружающей среды» предусмотрено нормирование в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной или другой деятельности на окружающую среду. Нормирование состоит в установлении нормативов качества окружающей среды, допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, и других нормативов в сфере охраны окружающей среды, а также государственных стандартов и иных нормативных документов в сфере охраны окружающей среды.

Таким образом, юридические лица могут оказывать негативное воздействие на окружающую среду, но не превышая при этом установленные пределы. Необходимо понимать, что соблюдение каждым субъектом нормативов загрязнения может привести вследствие кумулятивного эффекта к превышению предельных нормативов.

Одной из гарантий экологических прав юридических лиц является гарантия на доступ к природным ресурсам. «Природоресурсное законодательство трактует доступ к природным ресурсам как юридическую гарантию прав специальных природопользователей осуществлять разрешенные виды пользования» [4, с. 327]. В условиях ограниченности природных ресурсов, а также включения их в экономический оборот доступ к ним следует рассматривать в качестве основной гарантии экологических прав юридических лиц, которые осуществляют хозяйственную деятельность.

Таким образом, установлено, что в экологических правоотношениях юридические лица выступают в качестве: хозяйствующих субъектов, организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды; лиц, имуществу которых в результате нарушения закона об охране окружающей среды причинен вред. Показано, что юридические лица становятся участниками экологических отношений с момента возникновения прав или с момента осуществления деятельности, которая влияет на состояние окружающей среды. Установлено, что по содержанию прав и обязанностей юридические лица, как субъекты экологических правоотношений, выступают природопользователями – носителями прав и обязанностей по

рациональному использованию природных ресурсов и охране природной среды. Экологические обязанности юридических лиц, выступающих в роли хозяйствующих субъектов, устанавливаются нормами действующего законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашова Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета.–Москва: ИНФРА-М, 2022. - 538 с.
2. Малиновская А.И. Юридическое лицо как субъект экологических отношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2018. – №14. – С. 220-224.
3. Об охране окружающей среды: закон Донецкой Народной Республики от 30.04.2015 № 38- IHC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-38-ihc-20150430/ (дата обращения: 23.01.2023).
4. Экологическое право : учебник / под ред. С. А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. – 482 с.
5. Красовская Е.В. Обязательные элементы экологических правоотношений: субъекты, объекты и эколого-правовые нормы // Молодой исследователь Дона. 2020. – №6.– С. 35–37.
6. Экологическое право : учебное пособие. Ч. 1 / Л. С. Булгакова, О. А. Гуреева, М. Б. Кабанова, В. В. Лавров, Я. К. Чепенко ; под общ. ред. В. В. Лаврова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 180 с.
7. Барбашова Н. В. Экологическое право ДНР: учебное пособие. Для студентов направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» всех форм обучения / Н. В. Барбашова. – Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2021. – 341 с.
8. Рыженков А.Я. Субъекты и объекты экологических правоотношений // Legal Concept. – 2020. – №4. – С. 100-109.

LEGAL ENTITIES AS SUBJECTS OF ECOLOGICAL AND LEGAL RELATIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Annotation. The article discusses the features of environmental legal relations, the participants of which are legal entities. In the context of this topic, an analysis of the environmental rights and obligations of legal entities that form their legal status in environmental legal relations is carried out. The conclusion is made about the relevance of fixing the basic environmental rights and obligations of legal entities in the Law «On Environmental Protection».
Keywords: environmental law, environmental legal relations, subject, legal entity, legal capacity, environmental rights and obligations.

Moiseenko S.V.
Scientific adviser: Barbashova N.V. Doctor of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E–mail: sofiyamoiseenko3@mail.ru

УДК 343.337

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ГЕНОЦИДОМ

Мыцыкова М.А.
Научный руководитель: Кулакова Е.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье проанализированы исторические особенности становления и развития института «геноцида», а также причины, побудившие мировое сообщество предпринять активные меры к юридическому закреплению этого термина в соответствующих международно-правовых документах. Рассмотрены основные международные акты, закрепляющие данное понятие, среди которых Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Римский статут Международного уголовного Суда, 96-я Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Преступление геноцида» и т.д. Особое внимание уделено вопросам подсудности дел о геноциде.

Установлено, что компетентны рассматривать дела о геноциде: национальные суды; Международный уголовный Суд; Международный Суд ООН, Европейский Суд по правам человека. Также детально проанализированы причины, в соответствии с которыми деятельность международных судебных органов, а также международная уголовная система в целом не могут служить эффективным инструментом борьбы против геноцида.
Ключевые слова: геноцид, преступления против человечества, ответственность государств, ответственность физических лиц, Международный уголовный суд, Международный суд ООН.

Исследование геноцида, как международного преступления, привлекало внимание многих ученых-юристов как теоретиков, так и практиков, кроме того, сама система международного права, касающаяся геноцида, имеет достаточную историю и опыт, но эффективность решения проблемы геноцида в реальной практике международных отношений от этого не повышается. Несмотря на то, что международным сообществом предпринимаются попытки предотвращения угрозы геноцида, снова периодически возникают его самые крайние проявления. Поэтому дальнейшее исследование различных аспектов международного преступления геноцида, направлено на поиск эффективных путей решения конфликтов, ведущих к актам геноцида.

Геноцид представляет собой тяжелейшее преступление против человечества и именно это противоправное деяние раньше других преступлений против человечности было выделено в самостоятельный состав международного преступления. Термин «геноцид» в переводе с греческого «genos» означает род, племя, а в переводе с латинского «caedo» – убиваю. Геноцид как вид международных преступлений, состоит в физическом истреблении целых групп населения по расовым (традиционно выделяют: европеоидную, монголоидную, негроидную и австралоидную), национальным (различные этнические группы в своей совокупности формируют национальность), этническим (общность основана на соответствии материальной и духовной культур) и религиозным (общность основана на религиозных воззрениях, например, на христианстве и др.) признакам [1, с. 94]. Также в решениях международных трибуналов ad hoc отмечалось, что объектом преступления геноцида является группа как таковая, а не отдельный человек, из-за ее принадлежности к стигматизируемой группе [2, с. 85-86].

Юридическое закрепление термина «геноцид» осуществилось во времена Второй Мировой войны – его ввел юрист Р. Лемкин. Следует отметить, что в нюрнбергских документах (также непосредственно в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси) непосредственно термин геноцид практически не использовался, однако данный термин звучал в речах обвинителей в ходе судебного процесса над нацистскими преступниками. Безусловно, потребовалось время, чтобы мировое сообщество осознало бесчеловечность актов геноцида, а также в полной мере осознало необходимость наказуемости данного деяния как тягчайшего преступления против безопасности человечества [3, с. 275].

Термин «геноцид», как уже отмечалось ранее, не отражен в заключительном решении Нюрнбергского трибунала, что и послужило предпосылкой к активным действиям со стороны Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Так, Панама, Индия и Куба на первой сессии представили проект резолюции, целями которой было: объявить геноцид преступлением, которое может совершаться в мирное время и во время войны; признать универсальную юрисдикцию геноцида [4, с. 17]. Геноцид представляет собой преступление, которое нарушает нормы международного права, противоречит нравственному закону и целям ООН, что отражено в 96-й Резолюции ГА ООН «Преступление геноцида» [5, с. 140].

Немаловажным представляется отметить тот факт, что до принятия данного документа акты геноцида юридически были квалифицированы как преступления

против человечности. Упомянутая Резолюция содержала поручение о создании соответствующего международного акта. Так, 9 декабря 1948 года Организация Объединенных Наций приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. В данной Конвенции геноцид ассоциируется с «отвратительным бедствием», а непосредственно под геноцидом понимаются действия, которые совершаются с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Наказуемыми являются следующие деяния: геноцид; заговор с целью совершения геноцида; подстрекательство к совершению геноцида; покушение на совершение геноцида; соучастие в геноциде [5, с. 144].

Также указанная Конвенция устанавливает, что наказанию за геноцид подлежат лица «независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами». Данное положение отражает принцип индивидуальной уголовно-правовой ответственности, который также закреплен в положениях Римского статута. Среди международных актов, которые закрепляют рассматриваемый принцип, следует также упомянуть: Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны; Московскую декларацию об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства; Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него; Конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него; Женевские конвенции; Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и т.д. Отметим, что основанием международно-правовой ответственности лиц (должностных) является совершение преступлений, которые затрагивают интересы международного сообщества и квалифицируются как преступления против человечности.

Безусловно, именно с принятием данной Конвенции о геноциде термин, обозначающий серьезное международное преступление, нашел юридическое закрепление, в том числе приведен исчерпывающий перечень наказуемых деяний.

Следует отметить, что на основании ст. IX Конвенции юрисдикция в отношении споров между государствами-участниками по вопросам толкования и применения положений данного акта передается Международному Суду ООН, который является главным международным судебным органом и центральной инстанцией по мирному урегулированию правовых споров между государствами. Действует на основании Статута (является неотъемлемой частью Устава ООН). Стать стороной спора (рассматриваемого в МС ООН) может только то государство, которое имеет к нему доступ и признало его юрисдикцию. Решения Суда имеют для сторон обязательную силу, являются окончательными и не подлежат обжалованию, в свою очередь, на каждую из сторон возлагается обязанность по выполнению предписаний. Следует отметить, что Суд является не только главным судебным органом ООН, но и высшей международной судебной инстанцией [6, с. 13].

Международное сообщество через призму специальных Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, а также Чрезвычайных палат в судах Камбоджи и, с некоторыми оговорками, Иракского уголовного суда по преступлениям против человечности приходит к необходимости наличия соответствующего постоянного органа. Таким органом является Международный уголовный Суд, что в некоторой степени отражено и в ст. VI Конвенции. Процесс создания Суда в 1954 году был приостановлен до определения мировым сообществом понятия «агрессия». Однако события в Югославии (и в последующем учреждение Трибунала) в очередной раз подтвердили острую необходимость создания постоянного международного органа. Так, на Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН в Риме 16 июля 1998 года был принят Римский статут Международного уголовного суда, который вступил в силу в 2002 году. Юрисдикция Суда ограничивается «самыми

серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего мирового сообщества». Соответственно, к таким деяниям отнесены: преступление геноцида; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии.

Следует также обратить внимание, что Римский статут трансформирует понимание о фундаментальных принципах осуществления международного уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется принципу комплиментарности. Согласно ст. 1 Статута Международный уголовный Суд является постоянным судебным органом с международной юрисдикцией, который не требует от государств ограничений суверенитета в области осуществления права на правосудие, выступая в роли камертона, при расследовании международных преступлений национальными органами уголовной юстиции. Принцип комплиментарности дистанцирует Суд от других трибуналов, так как для них характерна исключительная или параллельная функция, а не дополняющая. В ст. 17 Статута раскрыт данный принцип, в соответствии с которым Суд вправе вмешаться в расследование международного преступления в том случае, если национальные органы не способны по тем или иным причинам осуществлять уголовное преследование в рамках внутренней правоохранительной системы. Статут также устанавливает принцип неприменимости обратной силы закона, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности, если преступление было совершено до вступления Статута в силу и до признания юрисдикции МУС государством-участником. Однако вышеуказанное правило, может быть проигнорировано тогда, когда государство-участник направляет запрос о рассмотрении МУС преступления, совершенного до признания юрисдикции. Также закреплено, Статутом очерчиваются четкие границы возможности привлечения физического лица к международной уголовной ответственности. Так, физическое лицо может быть осуждено только в том случае, если преступление установлено Статутом, а санкция к нему применяется только в соответствии с положениями Статута. Более того, Статут трактует принцип индивидуальной ответственности лиц, устанавливая, необходимость привлечения физического лица к ответственности не только в случае индивидуального совершения преступления, но и, если лицо выступает в роли пособника, подстрекателя или организатора (командира) или иным другим образом способствует совершению данного преступления. Также МУС имеет право расследовать преступления, которые совершены страной против собственных граждан [7, с. 163].

Проведенный анализ международных правовых актов, направленных на регламентирование геноцида как противоправного деяния, позволяет сформулировать вывод о том, что борьба за права и свободы групп населения в соответствии с их расовыми, национальными, этническими и религиозными признаками продолжает усовершенствоваться. В том числе на самом высоком уровне принимаются соответствующие акты и меры по предупреждению тяжелейших преступлений против человечества.

Особо следует отметить вопрос подсудности. Положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 года устанавливают подсудность. Так, деяния, квалифицируемые как геноцид, подсудны: национальным судам; Международному уголовному Суду; Международному Суду ООН. При этом еще одним судом, правомочным рассматривать дела о геноциде, представляется Европейский Суд по правам человека, потому что в данном органе возможно оспорить решение национального суда.

В юридической литературе также выделяют причины, в соответствии с которыми деятельность МС ООН и МУС, а также международная уголовная система в целом не могут служить эффективным инструментом борьбы против геноцида.

Во-первых, нормативная база, регламентирующая преступления против человечности, не является совершенной. Понадобился длительный период времени для

того, чтобы юрисдикция наконец распространилась не только на международные конфликты, но и на преступления, совершаемые государством против собственных граждан.

Во-вторых, генезис термина «геноцид» обладает двойственной природой. Например, моральный аспект чаще всего превалирует над прагматической составляющей, что приводит к многочисленным спекуляциям в политическом пространстве.

В-третьих, затрудненный процесс ратификации Римского статута не позволяет в полной мере оценить потенциал и эффективность противодействия актам геноцида.

В-четвертых, национальный интерес к данному вопросу выше, чем истинное намерение соблюдать международные. Соответственно, необходимо искать иные способы разрешения конфликтов такого рода.

В-пятых, противоречие между международной правовой системой и национальной уголовной системой. В особенности следует выделить проблему ратификации – страны не желают осуществлять выдачу своих граждан, в том числе с позиции ослабления суверенитета [7, с. 169] и т.д.

В-шестых, по вопросу непосредственной деятельности Международного Суда ООН, необходимо отметить, что лишь в 1993 году (с момента вступления в силу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 года) поступило первое обращение от одного государства с обвинением другого государства в совершении актов геноцида. Конфликт был между Боснией и Герцеговиной и Югославией, а уже в 2014 году обвинения в геноциде друг другу предъявили Сербия и Хорватия [8, с. 99]. Следует отметить, что именно по делу Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории Суд принял окончательное решение по вопросам применения ст. IX Конвенции о геноциде, т.к. подтвердил возможность государств совершать акты геноцида. В качестве примера передачи дела в юрисдикцию международного органа можно привести кейс в Дарфуре. Так, в 2003 году в Дарфуре началась гражданская война, в которой принимали участие две вооруженные группировки («Суданское освободительное движение» и «Движение за справедливость и равенство»), восставшие против центральных властей и против «экономической маргинализации» региона. Поскольку Судан по состоянию на 2005 год не являлся государством-участником Римского статута, то Совет Безопасности Организации Объединенных Наций передал ситуацию на рассмотрение в Международный уголовный Суд, т.к. положение представляло угрозу международному миру и безопасности. Расследование концентрировалось на преступлениях геноцида, военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Соответственно, перед международным сообществом формируется серьезный вопрос о том, насколько возможно осуществлять сотрудничество относительно вопросов геноцида в международной сфере. При этом показательным представляется факт отсутствия прямой поддержки со стороны мирового сообщества по таким серьезным преступлениям как геноцид. Данный факт прямо прослеживается в хронологии юридического закрепления противоправных актов, которые следует квалифицировать как геноцид. Безусловно, вопросы регламентации того или иного деяния предполагают серьезную работу по подготовке соответствующей нормативной базы. Однако и при наличии таких международных актов государства не всегда ратифицируют их, аргументируя свои бездействия опасениями по вопросам целостности суверенитета. Также и в вопросах ответственности физического лица, которое является представителем власти также могут быть затронуты аспекты суверенитета. Так, распространение, например, на главу государства иммунитета ratione personae отражает символ суверенитета (персонализация государства в его первом лице), соответственно, наделение главы государства иммунитетом обусловлено

функциями его деятельности и отражением суверенного государства. Следует также отметить, что МУС (и иные международные органы подобного рода) является правовым институтом, данный факт не гарантирует отсутствие политической составляющей. Правовая имплементация приводит к политическим последствиям, соответственно, следует предпринимать дальнейшие попытки по разработке практических действий по эффективному выходу из сложившейся ситуации.

Таким образом, под геноцидом признаются действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. Следует таже отметить, что по итогам Второй Мировой войны в 1948 году была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, ставшая одним из главных международно-правовых актов «Нюрнбергского наследия» и являющаяся одним из основополагающих документов современного международного уголовного права. Именно под влиянием указанной Конвенции геноцид был криминализован в национальном уголовном законодательстве большинства развитых стран. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 года представляет собой один из первых международных актов на универсальном уровне, который акцентирует внимание на защите национальных, расовых, этнических и религиозных меньшинств в случае угрозы их существованию. Именно дело Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории подтвердило возможность МС ООН выносить решения по вопросам геноцида в соответствии со ст. IX указанной Конвенции. Следовательно, Конвенция соответствует приоритетам деятельности ООН, а также направлениям защиты прав человека в целях искоренения расизма и ксенофобии. Положения Конвенции подчеркивают также роль уголовного правосудия и подотчетность в сфере защиты прав человека. В рамках вопроса о возможности сотрудничества на межгосударственном уровне по вопросам геноцида следует отметить факт создания независимого постоянного надгосударственного органа. Безусловно, учреждение Международного уголовного Суда, представляется оптимальным решением для устранения вопроса привлечения к ответственности за акты геноцида и иные деяния, т.к. данный орган призван дополнять национальные системы уголовного правосудия. Однако об эффективности международных органов говорит эффективность их деятельности. Например, по делу Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории Президент Югославии не был привлечен к ответственности в полной мере, т.к. скончался до завершения суда над ним; лидер боснийских сербов был приговорён к пожизненному заключению. В свою очередь, по ситуации в Дарфуре, произошедшей в 2003 году, судебное разбирательство по этому делу открылось только в апреле 2022 года в Судебной камере и продолжается в настоящее время. Отметим, что кейс Дарфура был первым расследованием МУС на территории государства-неучастника Статута, а также представляет собой первое расследование МУС в отношении преступлений, квалифицируемых как геноцид. Исходя из чего можно сделать однозначный вывод: вопросы привлечения к ответственности за совершение актов геноцида представляются сложными и сопровождаются длительными судебными процессами, а проблема ответственности должностных лиц государства находится во взаимосвязи с институтом международной ответственности государства, что блокирует ряд процессуальных положений, указанных в международных договорах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Рус. яз., 1998. 846 с.

2. Международное уголовное право: учебное пособие / А.И. Розенцвайг. – Самара: из-во Самарского университета, 2020. 160 с.
3. Матвеева Л.А. Чему нас учит история: правовой аспект понятия «геноцид» тогда и сейчас // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 274-277.
4. Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и её реализация: дис. … канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 / науч. рук. О.В. Хитрова. – М. 2019. 218 с.
5. Дадуани Т.Г. Сравнительный анализ положений Резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник Российского университета дружбы народов. 2011. С. 140-147.
6. Лазарева А.С., Дидковский Е.В. Международный Суд ООН в Гааге // Colloquium-journal. 2019. С. 11–14.
7. Порецкова А.А. Эффективность Международного уголовного Суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны институционального либерализма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. С. 155-171.
8. Хасан Х.А.Х. Преступление геноцида: вопросы подсудности // Актуальные проблемы российского права. 2015. С. 98-102.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST GENOCIDE

Annotation. The article analyzes the historical features of the formation and development of the institution of «genocide», as well as the reasons that prompted the world community to take active measures to legally consolidate this term in the relevant international legal documents. The main international acts enshrining this concept are considered, including the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, the Rome Statute of the International Criminal Court, the 96th Resolution of the United Nations General Assembly «The Crime of Genocide», etc. Special attention is paid to the issues of jurisdiction of cases of genocide. It has been established that the following are competent to consider cases of genocide: national courts; the International Criminal Court; the International Court of Justice of the United Nations, the European Court of Human Rights. The reasons why the activities of international judicial bodies, as well as the international criminal system as a whole, cannot serve as an effective tool in the fight against genocide are also analyzed in detail.
Keywords: genocide, crimes against humanity, the responsibility of States, the responsibility of individuals, the International Criminal Court, the International Court of Justice.

Mytsykova M.
Scientific adviser: Kulakova E.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: masha_smail20132@mail.ru

УДК 343.14

ДОСТАТОЧНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СВОЙСТВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Новикова И.А.
Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается одно из свойств доказательств – а именно свойство достаточности доказательств в уголовном процессе, которое играет важную роль для правильного разрешения уголовных дел. Анализируется понятие данного свойства, рассматриваются точки зрения различных исследователей, приводятся положения уголовно-процессуального законодательства. Также в данной работе выясняется сущность данного свойства доказательств, его значение, проблемные аспекты и их решение.
Ключевые слова: достаточность доказательств, свойства доказательств, доказательства, уголовный процесс, процесс доказывания.

Доказательства являются важнейшим составляющим элементом процесса доказывания, его ядром, которое позволяет установить картину совершенного

преступления. Безусловно, уголовно-процессуальные доказательства, выступая главной частью уголовного судопроизводства, обладают своими собственными характеристиками, которые в юридической науке принято называть свойствами доказательств. Проблема состоит в том, что в отличие от понятия доказательства, его свойства раскрываются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) не так ясно. Непосредственно свойства перечисляются в статье 88 УПК РФ и частично затрагиваются статью 75 УПК РФ (недопустимые доказательства). К свойствам отдельных доказательств относятся: относимость, допустимость, достоверность. К тому же, все собранные доказательства в совокупности оцениваются с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. На данный момент не только в уголовно-процессуальной науке, но также частично и в уголовно-процессуальном законодательстве существует несколько подходов к определению таких свойств доказательств как относимость (ст.73 УПК РФ), допустимость (ч.1 ст.75 УПК РФ) и достоверность (ч.4 ст302 УПК РФ).

Однако, закон даёт нам лишь упоминание (оно содержится в ч.1 ст.88 УПК РФ) о последнем доказательственном свойстве – достаточности, но не предоставляет даже примерного его определения, что являет собой проблему, существующую не только в юридической теории доказательств, но также и в сфере правоприменения. Именно поэтому целью данной научной статьи является раскрытие понятия и сущности свойства достаточности уголовно-процессуальных доказательств, а также выявление его значения в области уголовного процесса.

Прежде всего, мы считаем необходимым отметить тот факт, что достаточность в качестве свойства применима только к совокупности доказательств, содержащихся в рамках уголовного дела. Это подтверждает формулировка статьи 17 УПК РФ, которая закрепляет принцип свободы оценки доказательств, и непосредственно подразумевает на совокупность доказательств по уголовному делу, составляющую базис внутреннего убеждения. Положения вышеупомянутой статьи детализированы уже в статье 88 УПК РФ, где сказано: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» [1]. На сегодняшний день отечественное уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает заранее определенные, применимые для различных событий и преступлений правила и критерии оценки достаточности доказательств, что явно не вписывается в рамки принципиального положения о свободной оценке доказательств.

В юридической литературе нередко приводятся обоснования того, что свойство достаточности уголовно-процессуальных доказательств – это всего лишь некое эфемерное, оценочное понятие. Эти обоснования базируются на том, что достаточность определяется по внутреннему убеждению лица, в производстве которого находится то или иное уголовное дело [2, с.116]. Мы считаем, что такая позиция не является верной, поскольку достаточность – предельно важное свойство доказательств в уголовном судопроизводстве, и его важность определяется тем, что при недостаточности доказательств, согласно статистическим данным о деятельности Верховного суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции, суды вынуждены поступать следующим образом: 1) либо выносить постановления о прекращении уголовных дел по причине отсутствия состава преступления, события преступления, а также по причине непричастности лица к совершению преступления; 2) либо выносить оправдательные приговоры. К тому же, если будет выявлена недостаточность собранных доказательств, тогда получится не очень хорошая не только с точки зрения законодательства ситуация – лицо, которое виновно в совершении общественно опасного, запрещённого уголовным законом деяния, избежит уголовной ответственности и наказания, а потерпевшим не будет возмещён вред, полученный в

результате совершенного преступления. Всё это в своей совокупности не позволит достигнуть назначения уголовного судопроизводства.

Говоря о достаточности доказательств, стоит отметить, что это понятие не раскрывается в УПК РФ. Среди не только учёных, но и также среди практических работников до сих пор не утихают дискуссии (соответственно и выдвигаются различные мнения) по поводу того, что же понимается под этим таинственным свойством доказательств. Итак, рассмотрим вышеупомянутые мнения отечественных правоведов по данному вопросу.

Так, кандидат юридических наук – Анна Анатольевна Новикова полагает, что достаточность доказательств представляет собой их способность при помощи своей совокупности устанавливать обстоятельства, необходимые и достаточные для разрешения уголовного дела.

Также кандидат юридических наук – Роман Валерьевич Костенко считает, что достаточность доказательств – это система, состоящая из относимых, допустимых и достоверных доказательств, которая лежит в основе достоверного установления обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу [3, с.134].

Другой учёный, например Ф. Н. Фаткуллин понимает под достаточностью доказательств как свойством логическую обработку фактической информации в соответствии с законодательством. Аналогичного мнения придерживается и А. А. Эйсман.

В свою очередь Р. С. Белкин говорит нам о том, что достаточность доказательств – это свойство, которое позволяет убедиться в том, что было осуществлено полное, объективное и всестороннее исследование всех имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [4, с. 369].

Следующий учёный-правовед, а именно Т.Л. Ульянова придерживается позиции, которая гласит, что достаточность уголовно-процессуальных доказательств – это совокупность относимых, допустимых и достоверных доказательств, которые необходимы для установления преступления в соответствии с реально существующей действительностью и вынесения обоснованных решений в процессе рассмотрения и расследования уголовных дел. Можно заметить, что мнение Ульяновой схоже с вышеуказанной мыслью Р. В. Костенко – то есть эти два правоведа выделяют достаточность не как одно из свойств доказательств, а рассматривают её как одно единственное присущее уголовно-процессуальным доказательствам свойство, которое непосредственно включает в себя характеристики относимости, допустимости и достоверности [5, с. 9].

В. И. Радченко утверждает, что достаточность доказательств – это свойство, которое позволяет констатировать ту совокупность собранных доказательств, которая необходима для установления всех обстоятельств совершенного преступного деяния, а также для принятия обоснованного решения в ходе расследования и дальнейшего судебного разбирательства уголовного дела.

Профессор С. А. Шейфер рассматривает понятие достаточности не как отдельное явление, а в совокупности с термином «пределы доказывания» – он утверждает, что для достижения пределов доказывания крайне важен такой критерий, как надежность собранной совокупности доказательств [6, с. 120].

Иной профессор – С. И. Скабелин полагает что достаточность доказательств означат их самую высокую высокой степень достоверности.

Несмотря на такую несомненно объёмную научную разработанность вопроса о значении понятия «достоверность доказательств», мы считаем, что наиболее полное определение рассматриваемого понятия приводит такая учёная-правовед как М. А. Кочкиной. Она понимает под достаточностью доказательств совокупность принадлежащих, допустимых, достоверных доказательств, которая определяется, по

внутреннему убеждению, должностного лица, осуществляющего досудебное расследование и вынесение законных, обоснованных решений в процессе досудебного и судебного производства по делу [7, с. 245].

Считаем необходимым отметить, что уголовно-процессуальное законодательство, помимо понятия достаточности доказательств, не выделяет также и критериев. Думается, что в теории можно говорить о количественной и качественной стороне данного свойства. Качественная сторона пределов доказывания проявляется во взаимосвязи и непротиворечивости имеющихся доказательств, позволяющих формировать выводы в одном направлении. Качественная сторона определяется объемом сведений в том или ином доказательства, общим соответствием требованиям УПК РФ, взаимосвязью и противоречивостью имеющихся доказательств. Более того, можно говорить о том, что даже если орган расследования соберёт несметное количество доказательств, то это не будет являться мерой пределов доказывания, если эти доказательства позволяют обосновать взаимоисключающие выводы. Противоречивые доказательства означают и противоречия в установленных обстоятельствах дела, поэтому пока существенные противоречия не устранены, вывод о доказанности обстоятельств дела продолжает оставаться сомнительным, не достоверным, а значит, требуется продолжение доказывания [8, с. 252].

Количественная сторона достаточности более сложна для понимания, поскольку в законе невозможно прописать и выразить в числовом значении, сколько конкретно потребуется приобщить доказательств для правильного разрешения дела. Оценка достаточности основывается на внутреннем убеждении лица, ведущего уголовное дело.

Одни правоведы, например А. И. Трусов и А. И. Винберг, полагают, что достаточность доказательств выражается в их количестве, а именно в том, что доказательств должно быть достаточно для познания каждого отдельного обстоятельства, которое входит в предмет доказывания по уголовному делу и всех обстоятельств в целом. Другие авторы, например П. А. Лупинская и Р. С. Белкин, считают, что доказательств должно быть достаточно для установления фактических обстоятельств дела, необходимых для принятия решения [9, с. 265].

Мы согласны со второй позицией, поскольку она является наиболее близкой к истине, та как исходя из смысла ст. 88 УПК РФ критерий достаточности устанавливается при оценке доказательств применительно к разрешению дела, и данное свойство доказательств необходимо рассматривать именно в связи с тем, что доказательств должно быть достаточно для разрешения дела.

Итак, выяснив, в чём состоит сущность достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве, также важно отметить и значение данного свойства. Мы приходим к выводу о том, что значение достаточности доказательств зависит от конкретной стадии уголовного процесса, а в частности от стоящих в каждой из них задач. Говоря о стадии возбуждения уголовного дела, можно отметить, что здесь достаточность доказательств имеет значение для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении уголовного дела. Если же рассматривать стадию предварительного расследования, то здесь значение достаточности доказательств кроется в необходимости установления всех обстоятельства, входящих в предмет доказывания. Что же касается стадии назначения дела к судебному разбирательству – тут достаточность значима в контексте того, что судья не должен входить в решение вопроса о виновности обвиняемого, о доказанности обвинения в целом и принимать решение по этим вопросам. Упоминая стадию судебного разбирательства, необходимо заметить, что суду необходимо учитывать факт того, что из всего круга собранных доказательств, наиболее значимыми являются те, которые отвечают на центральные вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, в чём и заключается значение достаточности доказательств [10, с. 58-60].

Итак, под достаточностью доказательств понимается совокупность доказательств по определенному уголовному делу, при помощи которой его можно разрешить. Именно поэтому достаточность является не количественным, а качественным показателем. Как отмечают в своих трудах Н. Ю. Веселова, М. А. Медведева и Н. В. Воронкова: «Достаточность доказательств является оценочным понятием, невозможно дать однозначный ответ, когда именно доказательств по делу достаточно». Однако большинство ученых приходят к выводу, что доказательств достаточно в том случае, если с помощью них суд может разрешить дело. Такая цель достигается в случае, если исследованы все доказательства, которые подтверждают или опровергают предмет доказывания. Достаточность доказательств определяет пределы доказывания по уголовному делу и помогает избежать не имеющих смысла по данному уголовному делу следственных или судебных действий и иных процессуальных мероприятий. Достаточность доказательств нельзя рассматривать исключительно как количественную характеристику, поскольку доказательства еще зависят от их качественной характеристики.

Таким образом, свойство достаточности определяется как наличие исчерпывающего количества доказательств, дающих возможность привлечь лицо к уголовной ответственности. Задача установления достаточности доказательств стоит перед должностными лицами, которые разрешают ее по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством, а именно, с учетом внутреннего убеждения, основанного на принципах законности и обоснованности обвинения. Данное положение о свободе оценки доказательств получило свое закрепление в ст. 17 УПК РФ. Достаточность доказательств должна рассматриваться и оцениваться должностными лицами органов предварительного расследования и судом наравне с иными свойствами доказательств в уголовном процессе, и уже в совокупности обосновывать доказанность как отдельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, так и в целом доказанность виновности лица в совершении преступления.

Решением указанной проблемы может послужить закрепление в УПК РФ легального определения категории достаточности доказательств. Так, например, представляется целесообразным дополнить ст. 88 УПК РФ частью 5, устанавливающей: «Достаточностью доказательств для разрешения уголовного дела признается совокупность собранных по делу допустимых и достоверных доказательств, неоспоримо и однозначно устанавливающих истину об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.
2. Лебедев Н.Ю. Значение и проблемы установления достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.Ю. Лебедев, С.А. Степанов // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 2 (38). – С. 115-119.
3. Синицын А.А. Достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве/ А.А. Синицын // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности . – 2019. – С.131-136.
4. Купряшина Е.А. Проблемы определения достаточности доказательств в уголовном процессе / Е. А. Купряшина, М.А. Саньков // Научный альманах. – 2016. – № 12-1 (26). – С. 367-370.
5. Дмитриева А.И. Понятие и свойства доказательств в уголовном процессе / А.И. Дмитриева, А. А. Самарукова // Центральный научный вестник. – 2020. – № 11 (100). – С. 8-10.
6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. – Москва: Норма, 2022. – 240 с.
7. Лазарева В.В. Уголовно-процессуальное право: актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистратуры / В. В. Лазарева, А. А. Тарасова. – М.: Юрайт, 2018. – 465 с.

8. Коржов Д.М. К вопросу о достаточности доказательства как элемента уголовного процесса / Д. М. Коржов, Н.В. Савельева // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2021. – С. 251–253.
9. Лупинская, П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / П. А. Лупинская. – М.: Норма, 2019. – 1072 с.
10. Манова Н. С. Уголовный процесс: учебное пособие / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров. – М.: Юрайт, 2020. – 244 с.

SUFFICIENCY AS ONE OF THE MOST IMPORTANT PROPERTIES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. This paper examines one of the properties of evidence – namely, the property of sufficiency of evidence in criminal proceedings, which plays an important role for the correct resolution of criminal cases. The concept of this property is analyzed, the points of view of various researchers are considered, the provisions of criminal procedure legislation are given. Also in this paper, the essence of this property of evidence, its meaning, problematic aspects and their solution are clarified.
Keywords: sufficiency of evidence, properties of evidence, evidence, criminal procedure, the proof process.

Novikova I.A.
Scientific adviser: Gulina S.N., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: erena747@gmail.com

УДК 347.51

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Новосёлова М. С.
Научный руководитель: Беляева М.А., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассматриваются актуальные проблемы института деликтной ответственности в гражданском праве. Проведен анализ возникновения понятия деликтной ответственности, определены условия и основания возникновения деликтной ответственности, охарактеризована деликтная ответственность несовершеннолетних лиц. В работе представлены предложения по совершенствованию действующего гражданского законодательства.
Ключевые слова: деликт, вина, ответственность, причинная связь, вред.

Институт деликтной ответственности, как вид гражданско-правовой ответственности, считается одним и важнейших институтов гражданского права. Деликтная ответственность определяет последствия неправомерного поведения, которое нарушает права и интересы других лиц и общества. Следовательно, применение данного вида ответственности является одним из методов защиты нарушенных прав и интересов.

Большинство юридических установок, норм и институтов произошли от правопорядка Римского государства. Необходимо отметить, что институт деликтной ответственности не является исключением, поскольку наряду с вещными и договорными обязательствами, относиться к числу древнейших институтов. Римским юристам удалось выработать принципы возмещения вреда согласно отдельным нарушениям, которые в будущем легли в основу учения о деликтных обязательствах, и не лишились своей актуальности и в настоящее время.

При этом, одной из специфик института деликтных обязательств в римском праве являлось то, что он состоял из системы раздельных деликтов и соответствующих им исков, но при этом, ни общего понятия деликта, ни базовых принципов возмещения

вреда римскими юристами установлено не было. Это вполне соответствует особенностям римской юриспруденции, которая обладала особенно казуистичным характером, и не преследовала своей целью выработать абстрактные юридические установки. Тем не менее, на основе анализа отдельных деликтов, романистами предпринимались попытки вывести обобщенное понятие деликта [1].

Вред в римском праве рассматривался как «всякое невыгодное для данного лица изменение его имущественного положения» [2], т.е. сводился только к имущественным потерям. В римском праве отсутствовало понятие морального вреда, однако были случаи, когда возмещение такого вреда прослеживалось.

Начала деликтной ответственности в римском праве находят свое отражение в праве нынешних европейских государств. Несмотря на то, что институт деликтной ответственности в каждом государстве обладает особыми чертами, еще в 2005 году в условиях осуществляемой европейскими государствами интеграции правовых систем были сформулированы всеобщие принципы европейского деликтного права, которые определили вектор формирования государственного деликтного законодательства.

Как верно отмечает И.Б. Новицкий, «законченное понятие частного деликта предполагало три элемента: объективный вред, причиненный противозаконным действием одного лица другому; вину лица, совершившего противозаконное действие (умысел или хотя бы неосторожность); признание со стороны объективного права данного действия частноправовым деликтом, т.е. установление частноправовых последствий данного деяния, применяемых в порядке гражданского процесса» [3].

Анализируя условия деликтной ответственности, необходимо выделить, что вред, в современном деликтном праве, не сводится исключительно к материальным потерям, а охватывает собой случаи причинения морального вреда, а также расходы потерпевшего лица, которые направленных на предотвращение возникновения вреда.

Кроме того, в современном деликтном праве предусмотрена безвиновная (строгая) деликтная ответственность при осуществлении деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих. Следует отметить, что строгая ответственность меняет само функциональное назначение деликтной ответственности. В классическом значении, сформировавшемся еще в римском праве, деликтная ответственность преследовала компенсационную цель. Однако в современных технологических условиях, последствия дефектов производственной деятельности могут оказывать воздействие на широкий круг лиц. Именно поэтому право отходит как от непосредственной причинно-следственной связи, так и принципа вины.

Противоправность в современном гражданском праве также рассматривается в качестве одного из условий возникновения деликтной ответственности. Противоправным в рамах гражданского права признается такое поведение, которое прямо нарушает предписания закона либо условия договора. Таким образом, в широком смысле деликт – это любой проступок или правонарушение, а в более узком – это все те деяния людей, которые противоречат нормам, закрепленным в гражданском законодательстве [4].

Доктринальное разграничение преступлений и деликтов проводится по следующим основаниям:

1. способ причинения вреда;
2. степень общественной вредности и ценность объекта, на которое направлено противоправное посягательство;
3. личность правонарушителя;
4. размер и характер причиненного вреда;
5. обстановка и время совершенных действий, и др.

Проанализировав данные основания, можно прийти к выводу, что основное отличие деликта от иных правонарушений – это преднамеренное деяние, целью которого является причинение того или иного вреда.

Правовыми источниками регулирования деликтной гражданско-правовой ответственности являются общие положения главы 25 «Ответственность за нарушение обязательств» части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами глав 59 ГК РФ или не вытекает из существа соответствующих отношений. ГК РФ (часть вторая) также содержит специальную главу (гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда»), предусматривающую цели, основания и условия деликтной ответственности, круг ответственных лиц, порядок определения размера возмещения, особенности возмещения различных видов вреда [5].

Правовым основанием исследуемого вида ответственности является противоправное виновное действие (бездействие) лица, причинившее вред другому лицу, не находящемуся в договорных отношениях с делинквентом, то есть деликтное правонарушение.

Гражданское законодательство содержит многочисленный перечень правонарушений, являющихся основанием для привлечения к имущественной ответственности деликтного типа:

1. причинение вреда личности или имуществу гражданина, имуществу юридических лиц и государству;
2. причинение вреда действиями (бездействием) государственных и муниципальных органов;
3. причинение вреда действиями работника;
4. вред, причиненный недееспособными, ограниченно дееспособными и лицами, не способными понимать свои действия;
5. причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих;
6. причинение вреда жизни и здоровью граждан;
7. причинение вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг;
8. причинение морального вреда.

Следовательно, основанием наступления гражданско-правовой ответственности считается совершение правонарушения, а совокупность всех необходимых и достаточных условий формируют состав правонарушения. Наступление гражданско-правовой ответственности следует из неправомерных действий либо бездействий субъектов гражданских правоотношений и юридических фактов.

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает личность, здоровье и жизнь человека главной ценностью [6]. Гражданско-правовое обязательство, возникающее вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина, подразумевает обусловленную последовательность действий пострадавшего.

Порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, закреплен в ст. 1084-1094 ГК РФ. При этом возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, производится по общим правилам исполнения деликтных обязательств [7]. Так, деликтные обязательства подразумевают возмещение пострадавшему материальных потерь, так как нередко в следствии причинения вреда здоровью, потерпевший лишается работоспособности.

В качестве основополагающей формы защиты граждан при причинении им вреда, необходимо учитывать право потерпевшего обратиться в суд общей юрисдикции, это положение также закрепляется п.1 Постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина»[8]. При этом, исходя из норм, установленных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ), обращение в суд происходит в порядке искового производства. Такие дела в соответствии со ст. 24 ГПК

РФ [9] подсудны районным судам. При этом, потерпевший является истцом по делу, а причинитель вреда – ответчиком.

Рассматривая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, следует отметить, что несовершеннолетние старше 14 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный ими вред на общих основаниях. Таким образом, в случае причинения вреда другим лицам, к ним будут применяться положения о гражданско-правовой ответственности, предусмотренные ст.1064 ГК РФ.

Однако, ответственность лиц старше 14 лет за вред, ими причиненный, также предполагает лишение несовершеннолетнего причинителя имущественных благ с целью восстановления нарушенного им положения потерпевшего.

В связи с этим, следуя интересам потерпевшего, необходимости восстановления его нарушенных прав в ГК РФ была закреплена норма ч.2 ст.1074, согласно которой, отсутствие у несовершеннолетнего старше 14 лет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, является основанием возложения обязанности по его возмещению на родителей (усыновителей), попечителей, организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Анализ приведенной нормы показывает, что родители (усыновители), попечители и соответствующие организации могут быть субъектами обязательства по возмещению причиненного вреда только в случае недостаточности средств, имущества несовершеннолетнего и при наличии их вины в причинении вреда.

При этом, обязанность вышеперечисленных субъектов, по возмещению вреда, причиненного ребенком, полностью прекращается лишь по достижению его причинителем совершеннолетия. Приобретение несовершеннолетним доходов либо иного имущества, достаточных для возмещения причиненного им вреда может служить основанием лишь для ее приостановления. Между тем, в случае эмансипации, несовершеннолетний самостоятельно и полностью отвечает по обязательствам, в том числе, возникшим вследствие причинения им вреда, поскольку согласно ч. 2 ст. 27 ГК РФ родители, усыновители и попечитель ответственности по его обязательствам не несут.

В заключении следует отметить, что в действующем законодательстве весьма четко определены основания деликтной ответственности. Однако, в настоящее время отсутствует определение «деликт» – это пробел в действующем законодательстве, который необходимо устранить. Таким образом, считаем необходимым сформулировать и закрепить в гражданском законодательстве общее понятие «обязательства вследствие причинения вреда».

Помимо этого, нами были выявлены и другие пробелы в регулировании данных правоотношений, поэтому в целях дальнейшего совершенствования гражданского законодательства о деликтной гражданско-правовой ответственности необходимо:

– предусмотреть в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств» ГК РФ подраздел: «Общие положения об ответственности за нарушение деликтных обязательств»;

– включить в подраздел «Общие положения об ответственности за нарушение деликтных обязательств» конкретный перечень мер (санкций), включая возмещение вреда в натуре, денежную компенсацию имущественного вреда, иные виды компенсации (компенсацию морального вреда, компенсацию за нарушение исключительных интеллектуальных прав, компенсацию за нарушение разумных сроков и т.п.);

– дополнить ч. 1 ст. 401 ГК РФ указанием о том, что «основанием гражданско-правовой ответственности является гражданско-правовое нарушение с его элементами (противоправность действий (бездействия), которые прямо нарушают предписания закона либо условия договора; причинение вреда как неблагоприятные последствия

имущественного и(или) неимущественного характера, а также расходы потерпевшего лица, которые направленных на предотвращение возникновения вреда; причинно-следственная связь; вина правонарушителя как психическое отношение лица к своему противоправному деянию и его последствиям)»[10].

Таким образом, институт деликтной ответственности занимает особое место в отрасли гражданского права и представляет собой самостоятельный вид ответственности, возникающий в связи с причинением вреда, при отсутствии между сторонами конфликта договорных взаимоотношений. Однако, гражданское законодательство требует дальнейших доработок в части данного института, которые позволят более полно регулировать отношения, связанные с деликтной гражданско-правовой ответственностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вологдин А. А. Римское право: учебник и практикум/А.А. Вологдин – М.: Юстиция, 2019. 256 с.
2. Максимов В.А. Римское право: Учебное пособие / В.А. Максимов, С.С. Желонкин. – М.: Юстицинформ, 2019. – 298 с.
3. Новицкий, И. Б. Римское право : учебник для среднего профессионального образования / И. Б. Новицкий. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 298 с.
4. Очеретный, И.С. Деликтная ответственность / И.С. Очеретный // Отечественная юриспруденция. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deliktnaya-otvetstvennost/ (дата обращения: 04.03.2023).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года №51-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 04.03.2023).
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.constitution.ru (дата обращения: 04.03.2023).
7. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. – 265 с.
8. Постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина»
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 07.10.2022). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 04.03.2023).
10. Садриева, Р. Р. Особенности привлечения государства к гражданско-правовой ответственности по деликтным обязательствам / Р. Р. Садриева // Актуальные вопросы гражданского права и гражданского судопроизводства: Материалы «круглого стола» Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. – 74 с.

GENERAL CHARACTERISTICS OF TORT LIABILITY AS A TYPE OF CIVIL LEGAL LIABILITY

Annotation. This paper examines the institution of tort liability in civil law. The analysis of the emergence of the concept of tort liability is carried out, the conditions and grounds for the occurrence of tort liability are determined. Proposals have been developed to improve civil legislation.
Keywords: delict, guilt, liability, causation, harm.

Novoselova M.
Scientific adviser: Belyaeva M.A., Assistant
Donetsk National University
E-mail: novoseelova-m@mail.ru

УДК 343.97

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Носенко П.Д.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются методы борьбы с коррупцией на примере Дании и Китая путем анализа доктринальных и официальных источников государств. Проанализированы и представлены наиболее эффективные методы борьбы с коррупционными преступлениями для внедрения в законодательство Российской Федерации.
Ключевые слова: коррупция, преступность, ответственность, борьба, технологии.

Коррупция представляет собой социальное явление и обладает системными качествами, а также является одной из проблем современного общества.

Согласно статистике о состоянии преступности в Российской Федерации за период с 2020 года по 2022 год, преступления коррупционной направленности продолжают возрастать. Следует заметить, что раскрываемость данной категории деяний выражена положительной динамикой, однако с каждым годом увеличивается количество коррупционных преступлений.

Современное общество претерпевает значительные изменения и с целью предотвращения совершения преступлений коррупционной направленности следует разработать модернизированные методы борьбы. Анализ государственного устройства зарубежных стран позволяет рассмотреть способы организации общества, выявить наиболее эффективные методы борьбы с преступностью и использовать их с целью противодействия коррупционной деятельности на территории Российской Федерации, учитывая актуальные статистические данные исследуемого рода преступлений.

Одной из наименее коррумпированных стран в мире является Дания, которая согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2022 г. набрала 90 баллов по шкале от нуля («высокая коррумпированность»). Указанные данные являются показателем того, что методы борьбы Дании следует проанализировать и в случае обнаружения эффективных способов, внедрить в законодательство Российской Федерации.

Одной из особенностей антикоррупционной политики Дании является то, что она направлена на эффективное искоренение коррупционных преступлений, как в государственном, так и в частном секторе.

Так, Министерство иностранных дел Дании разработало совместную антикоррупционную политику, которая охватывает все сферы ответственности иностранных служб, чтобы помочь гарантировать, что МИД выполняет международные, а также национальные обязательства в этой области, и что антикоррупционные принципы МИД понятны всем сотрудникам и внешним заинтересованным сторонам.

Анализируя Антикоррупционную политику Дании, следует заметить, что государство возлагает надежду на сознательных лиц, поскольку все сотрудники при подозрении или осведомленности о конкретных случаях коррупции обязаны немедленно сообщить об этом следующим образом:

– о случаях, связанных с сотрудниками Министерства (в Министерстве и в представительствах), следует немедленно сообщать непосредственному начальнику или механизму информирования Министерства;

– о случаях, связанных с внешними партнерами, получающими датскую помощь в целях развития, следует сообщать в Департамент финансового управления и поддержки (FRU);

– дела в отношении датских компаний за рубежом должны быть сообщены в Юридический департамент Министерства;

– о случаях, связанных с партнерами Министерства, т.е. поставщиками услуг и консультантами, следует немедленно сообщать непосредственному начальнику.

При подозрении или получении информации о конкретных случаях коррупции, таких как взяточничество, решение уведомить датские или иностранные власти, включая обращение в полицию, принимается Министерством иностранных дел в Копенгагене на основе имеющейся информации. Это относится ко всем случаям, независимо от того, как информация попала в распоряжение Министерства [1].

Дания активно внедряет современные методы борьбы с коррупцией. Помимо имеющихся способов, государство планирует использовать блокчейн и технологию больших данных. На 20-й международной конференции по борьбе с коррупцией (6-10 декабря 2022 года): искоренение коррупции, защита демократических ценностей одним из заявленных предложений по методам борьбы стало, что там, где это уместно, следует использовать технологии для усиления борьбы с коррупцией. Правительствам следует совершенствовать механизмы цифрового управления и регулирования, основанные на принципах прозрачности, подотчетности и добросовестности, в том числе в отношении искусственного интеллекта, технологии блокчейна и распределенных реестров, а также больших данных [2].

Колесов В.А. в своем научном труде дает определение понятию «блокчейн», под которым понимается распределенная и децентрализованная база данных, сформированная участниками и характеризующаяся невозможностью фальсификации данных из-за хронологической записи и публичного подтверждения всеми участниками сети транзакции. Основной и главной особенностью технологии является использование алгоритмов математического вычисления, и исключение «человека» и человеческого фактора при принятии решения системой [3].

В Российской Федерации приверженцами технологии выступают ПАО «Сбербанк», ПАО «Газпромбанк», Национальный расчетный депозитарий, ПАО «ГМК «Норильский никель», S7 Airlines, а также Центральный банк Российской Федерации, ПАО Банк ВТБ, платежная система Qiwi и Тинькофф Банк. Использование блокчейна в некоторых компаниях Российской Федерации позволяет сделать вывод, что с развитием государства технология будет применяться постепенно и в других организациях.

Технология распределенного реестра (DLT) представляет собой электронную систему баз данных, распределенную между сетевыми узлами. DLT может применяться и в государственном секторе для защиты документов, и предотвращения их фальсификации. Блокчейн как метод борьбы с коррупцией представляет собой эффективный инструмент, поскольку технология обеспечивает прозрачность и неизменность данных. Прозрачность в отслеживании транзакций снизит вероятность получения взяток, однако это будет возможно при условии внесения в базу корректных данных.

Государственные служащие в Дании имеют высокую степень социальной защиты: обеспечение бесплатными медицинскими услугами и образованием, социальные гарантии, что позволяет существенно снизить вероятность коррупционных действий.

Также особенностью предупреждения коррупции является то, что при трудоустройстве обязательным условием является подписание специального договора, в котором содержится обязательство сторон об отказе получать и давать взятки. В случае нежелания подписывать договор, это может послужить поводом для отказа в принятии на работу, а его нарушение влечет за собой увольнение, в результате которого в личном деле и характеристике работника появится специальная отметка о том, что послужило причиной этого [4].

Дания – это государство, в котором методы борьбы с коррупцией являются гуманными и эффективными, в отличие от Китая, в котором преобладают ожесточенные антикоррупционные мероприятия, однако преступления коррупционной направленности не снижаются.

По Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2022 год Китай набрал 45 баллов по шкале от нуля («высокая коррумпированность»). В Китае 62 % людей, которые считают коррупцию в правительстве большой проблемой, 28 % пользователей государственных услуг, давших взятку за предыдущие 12 месяцев.

Следует согласиться с тем, что коррупция в целом это проблема, а коррупция в правительстве – это глобальная проблема, поскольку вероятность справедливого разрешения возникающих в обществе конфликтов и вопросов, снижается. Китайскому государственному, политическому и партийному деятелю Дэн Сяопину принадлежит высказывание: «Мягкой рукой с преступностью не повоюешь и социальные уродства не выведешь», эта установка лежит в основе всей борьбы с коррупцией в современном Китае. Несмотря на существующие мероприятия, направленные на борьбу с коррупцией, в Китае она не искореняется.

Однако некоторые методы борьбы с коррупцией в Китае вызывают интерес для анализа и дальнейшего внедрения в законодательство Российской Федерации. Например, одним из видов борьбы с преступлениями коррупционной направленности в Китае является ротация кадров во всех органах власти, которая способствует тому, что у служащих отсутствует возможность использования сложившихся служебных, родственных, дружеских и иных связей, способствующих незаконным действиям на местах [5].

Также в Китае за индивидуальную коррупцию в размере свыше 100 тысяч юаней предусмотрена высшая мера наказания – смертная казнь. Взяточничество в Китае было объявлено преступлением с 1982 года и с тех пор применяется высшая мера наказания, изменилась только технология: вместо расстрелов ввелись смертельные инъекции. В законодательстве Китайской Народной Республики предусмотрено два вида смертных приговоров:

– с немедленным исполнением;

– с отсрочкой приведения в исполнение до двух лет.

В случае с отсрочкой приговоренное к смертной казни лицо может её избежать, если в течение двух лет будет примерно себя вести и не будет нареканий в его сторону. Однако наказания избежать не удастся: казнь может быть заменена другим видом.

Смертная казнь как высшая мера наказания за взяточничество является не эффективным методом в борьбе с коррупцией, поскольку, несмотря на её применение в Китайской Народной Республике, преступления данного характера совершаются в крупных размерах.

Коррупция проникает в социальные ценности в случае, если в сознании общества укоренилась установка, что законными способами нельзя добиться справедливости. Коррупция в Российской Федерации приводит к торможению экономического развития.

Приходят к сбою механизмы конкуренции, возникают барьеры к свободе предпринимательской деятельности, сужаются права собственности, без объяснений увеличиваются цены и тарифы. Все эти процессы приводят к теневой экономике, удерживают приток в Российскую Федерацию прямых иностранных вложений на фоне высокого ранга вывоза капитала из государства [6].

Физические и юридические лица, которые заинтересованы в решении возникающих конфликтов и вопросов, вынуждены осуществлять коррупционные действия, поскольку государственные органы не желают быть причастными в решении проблем и развития экономики.

Подводя итог вышесказанного, для искоренения коррупции в государстве следует привить гражданам и, непосредственно, руководителям, нетерпимость к ней, что позволит поднять экономику страны и уровень жизни.

Для этого рекомендуется использовать опыт в борьбе с преступлениями коррупционной направленности, что поможет государству достичь экономически устойчивого развития. Проанализировав методы борьбы наименее и наиболее коррумпированных государств, следует внедрить в законодательство Российской Федерации следующие эффективные способы на примере Дании и Китая:

– использование блокчейна и технологию больших данных для предотвращения изменения данных и отсутствия прозрачности транзакций;

– подписание специального договора, в котором содержится обязательство сторон об отказе получать и давать взятки;

– высокий уровень социальной защиты; также предлагается при отсутствии или ненадлежащем исполнении данного требования, ввести санкции по отношению к руководителю организации;

– ротация кадров во всех органах власти; данный метод позволит не только устранить возможность использования различных связей, но и обмениваться опытом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индекс восприятия коррупции 2022 // Официальный сайт: «Transparency International the global coalition against corruption». 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.transparency.org/en/cpi/2022/index/chn (дата обращения: 15.02.2023)

2. Вашингтонская декларация // 20-я международная конференция по борьбе с коррупцией (6-10 декабря 2022 года): искоренение коррупции, защита демократических ценностей Официальный сайт: «The international anti-corruption conference» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iaccseries.org/blog/the-washington-declaration-20th-international-anti-corruption-conference-6-10-december-2022-uprooting-corruption-defending-democratic-values/?_gl=1*1ggdu6e*_up*MQ..*_ga*MTA5Nzc0OTg2Mi4xNjc2NDY5Njkz*_ga_GRK444HKV6*MTY3NjQ2OTY5Mi4xLjEuMTY3NjQ2OTcyMS4wLjAuMA.. (дата обращения: 16.02.2023)

3. Колесов В.А. Использование технологии блокчейн в учебном процессе для защиты интеллектуальной собственности / В.А. Колесов // Дистанционные образовательные технологии: Материалы II Всероссийской научно-практической интернет-конференции, 2017. – С. 345

4. Методы борьбы с коррупцией в Дании в 2022 году // Официальный сайт: Emigranto.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://emigranto.ru/evropa/daniia/korruptciia-v-danii.html (дата обращения: 16.02.2023)

5. Пеньковский Д.Д. Борьба с коррупцией – серьезная проблема современности / Д.Д. Пеньковский, В. И. Кузнецов Вестник Национального института бизнеса, 2019. – с. 213-223 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korruptsiey-serieznaya-problema-sovremennosti#:~:text=Великому%20китайскому%20реформатору%20Дэн%20Сяопину,неподкупного%20партийного%20и%20правительственного%20аппарата» (дата обращения: 16.02.2023)

6. Гембик, В. Я. Коррупция в России: ретроспективный анализ, влияние на моральные, правовые, психологические устои общества / В. Я. Гембик // Молодой ученый. – 2020. – № 46 (336). – С. 207-209. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/336/75218 (дата обращения: 16.02.2023)

FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION ON THE EXAMPLE OF DENMARK AND CHINA

Annotation. In this article, the methods of combating corruption are considered on the example of Denmark and China using the analysis of doctrinal and official sources of states. The most effective methods of combating corruption crimes for implementation in the Russian Federation are analyzed and presented.
Keywords: corruption, crime, responsibility, struggle, technology.

Nosenko P.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: nosenkopolina.16@mail.ru

УДК 347.4

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Панин А. В.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Настоящая статья рассматривает и анализирует один из важнейших вопросов, касающийся договора поставки, – его существенные условия. Актуальность проблемы обоснована тем, что текущие нормы права недостаточно четко регламентируют обязательное содержание такого сложного вида договора купли-продажи, как поставка, что приводит к многочисленным спорам и судебным разбирательствам среди предпринимателей.
Ключевые слова: Договор поставки, поставка, изменения в законодательстве, проблемы договора поставки, существенные условия договора поставки.

Договор поставки известен истории российского и белорусского права уже более, чем на протяжении двух столетий. Но, несмотря на это, он до сих пор относится к подвиду договора купли-продажи, из-за чего не может получить «статус» самостоятельного института гражданского права на законодательном уровне и на практике. При этом договор регламентирован в законе достаточно четко и подробно, потому что является широко распространенным – он пользуется большим спросом среди физических и юридических лиц при осуществлении предпринимательской деятельности.

Понятие договора регламентируется в Гражданском кодексе (далее – ГК). В законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) дефиниция закреплена в статье 506: «Договор поставки -это договор, по условиям которого продавец (поставщик), осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязан передать в установленные сроки или сроки производимые, или закупаемые им товары покупателю с целью последующего использования их в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием». В законодательстве Республики Беларусь (далее – РБ) этому вопросу посвящена статья 476 ГК, которая гласит, что «По договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования их в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием».

Однако, чтобы субъекты гражданского права могли в полной мере иметь права и нести обязанности по договору поставки, должны быть соблюдены существенные условия заключения договора. Без их соблюдения договор будет считаться незаключенным. Как правило, такие существенные условия регламентируются в отсылочных нормах ГК.

В ГК РФ, а именно в параграфе 3 главы 30 не закреплены нормы, которые прямо бы указывали на существенные условия. Однако, согласно п. 5 ст. 454: «к отдельным видам договора купли-продажи применяются положения о купле-продаже, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса об этих видах договоров». Данное положение означает, что на основании общих норм о заключении договора (ст. 432 ГК РФ) для субъектов договора поставки следует соблюдать следующие существенные условия: предмет и сроки поставки. Под предметом законодатель понимает наименование товара, его количество, ассортимент и комплектность, цена. Также

законодатель оставляет внесение в договор порядка по определению и установлению таких условий по усмотрению сторон.

Схожее положение содержится и в законодательстве Беларуси. Оно закреплено в п. 1 ст. 401 ГК РБ: «Договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем его существенным условиям, в качестве которых выступают условия о предмете договора; названные в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида; те, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение».

Исходя из анализа этих норм и комментариев цивилистов к ним, стоит отметить, что главное существенное условие в договоре поставки – это его предмет. А наименование, количество, ассортимент, качество и комплектность – это характеристики предмета договора поставки. Многие ученые-юристы сходятся во мнении, что для заключения договора поставки сторонам будет достаточно согласовать и указать всего две характеристики: наименование и количество.

Но остро стоит спорный вопрос включения в ГК обязательного законодательного требования о согласовании таких характеристик предмета, как ассортимент и качество товара. На данный момент в п. 2 ст. 467 ГК РФ написано следующее: «Если ассортимент в договоре купли-продажи не определен и в договоре не установлен порядок его определения, но из существа обязательства вытекает, что товары должны быть переданы покупателю в ассортименте, продавец вправе передать покупателю товары в ассортименте исходя из потребностей покупателя, которые были известны продавцу на момент заключения договора, или отказаться от исполнения договора».

С одной стороны, ассортимент – то есть, соотношение товара по видам, размерам, моделям, цветам, и его прямое указание и уточнение в договоре, значительно бы упростило защиту прав сторон договора в случае возникновения споров. С другой стороны, такую характеристику, как ассортимент, не всегда возможно согласовать и не всегда нужно. Например, если речь идет о поставке всего одной единицы товара или поставке партии с идентичными признаками. Помимо этого, на большинство товаров установлены государственные требования и стандарты к качеству, они закрепляются в отдельных технических НПА. Таким образом, стороны могут для своего «спокойствия» закрепить детально в договоре условия о качестве товара и ассортименте, но в этом нет существенной необходимости.

Не менее спорным вопросом по данной теме является вопрос о признании существенным условием условия о цене. Проблематика такого вопроса обусловлена тем, что цена, как существенное условие, обуславливается специфическим субъектным составом договора. Стороны договора поставки – это продавец (поставщик) и покупатель, которые оба являются субъектами предпринимательской деятельности. Любой хозяйствующий субъект будет стремиться к получению наилучшей выгоды и наибольшей прибыли, при этом стараясь уменьшить риски и затраты, – что обосновывает цель закрепления в договоре всех условий конкретизировано и точно, особенно условия о стоимости.

В своей работе П. В. Крашенинников и О. А. Рузакова отмечают, что при заключении договора поставки, сторонам также рекомендуется, согласовывая условия о цене товара, обращать внимание на такие факторы: установление размеры и порядка определения цены, включение в цену товара налоговых расходов, дополнительные услуги, которые могут быть включены в стоимость, установление дополнительных выплат – бонусов и скидок [1].

Если рассматривать данный вопрос, опираясь на судебную практику, то, суды, чаще всего, опираются на ст. 485 и 424 ГК РФ при вынесении решения. Так, они не

признают цену существенным условиям и признают договор поставки заключенным даже без указания в нем окончательной цены. Другая часть судов все же склоняется к тому, что цена – это обязательное существенное условие, которое необходимо включать в договор наряду с условиями о наименовании, сроках, количестве. Например, суды Беларуси по причине отсутствия в договоре условия о цене нередко признают такой договор незаключенным. Судьи ссылаются на требования абз. 2 п. 1.16.4 Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. No 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций». Также если речь идет о договоре поставки между резидентом и нерезидентом, то стоит учитывать, что в отдельных государствах (Китай, Франция, Германия и др.) законодательство предусматривает обязательное включение условие о цене в договор [2].

Между тем, отечественная юридическая доктрина в большей степени поддерживает принцип, когда цена не должна являться существенным условием. Ученые-цивилисты аргументируют свою позицию тем, что если сторонами цена не была согласована, в соответствии со ст. 424, 454, 485 ГК РФ, а также п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, – цена будет определяться исходя из цены, которая обычно взимается за аналогичный товар методом сравнения. И, таким образом, и покупатель, и продавец все равно остаются под защитой закона, следовательно включение условия о цене в перечень существенных является не совсем логичным и обязательным.

В своей научной статье мы также склоняемся к правильности первого подхода, когда цена и порядок ее установления не должно являться существенным условием в договоре поставки. Мы можем дополнительно обосновать это тем, что к договору поставки по закону применяются общие положения о договоре купли-продажи. По договору купли продажи допускается отсутствие цены, и в таком случае, согласно п. 1 ст. 455, п. 3 ст. 394 ГК РФ, цена может определяться из условий самого договора.

Еще один спорный вопрос возникает при рассмотрении положений о сроках в договоре поставке. Выше отмечалось, что в статье 476 ГК РБ сказано: «По договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования их в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием». То есть, сразу в дефиниции говорится о двух существенных условиях, не только о предмете, который уже был рассмотрен в данной работе, но и сроке. Законодатель предлагает сторонам установить точный срок поставки самостоятельно или просто определить порядок его определения – «…или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования…». Однако, достаточно часто в договорной практике правоотношений по поставкам, стороны пропускают пункт о сроках и вовсе их не согласовывают.

Также в Республике Беларусь, согласно пункту 56 Положения о поставках товаров, действует такое правило: если в договоре не установлен срок исполнения обязательств со стороны поставщика, то он имеет право произвести поставку в течение трех месяцев с момента подписания и заключения договора.

Дополнительно стоит отметить, что в пункте 7 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 5 декабря 2012 г. №12 «О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из договоров поставки товаров» (постановление Пленума ВХС №12), сказано, что в случае отсутствия в договоре поставки конкретно установленного срока или возможного порядка его определения, будет применяться правила статьи 295 ГК РБ, а именно: «Если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения или период времени, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в

этот день или соответственно в любой момент в пределах такого периода. В случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, оно должно быть исполнено в разумный срок после возникновения обязательства».

Таким образом, используя формулировку «разумный срок», законодатель допускает возможность отсутствия в договоре условия о сроке, и это не будет способствовать тому, что договор будет считаться незаключенным. Однако, снова возникает спорный вопрос о том, что следует признавать разумным сроком и какова его продолжительность.

Например, действующий ГК РФ не содержит правила определения «разумного срока». Таким образом, понятие разумного срока остается оценочным и определяется по-разному для каждой ситуации, опираясь на такие факторы, как характер обязательства, возможность его исполнения, договоренность сторон, взаимоотношения сторон, форс-мажорные обстоятельства и другие факторы.

И последнее условие, которое порождает множество неоднозначных мнений у цивилистов, – это цель договора поставки. Например, с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 07.03.2000 № 117 была закреплена обязанность сторон договора поставки отмечать в соглашении цель приобретения товара. Этот вопрос детально рассматривал в своей работе Бордачев М. А. [3, с. 33], где автор отмечал, что такое требование об указание цели приобретения товара может предотвратить признание договора недействительным. На данный момент такой указ утратил силу.

Сейчас указание цели как существенного условия договора поставки не является обязательным ни в РФ, ни в РБ, но группы ученых в своих работах – в частности, Авдеева Т. В. [4, с. 301] и Ананич С. М. [5, с. 65] все же выступают в поддержку таких «старых нововведений». Свое мнение авторы обосновывают тем, что цель приобретения товара влияет на требования к форме такой сделки. К примеру, в судебной практике часто встречаются дела, когда договор поставки признавался ничтожным, так как не был связан с отношениями по торговой посреднической деятельности.

Подводя итог по всему вышесказанному, можно резюмировать, что существенные условия договора поставки на сегодняшний день – это условие о предмете, которые дополнительно могут в себя включать детализирующие характеристики, такие как – наименование, качество, ассортимент, срок поставки. При этом последние названные условия так и не стали обязательными, то есть, стороны могут заключить договор без указания таких условий, что в последующем может привести к судебным спорам и разбирательствам.

На наш взгляд, договор поставки – это сложный, и, как правило, долгосрочный договор, поэтому стороны должны предусматривать все элементы сделки, которые будут распространяться на все этапы исполнения обязательств, вплоть до прекращения или расторжения договора. Это позволило бы создать не только слаженный механизм реализации договора, но и в большей степени защитило бы сторон – продавца и покупателя. Так как они оба являются субъектами хозяйствования, это также бы сэкономило время, предотвратив возможное появление споров и судебных разбирательств, что также очень важно для современного предпринимателя.

Также стоит отметить и о фактах умышленного не включения в договор всех условий, чтобы в дальнейшем одна из сторон смогла признать его незаключенным, если это для нее это было бы выгодно. О фактах таких действий свидетельствуют множество судебных дел. Поэтому, по нашему мнению, необходимо обязательно дополнить содержание норм Гражданских Кодексов РФ и РБ для наиболее полного регулирования отношений в сфере поставки товаров. Как минимум, дефиницию норм статей 506 ГК РФ и 476 ГК РБ следует изменить и дополнить следующим образом: «Договор поставки считается заключенным, если в нем указан предмет, а именно –

наименование товара, его количество и цена либо установлен порядок их определения, а также установлен срок исполнения обязательства либо сторонами определен порядок исчисления такого срока».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. П.В. Крашенинников, О.А. Рузакова. Путеводитель по договорной работе. Поставка. Рекомендации по заключению договора [Электронный ресурс]: – URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req =doc&base=PDR&n=3&dst=100514#v6jNIVTS85jp7eoD1. – Дата обращения: 06.02.2023 – Загл. с экрана
2. Лиркевич, А. Аудит договора: нужно ли включать условие о цене в договор купли-продажи? [Электронный ресурс] / А. Лиркевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Бордачев, М.А. Цель приобретения товара как существенное условие договора поставки / М. А. Бордачев // Юрид. мир. – 2007. – No 11. – С. 32–34.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Т.В. Авдеева [и др.] ; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 2. – 960 с.
5. Ананич, С.М. Договор поставки: признаки и существенные условия / С.М. Ананич // Право Беларуси. – 2005. – No 8. – С. 61–65.

PROBLEMS OF DETERMINING THE ESSENTIAL CONDITIONS OF THE SUPPLY CONTRACT IN THE EAEU COUNTRIES: COMPARISON OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. This article examines and analyzes one of the most important issues regarding the supply contract – its essential conditions. The urgency of the problem is justified by the fact that the current legal norms do not clearly regulate the mandatory content of such a complex type of sales contract as a supply, which leads to numerous disputes and litigation among entrepreneurs.
Keywords: supply agreement, supply, changes in legislation, supply agreement problems, essential terms of the supply agreement.

Panin A.V.
Scientific adviser: Efremova A.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: artyom.panin99@gmail.com

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Пантазий Ю.В.
Научный руководитель: Русанова С.Ю., к.ю.н., доцент
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы классификации административных правонарушений, совершаемых в сфере образования. Дается определение родового и видового объектов правонарушений. Приведен основной список видов административных правонарушений, которые совершаются в сфере образования, а также приводится классификация административных правонарушений в сфере образования.
Ключевые слова: административные правонарушения, образование, КоАП РФ, правонарушения в сфере, классификация.

Статья 43 Конституции РФ закрепляет, что каждый человек имеет право на образование. А именно, Конституция РФ устанавливает, что «в РФ обеспечивается доступность и бесплатность школьного, средне профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях» [1].

В то же время, на данный момент в стране становится актуальным вопрос следования конституционных принципов и гарантий реализации права на образование, а также встречается отрицательная динамика роста нарушений закона в области образования. В числе таких правонарушений в сфере образования является административное правонарушение. В связи с этим остается актуальным вопрос о правильном разделение видов административных правонарушений, которые совершаются в сфере образования [2].

На сегодняшний день сформировалось несколько классических систематизаций видов административных правонарушений по разным принципам и условиям. Прежде всего, классификация происходит по объектам правонарушений, а именно – это общественные отношения, на которые покушается определенное административное правонарушение. Главным критерием наряду с таковым становятся общий, родовой, видовой и непосредственный объекты покушения административного проступка. Наука административного права закрепляет следующее определение общего, родового, видового и непосредственного объектов [3]: 1) общий объект – социальные отношения, которые охраняются нормами об административной ответственности. Данный вид объекта является единственным для всех составов административных правонарушений; 2) родовой объект – это состав схожих общественных отношений, регулируемых нормами об административной ответственности; 3) видовой объект – это группа общественных отношений, которые являются частью родового объекта и наконец 4) непосредственный объект – определенное общественное отношение, на которое происходит покушение, которое находится под охраной соответствующей нормы об административной ответственности.

Наряду с этим меры об ответственности за нарушение законодательства об образовании заключаются в разных главах КоАП РФ. Кроме того, перечисленные выше составы административных правонарушений предусматривают ответственность не только за нарушение законодательства об образовании, они также могут быть применены и к правоотношениям другого вида, в связи с этим, актуальной задачей является установление списка определенных административных правонарушений, которые являются видами правонарушений в сфере образования.

Вследствие формулировки составов административных правонарушений в сфере образования необходимым является обращение к законодательству об образовании. Согласно ст.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отношения в сфере образования представляют собой систему общественных отношений по реализации права граждан на образование, основной целью которых является изучение обучающимися содержания образовательных программ, и общественных отношений, связанных с образовательными отношениями, и целью которых является создание условий для реализации прав граждан на образование [4].

Из чего можно заключить, что образовательные правоотношения – правовые отношения, формирующиеся между участниками образовательной работы в рамках реализации ими образовательных программ. К числу таких отношений относят: организация контроля и надзора за осуществлением образовательной деятельности и реализации образовательных программ; порядок организации приема в образовательную организацию и отчисления; организация процедуры выдачи документов о получении образования; порядок прохождения итоговой государственной аттестации [2].

Общий список конкретных образовательных правоотношений, выступающих объектом административного правонарушения в сфере образования, представлен в отдельных статьях КоАП РФ, а также в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также иных правовых актах.

Согласно Федеральному закону от 03.06.2009 № 104-ФЗ с 1 декабря 2009 г. вступили в силу поправки в КоАП РФ, которые установили важные для административной науки нормы ответственности в сфере образования – это ст. 5.57 и ст. 19.30 КоАП [5]. По сути с их появлением можно говорить о фиксировании видов административных правонарушений в сфере образования.

Следующим анализом видов классификации административных правонарушений в сфере образования является их разграничение по индивидуальности в области совершения правонарушения. По отношению к сфере образования существует следующая классификация: специальные правонарушения, сопутствующие и общие административные правонарушения.

К группе специальных относятся правонарушения, которые относятся напрямую к образовательным отношениям и реализуются исключительно в сфере образования. К данной группе следует отнести правонарушения, которые указаны в ст. 5.57 КоАП РФ «Нарушение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся образовательных организаций», ст. 18.19 КоАП РФ «Нарушение правил уведомления уполномоченных государственных органов об обучении или о прекращении обучения иностранных граждан и лиц без гражданства в образовательных организациях», ст. 19.30 КоАП РФ «Нарушение требований к ведению образовательной деятельности и организации образовательного процесса» [6].

Такие группы противоправных деяний наблюдаются только в границах выполнения образовательной деятельности и прямо касаются только сферы образовательных правоотношений, в следствие этого они и являются специальными.

К разряду параллельных административных правонарушений относятся противоправные деяния, которые совершаются по отношению несовершеннолетних лиц, которые, в частности, являются важными и непосредственными участниками правоотношений в сфере образования. В этот вид правонарушений присоединяются правонарушения, указанные в ст. 6.7 КоАП РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям отдыха и оздоровления детей, их воспитания и обучения», ст. 6.17 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» и другие [6].

Указанные выше правонарушения могут случаться не только в области образования. К примеру, по ст. 6.17 КоАП РФ к ответственности могут привлекаться и коммерческие организации (рестораны, торговые центры, магазины, кафе и т.п.), которые имеют свободные точки доступа Wi-Fi, что дает возможность несовершеннолетним к просмотру запрещенной информации, которая причиняет вред их здоровью и развитию.

К числу общих административных правонарушений относят противоправные деяния, совершаемые в различных областях. Например, ст. 9.13 КоАП РФ «Уклонение от исполнения требований к обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг» [2, с. 34].

Таким образом, мы видим, что на данный момент времени не существует в КоАП РФ отдельная глава, которая полностью посвящена привлечению к ответственности за административные правонарушения, которые происходят в сфере образования [2]. Разработка же подобных норм будет содействовать индивидуализации и объективизму административной ответственности в данной области общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный ресурс. Режим доступа [URL]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Фоминова М.В. О некоторых особенностях классификации административных правонарушений в сфере образования // Электронный ресурс. Режим доступа [URL]: Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» №6 2020
3. Памятка МГУ Административные правонарушения в сфере образования // Электронный ресурс. Режим доступа [URL]: Pamyatka_po_KOAP_RF_2021.docx
4. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс. [URL]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
5. Федеральный закон от 3 июня 2009 г. N 104-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в области образования и статью 12 Закона Российской Федерации "Об образовании" (с изменениями и дополнениями) // Электронный ресурс. Режим доступа [URL]: https://base.garant.ru/12167402/
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.01.2023) // Электронный ресурс. [URL]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. Актуальные проблемы административного права / Э. Э. Аблякимова, И. В. Бондарчук, С. Б. Буц [и др.]. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – 267 с. – ISBN 978-5-907587-13-7. – EDN GCTCAC.

FEATURES OF THE CLASSIFICATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES COMMITTED IN THE SPHERE OF EDUCATION

Annotation. The article discusses the main problems of classification of administrative offenses in the field of education. The definition of generic and specific objects of offenses is given. The main list of types of administrative offenses that are committed in the field of education is given, as well as the classification of administrative offenses in the field of education is given.
Keywords: administrative offenses, education, Administrative Code of the Russian Federation, offenses in the field, classification.

Pantazy J.
Scientific adviser: Rusanova S.Y., Ph.D., Associate Professor
Crimean branch of FGBOUVO "RGUP"
E-mail:pantazy2018@gmail.com

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫМ ДЕЛОМ

Петривная Я. М.
Научный руководитель: Сынкова Е.М., д.ю.н., доц.
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию понятия и сущности государственного управления таможенным делом. По результатам проведенного исследования было конкретизировано понятие «государственного управления таможенным делом».
Ключевые слова: таможенное дело, государственное управления, фискальные и правоохранительные функции таможенных органов.

Таможенное дело является одним из направлений деятельности государства, которое обеспечивает экономическую и социальную стабильность в государстве. После вступления Донецкой Народной Республики в состав РФ, механизм государственного управления таможенным делом претерпел значительных изменений. В настоящее время, перед РФ стоит задача экономического развития, в условиях санкционной политики, проводимой отдельными государствами. Тем не менее, данный фактор не устраняет потребности в государственном управлении таможенным делом, а лишь

вынуждает принимать отдельные решения, которые обеспечат эффективное функционирование в таких условиях. Следовательно, в сложившихся условиях, теоретические исследования государственного управления таможенным делом приобретают всё большую актуальность. Представителями доктрины вопросы данной отрасли правоотношений неоднократно становились предметом исследования, однако отдельные аспекты остаются недостаточно исследованными, либо дискуссионными. В частности, дискуссионным остается вопрос о понятии государственного управления таможенным делом. Значимость данного вопроса определяется тем, что любое правовое исследование берет начало с понятия правовой категории, которая становится предметом исследования. Таким образом, без установления единства позиций ученых по вопросу, затруднительно дальнейшее изучение правовой категории, правового механизма. В свою очередь, определение сущности государственного управления таможенным делом позволит установить наиболее значимые сущностные характеристики, которые должны быть положены в основу будущего определения. Исходя из изложенного, актуальность выбора темы исследования данной научной статьи определяется дискуссионностью и многообразием позиций ученых по вопросу понятия государственного управления таможенным делом, а также значимостью данного правового механизма для правовой действительности Донецкой Народной Республики и РФ.

Исследованием данного вопроса занималось множество представителей доктрины, однако в рамках данной работы, представляется необходимым выделить работы таких ученых как Атаманчук Г.В., Конин Н.М., Алексеев С.В. и др.

Целью научной статьи следует считать конкретизацию понятия государственного управления таможенным делом.

Перед исследованием понятия «государственное управление таможенным делом» целесообразно рассмотреть позиции ученых по вопросу понятия «государственное управление», которое по отношению к исследуемому является общим. Так, целесообразно отметить утверждение Г.В. Атаманчук, который понимал под государственным управлением в широком смысле деятельность государства в лице органов власти на отдельных граждан, осуществляемое посредством воздействия на общество в целом. В узком смысле государственное управление рассматривалось автором как исполнительно-распорядительную деятельность государства в лице специальных органов власти [1, с. 252].

Данное определение недостаточно точно отражает сущность государственного управления, поскольку автор при характеристике данной категории отмечает, что воздействие осуществляется исключительно органами государственной власти, которые действуют от лица государства. Вполне очевидно, что отдельные властные полномочия могут быть переданы местному самоуправлению, государственным учреждениям, негосударственным организациям. При делегировании полномочий органам местного самоуправления и иным, вышеуказанным субъектам, не изменяется правовой статус органа, не изменяется правовая природа такого субъекта. Таким образом, более обоснованным использовать понятие «субъекты государственного управления». Осуществлять отдельные функции государственного управления могут не только органы государственной власти, но и иные субъекты государственного управления.

Тем не менее, первичными органами, которые осуществляют государственное управление являются органы государственной власти. В рамках настоящего исследования, представляется актуальным рассмотреть механизм государственного управления ФРГ. Так, в ФРГ возможно выделить прямое и косвенное государственное управление. Прямое государственное управление заключается в непосредственном воздействии органов исполнительной власти на субъектов права. Косвенное

государственное управление заключается в передаче полномочий органами государственной власти иным субъектам частного права и специально созданным для исполнения отдельных функций государственного управления субъектам публичного права. Поскольку правовая действительность РФ в сфере государственного управления имеет примеры делегирования полномочий, считаем целесообразным введение в отечественную правовую доктрину категорий прямого и косвенного государственного управления. Данное предложение позволяет разрешить вопрос о характере деятельности органов государственной власти и местного самоуправления при осуществлении функций государственного управления. В частности, это касается мер ответственности муниципальных и государственных служащих, поскольку затруднительно определение правового статуса органа, которому делегированы отдельные полномочия в сфере государственного управления. Также выделим позицию С. В. Алексеева, который обоснованно предложил приравнять правовой статус органа государственной власти и иных субъектов, которым может быть делегированы полномочия в сфере государственного управления [2, с. 68]. Данное предложение является обоснованным, поскольку позволит урегулировать вопрос о правовом статусе субъектов частного права, которым переданы властные полномочия. В качестве примера таких субъектов возможно указать нотариусов, адвокатов.

Также для всесторонней и объективной характеристики понятия «государственное управление» необходимо исследовать вопрос о соотношении данной категории с категорией «государственное регулирование». Данный вопрос актуален, поскольку представители доктрины достаточно часто используют в своих исследованиях данные категории, однако содержательно определяют их различным образом. Следовательно, представляется необходимым рассмотреть отдельные позиции ученых по данному вопросу. Так, Ю. М. Козлов понимал под государственным управлением правовую, социальную, экономическую действительность, в рамках которой осуществляет властные полномочия субъект государственного управления [3, с. 82].

Автор также рассматривал государственное регулирование в широком и узком смыслах. В широком смысле, государственное регулирование заключается в реализации следующих аспектов: а) установлении нормами действующего законодательства режима различного рода деятельности в сфере государственного управления; б) обеспечение соблюдения данного режима в правовой действительности; в) защита прав и законных интересов субъектов данных правоотношений. В узком смысле, под государственным регулированием автор понимает управленческое воздействие органа государственного регулирования на иные субъекты, которые не находятся в его распорядительном подчинении.

Совокупность данных позиций позволяет сделать вывод о содержательном сходстве категорий «государственное управление» и «государственное регулирование». Соотношение данных категорий проявляется в их использовании законодателем в тексте нормативного правового акта. Так, различие проявляется в оценке одного и того же правового явления с различных позиций. Указанное свидетельствует о необходимости унификации данных категорий. Поскольку предметом настоящего исследования является понятие государственного управления таможенным делом, считаем необходимым рассмотреть существующие в доктрине позиции ученых по данному вопросу. Так, Е.К. Борисова рассматривала государственное управление в широком и узком смыслах [4, с. 77].

В широком смысле, под государственным управлением автор предлагает понимать регулирующую деятельность уполномоченных органов власти. Изложенное ранее в данной научной статье позволяет сделать вывод о том, что формулировкой определения государственного управления автор делает акцент на организующем

воздействии органов власти на систему общественных отношений. Автор указывает в своем исследовании также, что отдельные функции государственного управления осуществляют различные органы власти, в частности, органы прокуратуры, органы судебной власти, исполнительной власти. В качестве примера таких функций автор отмечает аттестацию кадров, учет и контроль, применение мер дисциплинарного воздействия и т.п. В узком смысле под государственным управлением автор понимает регулирующее воздействие органов власти, уполномоченных на осуществление функций государственного управления, на общественные отношения. Из совокупности изложенного следует, что субъектом, которому принадлежит полнота функций государственного управления является государство, которое вправе делегировать отдельные функции органам местного самоуправления, субъектам частного права.

Считаем, что специфика государственного управления как правового явления обусловлена таким признаком, как распространенность на большинство сфер общественных отношений. Круг общественных отношений, которые регулируются нормами права по мере развития общества, расширяется. Данному способствует и технологический рост и развитие экономики, усложнение социальных связей внутри социума. Государство, осознавая необходимость распространения собственного влияния, посредством применения правовых механизмов, заинтересовано в урегулировании все большего спектра общественных отношений. Следовательно, государственное управление расширяет свои сферы распространения, в силу заинтересованности государства и объективной потребности правовой действительности. Тем не менее, государство не должно распространять свое влияние на все общественные отношения. Демократическое общество характеризуется приданием государству и функциям государственного управления свойства системности, которое означает установление ограничений на вмешательство государства.

Отметим определение государственного управления Х.А. Халиловой, которая предлагала понимать под государственным управлением административную деятельность органов исполнительной власти. Аналогично предыдущим определениям автор не указывает на возможность осуществления отдельных функций государственного управления органами местного самоуправления и иными субъектами частного права [5, с. 18]. Также автор не осуществляет деление определения государственное управление на широкий и узкий смысл.

Таким образом, совокупность позиций ученых, приведенных в настоящем исследовании позволяет перейти к конкретизации понятия государственного управления таможенным делом. Первоочередно следует рассмотреть понятие таможенного дела. Так, А.Ф. Андреев понимал под таможенным делом политику государства в сфере таможенного дела [6, с. 133]. В своем исследовании автор несправедливо отмечал на отсутствие связи между таможенным делом и таможенной политикой государства. Необоснованность данной позиции, считаем, обусловлена тем, что реализация таможенной политики государства возможна исключительно посредством достижения целей и задач таможенного дела. Диаметрально противоположной позиции придерживается Е.Г. Анисимов, который определяет таможенное дело как сферу государственной политики и область государственных интересов, специфическое направление деятельности органов государственной власти по регулированию и контролю экономических процессов [7, с. 99]. Автор обоснованно отмечает, что таможенное дело и достижение его целей лежит в плоскости государственной политики, одним из направлений которой является таможенная политика.

Исследование данного вопроса также стало предметом исследования А. Ю. Осетрова, который понимал под таможенным делом совокупность полномочий

органов власти, характеризующихся властным характером и осуществляемых уполномоченными таможенными органами, с целью защиты государственных интересов [8, с. 46]. При анализе сущности данной категории, автор отметила такие признаки таможенного дела как правовая форма и осуществление посредством таможенного правового регулирования в рамках реализации государством фискальной и правоохранительной функций.

Резюмируя совокупность изложенного, представляется возможным конкретизировать понятие государственного управления таможенным делом, под которым следует понимать регулирующее воздействие государства в лице органов государственной власти в таможенной сфере на управляемые объекты (физических и юридических лиц), имеющее властный характер, осуществляемое в исполнительно-распорядительной форме с целью защиты интересов государства, осуществляемое посредством таможенного правового регулирования в рамках реализации такими органами фискальной и правоохранительной функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: учебник / Г. В. Атаманчук. – 2-е изд., стер. – Москва: Омега-Л, 2011. –525 с.
2. Алексеев, С.В. Понятие государственного управления в современной науке административного права// Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 5. – С. 66-75
3. Козлов, Ю.М. Органы советского государственного управления: (Понятие и конституционная система): учебник/ Ю.М. Козлов. – Москва: Госюриздат, 1960. – 151 с.
4. Борисова, Е.К. Понятие государственного управления// International scientificreview. – 2020. – № 2. – С. 77-78
5. Халилова, Х.А. Государственное управление в современной России: эффективность его реформирования: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии/ Халилова Халида Аюбовна; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
6. Андреев, А.Ф. Основы теории управления: учебное пособие/ А. Ф. Андреев; под общ. ред. В. В. Макрусева, В. А. Черных. – Санкт-Петербург: Троицкий мост, 2012. – 288 с.
7. Анисимов, В.Г. Формализация процедуры риск-ориентированного подхода при выполнении государственными органами контрольных функций/ В.Г. Анисимов, Е.Г. Анисимов, Е.М. Богоева// Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – № 4. – С. 96-102
8. Осетров, А.Ю. О понятиях «таможенное дело» и «таможенное регулирование»// Право и государство: теория и практика. –м 2016. – № 9 (141). – С. 43-49

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF STATE ADMINISTRATION OF CUSTOMS AFFAIRS

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the concept and essence of state administration of customs affairs. According to the results of the study, the concept of «state administration of customs affairs» was concretized.
Keywords: customs, public administration, fiscal and law enforcement functions of customs authorities.

Petrivnaya Ya.
Scientific adviser: Sinkova E.M., Doctor of Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: yana.petrivnaya@yandex.ru

УДК 341.6

ПРИНЦИП МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

Петрова Е.В.
Научный руководитль: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу принципа мирного разрешения международных споров и его содержанию. Рассмотрена история становления и закрепления данного принца в международных актах, в связи с чем особое внимание уделено Гаагским конвенциям, Пакту Бриана – Келлога, Статуту Лиги Наций, Уставу ООН, Манильской декларации о мирном разрешении международных споров, Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. Установлено, что принятие Устава ООН знаменует переход от «права войны» к «праву мира», а сам акт выступает основой международного правопорядка. Проанализирована взаимосвязь принципа мирного разрешения международных споров с принципами суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела государства.
Ключевые слова: международный спор, принципы международного права, право войны, право мира.

В условиях резкого обострения международных отношений между ведущими мировыми державами, а также нарастающей глобальной внешнеполитической напряженности принцип мирного разрешения международных споров приобретает особое значение. Во все времена происходили войны и вооруженные конфликты, которые несли с собой не только разрушения, но и подрывали экономику сразу нескольких государств, а иногда и целых континентов, затрагивали абсолютно все сферы жизни населения. Однако в настоящее время войны и конфликты вышли на новую ступень эволюции, что обусловлено появлением новых форм и проявлений вооруженных противостояний, в частности, информационных, гибридных, внеконвенциональных войн. В таких условиях именно принцип мирного разрешения международных споров способен стать объединяющей платформой и создать условия для урегулирования конфликтных ситуаций путем переговоров и взаимных уступок сторон. Указанное, а также высокая социальная и международная значимость затронутой проблематики обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Институт международно-правовых средств и способов разрешения разногласий возникает в период с конца XIX – начала XX веков, поскольку именно в этот период международное сообщество приходит к пониманию необходимости ограничения права государств на ведение военных действий. Долгие века именно война и вооруженные конфликты были основным способом разрешения разногласий между странами и проявлением суверенитета государства. Новый этап развития рассматриваемого института относится к периоду учреждения ООН, потому что в Уставе содержались нормы, устанавливающие запрет применения силы в международных и межгосударственных отношениях, а война была признана крайней мерой.

Следует обратить внимание, что упоминания о данном принципе можно отнести к периоду формирования права Гааги, поскольку именно Гаагские мирные конференции в своей повестке были ориентированы на гуманизацию вооруженных конфликтов. Также данный принцип был отражен в Пакте Бриана – Келлога и в Статуте Лиги Наций. Изначально анализируемый принцип не содержал прямого обязательства государств прибегать к мирным способам разрешения международных споров. Следовательно, принцип мирного разрешения международных споров был больше правом, чем обязанностью. Однако постепенно происходит переход от «права войны» к «праву мира», в связи с чем свое реформированное нормативное закрепление в Уставе ООН находит принцип мирного разрешения международных споров как

основополагающий принцип международного права (п. 3 ст. 2). Данный принцип закреплен и в других международных актах, например, в Пакте Лиги арабских государств, Уставе Организации американских государств, Хартии Организации африканского единства, Декларации о принципах международного права, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, Манильской декларации о мирном разрешении международных споров, Декларации о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области, Декларации тысячелетия ООН [1, с. 38] и др.

Перечисленные акты закрепляют: стремление государств устранить опасность новых вооруженных конфликтов путем обеспечения перехода в международной обстановке от конфронтации к мирным отношениям, в том числе к сотрудничеству и принятию иных мер по укреплению международного мира и безопасности; убеждение в том, что в современной международной обстановке, когда существует ядерное оружие, отсутствует разумная альтернатива мирным отношениям между государствами; приверженность принципу мирного разрешения споров, который неразрывно связан с принципом отказа от угрозы применения силы в международных отношениях; обязательство государств-участников разрешать международные разногласия мирными средствами; право всех государств обращаться к мирным средствам по своему выбору в целях предотвращения и устранения конфликтных споров или ситуаций; в том случае, если государства не могут предотвратить возникновение или обострение спора или ситуации, то должны продолжать поиски мирных средств урегулирования разногласий в соответствии с Уставом ООН; положения о повышении эффективности роли и деятельности ООН по вопросу поддержания мира и безопасности посредством предоставления ресурсов и инструментов, необходимых для разрешения конфликтов между государствами; обязательство государств сотрудничать с органами ООН в полной мере, содействуя их деятельности в области поддержания международного мира, а также мирного разрешения международных споров; и др.

В соответствии со ст. 33 Устава ООН, закреплены способы мирного разрешения международных споров. Однако в данном случае необходимо отметить отличительную особенность положений Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях по данному вопросу. Так, п. 17 Декларации, в отличие от ст. 33 Устава ООН, наряду с переговорами, расследованием, посредничеством, примирением, арбитражем, судебным разбирательством, обращением к региональным органам или соглашениям, обращением к иным мирным средствам по своему выбору, включает и добрые услуги. Также следует обратить внимание на некоторые неточности терминов в вариантах на английском и русском языках. Так, в перечне средств мирного урегулирования международных разногласий в Уставе ООН и в рассматриваемой Декларации, помимо указанного выше отличия, интерес вызывает еще одно обстоятельство. В Уставе ООН употребляется формулировка «обследование», в то время как в Декларации употребляется формулировка «расследование», при этом в английских вариантах анализируемых документов употребляется единая формулировка «enquiry». Следует обратиться к значению английского варианта, что означает запрос; справка; расследование, исследование [2]; др. Соответственно, более удачный вариант – «расследование», который применяется в Декларации. При этом следует отметить, что в некоторых словарях «обследование» означает одно из средств мирного урегулирования международных споров [3]. Еще одной отличительной особенностью Декларации следует отметить закрепление в п. 17 добрых услуг как средства разрешения международного спора мирным путём. В свою очередь, ст. 33 Устава ООН

не закрепляет непосредственно добрые услуги, при этом перечь средств не является исчерпывающим и предполагает «иные мирные средства по своему выбору». Данное отличие можно объяснить развитием института международно-правовых средств и способов разрешения разногласий мирным путем, т.к. рассматриваемые Устав принят в 1945 г., а Декларация – в 1987 г.

В рамках исследования содержания принципа мирного разрешения международных споров следует отметить, что с принятием Устава ООН не только закреплено обязательство государств разрешать споры между собой любыми мирными способами, но и провозглашено обязательство исключить различные посягательства и угрозы международному миру и безопасности. Безусловно, в данном случае речь идет о создании угрозы миру путем войны или вооруженных конфликтов. В том числе рассматриваемый принцип определяет режим международного правопорядка в форме мирного сосуществования различных государств, а также провозглашает запрещение применения силы и угрозы её применения наряду с обязанностью для всех субъектов международных отношений разрешать возникающие между ними споры или ситуации с помощью мирных средств. Страны выбирают средства урегулирования разногласий с учетом взаимных интересов, а также в соответствии с нормами международного права, с принципом справедливости, с правом свободного выбора таких средств [4, с. 205]. Отметим, что принцип сводного выбора средств разрешения международных споров закреплен и подробно регламентирован в Манильской декларации.

Содержание принципа мирного урегулирования международных разногласий можно охарактеризовать следующим образом [5, с. 10-11]:

1) Наряду с обязательством разрешения международных споров мирным путем в приведенных выше международных актах закреплено и обязательство предотвращать конфликты. При этом процесс предотвращения таких ситуаций предусматривает добросовестное исполнение своих международных обязательств со стороны государств.

2) Государства не вправе международные споры оставлять без разрешения.

3) Государства не должны осуществлять действия, способные обострить конфликт.

4) Урегулирование разногласий должно осуществляться в соответствии с принципами и нормами международного права.

5) На основании принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела государства имеют право свободного выбора средств разрешения международных споров.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы. Активное развитие института мирных средств разрешения международных споров следует относить к периоду конца XIX – начала XX веков. Непосредственное нормативное закрепление данный принцип получил в положениях Пакта Бриана – Келлога и Уставе Лиги Наций. Императивный характер данного принципа и его современная интерпретация относятся к периоду принятия Устава ООН, который представляет собой основу международного правопорядка, и иных международных актов, которые приведены и проанализированы в настоящем исследовании. Принятие Устава ООН также знаменует переход от «права войны» к «праву мира». Именно Устав ООН имеет особое значение в системе актов, которые в своих положения в той или иной мере затрагивают вопросы мирного урегулирования международных разногласий, потому что данный документ впервые закрепил запрет на любое применение силы в международных, межгосударственных отношениях, а война, в свою очередь, стала ассоциироваться с проявлением крайней меры. Также запрещается создание угрозы международному миру и безопасности и совершение действий, способных привести к обострению международных разногласий. Также особое внимание уделено отличиям положений Устава ООН (ст. 33) и Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных

отношениях (п. 17), которые в своих нормах закрепляют способы мирного разрешения международных споров. Отличия заключаются в том, что в Уставе ООН употребляется формулировка «обследование», в то время как в Декларации употребляется формулировка «расследование», а в английских вариантах – формулировка «enquiry», что означает запрос; справка; расследование, исследование. Более удачной формулировкой представляется «расследование». Также положения указанных актов отличаются наличием в Декларации прямого упоминания добрых услуг в качестве одного из средств мирного урегулирования международных разногласий.

Принцип мирного разрешения международных споров представляет собой комплексный принцип, состоящий из нескольких элементов, содержание которых зафиксировано в различных международно-правовых документах. Право свободного выбора мирных средств урегулирования международных конфликтов закреплено в положениях Манильской декларации о мирном разрешении международных споров, а также основано на принципе суверенного равенства государств и принципа невмешательства во внутренние дела государства. Отметим, что принцип мирного разрешения международных споров можно сформулировать как один из основных элементов современного международного права, который представляет собой право мирного существования государств, запрет применения силы или угрозы ее применения посредством заключения мирных соглашений между спорящими сторонами, только мирными способами разрешения конфликтов, а юридическое содержание данного принципа составляет совокупность прав и обязанностей государств-участников спора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Е.В. Становление и развитие принципа мирного урегулирования разногласий в международном праве // Актуальные вопросы права и государственного строительства: материалы студенческой научно-практической конференции. 2022. С. 38-39.
2. Перевод «enquiry» на русский с транскрипцией и произношением // WooordHunt [Электронный ресурс]. URL: https://wooordhunt.ru/word/enquiry (дата обращения: 02.02.2023).
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с. // Академик [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/16588 (дата обращения: 02.02.2023).
4. Томаева З.О. Международно-правовые средства разрешения споров // Перспективы развития науки в современном мире: сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. 2018. С. 203-213.
5. Анисимов И.О., Гуляева Е.Е. Эволюция и содержание принципа мирного разрешения международных споров в международном праве. 2021. С. 19-28.

THE PRINCIPLE OF PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES AND ITS CONTENTS

Annotation. This study is devoted to the analysis of the principle of peaceful settlement of international disputes and its content. The history of the formation and consolidation of this prince in international acts is considered, in connection with which special attention is paid to the Hague Conventions, the Briand-Kellogg Pact, the Statute of the League of Nations, the UN Charter, the Manila Declaration on the Peaceful Settlement of International Disputes, the Declaration on Strengthening the Effectiveness of the Principle of Non-Threat of Force or its Use in International Relations. It is established that the adoption of the UN Charter marks the transition from the «law of war» to the «law of peace», and the act itself acts as the basis of the international legal order. The interrelation of the principle of peaceful settlement of international disputes with the principles of sovereign equality of states and non-interference in the internal affairs of the state is analyzed.
Keywords: international dispute, principles of international law, law of war, law of peace.

Petrova E.
Scientific adviser: Polyakov V.Yu., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: alena_petrova1106@mail.ru

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЗАДАЧАХ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ГОСУДАРСТВЕ

Пикалова В.В.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассматривается проблема соотношение правовых категорий «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс» – спорный вопрос в гражданском процессуальном праве. Соотношение правовых категорий «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс» является спорным вопросом в гражданском процессуальном праве. Для целей настоящего исследования данные правовые категории используются как идентичные. Термин «гражданский процесс» используется в действующем процессуальном законодательстве.
Ключевые слова: судопроизводство, государство, гражданский процесс, право, законодательство.

Основываясь на теоретических исследованиях эффективности правосудия по гражданским делам можно заключить, что ее достижение находится в прямой зависимости от надлежащей реализации цели и задач гражданского судопроизводства. Для практики приоритетными остаются вопросы организационного, материально-технического характера, направленные на снижение нагрузки судей. Важнейшим судопроизводственным проблемам, связанным с обеспечением гарантий справедливого судебного разбирательства, уделяется недостаточно внимания. Во многом так происходит потому, что изменения в гражданское процессуальное законодательство, регулирующее порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел в суде, вносятся без учета содержания задач гражданского судопроизводства, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на достижение его конечной цели – эффективности судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, и иных субъектов гражданских правоотношений.

Новизна – Задачи гражданского судопроизводства – это нормативно определенные промежуточные цели процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле, направленные на достижение конечной цели гражданского судопроизводства – защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских правоотношений.

Объект – совокупность общественных отношений, возникающих в связи с задачами гражданского судопроизводства.

Предмет – нормы права, регулирующие задачи гражданского судопроизводства, научные исследования и рекомендации по применению указанных норм, материалы судебной практики, связанные с реализацией задач гражданского судопроизводства.

В свете проводимой реформы процессуального законодательства уместно определение понятия, задач и целей гражданского судопроизводства. Согласно концепции, Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, гражданский процесс понимается не только рассмотрение соответствующих гражданских дел, но и рассмотрение и разрешение возникающих дел.

Концепция Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает рассмотрение не только гражданских дел, но и дел, возникающих из публичных правоотношений, к которым по своей природе относятся и административные дела. Это административные дела. Поэтому рассмотрение и разрешение этих дел специфично для административного судопроизводства как такого варианта гражданского процесса. Они специфичны для административного судопроизводства.

Существующая критика действующего производства по этим делам основана на действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

В основном со стороны ученых-конституционалистов основывается на утверждении, что он противоречит пункту 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации. Оно основано на внешнем аспекте, т.е. на том, что наименование этих дел в Кодексе – гражданские дела, а порядок их рассмотрения и разрешения – гражданский судебный процесс [1, с.17].

Конечной целью унификации норм процессуального права является унификация этих дел.

В то же время, с 15 сентября Федеральный закон РФ «Об административном судопроизводстве» (далее – КАС РФ), вступивший в силу 15 сентября 2015 года регулирует производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений аналогичного правового характера (главы 21-32 КАС РФ). Формулировка четкой позиции о правовой природе гражданского судопроизводства разрешает давнюю полемику, существующую в научной литературе.

Выработка четкой позиции о правовой природе гражданского судопроизводства разрешает давнюю дискуссию, существующую в доктрине, и облегчает работу законодателя по разработке и принятию кодифицированных правовых актов.

Доктрина гражданского процессуального права является дискуссионной. В науке гражданского процессуального права дискутируются концепции широкого и узкого понимания гражданского процессуального права. Сторонники узкого толкования относят к гражданской процедуре только деятельность судов по осуществлению правосудия по гражданским делам. В более широком смысле гражданское судопроизводство включает в себя также включает в себя деятельность судов и других участников процесса [2, с.11-12].

Авторская точка зрения трактует гражданский процесс как единство трех компонентов (процессуальной деятельности, процессуальных отношений и процессуальной формы).

Гражданский процесс представляет собой единство трех компонентов: процессуальной деятельности, процессуальных отношений и процессуальной формы.

Так, М.Ю. Лебедев определяет гражданский процесс следующим образом. Лебедев М.Ю. определяет гражданский процесс как нормативно урегулированную деятельность суда и других участников процессуальных правоотношений по рассмотрению и разрешению дела. Суд апелляционной инстанции является высшей инстанцией Российской Федерации. Лебедев М.Ю. определяет гражданский процесс как нормативно урегулированную деятельность суда по рассмотрению и разрешению споров и дел, возникающих из подведомственных ему материальных правоотношений.

Для того чтобы дать наиболее точное определение гражданского судопроизводства, необходимо перечислить наиболее важные признаки гражданского судопроизводства. Первый признак – это развитие гражданского судопроизводства.

Первый признак – это гражданские процессуальные отношения между судом и другими участниками процесса. В этих правоотношениях воплощаются права и обязанности субъектов, предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом.

Вторая особенность – гражданские процессуальные правоотношения являются юридически урегулированными. отношения между ними. Гражданский процесс – это совокупность актов и гражданских процессуальных правоотношений, складывающихся между судом и другими участниками процесса в процессе рассмотрения и разрешения гражданского дела.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ целью гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение, рассмотрение и разрешение гражданских

дел. Это своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и льгот. В случае нарушения или оспаривания прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и иных лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых и иных правоотношений [3, с. 96–99].

В соответствии со статьей 46 Конституции Российской Федерации закреплено и гарантировано право граждан на судебную защиту личных имущественных и неимущественных прав.

Действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает систему целей и задач, направленных на совершенствование и оптимизацию осуществления правосудия по гражданским делам.

Действующий Гражданский процессуальный кодекс содержит систему целей и задач, направленных на совершенствование и оптимизацию отправления правосудия по гражданским делам.

Таким образом, в литературе по гражданскому судопроизводству предлагаются различные взгляды на соотношение между назначением гражданского судопроизводства и его целями. Ниже приводится перечень наиболее распространенных взглядов на назначение гражданского судопроизводства. По нашему мнению, задача суда по правильному и своевременному рассмотрению гражданских дел является выполнение задачи по точному и своевременному рассмотрению гражданских дел, и является необходимым условием для достижения целей, указанных в статье 2 ГПК. Эти цели, а именно формирование уважения к закону и судам, могут быть достигнуты только в результате добросовестного и профессионального выполнения судами своих обязанностей.

Цели и задачи гражданского судопроизводства, изложенные в статье 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, позволяют правильно толковать нормы Гражданского процессуального кодекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт; 2018. С. 17.
2. Советский гражданский процесс / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. М., 2019. С. 11–12.
3. Гагаринов А.В. Понятие гражданского процесса // Правоведение. 2017. № 4. С. 96–99.

ON THE CONCEPT AND TASKS OF CIVIL LITIGATION IN A STATE IN TRANSITION

Annotation. This paper examines the problem of correlation of legal categories «civil proceedings» and «civil procedure» – a controversial issue in civil procedure law. The correlation between the legal categories «civil proceedings» and «civil procedure» is a controversial issue in civil procedure law. For the purposes of this study, these legal categories are used as identical. The term «civil procedure» is used in the current procedural legislation.
Keywords: Litigation, state, civil procedure, law, legislation.

Pikalova V.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: valeriana.vi@yandex.ru

УДК 343.6

ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТ. 124 УК РФ «НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ»

Попова Д.С.
Научный руководитель: Меркулов С. Н., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе анализируется состав преступления ст. 124 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Неоказание помощи больному». Конкретизированы элементы состава преступления, выявлены проблемы в их содержании. В частности, отмечаются пробелы в определении субъекта преступления и понятия «больной», предлагается путь решения данной проблемы.
Ключевые слова: неоказание помощи больному, врачебная ошибка, состав преступления.

Одной из главных задач, предусмотренных уголовным законодательством, считается охрана прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, базовым принципом здравоохранения, закрепленным в законодательстве, является недопустимость отказа в оказании медицинской помощи. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) содержится специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за неоказание помощи больному. Диспозиция статьи гласит, что преступным считается «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение среднего или тяжкого вреда здоровью больного, либо смерть потерпевшего» [1]. В связи со спецификой данного преступления, существуют проблемы верной квалификации содеянного, вследствие чего многие уголовные дела, возбужденные по ст. 124 УК РФ, либо неверно квалифицируются на стадии предварительного следствия, либо не доходят до суда.

Основным непосредственным объектом А.И. Кулькин считает «общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, как определенное физиологическое состояние организма и важнейшая предпосылка для участия в общественных отношениях или жизнь» [2, с. 83]. Кроме того, дополнительным объектом в понимании автора является сам порядок осуществления медицинского обслуживания и предоставления медицинской помощи.

Потерпевшим выступает больной человек, чьё состояние здоровья требует медицинского вмешательства в виде оказания ему помощи, поскольку неоказание помощи вероятно или неизбежно приводит к существенному ухудшению здоровья или смерти. Заболевание может носить как физиологический, так и психический характер.

Понятие «больной», по мнению К.А. Пустогачевой, подразумевает лицо, «заболевшее болезнью или находящееся в опасном для жизни или здоровья положении, вызванном несчастным случаем, поведением людей, естественными процессами, происходящими в организме, и нуждающееся в оказании медико-фармацевтической помощи» [3, с. 113]. Проблема четкого определения понятия «больной» приводит к трудностям обозначения признаков потерпевшего и его характеристик, что делает указанное понятие оценочным. Считаем, что понятие «больной» и его характеристики необходимо закрепить законодательно. Автор О.А. Рудакова предлагает термин «больной» исключить, а вместо него внести понятие «пациент», включающий в себя беременных, рожениц, новорожденных и др. [4, с. 99].

У лица, имеющего статус «больного» должно быть заболевание, определение которому предусмотрено в п. 16 ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: заболевание – возникающее в связи с воздействием

патогенных факторов нарушение деятельности организма, работоспособности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды при одновременном изменении защитно-компенсаторных и защитно-приспособительных реакций и механизмов организм. Однако, по своему определению понятие «заболевание», так же как и «пациент» намного уже понятия «больной», предусмотренного УК РФ. При вызове врача на дом больному невозможно поставить диагноз, не сделав необходимых медицинских обследований, а значит невозможно определить его «заболевание». Также, лицо, нуждающееся в медицинской помощи, может и не быть «пациентом» медицинского учреждения, однако, помощь ему должна быть оказана в связи с реализацией его конституционных прав. Мы считаем, что в данном случае использовать понятийный аппарат медицинской науки для уголовно-правовой характеристики понятия «больной» используемого в статье 124 УК РФ недопустимо. Так, например, нельзя назвать «больной» беременную женщину, нуждающуюся в оказании медицинской помощи вследствие начала «стремительных родов». Следовательно, «больным» следует признавать любое лицо, заболевшее болезнью или находящееся в опасном для жизни или здоровья положении, вызванном несчастным случаем, поведением людей, естественными процессами, происходящими в организме, и нуждающееся в оказании медико-фармацевтической помощи.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 124 УК РФ это преступление может быть совершено только по неосторожности. В случае неоказания данной помощи умышленно в зависимости от наступивших последствий образует квалификацию деяния по статьям 111, 112, 115 или 105 УК РФ. Уголовный закон предусмотрел квалифицирующий состав данного преступления, увеличивающий характер мер государственного реагирования в случае неоказания помощи больному, повлекшее смерть больного либо причинение его здоровью тяжкого вреда, которое также должны быть совершены только по неосторожности

Объективная сторона преступления предполагает: бездействие в виде неоказания помощи больному, последствия в виде причинения средней тяжести вреда здоровью, наличие причинно-следственной связи между вышеуказанным деянием и последствиями. Обязательным условием ответственности по анализируемой статье является отсутствие уважительных причин неоказания помощи. Их уголовно-правовая оценка осуществляется правоприменителем в каждом конкретном случае исходя из фактической обстановки. Несмотря на то, что об уважительных причинах законодатель упоминает во множественном числе, допустимо признание в качестве уважительной и только одной из причин, что и будет являться основанием для исключения уголовной ответственности. Уважительными следует признать как достаточные для оправдания обстоятельства (т.е. уважительные), так и основания для несовершения конкретных действий (т.е. причины).

Объективная сторона указанного состава характеризуется только бездействием лица по отношению к возложенным на него обязанностям. Полагаем, в ситуациях, когда поведение виновного внешне и выражено весьма активно, будь то прощупывание пульса, использование различного рода инструментов, однако действий по реальному оказанию медицинской помощи не предпринимается, расценивать объективную сторону состава в форме действия будет не верно. Анализируя диспозицию статьи можно сделать вывод о наличии трех необходимых взаимосвязанных критериев, при наличии совокупности которых деяние можно назвать преступным. Так, на лицо возложена обязанность оказывать больному помощь, у него имеется реальная возможность сделать это, а также субъективный критерий, при котором лицо принимает волевое решение и не производит необходимых действий. Законодатель, при формулировании диспозиции состава, указал критерий не уважительности причины.

Полагаем возможным выделить 4 группы уважительных обстоятельств по объективным и субъективным источникам их возникновения: факторы, при которых препятствием выступают различные стихийные бедствия и аварии техногенного характера, так называемая «непреодолимая сила», лишающая лица возможности действовать определенным образом; действия иных лиц сами по себе представляют опасность для субъекта преступления, будь то массовые беспорядки, несанкционированные демонстрации, шествия, митинги и иные обстоятельства, создающие опасность медицинскому сотруднику; коллизии обязанностей лица, при которых стоит выбор оказании помощи тому или иному больному; личностные характеристики субъекта преступления, при которых исполнение обязанностей представляется затруднительным ввиду отклонений в физическом или психоэмоциональном состояниях лица.

Неоказание помощи больному, по общему правилу, совершается исключительно путем бездействия, то есть лицо не совершает необходимые для спасения жизни или лечения действия в отношении пострадавшего. Отказ выехать на вызов врача, принять или осмотреть поступившего больного является бездействием, так как у виновного была возможность действовать. Следовательно, обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ – это возможность действовать. Для уголовного преследования по рассматриваемой статье необходимо отсутствие уважительных причин, поэтому само по себе неверное установление диагноза медицинским работником не может служить основание привлечения к уголовной ответственности. Врачебная ошибка в части установления диагноза при отсутствии умысла может квалифицироваться как ненадлежащее оказание помощи больному. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что объективная сторона ст. 124 УК РФ характеризуется бездействием, состоящим в неисполнении виновным возложенной на него специальной обязанности [5, с. 65]. .

Субъект данного преступления специальный – лицо, которое обязано оказывать помощь больному в силу закона или в соответствии со специальными правилами (инструкциями). Ф. Ю. Бердичевский, считал, что субъектом рассматриваемого преступления могут быть не только медицинские работники, но и иные лица, например работники аптеки, отказавшие в предоставлении телефона для вызова «скорой помощи», шофёр «скорой помощи», отказавшийся от перевозки больного [6, с. 43].

При этом согласно общему правилу это лицо должно быть вменяемым. Следует согласиться с мнением Д. Ю. Мамонтова, который утверждает, что если закон или специальное правило предусматривает обязанность оказать помощь больному, такое лицо должно признаваться субъектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, вне зависимости от того, является оно медицинским работником или нет [7, с. 83].

Следует акцентировать внимание на том, что обязанность оказывать медицинскую помощь может вытекать либо из факта наличия трудовых отношений между медицинским работником и медицинской организацией, либо из факта занятия медицинским работником частной медицинской практикой как гражданином, осуществляющим в установленном законом порядке предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Кроме того, поскольку законом предусмотрено обязательное лицензирование медицинской деятельности, следует считать, что вне имеющих соответствующие лицензии медицинских организаций (а также индивидуальных предпринимателей) законной профессиональной медицинской деятельности быть не может. Соответственно, не могут быть субъектами анализируемого преступления, в частности, лица, получившие медицинское образование соответствующего профиля, но не работающие по профессии, медицинские работники, находящиеся на пенсии, в трудовом отпуске, поскольку, в соответствии со ст. 106 ТК РФ, во время отдыха работник свободен от исполнения трудовых обязанностей [8].

Как уже отмечалось, круг лиц, которые могут выступать в качестве субъекта неоказания помощи больному, не должен ограничиваться только медицинскими работниками. Согласно ст. 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», первая помощь до оказания медицинской помощи оказывается гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации [9]. Положение двойственное: если сконструировать ситуацию, где произошла авария, и пострадавшие находятся в неестественных положениях, сотрудники полиции, зачастую первыми прибывшие на место происшествия, попросту боятся что-либо сделать, так как, во-первых, не имеют специальных медицинских знаний, во-вторых, наличествует проблема усугубления состояния пострадавшего ввиду каких-либо действий.

Таким образом, к категории неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, относятся только такие общественно опасные деяния медицинских работников, совершенные при выполнении своих профессиональных обязанностей по проведению одноразово или в комплексе в отношении пациента медицинского обследования и (или) медицинских манипуляций, затрагивающих физическое или психическое состояние человека и выполненных с нарушением действующих нормативов по данному клиническому профилю (стандартов и порядков оказания медицинской помощи, клинических протоколов лечения – национальных клинических рекомендаций), а также обычаев медицинской практики, которые по неосторожности повлекли за собой летальное или временное повреждение функции или структуры организма. Рассмотрев мнения различных авторов, можно также прийти к выводу, что ст. 124 УК РФ имеет множество пробелов. Толкование нормы различно ввиду редкости привлечения к уголовной ответственности по данной статье, отсутствия обобщенной судебной практики, а также сложности анализа объективной стороны вследствие узкопрофессиональной направленности деяний. Анализ ст. 124 УК РФ показал, что в целях единообразия судебной практики следует законодательно закрепить виды деятельности медицинских работников, обозначить понятие «больной» с учетом вида оказываемой помощи или ввести в действующее законодательство понятие «пациент».

Неоказание помощи больному, на наш взгляд, является наиболее общественно опасным преступлением не только с точки зрения правовых норм, но и с морально – нравственных установок. Это связано с тем, что человек, выбравший профессию по оказанию помощи больным, устраняется от оказания помощи, не имея на это уважительной причины. Поэтому законодательное определение дефиниции понятию «больной» не позволит избежать уклонения от уголовной ответственности лиц, обязанных оказывать помощь больному, а также закрепит конкретный перечень лиц, являющихся объектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, что значительно облегчит правоприменительную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (с посл. изм. и доп. от 8 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2023).

2. Кулькин А.И. К вопросу об уголовной ответственности за неоказание помощи больному / А. И. Кулькин// Вестник Московского Университета МВД России. – 2014. – №2. – С.82-84.

3. Пустогачева К.А. Объект преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ – неоказание помощи больному / К.А. Пустогачева // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. – 2017. – № 3. – С. 112-116.

4. Рудакова О.А. Некоторые проблемы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному / О.А. Рудакова // Законность в современном обществе. – 2017. – № 2. – С. 98-103.
5. Нагорная И. И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту / И.И. Нагорная // Российский юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 64-69.
6. Бердичевский Ф. Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей / Ф.Ю. Бердичевский. – Москва: Юридическая литература, 1970. – 128 с.
7. Мамонтов Д. Ю. Субъект неоказания помощи больному / Д.Ю. Мамонтов // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. – 2008. – Вып. 18. – С. 58–63.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2022. – № 1 (ч. 1). – Ст. 395.
9. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 28 декабря 2022 г. № 342-ФЗ) // СПС «Консультант». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 11.02.2023).

CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF THE CORPUS DELICTI ARTICLE 124 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «FAILURE TO HELP A PATIENT

Annotation. The article analyzes the corpus delicti of Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation «Failure to provide assistance to a patient». The elements of the corpus delicti are specified, problems in their content are revealed. In particular, gaps are noted in the definition of the subject of the crime and the concept of «sick», a way to solve this problem is proposed.
Keywords: failure to provide assistance to a patient, medical error, corpus delicti.

Popova D.
Scientific adviser: Merkulov S. N., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
Email: sergeeva_diana99@mail.ru

УДК 347.961

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Примак А.А.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В исследовании рассматривается сущность правового регулирования нотариальной формы защиты гражданских прав. На современном этапе развития общества в государстве важно и необходимо предусмотреть способы защиты гражданских прав, поэтому и в нотариальной сфере необходимо определить способы и формы защиты прав граждан и организаций, обратившихся к нотариусу, и права самих же нотариусов, которые тоже могут быть нарушены.
Ключевые слова. Нотариат, нотариальная деятельность, защита, гражданские права.

Защита гражданских прав – это широкое и сложное юридическое понятие. Оно включает в себя материально-правовую основу: основой правозащитной деятельности выступает правовой конфликт. Без конфликта нет необходимости в защите, а конфликт всегда возникает в рамках гражданского правоотношения. Также следует отметить то, что защита нарушенного права – это многостороннее отношение, субъектами которого выступают не только спорящие участники исходного гражданского правоотношения, но и арбитр, т. е. субъект, который уполномочен осуществлять правовую защиту. Им может быть судья государственного суда или третейский суд. Самим содержанием

защиты нарушенного гражданского права являются юридические действия субъектов, осуществляющих защиту, и участников спорного правоотношения; эти действия регламентированы процессуальным законодательством [1].

Государство в лице своих субъектов, органов, должностных лиц может становиться участником гражданских правоотношений, но при этом оно обязано «отбросить» свои публично-правовые, властные свойства и стать на один уровень с противоположной стороной, уважать и соблюдать ее самостоятельность, независимость и свободу ее воли (ст. 124 ГК РФ). Однако это правило соблюдено далеко не во всех нормах гражданского законодательства. В гражданском законодательстве имеется множество положений, регулирующих отношения с властным субъектом на основе принципа власти и подчинения, когда частное лицо (гражданин или организация) вынуждено против своей воли вступить в гражданские правоотношения с органом или субъектом публичной власти и подчиниться условиям, выработанным этим субъектом в одностороннем порядке [2]. Таковы, например, нормы, регулирующие изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, пенсионные правоотношения, отношения по обязательному государственному страхованию, изъятие государством земельных участков, которые в течение трех лет не используются по целевому назначению, и др.

Нотариат – система органов и должностных лиц, перед которыми стоит задача перед государством в виде выполнения нотариальных действий, которые предусмотрены законом, для обеспечения охраны и защиты прав и интересов граждан и юридических лиц. Данное определение исходит из статьи 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [6]. Таким образом, правовой конфликт может возникнуть как из частно-правового, так и из публично-правового отношения. Порядок разрешения гражданского дела неодинаков и напрямую зависит от природы спорного материального правоотношения. Частноправовые спорные отношения могут становиться предметом как государственного судопроизводства (в рамках искового производства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах), так и третейского разбирательства [3].

Гражданские правоотношения, как правило, двусубъектны. Их участниками выступают стороны – носители корреспондирующих прав и обязанностей. Однако существует ряд сделок, которые подлежат обязательному нотариальному удостоверению. В этом случае сделка становится многосубъектной, так как помимо ее сторон в ней участвует нотариус. Причем нотариус является полноценным и полноправным субъектом сделки, которую удостоверяет, поскольку без его участия и соответственно без совершения им нотариального действия сделка ничтожна (ч. 3 ст. 163 ГК РФ). Отказ нотариуса удостоверить такую сделку создает ее сторонам препятствия в реализации того или иного гражданского права [4]. То есть нотариат как институт гражданского общества выполняет функцию охраны и защиты гарантированных Конституцией и законодательством Российской Федерация прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариальных действий нотариусами от имени государства.

Итак, одной из важнейших функций нотариата все же есть правозащитная функция, которая заключается в обеспечении соблюдение участниками гражданско-правовых отношений действующего законодательства. Реализация этой функции осуществляется путем совершения широкого спектра действий-начиная от установление законности непосредственно сделки, стороны намерены заключить, что правоспособность дееспособности сторон, наличия необходимых полномочий у представителей сторон сделки, наличия установленных законом существенных условий договора, принадлежности имущества лицу, которое распоряжается недвижимостью, соблюдение прав и законных интересов третьих лиц, не участвующих в договоре,

проверки отсутствия ограничений (обременений) прав лица, распоряжающегося недвижимостью, и тому подобное.

Правозащитная функция нотариата также свидетельствует о сходстве деятельности нотариата с деятельностью суда, которому предоставлено право решать правовые ситуации, применяя аналогию закона и права [13]. В совокупности предусмотренный законодательством комплекс обязательных действий, которые обязан совершить нотариус, обеспечивает охрану прав и законных интересов сторон, законность гражданско-правовых отношений в широком толковании этого слова. Вообще такая нотариальная форма защиты не предусмотрена для защиты спорных материально-правовых требований, неочевидных спорных интересов. Однако она успешно служит целям защиты прав граждан в пределах своей подведомственности. Следующая форма защиты это самозащита гражданских прав. Самозащитой является применение лицом, право которого нарушено, средств противодействия, которые не запрещены законом и не противоречат моральным основам гражданского общества. Способы самозащиты могут избираться самим лицом или определяться договором, законом или иным нормативно-правовыми актами. Эти способы должны соответствовать содержанию нарушенного права, характеру действий, которыми оно нарушено, а также последствиям, вызванным этим правонарушением. Например, самозащита в состоянии необходимой обороны или защита гражданских прав в состоянии крайней необходимости. Но вообще задачей нотариата является обеспечение защиты и охраны собственности, прав и законных интересов физических и юридических лиц, содействие в укреплении законности правопорядка, предупреждения правонарушений.

Можно выделить три основные задачи, которые выполняет нотариат. Первая задача-защита и охрана собственности, прав и законных интересов физических и юридических лиц. Нотариальные органы в основном выполняют правоохранительную функцию, но нотариальная деятельность может быть средством защиты прав, как было указано выше путем совершения исполнительных надписей. Выполнение этой задачи будет эффективным, если оно будет реализоваться в соответствии с процессуальными нормами, гарантирующий защиту прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций при совершении нотариальных действий [4]. Нарушение этих процессуальных норм ведет к недействительности нотариального акта.

Действия, которые осуществляют нотариальные органы, обеспечивают защиту важных прав и интересов граждан и организаций, связанных с их бытием, деятельностью, поскольку они касаются их имущественных прав и гарантируют дальнейшую реализацию других существенных прав граждан. Нотариальная контора, выполняя функцию проверки законности в гражданском обороте, реализует свою вторую задачу – укрепление законности и верховенства закона. Определенным нотариальным действием нотариус или должностное лицо подтверждает законность и правильность совершенного нотариального действия и предотвращает возможные нарушения прав и интересов лиц, обратившихся к нотариусу или должностному лицу в будущем. Итак, когда нотариус подтверждает законность и правильность нотариального действия, он выполняет и третью задачу – предотвратить возможное правонарушение. Точно так же неправильно совершенное нотариальное действие делает реализацию права невозможной. Согласно Основам законодательства о нотариате (далее – Основы) нотариальные действия в Российской Федерации совершают нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой (ст. 1). Хотя при совершении нотариальных действий нотариусы, работающие в государственных нотариальных конторах и занимающиеся частной практикой, обладают равными правами и несут одинаковые обязанности, а оформленные ими документы имеют одинаковую юридическую силу, правовые статусы этих нотариусов отличаются.

Можно сделать вывод, что государственный нотариус – это должностное лицо. Действующее законодательство, регулирующее деятельность, не соответствует текущему уровню правового и экономического развития страны. В настоящее время нотариальные действия в Российской Федерации осуществляются нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах или занимающимися частной практикой (смешанная модель). Мы согласимся с точкой зрения Г.Г. Черемных, который считает, что «государственная нотариальная контора действует как традиционная бюрократическая структура. В нем нотариусы – это государственные служащие, получающие заработную плату независимо от результатов своей деятельности, которые, в отличие от частного нотариуса, не несут имущественной ответственности за нарушение правовых норм при осуществлении своего права [5]. Отдельные авторы продолжают отстаивать необходимость наличия государственных нотариальных контор в дополнение к частным практикующим. О.В. Мананников считает, что это необходимо «в малонаселенных и труднодоступных районах» [6].

Ближайшая перспектива развития нотариата – это всестороннее оказание юридической помощи нотариусами. Эта поддержка включает в себя: консультирование, сбор необходимых документов, подачу документов для регистрации прав и юридических лиц, посредничество и т.д. Следующей перспективой развития является необходимость перевода нотариальной системы из совместной компетенции Федерации и субъектов в компетенцию Российской Федерации с изменением статьи 71 Конституции Российской Федерации, в которой перечислены субъекты юрисдикции. Это связано с важностью роли нотариуса в реализации и защите прав и свобод граждан. Представляется, что нотариат должен быть передан в исключительную юрисдикцию Российской Федерации по аналогии с судебной системой, несмотря на федеративную структуру нашего государства, в которой развито сотрудничество центральных органов власти и власти субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бегичев, А.В. Соотношение правового статуса государственных и частных нотариусов / А.В. Бегичев // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 2 – С. 80-90.
2. Борисова, Е.А. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации. / Е. А. Борисова. – М: Юстицинформ, 2016. – 340 с.
3. Богатырев Н.В. Субъекты правоохранительной политики в сфере нотариальной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 – С. 110-119.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28 марта 2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994.– № 32. – Ст. 3301. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.04.2021)
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31 Ст. 4398. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.02.2023)
6. Концепция проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] Режим доступа URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 04.02.2023)

LEGAL REGULATION OF THE NOTARIAL FORM OF CIVIL RIGHTS PROTECTION

Annotation. The study examines the essence of legal regulation of the notarial form of civil rights protection. At the present stage of the development of society in the state, it is important and necessary to provide ways to protect civil rights, therefore, in the notarial sphere, it is necessary to determine ways and forms of protecting the rights of citizens and organizations who have applied to a notary, and the rights of notaries themselves, which can also be violated.
Keywords: notary, notary activity, protection, civil rights.

Primak A.

Scientific adviser: Merkulov S. N., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: anyaprimak2014@mail.ru

УДК 343.102

АКТЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Руденко В.П.
Научный руководитель: Гулина С.Н., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе на основе положений законодательства Российской Федерации, точек зрения ученых-правоведов рассматриваются сущность и виды актов прокурорского реагирования, которые применяются на досудебных стадиях уголовного судопроизводства при обнаружении нарушений закона органами предварительного расследования. Дана характеристика каждому акту прокурорского реагирования, а именно постановлению, требованию и представлению; обозначены проблемные вопросы и их решения для каждого из актов реагирования. Автор делает вывод, что прокурор может применять акты реагирования, указанные как в уголовно-процессуальном законе, так и в федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Но эти акты обязательно должны быть использованы в части, не противоречащей уголовно-процессуальному закону.
Ключевые слова: акты прокурорского реагирования, постановление прокурора, требование прокурора, представление об устранении нарушений закона, прокурорский надзор.

На сегодняшний день существует достаточное количество проблем, которые затрагивают проведение прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования, то есть органов дознания и предварительного следствия. Одна из актуальных проблем в данной области – это регламентация в законодательных актах и порядок применения актов прокурорского реагирования на досудебных стадиях уголовного процесса, что вызывает как многие споры среди ученых-правоведов, так и проблемы в правоприменительной практике.

Также стоит отметить, что акты прокурорского реагирования – это гарант признания, соблюдения и защиты прав и свобод субъектов уголовного процессуального права; можно сказать, что это средство обеспечения законности производства по конкретному уголовному делу. Данный тезис подтверждают положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»), которые закрепляют за прокурорским работником важнейшую обязанность – выносить соответствующие акты при обнаружении нарушений федерального закона. Однако стоит не забывать, что акты прокурорского реагирования направлены на реализацию лишь полномочий по выявлению нарушений федерального закона.

Целью данного исследования является дача характеристики актам прокурорского реагирования на нарушения законов органами предварительного расследования, взяв за основу законодательство Российской Федерации (далее – РФ), научную и учебную литературу по теме исследования, а также определение основных проблемных вопросов и их решений в области актов прокурорского реагирования.

Перед тем, как непосредственно раскрывать общую характеристику актов прокурорского реагирования, нужно отметить, что прокурорские работники при проведении проверок соблюдения и исполнения законов выявляют достаточное количество нарушений, допускаемых органами предварительного расследования при производстве уголовных дел. Поэтому в уголовном судопроизводстве возникла необходимость выделения и создания определённых актов прокурорского

реагирования, которые, мы считаем, направлены на урегулирование, пресечение и предупреждение возникающих нарушений со стороны дознавателей и следователей.

Обращаясь к действующему законодательству, можно заметить, что здесь не содержится ни одного определения акта прокурорского реагирования. Это вызывает необходимость обращения к точкам зрения учёных. Например, Терёхин А.А. в своём автореферате диссертации под актами реагирования понимает «разновидность уголовно-процессуальных актов, определяющих единство властного волеизъявления и процессуального действия, в которых прокурор в пределах своей компетенции в определенном законом порядке проявляет правовое отношение к деятельности иных органов и лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» [1, с. 10].

Дёмшина И.А. в своем научном исследовании дает следующее понятие: «Акт прокурорского реагирования – это официальный документ, выраженный в письменной форме и имеющий обязательный характер, применяемый в ходе реализации прокурором своих полномочий в надзорной и ненадзорной сфере деятельности по реагированию на выявленные нарушения закона и отвечающий требованиям законности, справедливости и обоснованности» [2, с. 162]. Можно отметить и иное понятие актов прокурорского реагирования: «Это действия прокурора, отраженные в письменной форме, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также на выявление, устранение и предупреждения правонарушений» [3, с. 749].

Однако отметим понятие акта прокурорского реагирования, которое даёт в своём учебном пособии Буланова Н.В. и которое, на наш взгляд, в полном объеме отражает сущность актов реагирования: «это адресованное уполномоченным должностным лицам органов дознания или следственных органов письменное обращение прокурора, принятое им в пределах своей компетенции при наличии предусмотренных законом оснований, содержащее требование об устранении допущенных в досудебном производстве нарушений закона и обстоятельств, им способствовавших» [4, с. 57].

Изучая научную литературу, можно заметить, что существует огромное количество понятий актов прокурорского реагирования. Следовательно, имеются и различные взгляды на определение признаков данных актов реагирования. Нельзя не согласиться с Кесареевой Т.П., которая в своем учебном пособии также отметила эту проблему и перечислила бесспорные признаки актов, которые отмечают большинство исследователей: «1) законность; 2) письменная форма; 3) государственный язык РФ; 4) субъектность; 5) императивный, властный характер; 6) определенное содержание, структура; 7) опосредованный характер реализации; 8) оперативность (сроки); 9) индивидуальность; 10) убедительность; 11) целесообразность» [5, с. 9].

Теперь целесообразно рассмотреть классификацию актов прокурорского реагирования, которые применяются при реагировании на нарушения законов органами предварительного расследования (органов дознания и предварительного следствия). В зависимости от объекта прокурорского надзора можно выделять следующие акты: 1) которые применяются в отношении органа дознания, дознавателя или начальника подразделения дознания; 2) которые применяются в отношении следователя, руководителя следственного органа. В зависимости от закрепления в том или ином законе: 1) предусмотренные Уголовно-процессуальный кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ); 2) предусмотренные ФЗ «О прокуратуре РФ».

Интересна точка зрения Данко В.А., которая, по нашему мнению, также верна. Она в своей научной работе выделяет такую классификацию актов прокурорского реагирования: 1) по сфере применения: общие и специальные; 2) по характеру: предупредительные, пресекательные и карательные; 3) по функциональному назначению: надзорные и ненадзорные. Также отмечается, что некоторые ученые-юристы выдвигают дополнительную классификацию на устные и письменные акты [6,

с. 55]. Но мы предлагаем в зависимости от процессуальной формы выделять: 1) требование об устранении нарушений закона; 2) постановление; 3) представление. Именно последнюю классификацию актов прокурорского реагирования нужно взять за основу в данном исследовании и подробно её рассмотреть.

Необходимо также проанализировать, какие виды актов реагирования закреплены в ФЗ «О прокуратуре РФ», в частности, в главе 1 разделе 3. Здесь нужно упомянуть: 1) протест прокурора, который приносится на правовой акт, противоречащий закону, должностному лицу или в орган, издавшими этот акт, или вышестоящему должностному лицу или в вышестоящий орган, либо в суд в порядке, который установлен в законодательстве РФ (ст. 23); 2) представление об устранении нарушений закона, которое прокурор или его заместитель вносит должностному лицу или в орган, уполномоченные устранить допущенные нарушения закона, и которое должно быть рассмотрено в безотлагательном порядке (ст. 24); 3) постановление прокурора, которое выносится для возбуждения производства об административном правонарушении (ст. 25); 4) предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1) [7].

Но стоит не забывать, что действующий УПК РФ также устанавливает акты реагирования, которые должен использовать прокурор при выявлении нарушений закона органами предварительного расследования, чтобы обеспечить законность в досудебных стадиях – это постановление, требование об устранении нарушений закона. На данном этапе классификации можно обнаружить следующую проблему: возможно ли использовать акты прокурорского реагирования, которые не предусмотрены УПК РФ, но содержатся в ФЗ «О прокуратуре РФ»?

Как можно убедиться, действующий УПК РФ не содержит в себе правомочие прокурора вносить представление при осуществлении прокурорского надзора на стадии предварительного расследования, то есть в УПК РФ не закреплен такой акт реагирования, как представление. Однако, изучив нормативную базу, данная проблема решается на уровне локальных нормативных актов. Согласно п. 1.23 Приказа Генеральной прокуратуры РФ № 826 от 28.12.2016 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», прокурор обязан «использовать полномочия…по внесению представлений и информированию руководителей следственного органа о состоянии законности и выявляемых нарушениях, если они носят систематический характер и их устранение требует принятия организационных мер, а также рассмотрения вопросов дисциплинарного воздействия в отношении нарушителей» [8].

Следовательно, мы считаем, что возможно использовать такой акт реагирования, как представление, хотя в УПК РФ не предусмотрена возможность его применения априори. То есть необходимо констатировать факт возможности использования актов прокурорского реагирования, которые закреплены не только в действующем УПК РФ, но и в ФЗ «О прокуратуре РФ». Однако эти акты обязательно должны быть использованы в части, не противоречащей уголовно-процессуальному закону.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что представление как акт прокурорского реагирования необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве. Необходимо внести изменения как в ст. 5 УПК РФ, закрепляющую основные понятия, так и в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В последней норме необходимо прописать полномочие прокурора выносить представление об устранении нарушений закона. Это, мы считаем, будет способствовать устранению условий и причин нарушений закона, а также регулированию уголовно-процессуальных отношений.

Так как ранее в данном исследовании был затронут такой акт прокурорского реагирования, как представление, то рассмотрим, непосредственно, его сущность. Изучая представление как акт реагирования, нужно отметить, что это документ

обобщенного характера, потому что он обращает внимание на факты отсутствия контроля со стороны руководителя следствия, нарушения федерального закона.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Бичеева Д.В., который в своей научной статье предлагает следующие способы повышения эффективности представлений, вносимых прокурором: «1) указание в не только нарушений уголовно-процессуального законодательства, но также причин и условий, способствовавших совершению нарушений; 2) предложение конкретных и реальных мер по устранению нарушений уголовно-процессуального законодательства; 3) участие прокурора в оперативном совещании по рассмотрению представления и результатов служебной проверки; 4) направление представления в вышестоящий орган предварительного расследования, в случае игнорирования требований прокурора нижестоящим органом» [9, с. 191].

Можно заметить, что требование и представление имеет схожую сущность, однако все же эти акты прокурорского реагирования имеют некоторое различие, а именно наличие комплексного характера представления. Этот характер заключается в том, что данный акт закрепляет целую группу неоднократно совершенных нарушений, в отличие от требования. К тому же нужно отметить, что основанием внесения представления служат не только выявленные нарушения закона, но и условия с причинами, которые способствовали совершению какого-либо нарушения. Представление как акт прокурорского реагирования также рассматривает вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц.

Теперь рассмотрим требование прокурора об устранении нарушений закона как акт прокурорского реагирования, который подлежит применению в случае выявления нарушений на стадии предварительного расследования. Цель данного акта – это устранение допущенных нарушений закона органами предварительного расследования.

Если прокурор направляет данный акт дознавателю (органу дознания), то он подлежит безусловному исполнению, что нельзя сказать про следователя (или же орган следствия). Общеизвестным является тот факт, что действующее законодательство устанавливает процессуальную самостоятельность следствия от органов прокуратуры, что отражается и на актах как средствах реагирования на нарушения законов органами следствия. Ранее в исследовании о проблемных аспектах прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела данная проблема была также упомянута – это наличие властно-распорядительных полномочий прокурора по отношению к дознавателям и к органам, осуществляющих дознание, но отсутствие данных императивных полномочий по отношению к следователям [10, с. 214].

Действующий УПК РФ закрепляет возможность отклонения требований прокурора руководителем следственного органа, согласно п. 7 ч. 2, ч. 6 ст. 37 УПК РФ [11]. По нашему мнению, действующим уголовно-процессуальным законом предлагается достаточно сложный порядок регулирования конфликтных отношений между данными участниками уголовного судопроизводства. Поэтому, придерживаясь позиции влияния прокурора на порядок рассмотрения уголовных дел, предлагаем внести изменение в УПК РФ, в частности, в ч. 6 ст. 37 УПК РФ. Мы считаем нужным предусмотреть, что в случае несогласия с требованиями прокурора, руководитель следственного органа или следователь должны обратиться к вышестоящему прокурору, решение которого является окончательным и обсуждению не подлежит.

Требование прокурора, по нашему мнению, носит ограниченный характер, несмотря на выражение данной меры реагирования в императивной, мотивированной и категоричной форме. К тому же, этот акт является самой распространённой формой реагирования на выявленные нарушения федерального законодательства. Его назначение заключается в том, чтобы устранить определенные нарушения закона, которые допускались при производстве конкретного уголовного дела. Изучив УПК РФ, нужно отметить, что понятие требования не закреплено в ст. 5, которая посвящена

основным понятиям кодекса. Поэтому, мы также считаем необходимым закрепить эту дефиницию, чтобы расширить понимание и данной меры реагирования: «Требование прокурора – это индивидуальный акт прокурорского надзора на нарушения, которые были допущены при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, при производстве предварительного расследования по уголовному делу».

В досудебных стадиях уголовного судопроизводства постановление прокурора как акт прокурорского реагирования представляет собой решение данного должностного лица, которое было вынесено при расследовании уголовного дела. Понятие постановления прокурора нашло своё закрепление и в ст. 5 УПК РФ [11].

Постановление, мы считаем, должно быть направлено на осуществление законной деятельности, которая на стадии предварительного расследования уголовного дела связана с: 1) рассмотрением жалоб на действия и решения участников уголовного процесса со стороны обвинения; 2) определением направлений расследования, производством тех или иных следственных или процессуальных действий; 3) применением, изменением или отменой мер уголовно-процессуального принуждения.

Мы склонны согласиться с точкой зрения кандидата юридических наук, доцента Булановой Н.В. о том, что постановление прокурора должно быть законным, обоснованным и мотивированным [12, с. 42]. К тому же, постановление должно обязательно отвечать условиям, которые затрагивают форму и содержание. Форма данного акта должна быть письменной, включать такие части: вводную, описательную, мотивировочную и результативную. Характер принимаемого решения, которое определяется УПК РФ, составляет содержание самого постановления. По нашему мнению, значение постановления прокурора заключается в том, что оно способствует немедленному устранению нарушений закона или же предупреждению возможных нарушений. Благодаря этому акту прокурор имеет возможность своевременного реагирования на деятельность как органов дознания, так и органов следствия.

Проанализировав акты прокурорского реагирования на нарушения закона органами дознания и предварительного следствия, мы считаем целесообразным дополнительно отметить и проблемные аспекты всех ранее рассмотренных актов.

Первый аспект – это уровень подготовки данных документов. Данко В.А. в своей научной статье рассматривает эту проблему также и отмечает точку зрения о том, что имеются факты подготовки таких актов без достаточных оснований, с низким профессиональным уровнем и ошибочным применением норм закона [6, с. 55].

Второй аспект – это содержание и структура актов реагирования. Это, на наш взгляд, достаточно широкая и распространенная проблема, которая подлежит закреплению на законодательном уровне. Она будет решаться либо путем издания соответствующих разъяснений Генеральной прокуратурой РФ, либо путем законодательного закрепления в соответствующих федеральных законах. Нужно отметить, что данные разъяснения должны содержать в себе: 1) четкую структуру акта, требования к форме – целесообразным будет письменная форма, а структура акта должна состоять из вводной, описательной и мотивировочной частей; 2) требования к содержанию – краткость, аргументированность (обоснованность), законность.

Подводя итог данной работы, нужно отметить, что к актам прокурорского реагирования при обнаружении нарушений в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия целесообразно относить постановление, представление и требование об устранении нарушений федерального законодательства. Нужно отметить, что прокурор в рамках прокурорского надзора на стадии предварительного расследования управомочен применять средства реагирования, указанные как в УПК РФ, так и в ФЗ «О прокуратуре РФ». Но эти акты обязательно должны быть использованы в части, не противоречащей уголовно-процессуальному закону. Было рассмотрено и отмечено достаточное количество проблем, которые

связаны с актами прокурорского реагирования. Все они подлежат решению, как было указано ранее, путем внесения соответствующих изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терёхин А.А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А.А. Терехин // Челябинск, 2013. – 19 с.
2. Дёмшина И.А. Понятия актов прокурорского реагирования и актов прокурорского надзора через их признаки / И.А. Дёмшина // Моя профессиональная карьера. – 2021. – Т. 3. – № 24. – С. 158-163.
3. Галинов Г.Ю., Максимов А.Ю., Латыпов А.Р. Акты прокурорского реагирования / Г.Ю. Галинов, А. Ю. Максимов, А.Р. Латыпов // Аллея науки. – 2018. – Т. 1. – № 5 (21). – С. 747-751.
4. Буланова Н.В. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: учеб. пособие / Академия Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018. – 108 с.
5. Кесареева Т.П. Акты прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов: учеб. пособие / Ун-т прокуратуры РФ. – М., 2019. – 120 с.
6. Данко В.А. Меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В.А. Данко // Актуальные вопросы юриспруденции (сборник статей VI Международной научно-практической конференции) – 2021. – С. 54-56.
7. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 11.06.2022 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.02.2023).
8. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.12.2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.02.2023).
9. Бичеев Д.В. Акты прокурорского реагирования (надзора) в досудебном уголовном судопроизводстве / Д.В. Бичеев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 190-191.
10. Руденко В.П., Гулина С.Н. К вопросу о проблемном аспекте прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации /В.П. Руденко, С.Н. Гулина // Материалы круглого стола «Актуальные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики» (Донецк, ДонНУ). – 2022. – С. 214-218.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2023).
12. Буланова Н.В. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания и органами предварительного следствия в досудебных стадиях уголовного процесса / Н. В. Буланова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2014. – № 4. – С. 36-44.

ACTS OF THE PROSECUTOR'S RESPONSE TO VIOLATIONS OF THE LAW BY BODIES OF INQUIRY AND PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. In this paper, based on the provisions of the legislation of the Russian Federation, the points of view of legal scholars, the essence and types of acts of prosecutorial response are considered, which are applied at the pre-trial stages of criminal proceedings when violations of the law are detected by the preliminary investigation bodies. The characteristic is given to each act of the prosecutor's response, namely the resolution, demand and presentation; problematic issues and their solutions for each of the response acts are indicated. The author concludes that the prosecutor can apply the response acts specified both in the criminal procedure law and in the federal law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». But these acts must be used in the part that does not contradict the criminal procedure law.
Keywords: acts of prosecutor's response, prosecutor's decision, prosecutor's demand, idea to eliminate violations of the law, prosecutor's supervision, criminal proceedings.

Rudenko V.
Scientific adviser: Gulina S.N., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: rvp.03@mail.ru

УДК 343.851.3

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Савицкая Ю.А.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассмотрен и исследован механизм международного сотрудничества государств по борьбе с торговлей людьми, обозначены проблемы и пробелы в борьбе с данным видом преступления. На основании проведенного исследования разработаны предложения, направленные на совершенствование и повышение эффективности борьбы в с торговлей людьми в рамках международного сотрудничества. В настоящей работе использовались такие методы: всеобщие (диалектический), общенаучные (анализ, синтез и системный) и частнонаучные (формально-юридический и нормативно-юридический) методы.
Ключевые слова: международное сотрудничество, торговля людьми, мировое сообщество, транснациональная преступность, борьба.

Одна из актуальных проблем XXI века, вызывающая растущее беспокойство мирового сообщества, – проблема торговли людьми. Каждый год, находясь как в свой стране, так и за границей, много людей разных возрастов, полов попадают в руки незаконных торговцев. Количество жертв международной торговли людьми достигает от 600 до 800 тысяч в год [1, с. 96].

Неправительственная организация «Human Rights Watch» определяет, что количество людей, продаваемых каждый год, может достигать 800-900 тысяч. Центр безопасности человека, находящийся в Ванкувере, приводит статистику, согласно которой каждый год в рабство продают до 4 миллионов людей [2, с. 278].

С одной стороны, распространение продажи людей связано с бедностью, нестабильностью, большим количеством безработных, низким уровнем образования, кризисом института семьи (рост насилия в семье, невнимание со стороны родителей), низким уровнем правового воспитания населения. Также распространению способствуют вооруженные конфликты, стихийные бедствия. Это приводит к появлению большого количества торговцев людьми, желающих обогатиться незаконным способом, и лиц, которые подвержены риску стать жертвами данного вида преступления.

С другой стороны, активизация продажи людей связана своей доступностью, дешевой стоимостью для потенциальных покупателей. Это порождает спрос на дешевый труд, дешевые услуги, на извлечение органов с последующей продажей по более высокой стоимости, на незаконное усыновление/удочерение и принудительные браки. Все это является существенными факторами, способствующими распространению и активизации торговли людьми.

Данный незаконный вид торговли лишает миллионы человек во всем мире их свободы и достоинства, подрывает национальную безопасность, искажает рынки, обогащает транснациональных преступников, террористов.

Осознавая значимость и опасность такого явления, как торговля людьми, мировое сообщество в целом и отдельные страны предпринимают серьезные шаги, направленные на решение этой проблемы. Большое количество стран объединяет свои усилия в борьбе с торговлей людьми, однако данное явление продолжает быть суровой действительностью наших дней. Это обусловлено тем, что в мире происходит стремительно движущееся развитие информационных технологий, ускоренные глобализационные процессы, поэтому такая деятельность, как продажа людей,

приобретает новые формы, виды и создает разнообразные проблемы, препятствия на пути к ее устранению. Это обусловливает актуальность исследования в целом.

Цель настоящей работы заключается в выявлении проблемных вопросов, возникающих при осуществлении международного сотрудничества в сфере борьбы с торговлей людьми, и разработке предложений по устранению этих проблем.

Рассматриваемой теме посвятили свои научные труды П.Н. Кобец, Т.А. Ханов, А. В. Борецкий, В.Н. Соловьев, А.Ж. Багжанова, М.А. Капужина и другие ученые.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью означает совместную работу двух или более государств для быстрого и полного выявления и расследования трансграничных преступлений [3, с. 78].

Взаимопомощь в борьбе с незаконной продажей людей следует рассматривать как этап международного сотрудничества государств, как инструмент, обеспечивающий реализацию правовых положений международных договоров.

В.Н. Соловьев в своем исследовании отмечает, что в области мирового сотрудничества главные усилия направлены на дальнейшее развитие взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных государств, состоящее из следующих основных аспектов:

1) обмена оперативной информацией;

2) розыска лиц, скрывающихся от следствия, суда или отбытия наказаний;

3) исполнения запросов общего и конфиденциального характера;

4) проведения общих мероприятий [4, с. 71].

А. Ж. Багжанова обращает внимание на то, что в юридической науке выделяют две основные формы международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми: договорная (заключение и реализация договоров) и институциональная (деятельность в рамках международных организаций всеобщего и регионального значения) [5, с. 52].

Например, Правительством Российской Федерации заключен ряд двусторонних соглашений, подписаны иные международные документы, отдельные положения которых предусматривают вопросы противодействия торговле людьми. Среди них соглашения о борьбе с преступностью, заключенные с Правительством Королевства Испания (Москва, 17 мая 1999 г.), Правительством Португальской Республики (Москва, 29 мая 2000 г.), Правительством Соединенных Штатов Америки (Москва, 25 сентября 2002 г.), Консульская конвенция с Итальянской Республикой (Рим, 16 января 2001 г.) и другие.

Результатом такого взаимодействия стало более ускоренное прохождение информации о выявленных фактах преступной деятельности и результатах ее проверки в иных странах, проведение совместных разработок участников международных преступных группировок, занимающихся продажей людей.

Основные меры по борьбе с этим опасным явлением излагаются в ряде международных документов: в 1933 г. принята Международная Конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами, в 1949 г. Организация Объединенных Наций приняла Конвенцию по борьбе с торговлей людьми и использовании их для проституции, в 1989 г. принята Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка, в 2000 г. принят Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, а в 2010 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций одобрила Глобальный план действий по борьбе с торговлей людьми.

Можно сказать, что среди множества документов, которые легли в основу мирового взаимодействия в сфере борьбы с торговлей людьми, наиболее значимыми являются именно Конвенции Организации Объединенных Наций. Они криминализируют исследуемые общественно-опасные деяния, создают основу для взаимопомощи правоохранительных органов.

Государства сотрудничают друг с другом в различных формах и направлениях, используя для этого международные договоры и применяя свое законодательство, а также соответствующие инструменты и механизмы, основанные на единообразном или согласованном законодательствах. Такого рода взаимодействие направлено на устранение и предотвращение торговли людьми, защиту ее жертв и их реабилитацию, а также успешное раскрытие преступлений в данной сфере.

Необходимо отметить, что сотрудничество в деле борьбы в рамках различных мировых организаций и в рамках выполнения государствами обязательств по универсальным многосторонним договорам в области прав человека охватывает не только непосредственную координацию совместных действий, но также включает постоянный обмен информацией об эффективных методах и стратегиях защиты прав человека, применяемых государствами [6, с. 17].

В рамках международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми выделяются следующие проблемные моменты:

1) существование различных нормативно-правовых баз, отсутствие единого термина торговли людьми. Государства не пришли к общему пониманию того, что относится к торговле людьми, также не создали единую систему оценки действий, характеризующих такую деятельность.

2) Торговля людьми обладает сложной системой, имеет транснациональный характер, а лица, задействованные в такой деятельности, могут находиться в различных государствах, что создает трудности при раскрытии и расследовании преступлений.

3) Как правило, целью торговли людьми является сексуальная и трудовая эксплуатация, а необходимость пересечения государственных границ и преодоления дальних расстояний приводит к использованию опасных способов перемещения этих жертв. В таких ситуациях их перемещают разными способами и в местах, не приспособленных для нормального функционирования человеческого организма.

Нередко жертв торговли людьми перевозят в багажниках машин, холодильниках, чемоданах. Такая деятельность влечет за собой весьма неблагоприятный исход, включая смерть человека и непоправимый вред его здоровью [7, с. 31].

4) Стоит акцентировать внимание на торговле детьми. Как правило, такой вид торговли совершается со следующими целями: принудительный труд, вступление в брак против их воли, незаконное усыновление, попрошайничество, торговля наркотиками, вовлечение детей в экстремистские и террористические группировки.

К. А. Байкенжина отмечает, что торговля детьми имеет невообразимые масштабы. Ни сотрудники милиции, ни правозащитные организации не могут сказать, сколько людей ежемесячно продается внутри государства и вывозится за ее пределы. По данным, которые предоставляют эксперты Организации Объединенных Наций, число жертв торговли людьми исчисляется сотнями тысяч и даже миллионами. В официальной статистике лишь десятки фактов [8, с. 89].

Так, например, по данным правозащитной организации «Girls Not Brides», ежегодно принуждаются к браку более 12 миллионов несовершеннолетних девочек и девушек. Лидерами по данному виду правонарушений являются страны Ближнего Востока, большинство стран Африки, а также некоторые государства Азии и Латинской Америки. А наибольшее число случаев продажи младенцев с целью незаконного усыновления регистрировалось в таких странах, как Камбоджа, Индия, Гватемала и Вьетнам, к настоящему моменту также обеспокоенность правозащитников вызывает Китай [9, с. 274].

5) Еще одно немаловажное направление – продажа людей для трансплантации органов и тканей.

Во многих странах действуют трансплантационные центры, которые успешно проводят сложнейшие операции по замене больных органов человека.

Трансплантология призвана помогать ранее неизлечимым больным, однако для этого требуется постоянное снабжение донорскими органами, количество которых ограничено.

Каждый день увеличивается число пациентов, нуждающихся в пересадке органа. Трансплантология позволяет спасти жизнь человека, но в то же время может стать способом совершения преступлений против жизни и здоровья.

По оценкам Организации Объединенных Наций, ежегодно на планете проводятся тысячи противозаконных операций по трансплантации. Особым спросом пользуются такие органы, как почки и печень. Если вести речь о пересадке тканей, то здесь занимает лидирующее место трансплантация роговицы. Незаконно в мире совершается примерно 10% операций по трансплантации [10, с. 106].

6) Как известно, в мире происходит стремительное развитие компьютерно-информационных технологий. В связи с этим развитием технологий торговля людьми быстро видоизменяется. Такое преступное деяние в сети Интернет становится практически «невидимым».

Так, например, выявлению действовавшей в Соединенных Штатах Америки сети посредников и торговцев предшествовал продолжавшийся более года мониторинг деятельности закрытых сообществ в социальных сетях.

На данный момент основными сложностями международного сотрудничества в сфере борьбы с торговлей людьми можно назвать различия в термине преступлений, которые относятся к торговле людьми, отсутствие налаженной системы обмена данных о таких преступлениях, различия нормативно-правовых основ борьбы с торговлей людьми в отдельных странах, а также постоянная эволюция форм и видов торговли людьми.

Таким образом, борьба с таким транснациональным преступлением, как торговля людьми, требует системы отлаженных действий в рамках международного сотрудничества.

Так, на основании проведенного исследования предлагается предпринять следующие шаги для устранения проблем и пробелов в рамках борьбы с торговлей людьми:

1) необходимо разработать, согласовать единый понятийный аппарат и порядок оценки действий с целью искоренить препятствия на пути к раскрытию данного вида преступления;

2) торговля людьми обладает сложной системой, имеет транснациональный характер, а лица, задействованные в такой деятельности, могут находиться в различных государствах, решением таковой проблемы будет совместная координация усилий стран, а также деятельность правоохранительных органов государств по выявлению, раскрытию преступлений и изобличению всех лиц, вовлеченных в торговлю людьми;

3) нередко жертв торговли людьми могут перевозить опасными для жизни и здоровья способами, а именно: в багажниках машин, холодильниках, чемоданах. Такая деятельность влечет за собой неблагоприятный исход, включая смерть человека и вред его здоровью. Поэтому важно усилить контроль на государственных границах, сотрудничать с другими странами, чтоб не допустить перевоза людей опасным способом;

4) особое внимание необходимо уделить вопросам торговле детьми. Динамика данного вида преступления, к сожалению, с годами только увеличивается. В связи с этим возникает потребность разработки эффективных международных программ, направленных на охрану детей от разнообразных видов торговли, а также обеспечение их основных прав;

5) немаловажное направление торговли людьми – продажа людей для трансплантации органов и тканей. Каждый день увеличивается число пациентов,

нуждающихся в пересадке органа. Трансплантология позволяет спасти жизнь человека, но в то же время может стать способом совершения преступлений против жизни и здоровья. В данном случае необходимо оптимизировать правовой режим оборота человеческих органов и тканей, а также унифицировать механизмы использования тканей и органов доноров;

6) в мире происходит стремительное развитие компьютерно-информационных технологий. В связи с этим торговля людьми быстро видоизменяется. Такое преступное деяние в сети Интернет становится практически «невидимым». Для решения данной проблемы необходимо разработать и принять универсальный международный договор о борьбе с киберпреступностью (в частности для борьбы с продажей людей в сети Интернет), создать международно-правовую базу для взаимных действий государств в киберпространстве.

Решение вышеуказанных проблем в рамках международного сотрудничества позволит снизить уровень торговли людьми, поможет устранить препятствия на пути к раскрытию и расследованию данного преступления.

Необходимо отметить, что торговля людьми с годами может видоизменяться, приобретать разнообразные формы и создавать новые проблемы и сложности на пути к ее устранению. Это связано с тем, что в мире происходит стремительное развитие компьютерно-информационных технологий, ускоренные глобализационные процессы. Поэтому данная тема может быть предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобец, П. Н. Противодействие торговлей людьми и рабским трудом: опыт и проблемы / П. Н. Кобец // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 6(14). – С. 95-104.
2. Конысбекова, А. Т. Актуальные вопросы противодействия торговле людьми / А. Т. Конысбекова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 1-2 (29-30). – С. 278-282.
3. Ханов, Т. А. Взаимодействие Российской Федерации и Республики Казахстан в противодействии преступности, связанной с торговлей людьми / Т. А. Ханов, А. В. Борецкий // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 76-81.
4. Соловьев, В. Н. Основные направления международного сотрудничества по борьбе с торговлей людьми / В. Н. Соловьев // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 29 октября 2015 года. – Орёл: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В.Лукьянова», 2016. – С. 70-75.
5. Багжанова, А. Ж. Противодействие торговли людьми на международном уровне / А. Ж. Багжанова // Признание года 2018: сборник научных статей. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.). – 2018.– С. 50-53.
6. Емельянович, О. В. Международное сотрудничество в борьбе с торговлей людьми как самостоятельный институт международного уголовного права / О. В. Емельянович // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 15–20.
7. Капужина, М. А. Информационное обеспечение организации противодействия торговле людьми по каналам Интерпола / М. А. Капужина // Общество и право. – 2018. – № 3. – С. 30 – 32.
8. Байкенжина, К. А. Основные формы торговли несовершеннолетними / К. А. Байкенжина. – Текст: непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2014 г.). – Т. 0. – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 89-91.
9. Силуянова, Ю. А. Борьба с торговлей детьми в России: поиски решения проблемы / Ю. А. Силуянова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 272-296.
10. Шавловская, В. В. К вопросу о международно-правовой обоснованности криминализации торговли органами и тканями человека / В. В. Шавловская // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – №8(97). – С. 105-109.

INTERNATIONAL COOPERATION TO COMBAT HUMAN TRAFFICKING

Annotation. The article examines and studies the mechanism of international cooperation of states to combat human trafficking, identifies problems and gaps in the fight against this type of crime. Based on the conducted research, proposals have been developed aimed at improving and increasing the effectiveness of the fight against

human trafficking within the framework of international cooperation. The following methods were used in this work: general (dialectical), general scientific (analysis, synthesis and system) and private scientific (formal legal and normative legal) methods.
Keywords: international cooperation, human trafficking, world community, transnational crime, struggle.

Savitskaya J.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: juliasav2000@mail.ru

УДК 347.447.82

ПРОБЛЕМЫ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ УКАЗАННЫХ В ДОГОВОРЕ

Седунова Д.А.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается один из основных способов прекращения обязательственных отношений – односторонний отказ от исполнения обязательства указанных в договоре. При изучении теоретической части были исследованы гражданско-правовые общественные отношения, которые возникают в связи с односторонним отказом от исполнения обязательств. Рассмотрены мнения учёных-цивилистов о договорах, в которых часто возникает односторонний отказ. Исследована судебная практика и сделаны соответствующие выводы.
Ключевые слова: договор, односторонний отказ, обязательства.

Договор в праве имеет большое значение. Он является гражданско-правовым инструментом, который обеспечивает защиту прав и обязанностей сторон, предусматривает порядок выполнения обязательств, а также защищает интересы сторон в случаях, когда контрагент уведомит вторую сторону о желании прекратить договор в одностороннем порядке или откажется от выполнения обязательств.

Судебная практика часто сталкивается с рассмотрением дел об одностороннем отказе. Споры по данной теме возникают между сторонами договора. Каждая из сторон хочет обеспечить защиту интересов, которые были предусмотрены договором. Поэтому важно при заключении договорных отношений предусматривать в договоре положения о допустимости или не допустимости одностороннего отказа.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), положения об изменении и расторжении договора закреплены в Главе 29 [1].

По общему, правилу односторонний отказ, от исполнения договора не допустим, согласно ст. 310 ГК РФ [1]. Но существуют исключения, предусмотренные законом. Важно обратить внимание, что согласно норме данной статьи, односторонний отказ в договоре может осуществляться между:

- предпринимателем и предпринимателем;
- предпринимателем и потребителем, но право на односторонний отказ имеет только потребитель.

Согласно ст. 450.1 ГК РФ односторонний отказ от договора (исполнения договора) может быть осуществлен управомоченной стороной путём уведомления другой стороны об отказе от договора (исполнения договора). Договор прекращается с момента получения данного уведомления, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором [1].

Учёные-цивилисты, а именно Брагинский М. И. и Витрянский В. В. в своих учениях, подчёркивают, что в ГК РФ чётко разграничены изменение и расторжение договоров, происшедшие как по соглашению сторон, так и по требованию одной из них. Для обоих этих оснований установлены прямо противоположные презумпции. Имеется в виду, что возможность изменения и расторжения договора по соглашению сторон презюмируется диспозитивной нормой, которая закреплена в п. 1 ст. 450 ГК, при этом «иное» может быть установлено самим Кодексом, другими законами либо договором. В отличие от этого одностороннее изменение допускается только в случаях, прямо предусмотренных Кодексом, другими законами или договором, согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ [2].

Деятели в области права в научных работах, исследованиях, диссертациях рассматривая тему об одностороннем отказе от исполнения обязательств приходят к выводу, когда допускается односторонний отказ и при заключении каких договоров чаще всего происходит односторонний отказ.

Например, А. Ю. Кабалкина (доктор юридических наук), в своей книге о договорном праве приходит к выводу, что односторонний отказ от исполнения договора чаще всего происходит по таким договорам, как поручение – ст. 977 ГК РФ, заем – ст. 811 ГК РФ, банковский счет – ст. 859 ГК РФ, а также иным договорам. По её мнению, именно в этих договорах право одной из сторон на односторонний отказ от исполнения договора неразрывно связано с юридической природой договора. Однако на стадии заключения договора стороны могут предусмотреть право на односторонний отказ [3].

Схожее мнение в своих трудах высказала А.И. Дихтяр (кандидат юридических наук). В своей работе она высказывает мнение, согласно которому односторонний отказ от исполнения договора допускается в договоре поручения. Это обуславливается тем, что односторонний отказ возможен по таким договорам, в которых право одной из сторон на односторонний отказ от исполнения договора неразрывно связано с юридической конструкцией соответствующего договора [4].

Таким образом оба учёных пришли к выводу, что односторонний отказ допустим, когда право одной из сторон неразрывно связано с юридической природой договора.

Учёные-теоретики выделяют предпосылки для одностороннего отказа от исполнения обязательства в договоре. Общей и главной предпосылкой являются нормы права, содержащиеся в законе и иных нормативно-правовых актах (далее – НПА).

Б.Б. Черепахин – советский правовед и специалист по гражданскому праву пришёл к выводу, что для того, «чтобы кто-либо мог своей односторонней волей произвести правовые изменения, связывающие другое лицо: возложить на него обязанности... прекратить или умалить право другого лица, необходимо обладать особым правомочием, основанным на правовой норме или же на правоотношении, в котором субъект одностороннего волеизъявления уже состоит с лицом, по отношению к которому он вправе осуществить свою одностороннюю волю» [5].

Также в качестве предпосылки к одностороннему отказу относят нарушение условий договора и существенные изменения условия договора.

Рассмотрим судебную практику: между сторонами заключён договор подряда и в связи с невыполнением подрядчиком предусмотренных договором обязанностей заказчик в одностороннем порядке отказался от исполнения договора. Подрядчик потребовал, чтобы заказчик выплатил сумму гарантийных удержаний (3% от стоимости работ, принятых до расторжения договора). Правомерно ли требование подрядчика?

Согласно общим положениям о договоре стороны при заключении договора должны указывать помимо предмета договора, также права и обязанности сторон, срок действия договора и другие условия.

Следовательно, стороны обязаны в договоре указать положения, предусматривающее право сторон на односторонний отказ от исполнения обязательств в договоре. Требование подрядчика может быть правомерно только в случае, если в договоре прописано: стороны имеют право в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора. В случае, если подрядчик выполнил обязательства, предусмотренные договором, а заказчик отказался от оплаты, то подрядчик вправе требовать выплату сумму гарантийных удержаний в размере 3% от стоимости работ, принятых до расторжения договора.

Суд при вынесении решения считает, что в данной ситуации необходимо учитывать, что условия выплаты суммы договорных удержаний (гарантийного резервирования, гарантийного депозита) устанавливаются договором. Отказ заказчика от исполнения договора подряда из-за действий (бездействия) подрядчика (расторжение договора) не означает, что у заказчика возникла обязанность выплатить указанную сумму до наступления предусмотренного договором срока. Поэтому требование подрядчика о досрочной выплате незаконно, в связи с чем суд откажет в удовлетворении поданного подрядной организацией иска. При этом закон позволяет сторонам согласовать новый порядок оплаты работ, включая сроки выплаты гарантийного резервирования. Однако этот вопрос решается исключительно на основании добровольного волеизъявления заказчика работ и подрядчика [6].

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Постановления Пленума ВАС РФ) от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора», при расторжении договора прекращается обязанность должника совершать в будущем действия, которые являются предметом договора (например, отгружать товары по договору поставки, выполнять работы по договору подряда, выдавать денежные средства по договору кредита и т.п.). Вместе с тем условия договора, которые в силу своей природы предполагают их применение и после расторжения договора (например, гарантийные обязательства в отношении товаров или работ по расторгнутому впоследствии договору; условие о рассмотрении споров по договору в третейском суде, соглашения о подсудности, о применимом праве и т.п.) либо имеют целью регулирование отношений сторон в период после расторжения (например, об условиях возврата предмета аренды после расторжения договора, о порядке возврата уплаченного аванса и т.п.), сохраняют свое действие и после расторжения договора; иное может быть установлено соглашением сторон [7].

Анализируя данное Постановление приходим к выводу, что односторонний отказ в данном случае не отменяет ответственность подрядчика за качество выполненных работ, которые предусмотрены договором и должны быть переданы заказчику.

Следовательно, при заключении договора подряда стороны должны предусматривать существует ли в договоре право на односторонний отказ и какие последствия может он повлечь.

На основании анализа судебной практики можно выделить основные проблемы одностороннего отказа от исполнения обязательства:

- неточность применения терминологии при формулировании условий договора;
- индивидуальные способы расторжения договора. Мотивированный и немотивированный отказ;
- неправильный способ одностороннего отказа.

При рассмотрении первой проблемы, связанной с неточность применения терминологии при формулировании условий договора следует отметить следующее: в законодательной базе существует три понятия, которые отражают отказ от исполнения обязательств:

- прекращение обязательств;
- прекращение договора;
- расторжение договора.

Стороны при заключении договора могут использовать одну из фраз в заключительных положениях или в сроках договора, однако каждая формулировка будет иметь разную юридическую силу. Например, если в договоре прописано: «сторона вправе потребовать расторжение договора в одностороннем порядке», то эта формулировка не позволяет стороне отказаться от договора в одностороннем порядке.

Второй проблемой по данной теме являются индивидуальные способы расторжения договора и одностороннего отказа от его исполнения. К ним относят мотивированный и немотивированной отказ.

Мотивированный отказ установлен законом: не исполнено обязательство, предусмотренное договором. Например, стороны заключили договор поставки. Поставщик обязан поставить заказчику продукты надлежащего качества в сроки, предусмотренные договором. В случае, если поставщик не выполняет обязанности в указанный срок, то заказчик согласно п. 2 ст. 328 ГК РФ имеет право отказаться от договора, так как поставщик нарушил условия. Следовательно, мотивированный отказ прописывается в договоре и защищает интересы сторон.

Немотивированным отказом, также может быть установлен законом. Например, при заключении договора аренды. Данное право закреплено в ст. 619 ГК РФ, согласно которой по требованию арендодателя договор аренды может быть досрочно расторгнут судом в случаях, предусмотренных законом. Случаем может быть признано существенное ухудшение арендованного имущества, использование имущества с нарушением условий договора, не своевременное внесение арендной платы и другие.

Третьей проблемой является неправильный способ одностороннего отказа от обязательств, так как от способа будут зависеть правовые последствия.

Например, по договору подряда статья 715 ГК РФ предусматривает, что в случае если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора подряда или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков. Данная статья предусматривает мотивированный отказ со стороны заказчика, а также последствия, которые отражаются в праве заказчика требовать возмещение убытков с подрядчика.

При этом, необходимо обращать внимание на последствия, предусмотренные в законодательстве. Так, в ст. 717 ГК РФ сказано, что, если иное не предусмотрено договором подряда, заказчик может в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора. Заказчик также обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу [1].

Следовательно, применяя ст. 717 ГК РФ будут возникать другие правовые последствия. В случае, если заказчик откажется от результата работы, то будет обязанность уплатить подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы.

Рассмотрим данную проблему на основе судебной практики, которая была уже проанализирована в статье. Так как в связи с невыполнением подрядчиком предусмотренных договором обязанностей заказчик в одностороннем порядке отказался от исполнения договора, то правовые последствия для заказчика не наступают и в случае обращения в суд действия заказчика будут признаны правомерными, согласно ст. 715 ГК РФ.

А в случае, если бы заказчик потребовал односторонний отказ, а часть работы со стороны подрядчика была бы выполнена, то в судебном заседании применялась бы ст. 717 ГК РФ, а, следовательно, требование подрядчика о выплате суммы гарантийных удержаний в размере 3% от стоимости работ, принятых до расторжения договора, были удовлетворены. Паровым последствием для заказчика являлась выплата гарантийных удержаний, так как отказ будет признан немотивированным.

В заключении необходимо отметить, что при одностороннем отказе в договоре обязательно необходимо указывать условия, которые будут предусматривать право одной из сторон отказаться от договора. Эта обязанность значительно снизит случаи обращения сторон в суд между контрагентами о правомерности заявления одностороннего отказа от договора, о признании договора заключенным. Таким образом стороны обеспечивают защиту интересов и предотвращают наступление неблагоприятных последствий.

Помимо этого, стороны должны учитывать положения, закрепленные в ГК РФ и иных НПА, так как в случае, когда одна из сторон будет обращаться в суд с иском она должны уметь правильно определить способ одностороннего отказа. Способ одностороннего отказа для стороны важен, что объясняется наступлением правовых последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2003. С. 433.
3. Кабалкин А.Ю. Изменение и расторжение договора // Российская юстиция. 1996. N 10.С. 22.
4. Дихтяр А.И. Банкротство: условия действительности одностороннего отказа арбитражного управляющего от исполнения договоров должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. N 3. С. 27.
5. Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. С. 30.
6. Кислов С.С. О возврате договорных удержаний при расторжении договора подряда // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. N 7. С. 56 – 57.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 N 35 «О последствиях расторжения договора» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс».

PROBLEMS OF UNILATERAL REFUSAL TO FULFILL THE OBLIGATIONS SPECIFIED IN THE CONTRACT

Annotation. The article discusses one of the main ways to terminate the obligation relationship – unilateral refusal to fulfill the obligation specified in the contract. When studying the theoretical part, civil law social relations that arise in connection with a unilateral refusal to fulfill obligations were studied. The opinions of civilist scholars on contracts in which a unilateral refusal often arises are considered. Judicial practice was investigated and relevant conclusions were drawn.
Keywords: contract, unilateral refusal, obligations.

Sedunova D.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: sedunova.dasha61@gmail.com

УДК 347.452

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БАРТЕРНЫХ СДЕЛОК: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ

Селезнёва В.Р.
Научный руководитель: Беляева М.А., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается правовая природа бартерных сделок. Выявлено, что договор, предусматривающий обмен товара на услугу или выполненную работу, не признается меной, а является по своему содержанию смешанным договором. При этом договор, где происходит товарообмен, является подвидом мены, и к нему применяются нормы главы 31 ГК РФ о договоре мены. Также установлены, исходя из современных тенденций, примеры договора бартера, и выявлены часто встречающиеся ошибки субъектов гражданского оборота, совершаемые при товарообмене или обмене товара на услугу.
Ключевые слова: договор бартера, договор мены, смешанный договор, товарообмен, услуга.

На сегодняшний день, бартерная сделка – весьма необычное, но в определенных случаях востребованное соглашение между участниками гражданского оборота. Его востребованность обуславливается тем, что зачастую, гражданин, желающий приобрести тот или иной товар, воспользоваться той или иной услугой, или выполненной работой, не имеет возможности за неё заплатить (тяжелое финансовое положение, инфляция и т.д.) или просто не желает этого. Однако при этом, взамен готов сам оказать услугу или выполнить работу по своему профилю, или передать равноценный по стоимости товар. Бартерные сделки востребованы также в развитии бизнеса, к примеру, при расширении клиентской базы, когда таковой ещё совсем мало. Так, для начинающих предпринимателей, данный вид сделки является также весьма выгодным соглашением, поскольку зачастую, денежные средства для оплаты услуг (к примеру, рекламных, для привлечения новых клиентов), у начинающих предпринимателей, просто отсутствуют.

Актуальность исследования по данному вопросу, подтверждается тем, что Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает только один вариант отношений, по которому происходит обмен товаров – договор мены, а расчеты по бартеру Кодекс не регулирует. То есть, природа бартерных сделок имеет спорный характер как в цивилистической науке, так и в судебной практике. На этом основании возникает вопрос: «Бартер – это договор мены, или что-то иное, отличающееся от него?», а также «Применяется ли к договору бартера положения главы 31 ГК РФ о договоре мены?».

Как уже было отмечено, бартерные сделки ГК РФ не регулирует, следовательно, и термин «бартер» законодательно не закреплен. Но при этом в Кодексе есть иное определение для товарообмена – договор мены.

Анализируя п. 1 ст. 567 ГК РФ, под договором мены понимается такой гражданско-правовой договор, при котором одна сторона, обязуется передать в собственность другой стороне товар. В свою очередь у другой стороны, появляются обязанность данный товар принять и передать первой стороне равноценный по стоимости товар (т.е. происходит обмен товара на товар)[1].Следует отметить, что зачастую, обмениваемые товары могут быть неравноценны по стоимости. В этом случае стороны могут установить доплату за более дорогой товар (п. 2 ст. 568 ГК РФ). При этом, из анализа п. 1 ст. 567 ГК РФ следует, что каждая сторона договора является и продавцом, и покупателем в одном лице. Данную особенность отметил и законодатель, поэтому к договору мены применяются правила о купли-продажи (п. 2 ст. 567 ГК РФ).

Таким образом, из вышесказанного следует, что предметом мены, являются только материальные объекты, чего нельзя сказать о договоре бартера.

В цивилистической науке, принято считать, что бартер – это договор, по которому также как и в договоре мены, происходит обмен, но не только товара на товар, но и обмен услуги на товар или услуги на услугу, не используя при этом денежные средства. Как видно, предметом договора бартера может быть не только товар, но и услуга, а также выполненная работа, что и отличает его от мены. То есть, отвечая на вопрос «Бартер – это договор мены, или что-то иное, отличающееся от него?», следует отметить, что: «Бартер и мена, безусловно, схожи между собой, и даже в определенной части равнозначны, однако отличаются предметом соглашения».

При этом и в предмете указанных договоров есть доля схожести– материальный объект, т.е. и предметом мены и предметом бартера может быть обмен товара на товар. Следовательно, бартерная сделка, где происходит товарообмен, является подвидом договора мены, а значит, положения главы 31 ГК РФ о договоре мены применяются к данным правоотношениям. Об этом также свидетельствует судебная практика.

Так, АС Калужской области, в решении от 26.02.2021 г. указывает, что истец обязывался поставить гербицид «Титус» ответчику, а последний должен был принять его и отгрузить иной, равноценный по объему товар (картофель). Суд, исследовав материалы дела, установил, что между вышеуказанными субъектами был заключен договор бартера, однако после указал, что правоотношения возникли из договора мены [4].

Следовательно, суд подтверждает тот факт, что к отношениям, возникшим из договора бартера, предметом которого является товарообмен, применяются положения договора мены.

Другая ситуация определяется с обменом товара на услугу или выполненную работу. Как указывает судебная практика, такие договоры носят смешанный характер.

ВАС РФ, в своём информационном письме № 69, обобщив судебную практику по данному вопросу, указал, что если одна сторона предоставляет услугу в обмен на товар, а другая сторона, соответственно, передает товар, за полученную услугу, то данный договор носит смешанный характер (ч. 1 Письма). То есть, к данным правоотношениям применяются нормы договора купли-продажи и договора возмездного оказания услуг [3]. Аналогично и то, что если стороной выполняется работа в обмен на товар, то соответственно применяются положения гл. 37 ГК РФ и нормы, регулирующие договор купли-продажи.

Таким образом, с учётом судебной практики и ГК РФ, можно определить существенные условия договора бартера.

Условия данного соглашения, очевидно, зависят от сути возникших бартерных отношений. Иными словами, к примеру, если происходит товарообмен, то существенными являются те условия, которые применимы к договору мены (гл. 31 ГК РФ), если товар обменивается на услугу или выполненную работу, то применяются условия соответствующих норм ГК РФ, как к смешанному договору.

Таким образом, при заключении договора бартера, обязательно необходимо указывать:

1. предмет договора;

2. все те существенные условия, которые предусмотрены нормами ГК РФ к конкретному типу правоотношений.

Существует мнение, что договор бартера, является невостребованным и устаревшим в современном мире, а если и заключается, то только между физическими лицами для удовлетворения бытовых потребностей. Однако на наш взгляд, данная позиция является ошибочной. Приведем несколько примеров договора бартера, исходя из современных тенденций.

В настоящее время, популярными платформами продаж товаров в Российской Федерации, являются интернет-магазины: «Wildberries» и «OZON». Так, к примеру, продавцу ювелирных украшений необходима модель для рекламы его изделий на «Wildberries». Пригласив подходящую, продавец, чаще всего, договаривается с моделью по бартеру, т.е. девушка предоставляет услуги модели, за что в обмен получает ювелирное украшение, а продавец, передавший ювелирное изделие, получает качественно оказанную услугу. Следовательно, к данным правоотношениям применяются нормы договора купли-продажи и договора возмездного оказания услуг.

Можно также привести иной пример, который чаще всего мы наблюдаем на просторах видеохостинга «Rutube». К примеру, компания, разрабатывающая косметику, присылает пользователю видеохостинга свою продукцию на пробу, взамен на размещение рекламно-информационного материала о продукции на своём интернет-канале, с целью привлечения новых клиентов и наиболее стремительного развития бизнеса. Пользователь, в свою очередь, данную продукцию принимает, и размещает рекламно-информационные материалы о продукте в количестве и виде, указанном в договоре. К данным правоотношениям также применяются нормы договора купли-продажи и договора возмездного оказания услуг.

Развеяв ошибочное мнение касаемо неактуальности рассматриваемого договора, необходимо обратить внимание на часто совершаемую ошибку субъектами гражданского оборота.

Многие, не углубляясь в правовую природу договора бартера, считают, что передав друг другу равноценный по стоимости товар, или оказав услугу за товар, или услугу за услугу, они совершают взаимозачёт требований, но это не совсем так.

Зачет встречных требований, возможен только в том случае, когда у сторон существуют уже возникшие неисполненные друг перед другом обязательства, и по отношению друг к другу они являются и должниками, и кредиторами.

К примеру, компания по производству одежды, представила компании по аудиту партию футболок. При этом компания аудит, оказала компании по производству одежды аудиторские услуги. В такой ситуации, стороны могу договориться о зачёте требований: первая компания зачтёт в счёт платы футболок оказанную ей аудиторскую услугу, а вторая компания, в счёт оплаты услуги, зачтёт представленные ей футболки. Иными словами, взаимозачёт – это способ прекращения уже существующих взаимных обязательств.

Ещё одной особенностью бартерной сделки, является – момент приобретения права собственности на предмет бартера. Данный аспект регулирует ст. 570 ГК РФ, и устанавливает, что право собственности на предмет бартера появляется только в том случае, если обе стороны исполнили обязательство по передаче товара, если иное не установлено договором. То есть, если организация получила товар по бартеру, но при этом не исполнила своё обязательство по передаче товара другой стороне, то право собственности на переданный товар у организации, пока ещё, не возникает.

Следует также обратить внимание и на то, что, несмотря на безденежность договора бартера, от уплаты налогов стороны не освобождаются (п. 2 ст. 154 Налогового кодекса Российской Федерации)[2]. Иными словами, как было уже сказано ранее, стороны заключают договор бартера из-за невозможности оплатить представленный товар в денежной форме, но в любом случае, полостью провести сделку в натуральной форме не получится, т.к. стороны должны будут уплатить налог за совершенную сделку.

Подведя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что договор, предусматривающий обмен товара на услугу или выполненную работу, не признается меной, а является по своему содержанию смешанным договором. При этом договор, где происходит товарообмен, является подвидом мены, следовательно, к нему применяются нормы главы 31 ГК РФ о договоре мены.

Также, субъектам гражданского оборота не следует путать договор бартера с взаимозачётом, так последнее является способом прекращения уже существующих взаимных обязательств. Необходимо также помнить об уплате налога за сделку, т.к. несмотря на безденежность договора, от уплаты налогов стороны не освобождаются, что предусмотрено налоговым законодательством.

К тому же, анализируя правовую природу бартерных сделок, замечено, что договору бартера уделено мало внимания российским законодательством, поэтому предлагается внести изменения, которые закроют этот пробел и законодательно урегулируют подобного рода правоотношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) / Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 11.03.2023).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.02.2023) / Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 11.03.2023).
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» N 69 / Справочная правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39701/ (дата обращения: 11.03.2023).
4. Решение АС Калужской области от 26 февр. 2021 г. № А23-194/2020 / База судебных актов «Судебные и нормативные акты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/ikonpOmJ4nxp/ (дата обращения: 11.03.2023).

LEGAL NATURE OF BARTER TRANSACTIONS: CURRENT TRENDS AND ERRORS IN THE APPLICATION

Annotation. This paper examines the legal nature of barter transactions. It is revealed that a contract providing for the exchange of goods for a service or work performed is not recognized as a barter contract, but is a mixed contract in its content. At the same time, the contract where the commodity exchange takes place is a subspecies of barter, and the norms of Chapter 31 of the Civil Code of the Russian Federation on the barter agreement apply to it. Also, based on current trends, examples of barter agreements have been established, and common mistakes of subjects of civil turnover committed during the exchange of goods or the exchange of goods for services have been identified.
Keywords: barter agreement, Civil Code of the Russian Federation, barter agreement, mixed agreement, commodity exchange.

Selezneva V.
Scientific adviser: Belyaeva M.A., Assistant
Donetsk National University
E-mail: seleznva-02@mail.ru

УДК 34.347

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Селянко Я.Е.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации нарушения авторских и смежных права, анализируются отдельные проблемы квалификации данного преступного посягательства с целью формулирования предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторские права, состав преступления, смежные права.

В современных реалиях есть острая необходимость квалификации нарушения авторских и смежных прав, в связи с тем, что республика на данный момент переживает переходной период.

Актуальность вопроса проблемы квалификации авторских прав и смежных прав в наши дни сомнений не вызывает. По данным статистики, честные издатели и авторы, впрочем, как и госбюджет, теряют десятки, если не сотни тысяч долларов, которые уходят в карманы к процветающим воротилам пиратского бизнеса. Обычно нарушителями авторского права выступают как физические, так и юридические лица, незаконно изготавливающие и распространяющие экземпляры, копии произведений и фонограмм на различных материальных носителях (указанные копии именуются контрафактными экземплярами). Вместе с тем к нарушениям авторского права относятся не только «пиратство» и плагиат, но и деятельность, включающая в себя бездоговорное использование объектов авторского права, невыплату вознаграждений и другие нарушения. Мало кто из юристов не признает, что современное правовое регулирование сферы интеллектуальной собственности, в том числе авторских прав, нуждается в качественном совершенствовании, а соответствующая правовая база, несмотря на ее недавнее обновление, далека от совершенства.

Под квалификацией следует понимать установление и правовое закрепление в соответствующих процессуальных действиях точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом [5, с.6].

Для определения составов правонарушений важное значение имеют некоторые положения, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации. Согласно статье 3 Уголовного Кодекса Российской Федерации преступность деяния, возможность его наказания и иные уголовно-правовые последствия определяются исключительно настоящим Кодексом. Согласно статье 8 Уголовного Кодекса Российской Федерации основанием уголовной ответственности является совершение деяния, включающего в себя все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Квалифицируются преступления, состоящие из объективных и субъективных признаков. Следовательно, отсутствие хотя бы одного признака преступления не является составом уголовного правонарушения.

Проблемам квалификации преступления, предусмотренного ст.146 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в специальной литературе уделяется мало внимания. На основе изучения судебной и следственной практики, научной литературы, можно прийти к выводу, что проблемы квалификации возникают у правоприменителя, прежде всего при установлении следующих элементов состава преступления:

1. Объективной стороны преступления, а именно установление, что определенное действие является общественно опасным деянием. Также наиболее часто крупного или особо крупного размера. Данный аспект довольно часто вызывает трудности при квалификации преступления, предусмотренного ст.146 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

2. Субъективной стороны преступления, а именно установление умысла на совершение противоправного деяния. Так, на стадии предварительного следствия одной из проблем квалификации преступления, предусмотренного ст.146 Уголовного Кодекса Российской Федерации, является установление общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, а также крупного или особо крупного размера. Примером трудностей, возникающих в судебной практике, может служить кассационное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 25.03.2011 по делу № 22-1284: органами предварительного следствия не были проведены

товароведческие экспертизы для определения стоимости программного обеспечения, хотя их проведение вызывалось необходимостью; проведение по этому вопросу лишь бухгалтерской экспертизы является недостаточным [2].

Также стоит отметить, что в квалификации по объективной стороне ст. 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации возникает проблема определения преступного результата в виде крупного ущерба или особо крупного ущерба. Причем в следственной и судебной практике эта проблема в квалификации данного преступления проявляется наиболее часто.

К объективной стороне этого преступления относится присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю. Под присвоением авторства принято понимать издание чужого произведения под своим именем полностью или частично; выпуск под своим именем произведения, созданного совместно с другими лицами.

Диспозиция статьи 146 УК РФ оформлена как бланкетная, поэтому для ее точного толкования необходимо изучить ряд терминов, закрепленных в гражданском законодательстве.

В этом составе преступления присутствует объект, играющий важную роль в механизме причинения вреда и в процессе определения объекта преступления и формулирования окончательной квалификации деяния [6, с.86].

В науке уголовного права существует мнение о необходимости дополнения данной статьи. Сопоставив ее содержание со статьей 147 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Нарушение изобретательских и патентных прав», в которой описан наиболее близкий к содержанию рассматриваемого преступления состав преступления, можно выделить ряд отличий. В частности, это касается отсутствия в диспозиции о нарушении авторских и смежных прав принуждения к соавторству. В связи с тем, что эти два посягательства близки по содержанию, логично было бы построить нормы по аналогичной схеме. В уголовно-правовой науке существует несколько мнений по вопросу квалификации таких действий, в связи с чем представляется необходимым унифицировать содержание статей 146 и 147 УК РФ по совокупности признаков объективной стороны [7, с.29].

Размер ущерба, причиненного правообладателям, не определен. Ссылка суда на указанный судами первой инстанции размер ущерба, равный стоимости авторского права, признается неправомерным.

Таким образом, данная проблема возникает из-за достаточно сложной методики расчета стоимости экземпляров произведений или фонограмм. В постановлениях апелляционных и кассационных судов иногда указывается следующая формулировка: принимая без проверки заявленные доводы правообладателей о стоимости прав, уточняя их содержание, суд фактически избегает установления их размера, что является обязательным знаком квалификации сделки по п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ. Такая ситуация возникает из-за сложности установления розничных цен экземпляров произведений и фонограмм, а именно установление источников, на основании которых может быть рассчитана данная стоимость. К примеру, в таких источниках как лицензионный договор не указано, на основании каких данных устанавливается стоимость авторских и смежных прав. Из постановления Президиума Свердловского областного суда от 25.01.2012 следует: согласно приложению, к лицензионному договору (финансовое соглашение) эта стоимость определена как в твердой денежной сумме в размере X рублей за весь комплекс прав на фильм, так и за один воспроизведенный и распространенный носитель в размере X, X, X или X рублей. В ходе судебного заседания представитель потерпевшего каких-либо пояснений относительно порядка определения стоимости каждого из заявленных прав не дал, равно как не указал, каким образом исчисляется (формируется) стоимость заявленного права [3].

Установлением крупного или особо крупного размера, должен заниматься эксперт, т.е. лицо, обладающее специальными познаниями согласно ч. 1 ст. 57 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации. Данное положение можно закрепить в постановлении Пленума Верховного Ссуда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака». Такое решение, существенно облегчит работу органов предварительного следствия и судов.

Квалификация субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации также имеет определенные проблемы. Установление прямого умысла лица на использование контрафактных экземпляров произведений и фонограмм также является одной из проблем при квалификации данной категории преступлений.

В качестве примера можно привести кассационное определение Тюменского областного суда: Судебная коллегия не может согласиться с доводами суда о том, что в связи с тем, что реализуемая Сытиком В.М. продукция является контрафактной. Сведений о том, что приобретенные им диски произведены с нарушением авторских прав и о том, что они введены в гражданский оборот неправомерно, как в ходе предварительного расследования, так и в судебном заседании представлено не было. Таким образом, утверждение суда о том, что Сытик В.М. «заведомо знал о том, что приобретаемая им аудиовизуальная продукция имеет признаки контрафактности, ничем не подтвержден. Кроме того, утверждение суда о том, что Сытик В.М. при реализации аудиовизуальной продукции действовал не в рамках лицензионного соглашения, поскольку выплату вознаграждения Агентству за реализованную аудиовизуальную продукцию не произвел, опровергаются материалами уголовного дела [2].

Установление умысла в ч. 2 ст. 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации является квалифицирующим признаком данного преступления. Изучая материалы судебной практики, можно сделать вывод, что при квалификации субъективной стороны суды неправильно устанавливают умысел на совершение преступления.

Отдельные исследователи полагают, что под незаконным использованием объектов авторского права согласно статье 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации следует понимать совершение любых действий, не ведущих к нарушению интеллектуальных прав, причем не важно, указан ли конкретный способ нарушения прав в гражданском законодательстве в качестве способа использования произведения. В связи с этим, есть мнение о необходимости исключения из данной нормы указания на незаконное использование авторских и смежных прав [4, с. 33].

Признаки субъекта и субъективной стороны данного состава преступления совпадают с признаками состава, закрепленного в части первой, дополнительно указывается цель сбыта для случаев совершения незаконных приобретения, хранения, перевозки контрафактных экземпляров.

В третьей части статьи 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусмотрено наказание за совершение аналогичных деяний при наличии квалифицирующих признаков. Признаки совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» обладают разной степенью общественной опасности, и обычно помещаются в разные части статьи [7, с. 126], чего нельзя сказать о статье 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Завершая рассмотрение состава нарушения авторских и смежных прав, следует также отметить, что в ряде зарубежных уголовных законов выделяются специальные главы, посвященные охране интеллектуальной собственности. Такие решения законодателя следует признать прогрессивными. Учитывая проведение систематизации

российского гражданского законодательства о правовом регулировании интеллектуальной собственности, целесообразным будет систематизировать и уголовное законодательство в этой сфере и переместить составы преступлений против интеллектуальной собственности в отдельную главу Уголовного Кодекса Российской Федерации. Также, возможным было бы использовать термин «интеллектуальная собственность» в тексте уголовного закона.

К устранению проблем в квалификации преступления, предусмотренного ст.146 Уголовного Кодекса Российской Федерации, таким образом, необходим комплексный подход. Поскольку квалификация преступления происходит на стадии предварительного следствия, то для облегчения работы следственных органов следует разработать методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Таким образом, можно, будет избежать ошибок в квалификации или свести их к минимуму. В постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» также необходимо внести определенные изменения: как было раннее сказано, необходимо отразить специфику квалификации преступления, предусмотренного ст. 146 Уголовного Кодекса Российской Федерации в сети Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 13.06.1996 №63-ФЗ; в ред. от 24.09.2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 26.11.2022). – Загл.с экрана.
2. Кассационного определения ВС Республики Татарстан от 25.03.2011 по делу № 22-1284 //Судебные и нормативные акты РФ – Электрон. дан. – 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/0tigy99xVfUj/?page=7&regular-doc_type=1004&regular-court=&regulardate_from=01.01.2016&regular-case_doc=&regular-workflow_stage=30&area=&regulartxt=%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%(Дата обращения 26.11.2022)
3. Кассационное определение Тюменского областного суда от 02.06.2011г. по делу № 22-1495/2011 //Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://sudact.ru/regular/doc/XsUdpTxUI051/?page=5&regular-doc_&regular-court=&regulardate_from=01.01.2016&regular-case_doc=&_stage=30&regular-date_to=31.12.2016&regular-area=&regulartxt_=1488778323003&regular-judge=& (Дата обращения 26.11.2022)
4. Бондарев, М.Ю. Возможности правовой защиты нарушенных интеллектуальных прав / М.Ю. Бондарев // Право интеллектуальной собственности. – 2008. – № 1. – 218с.
5. Дуюнов, В.К., Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография / В.К. Дуюнов 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – С.5-8
6. Курманов, А.С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование / А. С. Курманов // автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 186с.
7. Лысак, Е.А. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности по зарубежному законодательству / Е.А. Лысак // дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – 221с.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Annotation. The article examines the problems of qualification of violation of copyright and related rights, analyzes individual problems of qualification of this criminal infringement in order to formulate proposals for improving the current legislation.
Keywords: intellectual property, copyright, corpus delicti, related rights.

Selyanko Ya.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: yaroslava.selyanko@mail.ru

УДК 346.545

НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖОГО ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Семенова Е.В.
Научный руководитель: Смирнова Е.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается неправомерное использование деловой репутации как одной из форм недобросовестной конкуренции. Выявлены основные аспекты неправомерного использования деловой репутации, а также определены и более подробно изучены некоторые из видов злоупотребления деловой репутацией.
Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, деловая репутация, злоупотребление деловой репутацией, фирменное наименование.

Хорошо известно, что конкуренция, в общепринятом понимании, является основополагающим механизмом существующей рыночной системы. Конкуренция имеет место между производителями, которые борются друг с другом за более выгодные условия производства и продажи своей продукции.

Общепризнано, что конкуренция является основой рыночной экономики и мощным стимулом для экономического роста, повышения качества продукции, ускорения научно-технического прогресса и снижения издержек производства и цен. Для функционирования свободного рынка конкуренция должна быть честной и справедливой.

В данной работе более подробно будут рассмотрены аспекты неправомерного использования деловой репутации как одной из форм проявления недобросовестной конкуренции.

Злоупотребление деловой репутацией субъекта на рынке является наиболее распространенным видом недобросовестной конкуренции. Данная категория противоправного поведения является одной из самых распространенных во всем мире и связана с появлением самого понятия недобросовестной конкуренции в первой половине 19 века [1, с. 27].

Прежде всего, репутация хозяйствующего субъекта является чрезвычайно важным фактором в дополнение к качеству товаров и услуг, которые он производит и предоставляет.

Деловая репутация относится к нематериальным благам (статья 150, пункт 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), и ее понятие законодательно не закреплено [2]. В литературе также нет единого определения деловой репутации.

Некоторые авторы понимают деловую репутацию как мнение о лице, его репутации, сложившееся у окружающих. Так, А.П. Сергеев в своей работе пишет, что деловая репутация – это мнение о человеке, сложившееся в результате оценки его профессиональных качеств [3, с. 256]. Читая это краткое определение, можно сделать неправильный вывод, что профессиональными качествами обладают только физические лица. Однако, юридические лица также обладают деловой репутацией, потому что их оценивают как участников делового оборота.

З.В. Каменева определяет деловую репутацию в более широком смысле, понимая под ней оценку обществом профессиональных и должностных качеств физических и юридических лиц, независимо от их участия в деловых (корпоративных) сделках, и в более узком смысле как оценку деловых качеств участников деловых сделок [4, с. 19]. Оценивая данное определение, еще раз отметим, что юридические

лица не обладают профессиональными и служебными качествами, следовательно, при широком подходе профессиональные качества принадлежат только физическим лицам. При узком подходе – только лицам, которые могут быть сторонами предпринимательских отношений, то есть коммерческим юридическим лицам, некоммерческим юридическим лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность для достижения уставных целей, и индивидуальным предпринимателям. Такая точка зрения признана внутренне противоречивой.

Однако, сложно не согласиться с дополнительным мнением З.В. Каменевой. Автор справедливо отмечает, что окружающие могут оценить качества только тех людей, которые известны в обществе, а неизвестные не имеют деловой репутации.

М.Н. Малена в своей работе заявляет «под деловой репутацией предпринимателя понимается совокупность качеств и оценок, которые олицетворяются среди других профессионалов в данной области, ассоциируются с их карьерой, их клиентами и в глазах потребителей» [5, с. 18]. Это определение считается общепризнанным.

Важно отметить, что поскольку неправомерное использование деловой репутации субъекта хозяйствования в конкуренции является одной из форм проявления недобросовестной конкуренции, то, следовательно, можно отметить, что такому виду правонарушений присущи все те признаки, которые свойственны недобросовестной конкуренции в целом.

Однако, несмотря на вышесказанное, неправомерное использование деловой репутации организации имеет определенные особенности, которые отличают его от других видов поведения, квалифицируемых как недобросовестная конкуренция.

Эти особенности заключаются в том, что нарушение одним субъектом неимущественных прав другого субъекта на его деловую репутацию выражается в форме ее незаконного присвоения.

Следует также отметить, что право на деловую репутацию является субъективным правом, суть которого заключается в праве каждого субъекта на неприкосновенность своей деловой репутации и его возможности требовать от всех других физических и юридических лиц не нарушать это право.

Право на деловую репутацию является абсолютным субъективным правом в силу того, что субъективному праву правообладателя соответствует обязанность неопределенного круга лиц воздерживаться от посягательств на его деловую репутацию. Защита репутации субъекта осуществляется путем установления общей обязанности воздерживаться от посягательств на его товары и обеспечения возможности защиты в случае посягательства.

Это право является одним из прав, служащих юридическим инструментом защиты личной сферы субъекта от вмешательства третьих лиц. Оно предоставляет право требовать от неустановленных лиц, несущих обязанности, не нарушать его права и право прибегать к средствам правовой защиты, предусмотренным законом, в случае такого нарушения.

Для определения того, нарушает ли данное правонарушение субъективные права коммерческой организации, необходимо установить наличие конкурентных отношений между правонарушителем и лицом, чьи права были нарушены.

В то же время наличие таких конкурентных отношений не является обязательным, поскольку недобросовестная конкуренция может негативно влиять и на лиц, не являющихся сторонами конкурентных отношений (например, потребителей). Таким образом, между нарушителем и потерпевшей стороной необязательно должны существовать конкурентные отношения, поскольку последняя (потерпевшая сторона) может быть лицом, не состоящим в конкурентных отношениях с нарушителем.

Стоимость репутации причинителя вреда и репутации самого субъекта также является предметом конкуренции, то есть стоимость затрат, понесенных на

формирование его имиджа, повышение репутации, престижа самого субъекта и его продукции (реклама, проведение выставок, презентаций, спонсорские расходы и т.д.), стоимость деловых связей субъекта, денежная стоимость «неимущественного» капитала, престиж бренда, квалифицированный опыт руководства, стабильность компании и т.д.

Некоторые правонарушения, в виде злоупотребления деловой репутацией предприятия в конкурентной борьбе, могут не причинять имущественного вреда другим предприятиям или потребителям. Однако то, что оно не влечет вредных имущественных последствий, не означает, что оно не причиняет вреда. Его вредоносный характер заключается в том, что он вызывает нежелательные изменения в экономических отношениях, наносит ущерб правопорядку и нарушает субъективные права хозяйствующих субъектов и потребителей.

Ущерб может проявляться в снижении рентабельности и надежности предприятий, снижении производительности труда и напряженной атмосфере в трудовых коллективах.

Ущерб является составной частью состава анализируемого объекта, поскольку противоправные действия в нарушение закона о защите от недобросовестной конкуренции всегда имеют вредные последствия [6, с. 254].

Таким образом, определение злоупотребления деловой репутацией можно сформулировать следующим образом – незаконное поведение хозяйствующих субъектов в конкурентной борьбе, подрывающее конкурентные деловые отношения и нарушающее законодательство о защите от недобросовестной конкуренции, право на свободную и честную конкуренцию, деловую репутацию и общую норму права.

Следует также отметить, что незаконное использование деловой репутации хозяйствующего субъекта включает в себя несколько составов правонарушений, в том числе, незаконное использование чужого фирменного наименования.

В гражданском праве под фирменным наименованием понимается «наименование, под которым хозяйствующий субъект выступает в гражданском обороте и по которому он идентифицируется среди других участников гражданского оборота». При этом подчеркивается, что фирменное наименование обычно служит для узнаваемости предприятия и отличия его от других, «честно отражает его правовой статус и не вводит в заблуждение других участников гражданского оборота» [7, с. 264].

Вопрос об индивидуализирующей роли фирменного наименования, его положении и правах в компании как объекта прав по сравнению с другими элементами предприятия, является, пожалуй, наиболее дискуссионным. Институт фирменного наименования вызывает достаточно противоречивые мнения в силу своей особой правовой природы. К настоящему времени среди специалистов нет единого мнения относительно того, что индивидуализируется им – его владелец или деятельность последнего, его предприятие (или предприятия) [8, с. 525].

В юридическом смысле под фирменным наименованием (фирмой) понимается имя, выполняющее функцию средства индивидуализации участника бизнеса, под которым он осуществляет свою деятельность, заключает сделки, выступает в суде и т.д. [9, с. 50].

В международной практике деловая репутация хозяйствующего субъекта отражается в термине «гудвилл», под которым понимается любая положительная выгода, получаемая его владельцем при осуществлении предпринимательской деятельности, связанная со сферой такой деятельности или названием компании, под которой она осуществляется. В этом случае устанавливается предпочтение общественности к определенному бизнесу, что приводит к получению прибыли выше обычной нормы. Это также побуждает потребителей ассоциировать название предприятия с определенным качеством продукта или услуги, представленных этим

предприятием, когда качество продукта или услуги ассоциируется с названием предприятия. Незаконное использование фирменного наименования другого лица является незаконным использованием деловой репутации другого лица.

Незаконное использование чужого фирменного наименования в конкурентной борьбе считается посягательством на ценность, содержащуюся в фирменном наименовании, с которым ассоциируется деловая репутация предприятия.

Право на использование фирменного наименования (право на фирменное наименование) функционирует как вид промышленной собственности и имеет экономическую ценность [10, с. 5].

В то же время следует отметить, что несанкционированное использование чужого наименования в конкурентной борьбе охватывает не все нарушения прав на фирменное наименование другого лица, а только те, которые способны вызвать смешение с деятельностью других субъектов и тем самым ввести в заблуждение потребителей. Например, использование обозначений, составляющих исключительную привилегию фирменных наименований юридических лиц иных организационно-правовых форм, или терминов, зарезервированных только для определенных видов юридических лиц, противоречит закону, но не входит в состав рассматриваемого правонарушения.

На сегодняшний день отсутствует какая-либо специальная регистрация фирменного наименования, поэтому, как справедливо указывается в юридической литературе, оно регистрируется одновременно с регистрацией юридического лица и с данного момента приобретает правовую охрану [11, с. 33].

В литературе отмечаются трудности, возникающие при защите права на фирменное наименование от неправомерного использования.

Так, С. Кузьмина справедливо полагает, что, хотя закон четко устанавливает запрет на неправомерное использование фирменного наименования другого лица, он не может эффективно функционировать в ситуации, когда не решен вопрос о приоритете фирменных наименований, включая многие положения о процессе реализации прав на фирменное наименование в конкурентной борьбе. Нормы, регулирующие вопрос использования в фирменных наименованиях национальных, культурных, религиозных и государственных символов, должны быть введены наряду с действующим законодательством. Это связано с тем, что выявленные нарушения в сфере неправомерного использования государственных символов касаются в основном случаев рекламы путем их использования и не охватывают весь спектр нарушений в данной сфере.

Кроме того, по мнению С. Кузьминой, целесообразно законодательно закрепить порядок переименования компании из одной компании в другую с учетом конкретной конкурентной ситуации и взаимоотношений между конкурирующими сторонами. Пробел в правовом регулировании данного вопроса приводит к трудностям при доказывании права на фирменное наименование в суде [12, с. 6-7].

Таким образом, можно сделать вывод, что незаконное использование чужого фирменного наименования в конкурентной борьбе нарушает один из основополагающих принципов фирменного наименования – принцип исключительности, ущемляя ценность, заключенную в фирменном наименовании и связанную с деловой репутацией конкурирующей компании. Это нарушение антимонопольного законодательства распространяется не на все посягательства на фирменное наименование хозяйствующего субъекта, а только на те, которые могут вызвать смешение с деятельностью других хозяйствующих субъектов, то есть конкурентов, и тем самым ввести в заблуждение потребителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борщевская, А. Э. Использование чужого фирменного наименования как вид неправомерного использования деловой репутации субъекта хозяйствования / А. Э. Борщевская // Актуальные вопросы

права, образования и психологии: Сборник научных трудов. Том Выпуск 8. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», – 2020. – С. 27-32.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации N 51-ФЗ от 30 ноября 1994 года (Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года)
3. Гражданское право: учебник в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М.: РГ–Пресс, – 2011. – Т.1. – 419 с.
4. Каменева З. В. Деловая репутация как объект гражданского права // Адвокат. – 2014. – №2 – С. 18-22.
5. Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. – 1993. – №24. – С.17-20
6. Саниахметова Н.А., Предпринимательское право. Учебное пособие // Под ред. Н.А. Саниахметовой. – Х.: Одиссей, – 2000 – 560 с.
7. Гражданское право: учебник для вузов: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: Изд-во Проспект, – 2001. – Т. 3. – 632 с.
8. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник / А. П. Сергеев. – М.: Проспект: ТОО «ТЕИС», – 1996. – 694 с.
9. Голофаев, В. В. Субъекты права на фирменное наименование / В. В. Голофаев // Хозяйство и право. – 1998. – № 12. – С. 48–57.
10. Грибанов, А. В. Предприятие и фирменное наименование (сравнительный анализ по праву России и Германии) / А. В. Грибанов // Хозяйство и право. – 2000. – № 11. – С. 3–13.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г. Е. Авилов [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. – М.: Юрид. фирма «Контракт»; Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 778 с.
12. Кузьмина, С. Проблемы применения законодательства о конкуренции / С. Кузьмина // Предпринимательство, хозяйство и право. – 1999. – № 9. – С. 6–8

MISUSE OF ANOTHER BRAND NAME AND BUSINESS REPUTATION AS A FORM OF UNFAIR COMPETITION

Annotation. This paper discusses the misuse of business reputation as one of the forms of unfair competition. The main aspects of the misuse of business reputation are identified, as well as some of the types of abuse of business reputation are identified and studied in more detail.
Keywords: unfair competition, business reputation, abuse of business reputation, company name.

Semenova E.
Scientific adviser: Smirnova E.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: alena_semenova_2002@mail.ru

УДК 341.6

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

Скляров В.П.,
Научный руководитель: Поляков В.Ю., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматривается проблема обеспечения, реализации и защиты прав и свобод человека и основания для их ограничения в период вооруженных конфликтов. Рассматриваются права и свободы человека которые не могут быть ограниченны. Проанализированы положения норм международного гуманитарного права связанных с ограничением прав и свобод человека.
Ключевые слова: вооруженный конфликт, права и свободы человека, Женевские конвенции, Международный пакт о гражданских и политических правах.

Актуальность темы исследования обусловлена непрекращающимися войнами по всему миру, которые влекут за собой нарушения основных прав и свобод человека. На

сегодняшний день защита прав человека в период вооруженных конфликтов приобрела характер глобальной проблемы.

Институт защиты прав и свобод человека развивался на протяжении всей многовековой истории существования вооруженных конфликтов, то есть еще со времен древности. Первые упоминания следует отнести к периоду Древней Греции, на то время существовал ряд обычных норм, защищающих права как мирных граждан, так и воинов [1, с. 271].

В настоящее время основу института защиты прав и свобод человека в период вооруженных конфликтов составляют четыре Женевские конвенции 1949 года и два Дополнительных протокола к ним, принятые в 1977 году. На основе Женевских конвенций были созданы Международный Комитет Красного Креста и Красного Полумесяца, которые призваны обеспечить защиту жизни и достоинства лиц, подвергшихся насилию в результате вооруженного конфликта [2, с. 134]. Также в международном гуманитарном праве одним из основополагающих принципов является оговорка Мартенса, согласно которой, в случае возникновения ситуации, прямо не предусмотренной нормой права, население и воюющие стороны остаются под охраной международного права [3, с. 350].

Отметим, что вооруженные конфликты могут носить как международный, так и немеждународный характер.

Международный вооруженный конфликт характеризуется как объявленная война или любая иная конфронтация между двумя или более государствами, даже если одно из них не признает состояния войны.

Второй вид регулируется Дополнительным протоколом к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года, касающейся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так, вооружённые конфликты немеждународного характера – это конфликты, «происходящие на территории какой-либо одной Стороны. Конфликты между её вооружёнными силами и антиправительственными вооружёнными силами или другими организованными вооружёнными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью её территории, который позволяет им вести непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол [4]».

Помимо вышеуказанного данные два вида различает между собой уровень интенсивности конфликта. Для признания международного вооруженного конфликта как такового не требуется минимального уровня интенсивности, военной организации или контроля над территорией. Международный конфликт может представлять собой просто боевые действия с низким уровнем интенсивности (или даже отсутствие таковых), мелкомасштабные вторжения на территорию противника либо вторжение, не встречающее сопротивления. Для немеждународного конфликта предусмотрен «порог» интенсивности для признания таковым.

Анализируя положения о международном и немеждународном конфликте, можно отметить, что оба случая являются поводом для объявления чрезвычайного положения. Различные региональные договоры по правам человека также признают чрезвычайное положение. Если, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, только чрезвычайное положение в государстве служит основанием для официального объявления такого положения, то в соответствии со статьей 15 Европейской конвенции о правах человека, статьей 15 Европейской социальной хартии и статьей 27 Американской конвенции о правах человека таким основанием служит и война. Африканская хартия прав человека и народов не содержит формулировки о чрезвычайном положении.

Существенная часть договоров предоставляют правительствам возможность отступать от строго установленных условий соблюдения прав человека в случае

наступления серьезной общественной угрозы. Однако существует «неизменное ядро» – основополагающее право на жизнь, которое не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах, поскольку устанавливает равновесие между требованиями военной необходимости и гуманитарными задачами. К положениям, не подразумевающим отступлений, также относятся: запрещение пыток, запрещение рабства и подневольного состояния, запрещение лишения свободы за долги, запрещение применения обратной силы к уголовному законодательству, право на признание правосубъектности, право на свободу мысли, совести и религии. Данные положения распространяются на всех лиц при любых обстоятельствах.

Вне зависимости от обстоятельств и интенсивности вооруженных столкновений действие прав человека не может быть прекращено или приостановлено. Общественность имеет законное право получать информацию от уполномоченных государственных органов о материальных, территориальных и временных рамках чрезвычайных мер. Ограничительные меры могут приниматься только «в такой степени, в какой это требуется остротой положения».

Однако отступление не может быть произвольным, в соответствии со статьей 4.3 Международного пакта о гражданских и политических правах «любое участвующее в настоящем Пакте Государство, использующее право отступления, должно немедленно информировать другие Государства, участвующие в настоящем Пакте, через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положениях, от которых оно отступило, и о причинах, побудивших к такому решению». Аналогичным образом, необходимо предоставлять информацию об окончании вооруженного конфликта и стабилизации положения на территории государства.

Основные права и свободы человека присущи каждому индивиду и должны соблюдаться как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов. Следовательно, политика государств должна быть в первую очередь направлена на защиту своего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котляров И.И. Международное гуманитарное право – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 271 с.
2. Нурисламов А.Ф., Кадикова А.А. Обеспечение и защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. – С. 132-135.
3. Валеев Р.М. и Курдюков Г.И Указ.соч. –М: статут, 2017. – 496 с.
4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 года) // Международный комитет Красного Креста: офиц. сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/ misc/geneva-conventon-1.htm (дата обращения: 18.01.2023). – Загл. с экрана

HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN TIMES OF ARMED CONFLICT

Annotation. This paper examines the problem of ensuring, realising and protecting human rights and freedoms and the grounds for their limitation during armed conflicts. Human rights and freedoms, which cannot be restricted, are examined. The provisions of international humanitarian law norms related to the restriction of human rights and freedoms are analyzed.
Keywords: armed conflict, human rights and freedoms, Geneva Conventions, International Covenant on Civil and Political Rights.

Sklyarov V.
Scientific adviser: **Polyakov V.Y.**, PhD., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: vlad.vladoff1@mail.ru

УДК 341.781

ПРИВИЛЕГИИ И ИММУНИТЕТЫ ЧЛЕНОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ

Скрыбцова Е. И.
Научный руководитель: Соловьёва Ю. А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО«ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются особые права и преимущества (привилегии и иммунитеты), которые страна пребывания предоставляет дипломатическим представительствам, их главам и сотрудникам; анализируются положения международно-правовых норм, регулирующих вопросы правового статуса дипломатических представительств.
Ключевые слова: дипломатическое представительство, дипломатический иммунитет, дипломатические привилегии, дипломатический агент, глава дипломатического представительства, сотрудники дипломатического представительства, личная неприкосновенность.

Дипломатические отношения являются составной частью внешней политики любого государства и осуществляются посредством специально созданных для этого государственных органов. Соответственно, в современных государствах создается дипломатическая служба, представляющая собой государственную службу особого характера, осуществляемую с целью реализации внешней политики. Особенность этой службы, среди прочего, состоит в том, что должностные лица дипломатической службы осуществляют свои функции в собственном государстве и за границей, в составе иностранных дипломатических учреждений; работая за границей, они пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами; обязаны уважать законы и постановления государства пребывания.

В связи с чем практические и теоретические аспекты реализации привилегий и иммунитетов членами дипломатических представительств постоянно находятся в поле зрения ученых-международников. Так, вопросы международно-правового статуса членов дипломатических представительств были предметом исследования таких ученых, как П.А. Цыганкова [1], Д.Б. Левина [2] и К.К. Сандровского [3] и пр.

В то же время «обострение» дипломатических отношений в мире, вызванное, среди прочего, состоянием мировой конфронтации в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции в Украине; присоединением Херсонской и Запорожской областей, Донецкой и Луганской Народных Республик в состав Российской Федерации актуализирует выбранную тему исследования.

В связи с этим целью данного исследования является анализ правового положения членов дипломатических представительств, содержания предоставляемых им привилегий и иммунитетов. Так, дипломатическое представительство представляет собой орган аккредитующего государства, учрежденный на территории государства пребывания для поддержания дипломатических отношений между ними [4]. Открытие постоянных дипломатических представительств происходит по взаимному соглашению, а также при заключении двусторонних конвенций об установлении дипломатических отношений. Международным правом установлены следующие виды дипломатических представительств:

1) посольства – это представительства высшего уровня, возглавляемые чрезвычайным и полномочным послом. К ним приравниваются представительства Ватикана – нунциатуры, а также представительства, которыми обмениваются государства Британского Содружества;

2) миссии – это представительства, возглавляемые чрезвычайными и полномочными посланниками;

3) иные официальные представительства, имеющие специфический статус (например, представительство Российской Федерации по поддержанию контактов с Ватиканом и соответствующее представительство Ватикана в Российской Федерации) [4].

Структура дипломатических представительств, а именно состав и характер дипломатических представительств, в разных государствах различна и определяется собственными традициями и спецификой отношений с государством пребывания. В то же время все дипломатические представительства, независимо от вида, имеют официальный правовой статус, одни и те же привилегии и иммунитеты [4].

Дипломатические привилегии и иммунитеты составляют единое понятие, однако между его основными составляющими есть существенные отличия. Так, категорию «иммунитет» следует рассматривать как изъятие из-под административной, уголовной и гражданской юрисдикции государства пребывания [4]. Под иммунитетом следует понимать изъятие из-под юрисдикции государства пребывания официальных представительств иностранного государства, их персонала и других лиц, пользующихся международной защитой, и соблюдение принципа неприкосновенности. Иммунитет, таким образом, выступает как инструмент, необходимый для беспрепятственного выполнения органами внешних сношений государства и их сотрудниками возложенных на них функций. В отличие от иммунитетов, привилегии – это определенные льготы и преимущества, предоставляемые государством пребывания органам внешних сношений других государств и сотрудникам этих органов с целью создания наиболее благоприятных условий для их функционирования. Дипломатические привилегии действуют в более узкой сфере существующего правопорядка страны пребывания, а не всего правопорядка, как это касается иммунитетов [5].

На сегодняшний день, вопросы привилегий и иммунитетов урегулированы Венской конвенцией о дипломатических сношениях подписанной 18 апреля 1961 г. [4]. В соответствии с положениями данной Конвенции дипломатические иммунитеты и привилегии подразделены на две категории: иммунитеты и привилегии дипломатического представительства и личные привилегии, иммунитеты главы и сотрудников дипломатических представительства.

Первая группа включает следующие привилегии и иммунитеты: неприкосновенность помещений дипломатических представительств; неприкосновенность их архивов, корреспонденции; фискальный иммунитет (освобождение от налогообложения в стране пребывания); таможенные привилегии; право на использование на здании представительства флага и герба своего государства.

К личным привилегиям и иммунитетам относятся: личная неприкосновенность; неприкосновенность частной резиденции, корреспонденции, бумаг и, за некоторыми исключениями, имущества; иммунитет от юрисдикции и возможного привлечения дипломата к уголовной ответственности; льготы при прохождении таможенного и пограничного контроля; налоговые привилегии.

Учитывая предмет нашего исследования, нас интересует, прежде всего, содержание именно личных привилегий и иммунитетов главы и сотрудников дипломатических представительств.

Отметим, что в соответствии с положениями ст. 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. сотрудниками дипломатического представительства являются глава представительства, члены дипломатического, административно-технического и обслуживающего персонала представительства. Дипломатическими агентами называются глава представительства и члены дипломатического персонала представительства, то есть те члены персонала, которые имеют дипломатический ранг [4].

Особое место среди дипломатических привилегий и иммунитетов занимает личная неприкосновенность. Согласно ст. 29 Венской конвенции о дипломатических

сношениях 1961 г. [4] личность дипломатического агента неприкосновенна. Он не подлежит аресту, или задержанию в какой-бы то ни было форме. Государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство.

В тоже время в условиях обострения взаимоотношений между «коллективным Западом» и Российской Федерацией в связи с проведением последней специальной военной операции в Украине, о чем было отмечено нами ранее, сегодня все чаще встречаются случаи «демонстрации неуважения» к членам дипломатических представительств из России. Так, например, 9 мая 2022 года на мемориальном кладбище в Варшаве (Польша) посла Российской Федерации Сергея Андреева ожидала группа украинцев, которые хотели «обсудить войну». По прибытии посла Российской Федерации завязалась драка, а его самого облили красной краской, когда он собирался возложить цветы к могиле советских солдат.

По факту нападения на российского посла в Польше следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело и квалифицировал инцидент по ч. 2 ст. 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, как нападение на пользующихся международной защитой лиц и их транспорт, совершенное в целях осложнения международных отношений. По версии российского следствия, нападение совершили гражданка Украины Ирина Земляна и иные неустановленные следствием лица. Сергей Андреев допустил, что нападение на него координировали со спецслужбами Польши. В Министерстве иностранных дел Российской Федерации потребовали официальных извинений от польских властей [6].

Еще ранее, в 2011 году, произошел инцидент в международном аэропорту Дохи (Катар) с российским дипломатическим агентом, который подвергся нападению со стороны должностных лиц службы безопасности аэропорта и таможенных служащих, пытавшихся силой отобрать у российского дипломата опечатанный чемодан с дипломатической почтой. Но ценой собственного здоровья и здоровья еще двух российских дипломатов удалось сдержать натиск катарских служб и не отдать им дипломатическую почту, которую те пытались вырвать, применяя при этом грубую физическую силу. Как говорится в официальном заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации, в последовавшей после этого ноте также были высказаны требования к катарской стороне незамедлительно принести официальные извинения и принять все необходимые меры, чтобы найти и наказать виновников произошедшего и не допустить повторения подобных инцидентов в будущем. Однако за последующие четыре дня катарские власти никак не отреагировали на требования российской стороны. Выдержав паузу, Министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров в телефонном разговоре с Министром иностранных дел Катара Хамадом бен Джасемом Аль Тани сообщил о решении понизить уровень отношений с Катаром до полного удовлетворения требований российской стороны [7].

К иммунитету личной неприкосновенности дипломата относится также таможенный иммунитет, состоящий из трех основных компонентов: беспрепятственного ввоза и вывоза товаров, предназначенных для официального (служебного) и личного пользования; освобождение указанных товаров от таможенного налогообложения; увольнения, в виде общего правила, личного багажа дипломата от таможенного досмотра [4].

Кроме того, бумаги, корреспонденция, имущество дипломатического агента равным образом пользуется неприкосновенностью за исключением, исков, относящихся к любой профессиональной или коммерческой деятельности, осуществляемой дипломатическим агентом в государстве пребывания за пределами своих официальных функций [4].

Кроме того сотрудники дипломатического представительства освобождаются от всех государственных, районных и муниципальных налогов, сборов и пошлин в отношении помещений представительств, собственных или наемных, кроме таких налогов, сборов и пошлин, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания. Также, фискальные изъятия, о которых говорится в ч. 1 ст. 23 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., не касаются тех налогов, сборов и пошлин, которыми, согласно законам государства пребывания, облагаются лица, заключающие контракты с аккредитующим государством или главой представительства [4].

Дополнительно стоит обратить внимание, что сотрудникам дипломатических представительства предоставляются также и «почетные» привилегии. К ним относят право на приглашение на различные рода мероприятия (торжества, юбилеи, парады) и другие официальные церемонии, проходящие в государстве пребывания. В залах законодательных органах для сотрудников дипломатических представительств предоставляется отдельная ложа, а предъявление дипломатической карточки, обычно дает право прохода к месту торжественного мероприятия: парада, спортивного соревнования и пр. [4].

Важно также заметить, что согласно ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, иммунитет дипломатического агента от юрисдикции государства пребывания не освобождает его от юрисдикции аккредитующего государства [4].

Деятельность дипломатических сотрудников прекращается только в случаях отзыва сотрудника аккредитующим государством или в связи с признанием его «persona non grata» (нежелательной личностью) государством пребывания [4]. Так происходит в тех случаях, когда совершенные сотрудником дипломатических представительства действия несовместимы с его официальным статусом (грубое вмешательство во внутренние дела государства пребывания, занятие запрещенными видами деятельности с целью обогащения и пр.). В ситуации отзыва главы дипломатических представительства, он или его приемник вручает руководителю государства пребывания или его министру иностранных дел соответствующие отзывные грамоты.

Рассмотрим случаи неподобающего поведения сотрудников дипломатических представительств:

– 4 января 1997 г. по вине Георгия Махарадзе – заместителя посла Грузии в США, управлявшего автомобилем в нетрезвом виде, произошла автокатастрофа, в результате которой погибла 17-летняя Джованна Уолтрик. Полиция не смогла арестовать Г. Махарадзе, поскольку он пользовался дипломатической неприкосновенностью. Американская администрация настаивала на лишении Г. Махарадзе дипломатического иммунитета. В итоге посол Грузии в США Эдуард Шеварднадзе пошел на беспрецедентный в мировой дипломатической практике шаг – лишил Махарадзе дипломатического иммунитета. 8 октября 1997 г. в зале суда в Вашингтоне Георгий Махарадзе был взят под стражу. Он полностью признал свою вину, однако Г. Махарадзе был вынесен приговор в качестве наказания за содеянное – тюремное заключение по нескольким статьям сроком до 70 лет [8];

– в городе Алма-Ата, сотрудниками комитета национальной безопасности Казахстана, были задержаны две машины, закрепленные за посольством Таджикистана в Казахстане. Один из автомобилей принадлежал послу, второй – его подчиненному. С разрешения посольства машины были вскрыты. Оперативными сотрудниками правоохранительных органов, в присутствии посла Таджикистана и сотрудников консульской службы казахского министерства иностранных дел, был проведен тщательный обыск автомашин. В них было обнаружено, в совокупности, более 62 кг

героина. В автомобиле посла также были найдены денежные средства в размере 54 тысяч долларов США, а также банковский чек на сумму в 1 млн. 261 тысячу фунтов стерлингов. При обысках в гаражах торгового представительства Таджикистана в Казахстане было обнаружено еще 10 кг героина. По оперативным данным, вся партия героина предназначалась торгпреду Таиру Нематову. Начальник комитета национальной безопасности по Алма-Ате и Алма-Атинской области Рахат Алиев сообщил, что часть партии героина должна была распространяться через сеть наркодилеров Алма-Аты, а остальная предназначалась для отправки в Россию и далее в Западную Европу. Канал транспортировки и сбыта наркотиков, по словам Рахата Мухтаровича, функционировал «при непосредственной поддержке ряда сотрудников дипломатических представительств Таджикистана в Казахстане». По подозрению в причастности к транспортировке наркотиков задержаны пять граждан Таджикистана. Задержанные не обладают дипломатической неприкосновенностью, против них возбуждены уголовные дела по двум статьям – контрабанда и незаконный оборот наркотиков в составе организованной преступной группы. По оперативным данным, вся партия героина предназначалась торгпреду Таиру Нематову. Посол Таджикистана в Казахстане Садулладжон Негматов прокомментировал случившееся и сказал, что огорчен причастностью посольства Таджикистана к транспортировке наркотиков [9].

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день, Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. является основным международным правовым актом, которым регламентировано установление и прекращение дипломатических отношений, учреждение представительств и все их функции, а также предоставление привилегий и иммунитетов сотрудникам дипломатических представительств. Согласно положениям Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. дипломатические привилегии и иммунитеты составляют единое понятие, однако межу ними существуют и различия. Так, дипломатический иммунитет – это особые права и преимущества, предоставляемые дипломатическим представительствам, их главам и сотрудникам в стране пребывания с целью создать благоприятные условия для осуществления функции дипломатического представительства. Дипломатический иммунитет означает фактическую неподсудность в судах и неприкосновенность для правоохранительных, фискальных, таможенных и иных государственных органов принимающего государства. Дипломатические привилегии – это льготы, преимущества, которые предоставляются исключительно сотрудникам дипломатических представительств и членам их семей, если они не являются гражданами страны пребывания и проживают совместно. К основным привилегиям дипломатических сотрудников относятся освобождение от всех налогов, сборов и пошлин в государстве пребывания, кроме косвенных налогов, налогов на наследство и ряда сборов; освобождение от всех трудовых, государственных и военных повинностей. Также, дипломатические сотрудники обладают такими привилегиями как право на повышенную охрану от посягательств и оскорблений; право использовать в некоторых случаях знаки и эмблемы; право на особые средства связи; право на уважительную встречу. Кроме того, в международной практике наблюдаются факты, когда сотрудники дипломатических ведомств или члены их семей совершают преступления. В связи с чем, в случае злоупотребления со стороны дипломатических агентов своих привилегий и иммунитетов осуществляется отзыв сотрудника аккредитующим государством и деятельность сотрудника, как члена дипломатического представительства прекращается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цыганков П.А./Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры/ под.ред. П.А. Цыганкова.-М.: Издательство Юрайт. – 2015.-290 с. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

2. Левин Д.Б./Дипломатия. Ее сущность, методы и формы / Левин Д.Б. – М.: Соцэкгиз. – 1962. – 175 с.
3. Сандровский К.К. Дипломатическое и консульское право // Курс международного права. В 7 томах. – Т. 4. – М. – 1990. – С. 91-155.
4. Венская конвенции о дипломатических сношениях 1961 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120761/ (дата обращения: 15.10.2022). – Загл. с экрана.
5. Сардачук П. Дипломатическое представительство: организация и формы работы: учебное пособие / Петр Сардачук, Александра Кулик. – К. : Украина. – 2001 . – С. 59-61.
6. Посла России в Польше облили красной краской на кладбище советских воинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/09/05/2022/6278e6579a7947683714ca86 (дата обращения: 24.10.2022). – Загл. с экрана.
7. Битва под Дохой // Российская газета. – 2011. – № 5650 (274).
8. Грузинский дипломат может задержаться в США на 70 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/185520 (дата обращения: 24.10.2022). – Загл. с экрана.
9. Газета «Комерсант», № 91, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/148681 (дата обращения: 20.10.2022). – Загл. с экрана.

PRIVILEGES AND IMMUNITIES OF MEMBERS DIPLOMATIC MISSIONS

Annotation. The article examines the special rights and advantages (privileges and immunities) that the host country grants to diplomatic missions, their heads and employees; analyzes the provisions of international legal norms governing the legal status of diplomatic missions.
Keywords: diplomatic representation, diplomatic immunity, diplomatic privileges, diplomatic agent, head of a diplomatic mission, employees of a diplomatic mission, personal inviolability.

Skrybtsova E.
Scientific adviser: Solovyova J.A., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: KatySkribtsova@yandex.ru

УДК 343.5

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ФАКТОР ДЕМОРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Солоненко К.М.
Научный руководитель: Глизнуца А.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье анализируется состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий и называются их особенности. Устанавливается, что вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение антиобщественных действий посягает на основы общественной морали в сфере развития и воспитания молодого поколения, а также создает для молодого поколения искаженные ориентиры и напрямую воздействует на уровень преступности несовершеннолетних.
Ключевые слова: деструктивное поведение, вовлечение несовершеннолетнего, антиобщественные действия, подстрекатель, социальные установки общества.

На сегодняшний день значительно уменьшилось влияние государственных учреждений, в компетенцию которых входит обеспечение обучения и культурного становления подрастающего поколения. Вовлечение несовершеннолетних в преступную или иной антиобщественную деятельность является негативным следствием разрушения моральных основ общества. При таких обстоятельствах опасность представляет сознательное уголовное воздействие со стороны взрослых лиц на подростков, побуждение детей к совершению преступных действий или

использование их с целью реализации собственных преступных намерений. Детская беспризорность является результатом негативного влияния социума и одной из самых болезненных проблем современной Российской Федерации, которая может привести к росту преступности в будущем. Повышение эффективности противодействия вовлечения подрастающего поколения в антиобщественную деятельность является актуальной проблемой на сегодняшний день.

Формирование, развитие и изменение социальных устоев общества, таких как преступность среди несовершеннолетних в целом и преступность в частности, являются результатом многих факторов – социальных процессов, обстоятельств, ситуаций, определяющих индивидуальное преступное поведение в определенных условиях.

Социально приемлемое развитие личности несовершеннолетнего зависит от социальных институтов, действующих в экономических, политических, правовых, социальных, культурных, образовательных и других отношениях, мотивирующих их на позитивную деятельность. Поскольку дисфункциональные социальные институты общества способствует деструктивному поведению несовершеннолетнего, то целесообразно рассматривать причины преступного поведения в контексте общественных институтов.

Невозможно указать все причины, условия, факторы, которые приводят к преступному поведению несовершеннолетних. Поэтому автором будет уделено внимание только факторам, усилившим его криминогенное действие, как показывают материалы исследований и практики. Эти причины являются экономическими, политическими, социальными, моральными и психологическими.

Теоретическим вопросами исследованиям отдельных аспектов вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий посвящены работы таких авторов, как: Е.В. Шаназарова, К.С. Ивонтьева, А.А. Кашкаров, А.О. Василькина, А. Д. Чурсина, Ю.С. Ткачева, Ю.А. Клейберг и др.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в ст. 38 провозглашает, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства [1]. Охрана института семьи является важнейшим направлением современной социальной политики Российской Федерации. А специальная глава 20 о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, впервые появившаяся в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) [2], обеспечивает реализацию указанных в ст. 38 Конституции РФ принципов. Так, ст. 151 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Одним из элементов состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий является группа юридических признаков, характеризующих его объективную сторону.

Объективную сторону преступления образуют внешние его знаки, установленные уголовным законом. Это те его признаки, в которых проявляется внешне процесс совершения общественно опасного деяния и которые отвечают на вопрос «как было совершено преступление?». Как справедливо отмечают Е. В. Шаназарова и К.С. Ивонтьева, в объективной стороне преступления процесс совершения преступления характеризуется со стороны последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются преступным действием (бездействием) и заканчиваются наступлением преступных последствий [3, с. 6098].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, состоит в вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие)

алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Объектом уголовного преступления выступают моральные основы общества в отношении к воспитанию молодого поколения. Они предусматривают охрану несовершеннолетних от негативного воздействия, которое может вызвать желание заниматься деятельностью, которая негативно воспринимается обществом.

Потерпевшими от данного преступления признаются несовершеннолетние, то есть лица женского или мужского пола, не достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Согласно п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий [4].

Таким образом, вовлечение представляет собой действия, в результате которых другое лицо побуждается к определенному поведению, и у него возникает желание вести себя определенным образом. Как отмечает А.А. Кашкаров, в отличие от принуждения, лицо впоследствии совершает желательные для виновного действия по собственной воле [5, с. 147].

Вовлечение заключается в воздействии на сознание конкретного несовершеннолетнего благодаря убеждению в целесообразности и выгодности определенного поведения. Оно осуществляется путем уговоров, запугивания, подкупа, обмана, разжигания чувства мести, зависти или других низких побуждений, рассказов об легкости и доступности совершения определенных действий, обучения способам и приемам их выполнения.

Субъектом уголовного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины. Вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность посягает на основы общественной нравственности в сфере развития и воспитания молодого поколения, пагубно влияет на молодых людей, создает для них искаженные ориентиры, прививает асоциальные идеи, аморальные взгляды и навыки, существенно влияет на уровень преступности несовершеннолетних.

Уникальность привлечения подростка к совершению уголовного преступления, по мнению А.О. Василькиной, заключается в том, что оно охватывает, по сути, все виды побуждения к преступному образу действия, синтезирует различные формы антисоциального поведения несовершеннолетнего [6, с. 218]. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действия следует понимать не только привлечения его к совершению одного или нескольких уголовных правонарушений, а и приобщение его к преступному образу жизни, прививание негативных взглядов и наклонностей. Этот процесс, как правило, начинается с вовлечения в распитие спиртных напитков, употребление одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Перечень способов совершения данного уголовного преступления является открытым: привлечение путем обещаний, обмана, угроз, физического насилия или иным способом. Обещание может быть выражено подстрекателем, который берет на себя любое обязательство перед несовершеннолетним, обеспечивая готовность помочь ему в случае необходимости. Обман выражается в введении несовершеннолетнего в

заблуждение относительно каких-либо фактов, событий. Угрозы, как способ вовлечения в антисоциальное поведение, могут выражаться в намерениях применить физическое насилие в отношении несовершеннолетнего (если он отказывается совершать определенные действия) или причинить ему имущественный вред. А. Д. Чурсина справедливо отмечает, что угрозы могут быть самыми разными, и если угроза, выражаемая преступником, представляет собой отдельный состав уголовного правонарушения, действия, в которые входит несовершеннолетний, такие действия должны быть квалифицированы по совокупности уголовных правонарушений, конечно, при условии, что несовершеннолетний принимает эту угрозу как реальную и имеет основания опасаться ее реализации [7, с. 454].

Применение физического насилия – это избиение несовершеннолетнего, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести или причинение физических страданий другим способом с целью нарушения воли потерпевшего и принуждения его к совершению тех или иных антиобщественных действий. Ст. 21 Конституции РФ запрещает любые виды насилия, жестокое или унижающие человеческое достоинство обращение или наказание. Многие отечественные учёные, в частности Ю.С. Ткачева, полагают, что физическое насилие – это любое противоправное воздействие на организм другого лица против его воли [8, с. 123].

Другими способами вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение являются внушения, просьбы, уговоры, подкупы, а также желание выпить спиртосодержащую продукцию, выражая мнение о том, что подросток не способен на «взрослые действия», или, наоборот, формируя у него чувство авторитета среди сверстников.

Уголовное преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, признается оконченным с момента совершения любых действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков, занятия попрошайничеством или бродяжничеством. При этом следует отметить, что в ряде случаев пассивное поведение взрослых лиц, не препятствующих преступной деятельности несовершеннолетних, не менее опасно для общества, чем активные действия, связанные с вовлечением в незаконную деятельность.

Министерством внутренних дел Российской Федерации за январь-ноябрь 2022 года из 1823348 преступлений было зарегистрировано 1174 по факту вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий [9].

Необходимо обратить внимание на проблему влияния совершеннолетних лиц на подростков через информационно-коммуникационную сеть Интернет, и на проблему не привлечения их таким образом к совершению уголовного правонарушения. Такая сетевая деятельность имеет положительные стороны: это возможность быстрого и беспрепятственного доступа к учебным материалам, общения со сверстниками, имеющими общие интересы, проживающими в других городах и даже странах. Однако в большинстве случаев родители и другие лица, воспитывающие несовершеннолетних, осуществляют лишь минимальный контроль над онлайн-деятельностью детей. Это связано с объективной неспособностью обеспечить постоянный контроль и тем, что представители старшего поколения не обладают необходимыми навыками и грамотностью, поскольку сами используют сетевые и компьютерные технологии редко.

Несовершеннолетними лицами проще манипулировать и использовать их в своих целях, поскольку они не могут в полной мере оценить возможные риски, ввиду чего на них гораздо сильнее действуют механизмы общественного давления. Возможность безнаказанно и целенаправленно воздействовать на несовершеннолетних не могла не вызвать интерес у лиц, имеющих антисоциальные расстройства. Широкую огласку получили «группы смерти» в социальных сетях: «Синий кит», «Разбуди меня в 04:20» и другие [10, с. 74], в которых на несовершеннолетних лиц оказывалось сильное

психическое воздействие с целью побудить их совершить самоубийство или иные действия, направленные на нарушение общественного порядка.

Сочетание вышеперечисленных факторов обуславливает возможность нацеливания информационного воздействия на несовершеннолетних со стороны лиц, размещающих контент на информационных источниках сети. В то же время несовершеннолетние являются особенно привлекательной целевой аудиторией для такого воздействия. Такие типичные для несовершеннолетних качества, как повышенная внушаемость, склонность к подражанию, недостаточное развитие критического мышления, приводят к их большей склонности к преступному влиянию.

Под негативное влияние преступников чаще всего попадают несовершеннолетние лица, склонные к риску развития депрессии. Число попыток суицида среди несовершеннолетних за последние несколько лет увеличилось почти на 13 %, с 3253 до 3675 случаев, а число повторных попыток на 92,5% (с 188 до 362 случаев). Об этом сообщается в докладе уполномоченного по правам ребенка Марии Львовой-Беловой за 2021 год [11].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Социально-негативное поведение несовершеннолетних зависит от личного морально-психологического опыта, глубины нравственного воспитания и внешнего влияния, исходящего от взрослого поколения. Недостаточный или искаженный жизненный опыт часто приводит к неверному отражению такой личности в конфликтной ситуации, к неспособности предвидеть исход своих действий. Особенно важен моральный статус несовершеннолетнего, попавшего в подобную ситуацию. Стабильность социально-положительных и психологических качеств зависит от степени защищённости несовершеннолетнего от негативного воздействия на него со стороны иных лиц. В свою очередь, моральная деформация личности направляет подростка на создание ситуаций с негативными последствиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.07.2020. – № 31. – Ст. 38.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – № 25. – Ст. 151.
3. Шаназарова Е.В., Ивонтьева К.С. Объективная сторона преступления и ее значение в квалификации преступления // StudNet. 2022. – № 6. – С. 6096-6101.
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 (ред. от 28.10.2021) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/?ysclid=le8npcgzru263173584 (дата обращения: 17.02.2023). – Загл. с экрана.
5. Кашкаров А.А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 144-150.
6. Василькина А.О. Терминологические проблемы составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ // НИР/S&R. – 2021. – № 1 (5). – С. 217-219.
7. Чурсина А.Д. Зарубежный опыт уголовно-правового противодействия криминальным угрозам // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 4. – С. 451-456.
8. Ткачева Ю.С. Физическое насилие как категория криминального насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 123-128.
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://media.mvd.ru/files/application/4635625 (дата обращения: 17.02.2023).
10. Клейберг Ю.А. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы // Пензенский психологический вестник. – 2017. – № 1. – С. 70-82.

11. В России выросло число детских суицидов и их попыток // РБК Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6?ysclid=le8k7ailms304929025 (дата обращения: 17.02.2023).

INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMISSION OF ANTISOCIAL ACTIONS AS A FACTOR OF DEMORALIZATION OF SOCIETY

Annotation. This article analyzes the composition of the crime, which provides for criminal liability for involving a minor in committing antisocial acts and names their features. It is established that the involvement of minors in the commission of antisocial acts encroaches on the foundations of public morality in the development and upbringing of the younger generation, and also creates distorted guidelines for the younger generation and directly affects the level of juvenile delinquency.
Keywords: destructive behavior, involvement of a minor, antisocial actions, instigator, social attitudes of society.

Solonenko K.
Scientific adviser: Gliznutsa A.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: Sol-kriis@ukr.net

УДК 347.94

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФИКСАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солоненко К.М.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются способы фиксации электронных доказательств, полученных из социальных сетей, в гражданском процессе Российской Федерации. На основе анализа судебной практики Российской Федерации предлагается дифференциация способов фиксации электронных доказательств в зависимости от субъектов, осуществляющих действия по обнаружению, изъятию и документальному оформлению таких доказательств. Устанавливается, что целью фиксации электронных доказательств является получение допустимых доказательств, которые могут быть использованы в дальнейшем в суде. Предлагается усовершенствование правовой системы с помощью регулирования, определяющего правовой статус электронных доказательств в Гражданском процессуальном законодательстве, а также установление четких и эффективных средств сбора и процессуального закрепления электронной информации.
Ключевые слова: гражданское судопроизводство, публикация, социальная сеть, электронная почта, электронное доказательство.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключённая в г. Риме 4 ноября 1950 года, в ч. 1 ст. 6 провозглашает право каждого (в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения) на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [1]. Однако реализация данного права будет невозможной без создания условий для всестороннего и полного выяснения обстоятельств дела. Именно предоставление сторонам и другим лицам, участвующим в деле, возможности предоставлять и исследовать доказательства наиболее удобным и эффективным способом позволяет установить необходимые обстоятельства для разрешения дела. В то же время, в отечественной юридической

науке не уделяется должного внимания исследованию электронных доказательств и проблеме их использования в гражданском процессе Российской Федерации.

В случае обращения лица в суд за защитой своих законных прав и интересов, нарушенных публикацией или комментарием в социальной сети, часто возникает вопрос правильной фиксации и изъятия данной публикации из социальной сети для дальнейшего использования в качестве доказательства в гражданском суде. Учитывая изложенное, существует необходимость анализа как законодательно определенных, так и альтернативных способов фиксации электронных доказательств.

Вопросу исследования электронных доказательств были посвящены труды таких отечественных учёных, как: С. В. Емельянова, О. В. Желева, Е. В. Иванова, О. А. Шалькова, Е. А. Нахова и др.

Цель исследования заключается в определении способов надлежащей фиксации электронных доказательств, полученных из социальных сетей.

В последнее время общество становится полностью зависимым от компьютерных технологий, которые переносят часть общественной жизни на новый план существования – виртуальное пространство. Появление платформы социальных сетей помогло улучшить коммуникацию между людьми и бизнесом. Мир стал интереснее благодаря таким социальным сетям, как ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, Skype, WhatsApp, поскольку виртуальный мир развлечений и информации для пользователей предоставляют множество преимуществ пользователям. При этом в условиях информатизации и компьютеризации общества использование достижений научно-технического прогресса в гражданских делах становится основной проблемой процессуального законодательства, основной основой которого является использование электронных доказательств.

Институт электронных доказательств не является новым для российской правовой системы ввиду того, что объекты, относящиеся к данному виду доказательств, использовались в гражданском судопроизводстве и раньше. Как отмечает С.В. Емельянова, электронные документы рассматривались в качестве письменных доказательств, а носители, содержащие в себе информацию в электронном виде, относились к вещественным доказательствам [2, с. 44].

Несмотря на отсутствие методов и способов определения правового статуса электронных доказательств, их расследования и оценки, основной проблемой электронных доказательств является определение методов их сбора и процессуального закрепления, что позволяет практически использовать электронные доказательства в гражданских делах.

О.В. Желева отмечает, что законодатель подразумевает под «электронным доказательством» информацию в электронной (цифровой) форме, которая содержит данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в частности, электронные документы (в том числе текстовые документы, графические изображения, планы, фотографии, видео – и звукозаписи), веб-сайты (страницы), текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, метаданные, базы данных и другие данные в электронной форме [3, с. 47]. Следовательно, если документ в электронной форме содержит важные данные, которые могут раскрыть обстоятельства дела, а также является допустимым и приемлемым с точки зрения формы и содержания, то такой документ может быть признан электронным доказательством и принят судом.

Законодательство Российской Федерации устанавливает несколько способов фиксации электронных доказательств, полученных из социальных сетей.

Первый способ фиксации электронных доказательств – обзор доказательств судом по их местонахождению. Согласно ч. 1 ст. 58 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), суд может произвести осмотр и исследование письменных или вещественных доказательств по месту их хранения или

месту их нахождения в случае невозможности или затруднительности доставки их в суд [4].

Так, ОАО Национальный Банк «Траст» объявил выговор директору службы безопасности за то, что тот одобрил заемщику кредит, не проверив необходимые сведения о нем, – что явилось нарушением инструкции по обеспечению экономической безопасности бизнеса. Гражданин Т. обжаловал приказ о наложении дисциплинарного взыскания, настаивая на том, что не был ознакомлен под роспись с данной инструкцией. Суд установил в ходе разбирательства факт того, что инструкция высылалась ему по электронной почте с целью ознакомления личного состава подразделения банка, и в силу своей должности он был обязан и сам ознакомиться с ее содержанием. На этом основании было отказано в иске гражданину Т. [5]. Обзор электронной почты осуществляется в общем порядке, предусмотренном для осмотра доказательств по их местонахождению, то есть с обязательным уведомлением участников дела об обзоре электронной почты. Неявка всех участников производства не препятствует осмотру электронной почты, однако неявка одного из них является основанием для обязательного осуществления видеофиксации осмотра техническими средствами. Сущность данного способа заключается в том, что обзор электронных доказательств выступает в качестве самостоятельного процессуального действия, при котором суд непосредственно рассматривает оригинал электронных доказательств, после чего результаты такого процессуального действия фиксируются на отдельном носителе. В присутствии участников дела судья рассматривает содержание и форму электронного доказательства, его характеристики и индивидуальные признаки, оформляет результаты проверки в отдельный протокол, в котором перечисляет все совершенные процессуальные действия, и далее – протокол подписывают все участники обзора. Суды также удовлетворяют запросы о доказательствах, проверяя переписку сторон с помощью мобильных сообщений (например, Facebook Messenger, WhatsApp, Telegram, Discord, Skype), оправдывая это особенностями их работы, согласно которым одно лицо (автор) может в любой момент удалить написанное им текстовое сообщение, после чего последнее будет недоступно другому лицу (собеседнику), участвовавшему в переписке.

Второй способ фиксации электронных доказательств – привлечение эксперта или специалиста для фиксации электронных доказательств. В случае, если текстовые сообщения были удалены до начала судебного разбирательства, суд может привлечь к делу эксперта (специалиста), который с помощью определённых технических устройств сможет восстановить удаленные сведения.

Третий способ фиксации электронных доказательств – проведение протокола осмотра вебсайта адвокатом на основании его профессионального права на сбор сведений о фактах, которые могут быть использованы в качестве доказательств. Так, согласно п. 3 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат вправе собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [6]. То есть адвокат, как уполномоченное лицо, может собирать информацию о фактах, используемых в дальнейшем в качестве доказательств. Для проведения данной процедуры оставляется акт осмотра страницы в социальной сети и к нему прилагаются фотографии, подтверждающие факт публикации. Он обязан записать время составления акта, название сайта и его адрес, название материала и распечатать публикацию.

Четвёртый способ фиксации электронных доказательств – представление бумажной копии электронного доказательства, то есть распечатки скриншота, удостоверенной в предусмотренном законом порядке. По мнению Е.В. Ивановой,

сущность данного способа фиксации электронных доказательств заключается в передаче электронной информации в форму, доступную для восприятия и ее изучения без специальных технических средств [7, с. 181].

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» допускается направление обращений в суд в электронном виде (например, исковые заявления, заявления, в том числе заявления о выдаче судебного приказа, административные исковые заявления, ходатайства, жалобы), что, частично, подпадает под признаки письменных доказательств [8].

Так, Хангаласским районным судом Республики Саха (Якутия) было рассмотрено гражданское дело по иску гражданки И. к гражданке Н. о защите чести, достоинства и деловой репутации, взыскании компенсации морального вреда и судебных расходов. В обоснование иска истицей И. был предоставлен скриншот переписки по мессенжеру «WhatsApp» от гражданки Н., из которого следует, что посредством мессенджера «WhatsApp» поступали сообщения, которые по мнению истицы И. содержали оскорбительные выражения и отрицательные сведения о ее личности [9].

Таким образом, участники гражданских дел могут распечатать определённые страницы из социальных сетей либо договоров, удостоверенных электронной подписью, и предоставить их в суд в качестве доказательств.

Пятый способ фиксации электронных доказательств – фиксация контента, содержащегося на сайте, путем его сохранения на соответствующих носителях. Так, согласно ст. 77 ГПК РФ, лицо, представляющее аудио- и (или) видеозаписи на электронном или ином носителе, обязано указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи.

Существуют также и альтернативные способы фиксации электронных доказательств, среди которых можно выделить следующие.

К первому альтернативному способу фиксации электронных доказательств относится протокол осмотра сайта (страницы в социальной сети) нотариусом. Как отмечает О.А. Шалькова, включение нотариусов в заверение копий электронных доказательств представляет собой деятельность по осуществлению и регулированию определенных видов нотариальных действий в электронной форме, как: подтверждение содержания информации, находящейся на определенном сайте, электронной почте или в социальной сети, и установление ее автора [10, с. 34].

Так, Йошкар-Олинский городским судом Республики Марий Эл было рассмотрено дело по исковому заявлению гражданки Г. ответчице С. о компенсации морального вреда. Истице просила признать записи, размещенные гражданкой С. на странице в социальной сети «В Контакте» не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство гражданки Г., взыскать с ответчицы компенсацию морального вреда, а также взыскать расходы по оплате услуг нотариуса за составление и удостоверение протокола осмотра доказательств и за свидетельствование подлинности подписи на заявлении [11].

Второй альтернативный способ фиксации электронных доказательств – проведение видеозаписи процесса исследования обзора социальных сетей любым заинтересованным лицом. Нормы ГПК РФ не предусматривают возможности использования в качестве доказательства видео осмотр сайта, однако это могло бы служить средством установления обстоятельств дела в случае изменения спорных данных, удаления информации или всей страницы, содержащей такую информацию. Однако, несмотря на то, что видеозапись будет захватывать контент сайта или социальной сети, не исключается и возможность фальсификации такой видеозаписи.

Третий альтернативный способ фиксации электронных доказательств – запрос к провайдеру на получение log-файла. Log-файл представляет собой текстовый файл данных, в котором хранятся события, процессы, сообщения и другие данные из приложений, операционных систем или устройств. Как отмечает Е.А. Нахова, данный вид файла содержит информацию, основанную на действиях, выполняемых пользователями, и играет важную роль в мониторинге информационной среды [12, с. 308].

Таким методом можно не только определить качество работы операционной системы, но и выявить скомпрометированные данные. Сущность данного способа заключается в хранении на специальных технических носителях на серверах и в специальной форме файлов, передаваемых информационно-телекоммуникационные сети. Интернет-провайдеры и другие организации, участвующие в процессе передачи данных, в таком случае имеют возможность изъять необходимые файлы, свидетельствовать об их содержимом и подавать исковые заявления в суд. В таком случае сервер суд может рассматривать в качестве вещественного доказательства.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Судебная практика Российской Федерации последних девяти лет в отношении электронных доказательств, полученных из социальных сетей, является ориентировочной при решении вопросов, связанных с поиском, фиксацией и проверкой соответствующих доказательств. Следует отметить, что электронные доказательства должны быть надлежащим образом зафиксированы перед предоставлением соответствующих доказательств в суд. Любой способ фиксации электронных доказательств выбирается с учетом их уязвимости.

Проблема сбора электронных доказательств заключается в том, что суд обязан сообщить участникам дела дату, время и место осмотра сайта. Обращение к иску, а также уведомление стороны о проверке или экспертизе сообщения в социальной сети может означать высокую вероятность того, что недобросовестный автор вмешается в содержание таких электронных доказательств или предпримет действия по их уничтожению, в результате чего истец будет лишен возможности реально защитить нарушенные права и интересы.

Для решения указанной проблемы целесообразным является предложение об использовании на выбор одной из следующих мер: фиксация электронного доказательства в социальной сети путем проведения экспертизы с привлечением судебного эксперта до начала судебного разбирательства; фиксация электронного доказательства в социальной сети с проведением осмотра страницы пользователя и составлением адвокатом протокола; фиксация электронного доказательства в социальной сети путём получения нотариального свидетельства об осуществлении данной процедуры и удостоверения наличия содержащейся в таких доказательствах информации.

Вместе с тем, рассмотрение судом электронных доказательств, привлечение нотариусов к удостоверению информации, содержащейся в социальных сетях, могут стать и альтернативными средствами сбора электронных доказательств.

Одной из задач усовершенствования правовой системы Российской Федерации должно стать регулирование, определяющее правовой статус электронных доказательств в Гражданском процессуальном законодательстве, а также установление четких и эффективных средств сбора и процессуального закрепления электронной информации.

Перспективы дальнейших разработок в этой области включают изучение методов сбора и процессуальной консолидации электронных доказательств при рассмотрении отдельных категорий дел, анализ особенностей изучения и оценки электронных доказательств, а также изучение мирового опыта зарубежных стран в сборе и фиксации электронных доказательств в гражданском процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом N° 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 6.
2. Емельянова С.В. Письменные доказательства в электронной форме // Глобус. – 2019. – № 10 (43). – С. 43-44.
3. Желева О.В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. – 2021. – № 17. – С. 44-49.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.10.2002. – № 46. – Ст. 58.
5. Определение Приморского краевого суда от 06.03.2014 по делу № 33-1126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=33067&ysclid=le717mfhaq64994129. – Дата обращения: 16.02.2023. – Загл. с экрана.
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации №63-ФЗ от 31.05.2002 (ред. по сост. на 10.11.2022) / СПС«КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/39f2343cddfcd8a1af01273306b4f31215995f5e/?ysclid=le77rlkccf844765366 (дата обращения: 16.02.2023). – Загл. с экрана.
7. Иванова Е.В. Скриншот – цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – С. 180-182.
8. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 57 от 26.12.2017 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/447cf9f321e9547c0172108cfbc83f40b2774a3f/?ysclid=le79cdyie77567281 (дата обращения: 16.02.2023). – Загл. с экрана.
9. Решение Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 03.12.2015 по делу № 2-937/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Sudact: https://sudact.ru/regular/doc/DxpFZp9z02Yw/?ysclid=le78735a5x971355578. – Дата обращения: 16.02.2023. – Загл. с экрана.
10. Шалькова О.А. Обеспечение нотариусом доказательств, размещенных в сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1 (12). С/ 34-36.
11. Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 09.10.2015 по делу № 2-6280/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Sudact: https://sudact.ru/regular/doc/vMjDR8p77XrN/?ysclid=le77hcmzyv892557524. – Дата обращения: 16.02.2023. – Загл. с экрана.
12. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 301-312.

PROBLEMATIC ASPECTS OF FIXING ELECTRONIC EVIDENCE OBTAINED FROM SOCIAL NETWORKS IN THE CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the ways of fixing electronic evidence obtained from social networks in the civil process of the Russian Federation. Based on the analysis of the judicial practice of the Russian Federation, it is proposed to differentiate the methods of fixing electronic evidence depending on the subjects performing actions for the detection, seizure and documentation of such evidence. It is established that the purpose of fixing electronic evidence is to obtain admissible evidence that can be used later in court. It is proposed to improve the legal system through regulation that determines the legal status of electronic evidence in Civil procedural legislation, as well as the establishment of clear and effective means of collecting and procedural consolidation of electronic information.
Keywords: civil proceedings, publication, social network, e-mail, electronic evidence.

Solonenko K.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: Sol-kriis@mail.ru

УДК 331.5-053.6

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНЫХ ФОРМ БЕЗНАЛИЧНОГО РАСЧЕТА

Сташко Е.А.
Научный руководитель: Харжевская Т. С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В 2023 году никому уже не страшны такие фразы как цифровые технологии, электронные платежи, безналичный расчет. Все чаще и чаще данные фразы используются в нашей обыденной речи, в наших обычных делах. Оплата товара по банковской карте, перевод денежных средств с одного банковского счета на другой. И все данные действия осуществляются непосредственно через гаджеты. Но несмотря на то, что последние лет 5 данные действия осуществляются большинством граждан нашего государства, все равно остается тот контингент людей, нуждающихся в выяснении правовой сущности некоторых форм безналичного расчета. В работе отражены новые формы безналичного расчета, именуемые Гражданским Кодексом Российской Федерации как иные формы безналичного расчета: расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) и расчеты в форме перевода электронных денежных средств.
Ключевые слова: иные формы безналичного расчета, расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование), расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

На данный момент основную массу расчетов составляют безналичные расчеты. Поэтому актуальность изучения проблем гражданско-правового регулирования безналичных расчетов обусловлена в-первую очередь цифровизацией экономических отношений. Именно сейчас можно наблюдать развитие и улучшение сферы цифровой экономики. Благодаря развитию цифровой экономики, расчеты в Российской Федерации становится более доступной и удобной для всех субъектов. Можно с точностью сказать, что безналичные расчеты стали смещать наличные по удобности использования и частоте использования. Связи с тем, что активно развиваются технологии, активно появляются новые формы безналичных платежей. Появление новых форм безналичных платежей приводит к необходимости правового регулирования и появлению новых специальных регулирующих норм. Если осуществление безналичных расчетов в большинстве случаев будет происходить в безналичной форме, тогда это даст возможность экономики стать более открытой, прозрачной, доступной для понимания людей. Также, осуществление расчетов в безналичной форме будет способствовать повышению финансирования экономики в национальном масштабе, поскольку средства на счетах могу быть использованы в кредитовании производственных и торговых отношений. Таким образом, одной из главных задач цифровой экономики будет увеличение эффективности производственной и, а значит расчетной деятельности в государстве. Поэтому изучение правовое исследование и изучение безналичных форм расчетов требует особого внимания.

В статье 861 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ст. ГК РФ), содержится определение понятия безналичные расчеты. Так, согласно п. 3 ст. 861 ГК РФ, «безналичные расчеты осуществляются путем перевода денежных средств банками и иными кредитными организациями (далее – банки) с открытием или без открытия банковских счетов в порядке, установленном законом и принимаемыми, в соответствии с ним, банковскими правилами и договором [1].

Законодательно, в ч.1 ст. 862 ГК РФ закреплены следующие формы безналичных платежей: расчеты платежными поручениями, расчеты по аккредитиву, по инкассо, чеками, а также в иных формах, предусмотренных законом, банковскими правилами или применяемыми в банковской практике обычаями [1].

Положением Банка России от 29.06.2021 N 762-П (ред. от 25.03.2022) «О правилах осуществления перевода денежных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 N 64765) (далее – Положение Банка России) также закрепляются формы безналичных расчетов.

Главой 1 п.1.1 Положения Банка России, Банк России устанавливается, что в рамках применяемых форм безналичных расчетов на основании распоряжений о переводе денежных средств, которые составляются плательщиками, получателями средств, а также лицами, органами, имеющими право предоставлять распоряжения к банковским счетам плательщиков, кредитные организации осуществляют перевод банковских средств как по банковским счетам так и без открытия банковских счетов.

Перевод денежных средств осуществляется в следующих формах безналичных расчетов: расчетов платежными поручениями; расчетов по аккредитиву; расчетов инкассовыми поручениями; расчетов чеками; расчетов в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование); расчетов в форме перевода электронных денежных средств [2].

Плательщики и получатели средств вправе сами избрать формы безналичных расчетов.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что к иным формам безналичных расчетов, упомянутых в ГК РФ Положение Банка России относит расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) и расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

Рассмотрим более подробно иные формы безналичных расчетов: расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) и расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

Расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование).

Перед подробным рассмотрением данной формы безналичного платежа, целесообразно дать определение следующим понятиям: перевод денежных средств, платежное требование.

Перевод денежных средств – действия оператора по переводу денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов по предоставлению получателю средств денежных средств плательщика (п.12 ст.3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)) [3].

Платежное требование – расчетным документом, содержащим требование кредитора (получателя средств) по основному договору к должнику (плательщику) об уплате определенной денежной суммы через банк. (п.9.1 «Положения о безналичных расчетах в Российской Федерации» (утв. Банком России 12.04.2001 N 2-П) (с изм. от 06.11.2001) в настоящее время утратил силу) [4].

На данный момент законодательно определение понятия «платежное требование» не урегулировано. Было бы верным решение ввести определения понятия «платежное требование» в Положение Банка России.

Расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) осуществляются в соответствии со ст.6 №161-ФЗ, а также в соответствии с главами 1, 2 и 4 настоящего Положения Банка России.

Если осуществляются безналичные расчеты в форме прямого дебетования, то применяются платежное требование, распоряжение для которого не установлены перечень реквизитов и форма, и платежное распоряжение.

Списание денежных средств с банковского счета клиента-плательщика может осуществляться банком, когда имеется заранее данное разрешение от плательщика и когда получателем средств является банк. Списание будет производится банком на

основании составляемого банком банковского ордера. Данные положения прописываются в договоре банковского счета.

Платежное требование составляется, предъявляется, принимается к исполнению и исполняется в электронном виде, на бумажном носителе.

Платежное требование может быть предъявлено в банк плательщика через банк получателя средств.

Если платежное требование предъявляется через банк получателя средств, то для представления в банк получателя средств оно будет считаться действительным в течение 10 календарных дней со дня, следующего за днем его составления [2].

На данный момент из-за отсутствия должного нормативного закрепления механизм прямого дебета не осуществляется на уровне органов Федерального казначейства. Но вопрос о механизме применения прямого дебета следует считать как никак актуальным в условиях развития и изменения механизма осуществления бюджетных платежей, как минимум потому что одной из главных задач будет оставаться своевременное исполнение текущих обязательств плательщиков перед бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, в том числе на основании требований, предъявляемых администраторами начислений.

Преимуществом применения прямого дебетования является ускорение обработки платежах операций. Помимо этого, совершая быструю обработку платежей, появится возможность повысить уровень удобства и эффективности для пользователей.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Гражданском кодексе РФ не указывается такая форма безналичного расчета как расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование). Также ни в каком действующем законодательстве РФ нет определения понятий «расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование)», «платежное требование».

Расчеты в форме перевода электронных денежных средств.

Перевод электронных денежных средств осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и договорами с учетом требований настоящего Положения.

Сначала дадим определение следующим понятиям: «электронные денежные средства», «электронные средства платежа».

Согласно п.1.1 Памятки об электронных денежных средствах в приложении к информационному письму Банка России от 26.10.2021г. №ИН-04-45/84, под электронными денежными средствами (далее – ЭДС) понимаются денежные средства в рублях или иностранной валюте, которые учитываются кредитными организациями без открытия банковского счета, перевод которых осуществляется исключительно с использованием электронных средств платежа (далее – ЭСП) в соответствии с Федеральным законом № 161-ФЗ. Перевод ЭДС является формой безналичных расчетов.

Электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств (п.21 ст.3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)) [3].

Согласно п. 1.2 Памятки об электронных денежных средствах, электронными средствами платежа, которые предназначены для осуществления перевода электронных денежных средств, являются, электронные кошельки и банковские предоплаченные

карты. Доступ к электронных кошелькам может осуществляется с помощью компьютеров, мобильных устройств, в результате установления на этих устройствах специального программного обеспечения посредством устанавливаемого на этих устройствах специального программного обеспечения.

Только кредитные организации могут оказывать услуги по переводу электронных денежных средств. Для оказания такой услуги банки должны уведомить Банк России о начале осуществления действий по переводу электронных денежных средств [5].

Расчеты в форме перевода электронных денежных средств осуществляется в соответствии со ст.7 Федерального закона №161-ФЗ.

При осуществлении безналичных расчетов в форме перевода электронных денежных средств клиент предоставляет денежные средства оператору электронных денежных средств в соответствии заключенного с ним договора.

Регулировании отношений между клиентом и оператором осуществляется в соответствии с ч.ч.2,3 ст.7 № 161-ФЗ.

Оператор электронных денежных средств проводит учет денежных средств клиента. Формируется запись, в которой отображается размер обязательств оператора электронных денежных средств перед клиентом в сумме предоставленных денежных средств.

Оператор электронных денежных средств не может: предоставлять клиенту денежные средства для увеличения остатка электронных денежных средств клиента на основании договора потребительского кредита (займа); начислять проценты на остаток электронных денежных средств клиента.

Перевод электронных денежных средств может осуществляться в пользу получателей средств на основании распоряжения плательщика. Перевод электронных денежных средств может осуществляться на основании требований получателей средств на основании ст. 6 №161-ФЗ за исключением случаев использования электронных средств платежа, указанных в ч.4 ст.10 №161-ФЗ.

Если плательщик и получатель средств являются клиентами одного оператора денежных средств или нескольких операторов денежных средств, то между ними может осуществляться перевод электронных денежных средств.

Физическое лицо, являющееся клиентом кредитной организации и использующее средства электронного платежа, может выступать в роли плательщика в пользу индивидуальных предпринимателей, юридических лиц. Также физическое лицо, клиент кредитной организации вправе переводить денежные средства другому физическому лицу – получателю денежных средств, при условии проведения его упрощенной идентификации.

Индивидуальные предприниматели и юридические лица могут являться как получателями электронных денежных средств, так и плательщиками, но только в том случае, если получателем средств будет физическое лицо, использующее электронное средство платежа, или физическое лицо, прошедшее упрощенную идентификацию.

После исполнения распоряжения клиента о переводе, оператор направляет клиенту подтверждение, о том, что его распоряжение было исполнено.

Как только перевод электронных денежных средств окончится, пройдет все процедуры и дойдет до получателя средств, то денежное обязательство плательщика прекращается. [5].

В соответствии с Федеральным законом № 161-ФЗ, банк имеет право отказать клиенту в заключении договора об использовании электронной системе платежа, приостановить или прекратить использование в соответствии с договором. Также такой исход событий возможет при нарушении клиентом порядка использования электронной системы платежа. Если кредитная организация обнаруживает совершение операций по

переводу электронных денежных средств и клиент не давал согласия на осуществление таких операций, то организация может приостановить использование клиентом электронной системы платежа.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно отметить, что в настоящее время нельзя не уделять внимание правовому регулированию безналичных расчетов. Постоянное развитие, изменение форм безналичного расчета, а именно иных форм расчетов, таких как расчеты в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование), расчеты в форме перевода электронных денежных средств приводит к постоянным нововведениям и изменениям в практическом пользовании, что непосредственно отражается на необходимости правового урегулирования.

В результате исследования данного вопроса, нами были изучены нормативно правовые акты и было выявлено, что данные формы расчетов не урегулированы Гражданским Кодексом Российской Федерации, что вызывает необходимость в обращении к другим нормативно-правовым актам. Предлагаем ввести в Гражданский Кодекс Российской Федерации дополнительные параграфы закрепляющие основные положения о расчетах в форме перевода денежных средств по требованию получателя средств (прямое дебетование) и расчетах в форме перевода электронных денежных средств, в главу 46 ГК РФ Расчеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2022) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/.
2. Положением Банка России от 29.06.2021 N 762-П (ред. от 25.03.2022) «О правилах осуществления перевода денежных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 N 64765) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047//.
3. Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, N 27, ст. 3872; 2021, N 24, ст. 4205) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/5db624533f9938b5d54e49c2ba085a0e210c1c83/.
4. Положения о безналичных расчетах в Российской Федерации» (утв. Банком России 12.04.2001 N 2-П) (с изм. от 06.11.2001) документ утратил силу [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc _LAW_31413/.
5. Памятки об электронных денежных средствах в приложении к информационному письму Банка России от 26.10.2021г. №ИН-04-45/84 [Электронный ресурс] – URL: https://bank.bcs.ru/f/electronic-money-reminder.pdf.

CIVIL LAW REGULATION OF OTHER FORMS OF NON-CASH PAYMENT

Annotation. In the era of intensive development of digital technologies, the actual forms of realization of the needs of civil turnover are the implementation of money transfers and payments using information and communication technologies. The emergence of a new element of the economy – electronic money for a part of society has raised many questions regarding the legal essence of some forms of non-cash settlement.
The paper reflects new forms of non-cash settlement, referred to by the Civil Code of the Russian Federation as other forms of non-cash settlement: settlements in the form of money transfer at the request of the recipient of funds (direct debit) and settlements in the form of electronic money transfer.
Keywords: other forms of non-cash settlement, settlements in the form of money transfer at the request of the recipient of funds (direct debit), settlements in the form of electronic money transfer.

Stashko E.
Scientific adviser: Kharzhevskaya T. S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: lstashko0@gmail.com

УДК 343.1

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Степура А.В.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе анализируется институт показаний, а также рассматриваются мнения ученых по вопросу доказательственного значения показаний подозреваемого и обвиняемого в ходе предварительного расследования. В статье раскрывается понятие правового статуса подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе. Определяется сущность показаний в уголовном процессе и их значимость. Высказываются авторские предложения по дальнейшему совершенствованию данного вопроса.
Ключевые слова: показания обвиняемого, показания подозреваемого, виды доказательств, показания, уголовный процесс.

В данной научной статье исследуется проблема дачи ложных, недостоверных и искаженных показаний такими участниками уголовного процесса, как обвиняемый и подозреваемый, а также влияние данных показаний на дальнейший исход дела. Соответственно, целью данной работы является проведение анализа института показаний с акцентом на показания обвиняемого и подозреваемого, на основании которого мы намереваемся предложить пути решения обусловленной проблемы, а также изложить предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства.

Институт «вербальных доказательств» всегда вызывал интерес ученых, с самого начала своего существования и по сей день, поскольку вопрос, касающийся роли и правдивости показаний лиц, в отношении которых производится уголовное преследование, является одним из решающих в исходе дела. Стоит отметить, что корни данного института произрастают из Русской правды, которая содержит первообраз показаний в процессе доказывания вины определенного лица или его невиновности. Статья 18 Русской правды, закрепляющая поклепную виру, гласит о поклепе и о видоках (свидетелях самого факта совершения преступления), а также о послухах, иначе говоря, о свидетелях со стороны ответчика, имеющих право обосновать неправомерность предъявленного обвинения [1, с. 28].

Полагаем, что непосредственно показания с момента их формирования и закрепления в уголовном процессе становились базой расследования, что говорит о значимости и актуальности их исследования. Несмотря на то, что прошло несколько столетий после становления и формирования в уголовном процессе такого института как показания, на сегодняшний день существуют вопросы, которые требуют своего разрешения. Именно поэтому институт показаний на данный момент времени является предметом для активных обсуждений и обширных исследований многих ученых и процессуалистов.

Рассматривая понятие «показания», отметим, что оно раскрывается как свидетельство, рассказ [2, с. 445]. Многие ученые утверждают, что показания таких субъектов уголовного процесса, как подозреваемого и обвиняемого, следует рассматривать исключительно в качестве устного сообщения, другие придерживаются мнения, что показания подозреваемого и обвиняемого имеют как устную форму выражения, так и письменную [3, с. 183]. По данному аспекту мы придерживаемся мнения, что форма показаний вышеупомянутых участников уголовного процесса зависит от волеизъявления допрашиваемого лица, однако в большей степени носит вербальный характер. Отметим, что какой бы ни была форма показаний, она фиксируется в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Считаем необходимым подчеркнуть, что теоретики классифицируют

как личные доказательства показания лиц, которые получены на стадии предварительного расследования, невзирая на то, какой процессуальный статус данные лица имеют.

Рассматриваемые вопросы неоднократно подвергались обсуждению и являлись предметом дискуссий, к которым мы желаем присоединиться и аргументировать собственное мнение, сложившееся на основе имеющегося практического опыта.

Актуальность исследуемой темы, а также интерес к ней можем объяснить спецификой участников уголовного процесса, которые дают показания, а именно, ими являются лица, которые имеют процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого, то есть это субъекты, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и которые могут неопределенное количество раз менять свои показания, отказываться и давать (придумывать) их вновь, а ведь данные показания непосредственно влияют на исход дела.

Коснемся вопроса рассмотрения показаний подозреваемого или обвиняемого как самостоятельного вида доказательств. Так, В.В. Терехин в свое время определил и рассмотрел их свойства, качества и признаки, присущие показаниям указанных участников [4, с. 40]. Показания подозреваемого или обвиняемого, на наш взгляд, достаточно специфичны и зависят от желания их предоставить. Такие показания воспринимаются должностными лицами, ведущими процесс, неоднозначно, данное обстоятельство в своей работе отмечала А.Э. Иваньшина [5, с. 68]. Показания лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, можно классифицировать по различным признакам, например, по достоверности данных показаний. В соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) лица имеют право не свидетельствовать против себя и своих близких [6, с. 9]. Необходимо заметить, что при даче показаний подозреваемый и обвиняемый не предупреждаются об ответственности за предоставление заведомо ложных сведений – показаний. Для подозреваемого и обвиняемого факт дачи показаний можно рассматривать как проявление элемента защиты, выражение своей позиции по исследуемым обстоятельствам. На практике в некоторых ситуациях показания подозреваемого, обвиняемого могут выступать в виде признательных либо не признательных или же в виде самооговора.

Самооговор – это такие показания, в которых лицо признает свою вину в совершении какого-либо уголовно наказуемого деяния, в действительности им не совершенного. Другими словами, самооговор – это всегда заведомо ложные сведения лица, то есть ложное признание. По своему содержанию самооговор может быть простым или сложным. Простой самооговор состоит из самообвинений лица в совершении конкретного преступления, сложный наряду с самообвинением содержит обвинение в совершении преступления и других лиц.

Различают также полный самооговор, когда оговоривший себя абсолютно не причастен к совершенному преступлению, но утверждает свою виновность, и частичный, если причастность к совершению преступления хоть в какой-то мере имеет место.

Подозреваемым или обвиняемым могут быть даны ложные признания в отношении как действительно совершенного преступлении (реальный самооговор), так и вымышленного преступления (нереальный самооговор).

Причиной самооговора могут стать различные обстоятельства – это незаконные методы расследования (необъективность, предвзятость, применение мер незаконного воздействия со стороны расследователей и др.) и мотивы самого лица. Лицо также может оговаривать себя по различным основаниям, например, с целью:

– сохранения своей жизни или жизни и здоровья членов своей семьи;

– сокрытия вины родственника;

– с целью сокрытия более тяжкого преступления и т. д. [7, с. 51-55].

Чельцов-Бебутов М.А. отождествлял самооговор с «лжеоговором», отражая именно ложность таких показаний [8, с. 17-52].

Безусловно, следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, должен рассматривать показания подозреваемого, обвиняемого в качестве доказательств в том случае, если они отвечают обязательным признакам: достоверности, допустимости и достаточности в совокупности с иными имеющимися в деле доказательствами. Перед дачей показаний подозреваемый, обвиняемый имеет право на конфиденциальную консультацию с защитником. Показания могут быть даны лицом как в устной, так и в письменной форме, а также с использованием при допросе технических средств (аудио-, видеотехника). Учитывая технический прогресс современного общества, попытки внедрения «технической оптимизации», мы с уверенностью можем говорить о целесообразности применения технических средств. Нередко у правоприменителей остро встает вопрос по факту проведения допроса подозреваемых, обвиняемых или иных участников процесса, находящихся в отдаленности от места проведения следственного действия или расследования в целом. Однако у нас есть рациональное решение этого вопроса. При оптимальном использовании технических новаций возможно использование таких мессенджеров сети «Интернет», как Skype, Zoom, Discord. Использование таких интернет-ресурсов позволит должностному лицу, производящему расследование уголовного дела, идентифицировать личность, дающую показания, а также минимизировать процессуальные затраты и привлечение должностных лиц, не обладающих знаниями материалов уголовного дела и специфики допроса того или иного участника.

В современном мире с использованием передовых технологий совершается все больше неочевидных преступлений, при расследовании которых у следователей возникают сложности в раскрытии и доказывании виновности лица. Следователи нередко инициируют проведение психофизиологического исследования с использованием полиграфа (далее – ПФИ), которое проводится по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Имеет ли доказательственное значение такое исследование? На этот счет имеется множество мнений, и, как показывает практика, применение полиграфа в уголовном процессе не однозначно [9, с. 237-238]. Мы придерживаемся мнения большинства процессуалистов о том, что установление лжи в показаниях подозреваемого, обвиняемого посредством полиграфа не достоверно и полагаться на «аппарат» в решении вопроса о виновности лица не допустимо.

Кроме того, как утверждает О.В. Арефьева, человек, попадая в стрессовую ситуацию, связанную с такого рода исследованиями, может представлять опасность для себя самого в связи с возникающими трудностями в нестандартной для лица ситуации, последствия данного состояния проявляются на эмоциональном, когнитивном, поведенческом, физиологическом уровнях. Также О.В. Арефьева утверждает, что осознание человеком неадекватности своих реакций в связи с подобным исследованием еще больше усугубляет дезадаптацию. Однако в зависимости от причастности к совершению преступления конкретного лица стрессовая ситуация может сказаться на результате исследование как положительно, так и отрицательно [10, с. 10-16].

При производстве следственного действия «допрос» лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет право пользоваться документами, фотоснимками, может воспроизводить схемы, которые станут частью протокола допроса. Кроме того, подозреваемый, обвиняемый может собственноручно внести свои показания в протокол. Такой подход распространяется на практике и при отказе подозреваемого, обвиняемого от дачи показаний (на что лицо имеет законное право в соответствии со статьей 51 Конституции РФ). Следователь в присутствии защитника (либо без него) предлагает лицу записать «отказ» собственноручно. Такая

позиция обусловливается возможным последующим отказом подозреваемого или обвиняемого вообще от участия в данном следственном действии. Кроме того, имеют место случаи, когда несмотря на то, что допрос как следственное действие состоялся, допрашиваемый полно или частично ответил на поставленные вопросы, а по завершении допроса отказался подписать протокол следственного действия. Законодатель предусмотрел такое положение дел и в соответствии со статьей 167 Уголовно-процессуального Кодекса РФ (далее – УПК РФ) наделил следователя правом пригласить не заинтересованных в исходе дела лиц – понятых, которые фиксируют в данном случае отказ подозреваемого, обвиняемого подписать протокол допроса [11, с. 233]. Однако, при отсутствии подписи допрашиваемого лица мы ставим под сомнение вообще его пребывание в этот период на следственном действии, несмотря на участие понятых. Как правило, понятые неохотно отзываются на участие в подобных следственных действиях, а если и принимают такое участие, то прибыть на допрос к следователю или же в суд в дальнейшем не желают и в этом тоже имеется определенная проблема, которую в рамках интервьюирования высказывают следователи территориальных органов. Кроме того, отмечается, что, реализуя право «на защиту» подозреваемый, обвиняемый может сколь угодно раз менять свои показания, отказываться и давать (придумывать) их вновь.

Полагаем уместным рассмотреть позиции некоторых авторов относительно получения показаний подозреваемого, обвиняемого. Так, имеются мнения о том, что сведения от лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, возможно получить не только из показаний, как императивно указывает уголовно-процессуальный закон России, но и посредством проведения таких следственных действий, как очная ставка или проверка показаний на месте, предъявления для опознания. По мнению А.Б. Соловьева, сведения, полученные в ходе допроса и очной ставки, имеют тождественный характер, он лишь выделяет познавательный аспект очной ставки [12, с. 7]. Шейфер С.А., в свою очередь, полагает неверным считать предъявление для опознания разновидностью допроса [13, с. 110].

На наш взгляд, некий оправданный смысл в позициях представленных ученых имеется, однако необходимо различать назначение, цель указанных следственных действий. Так, допрос и очная ставка, которая является последующим следственным действием по отношению к допросу, проведение которой обусловлено исключительно устранением противоречий, имеющихся в показаниях ранее допрошенных участников процесса, порядок их проведения схож по способу получения сведений и, как правило, носит вербальный характер. Однако и в ходе очной ставки подозреваемый, обвиняемый может изменить ранее данные ложные показания и изложить данные об обстоятельствах совершенного деяния достоверно. Мы солидарны с мнением А.В. Победкина, который считает, что показания как самостоятельный источник доказательств может быть сформирован как в ходе допроса, так и в ходе очной ставки, одновременно отрицая факт получения показаний при проведении предъявления для опознания [14, с. 174].

Порядок и цель проведения предъявления для опознания значительно отличается от классической формы получения показаний, и это нельзя не учитывать. При условии исключения элемента опознания следственное действие можно признать несостоявшимся, соответственно, ни о каких сведениях, полученных в качестве показаний, речи быть не может, однако А.А. Терегулова придерживается иного мнения [15, с. 41-46]. Мы же полагаем, что при проведении предъявления для опознания опознающий, осматривая представленных ему лиц, должен указать на лицо, которое, по его мнению, совершило либо причастно к совершению преступления, четко, уверенно и кратко описать его индивидуальные признаки и действия, которые он совершил в результате преступных действий. Если же факт опознания – своеобразной

идентификации – не состоится, то и пояснения в ходе такого следственного действия ничтожны, соответственно, не могут быть признаны доказательством.

Подводя итог проведенного исследования, мы еще раз убедились в неоднозначности использования показаний лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Все действия правоохранителей направлены на установление истины по делу, именно с этой целью должностные лица, наделенные государством обязанностью восстановления нарушенных прав лиц, пострадавших в результате совершенного противоправного деяния, а также с целью сохранения прав и свобод преследуемых лиц, проводят следственные и процессуальные действия, устанавливающие обстоятельства произошедшего. Порой от оптимальных, верных, законных решений, принятых следователем или дознавателем, зависит исход уголовного дела. В связи с этим с целью качественного и более эффективного расследования уголовных дел в разумные сроки нам видится целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе для лиц, подвергаемых уголовному преследованию, – подозреваемых, обвиняемых – запрет на дачу недостоверных, искаженных, лживых показаний. Однако данное обстоятельство не исключает право лица отказаться от дачи показаний в соответствии со статьей 51 Конституции РФ.

Предлагаем ч. 5 ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» изложить в следующей редакции и внести в соответствии с ней изменения в ст.ст. 46, 47 УПК РФ, а также в ст. 307 Уголовного Кодекса РФ:

«5. Следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6 – 8 настоящего Кодекса, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если в производстве следственного действия участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик, а также обвиняемый или подозреваемый, то он также предупреждается об ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации. Если в производстве следственного действия по уголовному делу в отношении соучастников преступления участвует лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, то оно предупреждается о предусмотренных главой 401 настоящего Кодекса последствиях несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия от следствия каких-либо существенных сведений».

Таким образом, отметим, что институт показаний вызывает активный интерес как у теоретиков, так и у правоприменителей, несмотря на многогранный подход законодателя к данному вопросу, до настоящего времени имеют место пробелы, которые требуют детального изучения, законодательного регулирования и четкого закрепления, так как выявленные несоответствия негативным образом влияют на качество уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Русская правда» (с комментариями): учебное пособие / сост. и комм. Т.А. Чернявской. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. – 2009. – 63 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 20-е. М., Русский язык, 1989. – 750 с.
3. Михайловская И.Б. Показания подозреваемого // Уголовный процесс: учебник / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. – 517 с.
4. Терехин В.В. Уголовно-процессуальные доказательства: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 93 с.
5. Иваньшина А.Э. Об отдельных противоречиях признания обвиняемым своей вины принципам уголовного процесса // Альманах № 1: дискуссионные аспекты развития и применения уголовно-

процессуального законодательства / под ред. М.П. Полякова, В.В. Терехина; Нижегородская научная школа процессуалистов. Казань: Бук, 2018. – 330 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.06.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144.
7. Арсенова Н.В. Самооговор в уголовном судопроизводстве / Н.В. Арсенова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2010. – № 18. – С. 51-55.
8. Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1947. – 52 с.
9. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. – 256 с.
10. Арефьева О.В. Проблема обеспечения психологической безопасности субъекта при проведении психофизиологического исследования с использованием полиграфа / О.В. Арефьева // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник статей Международной научно-практической конференции 26—27 октября 2017 г., Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты расследования дорожно-транспортных преступлений» 26 апреля 2018 г. / сост. С.А. Янин; ред. колл. С.А. Янин, Д.Н. Шувалов. Волгоград: ООО «Бланк», 2018. – 418 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
12. Соловьев А.В. Очная ставка. М.: Юрлитинформ, 2006. – 160 с.
13. Шейфер С.А. Следственные действия. Основание, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. – 230 с.
14. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. – 181 с.
15. Терегулова А.А. Пути получения показаний подозреваемого / А.А. Терегулова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». Челябинск: Южно-Уральский государственный университет. – 2014. – № 3. – 120 с.

TESTIMONY OF THE ACCUSED AND THE SUSPECT

Annotation. In this paper, the institute of testimony is analyzed, as well as the opinions of scientists on the question of the evidentiary value of the testimony of the suspect and the accused during the preliminary investigation are considered. The article reveals the concept of the legal status of the suspect and the accused in criminal proceedings. The essence of testimony in criminal proceedings and their significance are determined. The author's suggestions for further improvement of this issue are expressed.
Keywords: testimony of the accused, testimony of the suspect, types of evidence, testimony, criminal proceedings.

Stepura A.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: nyura.stepura@mail.ru

УДК 347.214.2

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ РИЭЛТОРСКИХ УСЛУГ

Строкат П.А.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе исследованы и определены права и обязанности сторон договора на оказание риэлторских услуг; охарактеризована ответственность сторон по договору на оказание риэлторских услуг, разработаны предложения по совершенствованию правового регулирования риэлторской деятельности.

Ключевые слова: риэлторская деятельность, договор на оказание риэлторских услуг, права и обязанности сторон по договору на оказание риэлторских услуг.

В современном динамично развивающемся мире открываются новые перспективы для роста определенных секторов экономической деятельности. Одним из них является деятельность в сфере недвижимости, предоставление брокерских услуг.

Риэлторские услуги играют социально значимую роль, они ориентированы на сохранение и преумножение благосостояния людей, одним из составляющих которого выступает такая важная общечеловеческая ценность, как жилье. Рынок риэлторских услуг тесно связан с рынком недвижимости, что обусловливает изменения в этой сфере.

Развитие индустрии недвижимости можно объяснить рядом факторов, среди которых можно выделить: общее повышение уровня жизни населения и связанное с этим наличие средств для оплаты различных услуг, растущий темп жизни, недостаток времени и опыта для поиска подходящих вариантов и растущая потребность в услугах квалифицированных специалистов.

Юридически, такие отношения оформляются договором между субъектом риэлторской деятельности и потребителем.

Актуальность темы обусловлена тем, что риэлторская деятельность является сейчас одним из востребованных и популярных видов предпринимательства, многие начинающие предприниматели рассматривают это дело как самое простое и не требующее больших капиталовложений. С принятием в 2011 году Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» были определены виды деятельности, подлежащие лицензированию, однако лицензирование риэлторской деятельности в данном законе не значилось. С этого момента процесс развития рынка недвижимости России практически был пущен на самотек и фактически зашел в полный тупик.

Цель данного исследования: изучение и определение основных прав и обязанностей контрагентов по договору на оказание риэлторских услуг, разработка предложений по совершенствованию законодательной базы в рассматриваемой сфере.

Риэлторская деятельность осуществляется на основании договора на оказание риэлторских услуг. Данный договор является двусторонним, так как исполнение обязательств потребителя по оплате услуг обусловлено исполнением риэлтором своих обязательств по оказанию услуг потребителю. Сторонами такого договора являются субъект риэлторской деятельности и потребитель.

Так, субъект риэлторской деятельности определяется как индивидуальный предприниматель, юридическое лицо или физическое лицо, которое является членом одной из саморегулируемых организаций. Для приобретения статуса субъекта риэлторской деятельности необходимо соблюдение ряда требований, императивно легализованных в нормативных правовых актах различного уровня [1, с. 140].

Риэлторская деятельность может осуществляться юридическим лицом, а также индивидуальным предпринимателем, которое должно иметь:

1) свидетельство о государственной регистрации юридического лица;
2) сертификат субъекта риэлторской деятельности;
3) журнал, в котором регистрируются договоры по оказанию риэлторских услуг;
4) документация, которая устанавливает стоимость оказываемых услуг;
5) базу данных по недвижимости;
6) помещение, которое соответствует требованиями (нежилое помещение, которое защищено от несанкционированного доступа, а также должно быть оснащенным устройствами противопожарной и охранной сигнализаций и др.).

Юридическое лицо также должно иметь штат сотрудников, в который входит как минимум один агент по недвижимости. Специалисты риэлторской деятельности не

могут работать в других субъектах риэлторской деятельности на основании гражданско-правовых или трудовых договоров.

Кроме того, субъект риэлторской деятельности должен предоставить каждому специалисту по риэлторской деятельности сертификат, который является документом, подтверждающим его полномочия. Оказание риэлторских услуг специалистом риэлторской деятельности может осуществляться только при наличии сертификата [2, с. 123].

Когда специалист по недвижимости оказывает риэлторские услуги, он должен иметь при себе удостоверение и предъявлять его по первому требованию потребителя, уполномоченных должностных лиц государственных органов, осуществляющих в своей компетенции контроль риэлторской деятельности, а также государственному регистратору и нотариусу в случае, если оказание услуг предполагает представление интересов потребителя.

Субъект риэлторской деятельности вправе:

1) оказывать риэлторские услуги;

2) иметь право доступа к объекту недвижимости, являющийся предметом договора по оказанию риэлторских услуг, а также право доступа к документам и другой информации, которая необходима для заключения сделки;

3) отказывать в предоставления риэлторских услуг, в случае непредоставления потребителем услуг информации, которая необходима для оказания риэлторских услуг, а также в случае возникновения обстоятельств, которые могут препятствовать осуществлению риэлторской деятельности.

Субъект риэлторской деятельности не вправе заключать договор на оказание риэлторских услуг, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого договора, уже заключенного в отношении той же недвижимости.

К основным обязанностям субъекта риэлторской деятельности относят:

1) выполнение требований нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере риэлторской деятельности;

2) неразглашение информации, полученной в процессе предоставления риэлторских услуг;

3) способствование потребителям в реализации ими своих прав и законных интересов;

4) предоставление уполномоченным должностным лицам необходимые для проведения проверок документы, достоверную информацию, в том числе письменные пояснения своих наемных работников, выполнять законные распоряжения или требования указанных должностных лиц при исполнении ими служебных полномочий;

5) осуществление внутреннего контроля по соблюдению требований нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере риэлторской деятельности;

6) недопущение нарушений прав и законных интересов сторон сделки с недвижимостью;

7) предоставление потребителю достоверной информации о предмете сделки, в том числе о правах третьих лиц на объект недвижимости.

8) обеспечение сохранности документов осуществленной сделки;

9) составление отчетности о выполненной работе.

Следует отметить предложение депутатов Государственной Думы А. Г. Пузановский и Ю.М. Тен, авторов проекта федерального закона №71948-3 «О риэлторской деятельности в Российской Федерации», которые выделяют в ст. 25 законопроекта следующие обязанности риэлтора, а именно риэлтор обязан:

– по первому требованию потребителей риэлторских услуг, а также контролирующих органов исполнительной власти, предъявлять лицензию на оказание риэлторских услуг;

– не передавать лицензию другим лицам в пользование;

– своевременно уведомлять лицензирующий орган о любых изменениях информации, содержащейся в лицензии;

– информировать потребителей риэлторских услуг о законодательных и нормативных актах в области рынка недвижимости;

– не раскрывать и не разглашать информацию, которая получена в ходе проведения сделки, за исключением случаев, предусмотренных законодательством;

– обеспечивать сохранность документов, полученных от потребителя риэлторских услуг для совершения сделки;

– предоставлять клиентам достоверную и полную информацию об объекте недвижимости, прав на него и о собственнике (владельце), которая может быть получена на законных основаниях;

– обеспечивать правовую защиту интересов клиента, путем составления проекта сделки, а также разъяснения прав и обязанностей, содержания и юридических последствий сделки [3].

Также, необходимо указать и предложения депутатов Государственной Думы Д. В. Ушакова, М.В. Емельянова, А.В. Руденко, С.А. Доронина, авторов проекта федерального закона №1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью», которые обозначают следующие обязанности субъекта риэлторской деятельности:

– соблюдение требований федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ;

– осуществление контроля за соблюдением своими членами требований профессиональных стандартов, иных нормативных правовых актов РФ в области риэлторской деятельности, стандартов и правил риэлторской деятельности, правил деловой и профессиональной этики;

– организация проведения профессиональной переподготовки своих сотрудников;

– рассмотрение жалоб и дел о нарушении риэлторами федеральных законов, нормативных правовых актов Российской Федерации, профессиональных стандартов, стандартов и правил риэлторской деятельности, а также правил деловой и профессиональной этики;

– отказ в принятии субъекта риэлторской деятельности в случаях, установленных законом;

– представление в уполномоченный орган исполнительной власти, информации о вступлении субъекта в объединение саморегулируемых организаций и выходе из него.

Принятие обязанностей субъекта риэлторской деятельности позволит нормативно закрепить перечень конкретных юридически значимых действий, составляющие риэлторскую деятельность, несоблюдение которых будет считаться нарушением [4].

Если после заключения договора об оказании риэлторских услуг выявляются обстоятельства, которые могут препятствовать его исполнению, субъект риэлторской деятельности обязан письменно уведомить потребителя о них, не позднее дня, следующего за днем, когда ему стало известно об этих обстоятельствах. Если такие обстоятельства станут известны, договор об оказании риэлторских услуг может быть изменен или расторгнут.

Потребитель является контрагентом риэлтора в обязательстве по оказанию риэлторских услуг. Потребитель – это юридическое или физическое лицо, которое намерено обратиться за оказанием риэлторской услуги или которому субъект риэлторской деятельности предоставляет риэлторские услуги [5, с. 254].

К основным правам потребителя по договору на оказание риэлторской деятельности относят:

1) ознакомление с сертификатом субъекта риэлторской деятельности, квалификационными свидетельствами и идентификационными удостоверениями агентов по операциям с недвижимостью, а также с документом, содержащим информацию о стоимости риэлторских услуг;

2) получение от субъекта риэлторской деятельности всей необходимой информации о сделке и ее последствиях;

3) обращение в Министерство юстиции по вопросам нарушения субъектом риэлторской деятельности требований нормативных правовых актов, которые регулируют правоотношения в сфере риэлторской деятельности;

4) требование по расторжению договора на оказание риэлторских услуг в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения субъектом риэлторской деятельности его условий;

5) право на получение информации об объекте недвижимости, являющемся предметом сделки в письменной или устной форме от субъекта риэлторских услуг.

Потребитель также вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков оказания услуги. Кроме того, при отказе потребителя от исполнения договора риэлтор не вправе требовать возмещения своих затрат, произведенных на оказание услуги, а также платы за оказанную услугу, за исключением случая, если потребитель принял оказанную услугу [6, с. 22].

Что же касается обязанностей потребителя по договору на оказание риэлторской деятельности, то к ним относятся:

1) выполнение своих обязанностей по договору на оказание риэлторских услуг без причинения вреда третьим лицам и их имуществу;

2) согласно условиям договора на оказание риэлторских услуг, предоставление субъекту риэлторской деятельности необходимые документы, которые содержат достоверные сведения об объекте недвижимости, о собственнике и правах на объект недвижимости других лиц;

3) своевременно оплачивать фактически оказанные риэлторские услуги согласно условиям договора на оказание риэлторских услуг;

4) возмещать субъекту риэлторской деятельности расходы, связанные с оказанием риэлторских услуг, если это предусмотрено договором на оказание риэлторских услуг.

Таким образом, права и обязанности сторон вытекают из норм права собственности и других вещных прав, обязательственного права, закрепленных ГК РФ. Данные элементы договора включают обязанности и права контрагентов по договору, а также обязанности прочих сторон, если таковые есть.

Всё вышесказанное позволяет прийти к выводу, что риэлторский договор требует специального законодательного закрепления, определения прав и обязанностей участников договора на оказание риэлторских услуг, так как в настоящее время, правовое регулирование риэлторской деятельности, как самостоятельного вида деятельности, государством не осуществляется, а ее регулирование общими положения гражданского законодательства можно в полной мере считать недостаточным.

Считаем, что разработка и принятие федеральных стандартов риэлторской деятельности позволит установить законодательный порядок оказания риэлторских услуг, потребитель самостоятельно сможет контролировать процедуру оказания услуг, выполнение, либо же невыполнение риэлтором тех или иных процедурных действий. Именно законодательное закрепление деятельности риэлторских агентств будет способствовать установлению единства в правовом регулировании риэлторской деятельности на всей территории Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витрянский В. В. Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник ВАС РФ. 2002. – № 5. – С. 140-148.
2. Кратенко М.В. Сделки с недвижимостью: все о посредниках: Практич. пособие. М.: Проспект, – 2018. – 224 с.
3. Проект Федерального закона от 21.03.2001 г № 71948-3 «О риэлтерской деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/71948-3 (дата обращения: 14.01.2023).
4. Проект Федерального закона от 22.06.2016 г № 1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1106182-6 (дата обращения: 14.01.2023).
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг (книга третья). – М.: Статут, 2019. – 1055 с.
6. Коханый И.В., Административно-правовое регулирование риэлтерской деятельности в РФ. Дисс… канд. юрид. наук. – М, 2007. – 191 с.

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF REAL ESTATE SERVICES

Annotation. In the work, the rights and obligations of the parties to the contract for the provision of real estate services are investigated and defined; the responsibility of the parties under the contract for the provision of real estate services is characterized, proposals for improving the legal regulation of real estate activities are developed.
Keywords: real estate activity, contract for the provision of real estate services, rights and obligations of the parties under the contract for the provision of real estate services.

Strokat P.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: paveltakorts@gmail.com

УДК 346.242:347.191.11

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОРПОРАЦИИ

Титов М.А.
Научный руководитель: Смирнова Е.В., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассматривается определение понятие и сущности термина «государственная корпорация» как новый элемент гражданско-правовых и экономических отношений в Российской Федерации. Выявлены различные взгляды на понятие государственной корпорации, определенны ее функции, типология, разновидности, а также роль в развитии экономического уровня государства и отличительные особенности от иных организационно правовых форм юридических лиц.
Ключевые слова: государственная корпорация, организационно-правовая форма, государство, экономика, типология.

Сущность понятия «государственная корпорация» из года в год претерпевала ряд изменений. В различные этапы своего развития она выполняла отличные от своего современного вида функции, носила другой юридический характер и выполняла иную роль. Появление данной организационно-правовой формы приходится на конец XX века, что характеризуется падением социалистического режима, крахом советской власти и образованием нового экономического уклада. Смена режимов и государственного строя, так или иначе, внесли свою лепту в эволюции государственной корпорации как новой и самостоятельной организационно-правовой формы

юридического лица. В данной статье рассмотрим, что представляет собой «государственная корпорация», какова ее роль на современном этапе развития экономических отношений, а также ее правовой режим.

Государственная корпорация новое явление на правовом поле и нашла свое отражение в законодательной базе как самостоятельная и отдельная организационно-правовая форма некоммерческой организации, которая была наделена правами юридических лиц как субъектов гражданско-правовых и экономических правоотношений.

Ключевым для развития данного института стал 2007 год. До него, с самого зарождения термина «государственная корпорация», он использовался всего дважды. Первая в истории современной России государственная корпорация носила наименование «Агентство по реструктуризации кредитных организаций». Она создавалась на основе закона о реструктуризации кредитных организаций в 1999 году и ликвидирована в 2004. Первостепенно Агентство не имело властных полномочий и проводило процедуры реструктуризации, ссылаясь на формальные договоренности с учредителями банков. Позднее Советом директоров Агентство по реструктуризации кредитных организаций была утверждена Программа деятельности, которая закрепляла основные принципы работы Агентства, требования к работникам и функции, осуществляемые Агентством. Важным условием участия Агентства в экономическом восстановлении банка стало соглашение акционеров на переход банка под управление Агентства, в том числе путем продажи контрольного пакета акций [2].

Второй же государственной корпорацией в 2003 году стало Агентство по страхованию вкладов, правовой основой которого послужило принятие в том же году закона о страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации. Однако сфера деятельности двух указанных учреждений была крайне ограничена, поскольку охватывала в основном только финансово-банковские отношения, связывая между собой взаимодействие Правительства Российской Федерации с Центральным банком. Да, несомненно, важно отметить, что в своей сфере государственные корпорации были «колоссами», их деятельность охватывала конкретные области и регулировала возникающие в них правоотношения. Подробный регламент порядка функционирования хоть и компенсировал их ограниченность, однако это имело мало общего с законодательством о некоммерческих организациях. Существенно меняет это наступление 2007 года, который принес новые законы, а следом и совершенно новый взгляд на государственную корпорацию как форму организации юридического лица.

Мнение специалистов по вопросу того, что скрывается за термином «государственная корпорация», разнятся. Кашанина Т.В. считает, что под ней понимается «коллективное объединение, обладающее статусом юридического лица, базирующееся на объединении капиталов (имущественных взносов) и реализующее социально-полезную деятельность» [3]. Макарова О.А. под данным термином понимает «корпорация» как общее собирательное наименование, в котором заключается форма предпринимательского объединения капитала.

Могилевский С.Д. и Самойлов И.А. определяют в государственной корпорации одну общую и важную черту, а именно присущий ей признак, подразумевающий объединенность участников (учредителей) на основе договора, при этом они не отвечают по корпоративным обязательствам, а риск убытков, которые они несут, ограничен стоимостью вкладов, внесенных ими.

При всем этом не следует отождествлять понятия «корпорация» и «государственная корпорация». Корпорация представляет собой форму организации предпринимательской деятельности, при которой предусмотрены долевая собственность, юридический статус и функция управления, находящаяся в полномочиях менеджеров (верхушки управления), которые работаю по найму. А

государственная корпорация ассоциируется скорее с обычной организацией, не имеющая при этом ничего общего с термином, указанным выше. По данному поводу уместно высказывание Ема, согласно которому «благодаря корпоративным правам участники корпорации могут участвовать в различных формах в управлении корпорацией и ее имуществом. Реализуя свои корпоративные права, участники корпорации влияют на формирование воли данного корпоративного образования, являющегося самостоятельным субъектом гражданского права – юридическим лицом».

Отличает простые корпорации от государственных корпораций так же путь их создания: первые, в отличии от вторых, создают как объединение участников, а вторые – властными мерами, регламентированными федеральным законодательством. Государственные корпораций не касаются правила лицензирования определенной деятельности, также им не знакомы учредительные документы, что приводит к выводу о том, что данная организационно-правовая форма только позаимствовала название у традиционных корпораций и не имеет с ними связей.

На законодательном уровне термин «государственная корпорация» понимается иначе. В соответствии со статьей 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организация» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации. [1]

Рассмотрим внутреннее устройство государственной корпорации. Управляют ими совет директоров, правление и генеральный директор. Они занимают верхний уровень иерархической лестницы управления государственной корпорацией. В состав совета директоров входят представители Президента РФ и представители Правительства. Государство же в целом, как субъект, выступает собственником. Представленная схема устройства внутреннего управления является базовой для рассредоточения основных направлений деятельности, которые приоритетны для государственной политики.

Государственная корпорация, будучи обладателем особых возможностей по ведению хозяйственной деятельности, наделена особенными правами, обязанностями и полномочиями, что является отличительной чертой от иных участников хозяйственного оборота на экономическом пространстве. Рассматривая непосредственно ее деятельность, необходимо затронуть функции, которые являются направлением и самой сутью ее существования. По теории юриспруденции, они делятся по трем группам. К первой можно отнести те функции, связь которых тесна с формированием и использованием их имущества. Вторую группу составят те функции, при которых властные полномочия отсутствуют, а они сами выполняют координирующую роль. К третьей же группе относятся функции, строящиеся на властных полномочиях, а именно: распорядительные функции, регулирующие функции и контрольные функции. Благодаря перечисленным функциям конкретно выделяется роль государственной корпорации на экономическом поле всей страны и позитивное влияние на экономический рост всего государства.

Институт государственной корпорации не идеален, он очень молод и во многом подлежит дальнейшему развитию. На этом фоне возникает проблема типологии данной формы и разграничение отдельных видов по критериям, объединяющих их в отдельные группы по собственным уникальным признакам. В данным момент, ссылаясь на исследования ученых-правоведов, можно выделить такие виды государственных корпораций:

- корпорации административно-производственного типа (например, Росатом);
- крупные отраслевые холдинги основных и обеспечивающих производств;

- холдинги, основной целью которых является продвижение российских производителей на мировые рынки (например, Ростехнологии);
- государственные корпорации межотраслевого характера;
- холдинги в инвестиционной области (например, корпорация в сфере ЖКХ).

Вторая классификация выделяет только два вида государственных корпораций:

- государственные корпорации, функционирование и создание которых является инициативой самого государства. Среди них: Фонд содействия реформированию ЖКХ, Банк развития;
- государственные корпорации, функционирование и создание которых является инициативой самой компании. Среди них: Роснанотех, ОАК, Ростехнологии [4].

Государственная корпорация как самостоятельная организационно-правовая форма наделена признаками, выделяющих ее среди остальных форм. К ним относятся преобладание государственного участия и вмешательства, крупный капитал, который финансируется государственными бюджетами, социально-экономическая направленность деятельности.

Рассмотрев разновидности определения понятия «государственная корпорация», ее правовой статус, функции, типологию, определив отличия от других организационно-правовых форм, можно сделать вывод об уникальности данного явления, некий феномен. Она совершенно противоречит классической конструкции юридического лица, которое складывалось исторические многие столетия, но вместе с тем в ней фигурируют все признаки юридического лица в публичном праве. Несомненно, государственная корпорация все еще не дошла до своей конечной формы, законодательство будет претерпевать изменения, а ее вид трансформироваться под современные условия, стремительно меняющиеся ежедневно. Целесообразным будет на законодательном уровне определить исчерпывающий список целей, для которых она создана, и возлагаемых на нее полномочий, как представителя публичной функции государственного аппарата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 14.02.2023)
2. Турбанов А.В. Агентство по реструктуризации кредитных организаций (Арко) и его роль в оздоровлении банковской системы России // Финансы: теория и практика. – 2000. – №2. – С.15-22. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agentstvo-po-restrukturizatsii-kreditnyh-organizatsiy-arko-i-ego-rol-v-ozdorovlenii-bankovskoy-sistemy-rossii/viewer (дата обращения: 14.02.2023)
3. Завершинский Н.З. Понятие и сущность государственной корпорации // Закон и право. – 2020. – №1. – С.185-187. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-gosudarstvennoy-korporatsii/viewer (дата обращения: 14.02.2023)
4. Фидарова К.К., Павлова Г.Ш., Тошпулотов А.А. // Теоретическая экономика. – 2022. – №5. – С.54-60. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-priroda-i-suschnost-gosudarstvennyh-korporatsiy-kak-instituta-rynochnyh-otnosheniy/viewer (дата обращения: 14.02.2023)

THE CONCEPT OF A STATE CORPORATION

Annotation. This paper examines the definition of the concept and essence of the term "state corporation" as a new element of civil and economic relations in the Russian Federation. Various views on the concept of a state corporation are revealed, its functions, typology, varieties, as well as its role in the development of the economic level of the state and distinctive features from other organizational and legal forms of legal entities are determined.
Keywords: state corporation, organizational and legal form, state, economy, typology.

Titov M.
Scientific adviser: Smirnova E.V., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: kykyryza1tv@gmail.com

УДК 343. 35

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Тюрина А.В.
Научный руководитель: Калмыкова А.А., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе проанализирован вопрос относительно объективной стороны служебного подлога. В ходе исследования были выявлены проблемы в уголовном законодательстве, при квалификации объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. В целях единообразного применения закона были разработаны пути совершенствования указанных нормативных пробелов.
Ключевые слова: состав преступления, служебный подлог, объективная сторона, официальный документ, искажение.

Вопрос о правильном установлении объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], является достаточно актуальным на данный момент, поскольку он в полной мере позволит правильно квалифицировать рассматриваемый состав преступления. В связи с этим, считается необходимым проанализировать объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

В доктрине уголовного права под объективной стороной любого состава преступления, предусмотренного действующим УК РФ, понимается совокупность объективных признаков, характеризующих внешнее выражение акта преступного поведения индивида, которое состоит в общественно-опасном деянии и влечет либо не влечет общественно-опасные последствия.

Так, исходя из содержания ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации, объективная сторона указанного состава преступления может быть совершена одним из двух альтернативных действий:

– путем внесения субъектом преступления в официальные документы заведомо ложных сведении, и

– путем внесения субъектом преступления в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

По своей конструкции ч. 1 ст. 292 УК РФ является формальной и предусматривает наступление уголовной ответственности с момента совершения альтернативных действий, указанных нами ранее [2, с. 12].

При этом отметим, что использование готового подложного документа рассматриваемой нами статьей УК РФ не охватывается. Толкование формулировки «внесение в официальные документы ложных сведений или исправлений, искажающих их действительное содержание» приводит к умозаключению, что составом преступления служебного подлога охватывается лишь подделка документа, имеющего статус официального, на момент его искажения.

Несмотря на большое количество мнений, наиболее часто встречаемым в юридической литературе, является суждение о том, что подлог следует делить на:

1. Материальный – который выражается во внесении в официальный документ информации, искажающей действительность. При этом, необходимо учитывать, что в данном случае исправления в документе представляют собой манипуляции по его переделыванию, преобразованию его значения. Такие искажения могут осуществляться с помощью подчистки или другими способами. Сама же подчистка заключается в уничтожении в подлинном документе прежних записей или реквизитов, при этом, она может сочетаться с их заменой на ложные, например, когда вносятся исправления в счета путем смывания цифр или их замены на другие.

2. Интеллектуальный – который выражается во внесении в официальный документ заведомо ложных сведений, не соответствующих действительности. Отметим, что в данном случае речь идет о документах, которые по своей форме изготовлены правильно, то есть с надлежаще оформленными реквизитами. Например, к данному виду подлога следует отнести подделку подписи должностного лица, или же постановка другой даты, несоответствующей дате его составления или выдачи [3, с. 18].

Считается целесообразным затронуть также вопрос отнесения к преступлению, предусмотренного ст. 292 УК РФ, действий лиц по изготовлению полностью поддельного документа, поскольку на данном этапе в науке уголовно права единая позиция относительно такого суждения отсутствует.

Так, исходя из диспозиции указанной статьи, внести ложные сведения или исправления, искажающие действительность документа, возможно лишь если документ уже составлен и существует, а кроме этого имеет статус официального на момент его искажения. Однако, в таком случае законодатель не охватывает такие деяния как, например, составление и выдача заведомо ложных документов.

Противники такой данной точки зрения исходят из лексического содержания терминов, употребляемых законодателем и буквального их толкования. Они считают, что нельзя признать составление, изготовление и выдачу поддельного документа внесением в официальные документы заведомо ложных сведений либо внесением в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание [4, с. 19].

Исходя из судебной практики, представляется верной точка зрения, согласно которой ложные сведения могут быть внесены и во вновь создаваемый документ, так как сам процесс составления и создания документа заключается во внесении определенных сведений.

Так, например, следователь Н. вынес постановление о приостановлении производства по делу в связи с заболеванием обвиняемого, стоит указать, что при этом он заведомо знал, что предоставленная справка фиктивна. Затем позднее он вынес постановление о прекращении судебного разбирательства, по которому следствие приостановлено на основании подделанного свидетельства о смерти, переданного обвиняемым за денежное вознаграждение, следователю. За что и был осужден следователь Н. [5].

По нашему же мнению, законодательная формулировка не позволяет сделать однозначный вывод по данному вопросу, поскольку в законе указано, что ложные сведения вносятся в официальный документ.

Наиболее верным было бы включить в объективную сторону служебного подлога положение о возможности совершения подлога путем составления, выдачи заведомо ложных документов.

На основании чего возникает вопрос, который касается самой подготовки официального документа, при которой документ подготавливается несколькими лицами (например, одно должностное лицо составляет документ, а другое утверждает). Так, исходя из анализа объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, действия лица направлены лишь на утверждение документа, который содержит в себе недостоверные сведения, и такие действия лица нельзя усматривать как служебный подлог в чистом виде.

Это, в первую очередь, связано с тем, что отсутствует признак объективной стороны служебного подлога, который выражается во внесение в официальный документ сведений, не соответствующих действительности.

На основании изложенного, сделаем вывод, что действия лица, которое уполномочено утвердить своей подписью официальный документ, при этом осознавая,

что такой документ является подложным, нельзя квалифицировать как служебный подлог, так как таким лицом вносится вполне достоверная информация, то есть его подпись. При этом следует отметить, что такое лицо может нести ответственность за свои действия. Подобные деяния, при наличии достаточных оснований, могут быть расценены как соучастие в служебном подлоге.

В том случае, если лицо ставит на официальном документе поддельную подпись лица его утверждающего, таким образом внося ложную информацию, то такие деяния, несомненно, подпадают под признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

Несмотря на очевидность формы совершения подлога, выражающуюся в действии, интерес вызывает мнения ученых относительного того, что указанное преступление может совершаться и путем бездействия.

Журавлева Г.В., считает, что подлог представляет собой разновидность обмана, преследует цель ввести в заблуждение обманываемое лиц путем противоправного искажения имеющейся информации [6, с. 91]. Данный обман заключается не только во внесении в документ ложных сведений (действие), но и в утаивании обстоятельств, обязательность указания которых установлена законом (бездействие).

В свою очередь, Чесноков О.В. не согласен с указанной позицией, и отмечает, что в диспозиции ч.1 ст. 292 УК РФ имеется указание лишь на общественно-опасные деяния и не допускается возможность совершения подлога путем бездействия [7, с. 21].

По нашему мнению, необходимо согласиться с тем, что служебный подлог возможен лишь в форме действия, регламентированным законодателем в рамках внесения в документ недостоверных сведений. При этом, обязательным условием признания содеянного в качестве должностного подлога является совершение соответствующих действий должностного лица в отношении официальных документов.

На основании п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. №24 « О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих действительное содержание указанных документов, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа [8]. Исходя из этого, мы видим, что совершить данные деяния посредством бездействия просто невозможно.

Если мы обратимся к самой конструкции состава преступления служебного подлога, то ч.1 ст. 292 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что неквалифицированный вид служебного подлога является преступлением с формальным составом, поскольку не содержит указания на наступление общественно-опасных последствий. В таком случае моментом окончания преступления следует усматривать момент внесения правок в официальный документ.

Что касается части 2 указанной статьи, ответственность в таком случае может наступать лишь при условии нарушения существенных прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. В данном случае момент окончания преступления будет непосредственно связан с наступлением общественно-опасных последствий.

То есть, рассматриваемый состав преступления трансформируется из формального в материальный, посредством добавления общественно-опасных последствий.

Таким образом, подводя итог всему вышеуказанному, необходимо сделать вывод о том, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ характеризуется двумя альтернативными действиями:

– внесение субъектом преступления в официальные документы заведомо ложных сведении, и

– внесение субъектом преступления в официальные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

Совершение указанных действий, в соответствии с ч.1 рассматриваемой статьи позволяет говорить о том, что преступление по своей конструкции является формальным. В свою очередь, ч. 2 усматривает последствия за совершение служебного подлога, что говорит о материальной конструкции состава преступления.

Отметим также и то, что служебный подлог может быть совершен лишь в форме действия, подлог в форме бездействия исключается. В связи с этим, в целях совершенствования действующего уголовного законодательства Российской Федерации, представляется целесообразным внести в ч.1 ст. 292 УК РФ дополнение для уточнения диспозиции уголовно-правовой нормы, которое позволит правоприменителям однозначно квалифицировать рассматриваемый состав преступления.

В частности, видится возможным дополнить диспозицию статьи 292 УК РФ указанием на бездействие, если такое умышленное бездействие привело к составлению искаженного официального документа, либо же следует внести дополнение об указании на активные действия при совершении преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ.

Также, наиболее верным было бы расширить объективную сторону служебного подлога, добавив положение о возможности совершения подлога путем составления, выдачи заведомо ложных документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=l96 – Дата обращения: 20.01.2023.
2. Яни П.С. Экономические и служебные преступления / П.С. Яни // М.: Интел-Синтез, 2005. С.12.
3. Романова В.В. Служебный подлог: учебное пособие / В. В. Романова // Санкт-Петербург, 2017. С.18.
4. Щепельков В.Ф. Официальный документ как предмет подделки / В. Ф. Щепельков, Е. В. Суслина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петер. ун-та МВД России. 2017. – № 4 (50). – С. 18–21.
5. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2006 г. № 11-о06-47 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/j8haYelfo0YF/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=№11-o06-47&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1675433422838 – Дата обращения: 26.01.2023
6. Журавлева Г.В. Уголовная ответственность за служебный подлог: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 91.
7. Чесноков О.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы со служебным подлогом: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 21.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/?ysclid=ldoou2tu9o820047504 – Дата обращения: 26.01.2023

TO THE QUESTION OF THE OBJECTIVE SIDE OF OFFICIAL FORGERY

Annotation. In this paper, the question of the objective side of official forgery is analyzed. In the course of the study, problems were identified in criminal legislation, with the qualification of the objective side of the crime provided for in Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation. In order to ensure uniform application of the law, ways have been developed to improve these regulatory gaps.
Keywords: corpus delicti, official forgery, objective side, official document, distortion.

Tiurina A.
Scientific adviser: A.A. Kalmykova, Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: tiurina02@mail.ru

УДК 347

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тюрина А.В.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе проанализирован вопрос относительно понятия и признаков предпринимательской деятельности. Выявлено влияние глобализации, инновации на сущность предпринимательской деятельности, что свидетельствует об узкой направленности легального определения предпринимательской деятельности, что является актуальным в современное время.
Ключевые слова: предпринимательская деятельность, понятие предпринимательской деятельности, признаки предпринимательской деятельности, сущность предпринимательской деятельности.

Российская система права, регулирующая общественные отношения в Российской Федерации как демократическом государстве, экономическая модель которого базируется на принципах рыночной экономики, занимает немаловажное место в регулировании предпринимательской деятельности. Нормы, которые посвящены соответствующим правоотношениям, в значительной мере содержатся в отраслевых нормативно-правовых актах, формирующих российскую систему права.

Дискуссионным и ключевым для предпринимательского права в целом, является вопрос относительно самого термина «предпринимательская деятельность». Переосмысление указанной правовой категории необходимо для более полного и справедливого урегулирования отношений, которые возникают, непосредственно, в процессе осуществления предпринимательской деятельности, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Относительно правовой природы термина «предпринимательская деятельность», необходимо отметить, что указанная дефиниция в отечественном законодательстве появилась не сразу. Так, в 1993 году в Российской Федерации была принята Конституция, которая содержала положение относительно права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Уже позже, в 1994 году, в законную силу вступила часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяющая, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Необходимо отметить, что в п. 1 ст. 2 ГК РФ дано определение предпринимательской деятельности, которое раскрывает её признаки [1]:

1) самостоятельная деятельность;

2) носит рисковый характер;

3) её целью является систематическое получение прибыли;

4) деятельность по использованию имущества, продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг;

5) такую деятельность могут осуществлять лишь субъекты, зарегистрированные в этом качестве в установленном законе порядке.

В юридической литературе существуют различные точки зрения относительно легальности указанного определения. Так, по мнению О. Н. Ермоловой, именно легальное определение предпринимательской деятельности закреплено в п. 1 ст. 2 ГК РФ, однако такая позиция не является единственной [2, с. 32]. О.М. Олейник отмечает, что на основании обзора судебной практики и анализа законодательства приходит к выводу о том, что в российском праве на современном этапе отсутствует легальное определение предпринимательской деятельности [3, с. 2].

В свою очередь, А.Г. Быков отмечает, что законодатель в указанном определение видел цель не в самой формулировки понятия, а в указании на то, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность [4, с. 72].

Таким образом, отметим, что с точки зрения юридической техники определение, данное в п. 1 ст. 2 ГК РФ не является совершенным, что вызывает дискуссию среди ученых. Четкое определение дефиниции предпринимательской деятельности является крайне важным для формирования правоприменительной практики, которая связана с применением положений законодательства, относительно предпринимательской деятельности, поэтому, по нашему мнению, отнесение указанного определения к легальному требует дальнейшего детального исследования.

Тем не менее, указанная норма является основанием для определения признаков предпринимательской деятельности.

Обратимся к признаку самостоятельности. Так, по мнению С.Г. Воронцова, в современных реалиях указанный признак может лечь в основу видовой классификации предпринимателей, т.е. по форме и субъектному составу предпринимательской деятельности [5, с. 406].

Следует отметить, что самостоятельность как признак предпринимательской деятельности заключается в том, что она не связана с трудовыми правоотношениями, в то время, как сам предприниматель может быть работодателем. Однако, самостоятельность возможно усматривать как независимость субъекта предпринимательской деятельности от иных субъектов в принятии решений.

Достаточно близка нам является позиция В.В. Кваниной, которая рассматривает указанный признак в двух аспектах: материально-правовом и экономическом. Первый подразумевает, что субъект предпринимательской деятельности обладает правосубъектность, а второй, что он обладает имущественной самостоятельностью [6, с. 129].

Что касается такого признака как рисковый характер, то, мы считаем, что он заключается в том, что какие-либо негативные последствия неисполнения договорных обязательств, сторона несет самостоятельно. Некоторые ученые отмечают, что риск не является обязательным признаком предпринимательской деятельности. Однако, по нашему мнению, данное суждение ошибочно, поскольку предприниматель является самостоятельным субъектом и рассчитывает лишь на свои возможности, поэтому риск связан непосредственно с неполучением какого-либо дохода.

Так, например, предпринимательский риск можно определить как совокупность неблагоприятных последствий (коммерческих, технологических, инновационные, информационные и другие), а также самостоятельную имущественную ответственность (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Учитывая современность, такой признак как рисковый характер нельзя считать формальным, поскольку риски стали преследовать предпринимателей повсюду, начиная от технического прогресса до эпидемий, характеризующихся установлением на уровне государств запретов на осуществление отдельных видов экономической деятельности, ограничительными мерами для общества.

Систематическое получение прибыли как признак предпринимательской деятельности, по нашему мнению, содержит в себе две составляющие: получение прибыли как цель деятельности, и систематичность как характер такой деятельности.

Интересным, по нашему мнению, является вопрос получения прибыли некоммерческими организациями (далее – НКО) и самозанятыми гражданами.

Так, физическое лицо, не обладающее статусом индивидуального предпринимателя, но зарегистрированное в качестве самозанятого гражданина, согласно ст. 23 ГК РФ вправе заниматься определенными законом видами предпринимательской деятельности.

Однако, в отношении самозанятых граждан законодатель говорит не о получении прибыли, а о получении профессионального дохода. Данный термин определен в Федеральном законе от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» как доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества [7].

Таким образом, у самозанятых целью деятельности является получение дохода, а не прибыли. В связи с чем, по нашему мнению, вышеназванный ФЗ РФ противоречит нормам ст. 2 ГК РФ, устанавливающей понятие предпринимательской деятельности как систематической деятельности с получением прибыли, ст. 23 ГК РФ, позволяющей самозанятым гражданам заниматься предпринимательской деятельностью.

Что же касается систематического характера, то в данном случае подразумевается осуществление предпринимательской деятельности на постоянной основе.

Такой признак предпринимательской деятельности как деятельность по использованию имущества, продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, отмечается некоторыми учеными некорректным.

Так, например, А.Г. Быков отмечает, что определение предпринимательской деятельности в ГК РФ с учетом данного признака отражает только лишь приверженность к гражданскому обороту без учета связи с экономикой [4, с. 73]. Полагаем, что данный признак сужает сущность предпринимательской деятельности, поскольку развитие экономики и глобализация повлияла на появление многообразия видов предпринимательской деятельности в производственных, технологических, коммерческих, инновационных, интеллектуальных и других сферах жизнедеятельности общества, регулируемых не только ГК РФ, что свидетельствует о расширении цивилистических границ в регулировании предпринимательской деятельности.

Наличие государственной регистрации как признак предпринимательской деятельности ряд авторов считают формальным, основывая свою точку зрения на том, что указанный признак имеет значение лишь для индивидуальных предпринимателей.

Отметим, что Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в ст. 2 и 23 ГК РФ внесены изменения в части возможности осуществления гражданами отдельных видов деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [8]. С одной стороны, может показаться, что законодатель смягчил требование о наличии государственной регистрации предпринимателей, однако требование о государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности как было, так и осталось.

Необходимо также указать, что наряду с легальными признаками предпринимательской деятельности в литературе предложены и иные признаки. В данном случае речь идет о личностных характеристиках субъекта предпринимательской деятельности.

Так, например, Н.В. Рубцова справедливо отмечает, что анализ нравственно-этических качеств, общих личностных ценностей субъектов предпринимательской деятельности служит анализу ценности предпринимательства с точки зрения аксиологического подхода, согласно которому предпринимательская деятельность расценивается как общественное благо [9, с. 67]. Исходя из этого, отметим, что неучтенным в легальном определении предпринимательской деятельности является её социальный признак, поскольку предприниматели удовлетворяют не только свои потребности, направленные, например, на получение прибыли, но и потребности общества в создании и реализации материальных благ.

В свою очередь, О.М. Олейник выделяет профессионализм как один из признаков предпринимательской деятельности. Так, развитие уровня технологий и инноваций в современных реалиях, приводит к потребности в повышении имеющиеся или получения новой профессиональной квалификации, в частности это касается и субъектов предпринимательской деятельности. В связи с этим, профессионализм играет большую роль, поскольку именно от него зависит успешное ведение предпринимательской деятельности, как в экономическом, так и социальном плане.

Подводя итог проведенному исследованию категории «предпринимательская деятельность», отметим, что легальное универсальное определение носит цивилистический характер (ст. 2 ГК РФ). Данное законодателем определение в современных реалиях не отражает экономической, социальной, инновационной, а для некоторых субъектов и профессиональной сущности предпринимательства, ссужает перечень ее видов.

С учетом всего вышеизложенного, а также с целью единообразного применения закона, отнесение указанного определения к легальному, с учетом современных реалий, предлагается закрепить единую дефиницию «предпринимательской деятельности» следующим образом: «Предпринимательская деятельность – это вид социально-экономической деятельности, основанной на риске, инновационности, самостоятельности, инициативности, профессионализме, имеющей целью систематическое получение прибыли либо дохода в зависимости от вида субъекта предпринимательской деятельности, зарегистрированного в установленном порядке, если иное не предусмотрено законом».

Сделанная нами попытка в переосмыслении легальных и доктринальных признаков предпринимательской деятельности дает основания считать, что отдельные из них недостаточно раскрыты и нуждаются в дальнейшем детальном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd3351 – Дата обращения: 14.02.2023
2. Ермолова О.Н. К вопросу о признаках предпринимательской деятельности / О.Н. Ермолова // Предпринимательское право. 2014. – № 3. – С. 32-35.
3. Олейник О.М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике / О.М. Олейник // Предпринимательское право. 2013. – № 1. – С. 2-16.
4. Быков А.Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения / А. Г. Быков // М.: Стартап, 2013. С. 72.
5. Воронцов С.Г. Легальные признаки предпринимательской деятельности: проблемы терминологической определенности / С.Г. Воронцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. – №4. – С. 402-412.
6. Кванина В.В. Понятие и признаки предпринимательской деятельности / В.В. Кванина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2004. – №11. – Вып. 5. – С. 129-140.
7. Федеральный закон Российской Федерации «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональных доход» от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977 – Дата обращения: 14.02.2023
8. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22089 – Дата обращения: 14.02.2023
9. Рубцова Н.В. Правовая природа предпринимательской деятельности: аксиологический подход / Н. В. Рубцова // Журнал российского права. 2020. – №12. – С. 66-77.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND SIGNS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation. In this paper, the issue of the concept and signs of entrepreneurial activity is analyzed. The influence of globalization and innovation on the essence of entrepreneurial activity was noted, which indicates a narrow focus of the legal definition of entrepreneurial activity.

Keywords: entrepreneurial activity, the concept of entrepreneurial activity, signs of entrepreneurial activity, the essence of entrepreneurial activity

Tiurina A.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: tiurina02@mail.ru

УДК 347.45/.47

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА ПОРУЧЕНИЯ

Украинский Д.В.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения в законодательстве понятия договора поручения, а также проблемы его отличительных черт от договора возмездного оказания услуг. В тексте статьи рассмотрены юридические и фактические действия как индикаторы отличия договора поручения и возмездного оказания услуг, а также их значение в правоприменительной практике. Проводится анализ судебной практики Российской Федерации.
Ключевые слова: договор поручения, юридически значимые действия, фактические действия, договор возмездного оказания услуг.

На сегодняшний момент в обществе сформировался устойчивый институт поручительства. Крупные компании, мелкие предприниматели и другие граждане все чаще обращаются за юридической помощью в различные юридические фирмы, коллегии адвокатов; а нотариусы большинство своего рабочего времени помогают составлять и заверяют доверенности для представления интересов в самых разнообразных сферах жизни людей. Такая тенденция связана с развитием и усложнением законодательства, увеличением числа юридически подкованных специалистов, ростом всевозможных нюансов налогового и процессуального законодательства, требующего времени для освоения и применения. Перечисленные факторы заставляют все чаще обращаться к положениям главы 49 Гражданского кодекса РФ «Поручение», которая требует своего юридического совершенствования, в том числе в части самого предмета договора поручения.

В соответствии со ст. 971 ГК РФ [1] по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия. Примерами для применения такого договора на практике могут стать такие ситуации:

- обращение в юридическую консультацию для поручения одному из её адвокатов ведения его дела в суде;
- покупка товаров в кредит в аспекте поручения работниками своему предприятию перечислять суммы в счет погашения кредита;
- подача документов для государственной регистрации общества с ограниченной ответственностью;
- получение лицензии, патента, свидетельства и других правоустанавливающих документов.

По своей природе договор поручения схож с договором возмездного оказания услуг, по которому согласно ст. 779 ГК РФ исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Как утверждает Носикова А.А., Основным отличием этих договоров в научной юридической литературе считается различие действий, совершаемых поверенным и исполнителем соответственно [2, с. 2]. Для договора поручения это юридически значимые действия, а для договора возмездного оказания услуг – фактические действия. В чем же их существенная разница?

Юридические действия – такие действия лица, которые выражают его волю или совершаются по его вине и приводят к установлению, изменению и прекращению юридических отношений между этим лицом и другими лицами. Фактические действия – это действия, которые не влекут сами по себе правовых последствий.

Таким образом, все договорные обязательства рассматриваемых правоотношений делятся на 3 группы:

1) По оказанию услуг фактического характера. Это могут быть перевозки, хранение, составление определенного документа и т.п.;

2) По оказанию услуг юридического характера, примеры которых мы приводили выше;

3) Смешанного характера – которые включают в себя обязательства по совершению и фактических, и юридических действий.

Кротин А. считает, что с применением договора возмездного оказания услуг в первом случае и с применением договора поручения во втором случае все предельно ясно, а с правоотношениями по договорным обязательствам смешанного типа возникает ряд практических проблем [3, с. 24].

Рассмотрим несколько примеров, когда на практике зачастую применяется именно договор поручения. Таким договором оформляются правоотношения между какой-либо стороной в судебном разбирательстве и адвокатом, который будет представлять интересы этой стороны. Юридически значимыми действиями в этом случае будут: подписание и подача необходимых для защиты прав клиента исковых и иных заявлений, ходатайств, отзывов и т.п. Однако, мы понимаем, что параллельно с этим у адвоката возникает ещё целый ряд полномочий согласно закону: собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, консультировать клиента по вопросу его должного поведения в судебном заседании, возможные переговоры с другой стороной в деле. Все эти действия являются фактическими, но они все равно являются неотъемлемой частью договора поручения.

Другой пример – подача документов для государственной регистрации общества с ограниченной ответственностью. Его учредители могут поручить юридической фирме подать документы на государственную регистрацию в Федеральную налоговую службу. На практике оформление такого поручения обязательно должно подкрепляться выдачей нотариально заверенной доверенности на уполномоченных лиц, которые будут подавать пакет необходимых документов государственному регистратору, что требует даже больше времени, чем сам процесс подачи документов. Это значит, что в юридические фирмы учредители новых ООО обращаются не только с поручением подать документы государственному регистратору, но и подготовить таковые, т.е. Устав юридического лица, Протокол учредительного собрания или Решение единственного учредителя, а также Заявление на государственную регистрацию. Все вышеперечисленные действия являются фактическими, однако, на практике зачастую включаются в предмет договора поручения.

Вывод, который можно сделать при рассмотрении примеров применения договора поручения состоит в том, что ни одно поручение, которое заключается в совершении юридических действий, не может быть выполнено без фактических действий, во всяком случае, найти такой пример на практике довольно сложно.

Решетов Ю.С. замечает, что факт совершения юридического действия заключается в подписании какого-либо заявления, подаче его в уполномоченный орган, подписании расписок о получении документов, выдвижении письменных требований, ходатайств и так далее [4, с. 19]. Из этого следует два логических заключения:

1. По своей природе любое юридическое действие состоит в фактическом действии, которое отличается способностью порождать, изменять или прекращать юридические права и обязанности лиц.

2. Совершение любого юридического действия невозможно (или не имеет практической полезности) поручить другому лицу без поручения совершения им подготовительных фактических действий.

По природе рассмотренных выше ситуаций, возникающих в жизни, можно сказать, что при заключении договора поручения доверитель не ставит перед собой основной его целью переложить процесс подачи исков, заявлений и отзывов на адвоката, подать документы на государственную регистрацию без личного присутствия. Основной целью доверителя в таких ситуациях, как отмечает Нерсессов И. О., является правильная, профессиональная подготовка процессуальных документов компетентным лицом, решение спорных ситуаций путем переговоров с уполномоченными органами не лично, а через поверенного, что позволят не вникать во все юридические тонкости, при этом пользоваться всеми своими правами и обязанностями в полной мере [5, с. 24].

Таким образом, мы можем констатировать, что хотя в ГК РФ указано, что предметом договора поручения является совершение юридических действий, основной целью его заключения является совершение именно фактических действий.

Брагинский М.И. и Витрянский В.В. в свою очередь отмечают, что такое расхождение между фактическим умыслом субъектов права и их законодательным закреплением нередко порождает ряд правоприменительных проблем [6, с. 395].

На практике это приводит к ошибкам при заключении договора в части его природы. Рассмотрим следующий пример. Между физическим лицом и агентством недвижимости был заключен договор, который стороны назвали договором поручения. В ходе судебных разбирательств было определено, что в соответствии с его положениями агентство приняло на себя «обязанности в оказании услуг по оформлению документов на приобретение от имени и за счет доверителя жилого помещения в собственность доверителя». Однако, в договоре было четко указано, что именно доверитель должен был своевременно явиться по просьбе поверенного в уполномоченный орган и на подписание договора купли-продажи в Учреждении юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, оплатить вознаграждение поверенному за исполнение поручения. Это означает, что в договоре на поверенного не возлагались никакие обязательства по выполнению юридических действий. Кроме того, в предмете договора были перечислены фактические действия, которые должен был совершить поверенный: проконсультировать покупателя по всем интересующим его вопросам, связанным с передачей права собственности на недвижимость, оповестить доверителя по его требованию о ходе исполнения поручения, а также подготовить все необходимые документы для подписания договора купли-продажи недвижимого имущества и передать надлежащим образом оформленные документы непосредственно доверителю в день совершения сделки в учреждении. Никаких указаний на совершение сделок от имени доверителя договор не содержал. Более того, положения договора не предусматривали выдачу доверенности на совершение каких-либо юридических или представительских действий поверенным.

Таким образом, судом было установлено, что несмотря на наименование договора, существенные условия договора поручения он не содержал и по своей природе являлся договором возмездного оказания услуг [7].

В судебной практике можно найти и другой пример. Предметом спора стал договор между банком и коллегией адвокатов, согласному которому последняя приняла на себя обязанность по выполнению работы по взысканию денежных средств с должника во внесудебном порядке. За выполнение такого поручения банк обязан был выплатить коллегии вознаграждение в размере 10 % от суммы взысканных денежных средств. Коллегия адвокатов свои обязательства выполнила, что подтверждается заключенным между банком и должником договором об урегулировании долговых обязательств – заемщик сумму своего долга перечислил банку в полном объеме.

В свою очередь банк перед коллегией адвокатов свою обязанность по уплате вознаграждения не выполнил, что и стало поводом для подачи искового заявления коллегией.

Суд первой инстанции отказал в иске. Аргументом в отказе стал тот факт, что заключенный между банком и коллегией адвокатов договор был договором поручения. Поскольку договор поручения предполагает возложение на поверенного обязанности по совершению юридических действий, то и стороной договора об урегулировании долговых обязательств должна была быть коллегия адвокатов. Такой договор и подтверждал бы совершение коллегией юридически значимого действия и как следствие выполнение договора поручения. В данном же случае суд первой инстанции посчитал, что коллегия не вправе требовать от банка вознаграждение.

При рассмотрении дела в кассационной инстанции судом решение первой инстанции было отменено, а иск коллегии адвокатов удовлетворен. Суд подкрепил свою точку зрения тем, что фактически между сторонами был заключен договор возмездного оказания услуг, а не поручения. Поскольку указанные в договоре действия носили фактический характер, договор был признан договором возмездного оказания услуг по проведению переговоров с должником, составлению проектов мировых соглашений, договора об урегулировании долговых обязательств. Фактически такие услуги были выполнены и суд подтвердил обязанность банка по выплате вознаграждения коллегии адвокатов [8, с. 213].

Таким образом, в правоприменительной практике существует коллизия между фактическими правоотношениями, которые возникают между субъектами права, и формулировкой правовой нормы, которая закреплена в Гражданском кодексе. Мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 971 ГК РФ в следующей редакции:

«По договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические и фактические действия. Права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя».

Такое изменение решает следующие проблемы и не влияют негативно на некоторые аспекты договоров поручения и возмездного оказания услуг:

1. Не произойдет смешения указанных договоров, а наоборот – разница между ними станет четче. Индикатором для отнесения того или иного договора к поручению или оказанию услуг будут положения в предмете договора о возложении на поверенного обязанности на совершение юридически значимых действий. Более того, идентификатором вида договора все так же останется доверенность, которую доверитель по договору поручения обязан выдать в соответствии с ч. 1 ст. 975 ГК РФ.

2. Будет устранена коллизия между правоотношениями, которые стороны создают, заключая договор поручения, и фактическими целями его заключения. На примере выше мы увидели, что важным для стороны в суде, учредителя ООО, лица, которое намеревается продать недвижимость или банка являются в первую очередь фактические действия, совершаемые поверенным, а не юридические.

3. Будет соблюден и использован принцип свободы договора в гражданском праве. Расширяя перечень действий, которые могут быть поручены поверенному,

законодатель сможет реализовать принцип свободы договора и позволить субъектам гражданского права самостоятельно и без нарушения положений закона определять действия, которые должен совершить поверенный.

4. Позволит исключить некоторое количество судебных споров (подобных рассмотренным выше) в части определения вида гражданско-правового договора. Это поможет решать вопросы о сроках исполнения его сторонами, объема обязанностей, не закрепленных в самом договоре, но возникающих в силу положений ГК и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 07.01.2023). – Загл. с экрана.
2. Носикова А.А. Основные положения договора поручения и проблема разграничения его предмета от предмета договора возмездного оказания услуг / А.А. Носикова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2019. – С. 2-14.
3. Кротин А. Посреднические договоры / А. Кротин // Предприниматель без образования юридического лица. ПБОЮЛ. – 2009. – № 8. – С. 24-28.
4. Решетов Ю.С. Юридически значимое поведение / Ю.С. Решетов // Теория государства и права. – 2020. – С. 19-25.
5. Нерсесов И.О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве / И.О. Нерсесов // Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М., 1998. – С. 20-27.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья. – М.: Статут, 2005. – 572 с.
7. Решение Центрального районного суда г. Оренбурга по гражданскому делу № 2-2536/2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://centralny.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=311 (дата обращения: 07.01.2023). – Загл. с экрана.
8. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. – М., 2021. – 419 с.

ON THE ISSUE OF EXECUTION OF THE CONTRACT OF ASSIGNMENT

Annotation. This article discusses the issue of defining the concept of a contract of assignment in the legislation, as well as the problems of its distinguishing features from a contract for the provision of paid services. The text of the article considers legal and actual actions as indicators of the difference between the contract of assignment and the paid provision of services, as well as their significance in law enforcement practice. The analysis of judicial practice of the Russian Federation is carried out.
Keywords: contract of assignment, legally significant actions, actual actions, contract for the provision of paid services.

Ukrainskij D.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: bekar.2002@yandex.ru

УДК 347.45/.47

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ АУДИТОРСКИХ УСЛУГ

Уткина Д.С.
Научный руководитель: Финкина А.П., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения договора возмездного оказания услуг, раскрываются основные понятия, а также проведен анализ правового регулирования в отношении возмездного оказания аудиторских услуг. В тексте научной статьи представлены проблемы, связанные с оказанием данного вида возмездных услуг, а также рассматривается вопрос о возникновении

ответственности сторон в случае некачественного исполнения возложенных на них обязательств. На основании возникших проблем в законодательстве проводится анализ судебной практики.
Ключевые слова: аудит, аудиторская деятельность, некачественный аудит, ответственность, убытки.

В данной статье мы решили детально рассмотреть вопрос ответственности сторон договора возмездного оказания аудиторских услуг, так как считаем, что именно в данной части договора возникают существенные проблемы, которые требуют правильного решения. Целью данной научной статьи является анализ гражданского законодательства, а также судебной практики для выявления основных проблемных аспектов по договору оказания аудиторских услуг.

Возмездное оказание аудиторских услуг является разновидностью договора возмездного оказания услуг, поэтому для того, чтобы в полном объеме раскрыть выбранную нами тему, считаем целесообразным начать данное исследование с определения основных понятий, касающихся возмездного оказания услуг в общем.

Для начала мы можем сказать, что в современном мире наблюдается стремительный рост сферы услуг, который охватывает достаточно большой круг различных видов деятельности, главной целью которых является удовлетворение личных потребностей каждого человека и гражданина, нужд производства, а также потребностей всего общества в целом.

Следует указать, что именно услуги занимают важное место в обязательственных отношениях. Необходимо обратить внимание на то, что услуги, оказываемые в рамках рассматриваемого нами договора, в повседневной жизни имеют важное значение в условиях рыночной экономики, а также в развитии коммерческой деятельности. Отношения, связанные с возмездным оказанием услуг, активно развиваются в современном обществе, приобретая новые правила регулирования и поэтому на практике можно столкнуться с некоторыми проблемами при заключении данного договора.

В рамках данной темы хотелось бы обратить внимание на то, что главной целью договора возмездного оказания услуг является удовлетворение исполнителем потребностей и нужд заказчика.

Договор возмездного оказания услуг является гражданско-правовым договором, которому в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) посвящена целая глава. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 779 ГК РФ [1] по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В соответствии с ч. 2 ст. 779 ГК РФ говорит о том, что правила главы ГК РФ, регулирующие договор возмездного оказания услуг, относится также к договору оказания аудиторских услуг. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при оказании аудиторских услуг заключается договор возмездного оказания услуг. Однако, ознакомившись с некоторыми мнениями различных ученых, мы можем сказать, что не все согласны с такой правовой природой рассматриваемых нами услуг.

Так, такие авторы, как Скворцова Т.А. и Воронцова Ю.А. [2, с. 99] считают, что обязательства возникающие в процессе оказания аудиторских услуг можно отнести к одному из видов обязательств при выполнении работ.

В свою очередь Я. В. Соколов [3, с. 105] считает, что договор оказания аудиторских услуг содержит все элементы подряда, т.е. работа – это независимая проверка, а ее результат – это аудиторское заключение.

Однако, большинство ученых всё же связывают обязательства, возникающие при заключении договора аудиторских услуг с договором возмездного оказания услуг. Также и в судебной практике говорится о том, что аудиторские услуги являются частью договора возмездного оказания услуг.

Рассматривая различные мнения ученых касаемо правовой природы аудиторских услуг обратимся также к мнению А.А. Марьиной [4, с. 47], которая в своей работе считает, что при заключении договора аудиторских услуг заключается не один вид договора, а два: договор на проведения аудита и договор на оказание сопутствующих аудиту услуг. Автор указывает на то, что договором на проведение аудита выступает соглашение, в результате которого исполнитель по заданию заказчика производит аудит и по его окончанию предоставляет аудиторское заключение, а заказчик в свою очередь обязуется оплатить проведение такого аудита. Договором на оказание сопутствующих аудиту услуг она называет соглашение, в результате которого исполнитель по заданию заказчика оказывает сопутствующие аудиту услуги, а заказчик в свою очередь обязуется принять их и предоставить соответствующую плату.

В настоящий момент правовые основы аудиторской деятельности определяются следующими документами:

– ФЗ «Об аудиторской деятельности» № 307-ФЗ от 30.12.2008 г.;

– ФЗ «О саморегулируемых организациях» № 315-ФЗ от 01.12.2007 г.;

– ФЗ «Об аудиторской деятельности» № 119-ФЗ от 07.08.2001 г.;

– Постановления Правительства РФ по вопросам осуществления аудиторской деятельности;

– Нормативные и методические документы Министерства Финансов РФ, а также других министерств и ведомств;

– Правила (стандарты) аудиторской деятельности.

В соответствии с ч. 3 ст. 9 ФЗ «Об аудиторской деятельности» [5] (стандарты) обязательны для всех аудиторов. Впрочем, как и любой иной нормативно-правовой акт, они также обязательны и для заказчиков (аудируемых лиц).

Так как мы рассматриваем основные понятия договора возмездного оказания аудиторских услуг, считаем, что необходимо выделить конкретно, что представляет собой термин «аудит». Аудит – это в переводе с латинского языка «слушание», он применяется для обозначения проверки или ревизии. В ФЗ «Об аудиторской деятельности» дается определение аудита как независимой проверки бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о ее достоверности.

В свою очередь аудиторская деятельность представляет собой предпринимательскую деятельность специальных субъектов по осуществлению независимых вневедомственных проверок бухгалтерской (финансовой) отчетности, платежно-расчетной документации, налоговых деклараций и прочих финансовых обязательств, и требований экономических субъектов, а также оказанию других аудиторских услуг [6, с. 59].

О.Г. Лазаренкова и Е.Ю. Каргина [7, с. 64] отождествляют понятия «аудиторские услуги» и «аудит», так как они называют аудиторские услуги возмездной деятельностью аудитора по независимой проверке финансовой отчетности, тем самым отождествляют понимание аудиторских услуг с аудитом. Аудиторская деятельность при этом носит более широкий характер.

Субъектами договора возмездного оказания аудиторских услуг выступают исполнитель и заказчик. Исполнителем по данному договору выступает аудиторская организация или аудитор. В соответствии со ст. 4 ФЗ «Об аудиторской деятельности» в качестве аудиторской организации коммерческая организация, в полномочия которой входит проведение аудиторских проверок и оказание сопутствующих аудиту услуг. Она может быть создана в любой организационно-правовой форме, за исключением открытого акционерного общества. Статьей 12 ФЗ «Об аудиторской деятельности» установлен перечень аудиторских организаций и аудиторов, которые не могут оказывать аудиторские услуги.

Заказчик, в соответствии с ч. 1 ст. 779 ГК РФ обращается к исполнителю с заданием и берет на себя обязанность оплатить оказанные ему услуги. В данном случае можно проследить некоторое отличие договора оказания аудиторских услуг от самого договора возмездного оказания услуг, так как в первом заказчик не вправе устанавливать аудитору ограничения на объем работ по заданию, поскольку это может привести к отказу аудитора от выражения мнения о достоверности отчетности.

В ФЗ «Об аудиторской деятельности» нет четкого определения того, кто именно может выступать в качестве заказчика при возмездном оказании аудиторских услуг. Им может быть как само «аудируемое лицо», так и собственник аудируемого лица, а также государственный орган, который даёт задание на проведении аудиторской проверки.

В качестве аудируемого лица может выступать организация или индивидуальный предприниматель, чья финансовая отчетность подлежит независимой проверке в целях выражения мнения о ее достоверности. Однако заказать и оплатить услуги имеет право любой собственник аудируемого лица, даже который владеет минимальной долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или некоторым количеством акций акционерного общества, при условии, что у него возникнут сомнения в достоверности данных, представленных на утверждение общему собранию.

Таким образом, мы можем сказать, что далеко не в каждом договоре на оказание аудиторских услуг заказчик и аудируемое лицо являются одним и тем же субъектом. В соответствии с 4 ст. 6 Закона ФЗ «Об оказании аудиторских услуг» аудитор имеет обязанность передавать аудиторское заключение только аудируемому лицу либо лицу, заключившему договор на оказание аудиторских услуг. В ст. 14 данного закона также содержится разграничение данных понятий и определяются в отдельности права и обязанности аудируемого лица или лица, заключившего договор.

Предметом договора возмездного оказания аудиторских услуг является проведение аудита или оказание сопутствующих аудиту услуг.

Таким образом, по договору возмездного оказания аудиторских услуг исполнитель принимает на себя обязанность оказать аудиторские услуги, а заказчик в свою очередь обретает обязанность оплатить эти услуги. Однако, в гражданском законодательстве не содержится четкого урегулированного понятия термина «договор возмездного оказания аудиторских услуг», поэтому считаем, что не будет лишним дополнить ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» следующим определением: договор возмездного оказания аудиторских услуг представляет собой соглашение, при заключении которого исполнитель, в качестве которого может выступать аудиторская организация или индивидуальный аудитор, обязуется по заданию заказчика оказать аудиторские услуги, а заказчик, которым является аудируемое лицо или иное заинтересованное лицо обязуется предоставить всю необходимую информацию исполнителю для оказания аудиторских услуг, а также оплатить аудиторские услуги.

Как уже было упомянуто ранее, после проведения аудиторской проверки, аудитор должен составить аудиторское заключение, которое представляет собой специальный публичный документ, размещающийся на сайтах организации для того, чтобы любое физическое и юридическое лицо могло ознакомиться с результатами проведенной проверки и, возможно, принять важное для себя решение.

Вопрос ответственности аудитора при возмездном оказании аудиторских услуг является самой важной проблемой рассматриваемого нами договора.

Аудитор, кроме основных обязанностей выполнить задание заказчика, имеет также обязанность предоставить качественные аудиторские услуги, так как в противном случае он может быть привлечен к ответственности за оказание некачественных аудиторских услуг.

Некачественный аудит представляет собой, по мнению С.А. Топчиевой [8, с. 275], тот факт, что аудитор при проведении проверки не выявил существенные нарушения в ведении бухгалтерского и налогового учёта, которые в итоге были обнаружены налоговыми органами в результате чего на организацию, которой были оказаны аудиторские услуги, наложены определенные санкции.

Также некачественный аудит может выражаться и в том, что аудитор не сообщает аудируемому лицу о наличии определённых проблем, которые были выявлены в ходе проведения проверки.

В соответствии ч. 1 ст. 393 ГК РФ убытки, которые заказчик понес в результате решения, содержащегося в аудиторском, он имеет право предъявить к аудитору или аудиторской организации, заявив иск о некачественном исполнении аудитором своих обязанностей по договору оказания аудиторских услуг и выдаче недостоверного (и даже заведомо ложного) аудиторского заключения.

Обращаясь снова к ГК РФ, считаем необходимым дать определение термину «убытки» для того, чтобы в дальнейшем четко понимать за что может наступить ответственность.

Под убытками понимается расходы, которые пострадавшее лицо произвело или должно будет произвести для восстановления своего нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также упущенную выгоду. Таким образом, мы уже определили, что в результате оказания некачественных аудиторских услуг заказчик имеет право подать иск против аудитора для того, чтобы второй возместил первому все понесённые убытки в результате своей ненадлежащей работы.

Однако, встретившись с такой ситуацией на практике можно сделать вывод о том, что не всё так однозначно. Суд в свою очередь, может удовлетворить требования истца, но только в том, случае, если он сумеет доказать некоторые обстоятельства, а именно:

– наличие и размер убытков, которые заказчик понёс или понесёт в будущем;

– реальный факт нарушения требований и стандартов, предъявляемых к аудиту;

– наличие причинной связи между убытками и действиями аудитора.

То есть мы должны понимать, что на практике доказать, что установленные в стандартах требования к качеству аудиторских услуг не выполнены, довольно тяжело.

Обращаясь к судебной практике, мы можем также сформулировать вывод о том, что ситуации, при которых было доказано действительное нарушение аудиторами требований, предъявляемых к качественному оказанию аудиторских услуг, в результате чего клиентам были возмещены реальные убытки в последние годы отсутствует. Это связано с тем, что действительно очень проблематично доказать обстоятельства, свидетельствующие о реальном наличии таких нарушений, а также данная процедура может занять слишком много времени для того, чтобы доказать действительный факт нарушения обязательств аудитором и установление причинно-следственной связи между фактом ошибки и фактом возникновения у клиента или третьей стороны убытков.

В ходе написания данной научной статьи мы ознакомились с Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 8 февраля 2010 г. № КГА40/15000-09 по делу N А40-37227/09-21-184 [9], в котором между ООО «СетьПроектУрал» и ЗАО «Аудит – Деловые консультации» был заключен договор возмездного оказания аудиторских услуг.

В результате проведенной проверки ЗАО «Аудит – Деловые консультации» было составлено аудиторское заключение. Однако, ООО «СетьПроектУрал» не согласилось с решением, которое было представлено в аудиторском заключении и отказалось оплатить оказанные услуги, так как, по их мнению, аудиторское заключение не соответствует действующему законодательству.

В свою очередь ЗАО «Аудит – Деловые консультации» обратилось в суд с требованием о взыскании задолженности по договору оказания аудиторских услуг, на что ответчик заявил, что истец не выполнил в должном объеме своих обязательств и просил признать оказанные ему услуги некачественным аудитом.

Суд рассмотрел доводы истца и ответчика и решил удовлетворить требование о взыскании задолженности по договору оказания аудиторских услуг, поскольку ответчиком не оплачены выполненные истцом надлежащим образом аудиторские услуги, и отказал в удовлетворении встречного иска, поскольку ответчиком не представлено доказательств причинения ему убытков в результате действий истца.

Таким образом, при возникновении подобных ситуаций для того, чтобы решить проблемы заказчиков в плане признания оказанных аудиторских услуг некачественными необходимо заявить ходатайство, в котором будет содержаться требование о проведении судебной экспертизы с целью сбора всех необходимых доказательств, что позволит в итоге привлечь эксперта, который проверит все представленные аудитором документы и заключения на соответствие специальных требований, предъявляемых к качеству аудиторских услуг, содержащихся в нормативно-правовых актах.

Заключение эксперта в ходе проведения проверки позволит проанализировать все решения аудитора, а также установить исполнение им всех требований законодательства и аудиторских стандартов при проведении конкретной проверки, а в случае выявления нарушений – определить действительную величину убытков потерпевшего лица по причине некачественного аудита.

Таким образом, в завершении данного научного исследования, следовало бы сказать, что несмотря на сложность доказывания оказания некачественных аудиторских услуг в судебной практике такие споры в любом случае возникают, поэтому мы считаем, что было бы правильным на законодательном уровне закрепить тот факт, что объем выплачиваемых штрафных санкций заказчиком должен быть больше нежели объем гонораров, которые получают аудиторы в результате оказания ими аудиторских услуг. По нашему мнению это позволит сделать отношения, возникающие при заключении договора возмездного оказания аудиторских услуг более дисциплинированными и повысит взаимное обязательство сторон и в плане оказания услуг исполнителем, и в плане их оплаты самим заказчиком, что в свою очередь позволит уменьшить количество судебных споров, связанных с ответственностью сторон в результате ненадлежащего исполнения каждым, возложенных на них обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 10.01.2023). – Загл. с экрана.

2. Скворцова, Т. А. Договор на оказание аудиторских услуг как разновидность договора возмездного оказания услуг / Т. А. Скворцова, Ю. А. Воронцова // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина: Материалы Второй Всероссийской национальной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12–13 декабря 2019 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 97-100.

3. Соколов Я. В. Основы аудита: учебник / под ред. Я.В. Соколова. – М.: Бухгалтерский учет, 2000. – 234 с.

4. Марьина А.А. Субъекты аудиторской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 187 с.

5. Об аудиторской деятельности: Федеральный Закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83311 (дата обращения: 10.01.2023). – Загл. с экрана

6. Маевская, Е. Н. Договор об оказании аудиторских услуг / Е. Н. Маевская // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – № 6. – С. 57-61.

7. Лазаренкова, О. Г. Договор на оказание аудиторских услуг: теория и практика / О. Г. Лазаренкова, Е. Ю. Каргина // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2011. – № 2(11). – С. 59-70.
8. Топчиева, С. К. Особенности и пределы ответственности исполнителя по договору оказания аудиторских услуг / С. К. Топчиева, А. К. Шульга // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 271-278.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 8 февраля 2010 г. N КГА40/15000-09 по делу N А40-37227/09-21-184 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/5762469 (дата обращения:10.01.2023). – Загл. с экрана.

RESPONSIBILITY UNDER THE AGREEMENT FOR PAID AUDITING SERVICES

Annotation. This article discusses the main provisions of the contract for the provision of services for a fee, reveals the basic concepts, and analyzes the legal regulation in relation to the provision of audit services for a fee. The text of the scientific article presents the problems associated with the provision of this type of paid services, and also considers the issue of liability of the parties in case of poor performance of their obligations. Based on the problems that have arisen in the legislation, an analysis of judicial practice is carried out.
Keywords: audit, audit activity, low-quality audit, liability, losses.

Utkina D.
Scientific adviser: Finkina A.P., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: dashuta-31@mail.ru

УДК 347.963

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНОГО ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Фарафонова В.Ю.
Научный руководитель: Бондарь А.В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе рассматриваются общие положения транспортных прокуратур и их правовое регулирование в системе органов прокуратуры Российской Федерации. Раскрыта специфика деятельности транспортного прокурора в гражданском процессе. Предложен поиск новых форм и методов реализации полномочий, максимальное использование процессуальных возможностей, цифровизация судебной системы, эффективное сотрудничество с территориальными прокурорами.
Ключевые слова: транспортная прокуратура, специализированная прокуратура, гражданское судопроизводство, прокурор, арбитражный процесс.

На сегодняшний день, одними основных частей системы прокуратуры Российской Федерации, являются специализированные прокуратуры, а именно: военная, природоохранная, транспортная прокуратура, прокуратура по надзору на особо режимных объектах и т.д. Исходя из темы нашей статьи, следует обратить особое внимание на транспортную прокуратуру [1, с. 197-201].

С момента воссоздания системы транспортных прокуратур в Российской Федерации прошло шестнадцать лет. Данная система подтвердила свое, так называемое «право на жизнь» делами, эффективностью, и достигнутыми результатами, что и наделяет статью несомненной актуальностью [2, с. 93-98].

Транспортная прокуратура является государственным правоохранительным органом Российской Федерации, который осуществляет надзор за соблюдением законодательства и расследование преступлений, совершенных на железнодорожном, водном, воздушном транспорте. Тем самым, относясь к одному из виду специализированных прокуратур РФ.

Источником правового регулирования транспортного прокурора признается Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 [3] (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»). Касаемо вопроса о полномочиях транспортного прокурора, то автор Журавлева К.А., под ними понимает совокупность прав и обязанностей, которые необходимы для осуществления функций органов прокуратуры [4, с. 67-70].

Выделим основные полномочия транспортного прокурора:

1. Прокурорский надзор за исполнением положений Конституции Российской Федерации, проверка соответствия деятельности закона со стороны органов транспортного управления;

2. уголовное преследование, осуществляемое по таким категориям дел как:

– преступления, которые относятся к транспортным организациям и непосредственно к самому транспорту;

– преступления, совершенные по халатности или за не надлежащем выполнением должностных полномочий лицом транспортной организации;

– преступления, нарушающие правила движения на транспорте (транспортный прокурор участвует как в досудебном производстве, так и в судебном производстве);

3. взаимодействие со средствами массовой информации;

4. рассмотрение обращений от граждан в сфере транспорта при нарушении законодательства;

5. взаимодействие с прокурорами субъектов Российской Федерации, совместная координация деятельности по борьбе с правонарушениями в стране;

6. участие в судебном разбирательстве гражданских и арбитражных дел;

7. участие в разбирательстве административных дел, а также дел, которые касаются таможенной сферы;

8. проведение проверок таможенных органов.

Генеральная прокуратура Российской Федерации, Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах, выполняют контрольные функции за исполнением деятельности органов транспортных прокуратур.

Транспортные и другие специализированные прокуратуры, имеются в каждом федеральном округе Российской Федерации, в таких как: Центральный, Приволжский, Дальневосточный, Сибирский, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Уральский и Южный федеральные округи.

К примеру, Западно-Сибирская транспортная прокуратура, производит свою деятельность в пределах территории девяти субъектов Российской Федерации из двенадцати, входящих в Сибирский федеральный округ. То есть, можно заметить, что поднадзорная прокуратуре территория превышает территорию Центрального, Приволжского и Южного федеральных округов вместе взятых. При этом в составе прокуратуры всего 16 районных транспортных прокуратур. Исходя из этого, был поставлен дискуссионный вопрос, об эффективной организации деятельности транспортных прокуроров в системе федеральных судов при поддержании заявленных требований [5, с. 67-72].

Значительная часть усилий транспортных прокуратур, направлены на защиту прав и свобод граждан и организаций на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта (учреждения, предприятия прямо либо косвенно связанных с деятельностью транспорта), транспортной безопасности, соблюдение законодательства по организации перевозок, соблюдение законности правоохранительными и контролирующими органами на транспорте, таможенными органами.

Структура судебной власти основывается на административно-территориальном делении, такой же принцип положен в основу организации деятельности прокуроров субъектов Российской Федерации.

Межтерриториальный принцип работы транспортного прокурора любого уровня определяет специфику ее организации с учетом особенностей реализации прокурором процессуальных полномочий в судах.

В какой то мере, данный вопрос был урегулирован организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а именно Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 12.10.2007 № 167 «Об организации взаимодействия территориальных и транспортных прокуроров при реализации полномочий в гражданском и арбитражном процессе» [6] (далее – Приказ № 167) и Приказом Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 [7] «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (далее – Приказ №2), они дают возможность транспортным прокурорам, в случае направления исков, заявлений в суды, удаленные на далекое расстояние от местонахождения транспортных прокуратур, воспользоваться помощью территориальных прокуроров.

Транспортными прокурорами полномочия в данной сфере используются с учетом специфики складывающихся между субъектами транспортной инфраструктуры правоотношений и особенностей поднадзорных объектов. Для подготовки исковых заявлений от транспортных прокуроров требуется надлежащее изучение законодательства и владение методиками проверок в различных сферах надзора, особенно тех, которые присущи именно транспортным прокурорам.

Вместе с тем нередки случаи, когда предмет заявленного иска связан с узкими познаниями в технической сфере, в сфере таможенного регулирования. В таких случаях обеспечить качественное поддержание иска и добиться положительного результата возможно только силами транспортного прокурора, его подготовившего. По этой причине районные транспортные прокуроры ориентированы на максимальное использование процессуальных полномочий для реализации возможности личного участия в инициированном судебном споре.

Во-первых, обязательное применение альтернативной подсудности (то есть подсудности по выбору истца – ст. 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ [8] (далее – ГПК РФ) и ст. 24 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ [9] (далее – КАС РФ)), если таковая допускается предметом спора (иски в защиту трудовых прав, прав потребителей, связанные с деятельностью филиалов юридических лиц).

Ежегодно довольно большое количество исков и заявлений направляется транспортными прокурорами в суды в связи с выявленными нарушениями закона в деятельности ОАО «Российские железные дороги», юридическим адресом которого является г. Москва.

Применение альтернативной подсудности позволяет направлять заявления в суды, расположенные на поднадзорной территории по месту нахождения филиалов ОАО «Российские железные дороги» – Западно-Сибирской и Красноярской железных дорог (города Новосибирск и Красноярск).

Однако, когда выявленные нарушения связаны с деятельностью структурных подразделений железной дороги, не входящих в состав филиала, предъявление иска по общим правилам подсудности возможно только по месту нахождения ответчика – в Мещанский районный суд г. Москвы.

Чтобы реализовать возможность личного поддержания заявленных требований, транспортные прокуроры одновременно с направлением иска заявляют ходатайство в порядке ст. 33 ГПК РФ о передаче дела в суд по месту нахождения большинства доказательств.

Обязательным условием для удовлетворения такого ходатайства является его поддержание стороной ответчика. Пока удается убедить в этом юридическую службу

ОАО «РЖД». Ходатайства удовлетворяются, гражданские дела возвращаются обратно в суды по месту нахождения транспортных прокуроров, предъявивших иск.

Такая практика позволяет обеспечить качественное поддержание заявленных требований и положительный результат по 70 предъявленному иску, но, к сожалению, увеличивает время рассмотрения судебного спора.

Во-вторых, дистанционное поддержание заявленных требований в удаленных судах с помощью использования систем видеоконференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ и ст. 142 КАС РФ).

Вместе с тем, несмотря на активное внедрение в последние годы в судебной системе современных технических методов связи и обмена информацией, заявленные транспортными прокурорами ходатайства об участии в судебном заседании путем использования видеоконференц-связи (а их было несколько десятков) не нашли поддержки в районных судах и были отклонены.

На территории Западной Сибири в настоящее время дистанционное участие транспортный прокурор может реализовать только в судебных заседаниях арбитражных судов кассационной инстанции.

Еще одним проблемным моментом в работе является то, что в разных субъектах Российской Федерации судебные органы апелляционной и кассационной инстанций могут иметь диаметрально противоположное мнение по одному и тому же правоприменительному вопросу, что затрудняет формирование единой надзорной практики для всех транспортных прокуроров районного звена.

Показательным является случай, когда судебные инстанции Томской области отказали в удовлетворении искового заявления транспортного прокурора о понуждении международного аэропорта г. Томска выполнить требования закона и оснастить аэропортовую службу авиационной безопасности оружием, в то время как в остальных регионах такие требования в отношении аэропортов были удовлетворены.

Приказом № 167, учитывая объективные возможности транспортной прокуратуры, обязанность по обеспечению участия в судах апелляционной инстанции возложена на территориальных прокуроров.

Тем не менее транспортная прокуратура, обеспечивая устойчивость состоявшихся судебных актов по предъявленным искам, не остается в стороне. И даже там, где требования прокурора удовлетворены, но решение обжалуется другими участниками процесса, прокуроры, предъявившие иск, обеспечивают участие в его поддержании в суде второй инстанции. Такой порядок закреплен организационно-распорядительными документами Западно-Сибирского транспортного прокурора. Конечно, такая практика применяется только по наиболее сложным и важным искам.

Ст. 11 ФЗ «О прокуратуре РФ», предусматривая в системе органов прокуратуры наряду с прокуратурами субъектов Российской Федерации также военные и иные специализированные прокуратуры, в том числе транспортные, наделяет специализированных прокуроров тем же объемом прокурорских прав и полномочий, что и прокуроров территориальных.

В отношении полномочий прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ» содержит сведения о том, что они определяются процессуальным законодательством Российской Федерации.

ГПК РФ и КАС РФ содержат определенные изъятия в объеме процессуальных прав транспортных прокуроров в сравнении с территориальными при обеспечении участия в суде кассационной инстанции.

Так, ст. 377 ГПК РФ и 318 КАС РФ наделяют правом на обращение с представлениями о пересмотре вступивших в законную силу судебных постановлений территориальных и военных прокуроров; иные специализированные прокуроры в указанных нормах не звучат.

В то же время арбитражное процессуальное законодательство (ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ [10] (далее – АПК РФ)), регулируя объем процессуальных прав прокурора как участника процесса, упоминает не только о прокурорах субъектов Российской Федерации, но и о приравненных к ним прокурорах, чем уравнивает процессуальные права в арбитражном судопроизводстве всех прокуроров регионального уровня.

В связи с этим, на наш взгляд, возникает вопрос о необходимости усовершенствования процессуального закона, приведении его в соответствие с существующей системой органов прокуратуры.

Это обусловливается в том числе необходимостью обеспечения разумных сроков отправления правосудия.

На данный момент, обжалование вступивших в законную силу судебных актов осуществляется Западно-Сибирской транспортной прокуратурой посредством направления проекта кассационного представления прокурору субъекта Российской Федерации по месту нахождения суда кассационной инстанции.

Приказом № 2, в целях соблюдения процессуального срока на обжалование судебного постановления проект кассационного (надзорного) представления, наблюдательное производство и заверенные копии судебных постановлений направлять в срок, не превышающий одного месяца со дня вступления последнего из обжалуемых судебных постановлений в законную силу.

Географический фактор определяет значительные временные затраты на пересылку материалов и рассмотрение проекта, поэтому уложиться в рамки отведенного срока очень сложно. В случаях, когда кассационное представление отклонено судом, определенное время затрачивается также на возвращение материалов из прокуратуры субъекта. В итоге на момент направления проекта кассационного представления в Генеральную прокуратуру Российской Федерации оставшийся срок на кассационное обжалование является, как правило, незначительным, а шансы восстановить нарушенные права уменьшаются.

Приказ № 2, закрепил территориальный принцип деятельности подчиненных прокуроров в судах, установив, что в рассмотрении судами гражданских и административных дел участвуют, как правило, прокуратуры соответствующего уровня и иные специализированные прокуратуры по месту нахождения суда, в производстве которого находится дело.

Это обстоятельство в определенной мере способствовало оптимизации работы транспортных прокуроров по обеспечению участия в делах обязательной категории (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ и ч. 7 ст. 39 КАС РФ), исключив обязанность участия в удаленных судах.

Тем не менее споров, в которых транспортные прокуроры принимают обязательное участие, немало и их количество ежегодно растет.

Так, если в 2014 г. транспортные прокуроры дали заключение по 72 делам, то в 2017 г. – по 129. В подавляющем большинстве случаев это были споры двух категорий – о восстановлении на работе и возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью травмированных лиц.

Конечно, в сравнении с территориальными прокуратурами эта цифра не выглядит значительной, однако отсутствие у транспортного прокурора (на правах районного) «собственного» суда и помощников, осуществляющих участие в судах, побуждают нас поднять вопрос о внесении изменений в организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, закрепив эти полномочия за территориальными прокурорами.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что на данном этапе развития нашего общества, поиск новых форм и методов реализации полномочий,

максимальное использование процессуальных возможностей, цифровизация судебной системы, эффективное сотрудничество с территориальными прокурорами, всегда будут работать на повышение качества и эффективности деятельности транспортного прокурора в суде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иваненко, К. В. Состояние и правовое регулирование транспортной безопасности в Российской Федерации, роль органов прокуратуры в данной сфере / К. В. Иваненко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 197-201.
2. Участие прокурора в гражданском и арбитражном процессе: сб. материалов семинара по обмену опытом / [ред. коллегия Н.Н. Карпов, О.В. Смирнова, А.В. Савельева]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – С. 93-98.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (с изм. и доп. от 20.10.2022 г. №399-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – №8. – Ст. 366.
4. Журавлева К.А. Правовой статус и полномочия транспортного прокурора // Инновационная наука. – 2021. – №11-2. – С. 67-70.
5. Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сб. материалов круглого стола (Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Субановой; сост. и науч. ред. М.В. Маматов, О.В. Боброва; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – С. 67-72.
6. Приказ Генпрокуратуры России «Об организации взаимодействия территориальных и транспортных прокуроров при реализации полномочий в гражданском и арбитражном процессе» от 12.10.2007 № 167 // Официальный интернет-портал правовой информации
7. Приказ Генпрокуратуры России «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» от 11.01.2021 № 2 // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 19.10.2022.
8. Кодекс Российской Федерации «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 29.12.2022.
9. Закон Российской Федерации «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 29.12.2022.
10. Кодекс Российской Федерации «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 29.12.2022.

Farafonova V.
Scientific adviser: Bondar A.V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: farafonovavioletta03@mail.ru

УДК 347.135

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОНОРСТВА И ТРАНСПЛАНТАЦИИ КЛЕТОК, ТКАНЕЙ И ОРГАНОВ ЧЕЛОВЕКА

Филин М.В.
Научный руководитель: Гулина С.Н., ст.преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Вопрос трансплантации тканей и органов человека возникали с появлением медицины, но достаточное развитие получили лишь в конце XX века. В связи с тем, что рассматриваемая наука является новой и малоизученной, в правовой сфере возникает не мало проблем с урегулированием донорства и трансплантации органов. Например, должен нести врач ответственность за проведение операции с органами, полученными незаконным путем? Какой способ получения органов будет являться

законным, а какой противоправным? Этично использовать органы умерших в целях изучения и донорства или нет?
Ключевые слова: донорство органов, трансплантация органов, объекты трансплантации, социальные гарантии доноров, ответственность за незаконные действия по изъятию органов.

В Российской Федерации вопросы получения и распределения органов и тканей регулирует Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы «О дальнейшем совершенствовании организации оказания трансплантологической помощи в городе Москве» от 31.08.2012 №946. Данный нормативный акт является региональным и распространяет свое действие на такие органы, как: сердце, печень, почки, легкие, кишечник и поджелудочная железа.

Согласно п. 5 Приказа Департамента здравоохранения г. Москвы «О дальнейшем совершенствовании организации оказания трансплантологической помощи в городе Москве» от 31.08.2012 №946., отбор больных на трансплантацию производится лечебным учреждением по заключения специалиста-трансплантолога, которое он составляет на основании истории болезни пациента, осмотра и дополнительного обследования (если присутствует необходимость установить расположенность к трансплантации).

Пункт 9 Приказа Департамента здравоохранения г. Москвы «О дальнейшем совершенствовании организации оказания трансплантологической помощи в городе Москве» от 31.08.2012 № 946 предусматривает возможность изъятия органа (или его части) у живых доноров (например, у родственников). Осуществимость данного действия определяется врачебным советом в состав, которого входит: лечащий врач, анестезиолог-реаниматолог, хирург-трансплантолог и врачи иных специальностей при необходимости. Решение об использовании живых доноров выносится исходя из истории болезни, и оформляется в форме медицинского заключения.

Госпитализация донора и реципиента (в медицине так называют людей, которым переливают кровь или пересаживают ткань и/или орган другого человека) [1] для проведения операции по трансплантации органов и/или тканей проводят в платном порядке (согласно графику), либо в экстренном (в течении 24 часов). Экстренность или плановость операции зависит от медицинских показаний реципиента [2].

Так, трансплантация органов возможна только в том случае, если иные методы лечения являются неэффективными и могут восстановить или сохранить здоровье и/или жизнь пациента.

Закон не допускает изъятие органов и тканей у живого человека, который не достиг 18-летнего возраста, но в качестве исключения данное возможно в случаях пересадки костного мозга.

Трансплантация допускается от дееспособного совершеннолетнего лица при наличии от него добровольного согласия на донорство. В случае, если реципиентом является недееспособное лицо, которое в силу своих физиологических или психологических особенностей не может предоставить согласие на пересадку тканей, за него такое согласие могут дать родители (достаточно согласия одного) либо его законные представители.

Помимо вышесказанного, граждане могут самостоятельно давать согласие или несогласие на использование их тел после их смерти для дальнейшей трансплантации органов. В случае, если лицо по каким-либо причинам не оставило письменное выражение воли на распоряжение его телом, за него это могут сделать его родственники.

Недопустимо принуждение лиц к изъятию у них клеток, тканей и органов.

Что касается объектов трансплантации, то они закреплены в статье 2 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Так, объектами могут быть:

- Сердце;

- Почка;
- Легкое;
- Печень;
- Костный мозг;
- Поджелудочная железа;
- Кишечник;
- Иные органы, перечень которых определяет федеральный орган исполнительной власти [3].

Что касается ответственности, то согласно ст.14 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 08.12.2020) «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Врачам и иным сотрудникам учреждения здравоохранения запрещается разглашать сведения о доноре и реципиенте. Разглашение таких сведений влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В случае если здоровью реципиента или донора нанесен вред, полученный вследствие нарушения условий и порядка изъятия клеток, тканей или органов либо нарушены условия и порядок их трансплантации, учреждение здравоохранения, в котором осуществлялась операция, понесет материальную ответственность в порядке, установленном законодательством РФ (ст.16 Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 08.12.2020) «О трансплантации органов и (или) тканей человека») [4].

В Российской Федерации на рассмотрении находится проект федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации». Согласно статье 38 данного Закона, пожизненный донор обладает следующими правами:

- Получение полной информации о возможных последствиях (осложнениях) для его жизни и здоровья у медицинской организации;
- Не только задавать, но и получать полные квалифицированные ответы свои вопросы от специалиста;
- Безпоследственно отказаться от участия в предоставлении своих донорских органов иным лицам.
- Имеет право не только на диагностику, но и на лечение и реабилитацию после последствий, которые могут быть вызваны трансплантацией органов;
- Пожизненно наблюдаться в диспансере;
- Обладает преимуществом на получение донорских органов при необходимости провести пересадку ему самому.

Что касается прав умерших, как говорилось в работе ранее, лица при своей жизни могут выразить на согласие (или наоборот – возражение) на трансплантацию их клеток, тканей и органов [5].

В Российской Федерации на основании ст. 8 Закона «О трансплантологии» все граждане выражают согласие быть донорами, но согласно ст. 5 Закона РФ «О погребении», врачам необходимо получить согласие на использование тканей умершего у его родственника [6].

Также отметим, что родственники (или законные представители) имеют право возражать изъятию тканей и органов у умерших лиц, к которым они имеют отношение. Примечательно, что врачам необходимо учитывать данное обстоятельство и в случае, если отсутствует необходимость в трансплантации органов посмертного донора, они будут обязана соблюсти возражение [7].

Необходимо добавить, что согласно Трудового кодекса РФ, доноры в день сдачи крови освобождаются от работы. По согласованию с работодателем, если работник в день сдачи крови вышел на работу, то ему обязаны предоставить иной день для отдыха. Также, работникам могут предоставляться дополнительные дни отдыха (например, день, следующий за днем сдачи крови).

Важным условием является то, что работодатель сохраняет средний заработок за работником в те дни, когда последний сдавал кровь и в связи с этим отсутствовал на рабочем месте. Расчет среднего заработка работника осуществляется на основании фактически начисленной ему заработной платы и фактически отработанного времени за год, независимо от режима и графика работы сотрудника.

Работник, который решил сдать кровь, в обязательном порядке должен известить о своих намерениях работодателя исключительно в письменной форме. Данные действия необходимы, что руководитель организации (или уполномоченное им лицо) смог своевременно найти замену работнику на время его отсутствия, чтобы избежать простоя работы [8].

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то интересен будет Израиль. В государстве предусмотрено гематологическое страхование, которое распространяется не только на самого донора, но и на его ближайших родственников.

Также интересна система наград доноров в Чехии. За определенное количество донаций донору присуждается знак «капля крови», либо бронзовая, серебряная или золотая медаль. Награждение данными медалями проходит в официальной обстановке раз в год и проводится Красным крестом.

В заключение к данной работе необходимо отметить, что в настоящее время в законодательстве имеются пробелы, которые можно заполнить, прописав в нормативно-правовых актах РФ ответственность не только за принуждение к изъятию органов у человека, но и ответственность:

• за торговлю биологическим материалом,

• за ошибки врачей, повлекшие ухудшение состояния здоровья реципиента или донора во время или после операции,

• за разглашение сведений о доноре и реципиенте без их согласия на это,

• за использование органов и тканей во время операций, которые были добыты незаконным путем.

Закрепление данных положений на законодательном уровне позволит сократить количество посягательств на жизнь людей, их органы, ткани и клетки ради наживы. Также, это позволит урегулировать правовые отношения между участниками трансплантационного процесса, в частности между врачами и пациентами, а также между донорами и иными лицами, участвующими в трансплантологической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комлеев Н.Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 669 с. – ISBN 5-699-15967-3 : 136.85.

2. Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 31 августа 2012 г. N 946 «О дальнейшем совершенствовании организации оказания трансплантологической помощи в городе Москве» // [Электронный ресурс] – URL: https://dokipedia.ru/document/5251614 Загл. с экрана.

3. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-I "О трансплантации органов и (или) тканей человека" // [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/136366/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/ Загл. с экрана.

4. Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 20.06.2000 // [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102020471 Загл. с экрана.

5. Проект федерального закона Российской Федерации «О донорстве органов человека и их трансплантации» // [Электронный ресурс]. – URL: https://minzdrav.gov.ru/documents/8145-proekt-federalnogo-zakona-o-donorstve-organov-cheloveka-i-ih-transplantatsii Загл. с экрана.

6. Ляуш Л.Б. Этические проблемы трансплантации органов и тканей человека. Этические проблемы ксенотрансплантации. // [Электронный ресурс]. – URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/bioethics/ucheb_materiali/lekcii/subject11.pdf Загл. с экрана.

7. Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 20.06.2000 // [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102020471 Загл. с экрана.

8. Егоров В. Если в организации работает донор / В. Егоров // Журнал «Новая бухгалтерия», 2005г. // [Электронный ресурс]. – URL: https://rdkb.ru/donorstvo/sotsialnye-garantii-i-kompensatsii-donoru.php Загл. с экрана.

LEGAL ASPECTS OF DONATION AND TRANSPLANTATION OF HUMAN CELLS, TISSUES AND ORGANS

Annotation. The issue of transplantation of human tissues and organs arose with the advent of medicine, but they received sufficient development only at the end of the twentieth century. Due to the fact that the science in question is new and poorly studied, there are quite a few problems in the legal sphere with the regulation of organ donation and transplantation. For example, should a doctor be responsible for performing an operation with organs obtained illegally? Which method of obtaining organs will be legal, and which illegal? Is it ethical to use the organs of the deceased for the purposes of study and donation or not?
Keywords: organ donation, organ transplantation, objects of transplantation, social guarantees of donors, responsibility for illegal actions for organ removal.

Filin M.
Scientific adviser: Gulina S.N., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: marta.filin777@gmail.com

УДК 343.3/.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Филиппова А.Е.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе представлена уголовно-правовая характеристика похищения человека – преступления, предусмотренного ст.126 УК РФ. Выделены ключевые проблемы квалификации данного преступления и отграничения его от смежных преступлений. Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства по теме исследования.
Ключевые слова: похищение человека, лишение свободы, длительность похищения, похищение ребёнка.

Свобода личности является суверенным правом каждого человека, которое может быть ограничено лишь по решению суда. Однако ряд преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, прямо или косвенно посягают на свободу человека – ценность, охраняемую Конституцией Российской Федерации в ст. 22: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [1]. К числу таких преступлений относится похищение человека.

Похищение человека – это преступное деяние, посягающее на свободу личности, признаки которого закреплены в ст.126 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Не смотря на то, что по своему составу это преступление и не затрагивает жизнь и здоровье человека, тем не менее, оно часто сопряжено с причинением побоев, разной степени тяжести вреда здоровью, посягательством на половую неприкосновенность или даже с убийством. Кроме того, похищение человека в подавляющем большинстве случаев предполагает и дальнейшее удержание лица против его воли.

Цель работы – проанализировать признаки состава похищения человека, выделить основные проблемы его квалификации и предложить пути их решения.

По данным статистики за 2016-2021 гг., похищение человека ежегодно становится самым распространенным преступлением среди посягательств на свободу, честь и достоинство личности [3]. На наш взгляд, в законодательстве недостаточно урегулирован вопрос ответственности за похищение, которое предполагает в последующем дальнейшее и долговременное удержание лица против его воли. Исходя из этого, актуальность работы заключается в том, что всесторонний анализ уголовно-правовых признаков похищения

человека, на примере уже оглашенных приговоров выявление проблемных моментов при квалификации указанного преступления, разработка мер по совершенствованию законодательной базы, а также выделение потенциально опасных факторов совершения похищения человека, позволят понизить динамику похищений человека, а также повысить значение превентивной функции уголовного законодательства.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ №58 от 24.12.2019 года «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее – ППВС №58) разъясняет, что под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания.

В качестве момента окончания преступного деяния законодатель определяет момент захвата и начала его перемещения. В случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось.

Важной особенностью рассматриваемого преступления является также то, что действия виновного лица, совершенные в процессе похищения человека и состоящие в незаконном ограничении свободы потерпевшего при его перемещении и (или) удержании в другом месте, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного статьей 126 УК РФ, и дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ за незаконное лишение свободы не требуется [4].

В контексте отграничения похищения человека от смежных составов следует также отделить данное преступление от захвата заложника. По данному вопросу Л. В. Иногамова-Хегай пишет: «Похищение человека следует отграничивать от захвата заложника (ст. 206 УК), при совершении которого лицо преследует цель создания неспокойной обстановки в обществе, паники, страха, с тем чтобы вынудить соответствующие государственные органы или иные организации, а также их представителей выполнить открыто выраженные требования, выдвигаемые преступниками, как условие освобождения заложника, личность которого не имеет для преступника значения. При совершении преступления, предусмотренного ст. 126 УК, факт похищения не афишируется, посторонние лица не посвящаются в суть излагаемых требований» [5, с. 97].

В качестве первой проблемы рассматриваемого состава следует выделить то, что уголовное законодательство никоим образом не регулируют влияние на квалификацию деяния таких немаловажных факторов как длительность удержания лица при похищении, а также место удержания потерпевшего.

Ярким примером необходимости предусмотренности данных факторов в качестве квалифицирующих признаков похищения человека является дело «Скопинского маньяка». Виктор Мохов, 50-летний житель Рязанской области, в 2000 году похитил двух девушек и удерживал их в условиях, непригодных для человеческой жизни (в подвале), в течение 1296 дней (также он совершал и насильственные действия, но в контексте данной работы мы рассматриваем лишь похищение человека) [6]. При этом, при вынесении приговора касаемо ст.126 УК РФ, был применён лишь п. «ж» ч. 2 (похищение двух и более лиц), хотя, как известно из обстоятельств дела, также имело место быть соучастие в виде группы лиц по предварительному сговору.

В данном случае, не было регламентировано и учтено при вынесении приговора место удержания потерпевшего, а именно, подвал собственного дома Мохова. Такое место не является пригодным для длительного пребывания там человека. Так, на качество воздуха в подвале оказывают неблагоприятное влияние грибы и плесени, которые интенсивно развиваются на стенах (в углах), предметах обстановки и пр. Грибы и плесени выделяют токсины, которые не отличаются особой смертоносностью, но могут стать проблемой для здоровья членов семью в долгосрочной перспективе. Токсины грибов могут вызывать аллергии, могут быть причиной головных болей, головокружения, вялости и других заболеваний неврологического характера[7].

Как следствие, нахождение там жертв в течение длительного времени могло повлечь за собой косвенный вред, причинённый данным деянием: проблемы с физическим и психическим здоровьем (имеется в виду не только психическая травма от самого похищения и насильственных действий, но также и расстройства из-за многолетнего нахождения в замкнутом помещении без окон и свежего воздуха). В случае, если бы преступник удерживал жертв в комнате собственного дома либо на отдельной жилплощади, описанный выше вред был бы менее серьёзным.

На наш взгляд, очень большое значение имеет также и период удержания жертв. Значительно меньший вред (главным образом, моральный) причинило бы удержание в течение нескольких месяцев или года. Поэтому мы считаем, что ответственность за похищение человека должна квалифицироваться в зависимости от этого фактора.

Нельзя не отметить, что место и длительность удержания – это взаимодополняющие факторы, которые должны рассматриваться судом при вынесении приговора по своему внутреннему убеждению. К примеру, удержание в нежилом помещении в течение нескольких суток не принесёт существенного вреда здоровью, поэтому такой квалифицирующий фактор, как место, должен применяться с определённого периода времени удержания пострадавшего.

В связи с вышесказанным, мы считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 126 УК РФ квалифицирующим признаком похищения человека: удержание потерпевшего на территории жилого помещения, не соответствующего санитарным нормам, либо на территории нежилого помещения.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание – примечание к ст. 126 УК РФ, которое звучит следующим образом: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». На наш взгляд, законодательно должен быть установлен допустимый временной период, когда преступник может отпустить свою жертву. В противном случае, возможно злоупотребление своей безнаказанностью и длительное удержание жертвы с последующим добровольным освобождением. Однако при этом уже нарушается её право на свободу личности. Ведь если преступник захочет, допустим, отпустить похищенного спустя несколько месяцев, за это время жертве будет нанесён моральный и психический вред, даже, если не будет совершено иных преступлений. Кроме того, следует проверить и самого похитителя на причастность к другим похищениям, ведь если добровольное освобождение происходит неоднократно, это также должно послужить поводом для привлечения к уголовной ответственности.

Важным и дискуссионным вопросом похищения человека является похищение родителями своего ребёнка. В законодательстве многих зарубежных стран данное деяние освещается в непосредственной связи с похищением человека, но в качестве отдельной нормы, за которую предусмотрена меньшая ответственность. К примеру, сюда относятся США, Израиль и др. страны. По данному вопросу Иванова Е.Е. отмечает, что «должен быть решен вопрос об уголовной ответственности лишенного родительских прав лица, а также иных близких родственников ребенка. Необходима теоретическая конструкция такой нормы, которая предусматривала бы уголовную

ответственность для вышеуказанных лиц в справедливых размерах» [8, с. 106]. Мы считаем, что уголовная ответственность не должна распространяться на близких родственников, а вот для лиц, лишённых родительских прав, следовало бы разработать отдельную норму, которая будет закреплять определённую ответственность.

Кроме того, похищение малолетнего лица должно повлечь за собой более суровую ответственность, нежели за похищение в целом несовершеннолетнего, поскольку у маленького ребёнка гораздо меньше возможностей обороняться, сбежать либо дать о себе знать, нежели у подростка.

Проанализировав зарубежное уголовное законодательство по рассматриваемому вопросу, можно сделать вывод, что в ряде зарубежных стран похищение человека также регламентируется довольно подробно. К примеру, в США действует 13 законов, имеющих прямое или косвенное отношение к проблеме пропавших детей, в их числе Федеральный закон «О похищении людей с целью получения выкупа» («Закон Линдберга») от 1932 года и другие [9, с. 1].

Следует также отметить сохранение исторической тенденции «брачных» похищений в некоторых субъектах Российской Федерации. Об этом В.О. Ключевский писал, что они совершались на религиозных праздниках «у священных источников или на берегах рек и озёр, куда собирались обыватели и обывательницы разных сёл» [10, с. 58]. Примером существования данной традиции и в наши дни служит приговор Туркменского районного суда Ставропольского края № 1-58/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-58/2020. Как следует из материалов дела, подсудимый, используя в качестве мотива желание жениться на потерпевшей, похитил её и удерживал у себя дома. В решении суда отсутствует информация о длительности удержания. Суд приговорил подсудимого к одному году лишения свободы с условным отбыванием наказания [11].

В ходе проведенного нами исследования были сделаны следующие выводы и предложения:

1. С целью дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности совершенного деяния часть 2 ст.126 УК РФ следует дополнить пунктом «и», который изложить в следующей редакции:

«и) с удержанием лица на территории жилого помещения, не соответствующего санитарным нормам, либо на территории нежилого помещения».

2. В связи с важностью вопроса похищения детей и необходимостью установления более строгой ответственности за такое деяние предлагается ч. 3 ст. 126 УК РФ дополнить пунктом «г» и изложить его в следующей редакции:

«г) в отношении заведомо малолетнего».

3. С целью исключения возможности злоупотребления похитителями возможностью освобождения от уголовной ответственности при добровольном освобождении похищенного необходимо рассмотреть вопрос об установлении временного предела удерживания похищенного, по истечении которого освобождение от уголовной ответственности становится невозможным. Это позволит исключить злоупотребление длительным и безнаказанным удержанием потерпевшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.constitution.ru/

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: http://government.ru/docs/all/96145/ – (дата обращения: 23.01.2023).

3. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://stat.xn-7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №58 от 24.12.2019 года «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми».

5. Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаев. Уголовное право. Особенная часть: учебник. Москва: 2008. – 795 с.
6. История одного заточения: что ждет «скопинского маньяка» на свободе [Электронный ресурс] / Pravo.ru. – Режим доступа: https://pravo.ru/story/229966/
7. Какие опасности таит в себе подвал? [Электронный ресурс] / rospotrebnadzor.ru. – Режим доступа: https://34.rospotrebnadzor.ru/content/193/4636/
8. Иванова Е.В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей / Е.В. Иванова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №11 (108). – С.104-112.
9. International Centre for Missing & Exploited Children. Соединённые Штаты Америки [Электронный ресурс] / icmec.org. – Режим доступа: https://www.icmec.org/wp-content/uploads/2017/05/USA_%D0%A1%D0%A8%D0%90-A%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82-2016.pdf
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/download/kurs.pdf. 941 с.
11. Приговор № 1-58/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-58/2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/JDVaEHYczdmu/

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF KIDNAPPING

Annotation. The paper gives a general description of kidnapping – a crime under Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation. The key problems of qualifying this crime and its intersection with related offenses are highlighted. The main directions of judicial practice on the application of this norm are given. Proposals have been developed to improve the criminal legislation.
Keywords: kidnapping, imprisonment, duration of kidnapping, kidnapping of a child.

Filippova A.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: nastasiia.filippova.2002@mail.ru

УДК 347.44

ПОНЯТИЕ НЕЗАКЛЮЧЕННОСТИ ДОГОВОРА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Харабет А.В.
Научный руководитель: Ефремова А.В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы использования в правовом поле категории незаключенного договора (сделки). Основываясь на законах формальной логики, исследуется нормативное основание формирования данной правовой конструкции. Определяя правовую природу незаключенности, приводятся высказывания различных ученых, которые в совокупности группируются в два подхода. Первый основывается на постулате незаключенности как разновидности (частного случая) недействительности. Второй подход учитывает наличие индивидуальных признаков незаключенности и, как следствие, самостоятельной значимости этой правовой категории. В качестве основного отличия незаключенности договора видится то обстоятельство, что он не обладает качеством юридического факта в отличие от недействительного договора. Делается вывод о том, что незаключенность договора возникает вследствие недостижения его сторонами соглашения хотя бы по одному из существенных условий. Делается попытка обосновать самостоятельность категории незаключенности договора в системе юридических фактов.
Ключевые слова: существенные условия, незаключенные договоры, гражданское законодательство, незаключенность, сделка.

Сегодня гражданское законодательство требует не только своего совершенствования, но и адаптирования к условиям внутреннего рынка.

Актуальностью исследования является вопрос о правовом основании, на котором возникают гражданско-правовые договоры, признаваемые незаключенными и рассматриваемые как отдельная правовая категория.

Целью исследования является освещение и возможные варианты решения поставленного вопроса посредством рассмотрения этих категорий через систему юридических фактов.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие по поводу возникновения, существа и правовых последствий незаключенного договора.

Несмотря на описательный характер современных исследований о незаключенных договорах, само понятие «незаключенности» уже стало частью правовой доктрины. На сегодняшний день основой категории незаключенных договоров является теория о несостоявшейся сделке, которая в свою очередь соотносит сделку недействительную, незаключенную и несостоявшуюся. Отличие недействительных и несостоявшихся сделок заключаются в различии их правовых последствий, критерием разграничения сделок выступает их общая способность порождать гражданско-правовые последствия.

В теории и практике существует несколько подходов к разграничению недействительных и незаключенных договоров. Так, одна из них сводится к тому, что в случае отсутствия в договоре хотя бы одного из существенных условий, предусмотренных законодательством, такой договор должен признаваться незаключенным [1, с. 64].

Так что же такое «незаключенный договор» и на чем основывается эта правовая категория? В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) действительно присутствуют нормы, из которых следует, что в определенных случаях, когда не соблюдены отдельные требования закона, договор не является недействительным, поскольку он не заключен. Незаключенность договора является основным правовым последствием отсутствия согласования хотя бы по одному из существенных условий для отдельного вида договора. Этот вывод, хотя и прямо не прописан в законе, однако бесспорно следует из содержания п. 1 ст. 432 ГК РФ [2]. Именно данная статья служит основанием для выделения особой правовой категории – «незаключенных договоров». В указанной правовой норме заключенность договора понимается как следствие согласования всех существенных условий договора. При этом необходимо выполнить законодательное требование о форме заключаемого договора. Вследствие этого, незаключенность договора является результатом следующих обстоятельств:

1) несоблюдения формы договора, которая прямо предусмотрена законом либо соглашением сторон;

2) несогласованностью хотя бы одного условия, которое с точки зрения закона признается существенным.

Итак, договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Существенными условиями, которые должны быть согласованы сторонами при заключении договора, являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах существенными или необходимыми для договоров данного вида.

Существенными также являются все условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, даже если такое условие восполнялось бы диспозитивной нормой.

Таким образом, существенные условия договора необходимы и достаточны для его заключения. При отсутствии хотя бы одного из существенных условий договор не

считается заключенным, и напротив, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям, но не обсудили иные, договор заключен.

Незаключенность имеет место быть только тогда, когда стороны предпринимали определенные действия для заключения договора, но они не привели к результату не в связи с утратой воли к этому. К примеру, стороны согласовали условия и подписали договор, а возможно уже и приступили к исполнению. Но из-за отсутствия согласованности по отдельным существенным условиям, такой договор не может считаться заключенным [3, с. 2507]. В других случаях невозможно вести речь о незаключенности договора. И очевидно, что никакие правовые последствия не возникают.

При ситуации с отсутствием намерения заключать договор или в случае остановки процесса заключения договора, любые споры – беспредметны. То есть, под незаключенным договором должно пониматься такое правоотношение, которое целиком и полностью направлено на возникновение прав и обязанностей, но в силу указанных причин с юридической точки зрения такой договор отсутствует: правовое поле не признает его наличие.

Так, в Определении от 07 июля 2015 г. по делу № 78-КГ15-72 Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что незаключенный договор не порождает каких-либо правовых последствий и отсутствует фактически, то есть как в правовой плоскости, так и в фактической реальности, как волеизъявление, несущее какой-либо правовой смысл [4].

На основании этого можно сказать, что как юридический факт незаключенный договор характеризуется такими признаками:

1. Для договаривающихся сторон – это есть конкретный договор, т. е. именно это соглашение между сторонами по определенному поводу (конкретное жизненное обстоятельство).

2. В момент заключения договор направлен на определенные юридические последствия: возникновение, изменение или прекращение юридических правоотношений. Договор, признанный незаключенным, – это юридическое действие, в котором проявляется воля совершивших его сторон.

Незаключенность договора подлежит установлению с учетом содержания договора при рассмотрении любого требования, которое основано на содержании соответствующего договора.

В современной науке устоялось несколько точек зрения относительно самостоятельности категории «незаключенности договора»:

1. Незаключенность – разновидность недействительности договора. В данной теории практически всегда незаключенность рассматривается как вариант ничтожности. Ярким представителем такой позиции является Д. О. Тузов. Исследователь считает, что пробы разграничения недействительности и незаключенности приводят к бесполезным спорам, а также к «путанице в судебной практике и крючкотворству юристов» [5, с. 25]. О.В. Гутников, анализируя составы двух категорий, отмечает их внутреннее сходства и также делает вывод о том, что несостоявшиеся сделки есть вид недействительных [6, с. 105].

2. Незаключенность договора – самостоятельная автономная категория. Е. А. Храпунова подчеркивает в своих работах, что оснований для смешивания категорий незаключенности и недействительности не было с момента принятия ГК РФ в 1994 году. Положения о недействительности выделены в отдельную главу, а незаключенность договора определяется в конкретном случае [7, с. 24]. Разграничение недействительности и незаключенности проводится на основе разграничения их правовых последствий. В.В. Груздев отмечает, что важно понимать способность порождения правовых последствий. Недействительная сделка способна породить

последствия, хотя возможно и не те, которые стороны предполагали. А незаключенный договор не порождает никаких правовых последствий [8, с. 27].

Отсутствие единства мнений по вопросу о правовой природе и отсутствие легальной дефиниции предопределяет и проблему в отношении самого понятия «незаключенный договор». Формально любой договор, который стороны намеревались заключить, но не достигли по нему согласия, можно назвать незаключенным. Однако, поскольку последствия отказа сторон от первоначальных намерений законом не регулируются, такая оценка с юридической точки зрения будет некорректной. Иначе обстоит дело, когда стороны согласовали все необходимые, по их мнению, условия, не учтя нормативных положений о моменте заключения договора, о государственной регистрации, о форме договора, о включении существенных условий. Использование законодателем в перечисленных случаях формулировки «договор считается заключенным» и позволяет утверждать, что в противном случае имеет место незаключенный договор.

Под незаключенными договорами (несостоявшимися сделками) следует понимать такие действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, условия заключения (совершения) которых не соблюдены настолько, что нельзя считать совершенные действия договорами (сделками).

Судебная практика применения последствий незаключенного договора сводится к следующему:

– невозможно применение к незаключенному договору последствий недействительного договора [9];

– понуждение к заключению, исполнению, изменению или расторжению незаключенного договора (суть – несуществующего) недопустимо, равно как и взыскание по нему долга [10];

– в рамках правоотношений, связанных с незаключенным договором, можно взыскать только неосновательное обогащение, а также проценты за пользование чужими средствами [11].

На основании проведенного исследования считаем, что наиболее обоснованным с доктринальной точки зрения и целесообразным с точки зрения правоприменения является выделение несостоявшихся сделок (незаключенных договоров) и их четкое отграничение от недействительных сделок. Незаключенный договор является самостоятельной правовой категорией, которую следует закрепить на законодательном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомяк С. Яка відмінність між формулюваннями «договір, визнаний недійсним», «договір, визнаний неукладеним»? / С. Хомяк // Баланс. – 2001. – № 14.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 (ред. От 03.08.2018).
3. Савин А. А. Основания признания договора незаключенным. // Право и политика. – 2009. – № 12. – С. 2507-2510.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 года № 78-КГ15-7 [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: https://demo.consultant.ru/cgi / (дата обращения 10.02.2023).
5. Тузов, Д.О. О понятии «несуществующей» сделки в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. -№10. -С. 4-26.
6. Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания // Бератор-Пресс. М., 2003. – 576 с.
7. Храпунова Е. А. Проблемы существа незаключенного договора и последствий признания его незаключенным: теория и практика. // Налоги, 2011, № 19. – С. 23-28.
8. Груздев В. В. Гражданско-правовое регулирование недействительных и несостоявшихся сделок // Право и экономика. 2000. № 11. С. 25–28.

9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10 августа 2009 года по делу А41-14636/2008 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/ae35efdc-e441-4834-86f0-7712457a5053/7d8c561f-f489-46a0-bd2b-a321d2b09235/A41-14636-2008_20090810_Reshenija_i_postanovlenija.pdf/ (дата обращения 10.02.2023).
10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2015 года по делу А41-61686/14 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/eb911788-7350-4115-9346-46503caac740/40a138a3-c9e3-4f06-8cc8-e73564f6cc6e/A41-61686-2014_20150429_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf/ (дата обращения 10.02.2023).
11. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06 декабря 2016 года по делу А60-28621/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/52ab7175-14dc-4f74-9941-7e37da7e61df/cbc7d68c-01b3-4cb5-8b8d-cf6de073587b/A60-28621-2016_20161206_Reshenija_i_postanovlenija.pdf/ (дата обращения 10.02.2023).

THE CONCEPT OF NON-CONCLUSION OF A CONTRACT AS AN INDEPENDENT LEGAL CATEGORY

Annotation. This article analyzes the problems of using the category of an unconcluded contract (transaction) in the legal field. Based on the laws of formal logic, the author investigates the normative basis for the formation of this legal structure. Determining the legal nature of non-prisonment, the statements of various scientists are given, which in the aggregate are grouped into two approaches. The first is based on the postulate of non-conclusion as a variety (special case) of invalidity. The second approach takes into account the presence of individual signs of non-prisonment and, as a result, the independent significance of this legal category. The main difference between the non-conclusion of a contract is the fact that it does not have the quality of a legal fact, in contrast to an invalid contract. It is concluded that the non-conclusion of the contract arises due to the failure of its parties to reach an agreement on at least one of the essential conditions. An attempt is made to substantiate the independence of the category of non-conclusion of a contract in the system of legal facts.
Keywords: essential conditions, non-concluded contracts, civil law, non-conclusion, transaction.

Kharabet A.
Scientific adviser: Efremova A.V., Ph.D. in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: Moskvitin_9399@mail.ru

УДК 343.3/.7

ПОНЯТИЕ СКУЛШУТИНГА

Холоша А.Д.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В работе проведен анализ скулшутинга как одного из видов терроризма и проблем, связанных с квалификацией данного преступного деяния. По результатам проведенного исследования разработаны предложения по совершенствованию правового регулирования проблем, связанных с квалификацией скулшутинга как общественного опасного деяния, а также предложены перспективные пути профилактики актов скулшутинга.
Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террорист, скулшутинг, скулшутер, колумбайн.

Современный терроризм перешел на абсолютно новый этап в своем развитии и охватывает уже не единичные страны, а целые регионы и континенты. Основными тенденциями развития современного терроризма являются: расширение географии терроризма в мире и его интернационализация; усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма; повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных

террористических формирований с развитой инфраструктурой; рост финансового и материально-технического обеспечения террористических структур и т.д. В связи с этим, в мире, в Российской Федерации в целом, и в частности в субъекте Российской Федерации – Донецкой Народной Республике, антитеррористическая деятельность приобретает новые масштабы и постоянно совершенствуется, чтобы противостоять новым методам, применяемым современными террористами.

В то же время массовое освещение в СМИ новостей о терроризме и террористических организациях формирует в молодежной среде склонность к радикальным и жестоким действиям посредством формирования негативного культурно информационного фона. В этом плане в тени находится проблема скулшутинга, который, по сути, является самым настоящим терроризмом – политически немотивированным, держащим в страхе большие труппы людей, фактически в заложники берется целая образовательная и воспитательная среда [1, с. 49]. Школьный терроризм отражает поистине разрушительные процессы для нашего общества, чем и обусловлена актуальность темы данной статьи.

Целью статьи является всесторонний анализ скулшутинга как одного из вида терроризма и проблем, связанных с квалификацией данного преступного деяния.

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ от 06.03.2006 года определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [2].

Помимо этого, определение терроризма дано в статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая определяет его как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [3].

В качестве одного из ключевых каналов профилактики терроризма и экстремизма стала система образования и воспитания – школы, колледжи, вузы, молодежные движения. Однако при этом многие СМИ, в том числе, и электронные, социальные сети, литература, телепередачи и телешоу формируют в молодежной среде склонность к радикальным и жестоким действиям посредством формирования негативного культурно информационного фона [4, с. 163].

Скулшутинг – это вооруженное нападение на обучающихся и на персонал внутри учебного заведения или на его территории. Технически описать скулшутинг очень просто: неблагополучный подросток или постороннее лицо, ранее обучавшее в учебном заведении, на которое совершается нападение, находит или приобретает оружие, приходит с ним в учебное заведение и расстреливает всех, кто попадается ему на глаза, а затем, как правило, совершает самоубийство. Несмотря на то, что в РФ об этом явлении заговорили совсем недавно, за рубежом случаи стрельбы в учебных заведениях известны с начала XX века.

Для рассмотрения случаев скулшутинга, произошедших именно на территории образовательных организаций Российской Федерации, необходимо изучить историю возникновения и распространения данного феномена в мире. Первым случаем скулшутинга принято считать трагедию в старшей школе «Колумбайн», произошедшую 20 апреля 1999 года, инициированную учениками Диланом Клиболдом и Эриком Харрисом. Случай в школе «Колумбайн» является наиболее известным происшествием ввиду достаточно серьезных последствий – в общей сложности пятнадцать убитых, включая самих нападавших.

Сейчас термины «скулшутинг» и «колумбайн» понимаются как синонимы. Движение скулшутеров (колумбайнеров) до 2014 года не было так широко распространено в России, как, например, на Западе. Детальная отчетность, интенсивное медиафокусирование, широкое освещение в СМИ информации о самоубийствах и убийствах впоследствии увеличили частоту подобных событий. Колумбайн-эффект имеет схожие черты с описанным еще в 1970-х гг. синдромом Вертера – массовой волной подражающих самоубийств, которая возникает после суицида, широко освещенного в СМИ, либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Трагедия, преобразованная СМИ в сенсацию, посеяла семена идей насилия у лиц, подвергающихся риску радикализации, и дала толчок к совершению подражающих инцидентов ради славы в результате создания «образа звезды» [5, с. 64].

Первым случаем российского скулшутинга стала трагедия 3 февраля 2014 года, когда старшеклассник пришел с ружьем в московскую школу № 263 и выстрелил в учителя географии, а затем открыл стрельбу по прибывшим сотрудникам полиции, убив одного из них. Вторым случаем стала трагедия в Образовательном центре № 1 г. Ивантеевки Московской области, произошедшая 5 сентября 2017 года. В этот день учащийся центра открыл стрельбу из пневматической винтовки в здании образовательной организации, ударил секачом учителя, также в ходе нападения им были применены взрывчатые вещества. В результате нападения пострадали 4 человека, погибших не было.

Однако самыми кровавыми и трагически известными на территории России принято считать следующие случаи скулшутинга: стрельба в Керчинском колледже 17 октября 2018 года (убито 20 человек); стрельба в школе №175 в г. Казань 11 мая 2021 года (убито 9 человек, пострадали 32 человека); стрельба в Пермском университете 20 сентября 2021 года (убито 6 человек, пострадало 47 человек); стрельба 26 сентября 2022 года в школе № 88 в Ижевске (погибли 18 человек, 23 получили ранения различной тяжести).

Мы полагаем, что особенности скулшутинга, его массовость и скорость распространения ставят вопрос о признании пропагандируемых идей как одной из разновидностей терроризма. Сегодня мы наблюдаем фактически зарождение нового молодежного вида террористической деятельности, который не имеет под собой религиозных аспектов и политических мотивов (не выдвигаются требования к представителям государственной власти). Здесь на первый план выходит идеология насилия, распространение которой – реальная и очень серьезная угроза национальной безопасности.

Субъектом данного деяния признается вменяемое физическое лицо, достигшее предусмотренного уголовным законом возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ). В качестве субъекта анализируемого состава преступления выступает обучающийся или человек, ранее обучавшийся в образовательной организации, приносящий на ее территорию холодное, стрелковое и другие виды оружия или взрывчатые вещества.

Субъективная сторона рассматриваемого противоправного деяния характеризуется наличием прямого умысла на причинение вреда здоровью или смерти неограниченному числу лиц. Именно неограниченное число лиц отличает феномен скулшутинга от обычных криминальных убийств, которые являются завершением межличностных конфликтов. Другим важным моментом субъективной стороны феномена скулшутинга выступает, условно говоря, его иррациональный характер, который проявляется в отсутствии личной неприязни у лица, совершающего акты насилия с использованием оружия, к пострадавшим.

Важнейшим моментом субъективной стороны феномена скулшутинга также можно признать его символический характер. Это проявляется в том, что исполнителю не столь важно, кто станет конечной жертвой, ему не требуется, например, отомстить

конкретным людям. Эта особенность «школьных расстрелов» проявляется в церемониальности, театральности и даже торжественности действия, которое напоминает древние ритуалы, где исполнитель играет роль Бога перед тем, как его казнят или он совершит самоубийство[5, С. 69].

Деструктивный характер идеологии движения «Колумбайн», лежащий в основе феномена скулшутинга, нацелен на разрушение важнейших гуманистических ценностей и попирание естественных прав человека: права на жизнь, свободу, неприкосновенность, безопасность, достоинство. При совершении актов насилия в образовательной организации скулшутер нарушает право человека на безопасность и неприкосновенность его собственности. Нацеленность на совершение массовых убийств и демонстрация вызова обществу в целом приводят к тому, что в качестве родового объекта скулшутинга выступает не только личность, но и общественная безопасность, предусмотренная разделом IX Особенной части УК РФ («Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»).

По мнению Андрюшенковой О.М., сложность структуры видового объекта феномена скулшутинга заключается в том, что в нем преступления против личности по сравнению с родовым объектом претерпевают конкретизацию, а именно принимают форму преступлений против жизни и здоровья. В противоположность этому второй видовой объект феномена скулшутинга совпадает с родовым и может быть определен как преступления против общественной безопасности.

Двойственный характер родового и видового объектов феномена скулшутинга приводит к возможности принятия различных правовых решений. По этой причине с точки зрения анализа правоприменительной практики, нет единого подхода в квалификации преступлений, совершенных скулшутерами. Российская судебная практика правовой квалификации массовых «школьных расстрелов» неоднородна: в одних случаях осуществляется квалификация деяния в качестве террористического акта (ст. 205 УК РФ), в других – в качестве убийства двух и более лиц, совершенного общеопасным способом (пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при этом по совокупности нередко субъектам вменяется незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов и (или) взрывчатых веществ или взрывных устройств и (или) незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств (ст. 222, 222.1, 223.1 УК РФ) [6, с. 262].

Общественная опасность скулшутерства заключается в том, что оно негативно влияет на нормальное функционирование таких важнейших социальных институтов общества, как семья, социализация, образование, право, государство. Отдельно следует подчеркнуть, что жертвами скулшутинга, как правило, становятся обучающиеся, однако ими также могут являться учителя и другие сотрудники образовательной организации. Одной из специфических черт актов скулшутинга является совершение преступником самоубийства после расстрела своих жертв.

Способы совершения актов скулшутинга разнообразны: применение различных видов оружия; совершение поджога здания образовательной организации; удержание с помощью оружия заложников; совершение актов запугивания и устрашения; нанесение телесных повреждений. Орудиями совершения актов скулшутинга выступают: огнестрельное, холодное, пневматическое, травматическое оружие, взрывоопасные вещества.

Давыдов Д.Г. и Хломова К.Д. очертили ряд формальных признаков, типичных для школьных расстрелов. К ним они отнесли следующие: 1) преступник или преступники имели отношение к школе (учились в ней); 2) убийства или ранения были умышленными, но без корыстных мотивов; 3) Нападения планировались или организовывались заранее; 4) это были публичные или даже демонстративные акты, направленные на убийство неопределённого круга лиц [7, с. 64].

Отталкиваясь от перечисленных пунктов Орловым В.В. были разработаны следующие признаки, характерные для актов скулшутинга: 1) местом преступления является территория учебного заведения или его подразделений (кампус, общежитие, школьный двор, стадион, хозяйственные постройки и т.п.). Автор указывает, что от термина «школа» необходимо отрешиться в пользу более широкого термина «учебное заведение» или «учебное учреждение» в связи с тем, что 30% эксцессов происходит в высших учебных заведениях; 2) преступником является лицо, в прошлом или настоящем имевшее прямое или опосредованное отношение к данному учебному заведению. Термин «лицо» предусматривает возможность того, что «школьным стрелком» может оказаться не только учащийся, но и преподаватель (например, акт скулшутинга 23 сентября 2016 г., в г. Суксун, РФ, совершенный учителем физической культуры), технический работник, бывший учащийся или сотрудник, родитель или родственник ученика; 3.) преступление носит спланированный характер. На основании данного критерия акты «скулшутинга» предполагается сепарировать от проявлений спонтанной агрессии, распространённых в подростково-молодёжной среде; 4) при совершении преступления планируется применение оружия. Под оружием в данной трактовке автором подразумевается не только огнестрельное оружие, но и прочие виды (холодное, самодельные взрывные устройства), что выводит предлагаемую классификацию за пределы термина «скулшутинг» («школьная стрельба»); 5) преступление направлено на убийство неопределённого круга лиц, вне их сегрегации по какому бы то ни было признаку. Данный критерий исключает возможность попадания в статистику «скулшутинга» массовых убийств, где жертвы определяются по расовому, национальному, религиозному или иному подобному признаку; 6) преступником планируется достижение максимального количества жертв. Данный критерий направлен на исключение случаев агрессии или контрагрессии, направленных против узких, конкретно очерченных групп (например, обидчиков в случае буллинга – проявления постоянной агрессии, направленной на одного и того же человека); 7) преступление носит публичный, демонстративный характер; 8) преступление не имеет корыстных мотивов и очевидной материальной выгоды для преступника 9) преступник мотивирован одной идеей или проблемой и видит насилие (в том числе, и суицид) единственным способом её решения [8, С. 35].

В связи с вышеуказанным, по нашему мнению под скулшутингом стоит понимать планирование, организацию, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательной организации любого уровня одним или несколькими учащимися или посторонним лицом (лицами) в отношении персонала, преподавателей и обучающихся данного учебного заведения с использованием оружия и подручных средств.

В силу особенностей данного вида преступлений, выработка мер противодействия актам «скулшутинга» возможна только при полном понимании особенностей психики «школьных стрелков» и выявления закономерностей в их поведении. Для этого статистика по инцидентам, связанным с вооружёнными нападениями на учебные учреждения, должна быть максимально очищена не только от случаев, не соответствующих этому определению, но и от сомнительных случаев, которые, имея внешнее сходство с актом «скулшутинга», скрывают иные движущие преступником механизмы.

Среди ведущих факторов деструктивного поведения скулшутеров выделяются: негативная обстановка в семье и школе, жестокость, ложь, применение психологического насилия родителями и педагогами, несправедливость. Учитывая основные детерминанты парадокса скулшутинга, можно определить перспективные пути его предотвращения: разработка психологических методик и эффективных тактик с целью своевременного реагирования на деструктивное и девиантное поведение

несовершеннолетних; создание благоприятных условий образовательного процесса, обеспечивающих безопасность; внедрение в образовательные учреждения модулей обучения детей и педагогов правилам безопасности и способам противостояния в ситуациях вооруженного нападения; психолого-педагогическое сопровождение девиантов, создание медиативной службы, которая создаст комфортную психологическую обстановку в образовательной среде; работа с психодиагностическими методиками, идентификация подростков, склонных к девиантному поведению; пропаганда здорового образа жизни и правильных культурно-социальных ценностей.

Наиболее эффективным подходом к профилактике угроз скулшутинга, по нашему мнению, является комплексный подход, включающий проведение исследований с применением различных методов для сбора и анализа данных в онлайн и офлайн-средах, расширяющий возможности изучения факторов риска и механизмов скулшутинга; выявление лиц, причисляющих к данной молодежной субкультуре; подготовке методических рекомендаций для образовательных учреждений единой процедуры оценки угроз.

Специфика рассматриваемой проблемы также заключается в том, что преступное деяние, в полной мере соответствующее понятию «скулшутинг», не имеет нормативно-правового закрепления. По этой причине противоправные действия, связанные с применением оружия против обучающихся и персонала образовательных организаций, квалифицируются по различным статьям УК РФ, относящимся как к антитеррористическому, так и к общеуголовному законодательству. Однако если рассматривать скулшутинг с точки зрения криминологии, то деятельность его представителей вполне можно расценивать как террористическую, что подтверждается их особенностями, сходством в некоторых моментах и уровнем общественной опасности.

Действия скулшутеров вполне подпадают под понятие объективной стороны ст. 205 УК РФ, но субъективная сторона террористического акта предполагает цель дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений, которая отсутствует в данных деяниях. В связи с этим хотелось бы обратиться к пп. 2-5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где деятельность скулшутеров полностью подпадает под террористическую, но здесь опять речь идет только об объективной стороне деяния [9]. И если посмотреть п. 11 указанного постановления, увидим, что отсутствие указанной цели в диспозиции ст. 205 УК РФ исключает ответственность по данному составу.

В связи с вышеуказанным видится необходимость в разработке определения терроризма с выделением в нем признаков скулшутинга. Такое определение необходимо включить в диспозицию ст. 205 УК РФ, в Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» и в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект / А.С. Чунин // Обзор.НЦПТИ. – 2020. – № 3(22). – С. 48-52.

2. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ от 06.03.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 19.01.2023).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.01.2023).

4. Повсювина С.Э. Скулшутинг: актуальные проблемы уголовно-правового регулирования / С. Э. Повсювина // Проблемы совершенствования законодательства и актуальные вопросы юриспруденции. – 2021. – С. 162-165.

5. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика / В.Д. Никишин // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 11(180). – С. 62-76.
6. Андрюшенкова О.М. К вопросу о современном российском скулшутинге / О.М. Андрюшенкова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 12-13(80). – С. 261-264.
7. Давыдов Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика / Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов // Национальный психологический журнал. – 2018. – №4(32). – С. 62-76.
8. Орлов В.В. О критериях признания вооружённого нападения на учебное учреждение актом «скулшутинга» / В.В. Орлов // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2022. – Т. 5. – № 2(15). – С. 32-38.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 17.01.2023).

THE CONCEPT OF SCHOOLSHOOTING

Annotation. The paper analyzes schoolshooting and the problems associated with the qualification of this criminal act. Based on the results of the study, proposals have been developed to improve the legal regulation of problems related to the qualification of schoolshooting as a socially dangerous act, and promising ways of preventing schoolshooting acts have been proposed.
Keywords: terrorism, terrorist activity, terrorist, schoolshooting, public danger, public order, schoolshooter, educational institution, Columbine.

Kholosha A.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: alexandra.kholoshaa@gmail.com

УДК 343.851.3

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Хоминец А.Д.
Научный руководитель: Семыкина Л.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье исследованы статистические данные и научные основы предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации, обозначена проблема специфичности, распространенности и трудности их выявления и раскрытия. На основании проведенного исследования разработаны меры по предупреждению компьютерных преступлений. В ходе изучения в настоящей работе использовались общенаучные методы, среди которых анализ и синтез, сравнительно-правовой, а также логический методы научного познания.
Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, кибератаки, борьба с киберпреступностью, общепревентивные меры, специальные превентивные меры.

На сегодняшний день предупреждение преступлений в сфере высоких технологий является одним из главных приоритетов национальной политики, а также направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по обеспечению информационной безопасности общества. Это связано, прежде всего, с тем, что за последние годы наблюдается постоянный рост числа преступлений, признаки которых предусмотрены в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Так, согласно статистическим данным по России за 2019 год зарегистрировано 2883 преступления в сфере компьютерной информации [2],

за 2020 год – 4498 [3], за 2021 год – 6869 [4], за 2022 год – 10027 [5]. При этом из 10027 зарегистрированных компьютерных преступлений было раскрыто всего 1871 деяние [5]. Следует также отметить, что компьютерные преступления являются преступлениями с высоким уровнем латентности, а значит, приведенные статистические данные могут попросту не отображать реального положения дел.

Специфичность и распространенность киберпреступлений, сложности в их выявлении и раскрытии, свидетельствует о необходимости детального и всестороннего изучения аспектов их предупреждения и обуславливает актуальность темы исследования.

Данную проблему изучали многие ученые-криминологи, каждый из которых предлагал свою систему предупредительных мероприятий. Однако предупреждение преступлений в сфере высоких технологий является сложной комплексной задачей и представляет собой многоплановый комплекс мер различного характера, который в силу развития компьютерных технологий и появления новых способов совершения и сокрытия преступных действий, нуждается в постоянном совершенствовании, дополнении и изменении в соответствии с состоянием научно-технического прогресса.

Цель настоящей работы заключается в комплексном изучении научных основ предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации и в разработке мер по предупреждению данных деяний.

Рассматриваемой теме посвятили свои научные труды такие ученые как В. Б. Вехов, А. В. Гладких, П. Е. Долгушина, Т. М. Лопатина, М. М. Малыковцев, Е. А. Маслакова, В. С. Федосеева, С. С. Шахрай и другие.

Предупреждение преступлений имеет весомое значение в деятельности правоохранительных органов. Поскольку, на наш взгляд, проще предупредить деяние, нежели затем заниматься расследованием его уголовно-правовых последствий и доказывать виновность киберпреступника, учитывая чрезвычайно высокую скорость совершения преступного воздействия на среду влияния в сфере IT-технологий и практическое отсутствие материальных следов. Поэтому считаем, что разработка мер по предупреждению преступлений в сфере информационных технологий является наиболее из эффективных путей борьбы с киберпреступностью.

С точки зрения А. В. Гладких содержание предупреждения любых преступлений включает в себя три элемента:

1. Пресечение преступлений, означающее принятие мер к прекращению противоправных действий, включая подготовку к таковым;

2. Предотвращение преступлений, что представляет собой недопущение преступных действий;

3. Профилактика преступлений, под которой следует понимать устранение причин, провоцирующих совершение преступлений [6, с. 40].

Основная цель предупреждения компьютерной преступности состоит в обеспечении в государстве необходимых условий для безопасного создания, распространения и обработки компьютерной информации, а также нормального функционирования информационно-телекоммуникационных сетей, компьютерных устройств, оконечного оборудования, информационных систем, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, в т. ч. относящихся к критической информационной инфраструктуре России.

Анализ позиций ученых по вопросу предупреждения преступлений в сфере информационных технологий, позволяет отметить, что каждый автор выделяет свои группы мер противодействия киберпреступности.

Так, например, П. Е. Долгушина и В. С. Федосеева в своем исследовании обозначили только три группы таких предупредительных мер: правовые, организационные и технические. Последние, в свою очередь, авторы делят на две

подгруппы: аппаратные и программные [7; с. 458–459]. Аналогичной позиции придерживается и Е. А. Маслакова, за исключением разделения технических мер противодействия на подгруппы [8, с. 141]. Помимо указанного, С. С. Шахрай в своей работе обозначил также политические и иные меры [9, с. 124], а В. Б. Вехов – криминалистические [10, с. 8].

Вместе с тем, М. М. Малыковцев выделяет такие меры по предупреждению компьютерных преступлений, как законодательного, правоприменительного и технического характера [11, с. 157].

В результате проведенного исследования Т. М. Лопатина разработала комплексную систему мер предупреждения киберпреступлений, которая включает в себя, с одной стороны, кадровые (в сочетании с морально-этическими) и правовые меры, с другой – организационно-управленческие и технические [12, с. 316].

Не подвергая сомнению обозначенные нами позиции, мы считаем верными утверждения Т. М. Лопатиной, согласно которым система мер по предупреждению киберпреступлений, должна носить многосторонний и комплексный характер.

Принимая во внимание методологический подход криминологической науки, мы можем выделить:

1. Общепревентивные меры предупреждения киберпреступлений, которые носят всеобщий характер и направлены на профилактику как преступности в целом, так и компьютерной преступности в частности. К таким мерам можно отнести политические (обеспечение неприкосновенности конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации), экономические (повышение конкурентоспособности национальной экономики, повышение производительности труда), социальные (снижение уровня социального и имущественного неравенства населения) и др. В настоящее время меры общей превенции отражены в пункте 57 Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 [13].

2. Специальные превентивные меры по противодействию компьютерной преступности, которые разрабатываются применительно к особенностям данного вида преступлений. В качестве таковых обозначим правовые, идеологические, организационно-управленческие, технические и др. Рассмотрим их детальнее.

Так, к специальным правовым мерам предупреждения преступлений в сфере высоких технологий можно отнести следующие:

1) Новация и изменение действующих УК РФ и УПК РФ, устранение имеющихся пробелов. Например, относительно совершенствования положений УК РФ отметим следующие предложения.

Учитывая многообразие форм представления компьютерной информации и в целях уменьшения трудностей при квалификации компьютерных преступлений, считаем необходимым внести изменения в содержание примечания 1 к статье 272 УК РФ, указав в нем о возможности представления сведений (сообщений, данных) не только в форме электрических сигналов, но и в форме световых сигналов, электромагнитных волн либо в иной форме.

Поскольку в части 1 статьи 273 и части 1 статьи 274.1 УК РФ установлена уголовная ответственность только за создание, распространение или использование вредоносных компьютерных программ, игнорируя наказуемость приобретения таких программ и не указывая на незаконность данных альтернативных действий, что приводит к излишне широкому толкованию положений уголовного законодательства, мы предлагаем изложить часть 1 статьи 273 и часть 1 статьи 274.1 УК РФ в новой редакции, обозначив в диспозициях слова «незаконные приобретение».

Так как статья 274 УК РФ не раскрывает виды и характер нарушения «правил эксплуатации» и «правил доступа» и в целях урегулирования существующего спора

относительно того, какими должны быть указанные правила по своей юридической природе (нормативно-правовыми или индивидуальными), полагаем целесообразным статью 274 УК РФ дополнить примечанием, где следует законодательно установить определение соответствующих правил, с указанием признака их нормативности [1].

Кроме того, ряд авторов выделяют и другие пробелы в главе 28 УК РФ, которые также нуждаются в устранении.

2) Анализ, обобщение и совершенствование правоприменительной и судебной практики по данной категории дел, а также выработка новых или оптимизация существующих методик выявления, расследования и раскрытия киберпреступлений с привлечением специалистов в области информационной безопасности. Ранее в литературе отмечалось отсутствие единообразия в применении статей 272–274 УК РФ правоприменительными органами. Приговоры, вынесенные различными судами по однотипным уголовным делам, зачастую расходились в вопросах квалификации действий преступника и размеров наказания [6, с. 40]. Однако 15 декабря 2022 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», необходимость которого назрела давно [14]. К сожалению, данное постановление не содержит разъяснения по многим спорным моментам, возникающим при рассмотрении дел о киберпреступлениях, однако это, несомненно, является важным шагом для стабилизации судебной практики.

3) Новация и изменение действующего информационного законодательства РФ. Например, по мнению многих ученых, необходимо «законодательно закрепить полномочия правоохранительных органов по контролю появляющихся в информационно-телекоммуникационных сетях материалов противоправного характера, а в необходимых случаях разрешить им проводить соответствующие надзорные, оперативно-розыскные и следственные мероприятия» [15, с. 272].

Также, учитывая опыт Китайской Народной Республики, где с 2010 г. была введена официальная персонализация интернет-пользователей, что позволило снизить количество киберпреступлений, совершаемых в сети Интернет, считаем нужным аналогичное предусмотреть и в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [15, с. 272]. Полагаем, что в данном нормативно-правовом акте следует установить для пользователей сети Интернет обязанность указывать свои персональные данные (Ф.И.О., год рождения, паспортные данные) при регистрации, создании и подтверждении учетной записи, получении аккаунтов на различных сайтах, веб-страницах, в социальных сетях.

4) Активизация и совершенствование международно-правового сотрудничества. В связи с тем, что компьютерные преступления в силу своей специфики все больше приобретают транснациональный и трансграничный характер, необходимо усилить и международное сотрудничество в области борьбы с этими деяниями [15, с. 271]. Для обмена опытом и консолидации усилий в борьбе с киберпреступностью правоохранительным органам следует проводить международные семинары, результатами которых могут стать совместно разработанные и утвержденные планы мероприятий по предупреждению компьютерной преступности.

В качестве специальных идеологических мер противодействия компьютерным преступлениям предлагаем усилить деятельность средств массовой информации в данном направлении и обратить внимание на правовое просвещение российского общества. Это может быть реализовано в виде проведения целевых мероприятий, освещающих вопросы ответственности за данные деяния, распространения

информации об успешной борьбе с киберпреступностью. Также было бы уместным вести виктимологическую профилактическую работу (профилактику среди потенциальных жертв преступления) через соответствующие сообщества, группы, каналы, имеющихся в социальных сетях или посредством сети Интернет в целом [6, с. 41]. Относительно последнего, в качестве примера приведем деятельность некоторых телеграмм-каналов, которые информируют граждан о вероятности совершения в отношении них «кибератак» со стороны Центра информационно-психологических спецопераций (так называемых «ЦИПсО», являющихся подразделением Вооруженных Сил Украины), с целью устрашения населения Донбасса, разъясняют как обезопасить хранение электронной информации в социальной сети и др., что не дает преступникам осуществлять свои намерения в полном объеме.

Как специальные организационно-управленческие и технические меры предупреждения компьютерных преступлений можно обозначить следующие:

1) Подбор кадров и проверка персонала, который имеет прямое отношение к информационным базам.

2) Обучение в высших учебных заведениях будущих сотрудников правоохранительных органов дисциплинам «Информационная безопасность», «Защита информации, информационно-телекоммуникационных сетей и компьютерных устройств».

3) Создание курсов повышения квалификации для сотрудников служб и ведомств, связанных с обеспечением информационной безопасности.

4) Организация мониторинга и контроля над установкой и постоянным обновлением антивирусного программного обеспечения, а также иных систем компьютерной защиты в государственных и муниципальных организациях.

5) Создание научно-исследовательских центров и лабораторий по разработке и модификации программных систем компьютерной защиты с правом реализации своей продукции заинтересованным физическим и юридическим лицам [15, с. 272–273].

Таким образом, на основании проведенного исследования мы предлагаем следующую комплексную систему мер по предупреждению преступлений в сфере компьютерной информации:

1) общие (политические, экономические, социальные и т. д.);

2) специальные (правовые, идеологические, организационно-управленческие, технические и др.).

Полагаем, что данная система взаимоувязанных предупредительных мер позволит снизить уровень распространенности киберпреступлений, а также уменьшить трудности в ходе их выявления, расследования и раскрытия.

Следует также отметить, что обозначенный нами перечень является открытым в силу развития с каждым годом информационно-коммуникационных технологий и появления новых способов совершения и сокрытия указанных преступных действий. Поэтому данная тема может быть предметом дальнейших исследований. Однако можно констатировать, что только интегративный подход в применении разработанных нами предупредительных мер может повысить уровень информационной безопасности России, укрепить суверенитет государства в информационном пространстве и сделать предупреждение киберпреступлений более эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года / Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.

3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года / Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года / Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года / Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
6. Гладких А. В. Предупреждение преступлений в сфере компьютерной безопасности // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее. Сборник научных трудов. – Красноярск, 2022. – Вып. 9. – С. 39–42.
7. Долгушина П. Е., Федосеева В. С. Предупреждение компьютерной преступности в РФ: Интегративный и комплексный подходы // Технологии XXI века в юриспруденции: мат-лы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 года) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – С. 454–460.
8. Маслакова Е. А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Орел: РГБ, 2008. – 198 с.
9. Шахрай С. С. Основные направления предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 11. С. 124–126.
10. Вехов В. Б. Компьютерные преступления: Способы совершения и раскрытия / под ред. Б. П. Смагоринского. – М.: Право и Закон, 1996. – 182 с.
11. Малыковцев М. М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГБ, 2007. – 186 с.
12. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: РГБ, 2017. – 418 с.
13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
14. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/ (дата обращения: 07.02.2023). – Загл. с экрана.
15. Пархоменко С. В., Евдокимов К. Н. Предупреждение компьютерной преступности в Российской Федерации: Интегративный и комплексный подходы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 265–276.

MEASURES TO PREVENT CRIMES IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Annotation. The article examines the statistical data and scientific basis for the prevention of crimes in the field of computer information, identifies the problem of specificity, prevalence and difficulty of their detection and disclosure. Based on the study, measures have been developed to prevent computer crimes. In the course of the study in this work, general scientific methods were used, including analysis and synthesis, comparative legal, as well as logical methods of scientific knowledge.
Keywords: crimes in the field of computer information, cyber attacks, combating cybercrime, general preventive measures, special preventive measures.

Khominez A.
Scientific adviser: Semykina L.A., Ph. D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: anya.eremeeva.1999@mail.ru

УДК 343.54

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Чернов Н.К.
Научный руководитель: Максименко О.Б., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера. На сегодняшний день в анализируемой сфере требуются коренные преобразования ввиду конструктивной неполноценности норм уголовного законодательства. В работе рассмотрены проблемы, связанные с толкованием понятия иных действий сексуального характера. Существует необходимость установления мотива при их совершении. Рассматриваются сложности квалификации насильственных половых преступлений с участием транссексуалов, гермафродитов и малолетних. Выявлена необходимость объединения анализируемых преступных деяний в единый состав.
Ключевые слова: насилие, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, мотив преступления, малолетние.

Современные условия жизни подвергаются существенным изменениям в различных сферах. Одной из задач государства является защита чести и достоинства человека. При нынешней демократизации наблюдается тенденция падения нравственных идеалов и моральных принципов. На фоне всеобщей доступности порнографических материалов, коммерциализации сексуальных отношений, число половых преступлений продолжает расти. Особую опасность представляют насильственные половые преступления. Социальная опасность данных деяний заключается в возможных тяжких последствиях, которые могут нанести существенный вред психике и здоровью потерпевшего.

Криминогенная ситуация в Российской Федерации в настоящий период времени показывает, что благополучие общества остается на достаточно низком уровне. Значительное количество преступлений, в том числе половых, остаются нераскрытыми, ввиду чего статистические данные касательно противоправных сексуальных деяний являются относительными.

Актуальность исследования обусловлена тяжестью последствий, которые имеют место быть в результате совершения анализируемых противозаконных действий. Наступившие последствия физического и психологического характера являются необратимыми, ввиду чего анализируемым деяниям присуща высокая степень общественной опасности.

Целью настоящего исследования является выявление нуждающихся в исправлении проблем квалификации изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Существует необходимость объединения составов рассматриваемых преступлений, поскольку большинство проблем квалификации возникает при их разграничении правоприменителем. Так, признаки анализируемых преступлений имеют идентичный характер. Кроме того, за совершение рассматриваемых преступлений предусмотрены равные пределы ответственности, ввиду чего можно утверждать, что законодатель признает их в равной степени общественно-опасными. Многие ученые имеет альтернативную точку зрения по данному вопросу. Например, К.Н. Лой отмечает: «Лесбиянство и мужеложство относятся к отклонениям и парафилиям. Их насильственное совершение может привести к пагубным последствиям в виде расстройства половой идентичности, они могут нанести больший психологический вред, чем насильственное половое сношение в естественной форме, что говорит о повышенном уровне их общественной опасности» [1, с. 80]. Позиция упомянутого автора не отвечает требованиям закона, поскольку на

степень опасности преступления влияет его объект, а не психологические травмы, возникшие у потерпевшего. Такие травмы являются закономерным последствием, но не они являются фактором определения опасности криминального деяния.

Между рассматриваемыми преступлениями существуют некоторые различия:

– совершить изнасилование могут только лица, обладающие половыми признаками мужчины. При рассмотрении насильственных действий сексуального характера ключевой особенностью является то, что первичные и вторичные половые признаки преступника не оказывают влияния на квалификацию;

– в случае совершения изнасилования потерпевшим может быть лицо, которое обладает женскими половыми признаками. По ст. 132 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в роли потерпевшего выступают лица различного пола и гендерной принадлежности;

– изнасилование совершается исключительно путем сношения разных полов. Перечень способов совершения второго преступления имеет более вариативную структуру.

Таким образом, содержание анализируемых деяний различается лишь в том, что состав изнасилования имеет меньшую вариативность способов совершения противоправного деяния и предполагает только естественный акт между лицами с разными половыми и гендерными признаками. Состав изнасилования имеет статус специального.

Одной из основных проблем выступает решение законодателя закрепить несколько действий, относящихся к сексуальным – половое сношение, лесбиянство и мужеложство. На момент проведения исследования отсутствуют нормы, которые содержат разъяснения касательно содержания такой дефиниции, как иные действия сексуального характера. На практике имеется ситуация, когда правоприменитель сам разграничивает, какие действия виновного образуют иные действия сексуального характера. Для понимания данного аспекта необходимо обращаться к осмыслениям упомянутой дефиниции различными учеными. Например, Т.В. Кондрашова пишет, что это «любострастные действия, возбуждающие и (или) реализующие удовлетворение половой страсти, выражающиеся в физическом контакте с потерпевшим в виде сексуального проникновения в полость тела жертвы» [2, с. 74]. Выделяют два главных критерия, наличие которых позволяет признать деяние сексуальным – возбуждение, удовлетворение половой страсти. Кроме того, важно учитывать объект посягательства. Деяния, имеющие объективную сексуальную окраску, не должны совершаться исключительно с целью причинения физической боли потерпевшему. Таким образом, рассматриваемое понятие можно толковать, как виды сексуальной активности альтернативного характера, возникающие между лицами различных полов и гендерных типов, имеющие объективную сексуальную окраску.

Еще одной проблемой применения ст. 132 УК РФ является констатирование мотива, имеющего сексуальную направленность, при совершении иных действий сексуального характера. Законодателем разъяснено, что мотив совершения преступления не учитывается при совершении упомянутых действий. Подобный подход не является верным. В отношении анализируемых действий мотив преступления обязательно должен учитываться, поскольку они не предполагают проникновения в тело потерпевшего, как, к примеру, при половом сношении.

Таким образом, используемая законодателем терминология вызывает ряд затруднений при практическом применении норм уголовного закона. Подобная терминология наполняет уголовное законодательство чуждой ему лексикой и вызывает у правоприменителя необходимость обращаться к различным источникам с целью верного толкования. Соответственно, неверное понимание норм уголовного закона может привести к ошибочной квалификации.

В представленной ситуации целесообразным будет закрепление обобщающего термина – действия сексуального характера. По мнению М. Л. Прохорова, И. Н. Улитина, К. И. Шкапертина их нужно толковать как «взаимодействия двух лиц независимо от пола, сопряженные с непосредственным физическим контактом в форме проникновения половых органов, иных частей тела или посторонних предметов в полости тела партнера, прикосновения, поглаживания половых органов, анального отверстия, груди, а также иных частей тела, если это сопряжено с намерением получения сексуального удовольствия, сексуальным возбуждением или удовлетворением половой потребности» [3, с. 116]. Такое нововведение поспособствует устранению ряда практических ошибок.

Остается сложным разграничение рассматриваемых преступных деяний с участием транссексуалов. В частности, затруднительным является определение субъективной составляющей. К примеру, как разграничить сексуальное посягательство в отношении транссексуала, если оно совершено лицом, имеющим мужские половые признаки, с целью установления насильственного полового контакта с женщиной? В рассматриваемой ситуации правоприменитель должен расценивать произошедшее по ст. 131 УК РФ, что противоречит интерпретации традиционных межполовых отношений.

Появляются схожие трудности квалификации, когда потерпевшим является гермафродит. Человек, страдающий гермафродитизмом, имеет репродуктивные органы каждого из полов, которые могут быть развиты в разной степени.

По данному поводу справедливо пишет Т.С. Макеева: «Половой акт, совершённый против воли мужчины, имеющего женские половые органы, не может квалифицироваться ни по статье 132 УК РФ, так как она не предусматривает уголовную ответственность за половое сношение, ни по статье 131, так как она предусматривает в качестве потерпевшей женщину» [4, с. 111].

Количество половых преступлений, подразумевающих использование насилия, с каждым годом заметно снижается. В соответствии с информацией, полученной с официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с января по октябрь 2022 года количество случаев изнасилования и покушений на изнасилование снизилось на 7,2 %. [5]. К декабрю 2022 года их численность уменьшилась еще на 4,2% [6].

Также в положительную сторону изменилось количество случаев насильственных действий сексуального характера. Е.Р. Макоева, И.К. Аникомов пишут, что «в 2021 году в России было зарегистрировано около 3,45 тысячи данных преступлений, что свидетельствует о незначительном снижении числа по сравнению с 2020 годом» [7, с. 326].

Несмотря на позитивные статистические изменения, имеются и негативные тенденции. С 2015 года заметен существенный прирост анализируемых преступлений в отношении подростков. Опираясь на статистические показатели по анализируемой теме, можно утверждать, что механизм охраны интересов несовершеннолетних имеет ряд недостатков, требующих устранения.

Остается нерешенной проблема разграничения приготовления к изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера, при которых субъект преступления демонстрирует своим жертвам материалы, имеющие сексуальный подтекст.

Так, если жертвой аморальных и противозаконных действий выступает девочка, которая не достигла возраста 14 лет, для квалификации необходимо применять ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ. Обратная ситуация возникает, когда в роли жертвы выступает малолетнее лицо, обладающие мужскими половыми признаками. В таком случае содеянное подпадает под ч.1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Когда мужчина

демонстрирует материалы сексуального характера одновременно двум малолетним потерпевшим разных полов, такие действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Возникает иная ситуация, когда преступником является женщина. А.С. Трубинская по этому поводу пишет: «В случае если те же деяния свершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ» [8, с. 117]. Таким образом, в представленной ситуации основную сложность вызывает то, что совершить изнасилование может только мужчина. При этом в роли потерпевшего выступает женщина, что отмечается в законодательной структуре состава изнасилования.

Изложенная выше проблематика является крайне актуальной, поскольку наступившие для малолетнего потерпевшего последствия являются необратимыми и способны привести к существенному изменению психики: от кратковременных депрессивных состояний до посттравматического стрессового расстройства с аутоагрессивными тенденциями и формированием аномальной личности.

В представленной ситуации законодателю требуется четко изложить позицию касательно равнозначности рассматриваемых деяний. Ответственность должна быть более вариативной, если степень общественной опасности рассматриваемых преступлений не является равнозначной. В иной ситуации преступления требуется объединить в единый состав. Можно выделить два основных подхода для разрешения анализируемых проблем:

1) Исключить ст. 131 УК РФ путем расширения объективной стороны ст. 132 УК РФ;

2) Исключить ст. 132 УК РФ путем расширения объективной стороны ст. 131 УК РФ.

Считаем целесообразным объединить составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера в ст. 131 УК РФ, изменив название статьи на «изнасилование и иные действия сексуального характера» и закрепив следующую формулировку преступного деяния: «половое сношение, а равно совершение иных действий сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)».

Предложенное улучшение законодательства не только позволит обеспечить должный уровень защиты прав и законных интересов потерпевших, но и поспособствует предотвращению совершения новых преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лой Н.К. Изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ): проблемы определения понятийного аппарата // Актуальные проблемы экономики, управления и права : сборник научных статей. Хабаровск. – 2020 – С. 78-81.

2. Кондрашова Т.В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1 (130). – С. 72-81.

3. Прохорова М. Л. Уголовная ответственность за половые преступления (статьи 131 и 132 УК РФ): отдельные аспекты правовой регламентации / М. Л. Прохорова, И. Н. Улитин, К. И. Шкапертина // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 9. – С. 114-120.

4. Макеева Т. С. Проблемы квалификации изнасилования в российском уголовном праве / Т. С. Макеева // Вестник магистратуры. – 2018. – № 9-2(84). – С. 111-112.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-октябрь 2022 года / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/33913311/ (дата обращения: 14.02.2023).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года / Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 14.02.2023).

7. Макоева Е. Р. Проблемы квалификации насильственных действий сексуального характера / Е. Р. Макоева, И. К. Аникомов // Образование и право. – 2022. – № 8. – С. 325-329.

8. Трубинская, А. С. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних / А. С. Трубинская // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство. – 2017. – С. 114–117.

PROBLEMS OF THE QUALIFICATION OF RAPE AND VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE

Annotation. This article is devoted to the study of the problems of qualification of rape and violent acts of a sexual nature. Today, the analyzed sphere requires fundamental reforms due to the constructive inferiority of the norms of the criminal legislation. The work deals with problems related to the interpretation of the concept of other sexual acts. There is a need to establish the motive for their commission. The complexities of qualifying violent sex offenders involving transsexuals, hermaphrodites, and minors are discussed. The necessity of combining analyzed criminals into a single composition has been revealed.
Keywords: violence, rape, violent acts of a sexual nature, crime motive, juvenile.

Chernov N.
Scientific adviser: Maksimenko O.B., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: chernovoffici@mail.ru

УДК 341

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Чернышов П.С.
Научный руководитель: Полякова Н.Г., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В настоящей статье проанализирована история создания Всемирной торговой организации. Рассмотрены причины, которые привели к необходимости учреждения универсального международного органа в сфере международных торговых отношений. Проанализированы раунды торговых переговоров в период с 1947 г. по 2010 г., которые проходили в рамках ГАТТ и ВТО. Особое внимание уделено анализу Уругвай-раунда (в 1986-1994 гг.) и Доха-раунда (2002-2010 гг.), которые ознаменовали новый этап в международных торговых отношениях, а также выделена значимая роль осуществления торговых переговоров. Проанализированы положения Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации, в соответствии с которыми выделены основные черты рассматриваемой Организации. Установлено, что в своей деятельности ВТО руководствуется основополагающими принципами: принципом национального регулирования и принципом наибольшего благоприятствования.
Ключевые слова: Всемирная торговая организация, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, Организация Объединенных Наций, право ВТО, торговые переговоры.

В 2022 году исполнилось 10 лет со дня присоединения Российской Федерации к Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Не смотря принятые в рамках введения экономических санкций государствами-членами ВТО меры по ограничению торговли с Российской Федерацией, наша страна пока не планирует выходить из организации. В то же время, изучение вопросов истории и дальнейшей стратегии участия России в ВТО являются важными как с правовой, так и с экономической точек зрения, что и обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Основным регулятором международных торговых отношений выступают международные соглашения, заключенные в рамках Всемирной торговой организации. ВТО как универсальный международный орган призвана развивать систему международной торговли, в том числе путем активного участия в глобализационных процессах. Необходимость создания ВТО обусловлена и процессами формирования

системы международных торговых отношений в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ). Кроме того, деятельность ВТО направлена на урегулирование процесса торговли, разрешение торговых споров между правительствами; организацию торговых переговоров. В основе этой деятельности лежат соглашения ВТО, регламентирующие политику международной коммерции и торговли, которые прошли довольно длительный путь развития.

Истоки торгового права можно отнести к периоду XII – XIII ст., когда торговые отношения возникали преимущественно между частными лицами. В XVII—XIX ст. постепенно происходит принятие торговых кодексов (или законов) в различных государствах, а регулирование торговых отношений выходит на новый уровень. Появление и дальнейшее развитие нормативной базы позволяет укреплять позиции государств в международных взаимодействиях. Процесс эволюции торговых отношений привел к осознанию необходимости создания организации по торговым вопросам, что также обуславливается необходимостью установления мирового правопорядка в торговых и смежных с ними отношениях, в рамках которого торговые взаимоотношения будут доступны для каждой из стран. Вырабатываемые веками торговые обычаи, традиции, правила и нормы нуждались в систематизации, а также в выработке единого свода правил.

История создания ВТО берет свое начало с 1940-хх гг., когда возникли идеи об организации международной торговли в послевоенный период. Несмотря на снижение экономических возможностей стран, которые принимали участие в войне, инициатором создания подобной организации выступила Америка, преследуя свои цели по обеспечению трафика товаров и либерализации национального рынка. На одной из сессий Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций было принято решение созвать Конференцию ООН по торговле и занятости, которой в последствии осуществлялась деятельность по разработке проекта устава международной торговой организации. Следует обратить внимание на то, что разработанный устав так и не был ратифицирован США. По версии американской стороны, положения документа ставили под угрозу свободу предпринимательства, а также позволяли применять различные дискриминационные инструменты в торговой сфере. Следует отметить, что США проводит последовательную политику ограничений в сфере международной торговли и деятельности ВТО. Так, на сегодняшний день именно США блокируют реформирование механизма разрешения споров между государствами в рамках ВТО, в результате чего апелляционный орган ВТО не функционирует с 11 декабря 2019 года ввиду истечения срока полномочий арбитров.

В рамках деятельности Конференции также было разработано Генеральное соглашение по тарифам и торговле [1], в котором систематизированы правила международной торговли, и который стал базисом для проведения торговых переговоров. С 1947 г. по 1994 г. состоялось 8 раундов: в г. Женеве (в 1947 г. и в 1956 г.), в г. Аннеси (в 1949 г.), в г. Торки (в 1950 г.), Диллон-раунд (в 1960-1961 гг.), Кеннеди-раунд (в 1964-1967 гг.), Токио-раунд (в 1973-1979 гг.), Уругвай-раунд (в 1986-1994 гг.) [2, с. 47]. Перечисленные раунды торговых переговоров в своей основной повестке были ориентированы на вопросы снижения тарифов в различном процентном соотношении и антидемпинговые меры, а также оказали значительное воздействие на усовершенствование системы актов, что поспособствовало расширению сферы действия ГАТТ. Важную роль в данном случае имеет Уругвайский раунд, результатом которого стало принятие Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации [3], что, в свою очередь, ознаменовало новый этап в эволюции международных торговых отношений. Несомненным преимуществом данного Соглашения выступает возможность государств присоединяться к системе права ВТО, что с юридической точки зрения позволяет сотрудничать без заключения

дополнительных торговых договоров. Рассматриваемый раунд переговоров ознаменовался также и расширением сферы деятельности рыночной экономики, привлечением новых государств в торговлю мирового уровня, применением новых технологий и сети Интернет в торговой сфере, соответственно, доработкой и принятием ГАТТ 1994 г. [4].

Уругвай-раунд (в 1986-1994 гг.) позволил международным торговым отношения выйти на новый уровень. К результатам этих торговых переговоров также можно отнести и формирование действующей системы права ВТО, которая основана на унифицированных принципах и нормативных актах. Акты и принципы в своей совокупности формируют систему, а Организация в данном случае представляет собой механизм по обеспечению достижения целей устойчивого развития, целесообразного использования мировых ресурсов, создания устойчивой и эффективной правовой базы, формирования глобальной экономической стратегии, взаимодействия государств в рамках международных торговых отношений. В свою очередь, и создание Органов разрешения споров в сфере торговых отношений можно охарактеризовать как новеллу, что обуславливается возможностью толковать и разъяснять странам-участницам сущность права ВТО, а также осуществлять непосредственное разрешение споров.

В своей современной деятельности Всемирная торговая организация, как ранее ГАТТ, применяет принципы национального регулирования и наибольшего благоприятствования, которые можно считать основополагающими. Следует отметить, что в рамках ВТО приоритетным направлением представляются международные торговые отношения. Данное положение также отражает и подтверждает эволюционные процессы в рамках рассматриваемой сферы.

Несмотря на то, что в рамках ВТО создана достаточно эффективная система, возникают вопросы, требующие выработки новых решений и вариативности действий. Например, противоречия интересов государств развитых и развивающихся: первые (в большинстве своем) являются производителями и поставщиками, а вторые – покупателями. Кроме того, на фоне кризисных явлений в мировой экономике в связи с проведением санкционной политики возникают разногласия между США и странами Евросоюза. Так, некоторые статьи американского закона под названием «Акт о снижении инфляции» (IRA) противоречат линии Всемирной торговой организации (ВТО). Принятый летом 2022 года в США протекционистский закон о снижении инфляции предоставляет субсидии производителям электромобилей, аккумуляторов и энергетического оборудования при условии, что они выпущены в Соединенных Штатах. По мнению европейских лидеров, данный закон противоречит принципам ВТО и может привести к торговому противостоянию.

В качестве специфики деятельности Всемирной торговой организации следует выделить единство юридической сущности как одной из центральных международных межправительственных организаций, которая регулирует многостороннюю торговую систему; в том числе анализируемая Организация в своей деятельности выступает институциональным международным форумом, который позволяет прибегать к переговорным процессам между государствами-участниками в целях разрешения различных вопросов в рамках торговых отношений, а также позволяет создать юридический механизм в рамках оформления таких переговоров. Перечисленное также определяет организационные особенности ВТО.

Проанализировав п. 1 ст. 2 Марракешского соглашения, можно выделить следующие черты Организации: компетенция прямо предусматривается в торговых соглашениях, которые в своей совокупности составляют право ВТО; представляет собой институциональный международный форум по организации торговых переговоров; выступает посредником между странами-участницами в целях сохранения диалога между ними. В качестве примера следует отметить Доха-раунд (2002-2010 гг.), который проходил

в рамках ВТО. Центральными документами повестки выступали: Министерская декларация Дохи; Декларация о соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и вопросам здравоохранения; Решение по вопросам применения действующих соглашений ВТО и по существующим в этой области проблемам. Упомянутый переговорный процесс также именовался как «Раунд развития» и предполагал совершенствование положений Уругвайского раунда, в частности по вопросам антидемпингового регулирования, сельскому хозяйству, услугам, защите прав интеллектуальной собственности, пошлин на промышленные товары, торговле во взаимосвязи с окружающей средой, «сингапурским вопросам» (регулирование инвестиций, конкуренция, транспарентность при осуществлении правительственных закупок и упрощение торговых процедур), совершенствованию системы урегулирования споров и др. Благодаря данному раунду удалось достичь консенсуса по вопросам снижения тарифов, субсидий и антидемпинговых мер, а также были затронуты вопросы современных правил торговли, электронной торговли и др. В том числе, был одобрен План действий, которым предусматривался срок завершения настоящих переговоров, а также предложены завершающие согласования по вопросам сельского хозяйства, которые включали в себя: снижение тарифов на промышленные товары по швейцарской гармонизирующей формуле, в соответствии с которой снижению подлежат более высокие ставки тарифов; снижение тарифов на отдельные категории товаров; прямую взаимозависимость объема льгот от коэффициента сокращения тарифов [5].

Таким образом, процесс формирования и развития Всемирной торговой организации был длительным, поскольку первые идеи о ее создании относятся к 1940-ми гг. и были продиктованы необходимостью восстановления экономики после военного периода. При этом, непосредственное нормативное учреждение Организации произошло в 1994 г. В свою очередь, с 1947 г. действовало Генеральное соглашение по тарифам и торговле, в рамках которого начался продолжительный процесс формирования и систематизирования обширной базы правил и предписаний в рамках международной торговли. Однако положения ГАТТ (1947 г.) требовали пересмотра и не в полной мере отвечали трансформирующимся торговым требованиям и стандартам мировой торговли того времени, в том числе возрастала необходимость в судебной защите и разрешении споров в сфере торговых отношений. Соответственно, возникла необходимость в создании специальной организации на международном уровне и в пересмотре неактуальных нормативных положений, чему поспособствовал Уругвайский раунд, на котором приняты ГАТТ 1994 г. и создана ВТО. Учреждение Всемирной торговой организации ознаменовало новый этап развития международных торговых отношений и мировой экономики. Также следует отметить, что в рамках ВТО были сформированы органы разрешения споров. Отметим, что, несмотря на рекомендательный характер решений, они создают прецеденты по вариативности разрешения экономических споров. Процедура разрешения споров между странами-участницами ВТО позволяет прийти к взаимному согласию, а также способствует толкованию и разъяснению правовых норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле: заключено от 30.10.1947 // Conventions [Электронный ресурс]. URL: https://www.conventions.ru/int/16433/ (дата обращения: 01.02.2022).
2. Моторина А.А. Международное право, как основа ВТО // Научные записки молодых исследователей. 2015. С. 45-50.
3. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации: заключено в г. Марракеше от 15.04.1994 // Conventions [Электронный ресурс]. URL: https://www.conventions.ru/int/6310/ (дата обращения: 01.02.2022).
4. Генеральное соглашение по тарифам и торговле: заключено в г. Марракеше от 15.04.1994 // Conventions [Электронный ресурс]. URL: https://www.conventions.ru/int/16584/ (дата обращения: 01.02.2022).

5. Переговоры Дохийского раунда по перспективным вопросам // НИУ ВШЕ [Электронный ресурс]. URL: https://tradepol.hse.ru/programme4.8.4 (дата обращения: 01.02.2022).

WORLD TRADE ORGANIZATION: HISTORY OF CREATION AND MODERNITY

Annotation. This article analyzes the history of the creation of the World Trade Organization. The reasons that led to the need to establish a universal international body in the field of international trade relations are considered. The rounds of trade negotiations in the period from 1947 to 2010, which took place within the framework of the GATT and the WTO, are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the Uruguay Round (1986-1994) and the Doha Round (2002-2010), which marked a new stage in international trade relations, and also highlighted the significant role of trade negotiations. The provisions of the Marrakesh Agreement on the Establishment of the World Trade Organization are analyzed, according to which the main features of the Organization under consideration are highlighted. It is established that in its activities the WTO is guided by fundamental principles: the principle of national regulation and the principle of the most favored nation.
Keywords: World Trade Organization, General Agreement on Tariffs and Trade, United Nations, WTO law, trade negotiations.

Chernyshov P.
Scientific adviser: Polyakova N.G., Ph.D., Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: p.chernyshov35@gmail.com

УДК 346

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шейка Я. А.
Научный руководитель: Бондарь А. В., ассистент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данной работе рассматриваются различные точки зрения в отношении понятия «искусственный интеллект». На основе детализированного изучения сущности ИИ была выработана авторская дефиниция рассматриваемого феномена. Также, в ходе исследования были проанализированы основные направления использования искусственного разума в предпринимательской деятельности. Кроме того, автором были спрогнозированы перспективы дальнейшего применения интеллектуальных систем в бизнес-корпорации.
Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, предпринимательская деятельность, понятие «искусственного интеллекта», технологии.

Возникновение искусственного интеллекта (далее – ИИ) – результат перманентного процесса общечеловеческого развития и апробирования различных разработок в повседневной жизни общества на протяжении длительного времени.

Интенсивное внедрение различных технологий в повседневную жизнь общества является закономерным процессом на фоне эволюции человечества. Одной из таких инноваций представляется искусственный интеллект, способствующий прогрессу отдельных сфер науки. В настоящее время применение ИИ оказывает содействие естественному разуму в медицине (диагностика болезней, создание вакцин, разработка удобных протезов с учетом анатомических особенностей человека), агрокомплексе (робототехника для сбора урожая, анализ состояния почвы, автоматизированные ирригационные системы), промышленности (техническое обслуживание, применение роботов в производстве, отчет о состоянии оборудования на предприятии) и т. д. Вышеизложенное и обусловливает актуальность выбранной темы.

Прежде, чем начать анализ применения искусственного интеллекта в предпринимательских целях, необходимо рассмотреть теоретическую часть, касательно понятия «искусственный интеллект».

Терминология в сфере искусственного разума представляет собой глоссарий, характеризующий ИИ, как многосложную систему, включая такие понятия, как: алгоритм, машинное обучение, глубокое обучение, виртуальная реальность, нейронная сеть и др. Среди ученых, вышеуказанные составляющие элементы данного юнита интерпретируются в разнообразных формулировках, как и сама дефиниция понятия «искусственного интеллекта».

Прежде чем приступить к анализу современных определений ИИ, следует упомянуть о том, что, впервые термин «искусственный интеллект» в научный оборот был введен американским информатиком Джоном Маккарти в 1956 году на конференции в Ганновере. Согласно определению: «искусственный интеллект – это наука и технология создания интеллектуальных машин, в особенности – интеллектуальных компьютерных программ. Искусственный интеллект связан с задачей использования компьютеров для понимания работы человеческого интеллекта, но не ограничивается использованием методов, наблюдаемых в биологии» [1].

На сегодняшний день в Российской Федерации дефиниция рассматриваемого феномена содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Согласно пп. «а» п. 5 вышеуказанного документа: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [3].

С точки зрения П. М. Морхата, искусственный интеллект представляет собой полностью или частично автономную самоорганизующую (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему, наделенную/обладающую способностями и возможностями мыслительных и когнитивных действий, саморегулирования, принятия решений и решения задач и проблем, самообучения [4] и т.д.

Согласно определению И. Р. Бегишева, Э. Ю. Латыповой и Д. В. Кирпичникова, искусственный интеллект представляет собой автономную интеллектуальную систему, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумулирования, накопления, изучения и использования информации и имеющую материальное выражение в технических устройствах – юнитах ИИ [5].

Одними из важнейших особенностей рассматриваемого феномена являются системность и комплексность, которая предполагает разнообразность внутреннего строения и сложность алгоритмов, на основе которых данный ресурс выполняет свою многофункциональную деятельность. Согласно этимологии, слово «комплекс» означает «что-либо тесно связанное воедино», тогда как «система» – это определенный порядок в расположении и связи между некими частями (в данном случае речь идет о комплексе). Так, одним из признаков искусственного разума является его комплексная системность.

Другая черта, характеризующая ИИ, как футуристический ресурс – способность к относительно самостоятельным, автономным действиям, таким как: получение и

анализ информации, принятие решений, самообучение, разрешение поставленных задач и проблем по аналогии с человеческим мышлением. Следует отметить, что выполнение подобных действий, считающихся прерогативой естественного мозга и является основополагающей целью деятельности искусственного разума. Однако, основной проблемой данных технологий в нынешнее время считается тривиальное отсутствие человеческой интуиции, что констатирует несовершенство, а также необходимость перманентного осуществления контроля за функционированием подобных моделей естественного разума.

На основании проведенного анализа существующих точек зрения и признаков юнита ИИ, предлагается следующее определение: искусственный интеллект – это комплексно-системная, искусственная модель естественного разума, не обладающая интуицией, способная к относительно самостоятельной, автономной реализации своих действий (получение и анализ информации, принятие решений, самообучение, разрешение поставленных задач и проблем по аналогии с человеческим мышлением).

Так, имея представление о сущности искусственного интеллекта, можно рассмотреть непосредственное применение ИИ в сфере предпринимательства.

В первую очередь, целесообразно упомянуть о том, что на сегодняшний день в области правового регулирования предпринимательских отношений с использованием ИИ действует Федеральный закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ – городе федерального значения Москва и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», которым предлагается основные понятия и механизмы использования искусственного разума в области предпринимательской деятельности [6].

Также отметим, что по данным исследований Российской ассоциации электронных коммуникаций и ВШЭ, около 91 % бизнесменов осведомлены о возможностях феномена ИИ, тем не менее, как показывает практика, лишь 57 % используют исследуемые цифровые технологии [7].

В качестве примера применения искусственного интеллекта в предпринимательской практике является использование последнего крупнейшей компанией Alibaba, которая специализируется на электронной коммерции [8]. Содействие ИИ для достижения коммерческих целей заключается в прогнозировании количества покупок клиентов; создании умных городов, сущность которых выражается в минимизации пробок; помощь фермерам в вопросе отслеживания урожая, чтобы повысить урожайность и уменьшить затраты при помощи искусственного разума.

Аналогичным примером является корпорация Amazon. Данное предприятие эксплуатирует феномен искусственного интеллекта в аспекте цифровой коммуникации с клиентской аудиторией [8]. Так, голосовой помощник Alexa взаимодействует с покупателями, оказывая консультационные услуги последним. Более того, иные алгоритмы, применяемые рассматриваемой компанией, собирают данные о покупательских привычках клиентов и составляют рекомендации покупок с помощью прогнозной аналитики.

Следует отметить, что голосовые помощники в настоящее время используются буквально повсеместно. В Wildberries ИИ «Ева Вайлет» консультирует 6 из 10 пользователей. По словам представителей маркетплейса, процесс автоматизации выполнения трудовых функций является одной из значимых целей [10]. Чат-бот запущен ещё 3 года назад, однако эффективно он стал работать с момента усовершенствования алгоритмов. В 2021 году контакт-центр WB получил более 12 млн запросов от покупателей, и чат-бот обработал около 58 %.

В Российской Федерации за последние годы, также пролеживается интенсификация внедрения интеллектуальных систем в бизнес-сферу. В качестве

примера целесообразно выделить сеть пиццерий «Додо Пицца». Вышеуказанная компания интегрировала в свою деятельность робота, отвечающего на звонки и обрабатывающего обращения клиентов [11]. В 2021 году компании благодаря роботу стала экономить более 1 млн рублей в месяц на обработке входящих звонков, а клиенты стали тратить меньше времени в ожидании ответа оператора. Те вопросы, которые можно решить без оператора, например, изменение способа оплаты, отмена заказа, предоставление информации о сделанном заказе, робот берёт на себя.

Крупнейший российский ритейлер X5 Retail Group использует технологии компьютерного зрения. Искусственный интеллект распознаёт фото- и видеопотоки с целью повышения доступности товаров на полках. Как это происходит: камеры в магазине направлены на стеллажи и фиксируют пустые места. Компьютер обрабатывает фото и видео, распознаёт товары, определяет необходимость заполнения и привлечения для этого персонала. Работники магазина получают точную информацию по ассортименту и выкладке. Система распознаёт любые товары на полках с точностью более 95 %. А скорость формирования отчёта составляет от 10 до 30 секунд.

Иным примером является корпорация «Газпром нефть». Последняя впервые успешно применила машинное обучение в целях поиска скрытых запасов нефти. Искусственный интеллект предсказал участки залежей нефти, которые исследователи не могли определить традиционными методами. Результатом испытания на Ямале стал дополнительный приток нефти в пределах 70 баррелей в сутки. При этом себестоимость извлечения нефти составила всего $1,5 за баррель, и разработка технологии окупилась по итогам пилотного проекта.

На сегодняшний день существуют различные идеи применения искусственного интеллекта в сфере предпринимательской деятельности. В первую очередь, стоит упомянуть о колоссальной популярности чат-бота ChatGPT. На данный момент, вышеназванная разработка пользуется активным спросом со всего мира. Алгоритмы исследуемого робота способны вести конструктивные диалоги, создавать такие объекта интеллектуального права собственности, как песни, стихи, музыка и т.д. Представляется перспективным направление реализации функционала этой технологии в предпринимательской сфере. Так, например, робот может вести бизнес-диалог с клиентской базой, составлять расчеты, предоставлять рекомендации и т.д.

Также, юниты-ИИ могут оказать содействие работодателю в аспекте создания реклам, генерированию описания товаров на маркетплейсах, написании статей о предлагаемой услуге или производимому товару, созданию иллюстраций и прочего.

Исходя из вышеизложенного, на основе проведенного анализа существующих точек зрения и признаков юнита ИИ, предлагается следующее определение: искусственный интеллект – это комплексно-системная, искусственная модель естественного разума, не обладающая интуицией, способная к относительно самостоятельной, автономной реализации своих действий (получение и анализ информации, принятие решений, самообучение, разрешение поставленных задач и проблем по аналогии с человеческим мышлением).

Применение искусственного разума в предпринимательской сфере приобрело повсеместный характер. Последний активно применяется для выполнения разнородных функций. Более того, ожидается, что процесс внедрения ИИ в бизнес-корпорации будет стремительно расти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. McCarthy J. WHAT IS ARTIFICIAL INTELLIGENCE? – [Электронный ресурс]. – URL: http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf.

2. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030

года»): принят 10.10.2019 №490. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
4. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди. – 2017. – 257 с.
5. Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции. – [Электронный ресурс]. – Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. №1. – С. 79-91. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-pravovaya-kategoriya-doktrinalnyy-podhod-k-razrabotke-definitsii
6. Сушкова О.В. Особенности использования технологии искусственного интеллекта саморегулируемыми организациями в деятельности субъектов предпринимательского права. – Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020;(7). – С. 68-75.
7. Более 40% компаний в России отказались внедрять искусственный интеллект. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/12/2019/5df0efd79a7947d21 b51709f
8. 10 лучших примеров того, как компании используют искусственный интеллект. – [Электронный ресурс]. – URL: https://platforma-online.ru/media/detail/10-luchshikh-primerov-togo-kak-kompanii-ispolzuyut-iskusstvennyy-intellekt-/
9. Искусственный интеллект в действии: как умные алгоритмы помогают улучшать бизнес-процессы. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.esphere.ru/blog/iskusstvennyij-intellekt-v-dejstvii

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN BUSINESS ACTIVITIES

Annotation. This paper discusses different points of view regarding the concept of "artificial intelligence". Based on a detailed study of the essence of AI, the author's definition of the phenomenon under consideration was developed. Also, during the study, the main directions of the use of artificial intelligence in entrepreneurial activity were analyzed. In addition, the author predicted the prospects for further application of intelligent systems in business corporations.
Keywords: artificial intelligence, automation, entrepreneurial activity, the concept of "artificial intelligence", technology.

Sheyka Y.
Scientific adviser: Bondar A. V., Assistant
Donetsk National University
E-mail: yakov.sheyka@mail.ru

УДК 343.58

О ВОПРОСЕ СНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ С ЖИВОТНЫМИ

Шумайлова Ю.А.
Научный руководитель: Манивлец Э.Е. к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В исследовании отражена необходимость снижения возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными на основании мнений различных ученых, а также предложен механизм предотвращения совершения преступлений данной категории.
Ключевые слова: жестокое обращение с животными, несовершеннолетние, уголовная ответственность.

Актуальность данного исследования заключается в том факте, что положение животных является беспомощным по отношению к человеческому насилию над ними, в результате чего животные не могут противостоять ему, а также, наличие в научной литературе споров относительно возраста уголовной ответственности за деяния, связанные с жестоким обращением с животными, и предложения различных механизмов предотвращения совершения данных преступных деяний.

Целью данного исследования является рассмотрение вопроса о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за деяния, связанные с жестоким обращением с животными, с 16 до 14 лет, на основании изучения мнений различных ученных по данной теме.

Жестокое обращение с животными – это общественно опасное, противоправное и наказуемое деяние, заключающееся в антигуманном и безжалостном отношении к животным из хулиганских или корыстных побуждений, совершенное с использованием садистских методов или в присутствии несовершеннолетних и повлекший смерть или травмы животных.

В настоящее время ведутся споры о возрасте наступления уголовной ответственности, предусмотренном ст. 245 УК РФ, чем обуславливается актуальность данного исследования. Исходя из статистики, проведенной Генеральной прокуратурой РФ, участились случаи совершения преступных действий, связанных с жестоким обращением с животными, лицами в возрасте от 14 до 16 лет, а также лицами до 14 лет. Основанием для отказа в возбуждении уголовных дел данной категории служит отсутствие состава преступления, потому согласно уголовному законодательству Российской Федерации (ч. 1 ст. 20 УК РФ), нижний порог возраста уголовной ответственности – 16 лет. Меры воспитательного характера к подросткам за преступные действия в отношении животных, как правило, не применяются, что в результате приводит к совершению в дальнейшем такими лицами тяжких либо особо тяжких преступлений.

Разногласия по поводу возраста наступления уголовной ответственности за жестокое обращение с животными являются основанием для дискуссий среди ученых и юристов.

Так, В. С. Василенко, В. И. Шульга, и некоторые другие авторы указывают на то, что они против снижения возраста уголовной ответственности до 14-ти летнего возраста, за преступные действия в отношении животных, так как считают, что в нашей стране «нет морального права вменять совершение общественно опасных деяний вышеуказанной категории лиц» [1, с. 66].

Немногочисленное количество авторов в научной литературе придерживаются мнения, что, в процессе привлечения подростков к уголовной ответственности, общество отдает приоритет уголовному наказанию, а не воспитательному воздействию. Подростки – это будущее страны, и государство должно стремиться не к наказанию, а к их воспитанию или перевоспитанию.

Такая позиция авторов не позволяет нам согласится с ней. Следует заметить, что превентивные меры к несовершеннолетним, совершившим жестокое обращение с животными, не применяются в полном объеме. Согласно мнению психологов, подростки при совершении жестоких действий по отношению к животному в большинстве случаев испытывают чувство удовлетворенности от содеянного. Известно, что серийные маньяки в детстве совершали жестокие действия по отношению к животным.

Так, Ю. М. Антонян говорит о том, что постепенное нарастание агрессивности у многих преступников выражается в совершении сначала преступлений легкой и средней тяжести в отношении животных, с получением от содеянного удовлетворения, а далее – преступлений против жизни и здоровья человека. Таким образом, можно сделать вывод, что люди, совершающие преступления против животных, могут в последствие совершить преступление и против человека [2, с. 255].

Многие серийные убийцы в детском возрасте совершали преступные действия в отношении животного, оставаясь безнаказанными. Специалисты по расследованию таких видов преступлений давно смогли установить взаимосвязь между жестоким обращением с животными в детском и подростковом возрасте и серийными

убийствами. Например, Головкин С. был осужден за убийство мальчиков, не достигших совершеннолетнего возраста. Ранее было установлено в ходе следствия, что в малолетнем возрасте он мучил и поджигал животных.

Следовательно, необходимо предпринимать меры по пресечению преступных деяний, совершаемых подростками в отношении животных, чтобы не допускать совершения ими впоследствии более тяжких преступлений.

О.В. Саратова придерживается мнения, что возраст уголовной ответственности должен быть снижен до 14 лет, поскольку лицо в этом возрасте уже способно осознавать общественную опасность своих действий. Такому подростку требуются срочные меры воспитательного воздействия, так как если он проявляет жестокость по отношению к живым существам, то он опасен для общества [3, с. 178].

Р.В. Свиридов утверждает, что «несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет понимают противоправность проявления жестокости по отношению к животным», но вместе с тем приводит статистику, согласно которой лица в возрасте от 14 до 16 лет совершают 25% преступлений, связанных с жестоким обращением с животными [4, с. 83].

Делая вывод, можно сказать, что подростки в возрасте от 14 до 16 лет отдают отчет совершаемым действиям, осознают, что противоправные деяния по отношению к животным недопустимы.

Существовала также и законодательная инициатива, выраженная в проекте закона, с целью внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, в которой было предлагалось внести дополнение к УК РФ, а также, было разъяснено, что процессу предотвращения общественно опасных деяний в большей мере способствует неотвратимость, а не жестокость наказания. В современном мире, к сожалению, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет не несут никакой ответственности за те преступные деяния, которые непосредственно связаны с жестоким обращением с животными, даже если данные действия были совершены группой лиц, в отношении нескольких животных, в присутствии малолетних и с трансляцией в сети Интернет. Выражалась надежда, что данные поправки в УК РФ смогут помочь в устранении преступных деяний данной категории.

Среди примеров трансляций в сети Интернет данных преступных деяний, следует отметить дело «хабаровских живодёрок», которые не только жестоко издевались над животными, но и все свои действия снимали на камеру, делали фото и выкладывали данный материал в социальных сетях, что получило широкое распространение в СМИ и Интернете. Произошло это в августе 2017 года, когда Савченко и Орлова были осуждены за свои действия по совокупности преступлений, в т.ч. и по ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Такого рода трансляции в сети, как показала практика, вызывают огромную волну общественных негодований, демонстрация жестокого обращения с животными в сети «Интернет» глубоко ранит людей, вызывает тревогу за нравственное развитие молодёжи.

Правительство Российской Федерации представило официальный ответ на законодательную инициативу в виде проекта закона, в котором раскритиковало предлагаемые дополнения, аргументируя это следующим образом: механическое снижение возраста, с которого начинается уголовная ответственность, не может быть признано эффективным средством решения проблемы несовершеннолетних правонарушителей, поскольку это может привести к дальнейшей криминализации общества.

В Официальном отзыве на законодательную инициативу было отмечено, что в данном проекте не были представлены статистические данные о противоправных деяниях против животных, совершаемых подростками, а предложение о снижении возраста уголовной ответственности не подкреплено весомой доказательной базой.

Однако изучение некоторого количества уголовных дел, связанных с жестоким обращением с животными, позволяет нам сделать вывод о том, что около 30 % преступлений совершается несовершеннолетними лицами в возрасте от 14 до 16 лет.

По возрастному критерию преступника, наиболее неблагополучной является возрастная группа от 14 до 17 лет. Именно подростки указанного возраста совершают около 40% всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 289 УК ДНР. Лица в возрасте от 18 до 24 лет, по статистике, совершают около 20-25% этих деяний. Лица в возрасте 25-29 лет совершают большое количество преступлений, предусмотренных ст.289 УК ДНР, которая выражается в совершении около 35% таких преступлений. Последнюю группу составляют граждане в возрасте 30-40 лет, совершающие около 10-15% от числа зарегистрированных преступлений.

Вместе с тем, при изучении личности преступника, совершившего жестокое обращение с животным, было установлено, что в большинстве случаев (64,38% – выборочное исследование) эти лица воспитывались в неблагоприятной семейной среде, где времяпрепровождение подростка не контролировалось родителями, ребенок имел неполную семью или вел аморальный образ жизни. Согласно исследованиям О.В. Саратовой, «чуть более 30% подростков воспитывались в неполной семье, где в 92 случаях из 100 отцы фактически не являлись членами семьи».

Такие преступления совершаются чаще всего из-за отсутствия контроля со стороны родителей, особенностей личности подростков, проживающих в бедных, неполных и зачастую неблагополучных семьях, неэффективной деятельности органов, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

О. А. Тищенко считает, что установление возрастных границ, в связи с которыми лицо обязано нести ответственность за нарушение уголовно-правового запрета, ставится в зависимость от способности осознавать субъектом общественно опасное деяния и наступление общественно опасных последствий. Однако способность социальной оценки собственного поведения зависит не только от особенностей внутренней сферы личности, но и от социальной ситуации ее развития [5, с. 150].

По данным Генеральной прокуратуры, возросла подростковая преступность на 83 % несовершеннолетних в 2019 г. Стоит отметить, что соответсвтенно увеличилось число постановки на учет подростков в подразделениях по делам несовершеннолетних. Не исключено, что такой рост обусловлен в том числе и безнаказанностью подростков за совершение ими не столь серьезных преступлений ранее, ведь подростки, совершившие, например, преступные действия в отношении животного и оставшиеся безнаказанными, переносят модель данного поведения в общество [6].

Стоит отметить, что у лиц в возрасте от 14 до 16 лет недостаточно жизненного опыта, они обладают повышенной внушаемостью, однако такое поведение проявляется это во многом в силу отсутствия профилактической и воспитательной работы правоохранительных органов, педагогов, психологов.

Проанализировав различные мнения ученых, а также данные криминологических исследований, можно сделать вывод, что человек в возрасте от 14 до 16 лет, совершающий жестокие действия в отношении животных, в будущем с большой вероятностью может совершить насильственные действия в отношении человека. Однако в настоящее время несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет не наказываются за жестокое обращение с животными и к ним не применяются никакие меры. Подросток осознает, что его преступные действия остаются безнаказанными, и продолжает совершать противоправные действия, самоутверждаясь и испытывая чувства удовлетворения.

Мы считаем, что целесообразно было бы снизить возраст уголовной ответственности за преступления, связанные с жестоким обращением с животными до

14-ти летнего возраста, поскольку в этом возрасте подросток уже может отдавать себе отчет в своих действиях и уже осознает степень общественной опасности, совершая преступление, предусмотренное статьей 245 УК РФ, но ему также необходимо знать, что за жестокое обращение с животными предусмотрена санкция за эти незаконные действия. Эта мера поможет предотвратить дальнейшие насильственные действия против жизни и здоровья человека.

Также, стоит усилить меры по воспитательной работе среди педагогов, психологов, работников соц. учреждений, с целью воспитания в подростке с раннего возраста моральных качеств, которые позволяли бы предотвратить данного рода преступные деяния.

Таким образом, по нашему мнению, с целью предотвращения совершения преступных деяний, связанных с жестоким обращением с животными несовершеннолетними и малолетними лицами, стоит внести следующие изменения:

1. Снизить возраст уголовной ответственности за преступления, связанные с жестоким обращением с животными с 16-ти летнего возраста до 14-ти летнего возраста;

2. Усилить меры по воспитательной работе в образовательных учреждениях, с целью воспитания в подростке с раннего возраста необходимых для общества моральных качеств;

3. Усилить контроль за правоохранительными органами, принимающими заявления о совершении преступлений, связанных с жестоким обращением с животными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шульга В. И., Василенко В. С. К вопросу снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних // Территория новых возможностей: Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 63–70.
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование : монография. – М. : Норма. ИНФРА – М, 2014. – 368 с.
3. Саратова О. В. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 203 с.
4. Свиридов Р. В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 250 с.
5. Тищенко А. О. Конституционные основания установления признаков субъекта преступления // Общество и право. 2009. № 4. С. 149–150.
6. Генеральная прокуратура РФ – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf

ON THE ISSUE OF LOWERING THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ACTS RELATED TO ANIMAL CRUELTY

Annotation. This study reflects the need to reduce the age of criminal responsibility for animal cruelty based on the opinions of various scientists, and also suggests a mechanism for preventing the commission of crimes of this category.
Keywords: animal cruelty, minors, criminal liability.

Shumailova J.
Scientific adviser: Manivlets E.E., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: julia_sh2000@bk.ru

УДК 340.114.6

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Щедрин Г.Ю.
Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются основные причины и социальные факторы проявления правонарушений в подростковой среде, затрагивается аспект государственного регулирования профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Представляется ряд средств и методов, направленных на снижение числа правонарушений среди несовершеннолетних, улучшение их социального поведения и развитие общественного правосознания и гражданского долга
Ключевые слова: правонарушение, профилактика правонарушений несовершеннолетних, социализация.

Перед началом исследования профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, следует в первую очередь обратиться к понятию, которое для нас чётко и ясно сформулировал законодатель и изложил в Федеральном законе №120. Обращаясь к нему, мы можем сказать, что под профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних понимается система социальных, педагогических, правовых и других мер, которые направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих появлению безнадзорности, антисоциальности подростков, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. Это комплекс мер осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

Итак, рассматривая данное понятие, как отправную точку дальнейшего исследования в данной области, хотелось бы сказать, что Федеральный закон №120 был принят в 1999 году, но его дополнения и изменения вносились почти каждый год, с несменной периодичностью. Данный факт, в совокупности с рядом научных работ, социальных программ, общественно просветительных уроков и иной информации даёт нам право утверждать, что профилактика правонарушений несовершеннолетних, на протяжении многих лет, остается одним из ключевых интересов отечественных исследователей и государства в целом. [6, ст. 1]

На государственном уровне, профилактика правонарушений несовершеннолетних является одним из ключевых факторов государственной политики. В силу омолаживания лиц, совершающих правонарушения, вопрос с профилактикой правонарушений несовершеннолетних стоит очень остро, асоциальное поведение личности, маргинальный круг общения, противоправные привычки, все эти факторы в совокупности приводят к деморализации личности, её разложению и как следствие, в будущем приводят к более тяжким последствиям.

На общественном уровне, профилактика правонарушений несовершеннолетних вызывает особую озабоченность, поскольку построение высокоразвитого нравственного и социально просвещенного общества невозможно в среде, где каждый человек, так или иначе, сталкивался с подростковыми правонарушениями. В связи с тем, что показатели последних лет свидетельствуют об омолаживании лиц совершающих правонарушения, и об их социальном безразличии на общественное мнение или порицание, главной задачей общества сегодня является социальная адаптация и поиск путей снижения либо же предотвращения правонарушений как таковых среди подростков.

Подростковый возраст, имеет ряд особенностей, в первую очередь это возраст полового созревания личности, характеризующийся гиперреактивностью во всех

сферах деятельности. В период полового созревания, у подростков появляется понимание принадлежности к определенному полу, заинтересованность противоположным полом, но вместе с тем у подростков появляться новые интересы, новый круг общения, появляется чувство взрослости, желание самоутвердиться как личность и показать себя миру.

Однако вместе с рядом приходящих факторов появляются и негативные, в подростковом возрасте может кардинально измениться круг общения, интересы, цели и задачи в жизни. Стоит сказать, что не всегда эти перемены идут в лучшую сторону, так как в силу переходного возраста, подростки являются очень ранимыми и легко поддаются влиянию окружающих. В том случае, если это влияние окажет негативное воздействие на несовершеннолетнего, его дальнейшее развитие пойдёт по наклонной. Большинство правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, есть результат низкой социальной культуры, нравственной невоспитанности, которые правонарушитель позаимствовал из социальной среды, поскольку культурно-нравственная деформация конкретной личность, зачастую происходит из-за отрицательного влияния микросреды, в роли которой может выступить семья, маргинальный друг или целая компания таких личностей, и всё это, так или иначе, оказывает влияние на подростка.

В первую очередь, по мнению ряда исследователей, основной причиной отклонения в поведении подростка, являются условия семейного воспитания. Самым тяжёлым является асоциальное поведение родителей, ведь для ребенка они являются примером для подражания и наивысшего развития. Родители выступают своего рода идолами, с которых подросток берёт примерю. Ряд статистических данных подтверждают тот факт, что каждый третий несовершеннолетний правонарушитель воспитывался в неблагополучной семье, где он очень часто сталкивался с резко отрицательным поведением родителей, систематическим пьянством, скандалами и жестокостью. Конечно, не стоит вешать ярлыки на подростков, которые родились в таких семьях, и воспитываться в силу сложившихся обстоятельств в такой среде. Однако статистические данные свидетельствуют о том, что из семей где родители ведут антиобщественный характер жизни, граничащий с маргинальным в десять раз больше выходят дети, с отклонениями в социальном развитии, что как следствие приводит к их антиобщественному поведению и в дальнейшем к совершению правонарушений. [2, ст. 131]

Проблему профилактики правонарушений несовершеннолетних нельзя оставлять без внимания, поскольку профилактические мероприятия в данной области, несомненно, позволят осуществлять дальнейшее развитие общества и государства в демократическом русле. Основополагающим для решения проблем профилактики правонарушений несовершеннолетних, должно стать понимание данной проблемы как одной из ключевых, в силу того что здесь затрагиваются интересы ребёнка его дальнейшее развитие и тенденции к моральному росту.

Борьба с правонарушениями несовершеннолетних в своей природе включает два основных направления: предупреждение совершения правонарушений и последовательная реализация юридической ответственности за уже совершенные правонарушения. Однако, следует сказать, что задачей общества и государства является совместная деятельность, по недопущения второго фактора борьбы с правонарушениями. Но, к сожалению, подростковый возраст, является одним из самых активных периодов в жизни человека, характеризуется приливом сил, энергии, желаний и, как гласит известная пословица «море по колено» которая отражает не связанностью реальных желаний и средств их реализации. В силу чего, из-за отсутствия жизненного опыта, незнания законов, а так же с неосведомлённостью в области банальных правил поведения в обществе, для несовершеннолетнего, все эти факторы являются весьма

печальными. Следует отметить, что все эти факторы присущи всем подросткам, и для большинства взрослых являются обыденными. [1, ст. 138] В связи, с чем возникает вопрос, почему же каждый человек не совершает правонарушения?

В первую очередь, в действие вступают гормоны, которые не дают адекватно оценивать ситуацию и свои действия. Несовершеннолетние, банально не осознают всю серьёзность ситуации и рассматривают неправомерные действия, чем то вроде задания, или интересной игры, однако реальность является совершенно другой. И теперь, мы плавно перешли ко второй, ключевой особенности, почему же не все несовершеннолетние совершают правонарушения, и ответ очевиден и представлен на поверхности. Вся суть упирается в воспитание и микросреду, в которых подросток оказывается в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Поскольку зачастую, правонарушения совершаются в компаниях среди так называемых друзей сверстников, которые подталкивают несовершеннолетних на такие правонарушения, основными причинами совершения правонарушения среди подростков, является заимствование характера поведения у сверстников. Иными словами несовершеннолетний, попадая в круг общения с личностями у которых прослеживаются девиантные манеры поведения, воздвигает в «культ» героя такую личность, и старается подражать его манерам, повадкам и в связи с этим заимствует и все негативные качества присущие данной личности. [3, ст. 130]

Но, следует заметить, что государство в данной отрасли, выстроило целый механизм органов направленных на предотвращение правонарушений. Так обращаясь к ФЗ № 120, можно выделить ряд органов, выстроенных государством, которые представляют систему профилактики правонарушений, которая состоит как из специальных так и не специальных органов. К таким органам можно отнести: органы социальной защиты населения, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, органы местного самоуправления, органы по делам молодежи, органы образования и здравоохранения, инспекция по делам несовершеннолетних, воспитательные колонии, а так же ряд других органов, одной из целей деятельности которых является помощь государству в профилактике правонарушений [4, ст. 180].

Проводя анализ действующего закона, и систем профилактики правонарушений, можно отметить, что государство во всех социальных сферах жизни, так или иначе, затрагивает профилактические мероприятия в области правонарушений несовершеннолетних. И в данной области явно можно проследить тенденцию «утяжеления» средств и способов профилактики правонарушения, поскольку государство, старается всеми способами повлиять на подростка, который нуждается в помощи. Дать ему возможность выбраться из того антисоциального «болота» в котором он оказался в среду с нормальными условиями обитания. Однако следует отметить тот факт, что современное состояние профилактики правонарушений, только набирает обороты, и получает должное развитие, в силу того, что первые законодательные регулирования в данной отрасли в современной России датируются лишь 1999 годом, и с момента их принятия прошло всего 24 года, что, несомненно мало для законодательного акта такого масштаба.

В силу этого, можно утверждать о том, что совершенствование законодательства в данной области является важный аспектом, а предложение в области социальной среды следует рассматривать в должной мере.

Итак, на наш взгляд, обращаться к тенденции общественного порицания семьи с антиобщественным поведением, и попыток повлиять на неё, в нынешних реалиях является не актуальным. В силу сильной разобщённости населения, и замкнутости к чужим проблемам, институт общественного порицания семей с антисоциальным укладом, не даст должных результатов и не как не отразиться на подростках, которые

растут в таких семьях. Поэтому, исходя из анализа ряда источников, и опираясь на доводы логики, целесообразнее было бы сделать следующее:

В первую очередь, хотелось бы сказать, что правонарушения совершаться, не столько от желания утолить голод, жажду или иные потребности, сколько от желания шалости и получения адреналина. Все это возникает в связи с незагруженностью и незаинтересованностью несовершеннолетних. А по сему, было бы актуально привлечение несовершеннолетних к волонтёрской деятельности. Данный вид профилактики правонарушений помог бы подросткам сформировать нужные принципы и идеалы для дальнейшего развития, смог бы реализовать их свободных досуг, и подарить те эмоции, которые необходимы им. Реализации данного вида деятельности, было бы актуально возложить на государственные органы, к примеру, на те же органы по делам несовершеннолетних. Однако оставлять подростков самих, без наставника, было бы рискованно, поэтому возникает второй момент. [5, ст. 31]

Необходимо ввести профессиональных наставников для несовершеннолетних, которые бы смогли передать им опыт и познания, которые не могут быть переданы в семье. Научить несовершеннолетних особенностям поведения в обществе и научить разграничивать «добро» и «зло». Введение таких наставников, на наш взгляд, можно было бы осуществить посредством привлечения профсоюзов ветеранов, пенсионеров разных сфер деятельности, военных, полиции, медиков, пожарных, и ряда других сфер. Профессиональный опыт и познания, в данных областях, несомненно, дают право утверждать, что лица, которые будут выступать наставниками для несовершеннолетних обладают богатым опытом и знаниями в своих сферах, и могут многое передать подрастающему поколению. Однако, как и везде, в силу вступает экономический аспект данной деятельности, хотя, для большинства ветеранов, пенсионеров воспитание и обучение подрастающего поколения, являются неотъемлемой частью их профессиональной работы, на наш взгляд, целесообразнее было бы утвердить государственные доплаты или установить определенные льготы, для лиц которые бы занимались такой деятельностью.

И последним на наш взгляд фактором, который способствовал бы профилактике правонарушений, среди несовершеннолетних, является привлечение молодежи в общественные движения, развитие спортивных отраслей, трудоустройству несовершеннолетних, и пропаганде здорового образа жизни. На наш взгляд, роль общественных движений целью которых является борьба с правонарушениями, весьма недооценена, такие движение как «Хрюши Против» и другие являются весьма недооцененными, поскольку эти движения, способствовали бы развитию подростковой ответственности и изучение норм закона по средствам их деятельности. Однако число участников этих движений оставляет желать лучшего, а по мере более детального рассмотрения их деятельности можно ещё заметить волну эмоций и негодования со стороны общества, и в некоторых отраслях даже давление. Но эти общественные движения, не раз доказывали свою полезность в борьбе с правонарушениями, имеют гранты от Российской Федерации. Это является безусловным фактором того, что государство заинтересованно в поддержке таких организаций и увеличении их целевой аудитории, а так же в расширении и появлении новых организаций целью которых будет профилактика и борьба с правонарушениями.

Кроме того, необходимо отметить еще один фактор, который был уже отмечен выше, относительно развития спортивных отраслей: в связи с материально техническим устареванием ряда спортивных залов, а некоторых городах и вовсе с их закрытием, появлением частных спортивных клубов, под которыми нередко скрываются места скопления, всё тех же маргинальных элементов, только завуалированных под легальное заведение. На наш взгляд, следовало бы расширить материально техническую поддержку и финансирование в области спорта, для

строительства новых спортивных комплексов с последующим привлечением подростков, для проведения досуга и спортивного оздоровления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шакиров Ш. К вопросу профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences.-2021.-№6.- С.137-141
2. Петренко Е.Л. Роль семьи в профилактике преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних // Педагогическая наука и практика.- 2017.- №2(16).- С.128-134
3. Медведева С.Н. К вопросу о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних // Общество и право.- 2013.- №2(44).- С.129-132
4. Бутова М.В. О современном состоянии профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.- 2021.- №1.-С.178-187
5.Шатохина В.В. Волонтерская деятельность как форма социально – педагогической профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Символ науки.- 2016.- №9.- С.31-32
6. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 г №120- ФЗ

PREVENTION OF OFFENSES AMONG MINORS

Annotation. The study is based on the main causes and factors of the development of offenses among adolescents. A number of means and methods are presented aimed at reducing the number of offenses among minors, improving their behavior and developing public legal awareness and handling debts.
Keywords: offense, prevention of juvenile delinquency, socialization.

Shchedrin G.
Scientific adviser: Matvienko E.A., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: jora_shedrin@mail.ru

УДК 347.6

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩИХ ДОЛГОВ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ СУПРУГОВ

Щербаков Д.Г.
Научный руководитель: Ефремова А. В., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматриваются общественные отношения, складывающиеся между супругами, теоретические конструкции, выработанные в юридической литературе, при оценке общих обязательств супругов, в том числе при их разделе и несостоятельности одного из супругов.
Ключевые слова: имущественные отношения, семейное право, гражданское право, долг, раздел общего имущества.

Широкое распространение и относительная доступность потребительского кредитования привели на сегодняшний день к тому, что большинство супружеских пар за время совместной жизни успевают обзавестись не только собственностью, но и значительными по объему долговыми обязательствами.

Тем не менее ни законодательство, ни сложившаяся на сегодняшний день судебная практика, ни наука не дают однозначного ответа на вопрос о том каким образом суд должен производить раздел общих супружеских долгов в случае распределения имущества при расторжении брака. Неясно и то, допустим ли такой раздел по соглашению супругов без обращения в суд.

Цель этого исследования – разработка такого подхода к законодательству о общих обязательствах супругов, который позволит обеспечить баланс интересов и кредиторов супругов в ситуациях, когда они разделяют общее имущество и долги супругов в судебной, внесудебной и банкротстве одного супруга.

Картина правовой неоднозначности в отношении регулирования общего обязательства супругов дополняется отсутствием у судей, а также у ученых единого подхода к вопросу о том, какие обязательства общие для отдельно взятого супруга, а какие общие для обоих супругов.

Например, нерешенным остается вопрос о признании общности всех долгов, приобретенных в период брака, независимо от стороны сделки, может быть признана любая сумма долгов, приобретенная в браке без согласия одного из супругов, не одобренная вторым и поэтому следует доказать расходы, полученные на нужды семей.

Если же заключение обязательства в интересах семьи нужно доказывать, то кто из супругов должен это делать?

Отсутствие единообразия в ответе на эти вопросы приводит к принятию судами разных решений по аналогичным делам, что является неприемлемым и подтверждает нехватку глубокого научного исследования в этой области. Помимо отсутствия единообразия в применении законодательства существует еще одна проблема – в использовании судопроизводства – некоторые методы, разработанные практикой российских судов при решении вопросов, связанных с общими задолжностями, кажутся определённо нечестными, поскольку они не могут гарантировать соблюдение баланса общих интересов между супругами, а также между супругами и их кредиторами [1, с. 5-8].

Например, денежные обязательства, связанные с выполнением супругами коммерческой деятельности, не считаются совместными даже в той ситуации, когда приобретённые по соглашению средства затрачены на покупку имущества, которое в последствие стало общей собственностью. Ситуация, к которой приводит такое решение, парадоксальна: вещь, взятая в долг, за счет которой был приобретен актив, считается персональным долгом заемщика, но сам актив считается совместной собственностью обоих супругов.

Все вышеуказанное показывает, что на сегодняшний день в России создалась недопустимая обстановка в регулировании долгов супругов, при которой наука, а также разрозненная судебная практика не только не дает ответов на многие практические вопросы, но нередко генерирует новые.

Естественно, нельзя оставить данный вопрос нерешенным. Если брать во внимание масштабность возникновения в обороте неплательщиков, находящихся или находившихся в браке, такое решение должно быть найдено как можно скорее. В ином случае каждый, заключая в качестве заёмщика сделку с таким должником, принимает на себя риск юридической неясности в вопросе обеспечения своих прав. Таким образом, тематика данного исследования видится чрезвычайно актуальной.

Не обращая внимание на закрепление в российском правовом поле в качестве легитимного режима общей совместной собственности супругов, в котором отсутствует презумпция совместного характера обязательств для обоих супругов, которое появляется в период брака. Это в существенной мере облегчает положение супругов, которые не будут становиться автоматически обязанными по всем долгам жены / мужа.

Отсутствие такой презумпции подтверждается наличием общих и личных обязательств (п. 1 ст. 45 СК РФ), а также надобностью подтверждения использования полученного по обязательству на потребности семьи для возникновения ответственности по нему на супруга, не фигурирующего в обязательстве (то есть для возникновения режима обязанности, предусмотренного законом для совместных обязательств супругов).

Презумпция согласия одного супруга на сделки другого супруга по использованию и распоряжению совместно нажитым имуществом (п. 2 ст. 35 СК РФ), а также предписания о функционировании режима общей собственности в отношении всего имущества супругов (ст. 33, 34 СК РФ) должны пониматься ограничительно и не влечь за собой автоматического признания всех обязательств супругов общими.

Другое трактование противоречило бы сути Семейного кодекса России. Если бы любые соглашения одного из супругов считались общими (в силу включения задолжностей в состав имущества или же в виду презумпции согласия супруга на любые юридические значимые и незначимые сделки жены / мужа), не было бы общих обязательств. Кроме того, признание любых задолжностей супруга в отдельности безмолвно одобренными другим, а в связи с этим фактом, кажется нечестным, поскольку не гарантирует соблюдение интересов обеих сторон [2, с. 461].

Супруг должника не всегда знает об обязательстве и, следовательно, не всегда может выразить несогласие на сделку в момент ее совершения. Количество долговых обязательств объективно ничем не ограничено. Безгранично расширять сферу ответственности одного за действия другого несправедливо.

Поэтому под термином «имущество» в контексте ст. 33–34 и 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) понимаются лишь активы супружеского имущества, но не его пассивы.

Распределение между супругами долгов, возникших из совместного обязательства, может быть осуществлено как до, так и после их полного исполнения супругом, являющимся стороной обязательства. Такой подход представляется обоснованным, во-первых, с точки зрения соответствия действующему законодательству (п. 3 ст. 39 СК РФ, допускающая распределение долгов, не говорит о том, что распределение возможно лишь после полного исполнения обязательства); во-вторых, с точки зрения обеспечения баланса интересов супругов. Сохранение обязанности по погашению задолженности только за одним супругом, ставит другого супруга, не участвовавшего в обязательстве, в значительно более выгодное положение [3, с. 67-70].

Ни один из применяемых сегодня судами способов раздела общих долгов супругов не является полностью приемлемым с точки зрения обеспечения баланса интересов супругов и их кредиторов. В связи с этим распределение общих долгов и их последующее регулирование целесообразно проводить по модели долевых обязательств с пропорциональным ручательством. Ее суть в следующем: каждый должник исполняет свою обязанность, поэтому кредитор не вправе требовать всего долга от любого из должников.

В то же время в случае неисполнения обязанности одним из должников эта обязанность в равных долях распределяется на остальных (в случае с супругами – возлагается на второго супруга). Должник (в нашем случае супруг), погасивший долг другого, будет иметь право регрессного требования к последнему [4, с. 31-33].

Исходя из вышесказанного, автором сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Необходимо изменить положение п. 2 ст. 45 СК РФ и определить совместное обязательство как обязательство, по которому все полученные супругом активы использовалось для нужд семьи, а также для того, чтобы получение выгоды и в дальнейшем использовалось на благо семьи, например, приобретение имущества общего пользования супругов. Это связано с тем, что обязательства, связанные с предпринимательской деятельностью одного из супругов, автоматически не должны быть исключены из числа совместно нажитого.

Имущество, которое поступило в общую собственность и было приобретено в следствии предпринимательской деятельности одного из супругов, наличие данного факта, является достаточным основанием, для признания долговых обязательств совместными.

При этом, все долговые обязательства, которые возникли в следствии вышеуказанных действий, формально не могут быть признанными общими обязательствами супругов в силу (п. 2 ст. 45 СК РФ), так как покупка, либо получение актива с целью использования в предпринимательской деятельности, не всегда может быть направлено на нужды семьи.

Изменения в п. 2 ст. 45 СК РФ, сможет минимизировать, либо полностью устранить, правовые дискуссии в этом случае [5, с. 124–127].

2. Наличие возможности добровольного деления супругами совместного имущества, в том числе долгов, обязывает распространение на их кредиторов гарантий, предусмотренные кредиторам супругов, которые заключили, изменили или расторгли брачный договор в соответствии с ст. 46 СК РФ, так как по своим юридическим последствиям договор о разделении имущества с брачным договором крайне близок по мнению автора. Данные действия позволят исключить любое волнение и правовые переживания кредиторов, а также, защитить их интересы.

3. Требуется, дополнить Семейный кодекс нормой, согласно которой, распределение совместных долгов супругов и их правовое регулирование в будущем, проводилось бы согласно модели долевых обязательств с равным и пропорциональным ручательством [6, с. 44–49].

Анализируя правовое регулирование общих обязательств супругов, можно сказать о том, что система и структура общего имущества, которое было приобретено в период брака, и закрепленное в СК РФ, в практическом применение создает больше трудностей и проблем, нежели решает их. В то же время её плюсы не настолько значительные. Введенная российской правовой системой в 20-х годах XX века система общности была предназначена и направлена для того, чтобы обеспечить интересы женщин, которые обычно заняты домашним хозяйством и полностью лишены собственных доходов, либо зарабатывают значительно ниже своих супругов.

Система общности, как правило, вводит в заблуждение участников сделки: даже если заключить сделку прямо с мужем и женой, то впоследствии может получиться, что стороны по сделке признают оба супруга, поскольку долг признан общим или совместным. Это хуже, если кредитор изначально рассчитывает, что оба супруга будут отвечать за сделку, а далее по любым причинам обязательства признаются личными только для одной из супругов. И кредитор может потерять значительную часть по обеспечению обязательства [7, с. 5].

При этом, учитывая то, что в большинстве вопросов, связанных с распределением долгов супругов, судебное законодательство не выработало единого подхода, прогнозировать, будут ли защищены интересы перед кредитором в настоящее время сказать сложно.

Полученные в результате настоящего исследования выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, при реформировании семейного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбиков, И. Р. Раздел долгов и имущества супругов, приобретенного в кредит: законодательное регулирование и судебная практика / И. Р. Альбиков // Нотариус. – 2018. – № 2. – С. 5-12.
2. . Гонгало, Б. М. Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2016. – С 461-468.
3. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М., 2010. —: С. 67-72.
4. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2019. – № 1. – С. 31-35.
5. Поротикова, О. А. Правовой режим обязательств супругов / О. А. Поротикова // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 1. – С. 124-132.
6. Слепакова, А. В. Правоотношения собственности супругов : монография / А. В. Слепакова. – М., 2015. – С. 44-51.

7. Ломакина, П. А. Оспаривание алиментных соглашений в банкротстве. Новый взгляд ВС РФ / П. А. Ломакина // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 2. – С. 5.

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF COMMON DEBTS AND OBLIGATIONS OF SPOUSES

Annotation. The article deals with social relations that develop between spouses, theoretical constructions developed in the legal literature, in assessing the general obligations of spouses, including their division and the insolvency of one of the spouses.
Keywords: property relations, family law, civil law, debt, division of common property.

Shcherbakov D.
Scientific adviser: Efremova A.V., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: denis.sherbakov.2013@mail.ru

УДК 340.12

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ В. С. СОЛОВЬЕВА НА КОНЦЕПЦИЮ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

Якубенко О.С.
Научный руководитель: Матвиенко Е.А., к.ю.н., доцент
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. В статье рассматривается философия В.С. Соловьева через призму основных ценностных атрибутов, присущих имперской идеи в России. Характеризуется соборный принцип организации общества и определяется содержание национальной идеи, являющейся формой имперского массового сознания. При этом раскрывается позиция В. С. Соловьева о взаимоотношениях церкви и государства, которые во многом имеют восточные политико-правовые и идеологические качества и ценности.
Ключевые слова: В. С. Соловьев, единение, нация, свобода, идея, христианство.

Имперская идея предполагает такое направление государственной политики, которое пронизано стремлением к конструктивности, единению, чувству долга и вытекающих отсюда различных форм служения Отечеству. Посредством имперской идеи государство структурирует многочисленные полиэтничные народы в сообщество единомышленников, осознающих общность целей и интересов. При этом каждый народ осознает себя и фактически является равноправным участником властного, правового и управленческого процессов. Империя представляется как нормальное органичное развитие исторического пути России, где в качестве ведущей составляющей имперской идеологии выступает национальное сознание и мессианская (связующая) роль, предопределенная русскому народу. Однако, на данный момент имперская идея не получила достаточного осмысления в современной научной литературе. В связи с этим является актуальным апеллирование к самобытным философским и политико-правовым трактам отечественных ученых. В рамках исследования нами была рассмотрена основополагающая философская концепция всеединства Владимира Сергеевича Соловьева с позиции ее значимости для имперской идеи.

Категория всеединства выражает идею совпадения частей с целым и их способности к взаимопроникновению, но никакая дефиниция не раскроет суть всеединства лучше, чем описание ее посредством сравнения с песнью, данное П. А. Флоренским. Он пишет о том, что единство в русской народной многоголосной песне заключается во внутреннем взаимопонимании поющих, а не во внешних рамках,

навязываемых им. «Каждый, более-менее, импровизирует, но тем не разлагает целого, – напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется каждым исполнителем, – многократно и многообразно... Так народная музыка охватывает неиссякаемый океан возникающих чувств, в противоположность застывшей и выкристаллизовавшейся готике стиля контрапунктического. Иначе, русская песня и есть осуществление того «хорового начала», на которое думали опереть русскую общественность славянофилы» [1, с. 30]. При этом, свобода – как отсутствие подчинения – становится неотъемлемым качеством складывающегося в песне единства: голоса льются свободно, они «сочиняются», а не подчиняются; здесь отсутствуют неизмененные, навсегда закрепленные за исполнителем темы; хор свободен переходить от унисона к многоголосию. «При каждом из повторений напева на новые слова появляются новые варианты, как у запевалы, так и у певцов хора. Мало того, нередко хор, при повторениях, вступает не на том месте, как ранее, и вступает не сразу, как там, – вразбивку; а то и вовсе не умолкает во время одного или нескольких запевов» [1, с. 31]. В песне нет господства какого-либо голоса, что подчеркивает П. А. Флоренский, но голоса во всем их множестве складываются в единство и создают прекрасную гармонию.

В центре философии всеединства, основоположником котором является В. С. Соловьев, лежит свобода. Начиная размышлять о связи всеединства с имперской идеей следует привести справедливое соображение Н. А. Бердяева, не придумавшего, а только удачно сформулировавшего основной принцип империи: «Лишь свободные граждане могут быть опорой империи» [2, с. 106]. При этом нужно понимать, что под свободными гражданами имеется ввиду не только лица, обладающими широким перечнем прав, но и свободные духовно, осознающие себя часть великого единого целого, именуемого империей, и желаемые ею быть. Без духовной свободы мы приобретаем исключительно гонимых и всячески озлобляемых людей, которые представляет опасность для общества и империи.

Характеризуя философию всеединства, можно выделить следующие ценностные атрибуты, составляющие имперскую идею в России.

Во-первых, основой имперской идеи является принцип соборности, который создает предпосылки для государства патерналистского типа и именно принцип соборности мы встречаем в философии В. С. Соловьева, который писал, что потенциально заключающееся в личности бесконечное содержание осуществляется в обществе, которое есть, по Соловьеву, восполненная или расширенная личность. Полнота личности неосуществима без общества: «Этот» может быть «всем» только с другими, лишь вместе с другими он может осуществить свое безусловное значение – стать нераздельною и частью всеединого целого, самостоятельным, живым и своеобразным органом абсолютной жизни» [3, с. 506]. В работе «Философские начала цельного знания» В. С. Соловьев отмечал, что в самом понятии «человек», «во-первых, заключается отрицание частной индивидуальности, того или другого человека в отдельности, а во-вторых, утверждение их всех в некотором новом, высшем единстве, которое всех их обнимает, но вместе с тем имеет свою особенную, независимую от них объективность» [4, с. 204].

В. С. Соловьев уподоблял человечество единому существу или собирательному организму, отмечая, что этот взгляд далеко не нов. Органическое единство человечества, внутренняя связь отдельных единиц с целым, с точки зрения В. С. Соловьева, заложены в сознании каждого человека, народной мудростью отразившись в вековых твердынях и устоях жизни: «Живи жизнью целого, раздвинь во все стороны границы своего маленького я, «принимай к сердцу» дело других и дело всех, будь добрым семьянином, ревностным патриотом, преданным сыном церкви, и ты узнаешь на деле добрый смысл жизни, и не нужно будет его искать и придумывать ему определения» [3, с. 90].

В русской философской традиции именно такое органическое единство получило название «соборность», став одной из центральных философских категорий. По мысли А. С. Хомякова, соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [5, с. 20]. Соборность для А. С. Хомякова есть тождество единства и свободы, проявленное в духе любви. Павел Флоренский, поясняя идею соборности, берет для сравнения русскую песню. Она гетерофонична, то есть допускает полную свободу голосов при сохранении гармонического единства, в ней нет раз и навсегда неизменных партий, при каждом из повторений напева появляются новые варианты, как у запевалы, так и у хора. Единство достигается внутренним взаимопониманием, каждый более или менее импровизирует, но тем не разлагает целого, – напротив, связывает прочней, ибо общее дело вяжется каждым исполнителем – многократно и многообразно. «У водораздела мысли» П. А. Флоренский писал: «Живя, мы соборуемся сами с собой и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и прочее. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т.д., соборуясь до человечества и, включая в единство человечности весь мир» [1, с. 343]. Как видно из приведенных цитат понятие соборности органично вошло в философию всеединства В. С. Соловьева.

Во-вторых, преобладание правообзянности над индивидуальными свободами. Для В. С. Соловьева свобода выступала в формах отрицательной и положительной безусловности. Первая, то есть отрицательная безусловность, проявляется в стремлении человека переступить за границы, требовать большего, искать того, чему нет названия и меры. Это стремление является залогом развития личности, но все же, как мы выводим из предыдущих рассуждений философа, оно ведет к эгоизму и страданиям. Сознание погружается во внутренние противоречия, которые характеризуют как раз его современное состояние. Из неудовлетворенности конечностью содержаний и ограничениями действительного мира может вырасти и потребность в обретении всецелой действительности, полноты содержания и осознания себя в качестве звена мирового целого. В обладании этой полнотой состоит положительная безусловность.

В. С. Соловьев утверждал, что западная цивилизация признала именно отрицательную безусловность личности: провозгласив права человека в качестве безусловных, она освободила индивида от внешних ограничений. Но, отвергнув положительный смысл безусловности, ограничив жизнь и сознание людей преходящим, временным, изменчивым, цивилизация утвердила одновременно и их безмерное стремление к реализации своего потенциала, и невозможность удовлетворения его. Получается, что человек осознает себя свободным, считает, что он центр всего, не подвластен никаким внешним влияниям, но на самом деле он является лишь бесконечно малой величиной. Личность, конечно, может обладать полнотой бытия, – это не фантазия, утверждает философ. Она может получить всецелое содержание через веру в Бога, ибо именно истина веры сделает человека подлинно свободным. Но он должен познать эту истину как свою собственную идею. «Старая традиционная форма религии исходит из веры в Бога, но не проводит этой веры до конца. Современная внерелигиозная цивилизация исходит из веры в человека, но и она остается непоследовательною, – не проводит своей веры до конца; последовательно же проведенные и до конца осуществленные обе эти веры – вера в Бога и вера в человека – сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества» [6, с. 27].

В-третьих, создание условий к формированию и укреплению имперского сознания в форме единой национальной идеи. Под национальной идеей В. С. Соловьев подразумевал то, что важнее всего для нации, идея того, «что нужно всему государству, чем они могут послужить ему». Она объединяет и направляет творчество масс,

наполняет их верой в справедливость и свое предназначение. Определяющим стержнем национального сознания становится национальная идея, принятая за верховное начало жизни народов. В подобных мистических мыслях, В. С. Соловьев отрицал материальную основу идеи тем самым уходя в сторону от идеи революции. В России, по его мнению, основу национальной идеи составил русский народный дух [7, с. 45].

Анализируя взгляды одного из учеников Шопенгауэра, В. С. Соловьев сформулировал свою основную идею: «Ни чистого вещества, состоящего в одном протяжении, ни чистого духа, состоящего в одном мышлении, на самом деле не существует... Вся наша действительность, мы сами и тот мир, в котором мы живем, одинаково далеки и от чистой мысли и от чистого механизма. Весь действительный мир состоит в постоянном взаимоотношении и непрерывном внутреннем взаимодействии идеальной и материальной природы» [6, с. 78]. Воспитание ненависти к другим народам, не способствует патриотизму, а напротив является национализмом, «отпадающий от нравственного идеального блага, который поддерживает, по мнению В. С. Соловьева «звериные инстинкты в народе» [7, с. 57].

В работе «Национальный вопрос в России» он обосновывал христианскую философию отречения от национального эгоизма, понимая несовместимость националистической идеологии и христианства. Национальный интерес, по мнению мыслителя, равнодействующая всех частных интересов, коллективное стремление народа. Все человечество представляет собой «вселенское тело», единый организм. Обращаясь к прошлому человеческого общества, он говорил о единении народов в единую нацию «общностью происхождения и торжественностью религиозных идей и правил жизни». Настоящее народов виделось В. С. Соловьёву в виде нации, стремящейся сплотиться в законченное тело, или государство. Высший нравственный идеал требует любви к каждому человеку как к самому себе, но человек не может существовать в отрыве от национальности, поэтому мы должны любить все народности как свою собственную. Этическая любовь (по Соловьеву) это любовь, основу которой составляет этическое равенство, т.е. любовь к другим народам как к своему собственному, преодоление национальной вражды [7, с. 98].

В статье «Идея сверхчеловека» Соловьёв пишет, что из «трех очередных», «модных идей» – «экономического материализма, отвлеченного морализма и демонизма «сверхчеловека», которые владеют современными умами, самая важная «эта третья». Философ увидел в ней попытку отрицания понятия человека как существа нравственного, способного выбирать между добром и злом [8]. В статье «Жизненная драма Платона» Соловьев развил учение о пяти видах любви, и высшей формой объявил соединение не внешнее, а внутреннее, которое является восстановлением «цельного» человека [9].

Таким образом, учение В. С. Соловьева было тем, чего требовало сознание большей части русского народа. Именно посредство единения и сплочения многонационального народа, формирования массового соборного сознания и правильной национальной идеи Россия могла воплощать имперскую идею в государственном строительстве, успешно ее развивать как в политико-правовом и экономическом, так и нравственно-идеологическом направлении.

В. С. Соловьев стал великим, осознав в мироздании единое начало и указав на него в самом человеке, народности и человечестве. Его идеи всеединства, так необходимые современному человечеству, нашли продолжение в трудах философов XX века. Однако, проблема современности в том, имперские идеи приходят в Россию в виде деструктивных европеизированных научных течений, в основе которых пропагандируются лишь насильственные способы единения. Когда-то Тютчев говорил о возможности скрепить мир не как Бисмарк и Революция – через кровь, а через любовь, что в этом должна быть русская позиция. Теория Соловьева давала шанс

ненасильственного пути к этому единству при условии доброй воли со стороны императорской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. –М., 1998. – 240 с.
3. Соловьев В.С. Сочинение в двух томах. Том 1. / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – 892 с.
4. Соловьев В. С. Сочинение в двух томах. Том 2. / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, – 822 с.
5. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии / С. С. Хоружский. – СПб.: Алетейя, 1994. – 448 с.
6. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. Соч. в 2-х тт. Т.2. / В. С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – 736 с.
7. Макарчина О.Д. Проблема национального и общечеловеческого в трудах В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева / О. Д. Макарчина // Вестник МГТУ. – 2008. – №1. – С. 24-33.
8. Соловьев В. С. Идея сверхчеловека [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/solovyev_vl/solovyev_v_s_idea_sverhcheloveka.html (дата обращения: 10.02.2023). – Загл. с экрана.
9. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vehi.net/soloviev/platon.html – Дата обращения: 10.02.2023. – Загл. с экрана.
10. Соловьев В. С. Первобытное язычество. Его живые и мертвые остатки / В. С. Соловьев // Русское обозрение. – 1890. – Т. IV. – С. 620-648.

ATTRIBUTES OF THE IMPERIAL IDEA IN THE PHILOSOPHY OF V.S.SOLOVIEV

Annotation. The article examines the philosophy of V. S. Soloviev through the prism of the main value attributes inherent in the imperial idea in Russia. The conciliar principle of organization is characterized and the content of the national idea, which is a form of imperial mass consciousness, is determined. At the same time, the position of V. S.Soloviev on the relationship between church and state, which in many respects has eastern political, legal and ideological qualities and values, is revealed.
Keywords: V. S. Soloviev, unity, nation, freedom, idea, Christianity.

Yakubenko O.
Scientific adviser: Matvienko E.Y., PhD in Law, Associate Professor
Donetsk National University
E-mail: olgayakubenko56@gmail.com

УДК 331.5-053.6

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Ян Е.В.
Научный руководитель: Ушакова К.С., ст. преподаватель
ГОУ ВПО «ДОННУ»

Аннотация. Актуальность исследования правовых проблем не только в рамках узко отраслевых особенностей, но и с применением междисциплинарных подходов в последнее время существенно возрастает. Неприкосновенность жилища как правовая категория нуждается в подобном осмыслении, поскольку большинство научных работ по ее изучению и анализу осуществляется обособленно представителями конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и жилищного права. Рассматриваются содержание понятия «жилище» и реализация принципа неприкосновенности жилища. Дается анализ различных позиций по вопросу о правовой природе права на неприкосновенность жилища.
Ключевые слова: принцип, неприкосновенность, жилище, судопроизводство, право.

Знаменитая фраза «Мой дом – моя крепость», которая принадлежит не менее знаменитому английскому юристу XVII века Эдуардом Коком в комментарии к своему юридическому трактату «Институции» (Institutes of thelaws of England) [1, с. 277], по

сей день является олицетворением принципа неприкосновенности жилища. Этот принцип является базовым для государств с различной правовой системой и формально определён в законодательстве многих стран современного мира.

Величайший знаток и аннотатор английского общего права – Эдвард Коук, в средние века совершил попытку ограничить королевскую власть, в праве свободного вхождения в чужие жилища. Английский юрист обосновывал свою правовую позицию, ссылаясь на обычаи того времени и правовые документы, но и до этого подданные Ее Величества считали свои жилища неприкосновенными для чужаков. В средневековой Англии обычный простолюдин мог не впустить в свой дом самого короля и не бояться последствий за данный поступок.

Сэр У. Пит, также английский правовед, согласен с позицией Эдварда Коука и свое мнение подкрепил, комментируя Великую Хартию Вольностей (Magna Carta 1215 г.). В своём труде он написал: «Самый бедный человек в своем доме может противостоять всем силам короны. Дом может разваливаться, крыша трястись, он может продуваться насквозь, и дождь может просачиваться через крышу, однако король Англии и все его силы не имеют права переступить через его порог» [2, с. 96]. Данное положение остаётся неизменным с течением времени, принцип неприкосновенности жилища получило свое развитие в конституциях большинства государств современного мира.

Принцип неприкосновенности жилища закреплен в статье 25 Российской Конституции: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе, как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [3].

Это конституционное положение развивается в отраслевом законодательстве. В частности, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ это положение прямо закреплено в статье 12, которая гласит, что обыск в жилище может быть произведен только с согласия жильца или на основании постановления суда (за исключением случаев, предусмотренных пунктом 5 статьи 165 УПК). Кроме того, обыски и выемки в жилищах могут проводиться на основании судебного решения (за исключением случаев, предусмотренных статьей 165 (5) Уголовно-процессуального кодекса). Поэтому более подробная реализация этого принципа может быть найдена в специальных нормах, применимых к этим следственным действиям (статьи 165, 177, 182 и 183 УПК).

Многие авторы отмечают, что конституционная норма содержит внутреннее логическое противоречие в виде противопоставления судебных решений и федерального закона как основания для проникновения в жилище [4, с. 22], что затрудняет ее правильное и однозначное толкование. Согласно этому положению, законное проникновение в жилище допускается «в случаях, предусмотренных федеральным законом или на основании судебного решения» [5, с. 123]. То есть, по тексту статьи 25 Конституции РФ, с одной стороны, судебное решение как основание для проникновения в жилище против воли жильца требуется только в том случае, если оно специально не указано в законе [6, с. 70], а с другой стороны, законодатель вправе предусмотреть любой случай ограничения неприкосновенности жилища без судебного решения [7, с. 29]. Эти случаи можно понимать как пребывание в пределах, формально разрешенных Конституцией РФ. Как и в случае с другими правами человека, провозглашение неприкосновенности жилища представляется едва ли совместимым с формальным допущением законодательного или судебного произвола при ее ограничении.

По нашему мнению, ограничение неприкосновенности жилища против воли его обитателей в уголовном процессе, где права личности наиболее ограничены, допустимо только в том случае, если оно предусмотрено законом и связано с предварительной или

последующей судебной проверкой его законности и обоснованности. «Статья 25 Конституции РФ, говоря о возможности проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц не только на основании судебного решения, но и в случаях, предусмотренных законом, как представляется, имеет в виду вовсе не возможность проведения обыска в жилище, с санкции прокурора или даже (в исключительных случаях) без санкции прокурора, но с последующим уведомлением его о проведенном обыске. Эта же статья имеет в виду будущий закон, закрепляющий четкий перечень исключительных случаев, не подлежащих расширительному толкованию» [8, с. 120].

В этой связи удачная формулировка приведена в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина (ст. 11), в которой говорится: «Жилище неприкосновенно. Никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц. Обыск и иные действия, совершаемые с проникновением в жилище, допускаются на основании судебного решения. В случаях, не терпящих отлагательства, возможен иной установленный законом порядок, предусматривающий обязательную последующую проверку судом законности этих действий». Данная статья демонстрирует, что неотъемлемое право на жилище подлежит судебной защите. Законное проникновение в жилище против воли жильца может быть осуществлено только в том случае, если это предусмотрено федеральным законом и основано на судебном определении, т.е. если соответствующий закон предусматривает предварительную или последующую судебную проверку законности проникновения. Декларация также ограничивает вторжение против воли жильцов жилища без предварительного судебного разрешения только в тех случаях, когда оно не может быть отложено. В действующем Уголовно-процессуальном кодексе принцип неприкосновенности жилища сформулирован с учетом этих положений. В ст. 12 УПК РФ предусмотрено, что «Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 ст. 165 настоящего Кодекса. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 ст. 165 настоящего Кодекса».

Поэтому, не выходя за рамки, разрешенные Конституцией РФ, данная статья определяет две отдельные отправные точки для следственных действий, связанных с проникновением в жилище. В случае обыска или выемки в жилище законность факта проникновения полностью зависит от получения судебного решения (до или после проникновения). В случае осмотра жилища процедура может проводиться на основании согласия жильца или, при отсутствии такого согласия, на основании постановления суда.

Конституция России (статья 25) устанавливает общий принцип неприкосновенности жилища как одно из проявлений права на неприкосновенность частной жизни и определяет условия, при которых можно отступать от него. Таким образом, тайна всего, что происходит в жилище, гарантируется этим принципом неприкосновенности. Концепция неприкосновенности жилища связана исключительно с вторжением в жилище посторонних лиц.

Что касается уголовного процесса, п. 10 ст. 5 УПК РФ определяет жилище как «индивидуальное жилище, состоящее из жилого и нежилого помещения, независимо от формы собственности, жилого помещения, входящего в жилищный фонд и используемого для постоянного или временного проживания, и иного помещения или строения, не входящего в жилищный фонд, но используемого для временного проживания».

Принцип неприкосновенности жилища закреплен в большинстве международно-правовых документов, ратифицированных Российской Федерацией, в том числе в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, где в п. 8 говорится: «Каждый

имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции» [9].

Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 17) гласит, что никто не должен подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную жизнь, дела семьи, дома или тайну корреспонденции, а также незаконным посягательствам на его честь и репутацию [10].

Данный принцип обеспечивает право на неприкосновенность частной жизни, уважение личной и семейной тайны, уважение чести и достоинства личности в уголовном процессе, поскольку именно эти права наиболее жестко ограничиваются в случаях процессуальных действий, связанных с проникновением в жилище. Внедрение этого принципа в правоприменительную практику сопряжено с трудностями в определении понятия "жилище" [11].

Автор И.А. Одношевин указывает, что специфика предмета правового регулирования в различных отраслях права делает невозможным сформулировать универсальное определение понятия "жилище", которое можно использовать на практике во всех отраслях правоприменения. Определения жилища, встречающиеся в различных отраслях права, отражают предмет каждой отрасли и решаемые ею вопросы [12, с. 1234].

Понятие жилища в ч. 10 ст. 5 УПК РФ шире, чем в ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 16 Жилищного кодекса РФ [13] и в комментарии к статье 139 Уголовного кодекса РФ [14]. Неприкосновенность жилища охраняется при расследовании уголовных дел и других процессуальных действий независимо от отнесения жилища к жилым помещениям и независимо от использования помещений для проживания людей или их пригодности для проживания. Сам факт использования участка или здания (даже временно) для проживания людей имеет юридическое значение. Таким образом, понятие жилища не исключает, например, неприкосновенной гарантии в отношении дома на территории индивидуального домохозяйства [15].

Как указал Конституционный суд Российской Федерации, условием признания нежилых помещений и зданий, не относящихся к жилищному фонду, жилыми является их использование для временного проживания. Это не исключает гарантии неприкосновенности в отношении зданий [16].

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод, термин «жилище» имеет еще более широкое значение. В ряде решений Европейский суд по правам человека занял правовую позицию, согласно которой термин «жилище» может также применяться к местам ведения бизнеса. Это связано с тем, что в некоторых областях (например, оказание юридической помощи адвокатами) профессиональная деятельность «может осуществляться вне рамок профессиональных вопросов в помещениях офиса или коммерческого предприятия так же, как и по месту жительства» [17].

К вторжению со стороны государственных органов в неприкосновенность жилища Европейский суд по правам человека относит, например: обыск в жилом помещении [18]; обыск в офисе адвоката [19]; посягательство сотрудников правоохранительных органов в жилище чтобы устранить конфликт [20]; проникновение лиц, исполняющее должностные обязанности, связанные с прохождением военной службы, в жилище для ареста [21].

Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года», права Европейского суда учитываются при применении законодательства России [22]. Согласно закону РФ, содержание прав и свобод должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемых Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому термин «жилище» должен быть соотнесен с его конвенционным значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Омельченко, О.А. Всеобщая история государства и права: учебник в 2 т. / О.А. Омельченко. – М.: Остожье, 1998. – Т. 1. – С. 277.
2. Петрухин, И.Л. Личные тайны (человек и власть) / И.Л. Петрухин. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1998. – С. 96.
3. Конституция РФ (с изм. и доп. на 30.12.2006 года) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Николюк, В.В. Вопросы теории и практики применения Конституции РФ в сфере уголовного судопроизводства / В.В. Николюк / / Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Материал международной практической конференции. Ч. I. – Иркутск, 1995. – С. 22;
5. Орлов, А.В. Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе: дис .... канд. юрид. н а у к /А.В. Орлов. – Саратов, 2004. – С. 123.
6. Дунаева, М.С. Основания и пределы вмешательства в частную жизнь граждан: дис .... канд. юрид. наук / М.С. Дунаева. – Иркутск, 2002. – С. 70.
7. Федоров, И.З. Применение в досудебных стадиях уголовного процесса конституционных норм, допускающих ограничение прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. З. Федоров. – М., 1998. – С. 29.
8. Лазарева, В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 120.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. на 11 мая 1994 г.) // СПС «Консультант Плюс».
10. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16. 12. 1966 г. // СПС «Консультант Плюс».
11. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
12. Одношевин И.А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. – № 6. – С. 1234.
13. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
14. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
15. Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2005 № 166-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 862-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Илюшкина Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 162 Уголовного кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».
17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.12.1992 по делу Нимитц против Германии (Niemietz v. Germany). § 28, 30 и 31 // Европейский Суд по правам человека. Избр. решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 771–772.
18. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.02.1993 по делу Функе против Франции (Funke v. France) // Там же. С. 793.
19. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.12.2008 по делу Алексанян (Aleksanyan) против РФ. Жалоба № 46468/06. § 212 // Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 1.
20. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.09.1998 по делу Маклауд против Соединенного Королевства (McLeod v. United Kingdom) // СПС «Консультант Плюс».
21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28.10.1994 Мюррей против Соединенного Королевства (Murray v. United Kingdom). § 88 // Европейский Суд по правам человека. Т. 2. С. 32–53.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

THE PRINCIPLE OF INVIOLABILITY OF THE HOME: LEGAL NATURE

Annotation. The content of the concept of «dwelling» and the implementation of the principle of inviolability of the dwelling are analyzed.
Keywords: principle, inviolability, housing, legal proceedings, law.

Yan E.
Scientific adviser: Ushakova K.S., Senior Lecturer
Donetsk National University
E-mail: elizavetka.yan@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Вестник студенческого научного общества
ГОУ ВПО «ДОННУ»
2023. – Вып. 15

Том 4
Юриспруденция
Часть 1

Оригинал-макет подготовлен *А.К. Ярошенко*

Подписано в печать 31.03.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 28,88

Издательство ГОУ ВПО «ДОННУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.